ИНСТИТУТ ПРАВА
Уфимский университет науки и технологий

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы XIX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых
(г. Уфа, 30 ноября - 2 декабря 2022 г.)

ИНСТИТУТ ПРАВА УФИМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. О.Е. КУТАФИНА
ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДОНБАССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СОВЕТ МОЛОДЫХ ЮРИСТОВ ПРИ БАШКОРТОСТАНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
XIX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых
(г. Уфа, 30 ноября–2 декабря 2022 г.)

Уфа
2022

УДК 340.1
ББК 67.0
П68

Ответственный редактор
канд. юрид. наук, заместитель директора Института права УУНиТ
по науке **Н.С. Латыпова**

Члены редакционной коллегии:
Владимиров И.А., канд. юрид. наук, доцент
Гимадрисламова О.Р., канд. юрид. наук, доцент
Горелов М.В., канд. юрид. наук, доцент
Ежова Е.В., канд. юрид. наук, доцент
Жемалетдинов Р.М., канд. юрид. наук, доцент
Коршунова М.П., ст. преподаватель
Касимов Т.С., канд. юрид. наук, доцент
Кострова М.Б., канд. юрид. наук, доцент
Мухамадеева Г.А., ст. преподаватель
Новикова О.И., канд. ист. наук, доцент
Сайфутдинова В.М., ст. преподаватель
Хазиева Р.Р., канд. филол. наук, доцент
Чечулина А.А., канд. юрид. наук, доцент
Юсупова Р.Р., канд. филол. наук, доцент

П68 **Правовая система и вызовы современности :** сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Уфа, 30 ноября – 2 декабря 2022 г.) / отв. ред. Н.С. Латыпова. – Уфа, 2022. – 1 электрон. опт. диск.

ISBN 978-5-91144-019-0

Настоящий сборник научных статей составлен по результатам XIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Правовая система и вызовы современности», проводимой Институтом права начиная с 2003 г. Материалы конференции могут представлять интерес для молодых преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и специалистов в области юридических наук.

ISBN 978-5-91144-019-0 © НИИ ППГ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ИСТОРИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Ахметьянов В.В. Правовой нигилизм: виды, причины, последствия и способы предотвращения 11

Богданов А.А. Основные проблемы развития правового государства в России 14

Блинова Ю.В. МРОТ и справедливая заработная плата работника: одного поля ягоды? 17

Еникеева Э.Р. Информационная система прослеживаемости лекарственных препаратов (ФГИС МДЛП) как цифровой инструмент государственного контроля обязательной маркировки лекарственных препаратов в Российской Федерации 21

Забирова Д.Р. Право социального обеспечения в эпоху цифровизации 27

Зарипов Д.Л. Проблема защиты прав человека в современных условиях 30

Исмагилова Р.Р. О некоторых вопросах полномочий главы муниципального образования на примере Республики Башкортостан 36

Ишмаев Ф.Э. Спортивная теория происхождения государства и ее место среди других теорий происхождения государства 40

Ишмакова Р.У. Нетипичные источники права 43

Маркелов К.А. Государственная власть в России 48

Никитина Г.А. Роль молодежи в укреплении современной российской государственности 52

Фаррахов Т.Р. Роль морали в формировании норм права 57

Чавлытко А.А. Травля в Интернет пространстве: феномен кибербуллинга 61

Чанбарисов Н.С. Современные модели государственного управления 65

Чанбарисов Н.С. **С**истема сдержек и противовесов в государственном управлении в США 70

Чингизова Г.Ф. Методы совершенствования правотворчества в органах муниципальной власти 73

Чингизова Г.Ф. Проблемы правотворчества органов местного самоуправления 78

СЕКЦИЯ 2. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Биндер А.Е. Проблемы защиты персональных данных как способа обеспечения конституционного права на неприкосновенность частной жизни 83

Еланская Д.А. Модернизация конституционных функций Президента России как гаранта обеспечения социальных прав граждан 90

Ермаков А.М., Николаева А.Е. Особенности правового режима береговой полосы в современном праве РФ 93

Макарова М.В. Перспективы развития Счетной палаты РФ на основе зарубежного опыта 97

СЕКЦИЯ 3. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Абзалов Э.И. Особенности правового регулирования предпринимательской деятельности в России 102

Баймухаметова Г.Г. Становление и развитие агентского договора в настоящее время 106

Волкова А.Д. Модификации видеоигр: соотношение фанатского творчества и неимущественных прав авторов 112

Гайнулова Ю.М. Понятие и признаки предпринимательской деятельности: нормативная регламентация и практика реализации 117

Зайцева Д.М. Актуальные проблемы дистанционного способа купли-продажи товаров 123

Зиннатутллина Э.Р. Частичная недобросовестность гражданина в деле о несостоятельности (банкротстве) 128

Иванченко Л.О., Савельев Д.А. Проблемные аспекты наследования выморочного имущества с точки зрения международного частного права 133

Игликов А.М. Проблемы определения содержания правовой категории «публичный порядок» 137

Исмагилов И.И. Правовая природа преддоговорных отношений 143

Ишмухаметова С.И. Формальная действительность арбитражного соглашения 147

Кутлугулов Э.И. Объекты незавершенного строительства в гражданском праве Российской Федерации 150

Мазалов А.А. Модель двойного владения недвижимостью в России и за рубежом 156

Маков А.С. Выморочное имущество: основные проблемы его законодательного урегулирования в Российской Федерации 159

Миргалиева А.Ш. Актуальные проблемы приватизации государственного и муниципального имущества 164

Муртазаева А.А. Правосубъектность наследственного фонда 168

Очкина А.А. Меры семейно-правовой ответственности за нарушение прав отцов 172

Сиражитдинов А.И. Особенности реализации гражданско-правового метода регулирования в период пандемии коронавируса (Covid-19) 175

Султанбеков Д.Р. Проблемы легального определения и оборота NFT в Российской Федерации 179

Султанбеков Д.Р. Обстоятельства непреодолимой силы в странах общего права 184

Тангаева О.А. Соотношение публично-правовых и частноправовых начал в правовом регулировании промышленных образцов 189

Тимофеева К.С. Установление критериев форс-мажора как необходимое условие применения данного института 193

Усманова О.А. Проблема патологических арбитражных оговорок 197

Утяшева В.В. К вопросу о судьбе имущества общего пользования в коттеджных поселках 204

Халявина А.Д. Сохранение арбитражной оговорки в уставе общества после приобретения публичного статуса: нарушает ли императивные нормы российского законодательства? 208

Цыбина Т.С. Теоретические аспекты семейно-правовой ответственности 214

СЕКЦИЯ 4. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Абдулова А.Р. Электронные доказательства в арбитражном процессе 217

Арсланов Д.А. Адвокатская монополия в арбитражном процессе: за и против 220

Белоусова О.И. Цифровизация в сфере апелляционного обжалования как способ борьбы со злоупотреблением процессуальным правом 225

Зайнагабдинова Д.А. Проблемы доказывания в арбитражном процессе 228

Кочкина Е.М. Проблемы цифровизации судебного процесса и внедрение искусственного интеллекта в гражданское и арбитражное судопроизводства 233

Кудояров А.Р. Развитие Арбитражного процессуального кодекса в Российской Федерации 241

Нуреева К.Д. Проблемы применения отдельных оснований для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам 244

Олифиренко А.А. Модернизация судебной защиты в процессе цифровизации экономики 248

Петров В.В. Принципы гражданского процессуального и арбитражного процессуального права в условиях цифровой трансформации 252

Потемкин К.А. К вопросу о сравнении судебного примирения и медиации в арбитражном процессе 257

Хасанова И.Р. Применение института медиации в арбитражном процессе 261

СЕКЦИЯ 5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Абоян А.А., Парин Д.В. Дипфейки: новая реальность, представляющая угрозу 265

Брежнев И.Д. Проблемы квалификации убийства, сопряженного с вымогательством 269

Должиков Р.С. «Существенный вред» как оценочное понятие уголовного права 274

Исаев Д.Р. Некоторые проблемы квалификации получения взятки как оконченного преступления 278

Калашников Н.А., Норкина Ю.С. Влияние политической ситуации на российское уголовное право 284

Ковшова И.В. Лица, осуществляющие организацию финансирования терроризма 289

Лифанов А.В. Проблемы назначения несовершеннолетним уголовного наказания в виде исправительных работ 296

Сиражитдинов А.И. Читерство как уголовно наказуемое деяние: международный опыт и уголовное законодательство России 299

Тройчук Р.О. Проблемные вопросы применения статьи 157 УК РФ и пути их решения 303

Тухватуллина И.И. Официальный документа как предмет служебного подлога: проблемные аспекты 308

Федоров А.А. Реальность опасности работ и услуг для жизни или здоровья потребителей как обязательное условие ответственности по статье 238 Уголовного кодекса РФ 314

Шарипов А.Д. Исторический опыт установления уголовной ответственности за инцест 320

СЕКЦИЯ 6. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Акбаров И.И. Некоторые вопросы использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве 327

Буренина Ю.С. Тактика проведения допроса беспризорных несовершеннолетних 331

Вахитова Л.Д. К вопросу проведения обыска несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) 335

Дружинина Н.Г. Криминалистическое значение подготовительного этапа допроса потерпевшего при расследовании уголовных дел об изнасилованиях и насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних 339

Лузянин С.Р. Ведомственный контроль и прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следователя 344

Миргаляутдинова И.И. О некоторых вопросах статуса прокуратуры в рамках координационной деятельности правоохранительных органов 349

Полякова А.А. Закрепление антикоррупционного стандарта поведения сотрудника полиции МВД России 352

Шаяхметова А.Д. Проблемы доказательственного значения результатов психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа 357

СЕКЦИЯ 7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, НАЛОГОВОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Абрамова К.И. Криптовалюта как новое явление в российском законодательстве 361

Баканов Ю.А., Никулин С.Д. Экологические и правовые проблемы, связанные с организацией мусорной реформы, свалками и утилизацией мусора в г. Санкт-Петербург 364

Белоусов А.И. Законодательные новеллы в сфере административного контроля за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием 369

Беляева Я.А. Дискриминация работников в сфере труда 372

Гиндуллина Ю.А. Правовое регулирование охраны окружающей среды от пластикового загрязнения 377

Данилин С.С. Совершенствование законодательства о многодетных семьях в целях реализации их права на получение налоговых льгот 382

Дингезбаева А.И. Налогообложение юридических лиц и ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах в России и США 386

Дмитриева А.А. Состояние опьянения как отягчающее обстоятельство в административном праве 392

Задёра В.В. Административная ответственность болельщиков за нарушение правил поведения при проведении официальных спортивных мероприятий 396

Кашапов В.Р. Защита социальных прав граждан РФ 399

Киракосов В.Б. Сравнительный анализ правового регулирования труда дистанционных работников в России и зарубежных государствах 403

Кропотов Р.Д., Нестерова Т.С. К вопросу о нормативном регулировании корпоративных чатов 408

Кудинов Д.С. Общепризнанные принципы и нормы международного права как источники административного права России 413

Майшева К.В. Продажа имущества в долевой собственности: пределы корректировки цены для целей НДФЛ 417

Мавлетхузин Т.И., Минабутдинова А.И. Восстановление НДС при реализации имущества в банкротстве: проблемы очередности уплаты 421

СЕКЦИЯ 8. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО, ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Агеева Ю.В. Тенденции развития международного права 426

Борисова О.Г. Права человека в период пандемии 429

Вахитова Л.Д. К вопросу о роли международного комитета Красного креста в международном гуманитарном праве 434

Исаев А.А. Взгляд на Россию глазами Японии, исторический аспект..... 437

Искужин И.И., Зарипов Т.Р., Зарипов Р.Р. «План Маршалла» как один из важных аспектов американской внешней политики на протяжении XX и XXI веков 444

Мартынова В.В. Международное сотрудничество таможенных органов стран-участниц ЕАЭС в области энергетики..... 447

Некрасов А.И. Перспективы расширения Шанхайской организации сотрудничества в контексте обеспечения безопасности..... 451

Пирогова Е.С. Направления и формы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом 455

Халитов И.В. Становление и перспективы развития нормативно-правовой базы современной России в сфере внешнеэкономических связей и внешнеэкономической деятельности..... 459

Шигапова Д.И. Проблемы определения правового положения участников вооруженных конфликтов..... 464

Якупова Э.Р. Миграционная политика в РФ: анализ и перспективы совершенствования законодательства 469

СЕКЦИЯ 9. СЕКЦИЯ ДОКЛАДОВ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Abkhalimov I.F. MODERNIZATION OF INDIVIDUAL COMPONENTS OF THE NATIONAL LEGAL SYSTEM IN THE DIGITAL AGE 472

Alekseeva D.A. THE USE OF MANIPULATIVE TECHNIQUES IN FOREIGN MASS MEDIA TOWARDS RUSSIA..... 478

Akhmetov R.R. FEATURES OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF LEGAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION..... 481

Aupov R.F. PREVENTION OF CYBERCRIME IN THE INTERNATIONAL COM-MUNITY 485

Batyrova A.F. LE "SOFT POWER" COMME INSTRUMENT DE DIPLOMATIE CULTURELLE À L'EXEMPLE DES ÉTATS-UNIS ET DE LA CORÉE DU SUD..... 489

Vasiliev A.E. ON ISSUES OF STATE REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY 493

Galiullina A.V. UNIFICATION AND HARMONIZATION OF LAW 497

Gimazov D.F. DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW CHANGE AND UPDATING OF LAW IN CONNECTION WITH THE DIGITALIZATION OF MODERN SOCIETY 500

Danilko A.N. L'IMPACT DE LA PANDÉMIE COVID-19 SUR LA LÉGISLATION DE LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE 503

Ismagilov I.I. LEGALREGULATION OF THE USE OF BIOMETRIC DATA..... 506

Madyarova A.I. PROBLÈMES DE RÉGLEMENTATION JURIDIQUE DE L'ESPACE ARCTIQUE 513

Makarova Y.S. THE RIGHT TO A DECENT LIFE: CONCEPT AND CRITERIA..... 516

Markelov D.A. GENERAL PRINCIPLES OF LAW IN THE ROMANO-GERMANIC LEGAL SYSTEM..... 519

Mirgalyautdinova I.I. CHALLENGES AND WAYS TO ENHANCE THE STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE COORDINATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIGHT AGAINST CRIME..... 523

Mustafin Ch.S. PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MEDIATION IN RUSSIA 526

Petukhova A.S. LEGAL NATURE OF A DOMAIN NAME: THE POSSIBILITY OF INHERITANCE..... 528

Rodionova A.S. ANALYSE PSYCHOLINGUISTIQUE DU DISCOURS D'UN HOMME POLITIQUE MONDIAL (EXEMPLE DE LA DISCUSSION POLITIQUE DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE FRANÇAISE EMMANUEL MACRON)..... 534

Savin A.M. PROBLEMS OF LEGAL REGULATION ORGANIZATIONS FOR SEPARATE COLLECTION AND PROCESSING SOLID MUNICIPAL WASTE IN THE RUSSIAN FEDERATION..... 537

Sajfutdinov R.R. REGARDING THE DIFFERENCES IN THE MECHANISM FOR ELECTING THE PRESIDENT BETWEEN THE FRG AND THE USA 541

Sultanbekov D.R. PROBLEMS OF LEGAL DETERMINATION AND TRAFFIC OF NFT IN THE RUSSIAN FEDERATION 544

Utyasheva V.V. TO THE ISSUE OF SEPARATION OF POWERS AS BEING CENTRAL LEGAL STRUCTURE..... 549

Yuldasheva A.I. THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN RUSSIA 553

Yakupov D.D. JUDICIAL PRECEDENT AS A SOURCE OF LAW 557

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ИСТОРИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

УДК 340.1

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: ВИДЫ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СПОСОБЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Ахметьянов Владислав Венерович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
Vakhmetyanov5@mail.ru
Научный руководитель:
Касимов Тимур Салаватович
Доцент кафедры теории государства и права УУНиТ, к.ю.н,
г. Уфа, Россия

Актуальность этой работы заключается в том, что в последнее время в Российской Федерации растёт уровень правового нигилизма, что является негативным фактом, однако государство и гражданское общество работают над этой проблемой. Целью работы является анализ понятия правового нигилизма, его видов, причин возникновения и способов предотвращения. Исследование позволило выявить, что уровень правового нигилизма вполне реально снизить при совместном участии в решении граждан и государства.

Ключевые слова: правовой нигилизм, Конституция РФ, правовое государство, правовая культура, гражданин, преступление

В статье 1 Конституции Российской Федерации закреплено, что Россия является правовым государством. Наличие данного положения означает, что в государстве обеспечивается верховенство закона и главной целью её деятельности является защита и соблюдение прав и свобод граждан, а также обеспечение выполнения обязанностей. Однако в современном обществе есть факторы, носящие деструктивный характер и впоследствии снижающие эффективность подобной деятельности.

Одним из таких факторов становится явление правового нигилизма. А. А. Мусаткина в своих научных работах определяет правовой нигилизм следующим образом: «Это отрицательное отношение к праву, закону и правовым формам организации общественных отношений» [1, с. 280].

Профессор Н. И. Матузов, рассуждая о сущности рассматриваемого понятия, заявляет, что «правовой нигилизм – сложное и многоаспектное явление, суть которого заключается в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку» [2, с. 2082].

По мнению А. Н. Зрячкина, правовой нигилизм – «это порожденное социальной средой активное или пассивное отрицание установленных государством правовых норм, препятствующее прогрессивному развитию общества и способное стать питательной средой для совершения противозаконных деяний» [3, с. 14].

Таким образом, обобщая вышеприведенные позиции ученых, можно заключить, что правовой нигилизм – это негативное отношение граждан к правовой системе, системе государственных органов и государству в целом, возникающее из-за недостаточного уровня развития правовой культуры граждан, несоблюдения их прав и свобод, превышения и злоупотребления полномочиями должностными лицами.

Это отношение к праву имеет различную степень интенсивности. Поэтому различают пассивные и активные формы правового нигилизма. Пассивная форма в обществе характеризуется неверием в возможности права, непризнанием его роли в обществе, распространением позиции, что существуют регуляторы намного важнее, чем право. Активная форма характеризуется враждебным отношением к законам, пропагандой агрессивного отношения к правовой системе среди других граждан, например, анархизм – система взглядов, отрицающая государственность и систему законов и управления. Активные формы выражения правового нигилизма многообразны: совершение преступлений и иных правонарушений, массовое несоблюдение возложенных обязанностей, подмена законов иными актами и др.

Профессор В. А. Туманов выделял три вида правового нигилизма: идеологический, обыденный и ведомственный [4, с. 20]. Идеологический вид правового нигилизма характеризуется тем, что в обществе и государстве происходит принижение роли закона, которое характеризуется его игнорированием. Ведомственный правовой нигилизм возникает из-за превышения должностными лицами своих полномочий, а также из-за их игнорирования и злоупотребления правовыми нормами. Обыденный вид правового нигилизма тесно переплетен с правовой неосведомленностью. При таком виде нигилизма человеку легче избегать права, чем удовлетворять свои интересы в его рамках. Обыденный вид распространен в массовом сознании, а ведомственный характерен для административно-управленческой системы.

Правовой нигилизм проявляется в различных формах, в том числе: преступления и иные правонарушения; злоупотребления правом; несоблюдение юридических предписаний; издание правовых актов, противоречащих актам более высокого уровня.

Правовой нигилизм формируется тогда, когда люди разочаровываются в системе права, в органах власти. Например, предпосылками развития правового нигилизма в советский правовой период, по мнению А. А. Мусаткиной, являлось недоверие к власти, безнаказанность должностных лиц, нарушивших права других граждан, пороки правосудия. Для демонстрации этого вышеуказанный автор приводит следующий пример: в определенный период существования СССР была провозглашена диктатура пролетариата, которая сопровождалась игнорированием мнения меньшинства, массовыми репрессиями (высылками из страны,

лишениями свободы, расстрелами и др.) людей, имеющих иные альтернативные взгляды, агрессивной пропагандой и унификацией взглядов общества, что способствовало разочарованию людей в своих возможностях, так как любые иные взгляды, противоречащие идеологии государства, пресекались.

Пути преодоления правового нигилизма видятся в повышении уровня правовой культуры, профилактики правонарушений и преступлений, принятии новых продуманных нормативных правовых актов и реформировании старых, с учетом интересов граждан.

В качестве одного из инструментов повышения уровня правовой культуры на пути преодоления правового нигилизма можно привести в пример Юридическую клинику при Институте права Уфимского университета науки и технологий. Деятельность данного структурного подразделения направлена на предоставление гражданам возможности получить бесплатную юридическую консультацию по гражданским, жилищным, семейным и наследственным юридическим вопросам путём оказания юридической помощи студентами при участии преподавателей-наставников. Данная работа позволяет получить студентам новые навыки и опыт в сфере практической юридической деятельности, а также помочь гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, с непонятными им правовыми вопросами на безвозмездной основе, что способствует повышению уровня правовой осознанности и правовой культуры, которые достигаются путём разъяснения вопросов студентами юридической клиники.

Также в качестве инструмента преодоления правового нигилизма можно рассматривать специальное приложение «Помощник Москвы». Любой желающий гражданин может сообщить о неправильной парковке, парковке на газоне или тротуаре в Москве. За каждый выписанный в результате жалобы за неправильную парковку штраф, свидетель мог получить 200 баллов. Их можно потратить в магазине, на проезд, оплату парковки и многое другое. Исходя из вышеописанного, можно сделать вывод, что данный метод формирует систему поощрения за содействие правоохранительным органам в обеспечении безопасности и правопорядка и препятствует желанию людей парковаться в неправильных местах, так как шанс остаться безнаказанным становится маловероятным, что позитивно влияет на преодоление проблемы правового нигилизма и предотвращает правонарушения.

Таким образом, правовой нигилизм и пути его преодоления не являются лишь абстрактными теоретическими понятиями. Примеры правового нигилизма можно встретить в обыденной жизни. Наряду с этим и пути преодоления данного правового явления не являются чем-то недосягаемым. Внести вклад в уменьшение уровня правового нигилизма могут как студенты юридических специальностей, так и просто ответственные граждане.

Библиографический список

1. Теория государства и права: учебник / А.А. Гогин, Д.А. Липинский, А.В.Малько, [и др.]; под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М: Проспект, 2015.

2. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. №12. С. 2082-2089.

3. Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

4. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. - М.: Наука, 1989, № 10. С. 20-27.

УДК 340

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Богданов Альберт Аскарович
студент Института права УУНТ, г. Уфа, Россия
albertbogdanov496@gmail.com
Научный руководитель:
Баранова Екатерина Сергеевна
доцент кафедры теории государства и права Института права УУНТ, к.ю.н, г. Уфа, Россия

В статье исследуются основные проблемы и условия формирования правового государства в РФ, рассматриваются понятия права и правового государства. Правовое государство, как определенная философско-правовая теория и практика организации конструктивной политической власти, а также обеспечения прав и свобод граждан, является одной из важнейшей общечеловеческой ценностей. Методологическую основу статьи составляет совокупность общенаучных и частно-научных методов познания. При изучении пробелов концепции правового государства следует рассматривать вопросы как с позиции нормы права, так и с точки зрения справедливости действий государства.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, правовое государство, правовая культура, правосознание, право.

Под правовым государством понимается такое государство, которое в своей работе руководствуется требованиями только правовых предписаний, правовых основ, а не действует в угоду политической элите, олигархам и транснациональным корпорациям, лоббирующим свои интересы в процессе реализации государственными органами их функций, не под влиянием сложившейся в некоторый момент популистской конъюнктуры, особенно предвыборной, и тем более не под влиянием коррумпированных чиновников и преступных сообществ. Идея правового государства была актуальной и в прошлом. Основной причиной такого внимания к правовому государству заключается не только в гуманизме самой идеи его возникновения, но и в поисках путей её наиболее целесообразного оформления и эффективного осуществления.

В 1993 году Конституция объявила РФ правовым государством. Одним из важных моментов действующей Конституции РФ называют в ст.1 характеристики России как правового государства: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»[1]. Конституция РФ впитала основные достижения правовой науки.

Процесс создания правового государства в России занимает достаточно много времени. Рывок к этой цели в значительной мере будет зависеть от решения ряда проблем, которые стоят перед властью и народом: укрепление государственной власти, развитие гражданского института, соблюдение принципов общественной справедливости. Важность права, как социального института, содержится в его установленном назначении регулировать общественные отношения. Идея формирования правового государства находится в центре современного юридического правосознания. Базой для построения современного правового государства является реализация принципа разделения властей, чтобы властные полномочия были сбалансированы между различными государственными органами, чтобы исключить сосредоточение всех полномочий [1, с. 27].

При изучении пробелов теории правового государства следует рассматривать возникающие вопросы как с позиции нормы права, так и с точки зрения справедливости действий государства. В начале 90-х годов началось активное становление правового государства, в то время, как опыт эволюционного развития политических институтов и государства, а также постепенное укрепление правовой базы правового государства – практически отсутствовали.Стоит выделить наиболее известные проблемы, которые препятствуют развитию правового государства: неразвитость гражданского общества, которая во многом известна ошибками реформаторов начала 1990-х годов (политическая неструктурированность общества), ущемление свободы слова и СМИ, несоблюдение автономии местного самоуправления; правовой нигилизм, медленное развитие рыночного хозяйства, что не даёт свободу предпринимательству; не обеспечение равенства граждан перед законом и судом, которые прописаны на бумаге; нарушение избирательных прав граждан, фальсификации, искажение правосознания [2, с. 24].

Исторический путь нашего государства показывает, что в истории России обнаруживаются проблемы перспективного развития гражданской культуры и гражданских институтов. В Российском государстве на всех этапах своего существования стремились подавить любые проявления автономии личности и общества. Гражданское общество ещё находится на стадии развития, характерна нестабильность общественных отношений, его структура аморфна. Впервые в истории советского законодательства давались классификация оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, а также классификация форм защиты гражданских прав [3, с. 128].

---

[1]Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 13.11.2022).

Проблему искажения правосознания, т.е. психического отражения человеком государственно-правовой действительности в виде общественных понятий и образов, стоит преодолевать. Деформация правосознания же представляет собой искажение психического отражения человеком государственно-правовой действительности в виде обобщенных понятий и образов, их неверное понимание либо отрицание. Деформация правосознания в любом обществе является сильнейшим фактором, отрицательно влияющим на процесс построения правового гражданского общества. Поэтому устранение дефектов правосознания является одним из важнейших направлений деятельности любого современного государства.

Говоря о проблемах в правовой культуре, стоит отметить, что, если она неразвита, находится на низком уровне, государственные и правовые институты отрицаются большинством членов общества как ценность. Общественные отношения регулируются иными, внеправовыми и внегосударственными средствами. В данном случае необходимо понимать, что правовая культура не может быть изолирована от общей культуры общества. Не может быть в некультурном обществе высокой правовой культуры, и наоборот, в культурном, цивилизованном обществе не может быть низкой правовой культуры.

Одной из наиболее главных проблем развития правового государства является грубое нарушение в стране принципа верховенства права. Значительная часть норм, закрепленная федеральным законодательством, не реализуется, действует лишь формально. Государство не всегда оказывается способным обеспечить права и свободы граждан в разных сферах жизнедеятельности. Успешное решение данной проблемы поможет создать благоприятную почву для создания правового государства. Необходимо достигать высокого уровня правового и политического сознания: создание непротиворечивого законодательства, развитие общей культуры и правовой, утверждение принципа плюрализма мнений и суждений во всех сферах.

Главным катализатором создания правового государства является высокий уровень развития экономики страны. В малом бизнесе еще нет свободы в полном объеме. Предприниматель не может почувствовать свою власть и возможность в экономической сфере, что не позволяет раскрыть свой потенциал. В результате чего происходит рост люмпенизированного слоя населения, замедленный выход к рыночным отношениям. Государство должно разрабатывать продуманную кредитно-финансовую политику, юридически обеспечивать неприкосновенность частной собственности.

С началом рыночных отношений в России начала формироваться группа людей, которая напоминала по своим параметрам средний класс. Огромный удар по среднему классу был нанесен кризисом 1998 года. Развитие среднего класса возможно при наличии непротиворечивых внутренних и внешних факторов.

Развитие правового государства – сложный процесс, гдереализовывать данные цели нужно поэтапно и грамотно, с учетом исторических и национальных особенностей страны. Необходимо максимально использовать уже накопленный опыт других стран по осуществлению правовых реформ, усиленно развивая уровень производительных сил и правового сознания граждан России.

Правовое государство построить за пару лет невозможно. В других странах данное явление протекало долго, в течение столетий, постепенно совершенствовалось. Стоит преодолевать эти препятствия, активно осуществлять свои конституционные избирательные права, участвовать в политической жизни страны, заявлять о своих правах.

Библиографический список

1.Баранова Е.С. Актуальные проблемы государства и права на современном этапе. Сборник научных статей по материалам VI Республиканской научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. Ответственный редактор Р.М. Усманова. 2017. С. 26-29.

2. Рубанцова Т.А., Фомина Н.А. Проблемы построения правового государства в России // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 23-26.

3. Чашин А.Н. Теория государства и права: учебник / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2019. 406 с.

УДК 349.2

МРОТ И СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОТНИКА: ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ?

Блинова Юлия Викторовна,
студентка Алтайского государственного университета
г. Барнаул

Целью настоящей статьи выступает рассмотрение правового регулирования минимального размера оплаты труда в России в динамике, формулирование субстантивных признаков минимального размера оплаты труда. При написании статьи использованы методы: формально-юридический, сравнительно-исторический, анализа и синтеза. На основе проведенного исследования делается вывод, что с момента принятия ТК РФ в трудовом праве подходы к МРОТ варьируют от легального к легально-прецедентному и, наконец, к прецедентно-экзекутивному. В вопросе регулирования МРОТ целесообразно исходить из двух его признаков: монолитность и интранзитивность.

Ключевые слова: легальный МРОТ, прецедентный МРОТ, экзекутивный МРОТ, монолитность МРОТ, интранзитивность МРОТ

Цель. В современных реалиях вынужденного импортозамещения очень высока роль стимулирования работника на достижение высоких результатов труда, в т. ч. необходимостью перехода от дешевого низкоэффективного труда к автоматизированному производству [7, с. 196], чего невозможно добиться без

создания необходимых условий, ключевым из которых по-прежнему выступает оплата труда. Вместе с тем в России с 2007 года фактически сложилась ситуация, когда многие работники финансово не заинтересованы в улучшении качества труда. Целью настоящей статьи выступает рассмотрение правового регулирования минимального размера оплаты труда в России в динамике, формулирование субстантивных признаков минимального размера оплаты труда.

Материалы и методы. При написании статьи использованы методы: формально-юридический, сравнительно-исторический, анализа и синтеза. Материалом для статьи послужили нормы ТК РФ, сопутствующее законодательство, правоприменительная практика российских судов за период 2001-2022 гг., а также отечественная доктрина (О.А. Аксенович, С.В. Алексеев, Н.В. Антонова, Е.М. Бутаева, В.А. Вайпан, С.Ю. Головина, С.В. Каменская, Е.В. Козина, Т.Ю. Коршунова, Н.М. Саликова, А.С. Шевякин, А. Шило).

Результаты. С момента принятия ТК РФ в трудовом праве подходы к МРОТ варьируют от легального к легально-прецедентному и, наконец, к прецедентно-экзекутивному. В вопросе регулирования МРОТ целесообразно исходить из двух его признаков: монолитность и интранзитивность.

Обсуждение. В соответствии с ч. 3 ст. 37 Конституции РФ каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ). Данная норма развивается в ст. 133 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ): месячная заработная плата работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже МРОТ.

Как отмечают многие теоретики, юридическая эффективность самого справедливого закона может быть сведена к нулю дефектами его реализации, и прежде всего – правоприменением, и без эффективных экономических предпосылок любая юридическая норма рискует остаться фикцией [4, с. 7, 2].

Анализу соотношения отраслевого принципа об обеспечении каждого работника и его семьи справедливой и достойной заработной платой целесообразно предпослать его рассмотрение в динамике, благодаря чему позволительно в зависимости от способа установления наметить три вида МРОТ, существовавшие (иногда в сочетании) в разные периоды действия современного ТК РФ: легальный, прецедентный и экзекутивный.

Легальный МРОТ установился в трудовом праве РФ с момента введения 01.02.2002 года действующего ТК РФ и продлился по 31.08.2007. Основная особенность легального МРОТ заключается в том, что структура МРОТ и начальный уровень работника были зафиксированы на законодательном уровне с помощью негативных определений: законодатель четко указал виды выплат, которые не входят в МРОТ; точкой отсчета при установлении минимальной заработной платы является неквалифицированный работник (ст. 129, 133 ТК РФ (в ред. от 15.01.2007). На законодательном уровне также определялся размер МРОТ. В связи со сказанным данный период можно условно назвать периодом легального МРОТ.

Последствием принятия федерального закона от 20.04.2007 № 54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон »О минимальном размере оплаты труда» и другие законодательные акты Российской Федерации» стало частичное (структура, точка отсчета) вытеснение легального МРОТ прецедентным [8], а период можно обозначить как легально-прецедентный. Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ попеременно обращаются к толкованию норм ст.ст. 129, 133 ТК РФ, иногда допуская поворот позиции по этому вопросу на 180 градусов. Так, большой неожиданностью для юридического сообщества стало Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.08.2016 № 72-КГ16-4, которым суд допустил согласно реформированному законодательству возможность существования оклада ниже МРОТ, если совокупно со всеми частями размер заработной платы будет не меньше МРОТ; подобные решения встречались и ранее, например, Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ 21.05.2010 № 8-В10-2 и др. На сегодняшний день путем судебных баталий (отвоевывалась каждая доплата/ выплата) установилось относительно устойчивое представление, что районный коэффициент и процентная надбавка, начисляемые в связи с работой в местностях с особыми климатическими условиями (Постановление КС РФ от 07.12.2017 № 38-П и др.); выплаты, связанные со сверхурочной работой, работой в ночное время, в выходные и нерабочие дни (Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 17-П и др.); доплата за совмещение должностей (Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.2019 № 40-П и др.); негарантированные премии (Постановление Верховного Суда РФ от 10.02.2020 № 65-АД20-1 и др.) не входят в МРОТ, потому должны начисляться сверх МРОТ.

Несомненно, прецедентный способ определения структуры МРОТ не направлен к выгоде работника в силу ряда причин: 1) способ не обладает постоянством ввиду внешних (политика, экономика) и внутренних (право) причин, включая факт, что прецедентность в России реализуется не по правилам, принятых в странах общего права (т. е. каждое последующее решение высшей судебной инстанции отменяет предыдущее, потому отменяющих решений может быть неограниченное количество, в то время как «первый» прецедент в английском праве один); 2) реализация способа имеет индивидуальный характер: работник в итоге может не добиться требуемого размера оплаты труда вследствие, например, ошибок представителя или (?) принадлежности к иностранцам из недружественных государств. Причины, обозначенные здесь, разумеется, никоим образом не связаны с трудом как таковым. Именно поэтому большинство трудовиков так активно настаивают на возвращении прошлой редакции ст.ст. 129. 133 ТК РФ, с «гарантированным» МРОТ [2, 5, 6]. И получается, единственным бенефициаром от прецедентного МРОТ выступает государство, которое в случае наступления мировых экономических кризисов, санкций, внутригосударственных спадов экономики может «выходить» за счет вознаграждения за труд работника.

В целом солидаризируясь с вышеназванными учеными, полагаю, в вопросе регулирования МРОТ целесообразно исходить из двух его признаков: 1) монолитность МРОТ (только вознаграждение за труд, исключая иные доплаты/

выплаты); 2) интранзитивность МРОТ (недопустимость перевода стимулирующих и пр. выплат/ доплат в вознаграждение за труд и наоборот, например, оплату работником самому себе премий за счет отработанных свыше нормы часов).

На текущий момент в России наряду с прецедентным МРОТ благодаря п.п. 17, 18 ст. 18 Федерального закона от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» получил путевку в жизнь экзекутивный МРОТ (период прецедентно-экзекутивного МРОТ). Уже 28.05.2022 Правительство РФ издает Постановление № 973 «Об особенностях исчисления и установления в 2022 году минимального размера оплаты труда, величины прожиточного минимума, социальной доплаты к пенсии, а также об утверждении коэффициента индексации (дополнительного увеличения) размера фиксированной выплаты к страховой пенсии, коэффициента дополнительного увеличения стоимости одного пенсионного коэффициента и коэффициента дополнительной индексации пенсий, предусмотренных абзацами четвертым - шестым пункта 1 статьи 25 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», которым МРОТ в России увеличивается с 01.06.2022 на 10 %. Одной из главных причин обращения к делегированному законодательству считается ускоренное принятие правового акта, по сравнению с парламентским законотворчеством, т. н. опережающее законотворчество. Ускорение, в частности, требуется при наступлении экономических кризисов, введении чрезвычайного положения, во время мировых войн и др. [1, с. 80]. Однако же не стоит забывать, что истории России уже известны случаи делегирования законодательных полномочий Президиуму Верховного Совета СССР, тем не менее вопрос здесь ставится не в связи с принципиальной невозможностью данной процедуры, а в связи с количеством делегирований: по мнению А.С. Автономова, законодательная деятельность в порядке делегирования должна производиться в исключительных случаях, в противном случае теория разделения властей теряет смысл [цит. по: 1, с. 82]. В заключение необходимо сделать оговорку, что по состоянию на 20.11.2022 Постановление Правительства РФ № 973 (иные акты) не проливает свет на соотношение МРОТ и иных доплат/ выплат, потому, как отмечено выше, целесообразно говорить о сосуществовании в трудовом праве в настоящий период прецедентного и экзекутивного МРОТ.

Заключение. Таким образом, говоря о соотношении МРОТ и справедливой (достойной) заработной платы работника, следует признать, что такое соотношение на сегодняшний день не вполне просматривается. А потому до тех пор, пока не будет решен основной вопрос трудового права, включая оптимизацию правоприменения, бежать навстречу амбициозным целям не на бумаге вряд ли удастся: сколь угодно долго можно пытаться варить кашу из топора, не добавляя туда кашных ингредиентов, можно в итоге даже что-то сварить, но тогда, очевидно, блюдо на выходе следует именовать как-то иначе.

Библиографический список

1. Аксенович О.А. Понятие и современное значение делегированного законодательства // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 80-86.
2. Алексеев С.В., Антонова Н.В., Каменская С.В., Коршунова Т.Ю. Научно-практический комментарий к разделу VI Трудового кодекса Российской Федерации (главы 20-22) «Оплата труда и нормирование» (под ред. к.ю.н. Т.Ю. Коршуновой), 2020 // СПС Гарант.
3. Бутаева Е.М. Принцип защиты экономически слабой стороны в трудовых отношениях по оплате труда // Гражданин и право. 2020. № 10 // СПС Гарант.
4. Вайпан В.А. Принцип социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Гражданское право. 2016. № 2. С. 3-8.
5. Головина С.Ю., Саликова Н.М. О правовом содержании категории «минимальный размер оплаты труда» // Российский юридический журнал. 2018. № 5 // СПС Гарант.
6. Козина Е.В. «Минимальный размер оплаты труда» и «размер минимальной заработной платы: терминологическая разница в действующем законодательстве, проблемы правоприменения и позиции Верховного Суда Российской Федерации // Трудовое право. 2010. № 6 // СПС Гарант.
7. Шевякин А.С. Повышение минимального размера оплаты труда как инструмент преодоления высокого уровня дифференциации доходов населения в условиях региональной экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 9 (ч. 2). С. 193-196.
8. Шило А. Верховный Суд РФ пересмотрел структуру МРОТ? // В курсе правового дела. 2010. № 7 // СПС Гарант.

УДК 34.01

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ПРОСЛЕЖИВАЕМОСТИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ (ФГИС МДЛП) КАК ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ МАРКИРОВКИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Еникеева Элина Ринатовна,
студент Институт права УУНиТ,
Россия, г. Уфа

Статья посвящена государственному контролю обращения лекарственных средств с помощью Федеральной Государственной Информационной Системы Мониторинга Движения Лекарственных Препаратов (ФГИС МДЛП) в РФ. В статье рассматриваются основные преимущества, связанные с работой в

системеФГИС МДЛП, для органов исполнительной власти и служб надзора с целью предотвращения нарушения законодательства в сфере обязательной маркировки лекарственных препаратов.

Ключевые слова: маркировка, маркировка средствами идентификации, мониторинг обращения лекарственных препаратов, ФГИС МДЛП, государственный контроль.

В целях обеспечения контроля качества лекарственных препаратов для медицинского применения, находящихся в обращении, защиты легального оборота о фальсифицированных, контрафактных, а также недоброкачественных лекарственных средств, в Российской Федерации с 2015 года велась работа по созданию информационной системы, обеспечивающей контроль обращения лекарственных препаратов.Так в перечень поручений Президента Российской Федерации от 20 февраля 2015 года № Пр-285 был включен пункт5: «Министерству здравоохранения Российской Федерации обеспечить разработку и поэтапное внедрение автоматизированной системы мониторинга движения лекарственных препаратов от производителя до конечного потребителя с использованием маркировки (кодификации) и идентификации упаковок лекарственных препаратов в целях обеспечения эффективного контроля качества лекарственных препаратов, находящихся в обращении, и борьбы с их фальсификацией».

В свою очередь Правительство Российской Федерации, в целях проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики, в том числе в области здравоохранения, приняло постановление от 24.01.2017 № 62 «О проведении эксперимента по маркировке контрольными (идентификационными) знаками и мониторингу за оборотом отдельных видов лекарственных препаратов для медицинского применения».

Исходя из этого приоритетным направлением было определено внедрение системы мониторинга движения лекарственных препаратов (далее ЛП) для медицинского применения и медицинских изделий в целях снижения объема фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных препаратов и медицинских изделий.

В соответствии с вышеуказанными нормативными актами и была создана федеральная государственная информационная система мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения (ФГИС МДЛП) от производителя до конечного потребителя.

В течение двух лет до 31 декабря 2019 года на территории Российской Федерации проводился эксперимент по маркировке цифровыми средствами идентификации и мониторингу обращения отдельных видов лекарственных препаратов для медицинского применения.

27 декабря 2019 года был принят Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 462-ФЗ»О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»[1], которым с 1 июля 2020 года вводиласьобязательная маркировка лекарственных препаратов для медицинского применения и требования внесения сведений о них в федеральную государственную информационную

систему мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения (ФГИС МДЛП).

ФГИС МДЛП - система маркировки и прослеживаемости присваивает каждому товару уникальный цифровой код DataMatrix, который содержит помимо основной информации о продукте (GTIN[1]и серийный номер), криптоключи защиты и проверки [2],гарантируя невозможность его массового копирования и подделывания.

Оператором ФГИС МДЛП с 1 ноября 2018 года является ООО «Оператор-ЦРПТ[2]« [3].

По состоянию в ноябре 2022 года во ФГИС МДЛП зарегистрировано 105 422 участника(производители лекарственных средств как российские, так и зарубежные, оптовые, аптечные и медицинские организации).

В связи с внедрением ФГИС МДЛП значительно эффективнее реализуется контрольная функция для государственных надзорных органов, посредством предоставления доступа к информации, содержащейся в системе ФГИС МДЛП. Данные используется и сверяется в целях осуществления различных функций мониторинга движения лекарственных препаратов.

Для контрольно-надзорных органов Российской Федерации в ФГИС МДЛП разработаны специальные личные кабинеты, доступ к которым осуществляется посредством веб-браузера. В персональных личных кабинетах сотрудники федеральных органов исполнительной власти имеют возможность просмотреть историю жизненного цикла любой уникальной потребительской упаковкилекарственного препарата, произведенной с целей обращения на территории России.

Также следует отметить, специальный инструмент, который доступен в личном кабинете для контрольно-надзорных органов, называемый «Треккинг SGTIN[3]«. С использованием данной функции доступен просмотр детальной информации по истории жизненного цикла любой сериилекарственного препарата в том числе, с получением всей информации, регистрируемой участниками оборота. На экранной форме, которая носит название «Трекинг SGTIN», отражается информация о виде операции, участнике, который ее зарегистрировал, дата и время совершения операции, место совершения операции и стоимость. При этом имеется возможность отображения движения в виде графического изображения с использованием геоинформационных сервисов.Операции, совершаемые за пределами территории России, отражаются схематично одной точной отражающей страну регистрации производителя упаковщика. А прослеживаемость на территории Российской Федерации уже является адресной и на основании информации о географических координатах каждого места осуществления деятельности,

[1]GTIN - (англ. GlobalTradeItemNumber, также ГТИН) — глобальный номер товарной продукции в единой международной базе товаров GS1.

[2] ЦРПТ - Центр развития перспективных технологий

[3]SGTIN (SerializedGlobalTradeItemNumber) состоит из глобального номера товарной продукции (GTIN) и уникального серийного номера.

содержащих идентификаторы ФИАС[1], согласно лицензиям (на производство, фармацевтическую деятельность, медицинскую деятельность) все изменения местоположения отображаются графами на геокарте [8].

Таким образом, контрольно-надзорные органы получает возможность отслеживать выпущенные объемы лекарственных средств, время изготовления, можно также проконтролировать, сколько препаратов доставлено на склады и в каждую из аптечных точек. Тем самым нивелируется риск продажи поддельного препарата.

Для Министерства Промышленности и Торговли Российской Федерацииисозданы инструменты для эффективного осуществления лицензионного контроля производителей ЛП, отслеживания выпуска производственных ресурсов и анализ соответствия производственных мощностей на территории Российской Федерации требованиям законодательства РФ.

Для МинистерстваЗдравоохранения Российской Федерации (Минздрав России), которое в рамках проекта по созданию ФГИС МДЛП являлось основным функциональным заказчиком и выполняло роль оператора данных и оператора сервисов, созданы инструменты оперативного мониторинга государственных закупок и анализа обеспеченности субъектов Российской Федерации необходимыми объемами лекарств.

Для Федеральной Таможенной Службы России ФГИС МДЛП – это создание дополнительных средств проверки и мониторингов импорта продукции.

Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), находящаяся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации, осуществляет функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения, в том числе и маркировке и обращению лекарственных средств на территории РФ, а именно соблюдение обязательных требований в сфере обращения лекарственных средств, лицензионных требований к осуществлению фармацевтической деятельности, а также соблюдение требований к предоставлению субъектами обращения лекарственных средств необходимой информации о лекарственных препаратах. С помощью использования данных из ФГИС МДЛП Росздравнадзор получил существенные преимущества для оперативного управления и функции контроля с помощь:

- участники оборота вручную отражают сведения о сериях, вводимых в оборот, в соответствующей Автоматизированной Информационной Системе Росздравнадзора системе «АИС РЗН». Сведения о зарубежных препаратах, вводимых в оборот на территории России, загружаются в автоматическом режиме на основании данных ФГИС МДЛП и ФТС России.
- Предельные отпускные цены производителей в автоматическом режиме мониторятся на предмет превышения. Для этого во ФГИС МДЛП загружаются сведения о предельных ценах из соответствующих реестров Минздрава России.

[1]ФИАС - Федеральная информационная адресная система – это единый российский государственный адресный реестр, в котором хранятся данные об объектах, расположенных на территории России.

Отклонение превышения отражаются в соответствующих мониторингах Росздравнадзора.

- Для оформления заданий на выборочный контроль для территориальных органов Росздравнадзора теперь достаточно нажать на кнопку и сведения о соответствующем МНН[1] будут отражены с детализацией по лекарственным препаратам и остатком на соответствующих субъектах обращения.
- При необходимости временного приостановления оборота достаточно будет разместить решение о приостановления подсистеме «Контроль качества ЛС» автоматизированной системы Росздравнадзора и соответствующие партии/серии каждых препаратов будут отмечены соответствующим признаком. Регистрация сведений о продаже данных препаратов будет запрещена, будут доступны операции только в рамках обратной логистики или вывода из оборота.
- В случае отзыва лицензии, например по решению суда, можно будет в автоматическом режиме заблокировать оборот по соответствующим местам деятельности. Попытка регистрации сведений от мест деятельности, не имеющих лицензии, будет автоматически отражать данный негативные события в мониторинге нарушений.

С 01.07.2021 Контрольная (надзорная) деятельность по государственному контролю (надзору) в сфере обращения лекарственных средств осуществляется Росздравнадзором посредством федерального государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств согласно Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4] и постановления Правительства Российской Федерации от 29.06.2021 № 1049 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения лекарственных средств» [5].

Так в результате проведенных контрольных проверок территориальными органами Росздравнадзора в 2021 г. с использованием информационной системы МДЛП выявлены случаи повторной продажи лекарственных препаратов, поставленных в медицинские организации при проведении контрольных закупок в фармацевтических организациях, а также в ходе проведения совместных мероприятий с ГУЭБиПК МВД России [6].

Таким образом, по определению Руководителя Росздравнадзора Аллы Владимировны Самойловой: «Федеральная государственная информационная система мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения – цифровой инструмент в сфере контроля за обращением лекарственных средств» [7].

[1]МНН - Международное непатентованное наименование — уникальное наименование действующего вещества лекарственного средства, рекомендованное Всемирной организацией здравоохранения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 12.04.2010 №61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (в редакции от 20.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 03.11.2022).

2. Постановление Правительства РФ от 14.12.2018 №1556 «Об утверждении Положения о системе мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения»(в редакции от 31.01.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 03.11.2022).

3. Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2018 №2828-р «Об определении ООО «Оператор-ЦРПТ» организацией, уполномоченной на осуществление функций оператора системы мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения»// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 03.11.2022).

4. Федеральным законом от 31 июля 2020 года N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 03.11.2022).

5. Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 N 1049 (ред. от 30.11.2021) «О федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения лекарственных средств» (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения лекарственных средств»)

6. Итоговый доклад о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения за 2021 год [Электронный ресурс]. URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/discussion1/control/prevention/doc22 (дата обращения 03.11.2022).

7. Самойлова А. В. Федеральная государственная информационная система мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения - цифровой инструмент в сфере контроля за обращением лекарственных средств / А. В. Самойлова, Е. М. Кудрявцева// Вестник Росздравнадзора. 2022. № 3. С. 6-15.

8. Баглей Д.Ю. Матрица фарммаркировки 2020. Производство и импорт ЛП/ под редакцией Иноземцова Г.В. М.:ООО «Бионика Медиа», 2020. 112с.

УДК 364

ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Забирова Дина Ришатовна
студентка Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
zabirova-dina@mail.ru
Научный руководитель:
Сайфутдинова Венера Максутовна
старший преподаватель кафедры финансового и экологического права Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия

Настоящая научная работа посвящена одной из насущных проблем права социального обеспечения – его развития в рамках цифровизации. Автором рассмотрена проблема необходимости кодификации исследуемой группы прав, которая нивелируется с процессом внедрения институтов цифровизации в право социального обеспечения.

Ключевые слова: право социального обеспечения, цифровизация, информатизация, кодификация.

Право на социальное обеспечение как одно из важнейших прав человека всовременном социальном государстве постоянно меняется и обновляется. Одним из факторов, серьезно влияющих на его формирование, является широкий спектр сведений, цифровизация и информация, которая непосредственно влияет на отдельные институты общества.

Современная база правовой поддержки в России отличается своим масштабом, в котором принятие законодательных актов, направленных на поддержку различных групп населения, адекватно представлено как на федеральном, так и на региональном уровне. Однако часто бывает очень трудно понять реальный уровень информации, когда пытаешься показать ее обычным гражданам [1].

По мнению юридического сообщества, одним из возможных решений проблемы была бы кодификация Закона о социальном обеспечении (Социальный кодекс). Систематизация российских законодательных норм в этой области позволяет систематизировать существующие нормы правовыми мерами и в некоторой степени объединяет их. Такая перспектива обусловлена тем, что в некоторых регионах нашей страны (Белгородской, Волгоградской, Омской, Ярославской, Ленинградской и Астраханской областях, а также в Санкт-Петербурге) уже существуют кодифицированные нормативные акты, сочетающие региональные особенности норм законодательства о социальном обеспечении [2].

Решение проблемы применения огромного количества стандартов к единой системе решается не только в рамках кодификации, но и с помощью современных технологий. В эпоху цифровизации и повсеместного распространения

информации уровень доступа к нормативным актам значительно возрос, а использование таких нормативных актов упростилось.

Цифровизация, которая проникает во все слои общества, создает новые требования к обществу и, таким образом, вынуждает государство реформировать существующую систему. Эта потребность будет усилена за счет повышения уровня социальных услуг за счет использования преимуществ новых технологий и других достижений в области цифровизации и информатизации.

Одним из наиболее важных шагов в процессе доступности сведений о тех или иных мерах социальной поддержки стало учреждение Единой государственной информационной среды социального обеспечения – ЕГИССО. Создание данной системы было предусмотрено еще в 1999 г. Федеральным законом № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», а также другим документом — постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2017 г. № 181 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения». Важно отметить, что основным и главным оператором ЕГИССО выступает Пенсионный фонд Российской Федерации, а информацию для него поставляют органы государственной власти, органы местного самоуправления и подведомственные им организации [3].

Эта система работает в нашей стране с начала 2018 года. Одной из характеристик ЕГИССО является ее доступность, как для конкретного субъекта правоотношений, так и для Российской Федерации в целом. Кроме того, система позволяет анализировать статистические данные, создавать и хранить эти данные [4].

Эффективность администрирования в области социального обеспечения значительно повысилась с внедрением системы ЕГИССО. В этом случае власти получили свободный доступ к анализу данных по важным социальным показателям, и в результате у них появится возможность прогнозировать области, требующие дополнительной работы, и возможность тратить деньги на определенные направления государственной помощи. Информационные системы позволяют гражданам сократить время, затрачиваемое на получение конкретной необходимой им информации, доступ к социальным услугам, оцифровку законов о социальном обеспечении за счет внедрения системы снабжения, в целом повысить качество услуг, предоставляемых населению.

Хотя внедрение таких информационных систем приносит большую пользу гражданам, не все знают об их существовании. Это вызовет дополнительные проблемы, поскольку, как упоминалось ранее, при подаче заявки и полном использовании ЕГИССО большинство проблем, в том числе консультативного характера, могут быть решены без потери дополнительного времени. Помимо прочего, отсутствие надлежащего уровня осведомленности определяется консервативными методами передачи информации и использованием информационных систем в некоторых городах. Из-за естественных факторов – таких как отсутствие Интернета или квалифицированных специалистов, которые могли бы обслуживать систему, – кажется невозможным использовать информационные системы.

Одним из достижений цифровизации в рамках социального обеспечения нашей страны является упрощение получения информации с помощью

дополнительных информационных систем. Как правило, они напрямую подключены к единому порталу государственных услуг. В данном случае речь идет о Пенсионном фонде, Федеральном реестре инвалидов, Фонде социального страхования и т.д. отдельных отделениях. В этом случае использование оцифрованных ресурсов позволит получить необходимую вам информацию немедленно и беспрепятственно. Эти учреждения должны поддерживать определенную инфраструктуру и общий характер, чтобы гражданам не было трудно ими пользоваться и чтобы предоставляемые услуги были невозможны.

Следует также отметить, что другое направление оцифровки закона о социальном обеспечении – это «положительный» ответ, который позволяет таким гражданам заранее принять необходимые меры [5].

Развитие цифровых технологий и их использование в области исследований обусловлено тем, что большинство практических и полезных сервисов работают удаленно, за исключением личного присутствия граждан. Например, слабослышащие граждане могут использовать чат-ботов в онлайн-версии или мобильном приложении, а слабовидящие люди могут позвонить по единому номеру телефона в Контакт-центре.

В заключение следует отметить, что использование достижений цифровизации в области законодательства о социальном обеспечении сегодня стало одним из приоритетов государства. В начале XIX века значительное количество споров и обоснований о необходимости принятия кодифицированного акта не так уж необходимо сегодня, и информация, представленная в этом исследовании государство активно стремится регулировать законы о социальном обеспечении в цифровую эпоху, о чем свидетельствует достаточное количество действующих и используемые разработки, а также те, которые могут быть использованы в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Сайфутдинова В. М. Информатизация в праве социального обеспечения // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–2. С. 57-66.

2. Залоило М. В., Шулятьев. Право в условиях цифровой реальности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 172–178.

3. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9, С. 5–16.

4.Михеева, Ю. А. Право социального обеспечения в эпоху цифровизации / Ю. А. Михеева, И. В. Харитонов // Молодой ученый. 2022. № 14 (409). С. 192-194.

УДК 340

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Зарипов Динар Лирусович,
студент Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия.
E-mail: dinarzaripov@inbox.ru
Научный руководитель:
Галиев Фарит Хатипович,
профессор кафедры теории государства и права Института права УУНиТ,
д.ю.н., г. Уфа, Россия.

Проблемы, связанные спризнанием и обеспечением прав и свобод человека, во всем протяжении истории были актуальными и привлекали внимание широких кругов общественности во всем мире. И в сегодняшних условиях не менее злободневными являются проблемы, связанные с реализацией и защитой этих прав и свобод, которые, с одной стороны, дарованы людям самой природой, и никто их не имеет права отобрать у человека, а, с другой стороны, признаны и гарантированы государством, и, соответственно, должны быть обеспечены государством возможностью их претворения в жизнь. Авторбольшое внимание обращает на причинно-следственную связь возникновения проблем, обусловленных нарушением прав человека, а также на современные способы их решения.

Ключевые слова: защита прав человека, законность, современные реалии, юридическая грамотность, правовая защита, судебная деятельность.

Появление идеи о правах и свободах человека было обусловлено очередным витком в государственно-правовом развитии общества. Эта идея основывается на принципе всеобщего равенства людей, и служит важнейшим связующим звеном между человеком, обществом и государством. Бесспорно, человечеству пришлось пройти огромный путь, пока, во-первых, появились, теоретические разработки о правах и свободах, во-вторых, они получили свое распространение в мире, и, в-третьих, сложились такие обстоятельства для того, чтобы государство, вынужденно или же добровольно, стало признавать эти права и свободы и начало обеспечивать их практическую реализацию. В современных условиях даже малейшее нарушение прав человека может служить препятствием в выстраивании оптимальных и гармоничных взаимоотношений людей в развитом и продвинутом, в общественно-политическом и социально-экономическом смысле, демократическом государстве. По мнению Н.В. Федоренко, при этом необходимость соблюдения прав человека призывает государственные органы создавать такие условия, в которых будут гарантированы все права человека, и в которых не будет допущено ущемление или нарушение данных прав [1, с. 595-599]. Как пишет Ю.А. Тихомиров, «широкий перечень конституционных прав и свобод

открывает гражданам простор для выражения своих интересов и активного участия в общественных делах» [2, с. 38], особенно тогда, когда они гарантированы государством на уровне Основного закона. Слова «гарантия» или «гарантированность» при этом не будут иметь никакого значения в отношении прав и свобод человека, если в государстве не будет сформирован механизм реализации этих прав и свобод. Поэтому, как об этом пишет известный специалист в области прав человека Е.А. Лукашева, «провозглашенные в Конституции РФ права и свободы должны быть защищены механизмами, институтами, процедурами, правилами, которые призваны обеспечить переход провозглашенных прав от деклараций к реалиям, осуществлять контроль за соблюдением прав и свобод человека. Эти механизмы в равной мере значимы и для индивида, стремящегося к защите своих прав, и для властных структур, для которых соблюдение и защита прав человека – конституционная обязанность. Такие механизмы являются юридическими гарантиями, обеспечивающими охрану и защиту прав граждан» [3, с. 293]. Поэтому, учитывая особую роль и значение Основного закона нашей страны в этой сфере, нужно всеми мерами стремиться к воспитанию уважительного отношения к Конституции РФ. «При таком подходе, во-первых, Конституция сама рассматривается как достижение, как ценность, потому что правовая культура, прежде всего, представляет собой совокупность правовых ценностей, накопленных в течение жизни того или иного человеческого общества. Во-вторых, правовая культура предполагает знание основных требований действующего законодательства и умение ими пользоваться в реальных жизненных ситуациях. Любая деформированность представлений обосновных требованиях действующего законодательства, в конце концов, приводит к правовому нигилизму» [4, с. 87].

Сегодня можно говорить о том, что права и свободы человека признаются многими государствами и это подтверждается на конституционном уровне, в том числе и в Российской Федерации[1]. При этом права и свободы человека и гражданина должны обеспечиваться надежным механизмом их реализации не только на уровне отдельных государств, но и должныосновываться на определенных международных правовых началах, хотя те или иные способы и методы защиты этих прав и свобод не всегда бывают достаточными и эффективными. Е.А. Лукашева отмечает, что «определить место и значение национального государства, его роль в защите прав человека в условиях глобального мирового общения – важная задача юридической науки, поскольку от позиции государства, его стратегических интересов в значительной мере зависит сохранение достоинства народа и каждого человека в отдельности, их прав и свобод, культуры и традиций общества, его своеобразия и самоценности» [4, с. 10].

Необходимо подчеркнуть, что «незыблемость прав и свобод человека не только официально признается современными государствами, но и подтверждается функционированием реального механизма обеспечения этих прав и свобод.

[1]Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL:http://parvo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

Правда, этим могут похвастаться очень немногие государства, тем не менее, наличие данного признака гражданского общества хотя бы в нескольких современных государствах говорит о возможности реализации этого признака наличия гражданского общества. Однако формирование механизмов обеспечения прав и свобод занимает огромное время в процессе исторического развития общества и государства» [5, с. 6].

Поэтому необходимо всегда совершенствовать и развивать национальное и международное законодательство, касающееся прав и свобод человека, улучшать положительную динамику в этом направлении в практическом и позитивном смысле, а не на бумаге.

По нашему мнению, основной проблемой в этом направлении является то, что уровень доверия людей к деятельности тех или иных правоохранительных и судебных органов пока оставляет желать лучшего. Т.Д. Оганесян и Е.Д. Сафронова пишут о том, что нередко стираются грани между социальной, материальной и правовой справедливостью, нарушается тот баланс, который должен соблюдатьсяв нашей реальной и повседневной действительности [6, с. 307-318].Отсюда иногда возникает очень примитивное и ошибочное мнение о том, что никакой справедливости в нашей сегодняшней жизни нет. На наш взгляд, справедливость есть, однако количество людей, которые в нее верят и действуют в соответствии с принципом справедливости должно с каждым разом все больше возрастать и увеличиваться. Такая ситуация имеет отношение ко всем тем случаям, когда человек сталкивается с деятельностью правоохранительных и правоисполнительных органов.

Соблюдение и поддержание баланса между защитой прав человека и соблюдением требований законодательства, выполнение определенных задач, направленных на регулирование данных процессов, относится не только ко всей системе правоохранительных органов, в том числе и к суду. Б.Н. Терещин считает, что их основной целью является не столько защита, как реализация защиты данных прав [7, с. 39-41]. Это говорит о том, что права и свободы человека могут сколько угодно и как угодно быть задекларированными государством, но все дело заключается в наличии надежного механизма их реализации. Авторы монографии «Правильное общество» пишут, что «…принципы равенства, свободы, законности, честности являются определяющими для понимания справедливости как основы общественного устройства…. Поэтому правильное общество – это системно организованное общество свободных индивидов, которые равны перед законом и обладают равными человеческими правами» [8, с. 26].

Так, например, адвокат реализует защиту прав человека, что является важнейшим фактором по соблюдению требований законодательства и недопущения нарушений. Ведь если осудят невиновного, то последствия будут не только для той стороны, которая проиграет дело, в частности, но и для всего общества, в целом.

Обратимся к истории создания Европейского суда по правам человека. ЕСПЧ берет свое начало от создания Европейской конвенции по правам человека. ЕСПЧ - международный судебный орган, призванный разрешать те вопросы, по которым не удалось самостоятельно добиться справедливости.

Это значило, что граждане могли обращаться туда тогда, когда они прошли через все предусмотренные законом этапы в своем государстве и не смогли добиться желаемого результата. Ведь они, отчаявшись, разуверились в справедливости, а многие, даже не попытавшись действовать, заранее опускают руки, видя несправедливую ситуацию в современном мире. Но бездействие является еще большим отрицательным фактором в данном случае. Это является следствием отсутствия доверия между государством и гражданами.

Также на это оказывает огромное влияние сравнительно низкая юридическая грамотность населения и сформировавшаяся к тому или иному времени правовая культура общества. Да, существуют адвокаты, юристы, с которыми можно проконсультироваться, выиграть дело, но, на наш взгляд, что каждый человек в наше время должен знать базовую структуру юриспруденции, основные правовые принципы, чтобы защитить свои права на ранних этапах. Это элементарная юридическая грамотность способна облегчить жизнь всему обществу, а также будет являться основополагающим показателем развитости и структурной закрепленности, как общества, так и государства. «Динамика позитивного развития социума в условиях трансформации впрямую зависит и от наличия позитивных, выигрышных плане правового воспитания моментов и интеллектуально-правовых нюансов в жизни людей. При этом неизмеримо возрастает значение правовой культуры, ибо она создает основу для того, чтобы первостепенная роль и значение в сознании и поведении людей принадлежали правовым нормам и правовым принципам, чтобы в общественном сознании прочно утвердились правильное понимание и отношение к праву и закону» [9, с. 33].

Возьмем для примера гражданское судопроизводство, и выделим проблемы, которые связаны с защитой прав человека. Первая проблема опять же связана с юридической базой знаний гражданина. Начнем с того, что не у всех граждан есть возможность обратиться к юристу за консультацией, особенно для ведения дела. Да, вся информация предоставлена в общем доступе, но ведь есть множество нюансов, которые будут влиять на движение дела. Все должно быть по закону, и должно быть сделано идеально, что, безусловно, верно, но не каждому это доступно из-за недостатка базовых юридических знаний. И, как пишет И.А. Корнилова,доступ к правосудию в этом случае становится не совсем открытым [10, с. 116-120]. «Видимо, для того, чтобы не нарушалось равновесие в представлениях о праве, поведении и поступках человека, ему нужно предоставить возможность приобретения знаний и праве, о своих правах и свободах, о содержании и видах юридической ответственности, о последствиях нарушения требований нормы права и т.д. На наш взгляд, все это, в свою очередь, способствует формированию правильного представления о пределах допустимости поступков и поведения человека в обществе» [11, с. 37].

Еще одна проблема - это организационные моменты, связанные с осуществлением правосудия. Так, например, возникает проблема доступа к правосудию в силу места жительства лица. Не у всех участников есть возможность явиться на судебное заседание. Судом предусмотрена возможность рассмотрения дела без участия стороны, если будет соответствующее ходатайство. В.В.

Слеженков и Е.В.Зайцев Е.В. отмечают, что отсутствие одной из сторон может отразиться на качестве рассмотрения заявления [12, с. 30-40].

Развитие и совершенствование законодательства никогда не будет завершено. Нигде нет той идеальной грани, поддерживающей баланс, ни в одной стране. Но это не повод останавливаться на достигнутом уровне. Важно возобновить доверие граждан к государству и правоохранительным органам в целом, обеспечить совершенные гарантии на доступ к правосудию, чтобы люди понимали, что нужно и можно защитить свои права, если они были нарушены, а не думать, что все законы направлены «против людей». Закон работает на тех, кто в него верит и действует. А «знание законов способствует формированию позитивного правосознания, защите и охране сложившегося и функционирующего в стране правопорядка. Зная и не нарушая законы, люди, в конечном итоге, обеспечивают и реализуют свои права и свободы, пользуются теми возможностями, которыедля них создает и обеспечивает государство, что становится важным фактором в условиях перехода к рыночным отношениям, которые нуждаются в правовом регулировании» [13, с. 117]. По мнению В.Д. Зорькина, «правовые институты могут отстаивать политические права граждан и ограничивать власть элиты. Они могут обеспечивать равные экономические возможности, защищая имущественные права всех граждан и обеспечивая отсутствие дискриминации в рыночных отношениях. Но в то же время ошибки в законодательстве, слабо просчитанные социальные последствия тех или иных законов, оторванность их от реальной социально-экономической ситуации в обществе, их несогласованность с общественным мнением, культурными традициями могут иметь обратный, негативный эффект для социальной справедливости в обществе и его развития» [14, с. 162-163].

Важно поднимать юридическую грамотность населения и порождать продуктивную взаимовыгодную работу человека и государства, которая будет основана на законности и справедливости. «Примечательно то, что люди в большинстве случаев свободно и без принуждения выполняют преимущественно требования разрешающего характера. Бесспорно, свобода возможна тогда, когда человек без ущерба для себя и других может что-то делать, когда у него есть возможность выбора, когда он зависит только от своих внутренних убеждений и представлений. В других случаях в людях живет убежденность в том, что все несправедливо, и они стараются восстановить справедливость с позиций своего мировоззрения, доступным им путем и таким образом, на который в данный момент они способны» [15, с. 12].

Также важным аспектом является развитие судебной системы, которая обеспечивает ту самую защиту прав и свобод граждан. Судебная власть должна быть независима и самостоятельна, вызывать доверие и показывать, что является представителем и гарантом справедливости на деле.

Библиографический список

1. Федоренко Н.В. Критерии и параметры эффективности правосудия // Российское право на современном этапе. Сборник материалов XIV международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 21 апреля 2020 г.). - Ростов н/Д: Знание, 2020. С. 595-599.

2. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35-45.

3. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2009. 384 с.

4. Галиев Ф.Х. Правовая культура и вопросы воспитания уважительного отношения к Конституции страны // Реализация положений Конституции Российской Федерации в законодательстве. – Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Конституции Российской Федерации 28-29 ноября 2003 года. Часть I. Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003. – 280 с. С. 87-88.

5. Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2007. 464 с.

6. Галиев Ф.Х. Социальные нормы и правовая культура в призме исторического развития // История государства и права. 2010. № 2. С. 5-9.

7. Оганесян Т.Д., Сафронова Е.Д. Защита прав человека в 2018 г.: российские итоги и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2021. Т. 5. - С. 307-318.

8. Терещин Б.Н. Проблемы по защите конституционных прав и свобод в современной России /Б.Н. Терещин, В.А.Орлов // Современные научные исследования и разработки. 2021. №12. С.39-41.

9. Липатов А.А., Купрейченко А.Б., Громова А.И., Шрадер Х. Правильное общество / под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Питер, 2015. 256 с.

10. Галиев Ф.Х. Правовая культура в цифровых показателях // Юридическая мысль. 2012. № 4 (72). С. 33-39.

11. Корнилова И.А. Проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / И. А. Корниловап// Молодой ученый. 2021. № 39 (381). С. 116-120.

12. Галиев Ф.Х. Историческая обусловленность правовой культуры // История государства и права. 2010. № 19. С. 34-38.

13. Слеженков В.В., Зайцев Е.В. Обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Форум. Серия:Образование и право. № 11. 2022. С. 30-40.

14. Галиев Ф.Х. Конституция и общественное сознание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общей редакцией А.А. Ливеровского и В.П. Сальникова. - СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. 344 с.

15. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М.: Норма, 2008. 224 с.

16. Галиев Ф.Х., Комаров С.А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 10-14.

УДК 340

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПОЛНОМОЧИЙ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Исмагилова Регина Рустемовна
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
Regina.mukhamadyarova@mail.ru
Научный руководитель:
Баранова Екатерина Сергеевна
доцент кафедры теории государства и права Института права УУНиТ, к.ю.н, г. Уфа, Россия

В данной научной работе проведенных анализ полномочий главы муниципального образования на примере Республики Башкортостан, В статье также освещены проблемы, которые возникают у органов муниципальной власти при осуществлении их функций, взаимодействиис органами государственной власти на и предложены пути их решения; отмечено существование пробеловв нормативно-правовом регулировании деятельности органов местного самоуправления в федеральном и региональном законодательстве.

Ключевые слова: муниципальная власть, регионализм, федерализм, местное самоуправление, коллизии.

Анализ темы нашего исследования мы хотели бы начать с разбора терминов «муниципальное образование» и «глава муниципального образования».

Согласно нормам основополагающего нормативно правового акта, регламентирующего муниципальную власть в Российской Федерации, Федерального закона от 6 октября 2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» под муниципальным образованием принято считать: «городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским

делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения»[1].

Глава муниципального района – это «высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования в соответствии с настоящей статьёй собственными полномочиями по решению вопросов местного значения»[2].

На данный момент не ясна дальнейшая судьба муниципальной власти в Российской Федерации, поскольку вступивший в силу Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 № 414-ФЗ фактически «срезал на нет» сущность муниципальной власти.

Согласно этому закону губернатор теперь может сам предлагать глав округов, также выборы главы депутатами предлагается отменить. Более того, руководитель субъекта теперь также может отстранять главу муниципального образования или местной администрации от должности. Говоря проще, глава региона теперь имеет право как ставить, так и снимать мэров.

На данный момент муниципальная власть функционируют лишь на уровне городских округов и на уровне муниципальный районов, однако мы считаем, что муниципальная власть должна функционировать на местах, ведь это самая наиболее близкая к потребностям народа власть.

Отметим, что в Конституции Российской Федерации четко регламентирован базис для построения муниципальной власти, поскольку муниципальная власть – это одна из составляющих конституционного строя Российской Федерации [1, с. 26].

В Основном законе прописано, что муниципальная власть решает вопросы местного значения и для решения таких вопросов необходимо определённое, должностное лицо, которое будет нести ответственность за решение данных вопросов.

Основные полномочия главы муниципального органа перечислены в статье 36 Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, однако помимо основных полномочий глава муниципального образования обязан обладать те качествами, которые могут помочь ему объективно разрешать вопросы местного значения. Также отметим, что функции, которые выполняет глава муниципального образования закреплены в уставах муниципального образования.

Функции главы муниципального образования направляют его деятельность и если он их быстро и эффективно решит, то его муниципальное образование будет процветать.

---

[1] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 14 июля 2022 г. № 253-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.11.2022).

[2] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 14 июля 2022 г. № 253-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.11.2022).

По своей сути взаимоотношения органов местного самоуправления с органами федеральной власти должны базироваться на такой модели взаимодействия, где определяющим фактором являются взаимозависимость и сотрудничество [1, с. 27].

Муниципальное образование должно сотрудничать с органами государственной власти на справедливых условиях для эффективного обеспечения нужд населения, чтобы и оказание муниципальных, и оказание государственных услуг были одинаково доступны и полезны.

Но на данный момент из-за жёсткой централизации публичной власти муниципальная власть ослабевает и теряет свою значимость, а значит нарушается баланс, ведь Российская Федерация – это многорегиональная страна, где у каждого региона и муниципального образования должны оставаться самобытность и важность.

Как мы уже указывали, местное самоуправление – это первая ячейка власти, приближенной к народу, ошибки в функционировании органов местного самоуправления негативно сказываются на всем сообществе, а значит и на всем государстве [2, с. 29].

Федеральное законодательство и Закон Республики Башкортостан № 162-з «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан» отдельно не указывает соответствие между правовыми актами, издаваемыми главами муниципалитетов и актами руководителей законодательных органов и администраций муниципалитетов. Федеральное законодательство указывает, что главы муниципалитетов могут издавать правовые акты только в пределах своих полномочий, определенных уставами муниципальных образований, либо будучи наделенным соответствующими компетенциями по решению муниципального представительного органа власти. Таким образом, это прописано на федеральном уровне, но не отражено в законодательстве субъектов Российской Федерации на региональном уровне.

При рассмотрении нормативных правовых актов муниципалитетов Республики, в первую очередь уставов данных муниципальных образований, можно увидеть, что круг полномочий глав муниципалитетов в Республике преимущественно зависит от формы организации муниципальных органов власти [3, с. 185].

В одних муниципальных образованиях глава больше полномочий согласно уставу, в других круг полномочий меньше по сравнению с местными советами или руководителями представительных органов.

Принимая во внимание правовое урегулирование вопросов издания правовых актов глав муниципальных образований в Российской Федерации и Республике Башкортостан, необходимо отметить существование определенных проблем, связанных с реализацией и исполнением их на практике. Некоторые проблемы носят правовой характер и связаны с выявленными пробелами в нормативно-правовом регулировании. Другие проблемы происходят из категории организационных.

Глава муниципалитета, будучи высшим должностным лицом в общей иерархии муниципального образования, должен обеспечивать устойчивое функционирование основных институтов местного самоуправления, а также

обеспечивать организационное единство между различными органами власти муниципалитета, в том числе посредством издания соответствующих муниципальных правовых актов, как постановлений, так и распоряжений.

В нормативных правовых актах Республики Башкортостан, в частности в уставах, присутствуют такие нормы, которые требуют дополнительного разъяснения и толкования. Многие из таких норм могут быть уточнены посредством простого внесения соответствующих дополнений на уровне законодательных органов муниципалитета. Тем не менее, существует определенная категория таких норм, неопределенность которых разрешается путем разъяснения настоящего содержания этих норм. Предлагаемые поправки и дополнения к нормативным актам, как представляется, помогут исправить недочеты законодателей и усовершенствовать регулирование данной отрасли права.

Выявленные проблемы, касающиеся исполнения правовых актов глав муниципальных образований, как правило, представляют собой в определенные пробелы и неопределенности в федеральном, региональном и местном законодательстве. Их разрешение позволит усовершенствовать законодательство и исправить большое количество допущенных ошибок в области муниципального правотворчества.

Предполагается, что представленные правовые способы ликвидации недостатков в российском законодательстве, смогут поспособствовать исправлению уже допущенных ошибок и совершенствованию правотворчества глав муниципальных образований в будущем.

Библиографический список

1. Аминов И.Р. Органы государственной власти и местное самоуправление: проблемы и перспективы взаимодействия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1 (71). 108 с.

2. Аминов И.Р. Юридические коллизии нормативных правовых актов местного самоуправления // Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 3 (69). 102 с.

3. Баранова Е.С., Ярмиева Н.С. Право граждан на участие в избрании главы местной администрации в контексте принципа гласности в местном самоуправлении // Лучшая студенческая статья 2020. Сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса. В 5-ти частях. 2020. С. 180-188.

УДК 340.1

СПОРТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЕЁ МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ТЕОРИЙ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Ишмаев Феликс Эдуардович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия.
9f135@mail.ru
Научный руководитель:
Касимов Тимур Салаватович
доцент кафедры теории государства и права УУНиТ, к.ю.н,
г. Уфа, Россия

Существует множество теорий происхождения государства. У каждой есть свои сторонники, но нельзя сказать, что какая-либо из теорий является бесспорной, у них у всех есть как слабые, так и сильные стороны. Поэтому рассматривая ту или иную теорию происхождения государства, необходимо понимать её связь с другими концепциями и уметь определять, какие признаки схожи, а какие отличаются. Спортивная теория происхождения государства – достаточно малоизученная концепция, поэтому проблема определения места этой теории происхождения государства среди других актуальна.

Ключевые слова: теория государства и права; спортивная теория; спорт; Хосе Ортега-и-Гассет.

Основоположником спортивной теории является философ, социолог и публицист – Хосе Ортега-и-Гассет, объяснивший свою идею в статье «Elorigendeportivodel Estado». Термин «Спорт» не следует понимать так, как мы понимаем его сейчас. Философ даёт этому термину куда большее значение, по его терминологии спорт включает не только физическое развитие как таковое, но и ритуальные обряды и танцы. Автор в своей статье утверждает, что спорт – это самая важная деятельность человека, а трудовая деятельность является лишь производной от неё [1, с. 609–610]. Для того, чтобы проследить как спорт стал причиной становления государства, Хосе Ортега-и-Гассет обращает наше внимание к доисторическим временам. Самой ранней формой объединения людей по мнению философа была «Орда», так он назвал слабо дифференцированную человеческую группировку, которая блуждала из одного места в другое [1. с. 615–616]. Постепенно, в связи с увеличением количества человек в Орде, произошёл переход в другую форму объединения – примитивное племя. Племя уже обладает некой социальной структурой, Хосе Ортега-и-Гассет берет за основу такой признак социальной дифференциации, как возраст, и, в соответствии с ним разделяет индивидов, входящих в племя на три социальных класса: класс молодых (молодёжи), класс зрелых, класс старых. Семьи, как социальной группы, попрежнему не существует, автор подчёркивает, что все молодые называют друг друга братьями и сёстрами, а всех старших отцами и матерями [1, с. 615].

Представители класса молодёжи склонны к тому, чтобы группироваться и объединяться друг с другом, это так называемый инстинкт «coetaneidad» (в переводе с испанского слово «coetaneidad» буквально означает сверсничество). Молодые люди, объединившись, решают напасть на ближайших соседей с целью похищения чужеземных женщин. Чтобы похитить их, приходится воевать, война порождает лидера и требует соблюдения дисциплины. Так, в молодежных объединениях появляется власть. Такой ритм жизни заставляет их строить крепкое и надёжное убежище. В нём они готовят свои походы, совершают обряды и ритуалы, необходимые навыки культивируются путём суровых тренировок. Убежища этих молодёжных объединений – то место, где впервые появляется религиозный и спортивный аскетизм [1, с. 614–617].

Следует помнить, что аскетизм изначально, в дохристианскую эпоху, имел физический смысл и означал «тренировочные упражнения» [2, с. 939]. «Аскеза» – это режим жизни атлета, полный упражнений и лишений. Автор заявляет, что молодёжное убежище является для них первой казармой и первым монастырем. Таким образом, можно говорить о том, что молодёжные объединения породили следующие важные явления для человечества: экзогамию, войну, дисциплину, систему табу внутри своей общности, культурную ассоциацию (так как молодые люди практиковали церемонии, ритуалы и обряды, имитирующие воинственные и охотничьи жесты). Женщина нуждалась в защите от набегов объединений молодых людей, она просит её у «братьев и отцов» (то есть представителей класса зрелых и старых соответственно). Женщина становится центром нового социального образования, в результате чего образовывается матриархальная семья. Класс зрелых и старых для управления людьми и защиты от воинственной молодёжи создаёт совет старейшин, сенат [1, с. 616–619]. Создание этих институтов (молодежные авторитарные объединения, совет старейшин, семья) и привело к созданию государства.

Приводя исторические примеры, автор рассказывает историю Спарты. Родившийся в Спарте миф о похищении Елены, несомненно, заставляет нас вспомнить о практике похищения чужеземных женщин. Похищение привело к началу Троянской войны. Война как явление, вынудила спартанских молодых людей объединиться в фратрии и поселиться вдали от своих семей, в результате чего это военизированное объединение стало основой для Спартанского полиса.

Рассматривая спортивную теорию и её связь с другими концепциями происхождения государства трудно провести чёткие параллели. На большинство теорий она совершенно не похожа, однако у неё есть некоторые схожие моменты с инцестной, психологической и классовой теориями.

Инцестная (половая) теория Клода Леви-Стросса заявляет нам о том, что в определённый этап развития древнейшее общество осознало необходимость установления экзогамии и запрета инцеста, поддержание этого запрета требовало создания определённых институтов, применявших к нарушителям меры пресечения. Эти же институты занимались контактированием с другими племенами касаемо, например, обмена жёнами [3, с. 59–61]. Возвращаясь к спортивной теории, обратим внимание на то, что молодёжные объединения шли походом на соседей именно ради похищения женщин – это был их мотив. Таким образом,

желание установить экзогамию служило катализатором для развития молодёжных объединений (ведь чтобы совершать удачные вылазки, нужны были усердные тренировки). Если сами молодёжные общества в спортивной теории признаются основной причиной создания государства, то экзогамию можно назвать косвенной. Получается, что и в спортивной, и в инцестной теории переход к экзогамии признаётся важным шагом для появления государственности.

Психологическая теория, выдвинутая известным правоведом Львом Петражицким, связывает рождение государства и права с существующей у человека потребностью в подчинении и стремлении жить в рамках организованного сообщества [3, с. 74–77]. Человек всегда является членом общественного организма – вне общества индивид не может существовать [4, с. 217–218]. В спортивной теории тоже говорится о подобной психологической особенности человека. Хосе Ортега-и-Гассет указывает на существование у молодых людей инстинкта «coetaneidad» (инстинкт сверстничество). В соответствии с ним, юноша стремится растворить свою индивидуальность в коллективе ровесников, ему важно быть членом группы. Именно этот инстинкт и побуждает первобытных представителей класса молодёжи к объединению [1, с. 616]. Таким образом появились молодёжные общности, которые, как было уже описано выше, и стали причиной появления государства. В обеих концепциях рассматривается вопрос о потребности индивида жить в обществе, в коллективе, но психологическая теория говорит о существовании такой нужды в рамках всего человечества, вне зависимости от возраста, тогда как спортивная теория обозначает наличие такого явления у молодых людей.

Классовая теория, выдвинутая Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, содержит идею того, что в результате общественного разделения труда и появления частной собственности появляются экономические классы с противоположными социальными интересами, которые вступают в противостояние друг с другом. Нужна была сила, которая установила бы порядок, и умеряла столкновение классов [3, с. 69–74]. Спортивная теория тоже разделяет общество на классы, но эти классы образованы по возрастному критерию, о появлении именно экономических классов в спортивной теории речи не идёт. Классы, образованные по возрастному критерию, тоже вступают с друг другом в борьбу (класс молодёжи противостоит классу зрелых и классу старых), борьба молодёжных объединений с одной стороны и семьи (в обеих теориях считается, что изначально семья была матриархальной), совета старейшин с другой, приводит к созданию государства. Таким образом, общим для двух теорий является понятие противостояния классов. Конечно, в спортивной теории о классовой борьбе мы можем говорить весьма условно. Если в теории Маркса и Энгельса государство было создано в целях стабилизации общественных отношений и сдерживания борьбы классов, то в спортивной теории сама конфронтация классов и породила институты, в последующем ставшие основой государства.

Проанализировав спортивную теорию, можно сделать вывод о её уникальности относительно других теорий происхождения государства. Спортивная теория самостоятельна, а идея, которая заключается в концепции, оригинальна. При

этом нельзя говорить и об её «изоляции», ведь некоторые положения данной теории напоминают признаки других концепций.

Библиографический список

1. Ortega y Gasset, José. El origendeportivo del Estado. // Ortega y Gasset, José - ObrasCompletas. Tomo II. 2-Revista de Occidente (1963). С. 607–623.
2. Dictionnaire de spiritualite, 1. Paris, 1937.С. 2002
3. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права: учебное пособие / Кашанина Т. В. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2015. С. 304
4. Трубецкой, Е. Н. Лекции по энциклопедии права / Е. Н. Трубецкой. – М., 1917. – С. 227

УДК 34.01

НЕТИПИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Ишмакова Регина Ураловна
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
reginaismakova1@gmail.com
Научный руководитель:
Касимов Тимур Салаватович
доцент кафедры теории государства и права
Института права УУНиТ, к.ю.н.

Актуальность проблемы нетипичных источников права выражена в необходимости изучения ее характеристик и конкретных примеров. Целью работы является анализ главных нетипичных источников права, её характеристик, а также её роль в правовой системе. Исследование позволило выявить характерные черты для данных источников права, а кроме того, её связь с правовой системой в государстве. В статье определяются содержание понятия и признаки нетипичных источников права, дается характеристика с точки зрения не типичности принципов и норм международного права, правовых позиций Конституционного Суда, правоположений судебной практики, правовых актов муниципальных и иных негосударственных образований, правовой доктрины, индивидуального договора.

Ключевые слова: Источники права; нетипичные источники; общепризнанные принципы; правовая доктрина; судебная практика; индивидуальный договор; правоположение; правовой обычай; индивидуальный договор; правовые акты.

Проблема классификации источников права остается важным по сей день. Данный вопрос не теряет своей актуальности, так как затрагивает важнейшие

аспекты функционирования правовой системы в целом и ее отдельных элементов, в частности. Типология источников важна для определения закономерностей и тенденций развития национальной правовой системы и мировых правовых систем.

Для начала разберем понятие «Источник права». Под источниками права принято понимать официально закрепленные формы внешнего выражения содержания права, обязательные для всех

В зависимости от типа и вида правовых систем источники права делятся на типичные и нетипичные. Разделение источников права на типичные и нетипичные конкретизирует предварительную классификацию на предмет соответствия традиционных и нетрадиционных источников права параметрам определенного типа и вида правовой семьи. Если соотношение между традиционными и нетрадиционными источниками права соответствует структуре зависимостей, которые характерны для типа и вида правовой системы, то они относятся к типичным источникам права, а если не соответствуют – к нетипичным Н.В. Сильченко считает, что «...к нетипичным источникам права относятся те источники права, которые не только по форме или содержанию – а главное, по месту в системе источников права – нельзя отнести к определенному типу и виду правовых систем. Нетипичные источники права не вписываются в структуру источников права, которая характерна для типа и вида правовой системы»

Рассмотрим характеристики нетипичных источников права:

1) Не характерность с точки зрения сформированных правовых традиций конкретной правовой системы

2) К. В. Петров, В. А. Сапун и М. Г. Смирнова выделяют «Отсутствие четких правотворческих процедур их формирования». Нельзя не согласится с тем, что данная характеристика подходит для нетипичных источников права. Так же следует отметить, что по мимо отсутствия самой процедуры также не определяется их юридическая сила, что затрудняет их соотношение с традиционными источниками права и между собой.

3) Нетипичные источники права в определенных случаях могут представлять собой и систему ненормативных предписаний, необходимых для обеспечения единообразного регулирования общественных отношений и учитываемых правоприменительными органами при разрешении споров и которые содержат индивидуальные нормы.

4) Субсидиарный характер применения. Так для нетипичных источников характерно, что на высшие уровни постановлений могут вноситься те вопросы, которое не могут быть решены на более низком.

5) Типичные источники права в совокупности отличаются системностью и иерархичностью, что не отмечается у нетипичных источников.

6) В нетипичных источниках права отсутствуют четкие правотворческие процедуры их формирования

7) Неофициальность выраженных в них юридических норм и наличие в них индивидуальных норм

Приведем нетипичные источники права:

1) Общепризнанные принципы и нормы международного права, сформулированные в официальных международно-правовых документах. Посредством реализации в российскую правовую систему они приобретают характер источников права и согласно ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы».Но нетипичный характер данной правовой формы заключается в том, что законодатель, впервые на уровне конституционного акта признал за международными принципами и нормами роль формы права.

2) Правовые позиции Конституционного Суда РФ, которыми приостанавливается действие норм, противоречащих Конституции, либо закон, другой правовой акт признаются соответствующими конституционным правовым положениям. Данные правовые позиции обладают рядом особенностей:

1) Правовые позиции Конституционного Суда формируются в процессе рассмотрения конкретных дел, при помощи определенной процедуры конституционного судопроизводства.

2) Возможность разделения правовых позиций Конституционного Суда на самые разнообразные по своему характеру и содержанию разновидности. Так, Н.В. Витрук считал, что правовые позиции Конституционного Суда можно подразделить на такие виды, как: а) “правовые позиции Конституционного Суда, которые сложились в процессе толкования конституционных норм и разрешения предусмотренных Законом споров о компетенции на основе соответствующих конституционных положений и б) правовые позиции, которые сформировались в процессе выявления конституционного смысла отраслевого законодательства, а также внутригосударственных и международных договоров.

3) Обладание особой юридической силой и наличие особой юридической природы у правовых позиций Конституционного Суда .Правовые позиции в известном смысле имеют окончательный характер, так как над Конституционным Судом нет никаких судебных инстанций, которые могли бы оспаривать его решения, и обладают юридической силой, приравненной к юридической силе Конституции.

4) Правовые позиции «приобретают характер конституционно-правовых норм, принципов, понятий, но ими не становятся»

5) Првовые позиции Конституционного Суда носят обязательный характер

3) Правоположения юридической практики, имеющие субсидиарный характер применения при разрешении конкретных правовых ситуаций. Касаемо правоположений судебной практики нужно отметить, что не все элементы судебной практики выступают в виде правоположений, а те, которые являются своеобразными правовыми средствами, приобретают определенную юридическую силу и степень обязательности. В пользу признания данных норм нетипичным источником права может быть приведен ряд доводов: формальный характер, связь с реализацией властных полномочий судов, процессуальный характер, так как выражены в актах судебной власти, а отправление правосудия – юридически значимая деятельность, нормативный характер, влекут строго определенные юридические последствия, субсидиарный (дополнительный) характер.

4) Правовая доктрина, в которой формируется новый правовой феномен – «право прав человека», законодательной основой которого служит конституционное признание прав и свобод человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Доктрина права прав человека необходима для определения правовых средств добросовестного пользования неотъемлемыми правами и свободами, сформулировать основы юридического механизма их реализации. В этом качестве доктрина выступает источником нового правового явления в структуре российской системы – «права прав человека и гражданина».

7) Правовые акты муниципальных и иных негосударственных образований. Любые акты муниципальных образований имеют подзаконный характер и содержат в себе нормы права, которые являются общеобязательными для населения данного территориального образования. Так же стоит отметить, что правовой характер актов муниципального образования определяется в силу наделения местного самоуправления и его правотворческих органов соответствующими полномочиями. Источники муниципального права появляются в той сфере отношений местного уровня, которая не требует прямого государственного воздействия. Все это придает нормативным актам муниципальных органов характер нетипичных источников права.

8) Индивидуальный договор. Прежде всего, частный договор формируется на локальном уровне. То есть субъекты частного отношения своей волей формируют соглашение, направленное на достижение определенного правового результата. Заключая договор, стороны формируют весьма действенный регулятор частного правоотношения, которое возникает, между конкретными субъектами. Подобное отношение может регулироваться при помощи соответствующих индивидуальных правовых, локальных норм, которые допускают подобное регулирование. Субъекты данных отношений сами могут определять характер и особенности подобных отношений, но необходимо чтобы данные отношения и их условия не выходили за рамки, указанные в законодательстве. В этом заключается подзаконный характер всех нетипичных источников права, в том числе и договора.

9) Правовой обычай – это сложившееся и ставшее обязательным правило поведения в результате многократного и единообразного повторения в определённой сфере деятельности. Другими словами, это вошедшее в привычку и достаточно широко применяемое правило поведения, отражающее правовое содержание общественных отношений, которому придана форма позитивного права. Для него характерны: длительность формирования, общепризнанность, локальность, многократность применения, не зафиксированность, непротиворечивость. В отличие от других источников права правовой обычаях характеризуется своеобразием формы. Он менее формализован и предоставляет сторонам свободу собственного усмотрения. Правовой обычай может представлять собой одно или несколько требований к поступкам, которые становятся общеобязательными в определенных ситуациях. Так можно сделать вывод о том, что правовой обычай является нетипичным источником права

Таким образом, изучая нетипичные источники права, мы выявили их характеристики. Рассмотренные нами нетипичные источники частного права могут

встречаться как таковые и в публично-правовой и международно-правовой сферах. Частный договор же содержит в себе индивидуальные правовые предписания в подавляющем большинстве случаев направленные на регулирование частных отношений, тем самым выступая наиболее ярким представителем нетипичных форм права. Так же исследование не исключает иные формы нетипичных источников права.

Библиографический список

1. Петров, К.В., Сапун, В.А., Смирнова, М.Г. Нетипичные источники российского права / К.В. Петров, В.А. Сапун, М.Г. Смирнова // Российский юридический журнал. № 1. 2009. С. 6-13.
2. Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997.
3. Цветков А. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права как часть российской уголовно-правовой системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
4. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 37–59.
5. Сильченко, Н.В. Сильченко, Н.В. Вопросы субординации между типичными, нетипичными и модифицированными источниками права / Н.В. Сильченко // Право. Экономика. Психология. 2016. № 2. С. 22-2
6. Сильченко, Н.В. Классификации источников права. Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. /отв. ред. проф. В.Н. Карташов. Ярославль: ЯрГУ, 2013. №12. С. 49–59.
7. Ананских А.А., Романовская Л.Р., Кухнина Л.Ю. Новые подходы к классификации источников права // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 8. С. 26–32.
8. Кравчук С.С. Советское государственное право. М.: Норма, 1985. С. 77 – 78.

УДК 340.1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ

Маркелов Кирилл Андреевич,
студент Институт права
Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия
Научный руководитель:
Галиев Фарит Хатипович,
д. ю. н., заведующий кафедрой теории государства и права Институт права
Уфимского университета науки и технологий
г. Уфа, Россия
kirillworld@icloud.com

О роли и значении государственной власти можно говорить долго и много. Самое главное в организации государственной власти в какой-либо стране – это, во-первых, обеспечение безопасности населения и территориальной целостности, во-вторых, достижение соответствующего уровня жизни граждан, и, в-третьих, стремление к оптимизации и гармонизации общественных отношений.

Данная статья раскрывает значение государственной власти, выделяет особенности государственной власти и государственного управления в России на историческом, правовом, культурном и социальном фундаментах. Ярко выражен смысл существования государства и его задачи с давних времён и до нашего времени. Статья чётко выделяет те истинно российские ценности, на основе и посредством воплощения которых в жизнь и существует наша страна, Россия, являющаяся самым большим государством на планете.

Ключевые слова: право, государство, власть, управление, Россия, закон, конституция.

История России вплоть до сегодняшних дней полна крайностей. Русский народ постоянно преодолевал различные невзгоды, терпел набеги, открывал новые земли и побеждал в войнах, защищая их, при всём этом сумев сохранить свою независимость, сберечь и развить культуру, достичь и приумножить новых высот в науке. После распада Союза Советских Социалистических Республик в чрезвычайно непростой и сложной ситуации, сложившейся на международной арене и в своих внутренних делах, Россия сумела преодолеть эту страницу в своей истории с большими потерями и трудностями, но смогла, и сейчас вновь находится на главных ролях в мире, там, где ей и положено быть.

Государство - это самый крупный и наиболее значимый институт для всех людей. Его влияние практически не ограничено и это обуславливается тем, что государство в своей жизнедеятельности охватывает абсолютно все значимые сферы жизни всего общества.

Государство защищает своих граждан от внешних и внутренних угроз, таких, как, например нападение другой страны или внутренний и международный

терроризм, гарантирует права и свободы человека, и все это становится возможным благодаря институту государственной власти.

Государственная власть отличается от любых других проявлений власти тем, что она более обширная и разносторонняя, в конце концов, имеет гораздо больше полномочий и глобальный характер.

Законы обретают свою правовую силу как в результате каких-то неоспоримых истин, с которыми согласно подавляющее большинство людей, так и на основе обычаев, традиций, ритуалов, которые издавна соблюдались людьми,живущими в данной стране.

Понимание того, что все мы живём на своей земле, так или иначе вместе решаем общие задачи и ведём совместную хозяйственную деятельность, положительно отвечает на вопрос о необходимости существования государственной власти.

Это упорядоченный комплекс мероприятий, направленных на все сферы жизни людей: экономическую, социальную, духовную, политическую, нравственную, оздоровительную, научную, техническую, производственную и многие другие.

На всем протяжении истории единство государственной власти обеспечивали и обуславливали некоторые способы осуществления государственной власти, каковые в той или иной степени сохраняют свою актуальность и сегодня:

1.Иерархия, как метод достижения единства государственной власти и использует строгое подчинение органов государственной власти по вертикали.

2. Выделение одной ветви власти среди других, примером является обоснование существования системы государственной власти Джона Локка как совокупности федеральной, можно сказать, ветви власти, исполнительной ветви и законодательной.

Эта система была обоснована тем фактором, что законодательной власти в настоящей системе подчинялись федеральная ветвь и исполнительная ветвь власти в целях обеспечения целостности и единства государственной власти, именно это и представляло собойосновополагающуюценность, можно сказать, фундаментом этой системы.

Этот метод, кстати говоря, получил распространение в странах с парламентской формой правления;

3.Третий, и, пожалуй, наиболее распространившийся способ достижения единства государственной власти являет собой создание системы сдерживания и противодействующих друг другу субстанций между разными ветвями государственной власти, где каждая ветвь власти настолько тесно переплетена с другой ветвью власти так, что ни одна не имеет возможности противодействовать другой и не имеет возможности выполнять свои собственные задачи без сотрудничества с другими ветвями государственной власти. Данный метод получил распространение в различных государствах, например, в Соединённых Штатах Америки.

Существуют главные, ярко выделенные черты политической а значит и государственной власти:

1.Присутствие субъекта и объекта государственного управления, где субъекты подразделяется на первичные, где субъектами являются большие социальные группы с имеющимися собственными интересами и вторичные, где под субъектами понимаются как органы государственной власти, так и различные организации, например, партии;

2.Законодательно определённые полномочия субъектов государственного управления страной;

3.Полноценный и точный механизм воплощения в жизнь принятых решений государственной власти;

4.Принцип трёх ветвей власти, то есть разделение государственного управления;

5.Власть, имеющая легитимность, то есть полная поддержка со стороны общества и граждан действующей власти или подавляющего большинства гражданского общества.

Понятие государственного управления относится по большей части к исполнительной ветви власти. Согласно главе шестой статьи 110 Конституции Российской Федерации – «исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации».

Можно представлять государственное управление, управление страной как находящееся ровно посередине между государственной властью и конкретными, самое главное, реальными сферами жизни всех граждан. Через управление государством, государственная власть как бы показывает и преподносит на блюдечке эти достижения, которые были достигнуты в результате деятельности всей страны, всего государства и народа, и сами эти достижения являются призывом к тому, чтобы работать ещё лучше и эффективнее, быть патриотом своей страны и все будет хорошо, как и при достижении предыдущих результатов.

Необходимо преодолевать и отходить от стереотипных и уже не имеющих под собой никаких оснований утверждений о том, что государство это аппарат людей, которые находятся на государственной службе со строгой иерархией и с подотчетностью перед непосредственным руководством. Немаловажную, а с эволюцией института государства как такового и более значимую и высокую роль в управлении государством играет гражданское общество. Об этом очень важно помнить.

Государство является не собранием разрозненных органов государственного управления, действующих невпопад, а как чётко структурированный политический и правовой институт общества.

Государство, как высшая форма организации общества, является его основной движущей политической силой как внутри страны, так по понятным причинам и в межнациональных делах. Оно также существует в роли главного инструмента, который добивается всего необходимого для общества путём производства материальных благ и достижения собственных международных целей и выполнения задач, направленных на обеспечение основных и жизненно важных потребностей страны.

Иными словами, доверие народа к власти, активное взаимодействие государственно-частного партнёрства, укрепление ниточек, связующих людей и

государство, увеличивающаяся гражданская ответственность и социальная ответственность крупного бизнеса, кратно улучшает государственное управление и усиливаетгосударственную власть, одновременно давая гораздо более широкий простор для действий руководства страны на геополитической арене мира.

Россия на протяжении всей своей истории, начиная от крещения Руси и до сегодняшних дней, имела по большому счёту жёсткую вертикаль власти. И в силу наличия своих огромных бескрайних территорий, Россия, наверное, действительно не могла управляться как-то иначе. Одно дело, когда в государстве с небольшой площадью государственная власть решает свои задачи, и совсем другое, когда под твоей ответственностью страна с одиннадцатью часовыми поясами.

У государственной власти должна быть национальная идея, общая, захватывающая всех граждан страны. Представление своего государства среди продвинутых государств мира и стремление занять достойное место на геополитической арене. Не зря Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин говорил, что у России нет, и не может быть другой объединяющей страну идеи, кроме патриотизма.

Государство организует общество, учитывает веяния времени и общее настроение, исторически сложившиеся обычаи и особенности уклада жизни, решает общие государственные и национальные задачи, такие, как, например, оборона страны, поддержание внутреннего порядка, продовольственной безопасности населения, живущего на территории страны, развития медицины, науки, культуры, промышленности, поддерживает и охраняет традиции.

Например, благодаря поправкам в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, которые были одобрены подавляющим большинством граждан России в ходе общероссийского голосования, в главном законе нашей страны была законодательно закреплена одна из наших незыблемых исторических ценностей - под понятием «брак» стал пониматься союз мужчины и женщины.

Сущность государственной власти заключается в обеспечении таких условий и рамок поведения людей в обществе, которые позволяют любому человеку заниматься любимым делом, создавать семью, иметь достойный доход и соответствующий уровень жизни без или с минимальными различными внешними и внутренними потрясениями, которые разрушают стабильность и влекут за собой нарушение исторически сложившегося порядка и привычного уклада жизни для десятков миллионов людей.

УДК 342.4

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В УКРЕПЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Никитина Гульнара Алексеевна
студент Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Казань, Россия
gulnara.nickitina2013@yandex.ru
Научный руководитель:
Березовская Елена Владимировна
доцент кафедры теории, истории государства и права и философии
Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), к.ю.н,
г. Казань, Россия

Актуальной задачей Российской Федерации на современном этапе ее развития является укрепление ее государственности как важнейшего фактора стабильности и развития российской цивилизации. Целью работы является определение роли и местамолодого поколения в укреплении современной российской государственности. Исследование позволило выявить различные инновационные формы деятельности молодых людей, направленные на формирование их гражданской идентичности, а также обозначить важность поддержки молодежи, их активного участия в жизни общества и государства, реализации их потенциала в рамках общественных молодежных формирований.

Ключевые слова: современная молодежь; российская государственность; состояние общества; гражданская идентичность; правовое воспитание; правовая культура, молодежные формирования.

За последние месяцы проблема укрепления российской государственности приобрела наиболее острый характер в условиях, усиливающихся с каждым днем внешнеполитических, а вместе с ними экономических вызовов, угрожающих национальной безопасности и суверенитету нашей страны. Именно поэтому на данный момент необходимо принятие мер, укрепляющих институты российской государственности.Директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров определилгосударственность как «исторически сложившуюся систему представлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, традициях государственного управления» [1, с. 6]. По мнению Н.М. Рогожина представления о государственности могут существовать в различных формах: в поведении и исторической памяти людей, в комплексе социально-психологических представлений о власти, в научных исследованиях по истории, праву и экономике государства [1, с. 72].

Государственность,в свою очередь,состоит из элементов, поддерживающих ее равновесие, обеспечивающих ее укрепление и сохранность. Анализируя вопрос о государственности, ученые по-разному подходят к вопросу о выделении ее компонентов. В частности, к ним относят само государство,

государственную власть, государственный аппарат, политическую систему общества, правовую и информационную системы, социальную и духовно-культурную организации, в том числе национальные, конфессиональные и межличностные отношения.

Так, немаловажную роль в развитии и укреплении российской государственности как явления, характеризующего состояние общества на определенном этапе его развития, играет социальная категория – молодежь. В современных политических процессах роль молодежи актуальна как никогда, поскольку это активная и динамичная социальная группа, предопределяющая развитие общества и государства. «Молодежь – опора сегодняшнего дня и будущее России…» – говорил президент России, Владимир Путин на одной из ежегодных пресс-конференций [2].

Будучи значительной частью населения Российской Федерации, молодежь представляет большую ценность для общества, обладая вместе с тем высоким уровнем мобильности, энергичности и здоровьем и отличается от иных групп в социуме. Все это определяет молодых людей как основу будущего состояния общества.

К сожалению, современное общество России все еще не отличается сформированностью институтов гражданского общества, которое является одним из составляющих элементов государственности. У многих граждан отсутствуют базовые политические знания и компетенции. Однако, молодые люди отличаются присущей им постоянной социализации, в отличие от взрослых людей, имеющих в большинстве случаев завершенное образование, профессию, жилье, семью и детей, ответственность перед другими людьми. Ввиду социальной активностиданной социально-демографической группы населения, жизненных установок, стремления к освоению чего-то нового и способности быстро и оперативно адаптироваться к изменениям, важным фактором для развития гражданского общества в нашей стране, а вместе с ним и укрепления государственности России в целом могут стать общественные молодежные объединения и формирования. Поэтому важной задачей для государства должно оставаться проявление интереса к молодежи и направление перечисленных качеств в нужное русло.

Говоря о социальной и духовно-культурной организации общества, мы не можем не обратиться к категории гражданской идентичности, означающей феномен осознания личностью на общекультурной основе своей принадлежности к общности граждан государства. В свою очередь, немаловажную роль в формировании гражданской идентичности играет система образования России, призванной способствовать консолидации российского общества в условиях экономических, политических и социальных изменений [3, с. 244; с. 4, 45]. Важно понимать, отмечает Е.О. Михайлова, что вопросы идентичности российской молодежи напрямую связаны сохранением государственности и устойчивым развитием страны, а также преодолением идеологического кризиса в российском обществе, возрождением уважения к национальному историко-культурному наследию [5, с. 144].

Стоит понимать, что при получении образования молодежью, процесс обучения учащихся школ и студентов должен быть дополнен различными

инновационными формами деятельности, направленными на формирование гражданской идентичности. На примере студентов юридического факультета мы видим, как молодежь может проявить свои знания и навыки на практике, внести роль в правовое воспитание населения, повышение правовой грамотности уже во время своего обучения в высшем учебном заведении. Так, к одним из вариантов практической реализации таких форм деятельности можем отнести участие молодежи, а именно студентов в работе юридической клиники, в процессе распространения юридических знаний среди населения, в том числе своих сверстников.

Участие в подобной общественной деятельности несомненно несет в себе положительные результаты – повышение уровня правосознания и правового воспитания самой молодежи, развитие правовой грамотности граждан, их осведомленности о характере и способах осуществления и защиты их прав и законных интересов, охраняемых государством, а также реализации права на квалифицированную юридическую помощь, которую гарантирует Конституция Российской Федерации, что способствует укреплению государственности.

По нашему мнению, привлечение студентов к такой форме общественной работы как юридическая клиника подчеркивает важность роли молодежного движения и на уровне образовательного учреждения, и на уровне государственном. Л.Ф. Гинцяк считает, что сегодня термин «юридическая клиника» используется в двух значениях: во-первых, как организационная структура; во-вторых, как специальная учебная программа [6, с. 7].

В качестве примера приведем деятельность юридической клиники «Фемида» Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), основное предназначение которой является оказание бесплатной правовой помощи гражданам, нуждающимся в социальной поддержке; проведение практических занятий по оказанию юридической помощи населению, а также взаимодействие с министерствами и ведомствами. Периодически студенты-клиницисты принимают участие в программе по оказанию бесплатной юридической помощи, а именно: рассматривают обращения граждан, связанные с защитой прав потребителей; под руководством специалистов и преподавателей оказывают юридическую помощь как в устной, так и письменной формах, разрешают проблемы этико-профессионального характера, а также составляют юридические документы – заявления, ходатайства и пр. Таким образом, юридическая клиника является тем местом, где студенты могут получить большой опыт и выработать практические навыки, применить свои теоретические знания, полученные в процессе обучения, на практике, а последующем выступить в качестве базы практики для обучающихся.

Стоит отметить, что такая деятельность повышает уровень доверия граждан государству, меняет представления о праве, а молодых людей делает достойными гражданами своей страны, формирует их осознанность и понимание своей роли в будущем и ответственности в обществе.

Отметим, однако, что юридическая клиника отнюдь не единственная форма работы студентов с гражданами. В сентябре 2022 года при Региональной молодежной общественной организации «Лига студентов Республики

Татарстан» был создан Юридический центр, который оказывает помощь по правовым вопросам студенчества. Таким образом, студенты, обучающиеся на 1-4 (5) курсе юридической специальности могут попробовать свои навыки в работе юриста уже во время своего обучения, помочь изучить проблему и разработать решение, оказывая при этом правовое просвещение практически своим ровесникам, которые менее разбираются в юридических вопросах.

Не можем оставить без внимания и деятельность Совета молодых юристов Татарстанского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», в рамках которой реализовывается проект «Школа права».

«Школа права», с одной стороны, выражает новый подход в подготовке студентов, которые имеют возможность попробовать себя в роли лектора. С другой стороны, для учащихся 8-11 классов излагают материал правового характера в увлекательной и интерактивной, а главное – доступной для них форме, на важные с точки зрения их общего и правового воспитания, темы. Очень важно проводить беседы на такие темы как юридическая ответственность несовершеннолетних, формирование стандарта антикоррупционного поведения, рассказывать о том, что определяет границы дозволенного в сети Интернет и в реальной жизни, говорить о правовых основах финансовой грамотности еще в школе, поскольку все это также является процессом правового просвещения и распространения знаний о праве среди молодежи. В последующем это несомненно способствует росту правовой культуры молодых людей и их уважительного отношению к праву, законности и правосудию, наделению их важными качествами для жизни в правовом государстве – активной гражданской позиции, способности к социальному творчеству, терпимости.

Хотелось бы отметить, что данный проект получил признание со стороны Президента России во время встречи со студентами юридических вузов. О «Школе права» В.В. Путин высказался следующим образом: «Хорошая практика, просто замечательная. И вам интересно, и ребятам» [7]. Действительно, такая практика способствует не только возможности студентов попробовать себя в новом амплуа и поделиться знаниями, но и расширению знаний обучающихся школ, ведь зачастую для современной молодежи авторитетом являются люди примерно такого же возраста, что и они, и поэтому предпочитают больше прислушиваться к своим ровесникам.

Таким образом, ключевым фактором решения стоящей перед страной задачи формирования и укрепления современной российской государственности является активное вовлечение молодежи в общественную жизнь. Государству необходимо создать условия для самореализации молодых людей, школьников и студентов, развития их гражданской идентичности и вовлечения их в построениегражданского общества, одновременно совмещая с получением образования. Поскольку молодежь – это основа будущего, основа политического, социально-экономического, научного, спортивного и культурного развития, политика государства должна быть направлена на поддержку молодых людей и их привлечение к созидательному и активному участию в жизни общества и государства. Начинать данную работу необходимо с молодого возраста, закладывая основы о

высокой нравственности правовых норм и правовой культуре уже в общеобразовательной школе, институте. От этого зависит наше будущее и дальнейшее развитие общества, а вместе с этим и укрепление государственности России.

Библиографический список

1. Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.). М., 2013.

2. Общероссийский народный фронт: [Электронный ресурс]. URL:https://onf.ru/ (дата обращения: 07.11.2022).

3. Минакова А. С. Формирование у молодежи российской гражданской идентичности (на примере проекта «Культурный дайвинг») / А. С. Минакова, П. Е. Суслонов // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью : материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции, Екатеринбург, 13 апреля 2021 года. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 244–249.

4. Змеев В. А. Российское образование в условиях глобализации // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2015. №1-2. С. 36–48.

5. Михайлова Е. О. Культурные предпосылки российской молодежной политики / Е. О. Михайлова // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 2. С. 142–148.

6. Гинцяк Л. Ф. Юридическая клиника: теория, практика, методика: учебное пособие / Л. Ф. Гинцяк, В. Н. Ильченко, А. С. Шабуров ; Урал. гос. пед. ун-т ; под ред. К. А. Шпека. Екатеринбург, 2018.

7. Президент России: [Электронный ресурс]. URL:http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 07.11.2022).

УДК 34.01

РОЛЬ МОРАЛИ В ФОРМИРОВАНИИ НОРМ ПРАВА

Фаррахов Тимур Разимович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия,
farrakhovtr@mail.ru
Научный руководитель:
Касимов Тимур Салаватович
Доцент кафедры теории государства и права
Института права Уфимского университета науки и технологий, к.ю.н.
г. Уфа, Россия

Правовые нормы являются во многом также морально-нравственными социальными нормами. Моральные норм общества формируют содержание права. Нарушение норм права вызывает негативную реакцию со стороны общества. Нормы права также служат критерием моральности поступков. Таким образом, право и мораль имеют взаимное влияние друга на друга. В подтверждение этому приводятся цитаты из некоторых действующих законов, в современной России и за рубежом, регулирующих деятельность органов государства и семейные и иные отношения.

Ключевые слова: право, мораль, нормы, закон, общество, семья.

Взаимосвязь норм права и морали является одним из актуальных и интересных вопросов на протяжении многих столетий.

Это связано с большим значением данных понятий в жизни человечества. Мораль обеспечивала мотивацию действиям людей, общества и помогала формировать отношение населения к государственным и правовым нормам, определяла желательность или нежелательность определенного общественного устройства. Право, которое создано на основе морали, в свою очередь, управляло жизнью и деятельностью в течении большей части его истории.

Воздействие моральных норм на право нормы осуществляется в процессе становления приоритетов системы права при помощи ценностей морали. Непосредственно с точки зрения моральных норм формируются важнейшие критерии правовых норм, право оценивается как справедливое и несправедливое, складывается представление о праве как о гуманистической ценности. Большая часть правовых норм представляют собой позитивные и негативные нормы поведения, которые закреплены в законодательстве и выражают морально-нравственную оценку со стороны общества.

Если обратиться к истории, можно заметить, что мораль, требуя наделения правами всех членов общества, способствовала падению системы крепостничества и рабства, установлению равной для всех системы правосудия и гуманизации системы наказаний.

Влияние морали на право сказывается и на применении правовых норм на практике. В общих требованиях право не имеет возможности принимать во

внимание индивидуальные особенности отдельно взятых случаев. Это можно проследить в судебных решениях и требованиях отдельных лиц, выражаемых смягчением или ужесточением наказания в отдельных случаях [1].

Право также влияет на мораль. Правопорядок, организованный на системе справедливости и обеспечивающий формальное равенство способствует реализации моральной свободы и созданию условий для нормальной жизнедеятельности общества.

Право вносит в отношения между людьми устойчивость и твердость. Из-за того, что личных мотивов людей не достаточно для устранения столкновений в обществе, появляется необходимость в твердой правовой организации, которая будет объединять личные мотивы людей и сдерживающую силу закона. Право, воздействуя на мораль, способствует её глубокому проникновению в общественные отношения и в то же время под влиянием моральных норм правовые нормы постоянно обогащаются, расширяется их нравственная основа, повышается авторитет и возрастает роль права как социального регулятора отношений в обществе.

Характерной чертой взаимодействия морали и права является их взаимодействие, сближение, их усиление влияния обоих на общественные отношения. В процессе обоюдного регулирования отношений в обществе возникает новое явление – морально-правовое воздействие.

Отражение моральных норм в нормативно-правовых актах является многоуровневым и многоплановым.

Рассмотрим связь норм права и морали в законодательстве Российской Федерации

К примеру, в статье 7 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» указано, что все равны перед законом и судом, суды не отдают предпочтения каким-либо органам, сторонам, которые участвуют в процессе по признакам их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности либо в зависимости от их происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, места рождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а равно и по другим не предусмотренным федеральным законам основаниям. Таким образом закреплен моральный принцип равноправия.

В статьях закона «О полиции» указано, что сотрудник полиции, при применении специальных средств, огнестрельного оружия и физической силы обязан: Предупредить лицо о намерении использовать специальные средства (оружие) или применить физическую силу. Здесь можно увидеть издавна сложившееся в народе правило не действовать исподтишка. Лицам, получившим разного рода телесные повреждения, обеспечить предоставление первой медицинской помощи, уведомление их родственников в максимально возможный короткий срок. Таким образом, нашла отображение моральная норма о ценности семейных уз. Уже много тысячелетий назад люди считали членов семьи самыми близким кругом для человека, поэтому с моральной точки зрения решение поставить их в известность считается правильным.

Статья 21 Конституции Российской Федерации предусматривает, что государство должно обеспечить неприкосновенность достоинства личности. Не допускается, чтобы кто-либо подвергался насилию, пыткам, унижающим человеческое достоинство и жестокому обращению, наказанию. Без добровольного согласия лица, оно не может быть подвергнуто научным или медицинским опытам. В этих нормах можно найти черты давно образовавшегося правила уважительного отношения к человеку. Например, в правовых нормах, относящихся к здравоохранению указано, что пациент имеет право на облегчение боли, связанной с медицинским вмешательством или заболеванием, таким образом проявляется уважение к человеку в целях недопущения падения его достоинства в глазах окружающих из-за испытываемой боли. Благодаря медикаментам человек остается в здравом уме и тем самым может себя контролировать, не совершая порочащих честь поступков из-за вспышек боли.

В Федеральном законе «Об опеке и попечительстве» указаны обязанности опекунов и попечителей над детьми-сиротами (издревле сложившееся правило заботы о детях) и обязанности опекунов над пожилыми людьми (моральная норма уважения старших и заботы о старшем поколении).

В Семейном кодексе РФ прописывается, что содержать своих нетрудоспособных членов семьи – это не только правовая обязанность родителей и других членов семьи. Налицо одна из разновидностей нравственного общественного свойства, правовая интерпретация которых проявляется в правилах, посвященных алиментным обязательствам членов семьи.

Нравственные нормы содержатся и в положениях, которые касаются труда несовершеннолетних. В интересах охраны труда несовершеннолетних запрещается применение их труда на работах с опасными или вредными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может принести вред нравственному развитию.

Важно отметить наличие норм морали в статье 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» где указано, что тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди. Прослеживается явное пересечение моральных божественных норм и норм права.

Рассмотрим также соотношение морали и права на примере Королевства Саудовская Аравия. Исследуя нормативно-правовой акт страны, первым можно отметить то, что форма судопроизводства является частью Шариата (совокупности религиозных предписаний мусульман, касающихся практически всех аспектов их жизни). Данный аспект позволяет нам считать, что поведение людей базируется, в первую очередь, на моральных принципах. Саудовская Аравия -патриархальная страна, европеизация, касающаяся общественной жизни, в условиях глобализации и выполнения международно-правовых обязательств выражена локально. В современных условиях признания прав человека, демократических принципов развития государств, приоритета гражданского общества и правового государства Шариат Саудовской Аравии сложен для понимания представителей иных стран, поскольку санкциями за нарушение закона являются

насильственные методы «воспитания», что кажется нравственно неприемлемым в 21 веке. В качестве примера можно привести статью 11 Уголовно-процессуального закона, которая гласит, что «Приговор к смерти, забиванию камнями, ампутации или кисас, в случаях иных, чем смерть, …, не должен быть окончательным, если только он не подтверждён постоянным составом Высшего судебного совета», однако, для большинства мусульман, Шариат – это право управлять собой так, как они считают нужным, исходя из воспитания и сложившегося в обществе «ярлыка поведения». Доказательством является статья 9 данного закона: «Приговоры могут оспариваться либо осужденным, либо обвинителем». Ещё одной особенностью нормативно-правового акта Саудовской Аравии является то, что в отличие от общего права, исламское право может включать такие аспекты, как «не лги», «не пей», «не воруй», что имеет моральные призывы, а не угрозы наказания [2].

В заключение хотелось бы отметить, что большинство правовых норм представляют собой законодательное закрепление негативных и позитивных норм человеческого поведения, имеющих морально-нравственную оценку со стороны общества. Из этого следует, что правовые нормы можно рассматривать, как морально-нравственные и социальные нормы, с нарушением которых общество не желает мириться, так как их нарушение вызывает негативную реакцию со стороны общества.

Нравственные и моральные нормы отражены в специальных правовых актах.

Библиографический список

1. Бочегуров А. И. Отражения норм морали в нормативноправовых актах высших органов государственной власти Российской Федерации // Система ценностей современного общества. 2010. №13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otrazheniya-norm-morali-v-normativnopravovyh-aktah-vysshih-organov-gosudarstvennoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 12.10.2022).

2. Киселева К.О., Нагорная М.С. Религиозная правовая традиция: соотношение права и морали в современных исламских государствах // Вестник СМУС74. 2022. №2 (37). URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-pravovaya-traditsiya-sootnoshenie-prava-i-morali-v-sovremennyh-islamskih-gosudarstvah (дата обращения: 12.10.2022).

УДК 340

ТРАВЛЯ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНТСВЕ: ФЕНОМЕН КИБЕРБУЛЛИНГА

Чавлытко Анастасия Андреевна
слушатель Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Калининград, Россия
chavlytko1106@gmail.com
Научный руководитель:
Кот Екатерина Александровна
старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения ОВД, кандидат юридических наук подполковник полиции

Достаточно актуальной в настоящее время является проблема феномена кибербуллинга. Целью работы является изучение данной социальной проблемы, а именно разъяснение значения термина «кибербуллинг», всестороннее рассмотрение аспектов его проявления, определение участников и их психологических особенностей, а также форм и видов проявления кибербуллинга. В ходе изучения данной темы проводилось исследование, которое позволило сделать вывод о широком распространении и высоком уровне латентности, что означает необходимость проведения информирования населения о наличии такой социальной проблемы с целью осуществления превентивных норм.

Ключевые слова: цифровая среда; кибербуллинг; киберагрессия; социальная поддержка; виктимизация; социальные сети

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому гражданину свободу слова и мысли, наделяет правом свободно искать, передавать, получать и распространять информацию любыми способами. Но достаточно важно, чтобы свобода мнения и свобода высказываний не нарушала существующее законодательство.

В настоящее время с неимоверной скоростью развиваются информационные технологии, и с каждым днем появляется все больше способов, методов и предметов для коммуникации людей. Сейчас общение людей происходит не только в реальной жизни, но и в виртуальной. Практически каждый имеет доступ к сети Интернет, а также различные гаджеты, которые, собственно, и позволяют передавать информацию через «сеть».

По состоянию на 2022 год в мире насчитывалось 5,31 млрд пользователей мобильных устройств, что составляет более 67% мирового населения, а Аудитория Интернета насчитывает 4,62 миллиарда человек, при этом в социальных сетях зарегистрировано 58,4% мирового населения. [1]В свою очередь Доля интернет-пользователей в России – 81% граждан, среди которых 69% выходят в Интернет ежедневно. Среди возрастной группы от 18 до 24 ежедневно выходят в сеть 91%.[2]

Изучением феномена кибербуллинга занимались различные специалисты в области психологии и социологии. Так, например, кандидат психологических наук А.А. Бочавер и психотерапевт К.Д. Хломов дали следующее определение: «Кибербуллинг (cyberbullying), электронная травля (electronicbullying), социальная жестокость онлайн (onlinesocialcruelty) – это отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить [3]. А доктор социологических наук В.А. Симхович определяет: «Кибербуллинг – это одна из форм преследования, травли, запугивания, насилия при помощи информационно-коммуникационных технологий (Интернета и мобильных телефонов)».

Давая определение данному термину, можно прибегнуть к этимологии слова. Термин «кибербуллинг» пришел в русский язык из английского, и состоит из 2 слов: «cyber» и «bullying». Префикс «cyber» обозначает принадлежность к информационной сфере, технологиям и к Интернету, а «bullying» переводится как «запугивающий, задирающий».Таким образом, кибербуллинг– это одна из форм разновидности травли, т.е. агрессивного преследования человека, происходящей в Интернете и включающей в себя систематическое оскорбление и запугивание лица группой или индивидом, которая влияет на психологическое состояние человека. Некоторые специалисты относят это явление к виртуальному террору.

В процессе изучения данной темы, нами было проведено исследование, заключающееся в социальном опросе, который позволил сделать выводы о широком распространении кибербуллинга и о латентности данного явления. 71% опрошенных сталкивались с кибербуллингом, из них44,4% указали, что никому бы не рассказали о случаях травли.

При этом среди предполагаемых причин респонденты назвали следующие:69% указали, что это происходит из-за анонимности, 58,8% – что это забавно.

Таким образом, в ходе проведения исследования, мы выделяем следующие причины распространения кибербуллинга:

1. Анонимность и безопасность – неизвестно, чья личность скрывается за каким-либо аккаунтом, а значит, заниматься кибербуллингом безопасно, ведь есть ощущение полной безнаказанности.

2. Невозможность наблюдать за психологическим состоянием и эмоциями человека, а значит, что невозможность проявления эмпатии, и прекращения травлю.

3. Мультимедийность, общедоступность – практически у каждого человека есть какое-либо устройство, позволяющее делиться своим мнением или призывать к чему-либо.

Исходя из характера противоправных и иных действий, различают следующих: агрессоры, жертвы, свидетели и защитники.

Агрессоры, булли – это те, кто непосредственно занимается травлей в Интернете, они находят жертву, намерено оскорбляют или запугивают ее, а затем

наблюдают за ее реакцией. Это завистливые, эмоционально нестабильные люди с низкой самооценкой, которые путем анонимных оскорблений пытаются ее повысить. Агрессор считает, что имеет право кого-то «проучить».

Свидетели – те, кто непроизвольно или по собственному желанию наблюдают за травлей.

Защитники – люди, которые по каким-либо причинам заступаются за жертв агрессии. Чаще всего это авторитетные личности, которые считают травлю неблагоразумным занятием.

Жертвы – те, кто подвергаются нападкам. Можно выделить два вида жертв: первые – сильные личности: те, кто добился успеха, кому завидуют в реальной жизни, или же те, кто обижает других в реальной жизни, и второй вид – более слабые личности, которые подвергаются нападкам со стороны других людей, имеют какие-либо физиологические особенности, нетипичную внешность и иные признаки, отличающие их от других людей.

Кибербуллинг имеет широкий спектр проявлений и является достаточно опасным явлением из-за своего воздействия на психику жертвы. Меняется поведение жертвы, понижается его самооценка, появляются проблемы с самоконтролем, даже характер меняется. Люди в следствие кибербуллинга становятся замкнутыми, нервными, тревожными, пребывают в состоянии депрессии, становятся более ранимыми и боятся того, что угрозы и насмешки в Интернете перейдут в реальную жизнь. Но самое ужасное возможное последствие – это совершение суицида.

Существует много различных классификаций кибербуллинга, каждая из которых имеет свое значение.

1) В зависимости от цели проявления агрессии кибербуллинг может быть как сознательный, так и бессознательный.

Сознательный – это когда агрессор намеренно начинает «травить» жертву, когда преследует цель нанести психологический вред, унизить. Анонимность булли обеспечивает чувство защищенности, что позволяет, не боясь последствий использовать абсолютно все способы воздействия: фото, видеозаписи, фрагменты переписок, угрозы.

Бессознательный кибербуллинг проявляется как защитная реакция на проявленную агрессию, чаще всего он «одноразовый». При бессознательном кибербуллинге жертва становится на место агрессора и, желая защитить себя, сам того не замечая, в состоянии аффекта становится булли.

2) Соглашаясь с кандидатом психологических наук А.А. Бочавером и психотерапевтом К.Д. Хломовым по количеству участников, мы выделяем прямой и косвенный кибербуллинг [5].

Прямой кибербуллинг характеризуется тем, что в процессе травли участвует лишь один булли, то есть процесс унижения и преследования жертвы происходят непосредственно через письма и сообщения.

При косвенном кибербуллинге жертва поддается унижению со стороны других людей, помимо агрессора. Косвенный буллинг считается наиболее опасным, т.к. агрессор в процесс травли вовлекает других людей, высмеивает и унижает жертву при других, также булли способен взломать аккаунт жертвы,

разослать сообщения знакомым, желая уничтожить круг общения, или же публикует ложную информацию, например, о поиске кого-либо.

3) В зависимости от гендерной принадлежности участников, можно выделить женский и мужской кибербуллинг.

Женский кибербуллинг является наиболее распространенным, т.к. булли женского пола физически слабее и поэтому избегают физического контакта, который может привести к плачевным последствиям. Такой кибербуллинг является косвенным, ведь чтобы «победить» девушки пытаются привлечь наибольшее число людей для травли.

Мужчины, в свою очередь, стараются использовать все возможности, не боясь физического контакта в дальнейшем. Поэтому мужской кибербуллинг менее распространен, но характеризуется более высокой жестокостью и нередко перетекает в буллинг в реальном мире.

Нэнси Виллард (американский специалист в области дефектологии и права с большим опытом работы с неустойчивыми детьми, автор книг на темы детской кибербезопасности) в 2007 году разработала наиболее систематизированную классификацию, основанной на разделении кибербуллинга по способам и проявлением травли:

Flaming – флейминг – комментарии в сети, которые «получают» ответ и начинается словесная перепалка;

Harassment – харассмент – травля осуществляется с ненастоящих (фейковых) аккаунтов;

Outingandtrickery – публичное разглашение – публикация на всеобщее обозрение какой-либо компромитирующей жертву личной информации;

Impersonation – ненастоящее имя – травля осуществляется от имени другого лица, как правило, без его ведома, то есть агрессор намерено использует чужие данные и фото;

exclusion – социальная изоляция – травля методом выделения «изгоя», непринятие его в какие-либо сообщества;

cyberthreats – открытая угроза физической расправы в реальной жизни.

cybertalking – преследование –систематическое оскорбление;

Denigration – клевета – намеренное распространение какой-либо унижающей жертву информации [6].

Таким образом, мы установили, что кибербуллинг имеет широкий спектр проявлений, различается по способам совершения нападений на жертв и по последствиям. Нередко кибербуллинг может перейти в буллинг, или же иметь последствия в виде реальной физической или психологической угрозы. Кибербуллинг преследует единственную цель – навредить жертве, и различается по способам причинения вреда, по субъектам, причиняющим вред и по цели причинения вреда. На сегодняшний день нет нормативно-правовых актов, предусматривающих ответственность за кибербуллинг, но данное социальное явление с каждым днем становится более актуальным.

Библиографический список

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т.11. №3. С. 180.
2. ШерышевГ.И. Личная информационная безопасность. Проблема кибербуллинга детей и подростков / Шерышев, Г. И. // 2я Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Информационные технологии, телекоммуникации и системы управления» : сборник докладов. Екатеринбург : [УрФУ], 2016. С. 148-151.
3. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т.11. №3. С. 180-181.

УДК 340.1

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Чанбарисов Никита Сергеевич
студент Института права УУНиТ, г.Уфа, Россия
chanb@inbox.ru
Научный руководитель:
Галиев Фарит Хатипович
заведующий кафедрой теории государства и права Института права УУНиТ, д.ю.н.,
г. Уфа, Россия

Формирование моделей государственного управления происходит под влиянием объективных и субъективных факторов. В статье рассматриваются основные модели современного государственного управления: классическая модель рациональной бюрократии; либеральная модель; «нового государственного менеджмента» (New Public Management); «хорошего правительства» (Good Governance); 5) сетевая модель (Networkmodelof Government); 6) различные модели антикризисного публичного управления (Anticrisis Public Administration). При этом раскрываются такие аспекты этих моделей, как предпосылки их формирования и ключевые характеристики.

Ключевые слова: власть, государство,бюрократия, новое государственное управление, «надлежащее управление», регулирующее воздействие.

В разных государствах в силу исторических условий, национальных традиции формируются целостные социальные системы и соответствующие им модели государственного управления.

Под моделью государственного управления понимается сложившаяся система воздействия на общественные отношения и процессы, позволяющая

государству и его структурным единицам адаптироваться к изменениям внутренней и внешней среды, устойчиво развиваться, приобщаясь к положительному мировому опыту, добиваться поставленных целей [1, с.72].

Отечественные и зарубежные авторы выделяют различные модели государственного управления, в их числе: 1) классическая модель рациональной бюрократии; 2) либеральная модель, которая предполагаетминимизацию участия государства; 3) модель «нового государственного менеджмента» (New Public Management); 4) модель «хорошего правительства» (Good Governance); 5) сетеваямодель (Networkmodelof Government); 6) различные модели антикризисного публичного управления (Anticrisis Public Administration).

Дополнением к этим моделям выступают доклассические неэффективные патримониальные системы государственного управления и концепт Good Enough Governance.

Рассмотрим три модели государственного управления, которые выделяет Г.Т. Сардарян [2, с. 12], и которые по мнению автора статьи являются основными моделями управления в современных государствах: Public Administration, New Public Management и Public Governance (или удругихавторов – GoodGovernance [3, с. 57]).

Первую модель еще называют классической бюрократией, также она часто встречается в литературе под названиями классической модели, или традиционного государственного управления. Это первая научно обоснованная модель госуправления, которая сложилась на основе принципов рациональной бюрократии Вебера, наследия школы научного менеджмента (в частности, Файоля и Гулика) и американского подхода к решению политико-административной дихотомии.

В управленческой практике модель сложилась в развитых государствах Европы и в США после реформ государственной службы в XIX в. (закон Пэндлтона и доклад Норткота-Тревельяна).

Задолго до того, как Макс Вебер изложил ключевые принципы формирования национальной бюрократии [4], которые до сих пор лежат в основе деятельности системы госуправления большинства современных стран, в ряде стран мира стали складываться бюрократические модели, отличные от непотических. Однако именно Максу Веберу удалось впервые систематизировать представление об основных принципах организации деятельности бюрократии в государстве. Вебер был убежден, что именно бюрократия представляет собой наиболее эффективный и рациональный способ организации человеческой деятельности, а систематические процессы и организованные иерархии необходимы для поддержания порядка, максимизации эффективности и устранения фаворитизма. Бюрократическая администрация, по его мнению, означает доминирование силой знания на основе рациональности.

Основные принципы классической модели государственного управления во многом повторяют черты рациональной бюрократии М. Вебера и основываются на следующих исходных предположениях: 1) автономность государства от экономики и общества в целом; 2) непосредственный контроль нижестоящих вышестоящими в иерархии; 3) вертикальная подотчетность; 4) единые стандарты.

Необходимо отметить, что подобная система организации управления сохранилась в большинстве стран современного мира. Традиционное распределение иерархии по функциональной подчиненности и ее вертикальная организация до сих пор остаются наиболее глобально распространенной конфигурацией бюрократической системы.

У подобной системы есть как плюсы, так и очевидные минусы. Строгая иерархия и централизация в первую очередь служат цели контроля за исполнением принятых решений, выполнением их в строго установленные сроки, и предполагает высокую степень личной ответственности исполнителей.

Также к основным достоинствам классической модели исследователи относят [3, с. 59]: стабильность и самовоспроизводство системы; долгосрочную мотивацию государственных служащих за счет пожизненного найма; возможность реализации непопулярных политических решений благодаря системе назначений, независимой от политиков.

С другой стороны, подобная организация государственного управления предполагает чрезвычайно долгую процедуру согласований, которая ведет к более замедленному принятию решений, излишнему увеличению документооборота при их реализации и контроля за их исполнением.

Более того, в условиях, когда все без исключения государственные услуги оказываются непосредственно самим государством, которое вынуждено содержать большой штат сотрудников, включающий в себя не только государственных служащих, но и работников самых разных профессий, необходимых для обеспечения их деятельности, затраты на содержание такого аппарата становятся для власти чрезмерно большими. Эффективность и качество оказанных услуг также остаются под большим вопросом.

Попыткой преодолеть недостатки классической модели государственного управления становится New Public Management (NPM), который переводят как «новое государственное управление», или «новое государственное администрирование», или «новый государственный менеджмент».

Термин «New Public Management» был введен британским ученым Кристофером Худом, который предлагал по-новому взглянуть на организационную структуру в государственном секторе. Первенство в вопросах применения NPM традиционно отдается реформам М. Тэтчер в Великобритании. Затем NPM стал популярным сначала в странах Содружества, а в 1990-х гг. во всем мире началось то, что К. Худ назвал «theriseofnewpublicmanagement» («подъемом NPM») [5, с.3].

На начальном этапе в Великобритании была осуществлена попытка по внедрению технологий и механизмов из сферы бизнеса в государственный сектор, что должно было повысить его эффективность, позволить реализовать модель управления, характерную для частного сектора. Центральную позицию в данной системе занимали граждане, в качестве клиентов получающие государственные услуги.

Основу философии NPM составляет представление о том, что индивидуальный личный интерес определяет бюрократическое поведение. Модель New-PublicManagement привела к значительным изменениям в духе и подходе

государственного сектора, особенно в вопросах внедрения новых методов управления, аутсорсинга основных услуг посредством контрактов в частный сектор, большей нацеленности на результат и др.

По мнению М.Ю. Зенкова «новый государственный менеджмент» не представляет собой какую-то единую концепцию [6, с. 63]. Скорее, это объединение предложений относительно реформирования госуправления вокруг идеи приближения управления в общественном секторе к методам, принятым в бизнес-среде.

Очевидным преимуществом системы стал так называемый «аутсорсинг», когда целые группы функций государственной власти передавались для реализации в частный сектор, что в условиях конкуренции за право их выполнения приводило к отбору исполнителей, готовых осуществлять работу за наименьшую стоимость и с наиболее высоким качеством.

Тем не менее, необходимо учитывать, что применение NewPublicManagement возможно исключительно в условиях уже сложившегося бизнес-сообщества, обеспечивающего конкурентность в борьбе за контракты с устоявшейся правовой системой, способной гарантировать прозрачность проводимых процедур, а также выполнение поставщиком взятых на себя обязательств.

Во многих странах, где NPM рассматривалась как панацея от всех проблем государственного управления и потому применялась без учета экономических и бизнес-реалий, это приводило лишь к росту коррупционных рисков, уходу государственной власти от ответственности в чрезвычайно чувствительных социальных сферах, еще большему падению качества оказываемых услуг.

Несмотря на то, что сама модель претендовала на универсальный характер и возможность реализации вне зависимости от условий внешней среды, практика показала, что лишь отдельные ее элементы и механизмы нашли воплощение в системах госуправления развивающихся стран.

Альтернативой концепции «нового государственного менеджмента» можно рассматривать идею «надлежащего (хорошего) управления» (good governance) [7, с. 45-62]. На современном этапе в Программе развития ООН, программных документах ОБСЕ, Европейского союза и ряде других организаций в качестве новой стадии в развитии государственного управления обозначается PublicGovernance (PG).

С точки зрения значения, governance – это управление, осуществляемое посредством законотворчества, определения политики путем дебатов и проведения широких общественных дискуссий. В данном контексте governance как уровень управления располагается выше по отношению к administration, осуществляющем оперативное регулирование, контроль и оказание услуг.

Основными элементами PG являются открытость, вовлеченность, подотчетность, прозрачность, эффективность, результативность и верховенство закона.

Механизмы PG помогают укрепить доверие и обеспечить стабильность, необходимые для планирования инвестиций в среднесрочной и долгосрочной перспективе, привнося во взаимодействие между государством и общественностью (вместо подхода «контроль и надзор») более гибкие принципы руководства, коммуникации и убеждения.

В целом, goodgovernance во главу угла ставит прозрачность процесса принятия решений и диалог государства с гражданским обществом и бизнесом. Прозрачность гарантируется подотчетностью государства обществу (в отличие от «вертикальной подотчетности» классической модели).

С глобализацией и моментальным распространением информации, открытостью и прозрачностью современного мира стало очевидно, что несмотря на схожие конфигурации нормативно-правового регулирования форм правления, территориального и политического устройства государств, эффективность деятельности государственных органов, их особенности и структура имеют совершенно разные очертания в разных частях света, а в глобальной конкуренции незаменимыми ресурсами являются обладание технологиями, в особенности технологиями управления и формирования сознания [8, с. 26-27].

Библиографический список

1. Осейчук В.И. Теория государственного управления : учебник и практикум для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2021.

2. Сардарян Г.Т. Государственное управление в современном мире : учебник для студентов бакалавриата и магистратуры. М.: МГИМО-Университет, 2020.

3. Васильева, В. М. Государственная политика и управление: учебник и практикум для вузов / В. М. Васильева, Е. А. Колеснева, И.А. Иншаков. М.: ИздательствоЮрайт, 2020.

4. Вебер М. Власть и политика. М.: РиполКлассик, 2017.

5. Hood C. A public management for all seasons? // Public administration. 1991. Vol. 69 (1). P. 3-19.

6. Основы государственного и муниципального управления: Курс лекций. Ч. 1. М.Ю. Зенков. Основы государственного управления / СИУ РАНХиГС.— Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015.

7. Красильников Д.Г. Современные западные управленческие модели: синтез new public management и good governance / // Ars asministrandi. Искусство управления. 2014. № 2. С. 45-62.

8. Касимов Т.С. Концепции кибергосударства, электронного правительства и криптоанархии // Мир юридической науки. 2010. № 9. С. 26-32.

УДК 340.1

СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В США

Чанбарисов Никита Сергеевич
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
chanb@inbox.ru
Научный руководитель:
Галиев Фарит Хатипович
заведующий кафедрой теории государства и права Института права УУНиТ, д.ю.н.,
г. Уфа, Россия

В статье рассматриваются основные принципы доктрины сдержек и противовесов, дополняющие принцип разделения властей в системе государственного управления США на примерах применения конкретных полномочий органами законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, а также примерах из судебных прецедентов, вынесенных Верховным Судом США по делам, затрагивающим проблемы разделения властей. Рассмотрены воззрения на систему сдержек и противовесов отцов-основателей США: А. Гамильтона и Д. Мэдисона.

Ключевые слова: власть, управление, разделение властей, доктрина сдержек и противовесов, Конституция США, президент.

Разделение властей и доктрина сдержек и противовесов составляют основу государственного управления Соединенных Штатов Америки. Эти два принципа обеспечивают стабильную систему органов власти на протяжении более 200 лет.

Конституция Соединенных Штатов Америки делит органы государственного управления на три ветви:

– законодательная – принимает законы (Конгресс, состоящий из Палаты представителей и Сената);

– исполнительная – исполняет законы (президент, вице-президент, кабинет министров, большинство федеральных агентств);

– судебная - применяет законы (Верховный суд и другие суды).

Каждая ветвь власти может изменять акты других ветвей:

– Президент может наложить вето на закон, принятый Конгрессом, и назначить глав федеральных агентств;

– Конгресс утверждает или отклоняет кандидатуры президента и может отстранить президента от должности в исключительных обстоятельствах;

– Судьи Верховного суда, которые могут отменять неконституционные законы, назначаются президентом и утверждаются Сенатом.

Эта способность каждой ветви власти реагировать на действия других ветвей называется системой сдержек и противовесов.

Хотя модель американской системы государственного управления основана на разделении полномочий между судебной, исполнительной и законодательной ветвями власти, границы между этими ветвями не всегда четкие. Авторы Конституции США стремились защитить индивидуальную свободу посредством разделения государственной власти.

Три положения подчеркивают необходимость разделения полномочий:

1) Правительство управляется людьми, поэтому оно отражает человеческую природу;

2) Человеку свойственно действовать амбициозно в собственных интересах;

3) Концентрация государственной власти под контролем одного корыстного субъекта даст лидерам правительства власть и возможность угнетать своих избирателей.

Джеймс Мэдисон, один из авторов Конституции, защищал эти убеждения в «Записках федералиста», написав: «Сосредоточение всей власти, законодательной, исполнительной и судебной, в одних руках… может быть справедливо объявлено самим определением тирании» [1, с. 51].

Создатели Конституции США считали, что противодействие этим тенденциям требует создания такого типа правительства, в котором «честолюбие должно противодействовать амбициям».

Доктрина разделения властей дает каждой из трех ветвей власти независимость от других, дает каждой ветви единоличное право выполнять определенные функции и запрещает каждой из них выполнять некоторые функции других ветвей.

Доктрина сдержек и противовесов налагает ряд «противовесов», которые блокируют каждую ветвь, не позволяя какой-либо одной ветви навязывать свою волю другой или стране в целом. Доктрина сдержек и противовесов «снабжает каждую ветвь оружием для отражения посягательств со стороны двух других ветвей» [2, с. 315].

Авторы Конституции Соединенных Штатов разработали правила формирования правительства, основанного на этих двух концепциях. Однако нигде в Конституции не прописаны слова «разделение властей» или «сдержки и противовесы». Наоборот, эти понятия вытекают из системы, созданной Конституцией. Обращаясь к этому вопросу, судья Верховного суда Роберт Джексон писал: «Доктрина разделения властей… возникает не из… какого-либо… отдельного положения Конституции, а потому, что «за словами конституционных положений стоят постулаты, которые ограничивают и контролируют»[3].

Обратим внимание, что в дополнение к разделению полномочий в федеральном правительстве («горизонтальное» разделение властей) существует также «вертикальное» разделение между федеральным правительством и правительствами штатов, также наделяющее каждое своей сферой полномочий. Это «вертикальное» разделение и составляет основу федерализма [4, с. 126].

Функция законодательной власти заключается в создании законов. Исполнительная власть наделена полномочиями по осуществлению и обеспечению соблюдения законодательства, принятого законодательной властью. Наконец,

судебная власть толкует смысл законов и решает дела, связанные с созданием, применением и исполнением этих законов и самой Конституции.

Разработчики Конституции предвидели, что ветви будут конкурировать за власть, поэтому сложность разработанной ими системы сдержек и противовесов так важна до настоящего времени.

Система сдержек и противовесов позволяет одной ветви власти гармонично контролировать работу другой ветви. Создатели понимали, что если одну ветвь власти оставить без контроля, она может накопить достаточно силы, чтобы подавить две другие ветви. Чтобы избежать каких-либо проблем, основатели смягчили разделение властей системой сдержек и противовесов.

Система сдержек и противовесов находит свое отражение в тексте Конституции. В соответствии со статьей I Конституции законодательная власть может контролировать действия исполнительной власти следующими способами:

– преодоление президентского вето двумя третями голосов как в Палате представителей, так и в Сенате;

– утверждать некоторые президентские назначения;

– одобрять договоры, заключенные Президентом;

– утвердить бюджет, необходимый для работы исполнительной власти;

– отстранить президента от должности в порядке импичмента.

В свою очередь, исполнительная власть во многом контролирует законодательную власть. Президент:

– может наложить вето на закон;

– может потребовать от Конгресса провести так называемую «специальную сессию»;

– через вице-президента председательствовать в Сенате и использовать его голос в качестве решающего.

Проверки судебной властью президента и Конгресса входят в ее функцию судебного надзора. Как утверждает Александр Гамильтон в «Записках федералиста», статус Верховного суда как окончательного арбитра Конституции подразумевает его способность аннулировать законы или действия других ветвей власти [1, с. 89]. Фактически, Верховный суд только в 1803 году отменил первый акт Конгресса как неконституционный. Следует также отметить, что суды низшей инстанции также имеют право судебного надзора, хотя их решения всегда могут быть обжалованы в вышестоящих судах до тех пор, пока дело не попадет в Верховный суд США.

При этом обе другие ветви власти имеют серьезное влияние на судебную власть в том смысле, что Президент назначает федеральных судей с согласия Сената, а Конгресс может вносить поправки в правила или принимать новые взамен отмененных законов.

Джеймс Мэдисон писал: «Зависимость от воли народа, без сомнения, является основным контролем государственного управления; но опыт научил человечество необходимости принятия дополнительных мер предосторожности» [5, с. 261]. Доктрины разделения властей и системы сдержек и противовесов призваны служить в качестве этих мер.

Библиографический список

1. АМЕРИКАНСКИЕ ФЕДЕРАЛИСТЫ: Гамильтон, Мэдисон, Джей/Избранные статьи. Published by Chalidze Publications Benson, Vermont 05731 USA

2. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты : [Пер. с англ. / Сост. В. И. Лафитский]; Под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. М. : Прогресс : Универс, 1993. 765 с.

3. National Mut. Ins. Co. v. Tidewater Transfer Co., Inc., 337 U.S. 582, 590-591 (1949), quoting, Chief Justice Charles Evans Hughes in Principality of Monaco v. Mississippi, 292 U.S. 313, 322 (1934).

4. Винсент Остром. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество: Пер. с англ. / Предисл. А. Оболонского. М. : Арена, 1993. 320 с.

5. Madison James. The same subject continued, with the same view, and concluded. № 51. // The Federalist / by Alexander Hamilton, John Jay and James Madison. Indianapolis: LibertyFund, 2001. P. 261-272 [Электронный ресурс]. URL:http://files.libertyfund.org/files/788/0084_LFeBk.pdf (дата обращение: 25.07.2020).

УДК 340

МЕТОДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ОРГАНАХ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Чингизова Галия Фанзилевна
Студентка Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
solnyfffko@yahoo.com
Научный руководитель:
Галиев Фарит Хатипович
Заведующий кафедрой теории государства и права Института права УУНиТ,
доктор юридических наук, профессор

Совершенствование правотворчества в муниципальных органах власти обусловлено существованием проблем, связанных с процессом разработки, принятия и реализации правовых актов соответствующих органов на местном уровне. В процессе организации и осуществления деятельности органов местного самоуправления появляются определенные сложности в вычленении вопросов, полномочий и обязанностей глав муниципальных образований. В каждом муниципальном образовании процесс правотворчества должно начаться с комплексного планирования с обозначением целей и задач правового акта. При этом в роли инициаторов разработки планов и подготовки правовых актов выступают представительные органы муниципального образования. Для повышения

качества правовых актов, также необходимо проведение комплексной экспертизы, обнародование целей и задач планирования правового акта, своевременное выявление рисков, устранение факторов риска на этапе планирования, определение источников финансирования.

Ключевые слова: правотворчество в муниципальных органах власти, местное самоуправление, полномочия и обязанности муниципальных органов власти, сфера правотворчества главы муниципального образования, многоуровневая система правотворчества, правовая система, принципы взаимодействия органов правотворчества.

В процессе организации и осуществления деятельности органов местного самоуправления возникают отношения, регулируемые как на местном уровне, так и на региональном и федеральном уровнях. При этомвозникают сложности при определенииактуальных вопросов, полномочий и обязанностей, которые относятся к ведению муниципальных образований. В законодательном уровне должны быть закреплены все полномочия глав муниципального образования в целях осуществления надлежащего правового регулирования отношений, возникающих на территории конкретного муниципального образования [1].

Также необходимо выделения объема компетенции в правотворчестве главы муниципального образования на региональном и федеральном уровне.

Таким образом, до сих пор на законодательном уровнене разграничены должным образом предметы ведения между различными уровнями власти, то и затруднено обеспечение соответствия правовых актов местного самоуправления вышестоящим актам. Невозможно соблюдать соответствие правовых актов, имеющих меньшую юридическую силу актам, имеющим большую силу, в ситуации нечеткого разграничения полномочий и компетенций между органами разного уровня. К тому жеотсутствует разграничение компетенции в правотворчестве органов местного самоуправления и на уровне муниципального образования. Также нет четких разграничений полномочий между представительными и исполнительными органами.

Таким образом, в условиях функционирования многоуровневой системы управления актамив муниципальных органах власти одним из путей решения в упорядочивании процесса правотворчества является формирование комплексного нормативного материально-процессуального блока, с целью регулирования деятельности в сфере правотворчества, который будет направлен на все уровни правотворческой системы. Данный нормативный блок, по смыслу своего создания, должен включать в себя: общие принципы взаимодействия органов правотворчества, которые сведут к минимуму случаи возникновения коллизионных актов, а также в целом повысят уровень эффективности правовой системы.

Целесообразность правовых актов главы муниципального образования напрямую зависит от субъективного фактора – от кадрового состава, разрабатывающего этот акт. В большинстве образованиях на муниципальной службе ощущается нехватка квалифицированных специалистов. способом совершенствования правотворчества главы муниципального образования и наиболее практичным вариантом решения данной проблемы, будет внедрение взаимодействия

муниципальных образований с органами государственной власти субъектов РФ по вопросам правотворчества. Таким образом, органы местного самоуправления смогут своевременно получать консультации, необходимые методические указания и информационную поддержку по вопросам создания системы правовых актов с учетом типовых правовых актов, сформулированных органами государственной власти субъектов РФ, а также муниципальное образование сможет самостоятельно устанавливать норму, касающуюся к особенностям их территории [2].

Издании модельных актов, состоящих из типичных, кратких, максимально понятных рекомендаций и инструкции, с уклоном на правила оформления и минимальные требования с точной конкретизацией прав и обязанностей по тем или иным вопросам необходимо законодательно закрепить. При этом необходимо предусмотреть участие непосредственно представителей ассоциаций муниципальных образований, органов государственной власти, прокуратуры, отраслевых специалистов и т.д. Для повышения эффективности правотворчества муниципальных органов предлагается определить формы взаимодействия этих органов, путем внесения поправок в Федеральный закон 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ новой главы «Взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления», в которой обозначить понятие, цель, субъекты, формы и порядок такого взаимодействия [3].

Необходимо проведение целенаправленной работы по повышению качества вносимых проектов правовых актов. Прежде всего, в каждом муниципальном образовании процесс правотворчества должно быть запланировано с обозначением целей и задач акта. При этом представительные органы муниципального образования выступают в роли инициаторов разработки планов и подготовки правовых актов.

Разработка плана правового акта должна быть комплексной, т.е. включать в себя информацию о проектах, которые собирается подготовить в указанные сроки не только определенный представительный орган, но и иные органы местного самоуправления. Для разработки плана осуществляется распределение, в соответствии с которым представительные органы муниципального образования разрабатывают правовой акт, в то время как глава муниципального образования либо местной администрации берет на себя плановую разработку правовых актов для исполнения данного правового акта представительного органа. Согласованные действия, станут гарантом своевременной реализации правовых актов муниципальных органов, что имеет немаловажное значение для совершенствования правотворчества органов местного самоуправления.

Полагается целесообразно осуществлять разработку комплексных планов правотворчества, в каждом муниципальном образовании, рассчитанную на срок полномочий представительного органа конкретного созыва и утверждать его в течение трех месяцев со дня начала работы данного органа. До завершения утверждения комплексного плана необходимо провести работу, направленную по выявлению проблем, нуждающихся в правовом регулировании, важно предварительно исследовать качество действующих правовых актов, проконтролировать алгоритм их исполнения, также осуществить анализ принятых федеральных

законов и законов субъекта РФ, касающихся полномочий органов местного самоуправления. Аналитический подход, и комплексное планирование даст возможность разрабатывать работающие комплексные планы, которые удовлетворят реальные потребности общества в муниципальном образовании, будут четко решать проблемы социально-экономического развития муниципального образования, обозначат объем и перспективы правотворчества всех органов местного самоуправления в муниципальном образовании, а также позволят избежать необоснованного дублирования правовых актов.

Для правотворчества главы муниципального образования необходимо комплексное планирования. Поэтому возникает необходимость расширения этапов правотворчества в муниципальных образованиях путем изменения статьи 46 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в частности, внести дополнение о том, что подготовка правовых актов муниципального образования должна осуществляться в соответствии с комплексными планами, утверждаемыми представительными органами местного самоуправления. Следовательно, необходимо закрепить этап планирования в обязательном порядке правотворчества в муниципальных образованиях [4].

Для достижения целей повышения качества правовых актов необходимо дополнении статьи 46 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ нормой о закреплении на федеральном уровне проведение экспертиз всех проектов муниципальных правовых актов.

Правовая экспертиза необходима для определения соответствия разрабатываемого правового акта Конституции РФ, федеральному законодательству и законодательству субъектов РФ, а также уставам муниципальных образований. Так юридико-техническая экспертиза, в свою очередь, осуществляла бы проверку внутренней структурной согласованности разделов, глав и статей правового акта. Антикоррупционная экспертиза помогла бы предотвратить риски неправомерного поведения лиц, ответственных за исполнение таких правовых актов, выявляла бы возможности их подкупа в целях предоставления неположенных взяткодателю благ и льгот. Экологическая экспертиза смогла бы выявить нормы, принятие которых в перспективе увеличивает риски для окружающей среды и животного мира и тем самым, предпринимались бы меры к их предотвращению или минимизации. Лингвистическая экспертиза обеспечивала бы соблюдение языковых норм в изложенных проектах. Все виды проводимых экспертиз можно было бы объединить в одну экспертную стадию, которая стала бы частью правотворчества органов местного самоуправления.

Использование полученных результатов проведенных экспертиз позволяло бы обеспечить подготовку качественных правовых актов. Качественный правовой акт должна иметь четко обозначенный предмет регулирования, определенную цель своего применения; состоит, из положений определенных полномочия субъектов соответствующих правовых отношений; не допускает неоднозначного толкования норм, способствует уменьшению рисков ненадлежащего исполнения со стороны глав муниципального района. Правовые акты, муниципальных органовдолжны быть исполняемые и финансово обеспеченные.

Для успешного развития правотворчества главы муниципального образования целесообразно объявление посредством сети Интернет и не только, о проблеме, которую следует урегулировать путем принятия правового акта, указание на факторы, определяющие само возникновение и существование проблемы, описание влияния данной проблемы на субъекты отношений, существование отрицательных последствий, связанных с наличием неурегулированной проблемы.

Широкое распространение информации о готовящейся разработке проекта правового акта дает возможность уже на самой ранней стадии определить целесообразность разработки акта, его реальную необходимость, очертить масштаб проблемы, выявить издержки в случае неурегулированности конкретных отношений, а именно реальный ущерб и упущенную выгоду, также позволяет выявить наличие рисков причинения вреда жизни или здоровью людей, имуществу физических и юридических лиц. Также нужно указать цель принятия правового акта. Формулировка цели должна быть изложена таким образом, чтобы можно было оценить степень ее достижения, конкретный момент ее достижения по определенным показателям результативности. В тексте проекта правового акта должна указываться информация обо всех функциях, новых обязанностях и правах органов муниципального управления. При этом должны быть определенны источники финансирования для осуществления данного проекта. Для минимизации рисков путем проведения конкретных мер реагирования рекомендуется также осуществлять оценку рисков в случае, если какие-то из обозначенных целей не будут достигнуты.

Разработанные предложения могут быть применены субъектами правотворческой инициативы для разработки и реализации актов местного самоуправления.В результате реализации предложенных методов совершенствования правотворчества органов местного самоуправления, процесс планирования, разработки и реализации правого акта будет эффективной, как для глав муниципального образования, так и населения в целом.

Библиографический список

1. Кашанин А.В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016, № 3. С. 77.

2. Садовникова Г.Д. Представительные органы в Российской Федерации: проблемы исторической обусловленности, современного предназначения и перспективы развития: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2013. С. 25.

3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (закон о МСУ) от 06.10.2003 N 131-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2022).

4. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2022).

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Чингизова Галия Фанзилевна
Студентка Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
solnyfffko@yahoo.com
Научный руководитель:
Галиев Фарит Хатипович
Заведующий кафедрой теории государства и права Института права УУНиТ,
доктор юридических наук, профессор

В данной статье рассмотрены проблемы принятия и издания правовых актов, регламентирующие деятельность муниципальных органов власти. Проблемой в области правотворчества органов местного самоуправления, является неопределенность в правовом регулировании на законодательном уровне. Неточность в регламентировании правотворчества приводит к допущению ошибок при принятии правовых актов для регулирования полномочий, в сфере своей деятельности. На федеральном и региональном уровне государственного управления не даны разъяснения по вопросу полномочий органов местного самоуправления.

Законом на данный момент, не выделен перечень полномочий муниципальных образований, в лице органов местного самоуправления, не существует единого правового акта, регламентирующий деятельность муниципальных органов власти. Главы муниципальных образований, при принятии правовых актов, должны учитывать совокупность взаимосвязанных объективных и субъективных факторов служащих для достижения единой цели по улучшению качества деятельности муниципального образования.

Ключевые слова: правотворчество, правовые акты, муниципальное образование, полномочия муниципальных органов власти, правовое регулирование.

Население муниципального образования, согласно нормам законодательства РФ, самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления. В действительности такой порядок стал причиной достаточно широко-определяемого правового положения главы местного самоуправления, следовательно, и издаваемых им нормативных правовых актов. Однако рост полномочий главы местного самоуправления неизбежно приводит к увеличению количества и разнообразия нормативных правовых актов.

Основной структурной составляющей всей системы органов местного самоуправления является администрация муниципального образования, в составе,

которого, находятся главы органов местного самоуправления, исполняющие функции текущего управления делами на подведомственной ему территории.

Таким образом, в правотворчестве муниципальных органов власти важную роль играет качество принимаемых ими правовых актов, включая соблюдение правил и принципов юридической техники при их подготовке.

Проблемы, которые возникают в процессе правотворческой деятельности местного самоуправления определены в положение правотворчества главы муниципального образования. По мнению О.Л. Казанцева, «наиболее выраженной проблемой в области правотворчества органов местного самоуправления, является неопределенность в правовом регулировании» [1, с. 23]. Неточность в регламентировании правотворчества приводит к допущению ошибок при принятии правовых актовдля регулированияполномочий, в сфере своей деятельности. На основании дублирования федерального закона на уровне местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, возникает та же проблема в неточности в регламенте правовых актов, на основании, которых ведется и регулируется деятельность органов местного самоуправления. При этом субъекты РФ тоже не дают разъяснения по вопросу полномочий органов местного самоуправления, как правило, занимаясь дублированием положений федерального законодательства.

Законом на данный момент, не выделен перечень полномочий муниципальных образований, в лице органов местного самоуправления не существует, не существует единого правового акта, регламентирующий деятельность муниципальных органов власти. Те или иные полномочия представлены в огромном количестве актов и документов, что, приводитк значительным затруднениям, при уяснении закрепленных за местными субъектами, так и выявлением порядка, и особенностями их реализации.

Главе муниципального образования на основе формированиявопросов местного значения предоставляется возможность исполнять разнообразный круг полномочий по профилактике коррупции, экстремизма, и пр. Однако отсутствие четкого определения данных вопросов и отсутствия разграничения их с предметами ведения Российской Федерации и субъектов РФ становится причиной нарушения конституционного принципа самостоятельности органов местного самоуправления. Тем самым возникает вероятность «неправового вмешательства органов государственной власти в деятельность муниципальных органов не учитывая интересы и особенности местного самоуправления» [2, с. 47].

Во многих федеральных законах содержаться вопросы компетенции местного самоуправления. Раздробленность состава компетенции ограничивает возможности органов местного самоуправления действовать в рамках правового поля. Отсутствие единого подхода со стороны государства к определению границ компетенции местного самоуправления в регулировании правоотношений отрицательно влияет на положение правотворчества главы муниципального образования.

Несмотря на то, что принятая реформа местного самоуправления касается и основполномочий и компетенции местного самоуправления, недостаточно регламентирован полномочии по осуществлению вопросов касаемо местного

самоуправления, что в свою очередь приводит к отсутствию ответственности за их не неисполнение вообще или ненадлежащее исполнение. Также чаще всего в попытке конкретизировать федеральное и региональное законодательство (которое не всегда определенно), муниципальные образования, выходят за пределы предоставленной им правотворческой компетенции.

Частая поправка в законодательстве о местном самоуправлении налагает на органы муниципальных образований большую нагрузку, что приводит к росту требований к качеству подготовки, правовых актов, которые издаются муниципальными органами власти, а также к соблюдению юридической техники при подготовке проектов данных актов. Так в связи с перераспределениемкомпетенции среди муниципальных образований были проведены значительные изменения в правовых актах, издаваемых органами местного самоуправления.

Чаще всего правовые акты глав муниципальных образований, носят формальный характер, особенно это выраженно в отдаленных сельских поселениях. Однако невозможно регулировать вопросы местного значения без института муниципальных правовых актов [3]. Поскольку задачи, цели и функции местного самоуправления не могут быть решены или достигнуты без правотворческой деятельности главы муниципального образования.

К тому же принятие тех или иных правовых актов обусловлено целями, задачами и функциями, закрепленными за органами местного самоуправления. Посколькус помощью муниципальных правовых актов определяются функции и осуществляются деятельность муниципальных органов власти, но и сами акты принимаются местным самоуправлением в зависимости от функций, выполняемыми ими.

Решение проблемы правотворчества муниципальных органов власти возможно лишь при активном содействии со стороны органов местного самоуправления. Правовая основа актов глав муниципальных образований – это основной компонент технологии муниципального правотворчества. «Для обеспечения законности правовых актов в муниципальных образованиях разрабатываются различного типа методические рекомендации по оформлению типовых проектов актов, соблюдению правил юридической техники» [3, с.18].

Тем не менее, правотворческая деятельность глав муниципальных образованийне обеспечена методически надлежащим образом. Поэтому необходимо разработать и принять серию методических рекомендаций, призванных помочь главам муниципальных образований в их правотворческой деятельности. Следует учитывать и рекомендации ученых [4, с. 15-17]. Похожая работа уже была проведена в отношении правотворческой деятельности органов государственной власти.

Необходимость издания правого акта определяется правоприменительной практикой, которая подтверждает объективную необходимость его существования. Чаще востребованность правового акта рассматривается с точки зрения необходимости, для осуществления полномочий органами власти, без учета нужд местного уровня.

В ситуации, когда инициатива принятия правового акта исходит от главы муниципального образования, которое, заботясь о своих интересах, создает

условия для высокой востребованности среди всех субъектов правоприменения, посредством установленных мер ответственности за неисполнение предписаний, указанных в данном правовом акте.

Примером такого правового актамогут быть акты по установлению налогов, акты, устанавливающие различные обязанности юридических и физических лиц,например, по вопросам регистрации, учета, подтверждения какого-либо статуса. Данные акты устанавливают жесткие сроки выполнения закрепленных предписаний субъектами правоотношений.

В случае, когда обязанности государства по исполнению конституционных предписаний, преобразовывая декларативные нормы в реальные правоотношения с одной стороны, с другой – потребности граждан в безопасности и ощущении собственной значимости для государства в данных правовых актах учтены интересы муниципального образования в целом.

Таким образом, при составлении и применении правовых актов, инициатива может исходить как от самих органов местного самоуправления, так и от граждан, населяющих данное муниципальное образование, через представителей. В редких случаях инициатива издания акта органами муниципальной власти может быть вызвана различными массовыми выступлениями населения, такие как, митинги, пикеты, демонстрации, обращения жителей в органы власти и т.д. Например, это могут быть акты, устанавливающие порядок реализации определенных прав граждан, льгот для отдельных групп населения или социальные гарантии.

Для эффективного управления на муниципальном так и на государственном уровненеобходимо вовремя заметить и своевременно отреагировать на нужды населения и улучшения качества жизни в муниципальном образовании, предложив эффективные варианты возможных решений насущных проблем.

Необходимо понимать, что правовые акты, принимаемые без учета фактически сложившихся общественных потребностей, даже при активном их продвижении не будут действенными, более того, жесткое давление со стороны органов власти вызовет рост социальной напряженности и ещё больше усугубит положение управления муниципалитетом.

Таким образом, правовой акт, не востребованный субъектами правоотношений в муниципальном образовании, не будет эффективным, и не будет задействован.Тем не менее, даже высокая степень востребованности правового акта не дает основание считать его эффективным.

Эффективность правовых актовопределяется достижением тех целей, ради которых он был принят. Социальная направленность принимаемого правового акта в дальнейшем во многом предопределяет его эффективность и результативность для группы лиц, ради которых он издавался. Удовлетворение общественных интересов – это первоочередная задача органов местного самоуправления в том числе.

Таким образом, главы муниципальных образований, при принятии правовых актов, должны учитывать совокупность взаимосвязанных объективных и субъективных факторов служащих для достижения общей цели по улучшению качества деятельности муниципального образования.

Библиографический список

1. Казанцева О.Л. Проблемы правотворческой деятельности муниципальных образований в Российской Федерации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия право. Т.9. №. 2. 2019. С. 69-74.

2. Антонова Н.А. Правотворчество органов местного самоуправления: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 167 с.

3. Пешин Н.Л. Муниципальная власть: понятие и содержание // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 14-17.

4. Касимов Т.С. Место юридической техники в юридической науке, системе юридического образования и законодательстве // Вестник Института права Уфимского университета науки и технологий. 2020. № 4 (8). С. 10-20.

СЕКЦИЯ 2. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.4

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Биндер Арсений Евгеньевич
студент юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия
arsenybinder@yandex.ru
Научный руководитель:
Домнина Анастасия Валерьевна
старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Актуальной проблемой конституционного права является вопрос о защите персональных данных как способа обеспечения права каждого на неприкосновенность частной жизни. Целью данного исследования является изучение института персональных данных, его понятия, правового регулирования, проблем защиты и обработки, явления утечки персональных данных и ответственности за нее операторов, недостатки института согласия на обработку персональных данных. В результате исследования вырабатываются практические рекомендации, направленные на предупреждение и предотвращение утечки персональных данных, а также на совершенствование способов их сбора, обработки, хранения и защиты, а именно совершенствование законодательства в области защиты персональных данных, ужесточение ответственности за утечку персональных данных, технологическое совершенствование способов защиты и обработки персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные; неприкосновенность частной жизни; согласие на обработку персональных данных; утечка персональных данных; оператор персональных данных; обработка персональных данных; защита персональных данных.

Прежде чем говорить о защите персональных данных, следует определиться с тем, что такое персональные данные. Согласно Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» 1981 года, персональные данные – это любая информация об

определенном или подлежащем определению физическом лице[1]. Весьма схоже с этим определение понятия «персональные данные» дает Федеральный закон от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных»: «персональные данные - любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)»[2]. Исходя из указанных определений, персональными данными можно назвать любую индивидуализированную информацию, имеющею отношение к данному физическому лицу. Таким образом, к персональным данным личности следует отнести: ФИО, дата рождения, паспортные данные, адрес проживания, номер мобильного телефона, адрес электронной почты и некоторые другие. Предоставляя их другим субъектам, мы даем им большой массив информации о себе, который не всегда используется по назначению и зачастую оказывается в руках злоумышленников. В связи с чем, набирает важность вопрос о защите персональных данных.

Актуальность проблемы защиты персональных данных объясняется тем, что с динамичным развитием телекоммуникационных систем, возникновением сети Интернет, формированием обширных электронных баз данных, компьютеризацией большинства сфер деятельности общества и частной жизни каждого человека, персональные данные личности широко распространяются в цифровом мире и, в связи с этим, требуют особого внимания по вопросу безопасности и целесообразности их обработки, использования, хранения и передачи. В противном случае возрастает угроза утечки персональных данных и попадания их в руки злоумышленников, использующих информацию о человеке против него самого.

Как следствие, отсутствие целесообразности и безопасности в обработке, использовании, хранении и передаче персональной информации приводит к нарушению важнейшего права каждого человека на «неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени», предусмотренного частью 1 статьей 23 Конституции России, а также указанного в ч. 1 ст. 24 Основного закона Российской Федерации запрета на «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия»[3].

Исходя из этого, вопрос об обеспечении безопасного и целесообразного использования персональных данных является весьма важным и актуальным для

---

[1] Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981), вместе с поправками, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.10.2022).

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных» (с посл. изм. и доп. от 14.07.2022 г. №266-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.10.2022).

[3] Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.10.2022).

конституционного права в современных условиях развития российского общества и государства.

Следует также сказать, что утечка персональных данных, помимо нарушения Основного закона Российской Федерации и конституционных прав человека, несет для их владельцев такие негативные последствия, как шантаж; списание денежных средств с банковских карт, счетов, электронных кошельков; взятие злоумышленниками кредитов на имя лиц, чьи данные оказались недостаточно защищены; разглашение личной и семейной тайны и некоторые другие. В связи с этим, вопрос о защите персональных данных важен не только в контексте обеспечения конституционно-правовых норм, но и в контексте личной и финансовой безопасности каждого человека.

Особенно актуальной данная проблема стала в результате возникновения вируса COVID-19 и сопутствующий этому режим самоизоляции, повлекшие за собой распространение электронных магазинов и сервисов, дистанционных форм работы и обучения, преобладание виртуальных форм общения и развлечения, требующие использования множества электронных сайтов, сервисов и приложений, для чего необходимо предоставить свои персональные данные, на обработку которых мы автоматически даем согласие, даже не задумываясь, как они защищаются, хранятся и распространяются, с какой целью собираются и используются, как и когда уничтожаются.

Широко в наше время распространяются и разного рода услуги, которые ряд сервисов оказывает дистанционно, запрашивая лишь согласия и копии документов, содержащих персональные данные личности. Так, довольно широко последние годы распространяется дистанционное кредитование, оформление банковских карт, вкладов и т.д. Достаточно лишь заполнить простую анкету, поля с серией и номером паспорта, номером телефона, адресом проживания и прочее, а также прикрепить сканы персональных документов и прислать свою фотографию с ними, и услуга оказана. Казалось бы, разве могут коммерческие организации ненадлежащим образом хранить и защищать персональные данные клиентов? На практике оказывается, что могут, в результате чего на просторах Интернета в режиме платного, а иногда и бесплатного доступа появляются эти сканы документов, которые злоумышленники используют в своих корыстных целях.

Даже такие, не первый взгляд, простые данные, как номер мобильного телефона и ФИО личности, которые люди оставляют различным физическим лицам и организациям довольно часто, оказавшись в руках мошенников или злоумышленников, способны доставить серьезный ущерб их владельцу. Так, например, весьма распространенным явлением считаются телефонные звонки мошенников как представителей банка, которые обманом получают доступ к данным банковских карт и счетов личности и воруют с них деньги. Номер телефона может быть использован даже для хулиганства. Так, для того чтобы доставить дискомфорт человеку или напугать его, злоумышленники часто используют такой сервис, как SMS-Boomer, настраивая который на любой номер телефона, обеспечивается массовый СПАМ СМС или телефонных звонков.

Можно привести еще множество примеров таких негативных явлений, но в данном случае важно не их количество, а причина возникновения. Очевидно,

что все они возникают из-за ненадлежащего хранения и защиты персональных данных теми операторами («государственными органами, муниципальными органами, юридическими или физическими лицами, самостоятельно или совместно с другими лицами организующими и (или) осуществляющими обработку персональных данных, а также определяющими цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными»[1]), которым люди их предоставляют. И данная ненадежность связана скорее не с изобретательностью злоумышленников или отсутствием технических средств по усилению защиты персональных данных, а все-таки с ценой вопроса. Ведь зачастую ответственность операторы за утечку персональных данных несут согласно ст. 13.11 КоАП РФ, в которой санкцией за правонарушения в области персональных данных является штраф, лишь в некоторых случаях превышающий один миллион рублей[2]. В то время, как для больших организаций внедрение всех технических новшеств обойдется гораздо дороже, чем оплата подобного штрафа в случаях утечки персональных данных. К тому же, далеко не все компании честно признают свою вину в данных ситуациях и сообщают всю достоверную информацию об утечке. Часто операторы вовсе умалчивают о данных событиях, избегая ответственности. В связи с этим, очевидной является необходимость в ужесточении ответственности за подобные правонарушения, а также в усилении контроля и надзора правоохранительных органов за данными событиями.

Также зачастую причиной утечки персональных данных выступает намеренное раскрытие персональной информации третьими лицами (работниками организаций) либо неосторожность, что также вызывает необходимость ужесточения юридической ответственности по отношению к оператору, а также более тщательного отбора персонала на должности, связанные с обработкой персональной информации.

Как подмечают С.О. Саушкин и Г.В. Синцов, «природа персональных данных, выражающаяся в их непрерывной связи с конкретным физическим лицом, требует организации их надлежащей правовой защиты, в том числе на уровне конституционного законодательства» [1, с. 173]. Действительно, важным элементом в защите персональных данных является законодательная основа. К ней следует отнести уже упомянутые выше ст. 23 и 24 Конституции РФ, закрепляющие право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны и запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Защита персональных данных выступает здесь одним из элементов закрепленных Основным законом РФ конституционных прав человека. Данный вопрос также урегулирован и на международном уровне.

---

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с посл. изм. и доп. от 14.07.2022 г. №266-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.10.2022).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24.09.2022 г. №364-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.10.2022).

Так, 28 января 1981 года была принята Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», закрепляющей основополагающие принципы защиты данных (Глава II). На уровне федерального законодательства, регулирующего вопрос защиты персональных данных, следует выделить Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», а также Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данному вопросу посвящен ряд подзаконных актов, в частности Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»; Постановление Правительства РФ от 29 июня 2021 г. № 1046 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за обработкой персональных данных» и ряд других.

На основании изложенного выше, следует вывод о том, что нормативно-правовая основа по вопросу защиты персональных данных довольно богатая. Тогда сам собой напрашивается вопрос: если защита персональных данных во всех ее аспектах урегулирована на законодательном внутригосударственном и международном уровнях, почему же возникают такие явления, как массовые утечки персональных данных и, как следствие, нарушения важнейшего конституционного права человека на неприкосновенность частной жизни?

В дополнение к уже указанным выше причинам утечки персональных данных необходимо добавить следующее: во-первых, вопросу защиты персональных данных в России стало уделяться внимание лишь с 1990-х годов, в то время как в ряде других государств намного раньше, как, например, США, где данному вопросу начали уделять внимание еще в начале XX века. Недаром Ханис А.Л., Щедрина Е.И., Спевакова С.В. пишут: «некоторые страны начали формирование такого аппарата намного раньше относительно других, поэтому логично предположить, что они имеют более развитую систему» [2, с. 95] защиты информации. Значит, необходимо дальнейшее совершенствование системы законодательства в области защиты информации и персональных данных. Во-вторых, проблема кроется в неразвитости и незащищенности каналов передачи информации, доступ к которым получают злоумышленники и похищают персональную информацию. В связи с чем необходимо внедрение в наиболее важные информационные системы криптографического программного обеспечения, использующего метод шифровизации для достижения наилучшей защищенности информации в сетях [2, с.98], либо же необходимо принять иные меры технологического характера, направленные на усиление защиты каналов передачи и хранения персональных данных. В-третьих, в России необходимо развитие правоохранительных и надзорных органов государственной власти, осуществляющих полномочия по защите информации и персональных данных, а также контролю за соблюдением закона, регулирующего вопрос их защиты. К таким органам можно отнести ФСБ РФ, МВД РФ, Роскомнадзор, Минцифры РФ, Прокуратура РФ и некоторые другие. При этом защита информации и персональных данных не является основной сферой их деятельности. Возможно, следует создать отдельное ведомство, призванное обеспечивать защиту персональных данных и информации по образцу

«Федеральной службы безопасности информационной техники, несущей ответственность за обеспечение безопасности каналов информации в Германии» [2, с. 97] либо расширение круга полномочий уже существующих в России министерств и ведомств. В-четвертых, необходимо совместное регулирование государствами данного вопроса на международном уровне, так как на современном этапе на международной арене ему уделяется мало внимания. Хотя уже существуют эталоны и стандарты мер и систем международной информационной безопасности, необходимо их дальнейшее распространение и развитие. В-пятых, необходимо усиление борьбы с правонарушениями в области информационной безопасности и защиты персональных данных, в частности закрепления деяний, направленных против персональных данных личности как преступных и фиксация их в Уголовном Кодексе РФ. В-шестых, необходимо осуществить «организацию по расширению производства в нашей стране таких ключевых элементов, как системы и средства информатизации, а также стремление России зафиксироваться в международной кооперации их производителей…ведь без современных компьютерных и телекоммуникационных систем и их постоянного усовершенствования невозможно полное и надежное обеспечение защиты информационных данных» [2, с. 99].

Отдельного внимания по данному вопросу заслуживает институт согласия на обработку персональных данных. На первый взгляд, данное согласие является одной из гарантий защиты персональных данных лица, ведь заполняя его, человек уже отдает себе отчет о том, какую именно информацию о себе он предоставляет, кому он ее предоставляет и с какой целью он это делает. Но, изучив образец данного согласия, становится очевидным, что субъект, запрашивающий его, стремится защитить себя от ответственности за незаконную обработку персональных данных личности. Данное согласие предусматривает широкий круг прав субъекта, получающего его, на персональные данные (и на обработку, и на передачу третьим лицам, и на хранение, и на использование, и на блокировку и т.д.), хотя в действительности, в целях предоставления этих данных достаточно определить узкий ряд прав субъекта, получившего согласие, в то время как операторы стремятся этим согласием получить всю полноту прав на чужие персональные данные. Подобная широта прав увеличивает риск использования персональных данных не по назначению и их утечки. Помимо этого, согласие предусматривает процедуру его отзыва по письменному заявлению субъекта, предоставляющего персональные данные, но, как правило, не предусматривает конкретный срок прекращения его действия, вследствие чего база персональных данных отдельных операторов становится слишком раздутой и в случае утечки в сети оказывается очень большой массив информации, из-за чего возникает большое число пострадавших от данного явления. В то время, как предоставление отдельных прав на персональные данные зачастую оператору необходимо в течение месяца-двух для оказания конкретных услуг физическим лицам. К тому же, даже со своими недостатками согласие на обработку персональных данных запрашивается не всеми операторами. Часто такое согласие носит устный характер и дается лицом автоматически при предоставлении оператору данных о себе. В связи с этим, необходимо дальнейшее совершенствование такого правового института, как

официальное согласие на обработку персональных данных, а также внедрения его общеобязательности для всех операторов при сборе подобной информации.

Итак, в заключение следует сказать, что в Российской Федерации вопросу защиты информации и персональных данных, в частности, с каждым годом уделяется все больше внимания. Увеличивается число нормативных актов, направленных на регулирование данного вопроса, развиваются технологические системы, обеспечивающие большую и лучшую защиту персональных данных, совершенствуется деятельность правоохранительных органов по предупреждению и раскрытию правонарушений и преступлений в сфере кибербезопасности. Безусловно, в России система защиты персональных данных не характеризуется безупречностью, но она непрерывно развивается, и, если учитывать довольно небольшой период ее развития, вполне ясно, что она проработана не во всех своих аспектах. В связи с этим необходимы время, ресурсы и дальнейшие меры и действия по ее совершенствованию и развитию. Ведь важность данного вопроса будет нарастать все больше с течением времени, поскольку продолжают развиваться цифровые системы и сервисы, а преступность в информационной сфере находит более изощренные и нестандартные методы, требующие развития системы их предупреждения и раскрытия. Защита персональных данных требует особенного внимания, так как подразумевает охрану и гарантию реализации фундаментального права каждого человека на неприкосновенность частной жизни.

Библиографический список

1. Саушкин С.О. Синцов Г.В. «К вопросу о соотношении институтов защиты персональных данных и защиты неприкосновенности частной жизни» // Гуманитарный научный вестник. 2020. №2. С 172-177.

2. Ханис А.Л., Щедрина Е.И., Спевакова С.В. «Анализ организации защиты информации в России и других странах» // Известия Юго-Западного государственного университета. 2019. №4. С. 93-104.

УДК 342.51

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ФУНКЦИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ КАК ГАРАНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Еланская Дарья Александровна
аспирант юридического института Самарского университета,
г. Самара, Россия
dashaelanskaya@mail.ru
Научный руководитель:
Полянский Виктор Владимирович
заведующий кафедрой государственного и административного права
Самарского университета, к.ю.н, профессор,
г. Самара, Россия

В 2020 году Законом Российской Федерации (далее – РФ) о поправке к Конституции РФ[1] внесены изменения, посвященные институту Президента РФ, что породило множество опасений относительно неоправданного увеличения властных полномочий главы государства. В настоящей работе рассмотрены предпосылки модернизации конституционных функций Президента РФ, возникшие в социальной сфере, поскольку именно в нейзатрагиваютсяинтересы абсолютно всех граждан страны.

Ключевые слова: модернизация полномочий; конституционная реформа, закон о поправке; глава государства; социальная сфера; функции президента.

С момента принятия Конституции РФ одним из основных способов регулирования социальной сферы является установление указами Президента РФ мер социальной защиты. Глава государства издает указы, являющиеся актами реагирования на проблемы, возникающиев конкретной ситуации. Таким актом являетсяУказ Президента РФ от 07 апреля 2020 года№ 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей»[2]. Кроме того, Президент РФ определяет общее направление развития социальной сферы, примером чего служит Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года№ 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[3].

[1]Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (датаобращения: 25.10.2022).

[2]Указ Президента РФ от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (датаобращения: 25.10.2022).

[3] Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (датаобращения: 25.10.2022).

Важная роль для деятельности Президента РФ в социальной области закреплена за различными консультативными органами при Президенте РФ. Одной из мер по изменению ситуации в социальной сфере являлось принятие Указа Президента РФ от 1 февраля 2011 года № 120, которым Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека был преобразован в Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека[1]. Тем не менее, об эффективности обозначенной меры можно говорить с относительной условностью, поскольку на сегодняшний день деятельность этого органа остается в тени принимаемых указов самим Президентом РФ.

В ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ неоднократно подчеркивалась необходимость выполнения социальных обязательств государства. По мнению Е.В. Лунгу,значимость достижения поставленных целей и выполнения задач подтвердилась в Послании Президента Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 года, в которомконстатируется отсутствие механизмов и ресурсного обеспечения достижения национальных целей, чтопослужило основанием для отставки Правительства Д.А. Медведева.Автор отмечает, чтоотсутствие конституционного контроля над деятельностью Правительства РФ позволило ему фактически не выполнять задачи, поставленные Президентом РФ и закрепленные в национальных проектах и государственных программах, в том числе и в социальной сфере [1].

Таким образом, в некоторых случаяхв указах Президента РФсодержались нормы, представляющие собой модель регулирования социальной сферы, которая не могла быть эффективна реализована уполномоченными органами.

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин обращает внимание на опасность произвольного регулирования уровня социальной обеспеченности, что, по существу, «приведет к превращению конституционного императива социального государства в чистую декларацию» [2].

Данные положения определили необходимость модернизации конституционных функций Президента РФ, поскольку непрерывно развивающаяся социальная сфера диктует не только необходимость оперативного принятия мер, соответствующих требованиям современных реалий, но и их претворение в жизнь. Однако в осуществлении этих функций Президент РФ может использовать только закрепленные за ним конституционные полномочия, действовать только в рамках Конституции РФ.

К.М. Конджакулян отмечает что, являясь гарантом социальной стабильности и поддерживая «гражданский мир и согласие», Президент РФ является медиатором между группами, имеющими противоположные интересы, что возвышает главу государства над всей политической системой [3, с. 44]. Той же позиции придерживается М.А. Краснов, считая, что «президентский арбитраж» позволяет злоупотреблять компетенцией и является лишь оправданием большого

[1] Указ Президента РФ от 1 февраля 2011 г. № 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека») // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (датаобращения: 25.10.2022).

объема полномочий [4, с. 36]. Не согласимся с указанной позицией, поскольку по своему назначению «медиатор» является третьей, нейтральной стороной, которая лишь помогает разрешить сторонам конфликт, а не урегулировать его самостоятельно с помощью неограниченных полномочий.

Несмотря на опасения многих представителей юридического сообщества о необоснованном увеличении функций Президента РФ, внесение поправок в Конституцию РФ явилось мерой реагирования на исчерпавшие себя положения, которые не обеспечивали реализацию закрепляемых в указах норм, регулирующих социальную сферу. При этом требовалось не просто внесение изменений в отдельные акты, а обновлениефундаментальных основ.

Так, статья 80 Конституции РФ закрепила за Президентом РФ функцию поддержки гражданского мира и согласия. Исходя из системного анализа, представляется возможным определить, что введенная функция не внесла новое, ранее не существовавшее направление деятельности Президента РФ, а лишь дополнила такие комплексные функции какпринятие Президентом РФ мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, определениеПрезидентом РФ основных направлений внутренней и внешней политики государства.

Речь об утверждении гражданского мира и согласия идет в преамбуле Конституции РФ, при этом изменения, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ трансформировали содержащиеся в ней цели и задачив самостоятельное нормативное предписание, обязательное для исполнения главой государства при осуществлении своих полномочий.

Еще одно изменение конституционных функций Президента РФ обусловлено закреплением полномочий по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, а не государственных органов, как было указаноранее.

В своем заключении Конституционный Суд РФ указал, что в функциональном предназначении единство публичной власти выражается в том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность не только органов государственной власти, но и местного самоуправления, что во всяком случае предполагает согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан[1].

На основании изложенного, мы делаем вывод, что изменение, внесенное в рассматриваемую функцию Президента РФ,стало лишь отражением сложившейся ситуации и подтвердило необходимость принятия на всех уровнях и

[1] Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (датаобращения: 25.10.2022).

формах власти единых, комплексных мер, регулирующих социальную сферу. При этом, вопреки опасениям о необоснованном переходе сферы влияния с уровня регулирования государственного аппарата на регулирование политической системы, отметим, что положения ст. 12 Конституции РФ, в соответствии с которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, остались неизменны.

Таким образом, модернизация конституционных функций Президента РФ, затрагивающих социальную сферу жизни, явилась необходимостью, продиктованной архаичностью существовавших положений. При этом, сделав важнейший шаг на пути реформирования, необходимо провести дальнейшую работу попретворению закрепленных положений в жизнь, поскольку одно лишь декларативное закрепление дополнительных конституционных функций Президента РФ без определения конкретных механизмов их реализации не способно разрешить возникающие проблемы, что определяет дальнейшие задачи на пути построения социального государства.

Библиографический список

1. Лунгу Е.В. Закономерности современных правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 58.

2. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 262.

3. Конджакулян К.М. Правовые основы суперпрезидентства в Российской Федерации: новые конституционные изменения // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 42 – 45.

4. Краснов М.А. Нейтральная власть Б. Констана и «президентский арбитраж» Ш. де Голля // Государства и право. 2017. № 3. С. 33 – 50.

УДК 349.41

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА БЕРЕГОВОЙ ПОЛОСЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ РФ

Ермаков Артём Максимович, Николаева Анна Евгеньевна
Студенты ЮУрГУ (НИУ) Юридического института, г. Челябинск, Россия
reda_1992@mail.ru
Научный руководитель:
Лихолетова Светлана Вячеславовна
доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права ЮУрГУ, к.ю.н,
г. Челябинск, Россия

В настоящее время регулирование вопросов, связанных с правовым режимом береговой полосы, набирает всё большую популярность в связи с

участившимися случаями её неправомерного захвата. В статье рассматривается правовой режим береговой полосы в фокусе современного российского права, раскрываются его особенности и проблематика в законодательстве РФ, а также приводятся примеры из судебной практики. Исследование позволило выявить, что во включении береговых полос в ЗОУИТ нет необходимости и многие участки, занимающие береговую полосу, были сформированы еще до вступления в силу запрещающих это законодательных актов.

Ключевые слова: береговая полоса, общее пользование, земельный участок, ЗОУИТ, собственность, РФ, законодательство.

Береговая полоса, представляющая из себя полосу земли с 20-метровой шириной от края воды в глубину берега при среднемноголетнем водном уровне на свободных реках и нормальном водном уровне на искусственно созданных внутренних водных путях, имеет предназначение общего пользования. Если же уклон берега превышает значение в 45 градусов, то береговая полоса будет определяться вглубь берега от его края[1].

В соответствии со ст. 35 ГрК РФ и ст. 10 КВВТ РФ запрещается использование береговой полосы в целях реализации хозяйственной и других видов деятельности в случаях, если данный вид деятельности противоречит или не соответствует обеспечению безопасности судоходства. Но в то же время мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда законодатель не даёт исчерпывающего, однозначного ответа на вопрос, какова должна быть дистанция от уреза воды, чтобы там было разрешено существование построек. И данное расстояние в каждом конкретном случае будет вычисляться индивидуально, исходя из следующих факторов: значения ширины или радиуса водоохранной зоны, предназначение возведенной постройки, нахождение различных сооружений в пределах объекта, отвечающих за обеспечение охраны водных объектов от различных опасностей и угроз, которые могут ухудшить состояние объекта.

Согласно ст. 1 ГрК РФ, береговые полосы водных объектов общего пользования должны быть беспрепятственно доступны для пользования всех лиц без ограничений, как и территории улиц, набережных, скверов и других территорий общего пользования.

Нарушение данных норм о беспрепятственном допуске неограниченного круга лиц к различным объектам общего пользования, в том числе к водным объектам, которые доступны для общего пользования, и их береговым полосам, влечёт за собой административную ответственность по ст. 8.12.1 КоАП РФ в виде наложения административного штрафа или административного приостановления деятельности [2, с. 99].

Нынешнее законодательство РФ относит к собственности Федерации земельные участки, которые находятся в пределах береговых полос водных

[1]Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 марта 2013 года № 384-р «Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

объектов общего пользования, которые принадлежат РФ на праве собственности[1]. Земельные участки, расположенные в пределах береговой полосы, которая установлена согласно Водному кодексу РФ, и такие земельные участки, на территориях которых расположены пруды, обводненные карьеры, в границах территорий общего пользования запрещено приватизировать в соответствии с п. 8 ст. 27 ЗК РФ, что определяет такую ситуацию, когда решения по таким участкам должны приниматься компетентными уполномоченными органами федерального уровня [2, с. 331].

Значительной проблемой в правоприменительной деятельности, которая возникает в процессе осуществления действий с береговой полосой, является соотнесение береговой полосы с другими видами ЗОУИТ.

Во многих трудах научной литературе выделяется следующий правовой пробел: береговая полоса внутренних водных путей РФ, на практике относящаяся по своему положению и характеру к ЗОУИТ[2], не включается ст. 105 ЗК РФ в список таких зон [3, с. 11].

Но необходимо понимать, что часто поднимающиеся научной литературой вопросы о нужности внесения береговой полосы в ЗОУИТ не так однозначны, данноеположение далеко не является оптимальным, так как, согласно п. 24 ст. 106 ЗК РФ, зоны с особыми условиями использования территорий, включаяпоявляющиеся в силу закона, а ещё иперечень определённых ограничений по использованию земельных участков в пределах данных зонпринято считатьзаконно установленными или измененными со дня, когдапроисходит внесение сведений о ЗОУИТ, определённых изменений в перечень информации, относящейсяк данной зоне, в ЕГРН. Таким образом, в данный момент те законодательные ограничения, которые предусмотрены законодательствоми связаныс осуществлением определенного кругатипов хозяйственной и другой различной деятельности в границах береговой полосы,должны применяться вне зависимости от внесения сведений посредством государственной регистрации в ЕГРН, а если всё-таки данные полосы будут внесены в ЗОУИТ, то такие ограничительные мерыедва ли будут подлежать применению при отсутствии их государственной регистрации в ЕГРН, что находит своё подтверждение и в судебной практике [4, с. 105].

Переходя к судебной практике, нам бы хотелось разобрать два дела, наглядно иллюстрирующихвсё вышеперечисленное. В 1 случае это Апелляционное определение от 6.06.2017 г. Москвы. Межрайонный природоохранный прокурор г. Москвы обратился в суд для защиты интересов неопределенного круга лиц и с исковыми требованиями к Неяскиной И. С. для признания

---

[1]Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2015 года № 308-ЭС15-13877 по делу № А32-40479/2013; письмо Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 15 августа 2016 года № 14-50/6822-ОГ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Распоряжение Правительства РФ от 19 марта 2013 года № 384-р (ред. от 19.11.2020) «Об утверждении схемы территориального планирования РФ в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

недействительным образования земельных участков и исключения записи из ГКН, расположенной на них, а также признании отсутствующим права ответчика на участки с данными кадастровыми номерами.

Прокурор рассказал, что в ходе проверки природоохранной прокуратурой г. Москвы, было установлено, что земельные участки находились на границах акватории руслового пруда реки Сетунь и на береговой полосе данной реки. Данные объекты были установлены как общедоступные, был установлен запрет на приватизацию и нахождение частной собственности на данных территориях. Нахождение в частной собственности водных объектов общего пользования и их береговых полос влечет нарушение прав и законных интересов РФ, а также неопределенного круга лиц на равный доступ к природным ресурсам.

На судебное заседание явился представитель ответчика Неяскиной – Рогачев и, выразив свои возражения против удовлетворения исковых требований, указал, что земельный участок был переведен в частную собственность в 1993 г. до введения в действие множества НПА, и на тот момент не существовало запретов на владение такой частной собственностью.

Итоговым решением суда стало оставление иска Межрайонного природоохранного прокурора г. Москвы без удовлетворения, так как участок был оформлен еще до вступления регламентирующих подобное НПА в силу[1].

Так же, нам хотелось бы рассмотреть другой случай, а именно (Постановление от 5 мая 2022 г. по делу № А82-7785/2021).В Арбитражный суд Волго-Вятского округа обратилось МКУ с иском к ЖСК «Которосль-1» о расторжении договора аренды в связи с нарушением арендатором статей 450,619 и 622 ГК РФ, а также ст. 22 и ст. 39.8 ЗК РФ[2].

Заявитель сообщал о нарушении ответчиком условий обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и береговой полосе. Материалы дела гласили, что арендатор установил ограждение вокруг земельного участка, препятствующее проходу к реке Которосль и её береговой полосе. По мнению заявителя, установка секции забора непосредственно в водах реки Которосль препятствует созданию непрерывной системы зеленых насаждений, а также нарушает действующее законодательство и условия договора.

Однако суд учел, что из актов осмотра земельного участка следует, что свободный доступ к реке ограничен не был, так как желающие могут пройти по берегу реки Которосль или через три калитки, имеющихся в заборе.

Суд постановил оставить без удовлетворения жалобу.

Таким образом, из судебной практики мы можем понять, что на данный момент суды в большинстве подобных дел оставляют иски без удовлетворения. Участки, занимающие часть береговой полосы, в большинстве случаев были

---

[1]Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 06 июля 2017 г. по делу « 33-23113/2017[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.05.2022 « Ф01-1412/2022 по делу N А82-7785/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сформированы до вступления ВК и ЗК РФ в силу. Это означает то, что они не могут регулироваться вступившими в силу позже законодательными актами.

Библиографический список

1. Филаткина Ю. Е. Управление юридическими рисками, связанными с ограничением использования и хозяйственного оборота земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 3. С. 96–101.

2. Абанина Е. Н., Аверьянова Н. Н., Анисимов А. П. [и др.]. Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / под общ. ред. А. П. Анисимова. М. :Юстицинформ, 2020. 800 с.

3. Золотова О.А. К вопросу о понятии и видах зон с особыми условиями использования территорий // Экологическое право. 2020. № 3. С. 9–13.

4. Степанова Л.И. Новое в регулировании статуса зон с особыми условиями использования территорий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 4. С. 97–110.

УДК 342

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ РФ НА ОСНОВЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Макарова Милена Витальевна
студентка Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
milenavm@mail.ru
Научный руководитель:
Крохина Юлия Александровна
заведующая кафедрой правовых дисциплин ВШГА МГУ, д.ю.н., профессор
г. Москва, Россия

Государственный финансовый контроль является важным институтом любого демократического государства. Поэтому актуальной задачей Российской Федерации на сегодняшний день представляется развитие данного института для приведения его в соответствие с международными стандартами. В статье приводятся некоторые проблемы в законодательном регулировании деятельности Счетной палаты России и анализируется положительный зарубежный опыт по этим вопросам, который может быть предложен в качестве основы для реформирования российского законодательства.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль; государственный аудит; Счетная палата; Председатель Счетной палаты; высший орган государственного аудита; Лимская декларация.

Обеспечение своей финансовой безопасности является одной из основных задач любого государства в современном мире в связи с растущей международной напряженностью и экономической нестабильностью. Потому всё бóльшую важность приобретает наличие в государстве эффективно действующей системыконтроля за государственными финансами. В соответствии с одним из ключевых международных документов в области государственного аудита, Лимской декларациейруководящих принципов контроля, такой контроль является необходимым звеном в механизме государственного управления финансами[1]. Государственный финансовый контроль направлен на выявление нарушений и недостатков в финансовой системе государства, привлечение виновных к ответственности, подготовку и проведение мероприятий по предотвращению или сокращению таких фактов в будущем.

В Российской Федерации ключевую роль в системе внешнего государственного контроля играет Счетная палата РФ. Данный орган существует в нашей стране относительно недавно: Счетная палата была образована в 1995 г., а до этого существовали Контрольно-бюджетный комитет при Верховном Совете РФ (с 1992 г.) и Контрольно-бюджетный комитет при Государственной Думе (с 1994 г.). Этим обусловлены некоторые пробелы и противоречия в законодательном регулировании ее деятельности, из-за которых, согласно заключению Национального контрольно-ревизионного управления Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, по состоянию на 2005 г. Счетная палата России находиласьна конечном этапеперехода от статуса постоянного органа государственного финансового контроля к статусу высшего органа государственного аудита, соответствующему международным стандартам и декларациям в сфере государственного аудита[2]. Новая редакция Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации»[3], принятая в 2013 г., была призвана преодолеть данные проблемы. Однако она так и не решила некоторые важные вопросы регулирования деятельности данного органа. По мнению А.Н. Саунина, в новом законе содержатся противоречивые положения относительно разграничения задач, функций и полномочий Счетной палаты, не позволяющие эффективно реализовывать в России общепринятую модель государственного аудита [1, с. 9]. В связи с этим представляется актуальным представить некоторые предложения по изменению нормативного регулирования и практического функционирования данного института на основе анализа зарубежного опыта.

---

[1]Лимская декларация руководящих принципов контроля Принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году // Электронный фонд правовой и научно-технической информации [Электронный ресурс]. URL:https://docs.cntd.ru/ (дата обращения: 31.10.2022).

[2]NationalAuditOfficeAnnualreport 2005 // Официальный сайт Парламента Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии [Электронный ресурс]. URL:https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/publicaccountscommission/TPAC181005naoannualreport05.pdf (дата обращения: 31.10.2022).

[3] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (спосл. изм. и доп. от 30 апреля 2021 г. № 116-ФЗ) // Официальный интернет-порталправовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 31.10.2022).

Во-первых, в РФ не предусмотрен никакой механизм контроля за деятельностью Счетной палаты, а его существование необходимо для повышения эффективности ее деятельности, а также прозрачности и открытости. Относительно данной проблемы заслуживает внимания система, сложившаяся в Соединенном Королевстве, где для осуществления контроля и надзора за деятельностью Национального контрольно-ревизионного управления в парламенте был учрежден Комитет по государственным счетам – межпартийный комитет Палаты общин[2, с. 267]. В целом практика создания специального комитета в законодательном органе для взаимодействия с высшим органом государственного аудита и контроля за его деятельностью достаточно распространена за рубежом (такие комитеты существуют в Австрии, Канаде, Норвегии и др.).

В зарубежных государствах также существует практика проверки высших органов финансового контроля аналогичными органами иностранных государств. Например, США сотрудничает с Канадой, Францияс Нидерландами. Такая проверка была проведена в 2004-2005 гг. и в отношении Счетной палаты РФ Национальным контрольно-ревизионным управлением Соединенного королевства, однако это единственный прецедент в истории.

Во-вторых, согласно Лимской декларации, важнейшим принципом деятельности органов внешнего государственного финансового контроля является их независимость. Эта независимость должна проявлять в том числе в порядке формирования состава органа и статусе его руководителя. В Российской Федерации процесс назначения на должность Председателя Счетной палаты и заместителя не в полной мере соответствует данному принципу: Государственная Дума предлагает Президенту минимум три кандидатуры на должность Председателя, а Совет Федерации – на должность заместителя Председателя, из которых Президент выбирает одну и вносит в соответствующую палату для назначения. Кроме того, Президент может не поддержать предложенные кандидатуры и представить в палаты по одной иной кандидатуре на данные должности. Таким образом, Президент играет очень важную роль в данной процедуре, что не соответствует ч. 5 ст. 101 Конституции, относящей образование Счетной палаты к компетенции исключительно Федерального Собрания[1], а также может привести к некой зависимости Счетной палаты от главы государства.

Анализируя зарубежныйопыт, мы видим более корректные модели назначения руководителей аналогичных органов: в США главный контролер выбирается президентом из кандидатур, предложенных комиссией, образованной Конгрессом, а Сенат утверждает выбранного кандидата [3, с. 51]; в ФРГ президент и вице-президент счетной палаты выбираются по отдельности палатами парламента и назначаются на должность президентом страны [3, с. 54]. Относительно необходимого высокого персонального статуса руководителя также следует обратить внимание на зарубежные примеры: в Соединенном королевстве он имеет

[1] Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.11.2022).

статус члена Платы общин [3, с. 55], в ФРГ члены счетной палаты имеют статус федеральных судей, в Испании все члены Суда счетов по статусу приравниваются к статусу судей и должностных лиц государственной власти [4, с. 38]. Помимо этого, независимость руководителей органов государственного аудита может достигаться путем установления длительного (превышающего срок полномочий других высших государственных органов) или неограниченного срока их полномочий: в США – 15 лет, в ФРГ – на 12 лет, в Испании – 9 лет, во Франции – бессрочно.

В-третьих, Счетная палата России не управомочена на самостоятельное применение юрисдикционных мер в отношении нарушений, выявленных в ходе осуществления ей контрольных мероприятий. Ю.А. Крохина считает, что результативность государственного финансового контроля зависит от того, насколько полные меры реагирования принимаются правоохранительными органами по материалам проверок [5, с. 8]. На практике данный процесс осложнен тем, что Счетная палата передает материалы по выявленным ей нарушениям в правоохранительные органы, затем там проводятся собственные проверки и расследования, далее дела передаются в суд, где могут рассматриваться в нескольких инстанциях. Такой длительный порядок привлечения к ответственности снижает эффективность контроля и затягивает сроки возмещения ущерба бюджету. А по КоАП РФ срок давности привлечения к ответственности за бюджетные правонарушения – всего 2 года[1]. Поэтому представляется рациональным уполномочить Счетную палату на самостоятельное применение мер принуждения поитогам контрольных мероприятий и самостоятельное обращение в суд по делам о выявленных правонарушениях. В связи с этим стоит обратиться к французскому опыту, так как Суд счетов Франции исправляет выявленные им нарушения путем возврата сумм, которые были неправомерно выплачены бухгалтерами [6, с. 206].

Подводя итог, следует отметить, что законодательство, регулирующее деятельность Счетной палаты РФ, нуждается в доработке, при осуществлении которой можно опираться на позитивный зарубежный опыт, чтобы приблизиться к международным стандартам и общепринятой модели высшего органа государственного аудита. Развитие данного института очень важно для нашего государства, ведь, как отмечал С.В. Степашин, заключения независимых аудиторов являются эффективным механизмом для легитимации социально-экономических решений, а также инструментом обеспечения действительной общественной поддержки; это важнейший элемент гражданского общества [7, с. 3].

[1] Кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» (спосл. изм. и доп. от 1 июля 2021 г. № 244-ФЗ) // Официальный интернет-порталправовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.11.2022).

Библиографический список

1. Саунин А.Н. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации»: новая редакция с новыми проблемами // Финансовое право. 2014. № 5. С. 8–14.

2. National Audit Office.State Audit in the European Union – 2005. [Электронныйресурс]. URL:https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2005/12/State_ Audit_Book.pdf

3. Лукин А.Г. Формирование высшего контрольного органа – зарубежный опыт и законодательство Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 30 (267). С. 48–62.

4. Чхиквадзе В.В. Правовой статус суда счетов (Счетной палаты) в Испании // Финансовое право. 2011. № 12. С. 37–40.

5. Крохина Ю.А. Развитие государственного аудита в России и зарубежных странах // Qeconomia, Aerarium, Jus (Экономика, финансы, право). 2011. № 1. С. 5–11.

6. Мигачев А.Ю. Организация деятельности счетных палат в Российской Федерации и Французской Республике как основных субъектов государственного финансового контроля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90) май. С. 202–209.

7. Степашин С.В. Государственный аудит: проблемы и перспективы // ДАЙДЖЕСТ-ФИНАНСЫ. 2006. № 11 (143). С. 2–5.

СЕКЦИЯ 3. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.71

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Абзалов Эдуард Ильдарович
Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного университета
Чита, Россия
e-mail: e.abzalov@list.ru
Научный руководитель:
Кошелев Михаил Сергеевич
Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного университета
Чита, Россия
e-mail: deus_1986@mail.ru

Проблема правового регулирования предпринимательской деятельности в России в настоящее время не теряет своей актуальности. В виду особых социально-экономических факторов и социально-политических изменений, субъекты предпринимательских отношений постоянно находятся в фокусе внимания государства на всех уровнях правовой регламентации. Необходимость гибкого подхода к законодательному регулированию предпринимательства в России, а также на территории регионов, постоянно вызывает дискуссию у теоретиков предпринимательского права, а также у самих предпринимателей. В статье предпринимается попытка проанализировать уровни действующего законодательства, выявить основные проблемы. Особое внимание авторы уделили правовому обеспечению деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, законодательное регулирования предпринимательства, малое и среднее предпринимательство, предпринимательское право, источники.

Тема исследования является актуальной для рассмотрения на сегодняшний день, так как ограничения в связи с COVID-19, действующие в нашей стране, выявили несостоятельность ранее существовавшей системы правового регулирования предпринимательской деятельности, и вызвало негативные тенденции, что потребовало принятия дополнительных гибких мер со стороны государства.

По итогам 2020 г. российский малый и средний бизнес потерял 2,8 трлн оборота. По данным Забайкалкрайстата в г. Чите индивидуальных предпринимателей стало на 14,7% меньше, нежели годом ранее, число микропредприятий сократилось на 1,6%. Поступления налоговых платежей в бюджет городского округа «Город Чита» от деятельности малых предприятий в 2020 г. уменьшились по сравнению с 2019 г. на 11,8% и составили 262,7 млн. руб [1].

В Забайкальском крае по данным Министерства экономического развития Забайкальского края число представителей малого бизнеса в 2019 г. составляло 25350 ед., в 2020 г. – 24269 ед [2].

Несмотря на снижение региональных показателей, общая статистика показывает, что число предпринимателей в России неуклонно растет - это связано также с тем, что Правительство РФ ведет активную работу по государственной поддержке субъектов предпринимательской деятельности.

Так, на сегодняшний день, зарегистрировано более 360 тыс. предпринимателей, включая плательщиков налога на профессиональный доход, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц [3].

В связи с этим, особое значение приобретает правовое регулирование отдельных категорий предпринимателей.

Рассматривая основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность предпринимателей и юридических лиц следует выделить несколько уровней законодательных актов [4].

Во-первых, Конституция РФ как основной закон РФ, которая закрепляет право граждан на занятие предпринимательской деятельностью, придавая ему особую ценность, рассматривая его как элемент правосубъектности любого гражданина РФ.

Во-вторых, стоит выделить Гражданский кодекс РФ, как кодифицированный акт, закрепляющий понятие предпринимательской деятельности, основные сферы взаимодействия предпринимателей, в частности, вступающих в отдельные обязательства (предпринимательские договоры), вопросы правопреемства при реорганизации юридического лица и в порядке наследования долей в бизнесе, особенности гражданско-правовой ответственности предпринимателей и т.д.[1]

Также из кодифицированных актов следует отметить и другие кодексы РФ: Налоговый Кодекс РФ, Уголовный Кодекс РФ, КоАП РФ и т.д. Все эти федеральные законы содержат важные положения, касающиеся правового статуса субъектов предпринимательской деятельности, в частности особенности административной и уголовной ответственности предпринимателей [5].

В-третьих, большой пласт правовых норм составляют специальные законы, регламентирующие особенности регистрации субъектов предпринимательской деятельности, особенности отдельных организационно-правовых форм, вопросы лицензирования и аккредитации организаций, страхования,

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с посл.изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.11.2022)

кредитования, участия в качестве профессиональных участников рынка ценных бумаг и т.д. Одним из ключевых нормативных актов в сфере предпринимательства следует назвать ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24.07.2007 № 209-ФЗ[1].

В - четвертых, уровень подзаконных актов не менее важный с точки зрения правового регулирования предпринимательской деятельности. Так, для эффективности работы предпринимателей, в России существуют программы и проекты, помогающие им развиваться. Среди них можно отметить Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 №1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года».

Оба стратегических документа во многом определили векторы развития предпринимательских отношений в нашей стране, ключевые направления поддержки субъектов предпринимательской деятельности.

Кроме того, для субъектов малого и среднего бизнеса обязательны для исполнения письма, разъяснения, распоряжения и иные документы регламентационного характера в части касающейся ФНС России, Министерства труда и социальной защиты населения, Министерства экономического развития, Министерства финансов и других министерств и ведомств. Среди актов министерств и ведомств следует выделить один стратегический документ: Приказ Министерства экономического развития РФ от 26 марта 2021 г. № 142 «Об утверждении требований к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, а также физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в субъектах Российской Федерации, направленных на достижение целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федеральных проектов, входящих в состав национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Данный документ подчеркивает важность программ развития МСП на территории регионов нашей страны[2].

На шестом уровне следует выделить региональные источники предпринимательского права. В Забайкальском крае есть нормативно-правовые акты, регулирующие сферу предпринимательской деятельности, например, такие как:

[1] О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.11.2022)

[2] Приказ Министерства экономического развития РФ от 26 марта 2021 г. № 142 Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.11.2022)

Постановление Правительства Забайкальского края от 22.03.2022 № 99 «О продлении сроков уплаты налогов для субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях внешнего санкционного давления»[1].

Постановление Правительства Забайкальского края от 01.07.2021 г. № 229 «О реализации регионального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»[2].

На уровне регионального законодательства уточняются меры государственной поддержки в рамках выделенных на каждый регион субсидий, регламентируются правила оказания дополнительных региональных мер поддержки, регламентируются иные вопросы ведения предпринимательской деятельности субъектами малого бизнеса в субъектах и муниципалитетах.

Так как большое внимание в настоящее время уделяется деятельности региональных властей в области регулирования и развития предпринимательства, число нормативно-правовых актов субъектов РФ постоянно пополняется новыми источниками.

Таким образом, проанализировав различные уровни правовой регламентации предпринимательской деятельности, можно прийти к выводу, что предпринимательское право - это комплексная отрасль российского права, которая регулируется как на федеральном уровне, так и на уровне регионов. Комплексность предпринимательского права также проявляет себя в сочетании норм, регулирующих отрасль, поскольку она содержит в себе нормы как частного, так и публичного права. Нормативно-правовые акты, регулирующие сферу предпринимательской деятельности, должны обновляться, ориентируясь на ключевые задачи государства, при сочетании устоявшихся подходов к нормотворчеству и гибких вариантов, которые, уже не раз доказывали свою эффективность. В частности, когда в России вводился институт «самозанятых» граждан.

Библиографический список

1. Основные показатели деятельности предприятий в сфере малого предпринимательства в городском округе «Город Чита» // Официальный сайт поддержки малого и среднего предпринимательства городского округа «Город Чита». 2022 [Электронный ресурс]. URL: http:// www. mbchita. Ru /o-malom-biznese -goroda/ monitoring -razvitiya - malogo -i-srednego-predprinimatelstva/ analiticheskaya - informaciya/2019- god.html (дата обращения: 30.10.2022)

2. По итогам 2021 года число предпринимателей в Забайкалье достигло «допандемийного уровня» // Министерство экономического развития

[1] Постановление Правительства Забайкальского края от 22.03.2022 № 99 Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www. pravo.gov.ru (дата обращения: 07.11.2022)

[2] Постановление Правительства Забайкальского края от 01.07.2021 г. № 229 Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.11.2022)

Забайкальского края. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://minek.75.ru/novosti/259343 (дата обращения: 30.10.2022)

3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства: официальный сайт. 2022. URL: https://ofd.nalog.ru/index.html (дата обращения: 30.10.2022)

4. Гражданское право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Ю. Ф. Беспалов, А. Ю. Беспалов, А. Ю. Касаткина. Москва: Проспект, 2021. 656 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iprbookshop.ru (дата обращения: 30.10.2022)

5. Предпринимательское право: учебник / Р. А. Курбанов, С. А. Азарова, Л. Л. Баланюк [и др.]; под общей редакцией Р. А. Курбанова. М.: Проспект, 2021. 854 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iprbookshop.ru (дата обращения: 09.03.2022)

УДК 342.4

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АГЕНТСКОГО ДОГОВОРА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Баймухаметова Гульмира Гаяновна
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
bajmuxametovag@bk.ru
Научный руководитель:
Балякина Елена Борисовна
старший преподаватель кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.,
г. Уфа, Россия

Данная статья рассматривает историю становления агентского договор и реформацию нынешнего времени.

В исследовании автор делает акцент на состав агентского договора и оснований, отраженных в Гражданском кодексе.

Ключевые слова: агентский договор, законодательство, право, юридические лица, субагент, поручительство, отношения.

Понятие «агент» во время предреволюционной России, как и в других странах, являлся довольно распространенным. Несмотря на то, что в Своде законов Российской империи об агентах не упоминается, все же разговор про них шел в перечне законодательного кодекса, не вступившего в свод. Как отмечает Г.Ф. Шершеневича, «агент не совершает сделок от чужого имени и не нуждается в особой доверенности. Он работает не безвозмездно, по характеру своей деятельности может рассчитывать на вознаграждение, которое зависит не от

продолжительности его работы, а от ее удачи, то есть от заключения при его содействии сделок» [1].

Исследуя историю происхождения договора агентирования, необходимо отметить, что единичные принципы права РФ, исходя из которых сформирован термин «агентский договор», взяты из законодательства зарубежных стран. Однозначно, агентирование в законодательных отношениях зарубежных стран используется с давних пор, и ее практическое применение успешно в различных формах хозяйственного отношения.

Вправовой системе РФ агентский договор – это в некоторой степени новый институт. В Гражданском кодексе 1964 г. об этом институте не упоминалось, потому что на тот момент в законодательстве РФ не было договора агентирования. Он масштабно применяется до сих пор в американской системе права. В отличие от законодательства РФ, в американском праве агентский договор приходит на замену договору комиссии и поручения [2].

Неверным является предположение, что институт агентирования целиком заимствован от американского права, но воздействие последнего на институт агентирования не следует опровергать.

Первостепенно данный раздел назывался как »Торговый агент», но в дальнейшем этот раздел был переименован на »Торговый представитель». Как и в других государствах, в предреволюционном праве термин «агент» был распространен.

На сегодняшний день агентский договор масштабно используется в области коммерческого функционирования, а именно в отрасли распространения продукции, в случае, когда поставщик подписывает агентский договор с предприятием сбыта, который имеет линию продаж и большой опыт в торговле. Также, данный договор широко используется в торговле на бирже, для того чтобы сформировать представительства и филиалы и в целях приобретения и реализации услуг, таких как турагенты, юридические услуги и т.д.

Состав агентского договора представляет из себя гражданскую и правовую форму оформления сотрудничества, в пределах которого агент исполняет юридические, а также фактические действия в пользу принципала, не формирующие правовые отношения среди принципала и третьими лицами.

К примеру, если агент решает взять на себя ответственность реализовать продукцию принципала, это означает, что он также обязан провести рекламные работы и иные мероприятия по маркетинговым услугам. В данных случаях нельзя ограничиться лишь конструкциями традиционных договоров поручения и комиссии. Составление договора агентирования в идентичных ситуациях дает возможность лицам сэкономить время и облегчить возникшую ситуацию.

Необходимо подчеркнуть, что в адрес специальных форм агентов и сделок, которые заключаются с ними, используются дополнительные понятия, такие как, «консигнационная соглашение», «консигнатор и консигнант», «доверитель», «поверенный» [2].

В договоре агентирования сторона агента возлагает на себя ответственность за вознаграждение осуществить требования стороны принципала, выступая от имени принципала или от личного имени. В договоре агентирования

сторонами являются и физические лица, и юридические лица. Зачастую данный договор формируется в области предпринимательства.

Главным требованием договора агентирования является его предмет, включающий в себя список фактических и юридических действий. Правовые взаимоотношения по договору агентирования можно оформить в устной форме, при помощи выдачи доверенностей, или же в письменной форме, где принципал имеет возможность отметить общие обязанности агента, при этом принципал обязан предоставить агенту доверенность, в случае, если это является необходимостью для осуществления обязательств принципала.

Данная доверенность не принципиальна лишь в случае, когда агент является коммерческим представителем и его обязанности сформированы в договоре, а также, когда агент представляется от личного имени в интересах принципала.

В законодательстве не упоминается про концепцию агентского договора, в связи с этим субъекты будут принимать решения исходя из требований.

Договор агентирования возмезден. Стороны имеют возможность установления размеров вознаграждений в договоре [3]. «В случае если стороны не учли данный пункт в договоре, то размеры вознаграждений определяются согласно пункту 3 статьи 424 Гражданского кодекса, т.е. по стоимости, которую можно взимать в сравнимых обстоятельствах за такие же услуги»[1].

«В статье 1007 Гражданского кодекса предусмотрена возможность установления ограничительных мер с целью предотвращения конкуренции между агентом и принципалом»[2]

Возможности принципала можно ограничить установкой запрета на составление на местоположении, которая была указана в договоре, и по определенному предмету похожих сделок между остальными агентами.

Также возможности принципала можно ограничить лишь тогда, когда стороны учли это условие в договоре. Ограничения можно предусмотреть и для агента тоже. В этом случае на агента присваивается обязательство не заключения в границах определенного местоположения похожих договоров с остальными принципалами.

В своих трудах Л. В. Данилова приходит к следующему заключению, а именно: «Исходя из вышеприведенного, можно прийти к выводу, что правоспособность сторон ограничивается, но это допускается законом. Однако необходимо учитывать, что в законе ничего не говорится про ограничение прав третьих лиц. Если бы данные ограничения действовали в отношении третьих лиц,

[1]См.: Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/3f4368f181f833a15c0636db51cee2d81274ede9/ (Дата обращения: 26.11.2021).

[2]См.: Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/0a67de2b13b021b6421c46c7e6cdf6be3afa3de8/ (дата обращения: 26.11.2021).

то агент мог бы продавать товар только 30 определенным в договоре покупателям в связи с их местонахождением и так далее»[1].

Состав договора агентирования включает в себя следующие критерии и обязанности сторон. Обязательства агента: исполнение поручений принципала согласно требованиям агентского договора; предоставление отчетности об исполнении требований принципала. Порядок и сроки предоставления отчетности отмечены в договоре.

В случае, если стороны не учли это в договоре, отчетность предоставляется принципалу по объему выполненных обязательств или же по окончанию действия договора агентирования. Также, к отчёту прилагаются чеки, которые подтверждают общие затраты агента.

Принципалу по закону предоставляется 30 дней для того, чтобы посмотреть отчетность и сообщить агенту о вопросах, которые появились в ходе проверки отчета. Отчет является принятым, если за 30 дней принципал не сообщил агенту о проблемах, в случае если они присутствуют.

«Необходимо отметить, что согласно пункт 1 статьи 1009 Гражданского кодекса, переложение обязанности агента происходит путем заключения субагентского договора»[2].

При заключении субагентского договора, ответственным лицом перед принципалом за субагента является агент. В ходе осуществления обязательств, субагент имеет возможность на совершение действий фактического характера, при этом данные действия не сфокусированы на создание для принципала юридических обязанностей и прав. Субагент также может совершать юридические действия во исполнении поручения принципала, но от своего имени.

Субагент вправе заключать от имени принципала сделки, если ему предоставлены такие полномочия на основе передоверия. В этом случае порядок и последствия такого передоверия регламентируются статьей 976 Гражданского кодекса. Во всех случаях агент отвечает перед принципалом за действия субагента.

«Исключением является ситуация, когда субагента назначил сам принципал. Также агент имеет право требовать уплаты вознаграждения и понесенных в ходе исполнения договора расходов. Кроме того, за агентом оставлено право отказаться от исполнения договора, если договор был заключен без указания срока» [4].

Обязанностями принципала являются: принятие реализованного поручения от агента, оплата вознаграждения и возмещение затрат, которые понес агент при исполнении поручения. «Если стороны не установили порядок уплаты вознаграждения, то принципал должен действовать в порядке, предусмотренном пунктом 3 статьи 1006 Гражданского кодекса. В указанной норме говорится об обязанности принципала выплатить вознаграждение агенту в течение недели со дня, когда агент представил отчет, если из существа договора или обычаев

---

[1]См. Новый Юридический вестник: Электронный ресурс: Режим доступа - file:///C:/Users/Asus/Downloads/vestnik_188.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

[2]См.: Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/a138e3b2829b7d487d1c6d914ee50543ce271a20/ (дата обращения: 26.11.2021).

делового оборота не вытекает иное. Также принципал обязан не заключать договоры аналогичного характера с другими агентами, если об этом сказано в договоре»[1].

Правами принципала являются: требовать предоставление отчетности о действиях агента; отказывать по представленному отчету агента; отторгаться от договора, если в нем не указаны сроки действия. В случае нарушения условий договора агентирования ответственность наступает по правилам глав 25, 49 и 51 Гражданского кодекса. Особенностью данной процедуры является то, что в агентском договоре агент не несет ответственности перед принципалом за действия других лиц, с которыми агент вступил в договорные отношения во исполнение поручения принципала. Исключением является ситуации, когда агент дает поручительство за действия третьих лиц принципала, а также ситуация, когда агент к выбору контрагента отнесся не ответственно.

«Кроме общих оснований, в Гражданском кодексе (статья 1010) предусмотрены специальные основания прекращения агентского договора: в связи с отказом одной из сторон от договора, заключенного без указания срока; в связи со смертью агента, а также признанием его ограничено или полностью недееспособным, безвестно отсутствующим; признание агента несостоятельным»[2].

«До введения агентского договора в правовую систему России, использовалось несколько взаимосвязанных договоров, и это приводило к определенным трудностям их применения. Появление института агентирования кардинально облегчило данное положение» [3].

О.С. Иоффе рассуждает следующим образом: «Однако в науке есть и иная точка зрения. Например, А.Р. Залиев считает введение агентского договора в правовую систему неправильным. Автор считает введение данного института копированием английского права. При этом, как могут сочетается фактические действия по договору агентирования с договором поручения и комиссии, остается непонятным» [5].

Таким образом, появление агентского договора в Российском законодательстве обусловлено созданием новых форм посреднических отношений, выходивших за рамки традиционных договоров поручения и комиссии. Еще одним фактором, способствованием появлению агентского договора в Российском законодательстве – это развитие внешней торговли.

Как известно, агентский договор появился и широко используется в западных странах. В связи с этим, в российских предприятиях с иностранным элементом, иных предприятиях, реализующих свои товары и услуги на внешнем рынке (транспортные и страховые компании, гражданская авиация и так далее), агентские отношения получили широкое распространение.

---

[1] См.: Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/24797d98f3b1dee66fa0d33a07431baf553b7650/ (дата обращения: 26.11.2021).

[2] См. Консультант плюс [Электронный ресурс] URL: -http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/0669a189ce00255a56b8781a4922f8c7754e264d/ (дата обращения: 26.11.2021).

Библиографический список

1. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М., 2015. Т. 1. 654 с. [Электронный доступ] URL: https://urait.ru/viewer/kurs-torgovogo-prava-v-4-t-tom-2-tovar-torgovye-sdelki-433382#page/48 (дата обращения: 26.11.2021).

2. Залесский В.В. Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. М., 1999. 450 с. [Электронный доступ] - Режим доступа: http://lawlibrary.ru/izdanie25709.html (дата обращения: 26.11.2021).

3. Таль Л.С. Торговый агент и агентурный договор как правовые типы // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. М., 2013. 598 с.

4. Рябиков С.Ю. Агентские соглашения во внешнеэкономических связях. М., 2012. 156 с. [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/science/dissGrigoryev_Diss.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

5. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 2. М., 2018 576 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/izbrannye_trudy_po_grazhdanskomu_pravu_iz_istorii_civilisticheskoj_mysli_grazhdanskoe_pravootnoshenie_kritika_teorii_hozyajstvennogo_prava/ (дата обращения: 26.11.2021).

УДК 347.78.01

МОДИФИКАЦИИ ВИДЕОИГР: СООТНОШЕНИЕ ФАНАТСКОГО ТВОРЧЕСТВА И НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ АВТОРОВ

Волкова Анастасия Дмитриевна
студент НГУЭУ, г. Новосибирск, Россия
avoly0100@gmail.com
Научный руководитель:
Холмова Елена Геннадьевна
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права НГУЭУ, к.ю.н., г. Новосибирск, Россия

Вопрос о соотношении фанатского творчества и неимущественных прав авторов в последнее время становится наиболее актуальным. Настоящая статья посвящена разрешению вопросу о разграничении авторский прав на модификации видеоигр. Приводится сравнительный анализ положений части четвертой Гражданского Кодекса Российской Федерации и Закона об авторском праве США. Кроме того, автором исследуется правовая природа модификаций видеоигр как производного произведения. Приводится предложении о порядке правового регулирования модификаций видеоигр.

Ключевые слова: видеоигра, модификации, авторское право, производное произведение, интеллектуальная собственность, объект авторского права

Одной из особенностей индустрии видеоигр являетсясоздание пользователямимодификаций, включающие в себя как небольшие исправления ошибок, так и более крупные изменения, такие как улучшение графики или даже создание новой игры. Сегодня моддинг приобрел популярность среди пользователей. Пользователи создают уникальный контент: персонажей, карты, предметы игрового мира и другие моды на основе своих любимых игр, часто интегрируя этот контент обратно в саму игру. Защищен ли этот контент, созданный игроками, авторским правом, и если да, то кому он принадлежит?

Итак, прежде всего требуется определить, какую правовую природу имеет компьютерная игра. В соответствии с положениями части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) видеоигра является результатом интеллектуальной деятельности человека, следовательно видеоигра подлежит правовой защите наравне с другими видами интеллектуальной собственности. Буквальное толкование ст. 1261 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что видеоигру можно определить как программу для ЭВМ, созданную для воспроизведения игрового пространства и реализации игровой механики, в том числе, правил игры [1, с. 97]. При этом по своей природы, она является сложным мультимедийным продуктом. К признакам видеоигры как мультимедийного продукта относят выражение его в цифровой форме и функционирование в процессе взаимодействия с пользователем [2, с. 36]. Также видеоигру можно представить как составное произведение,

поскольку включает в себя множество самостоятельных результатов интеллектуальной деятельности (сюжет, музыка, персонажей и т.д.)

Предоставляется, что правовое регулирование модификаций образуют нормы о производных произведениях, в связи с тем, что модификации существуют в объективной форме, оригинальны и новы, носят творческий характер [3, с. 64]. По смыслу п. 87 Постановления Пленума Верховного суда от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», сущность переработки выражается в создании нового произведения на основе уже существующего1. Ввиду этого стоит отметить, что основу создания мода составляет использование, например, исходного кода игры или моделей из игры.

Однако право на переработку произведения является одним из способов использования результата интеллектуальной деятельности и как таковое принадлежит правообладателю. Право на переработку произведения может быть предоставлено в том числе по лицензионному договору (статья 1235 ГК РФ). В сфере правового регулирования документом предоставляющим право на переработку может являться лицензионное соглашение с конечнымпользователем. Нельзя не учесть ст. 1266 ГК РФ, согласно которой не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений2.

В соответствии с ГК РФ модификации допустимы только с согласия автора, которое может быть выражено в лицензионном соглашение с конечным пользователем. Аналогичная ситуации в праве Соединённых Шатов Америки. В соответствии с Законом об авторском праве США (Copyright Act of 1976), производная работа — это работа, которая основана на (или получена из) одной или более уже существующих работ. Незначительные изменения или дополнения небольшого объема к существующей ранее работе не будут являться основанием для признания произведения производным. Объектом авторского права признаются дополнения, изменения или другой новый материал, появляющийся впервые в работе. Важно отметить, что исключительно автор оригинального произведения или лицо, управомоченное на это автором этого произведения, имеет право предоставить разрешение на внесение изменений и дополнений к свое работе[3].Так, модификация будет признана производным произведением при условиях, что, во-первых, на модификацию игры имелось согласие автора; во-вторых, модификация должна представлять новый объект, созданный в результате творческой деятельности.

Ключевой проблемой, связанной с моддингом в видеоиграх, является проблема, связанная с принадлежностью авторских прав на моды: разработчику

---

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.supcourt.ru/documents/own/27773/ (дата обращения: 22.10.2022).

[2]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: (21.10.2022).

[3]CopyrightActof 1976 [Электронный ресурс]. URL https://www.law.cornell.edu/ uscode/text/17 (дата обращения: (21.10.2022).

видеоигры или создателю мода. Существует мнение о том, что, чтобы создатели модов обладали авторскими правами на них. Например, видеоигра City of Heroes позволяет игрокам создавать персонажей аватаров на основе внутриигровых инструментов. Для определения является ли такой персонаж объектом авторского права необходимо учитывать способ их создания. Так, если пользователь использует инструменты, предоставленные в самой игре и являющиеся частью геймплея, для создания своего объекта, то пользователь по сути играет в игру, а созданный им объект нельзя назвать объектом интеллектуальной деятельности**.** В случае, если бы кто-то создавал иллюстрацию, например, в программе Adobe Photoshop, вряд ли можно было бы утверждать, что Adobe, а не сам пользователь, владеет такой работой.

Ключевым отличием создания объекта, в частности, создание персонажа в игре от работы в других программах является отсутствие творческого характера данной деятельности. В соответствии с разъяснениями п. 80 Постановления Пленума ВС № 10 при анализе вопроса о том, является ли конкретный результат интеллектуальной деятельности объектом авторского права, судам следует учитывать творческий характер деятельности, в результате, который объект был создан[1]. Не является важнымспособ создания произведения: собственноручно или с использованием технических средств. Следовательно, пользовательский контент, созданный во время игры, в меньшей степени будет являться результатом творческой деятельности, поскольку процесс создания ограничен механикой игры (например, при создании персонажа пользователь может использовать только комбинацию из 5 шаблонов, уже представленных в игре).

Для решения вопроса о предоставлении правовой охраны модификации игры как самостоятельному объекту в каждом конкретном случае необходимо проанализировать его на наличие таких критериев, как творческую свободу как важный фактор при определении того, какой контент, созданный игроками, является достаточно оригинальным, чтобы гарантировать защиту авторских прав.

Более сложный и интересный вопрос – кому принадлежат авторские права на контент, созданный в игре с использованием стороннего программного обеспечения. В этом случае разработчик игры является обладателем авторских прав в отношении игры, которая является базой для создания мода, а автор, используя стороннее программное создает, например, новый объект для игры. Данная деятельность может рассматриваться как творческий труд, поскольку пользователь создаёт качественно новые объекты. Наряду с этим необходимо учитывать положения лицензионного соглашения с конечным пользователем.

В лицензионном соглашении видеоигры Minecraft отмечается, что под «Модами» следует понимать нечто оригинальное, созданное пользователями и не содержащее существенную часть охраняемого авторским правом кода игры, права на моды принадлежат автору мода. В лицензионном соглашении с

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.supcourt.ru/documents/own/27773/ (дата обращения: 22.10.2022).

конечным пользователем видеоигры Dragon Age: Инквизиция указывается, что в процессе игры пользователь может создать объекты, которые могут быть объектами авторского права, но права на данные объекты пользователь, соглашаясь с данным лицензионным соглашением, передает EA, в частности, право на воспроизведение, копирование, адаптацию, модификацию, исполнение, демонстрацию, публикацию. Ввиду этого можно отметить, что закрепление четкой позиции в лицензионном соглашении с конечным пользователем поспособствует урегулированию вопросов, связанных с принадлежностью авторских прав на моды.

Одной из проблем правового регулирования модов является использование интеллектуальной собственности третьих лиц при создании мода. В частности, это может выражаться, в частности, в использовании логотипов при создании мода. Например, в 2017 году Главная лига бейсбола (Major League Baseball) выступила против использования пользовательского мода, добавляющего в видеоигру Fallout 4 форму бейсбольной команды Бостон Ред Сокс (Boston Red Sox).Кроме того, авторы модов хотят монетизировать свое творчество. Большое распространение получила публикация модов на онлайн-платформах, позволяющих монетизировать творчество путем включения платных подписок. Правообладатели выступают против распространения модов на платной основе. Так, например, Electronic Arts в 2022 году изменили правила, касающихся распространения модов для видеоигры TheSims 4: моды должны и распространяться бесплатно, их нельзя продавать, предоставлять по лицензии или в платную аренду.

Итак, нельзя отрицать, что моддинг является неотъемлемой частью индустрии видеоигр. С помощью договорных соглашений, таких как лицензионные соглашения с конечным пользователем и соглашений об условиях обслуживания, правообладатели стремятся управлять творческой деятельностью пользователей, при этом правообладатели должны найти баланс между своими интересами и интересами пользователей, создающих моды.

Оптимальным решением выявленных проблем, представляется, во-первых, включение в пользовательское соглашение положений, касающихся создания модов и их распространения, а самое главное принадлежность авторских прав. Следует разграничить пользовательский контент, создаваемый в самой игре и моды, создаваемые при помощи иного программного обеспечения в том числе и предоставляемого разработчиками видеоигр.

Решить проблему монетизации и распространения вредоносного пользовательского контента может запрет распространения модов на иных площадках кроме специализированных интернет-платформ. Это поспособствует улучшенной модерации, удобству как для создателей модов, так и для пользователей видеоигр. Полностью остановить распространение пользовательского контента невозможно. Ввиду этого необходимо побуждать пользователей публиковать моды на официальных интернет-платформах с помощью стимулирования денежными выплатами за их творчество. Необходимо учитывать, что свободное некоммерческое распространение такого контента не нарушает права правообладателей видеоигр, пока не посягает на права третьих лиц или не распространяется с целью причинить вред правообладателям или пользователям видеоигры. Ввиду

этого можно заключить, что создание модов представляет собой один из видов фанатского творчества, права на результаты такого творчества принадлежат создателю такого пользовательского контента.

Библиографический список

1. Архипов В. В. Виртуальное право. Основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2. С. 97.
2. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. Москва: Проспект, 2013.
3. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. Москва: Юстицинформ, 2020 с.
4. Условия предоставления услуг и лицензионное соглашение Minecraft [Электронный ресурс] URL: https://www.minecraft.net/ru-ru/terms/r2 (дата обращения: 27.10.2022).
5. Electronic Arts лицензионное соглашение с конечным пользователем Dragon Age: Инквизиция [Электронный ресурс] URL: https://media.contentapi.ea.com/content/dam/eacom/ru-ru/eula/eula-dai-pc-rus-ru-17-09-14.pdf (дата обращения: 27.10.2022).
6. Пользовательское соглашение Boosty.to [Электронный ресурс] URL: https://boosty.to/app/offer/user (дата обращения: 25.10.2022).
7. The Sims 4 — моды и игровые обновления [Электронный ресурс] URL: https://help.ea.com/ru/help/the-sims/the-sims-4/mods-and-the-sims-4-game-updates/ (дата обращения: 27.10.2022).

УДК 346.1

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Гайнулова Юлия Муслимовна
студент юридического факультета СПбГУ,
г. Санкт-Петербург, Россия
st058130@student.spbu.ru

В работе рассматривается тема, фундаментальная для предпринимательского права, о достаточности нормативного определения и признаков предпринимательской деятельности, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации и предлагаемых в научной литературе. С этой целью дается обзор имеющихся позиций в юридической литературе и в судебной практике. В свете анализа судебной практики и критики правоведов выявлены недостатки нормативно закрепленного определения и признаков предпринимательской деятельности, актуализируется вопрос об иной формулировке рассматриваемой легальной дефиниции.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, признаки предпринимательской деятельности, свобода предпринимательской деятельности, государственная регистрация, получение прибыли.

В рамках данной работы бы хотелось обратиться к вопросу, который, несмотря на наличие как легальной дефиниции, так и нормативно закрепленных признаков предпринимательской деятельности (ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации), остается дискуссионным в научных кругах – вопрос понятия и признаков предпринимательской деятельности.

Данная тема является фундаментальной для предпринимательского права, предпринимательская деятельность, будучи частью экономической деятельности играет важную роль в функционировании государства, его экономики, что также подтверждается законодательным закреплениемкак понятия предпринимательской деятельности, так и его признаков в статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК). Однако дискуссии относительно понятия и ключевых признаков не угасают и правоведы не устают повторять, что признаки в указанной статье не устанавливают специфики понятия предпринимательской деятельности. Разрешение данного вопроса, по мнению ученых, должно привести к решению не только теоретических проблем (например, в определении предмета предпринимательского права), но также и практических (несмотря на отраслевой характер, понятие предпринимательской деятельности используется как универсальное).

В настоящей предлагаетсяпоследовательно рассмотреть основные признаки предпринимательской деятельности, которые закреплены в нормах действующего законодательства РФ, проанализировать спорные точки зрения,

известные средиученых относительно признаков предпринимательской деятельности.

Под предпринимательской деятельностью, в соответствии с легальным определением, которое дано в ст. 2 ГК РФ, понимается самостоятельная деятельность, котораяосуществляется на свой риск и направлена на систематическое получение прибыли от пользования имущества или продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, и это та деятельность, которая зарегистрирована в установленном законом порядке.

Среди ученых есть разные мнения относительно того, удачно ли данное определение: Е. П. Чорновол и А. В. Головизнина считают, что законодатель вполне справился с его формулировкой [1, с. 17], аИващенко А. А. считаетзаконодательную конструкцию понятия предпринимательской деятельности не вполне совершенной [2, с. 47].

Дискуссионным также в теории является вопрос правового характера определения предпринимательской деятельности, которое дано в ст. 2 ГК. Большинство правоведов, например, В. С. Белых [3], И. В. Бакаева [4, с. 15-21], С.Г. Воронцов [5], О. Н. Ермолова [6], П. Г. Лахно [7], А.Ф. Пьянкова [8, с. 17-23], И. Н. Ахметова [9, с. 11-16], С. С. Татаринова и Е.В. Михайлова [10, с. 3-11] признают правовойхарактер понятия предпринимательской деятельности, данного в законодательстве. О.М. Олейник, напротив, считает, что легальное определение предпринимательской деятельности в российском праве отсутствует [11, с. 183].

Легальная дефиниция предпринимательской деятельности содержит в себе признаки, позволяющие идентифицировать определенную деятельность в качестве предпринимательской: самостоятельность; деятельность, которая осуществляется на свой риск; направленность на систематичность получение прибыли и законность осуществления такой деятельности. Ученые же выделяют от четырех до шести признаков, не соглашаясь с существенностью приведенных во 2 ст. ГК признаков [8, с. 17] либо наоборот, признавая, что исключение даже некоторых из них невозможно [12, с. 6]. Обратимся к данным признакам.

Самостоятельность предпринимательской деятельности представляет собой свободу в выборекак направлений, так и методов работы, независимость принятия решений и недопустимость произвольного вмешательства иных лиц в дела предпринимателя. Предприниматели действуют по своей воле и в своем интересе[13], свободны и автономны в определении любых не противоречащих законодательству условий договора и установлении на его основе своих собственных прав и обязанностей.

Ученые выделяют два аспекта самостоятельности предпринимательской деятельности: организационная (материально-правовая) и имущественная (экономическая) составляющая. Имущественная самостоятельность заключается в наличии обособленного имущества как экономической базы деятельности, а организационная – в возможности принимать самостоятельные решения в процессе предпринимательской деятельности [14, с. 32]. Это значит, что, во-первых, лицо должно обладать правосубъектностью для самостоятельного выбора рода деятельностии организационно-правовой формы и иметь имущественную основу для реализации деятельности.

Самостоятельность предпринимателей, по мнению Н. Климовой, проявляется и в имущественных отношениях, и в вопросах организации своей деятельности [11, с. 183]. На наш взгляд, самостоятельность связана, во-первых, с действиями предпринимателей, когда под самостоятельностью мы понимаем действия или бездействия, совершаемые свободно, по своей воле и в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Во-вторых, с видом вещного права, на котором имущество закреплено за предпринимателем: наименьшую самостоятельность предпринимателю дает право хозяйственного ведения и право оперативного управления, а наибольшую – лишь право собственности.

Существенность признака самостоятельности – вопрос дискуссионный: О. А. Беляева [15] А. Н. Климова [11, с. 182-184], Г. Ю. Мицык [12, с. 5-11] придерживаются мнения, что самостоятельность является существенным признаком понятия предпринимательской деятельности, а А. А. Чукреев считает, что данный признак не отличает предпринимательскую деятельность, а присущ любой экономической деятельности в принципе и «любой свободной деятельности» [16, с. 107]. При этом, например, А.Н. Климова, хоть ипризнает самостоятельность сущностным признаком,ноотмечает ислабую сторону, что признак присущ также и просто обычным гражданам» [11, с. 183]. Относительно того, что самостоятельность присуща не только предпринимателям высказывались такжеЭ. Г. Балашова [17],Х. М. Цутиева и И. В. Филимонова [18], О. Н. Ермолова [6].

Второй признак предпринимательской деятельности – осуществление ее на свой риск. Категория «риск», необходимо отметить, присуща предпринимательской деятельности априори [19, с. 143], является ее естественным свойством [12, с. 7]. Понятие «риска» встречается в различных отраслях права в законодательном материале, но с ракурса предпринимательской деятельности, по мнению А. А. Чукреева [16, с. 107], А. Н. Климовой [11, с. 183] и О. А. Малютиной [19, с. 144], категория риска не раскрыта в достаточной мере.

Рисковый характер предпринимательской деятельности означает готовность лица, осуществляющего такую деятельность, к любым последствиям, благоприятным (получению ожидаемого дохода) и неблагоприятными (дохода ниже ожидаемого или же его полное отсутствие и готовность претерпеть убытки).

К обязательным признакам предпринимательской деятельности риск, наряду с законодателем, относит и Е. П. Губин [20, с. 31], И. Н. Ахметова [9, с. 12]. С. Э. Жилинский [21] и А. А. Чукреевсчитают его не сущностным признаком предпринимательской деятельности [16, с. 108]. С. Г. Воронцов, подчеркивая то, что риск присущ любой деятельности, даже проводит сравнение риска предпринимателя с риском пожарного, полицейского, хирурга, журналиста или водителя автобуса [5, с. 404], однако, стоит отметить, что их риск не чисто экономического характера, поэтому следует предпринимательский инепредпринимательский риск [17, с. 24].

Систематическое получение прибыли – еще один рассматриваемый нами признак предпринимательской деятельности. Однако, во-первых, следует говорить именно о направленности на прибыль: предпринимательская деятельность может быть и убыточной. Во-вторых, вызывает вопросы, что именно следует понимать под прибылью. Налоговой кодекс РФ (далее – НК) закрепляет понятие

прибыли в ст. 247 НК. Однако, как следует из буквального толкования статьи, данное понятие применяется только в целях гл. 25 НК. О. А. Беляева считает прибыль, скорее, экономическим термином, нежели юридическим [15, с. 3] и отсутствие толкования термина прибыль в ГК признает оправданным.

Еще одна проблема проистекает из того, что в законодательстве не разъяснено понятие «систематическое». А.А. Чукреевпонимает систематичность как неоднократность совершаемых действий (прежде всего сделок), которые направлены на получение прибыли в течение периода, который необходим для достижения данной цели [16, с. 110]. И. В. Филимонова и Х. М. Цутиеваговорят о необходимостиразработать количественные и качественные критерии систематичности и применять их в органичном единстве [18].

Четкие количественные критерии в законодательстве не выработаны, хотя теоретически такие критерии вообразимы: например, может быть выражено количество раз получения прибыли за определенный период, доля прибыли от этой деятельности в общих доходах предпринимателя. Верховный суд РФ высказался относительно критериев систематичности в Постановлении Пленума «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»: «Определить цель систематичности получения прибыли можно посредством анализа количества товара лица, его ассортимента, объемов выполненных работ, оказанных услуг и других обстоятельств»[1].

Необходимо отметить, Г. Ю. Мицык [12, с. 7], П. Г. Лахно [7], А. А. Чукреев [16] подчеркивают, что не следует подменять понятия «направленность на систематическое получение прибыли» и «систематическоеполучение прибыли» [12, с. 7], потому что важна не систематичность, а стремлениек ней. Систематичность получения прибыли является целью предпринимателя. Поэтому, во-первых, не так важны и критерии систематичности. Во-вторых, отсутствие прибыли нельзя трактовать как отсутствие предпринимательской деятельности, поскольку важна деятельность, а не ее результат. Данный признак можно сформулировать как «направленность на получение прибыли».

Последний критерий предпринимательской деятельности – осуществление её лицами, которые зарегистрированы в качестве предпринимателей в установленном законом порядке, или же признак законности: наличие законом установленной законом регистрации легализует предпринимательскую деятельность [22]. В 2017 году внесены изменения в ГК: предусмотрены условия осуществления гражданами предпринимательской деятельности в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 23 ГК РФ).

В Письме Федеральной налоговой службы России «О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 (ред. от 25.06.2019) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 08.11.2006. № 250.

физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения» (письмо ФНС России от 07.05.2019 № СА-4-7/8614) указано, что в отсутствии ключевых признаков, предусмотренных ст. 2 ГК, деятельность физического лица не подпадает под определение предпринимательской, т.е. незарегистрированная деятельность не может являться предпринимательской (за законностью признается существенный признак предпринимательской деятельности). Но судебная практика свидетельствует об ином: Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 27.12.2012 № 34-П выразил позицию, что отсутствие регистрации само по себе не означает то, что деятельность гражданина не может быть квалифицирована как предпринимательская, если она по своей сути фактически является таковой. Таким образом, судебная практика отвергает существенность признака законности.

Второй важный аспект – это закрытость в законодательстве перечня направлений предпринимательской деятельности, который вызвал критику со стороны правоведов: И.В. Ершова негативно оценивает факт закрытого перечня, говоря о том, что направления определяются прежде всего не законом, аэкономикой, рынком [23]. А В.В. Кванинауказывает на условность данного перечня, так как способы осуществления предпринимательской деятельности многообразны [24].

Непринятие, как научным кругом, так и практикой, понятия предпринимательской деятельности, предложенного законодателем, очевидно. Возможно, более гибкие формулировки в законодательстве помогут устранить ряд проблем. Однако следует помнить, что увеличение абстрактности формулировок может привести к «размыванию» границ между деятельностью предпринимательской и непредпринимательской.

Библиографический список

1. Чорновол Е.П., Головизнин А.В. Нормативно-правовые, доктринальные и правоприменительные признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2016. № 1. С. 17.
2. Иващенко А.А. Понятие предпринимательской деятельности в гражданскомзаконе Российской Федерации и цивилистической доктрине // Обществои право. 2013. № 2. С. 47.
3. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельностив России: монография. М.: Проспект, 2014. 432 с.
4. Бакаева И.В. Предпринимательская деятельность граждан как разновидность экономической деятельности: цивилистическая доктрина и законодательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 15–21.
5. Воронцов С. Г. Легальные признаки предпринимательской деятельности:проблемы терминологической определенности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 4. С. 402–412.
6. Ермолова О.Н. К вопросу о признаках предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. 2014. № 3. С. 32–35.

7. Карелина С.А., Лахно П.Г., Шиткина И.С. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С.Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. 600 с.

8. Пьянкова А.Ф. Понятие предпринимательской деятельности в российском изарубежном праве // Предпринимательское право. 2017. № 1. С. 17–23.

9. Ахметова И.Н. Риски в предпринимательской деятельности: юридическиеаспекты // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 11–16.

10. Михайлова Е.В., Татаринова С.С. К вопросу о понятии предпринимательской деятельности и способах защиты прав ее субъектов // Арбитражныйи гражданский процесс: научно-практическое и информационное издание.2018. № 10. С. 3–11.

11. Климова А.Н. К вопросу о понятии и признаках предпринимательской деятельности // Вестник КГУ. 2016. №6. С. 182-184.

12. Мицык Г.Ю. Нормативно-правовые, доктринальные и правоприменительные признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2017. № 7. С. 5-11.

13. Скворцова Т.А., Смоленский М.Б. Предпринимательское право: учебное пособие /под ред. Т.А. Скворцовой. - М.: Юстицинформ, 2014. 402 с.

14. Ершова И.В. Предпринимательское право / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2015. С. 32.

15. Беляева О.А. Предпринимательское право: учебное пособие. 2-е изд. / под ред. члена Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде РФ, профессора В.Б. Ляндреса. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2009. 352 с.

16. Чукреев, А.А. К проблеме легального определения предпринимательской деятельности // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 105-120.

17. Балашова Э.Г. К вопросу о легальном определении понятия предпринимательской деятельности. Россия и мировое сообщество перед вызовами нестабильности экономических и правовых систем. 2017. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 21–30.

18. Филимонова И.В., Цутиева Х.М. К вопросу о понятии, сущности и признаках предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». URL: http://human.snauka.ru/2017/11/24482 (дата обращения: 19.07.2022).

19. Малютина О.А. К вопросу об определении понятия «Риск» в предпринимательском праве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4. С. 143-144.

20. Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М.: Норма, 2012.

21. Антюфеев, А.Д. Анализ легального определения и признаков предпринимательской деятельности / А.Д. Антюфеев // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 4(11). С. 3-15.

22. Скворцова Т.А., Милов А.А. Проблемы приобретения физическими лицами статуса индивидуальных предпринимателей // Наука и образование:

хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 9 (112). С. 82-85.

23. Ершова И.В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // Lexrussica. 2014. № 2. С. 160-167.

24. Кванина В.В. Профессиональная и предпринимательская деятельность // Цивилист. 2011. № 2. С. 27-33.

УДК 347

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО СПОСОБА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ

Зайцева Диана Матвеевна
студентка Института права
Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия
e-mail: dianka-disha@yandex.ru
Научный руководитель:
Гимадрисламова Олеся Рамильевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

На сегодняшний день интернет-пространство является неотъемлемой частью нашей жизни. Это не только способ коммуникации, источник информации, но и площадка для реализации своих товаров и услуг в рамках электронной торговли, которая на данный момент стремительно набирает обороты. Однако вместе с тем появляется множество вопросов, поскольку правовая база, регламентирующая данные отношения характеризуется неопределенностью. выявлению и рассмотрению правовых проблем, которые возникают при купле-продаже товаров дистанционным способом. Цель исследования – анализ проблемы целесообразности выделения дистанционной торговли в качестве отдельного вида договора и рассмотреть проблемы защиты прав потребителей при возврате и обмене товаров, приобретенных дистанционным способом.

Ключевые слова: дистанционный способ купли-продажи, розничная купли-продажи, потребитель, продавец, защита прав.

По данным исследовательского агентства Data Insight, специализирующееся на рынке электронной коммерции, объем российского рынка электронной коммерции в 2020 году достиг 2,7 трлн рублей, увеличившись на 58% в сравнении с 2019 годом. Аналитики связывают такой рост, по сравнению с 2019 г, с пандемией коронавируса COVID-19 и долгим периодом самоизоляции. В 2020 году россияне сделали около 830 млн таких заказов против 465 млн годом ранее.

Аналитики и экономисты прогнозируют продолжение роста электронной торговли[1].

Продажа товаров дистанционным способом набирает популярность, поскольку это сокращает временные затраты граждан на поиск товара, а ценовая политика интернет-магазинов позволяет им, в свою очередь, экономить денежные средства.

Одной из особенностей такого вида купли-продажи является отсутствие личного контакта с покупателем и возможности ознакомиться с товаром непосредственно, в связи с этим у потребителей возникает ряд проблем.

На сегодняшний день действующее законодательство не осуществляет регулирование заключения договоров, контрактов, сделок в Интернет-пространстве в должной мере. Отсутствие такой регламентации оказывает негативное воздействие на отношения между потребителем и продавцом, вследствие чего чаще возникают судебные споры. Поэтому остро встает вопрос правовой регламентации и целесообразности выделения дистанционного способа продажи в качестве отдельного вида договора.

Определение дистанционной торговли содержится в ряде нормативных правовых актов. Их анализ показывается, что в актах имеются различия в формулировках. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее ГК РФ), в Законе РФ «О защите прав потребителей», Федеральном законе «О рекламе» речь идет о дистанционном способе продажи товара, в Постановлении Правительства «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену» говорится о продаже товаров дистанционным способом[2], а в Законе «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации, такой способ продажи относят к формам розничной торговли товарами, при которой потребитель не имеет возможности непосредственно ознакомиться до получения[3].

---

[1]Ежегодный отчет «Интернет-торговля в России 2021» // DataInsight [Электронный ресурс] URL: https://datainsight.ru/eCommerce_2021 (дата обращения 18.10.2022).

[2]Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. N 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 19.10.2022).

[3]Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629/ (дата обращения: 21.10.2022).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель рассматривает данный способ продажи товара не как отдельный вид договора розничной купли продажи, а лишь в качестве особого способа.

В ГК РФ, п.2 ст. 497 дистанционный способ купли-продажи определяется как договор, который может быть заключен на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара

при заключении такого договора[1].

Как и в стационарной торговле, здесь складываются отношения между потребителем – физическим лицом, который приобретает товары для личных целей, не связанных с предпринимательской деятельностью, с одной стороны, и юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, осуществляющие розничную куплю-продажу дистанционным способом. Но в субъектном составе договора купли-продажи, осуществляемом дистанционным способом есть особенность, которая заключается в наличии посредника, выступающего от имени продавца. Посредниками выступают торговые площадки в сети Интернет, на которых потребитель может выбирать товары. Правовой статус данного субъекта в российском законодательстве не определен.[2] Например, не урегулирована деятельность агрегаторов и маркетплейсов, которые по своей сущности являются субъектами предпринимательской деятельности,формально не являясь продавцами, выступают в качестве получателей денежных средств от потребителей в счет платы тех товаров, информация о которых размещается агрегаторами на своих ресурсах. Агрегатор является посредником между продавцом и покупателем и связывает стороны через Интернет, посредством мобильных приложений и сайтов. Однако нормативно-правового регулирования деятельности данных субъектов нет, также остается открытым вопрос ответственности, которую несет агрегатор перед конечным потребителем за недостатки товара или услуги продавца.

Следующей особенностью, позволяющей говорить о целесообразности выделения договора купли-продажи дистанционным способом в качестве отдельного вида договора является предпосылка к заключению договора.

Предпосылкой к заключению договора является оферта, которая всегда исходит от продавца. Информация о товаре, которая размещается на интернет-сайтах и отвечает требованиям ст. 494 ГК, признается публичной офертой. Отсутствие информации о товаре в средствах связи, включая Интернет, каталога делает дистанционным способ товара невозможным в то время, как при розничной торговле – все это выступает, в первую очередь, в качестве рекламы для привлечения клиентов.

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ(с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 № 20-ФЗ)// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.10.2022).

[2] Симонян, А. Л. Защита прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров // Молодой учёный.2018. № 4 (190).С. 154-156.

Следующая особенность – это предмет договора. Согласно общим положениям ГК РФ, условие о предмете является существенным. Исходя из того, что договор купли-продажи дистанционным способом это разновидность розничной купли-продажи, то на него распространяются общие положения. Однако предмет дистанционной торговли значительно уже. Так, запрещено продавать алкогольную, табачную продукцию и товары, свободный оборот которых ограничен или запрещен. Например, розничная торговля оружием разрешена при получении необходимого разрешения, а дистанционная торговля данным товаром запрещена.

Также на сегодняшний день актуальна проблема, связанная с главной особенностью дистанционного способа торговли – отсутствием возможности непосредственного ознакомиться с товаром. Сложность заключается в том, что фотографическое восприятие товара и его описание не всегда дает полное представление о нём, его свойствах и недостатках, что значительно усложняет задачу потребителю при желании приобрести продукт, который включен в перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки и комплектации[1]. Наделен ли потребитель в данном случае субъективным правом на возврат такого товара?

Анализ статей 457 ГКРФ и 502 ГК РФ и статьи 26 ФЗ №2300-1 от 7 февраля 1992 «О защите прав потребителей» позволяют выделить ключевые особенности регулирования возврата и обмена товаров. Во-первых, предусмотрены разные сроки: по общему положению обмен (возврат) возможен в четырнадцатидневный срок с момента передачи товара покупателю, а для дистанционного способа, согласно статье 26 ФЗ-2300-1, покупатель вправе отказаться от товара в любое время его передачи и в течение семи дней после такой передачи либо, если порядок и срок не определены, в течение трех месяцев[2].

Во-вторых, в Письме от 7 октября 2016 г. N 01/13541-16-29 «О правовых основах регулирования дистанционной торговли Федеральной служба по надзору в сфере защиты» было разъяснено, что правила продажи отдельных видов товаров и Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации к дистанционному способу применению не подлежат[3].

Однако судебная практика по этому вопросу неоднозначна и противоречива. Так, с одной стороны, суды учитывают специфику дистанционной торговли. Например, Зареченский городской суд Пензенской области в решении от 20 июня 2017 года № 2-479/2017 пришел к выводу, что никаких запретов на

---

[1] Кузьменко А.С. Договор розничной купли-продажи в сфере дистанционной торговли: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010.

[2]Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 14.07.2022) «О защите прав потребителей» // [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 21.10.2022).

[3]Письмо Роспотребнадзора от 07.10.2016 № 01/13541-16-29 «О правовых основах регулирования дистанционной торговли»// [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_223256/ (дата обращения: 22.10.2022 г.).

возврат в отношении товаров, приобретенных дистанционным способом, а также технически сложных товаров, статья 26.1 Закона № 2300-1 не предусматривает, каких-либо отсылок к Перечню технически сложных товаров либо к Перечню товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену, не содержит. Суд посчитал, что при дистанционном способе купли-продажи товаров, потребитель не имел возможности получить достоверную и полную информацию о товаре и поэтому истец совершенно правомерно заявил о желании оформить возврат и вернуть деньги. Суд, учитывая все обстоятельства дела, удовлетворил иск[1].

Но есть и противоположные прецеденты. Например, в Апелляционномопределении Московского городского суда от 06.04.2017 по делу № 33-12826/2017, судом было установлено, что районныйсуд отказал в удовлетворении требований истца о возврате денежных средств по причине того, что приобретенный товар не устроил покупателя. Суд исходил из того, что данный товар является технически сложным, который включен в Перечень товаров, не подлежащих обмену. С этим мнением согласилась и судебная коллегия, указав на то, что Правила продажи товаров дистанционным способом не исключают применения вышеупомянутого Перечня и поэтому, товар, приобретенный дистанционным способом, не будет подлежать обмену, если со стороны продавца соблюдены условия о предоставлении информации о товаре и его доставке[2].

Если обобщить позицию судов, можно выделить два подхода к данному вопросу. Первый подход заключается в том, что возможность возврата или обмена товара зависит, прежде всего, от самого товара, но не от способа его приобретения. Второй подход же признает особенность дистанционной торговли и указывает на то, что при таком способе правила продажи отдельных видов товаров и Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества применяться не будут.

На наш взгляд, второй подход является более обоснованным, так как потребитель выступает наиболее слабым субъектом в данных отношениях. Учитывая специфику дистанционной торговли и, отсутствие возможности непосредственно ознакомиться с товаром, достоверно и полно сформировать представление о нем, можно говорить о том, что наделениепокупателей дополнительной гарантией, возможностью возврата и обмена товара независимо от того, входит он в Перечень или нет, было целесообразным.

Таким образом, многие аспекты дистанционного способа купли-продажи товаров не попадают в обзор современного законодательного регулирования. На наш взгляд, такой вид торговли следует выделить, как отдельный вид договора розничной купли-продажи, поскольку имеется огромное количество особенностей в субъектном составе, предмете, в правах и обязанностях сторон договора,

---

[1]Решение Зареченского городского суда Пензенской области№ 2-479/2017 2-479/2017~М-446/2017 М-446/2017 от 20 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/MNyNqetUQvL/ (дата обращения: 22.10.2022).

[2]Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-12826/2017 от 6 апреля 2017 года[Электронный ресурс]. URL: https://www.mos-gorsud.ru (дата обращения: 22.10.2022).

ответственности, способах оплаты товара. Тенденция развития электронной торговли требует совершенствования правовой базы, в частности, в отношении установлении дополнительных гарантий для потребителей при возврате и обмене товаров, включенных в Перечень.

Библиографический список

1. Ежегодный отчет «Интернет-торговля в России 2021» // DataInsight [Электронный ресурс] URL: https://datainsight.ru/eCommerce_2021 (дата обращения 18.10.2022).

2. Симонян, А. Л. Защита прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров // Молодой учёный. 2018. № 4 (190). С. 154-156.

3. Кузьменко А.С. Договор розничной купли-продажи в сфере дистанционной торговли: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010.

УДК 342.4

ЧАСТИЧНАЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ГРАЖДАНИНА В ДЕЛЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Зиннатутллина Элина Рустамовна
студентка Института права УУНиТ, г.Уфа, Россия
elinasharafutdinova@yandex.ru
Научный руководитель:
Гимадрисламова Олеся Рамильевна
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.
г. Уфа, Россия

В данной статье рассматривается реализация принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства), а также специфика применения указанного принципа в отношении различных субъектов в деле о банкротстве должника-гражданина, отличие моделей поведения данного гражданина в отношении каждого кредитора. В статье анализируются различные точки зрения относительно проблемы частичная недобросовестность должника в процедуре банкротства. Обозначены проблемные вопросы, которые касаются темы квалификации действий гражданина, если в отношении одной группы кредиторов он ведет себя добросовестно, а в отношении другой – недобросовестно. Изучена судебная практика правового регулирования механизма банкротства должника-гражданина. Также в статье определены конкретные направления и путь совершенствования законодательства в сфере несостоятельности для создания выгодного положения для всех сторон данного процесса, которое способствует увеличению эффективности механизма банкротства должника-гражданина.

Ключевые слова: банкротство должника-гражданина, добросовестность, частичная недобросовестность, несостоятельность (банкротство), институт банкротства, добросовестные кредиторы.

Основная цель введения процедуры банкротства – это социальная реабилитация граждан, которые в связи с различными ситуациями (потеря работы, пандемия и так далее) попали в трудное финансовое положение.

Указанный механизм применяется только в особых (чрезвычайных) случаях, как правовая основа для освобождения должника от некоторых требований кредитора, которые как заявлены в процедуре банкротства, так и не заявленных в процедуре. Экстраординарность освобождения граждан от обязательств заключается в недопущении его массовости, в силу чего данный способ освобождения должника от требований кредиторов не должен быть часто задействован в отношении отдельного лица [1].

При анализе механизмов освобождения гражданина от обязательств весьма примечательны отдельные примеры из уже сложившейся судебной практики, в частности получившее большой резонанс дело о банкротстве гражданина В.А. Овсянникова, которому суд в Определении от 24.03.2016 по делу № А45-24580/2015отказал в применении правила о списании его долгов, ввиду того что гражданин принял на себя заведомо неисполнимые обязательства. Указанное обстоятельство, по мнению суда, явно свидетельствовало о его недобросовестном поведении в ущерб кредиторам. Обращаясь с заявлением о признании его банкротом, В.А. Овсянников преследовал цель освобождения его от долгов. При этом суд установил, что В.А. Овсянников принял на себя заведомо неисполнимые обязательства[1].

Есть много подобных примеров в судебной практике, большинство граждан, прибегающих к процедуре банкротства, являются недобросовестными, хотят таким образом уйти от обязательств перед кредиторами.

Согласно разъяснениям, данным в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»,[2]оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны.

Анализ судебной практики рассмотрения дел о банкротстве граждан позволяет сделать предположение о том, что практика складывается по-разному, есть случаи, когда граждане, признанные судом банкротами, по отношению к

[1] Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 24 марта 2016 г. по делу № А45-24580/2015 о рассмотрении отчета финансового управляющего о результатах процедуры реализации имущества по делу о банкротстве о признании несостоятельным (банкротом) Овсянникова В.А. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/4cf84743-481f-480c-83ad-1c7cc0fc03d1/A45-245802015_20160324_Opredelenie.pdf (дата обращения: 19.11.2022).

[2] Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

одним кредиторам могли вести себя добросовестно, вместе с тем их поведение в отношении других кредиторов может обладать признаками недобросовестности. В связи с указанными обстоятельствами в значительном количестве дел возникает вопрос: если в поведении гражданина-должника, предшествующем возбуждению дела о его банкротстве, проявляется и добросовестность по отношению к одним кредиторам, и недобросовестность по отношению к другим кредиторам, то какие последствия это имеет для дела о его банкротстве.

И возникает вопрос допускает лиФедеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»(далее – Закон № 127-ФЗ)[1] возможность признания гражданина-банкрота частично добросовестным. Анализ правовых позиций судебных органов при ответе на поставленные вопросы позволяет выделить две диаметрально противоположные точки зрения.

Суть первой точки зрения сводится к тому, что согласно буквальному толкованию абз. 4 п. 4 ст. 213.28 Закона № 127-ФЗ частичное освобождение должника от обязательств недопустимо, так как его незаконные действия при возникновении и исполнении одного обязательства повлекли невозможность исполнения других обязательств (способствовали возникновению ситуации, при которой исполнение других обязательств невозможно) [2].

Согласно второй точке зрения, содержащейся в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2017 г. № 08АП-15128/2016 по делу № А46-16412/2015 о банкротстве гражданина А.К. Эрфорта, допускается частичная недобросовестность должника и, как следствие этого, возможность частичного освобождения банкрота от обязательств. Данная позиция основывается на двух положениях:

а) банкротство граждан является механизмом нахождения компромисса между должником, обязанным и стремящимся исполнить свои обязательства, но испытывающим в этом объективные затруднения (которые должник не мог ни предвидеть, ни предотвратить), и его кредиторами, а не недобросовестным способом избавления от накопленных долгов;

б) закрепленные в законодательстве о банкротстве граждан положения о неосвобождении от обязательств недобросовестных должников, а также о недопустимости банкротства лиц, испытывающих временные затруднения, направлены на исключение возможности получения должником несправедливых преимуществ, обеспечивая тем самым защиту интересов кредиторов.

Именно поэтому, по мнению сторонников допущения частичной недобросовестности гражданина-должника в деле о его банкротстве, устанавливается баланс между социально-реабилитационной целью потребительского банкротства, достигаемой путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных ст. 213.30 Закона № 127-ФЗ, и необходимостью защиты прав кредиторов, так как в силу п. 1 ст. 10 ГК РФ заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав также является незаконным. При этом из ст. 213.28 Закона № 127-ФЗ не

[1]Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

следует, что недобросовестное поведение по отношению к одному из кредиторов автоматически влечет отказ в освобождении от обязательств перед иными кредиторами. По указанной причине можно сделать вывод о том, что отказ в освобождении от обязательств только перед одним из кредиторов при допущении освобождения перед другими кредиторами не исключается.[1]

Анализ вышеперечисленных подходов свидетельствует, что имеет место разное толкование и применение одной и той же нормы в отношении квалификации критериев добросовестности гражданина-должника.

Фактически в первом случае, введя запрет на частичное освобождение должника от обязательств, суды усматривают в правилах п. п. 3 и 4 ст. 213.28 Закона № 127-ФЗ разрешительный (запретительный) тип правового регулирования, согласно которому запрещено все, что прямо не разрешено (как правило, данный тип правового регулирования применим к нормам публичных отраслей права). Руководствуясь указанным типом правового регулирования, Арбитражный суд Северо-Западного округа сделал вывод о том, что частичное освобождение должника от обязательств недопустимо, а гражданин-банкрот не может быть признан частично недобросовестным в своем деле о банкротстве.

Во втором случае, допуская возможность частичного освобождения должника от обязательств, суды усматривают в правилах п. п. 3 и 4 ст. 213.28 Закона № 127-ФЗ общедозволительный тип правового регулирования, при котором дозволено все, что прямо не запрещено законодательством. Именно по указанной причине, руководствуясь общедозволительным типом правового регулирования, Восьмой арбитражный апелляционный суд сделал вывод о том, что из нормы ст. 213.28 Закона № 127-ФЗ не следует, что недобросовестное поведение по отношению к одному из кредиторов автоматически влечет отказ в освобождении от обязательств перед иными кредиторами, что означает возможность отказа в освобождении от обязательств только перед одним из кредиторов и предоставления указанного освобождения в отношении других кредиторов.

Практически все российское законодательство о несостоятельности (банкротстве) находится в сфере перекрестного воздействия как публично-правового, так и частноправового регулирования. Однако следует учитывать, что институту банкротства граждан наиболее близок общедозволительный тип [3].

Вместе с тем перечисленные выше обстоятельства совсем не исключают общего императивного запрета в отношении правовых последствий недобросовестного поведения должника, предшествующего возбуждению дела о его банкротстве, которые проявляются в следующих чертах: а) деятельность гражданина была направлена на нарушение субъективных прав и охраняемых законом чужих интересов в широком их понимании; [4] б) попытками гражданина прикрыть совершенные им нарушения покровом формальной законности; в) осознанием

[1] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2017 г. № 08-АП-15128/2016 по делу № А46-16412/2015. [Электронный ресурс] URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/ c721c29d-77b0-4171-b726-931cc1835a98/A46-16412-2015_20170130_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения 20.11.2022).

гражданином, что он с вероятностью, а в некоторых случаях и с неизбежностью причинит вред чужим интересам [5].

Таким образом, на наш взгляд, институт банкротства граждан допускает частичную недобросовестность гражданина-должника ввиду общего социально-реабилитационного характера указанного института и распространения на него общедозволительного типа правового регулирования. Однако решение вопроса о допустимости частичной недобросовестности гражданина-должника и, как следствие, частичный отказ от исполнения обязательств в отношении отдельных кредиторов гражданина с освобождением от обязательств иных кредиторов должно зависеть от исследования судом конкретных обстоятельств поведения должника, предшествующих возбуждению в отношении него дела о банкротстве, и того, насколько его неправомерные действия при возникновении и исполнении отдельно взятого обязательства способствовали возникновению ситуации, при которой иные обязательства стали неисполнимыми.

Законодательство в сфере банкротства развивается быстрыми темпами, также быстро увеличивается судебная практика. На данный момент суды допускают частичную недобросовестность, однако необходимо предусмотреть в специальном законе о банкротстве ответственность за недобросовестное поведение, даже частичное, но при этом не в ущерб добросовестным кредиторам.

Библиографический список

1. Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения // Право и экономика. 2015. № 10. С. 18 - 26.

2. Рекомендации научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Западного округа по итогам заседания 22 - 23 сентября 2016 г. (г. Вологда): вопросы, связанные с применением законодательства о банкротстве граждан // Аналитические справки, обзоры судебной практики, постановления президиума суда и рекомендации НКС. Официальный сайт Арбитражного суда Северо-Западногоокруга [Электронный ресурс]. URL: http://fasszo.arbitr.ru/welcome/show/633200024/458 (дата обращения: 19.05.2022).

3. Груздев В.В. Гражданско-правовое значение добросовестности // Право и экономика. 2019. № 12. С. 19 - 20.

4. Груздев В.В. Современный подход к недействительности сделок: толкование законодательных новелл // Юрист. 2014. № 16. С. 33 - 37.

5. Антонов В.Ф. Принцип добросовестности в современном гражданском праве: теоретический аспект // Законодательство и экономика. 2018. № 1. С. 20 - 24; Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление и развитие // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2018. № 2 (47). С. 78 - 80.

УДК 341.96

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Иванченко Лада Олеговна, Савельев Дмитрий Алексеевич
студенты ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов, Россия
ladaivanchenko@yandex.ru
Научный руководитель:
Иванова Татьяна Александровна
доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н.,
г. Саратов, Россия

Авторы анализируют институт выморочного имущества, а также порядок его наследованияв международном частном праве. Авторами проведен анализ материально-правовых норм Российской Федерации, коллизионных норм, а также национального законодательства иностранных государств. Поднимается проблема определения судьбы выморочного имущества, в случае если между государствами отсутствует международный договор по указанному вопросу. Авторами приводится судебная практика, иллюстрирующая действие двух основных концепций: наследование по закону и наследование по «праву оккупации».

Ключевые слова: международное частное право; выморочное имущество; концепции наследования; наследование по закону; наследование по праву оккупации; международные акты; международные споры.

Сложно переоценить значение права наследования для любой из существующих ныне правовых систем. Вопрос о наследовании имущества является актуальным для любого живущего современного человека вследствие личных неимущественных отношений, связывающих наследников с потенциальным наследодателем, а также в силу иных всевозможных причин: вложение средств в это имущество, обязательственные отношения с умершим и т.д. Однако особое место в данных правоотношениях занимает имущество, у которого нет наследников и которое некому наследовать. Институт выморочного имущества известен не только российскому праву, но и во всем мире. Тем не менее на практике наследование такого имущества не лишено своих затруднений, особенно в сфере отношений международного частного права.Например, «к какому именно государству переходит такое имущество. Ведь если отношения осложнены иностранным элементом и связаны с разными правопорядками, то несколько государств могут его оспаривать, например, государство последнего места жительства и государство местонахождения имущества» [1, с. 83].

Важно заметить, что в России правовое регулирование института выморочного имущества, в том числе порядок его наследования, определено такой материальной нормой, как статья 1195 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «В случае, если отсутствуют наследники как по закону,

так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника, имущество умершего считается выморочным». Следовательно, в законе указывается несколько обстоятельств признания имущества выморочным: отсутствие наследников, отсутствие у наследников прав наследования или отстранение их от наследования, а также непринятие или отказ от наследства. Вследствие анализа указанной нормы можно предположить о том, что данный институт нацелен на предотвращение повреждения или уничтожения имущества вследствие утраты права собственности на него и признания его бесхозяйным, поскольку устанавливает особый режим его правового регулирования.

Обратим внимание также и на коллизионные нормы национального законодательства, закреплённые в статье 1224 ГК РФ: «Отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, если иное не предусмотрено настоящей статьей.Наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, по российскому праву». Таким образом, имеет значение наследование какого именно выморочного имущества предполагается, поскольку для недвижимого устанавливается совершенно другие условия: по праву страны нахождения имущества или вследствие внесения в государственный реестр.

В науке международного частного права наследование выморочного имущества нашло отражение в двух основных концепциях: наследование по закону и наследование по «праву оккупации». Так, в Российской Федерации действует правило наследования такого имущества по закону (п. 2 ст. 1151 ГК РФ): выморочное имущество переходит впорядке наследования по закону в собственность Российской Федерации, признавая в случае признания имущества выморочным государство в качестве наследника такого имущества. В некоторых странах, в частности «в США, Франции, Австрии, существует другой подход: государство получает это имущество по так называемому праву оккупации, т. е., поскольку это имущество является бесхозным, оно должно перейти к государству» [2, с. 512].

На практике при наследовании выморочного имущества возникают спорные ситуации, связанные с тем, что данные системы наследования вступают в конфронтацию друг с другом. Безусловно, большую роль в урегулировании правовых конфликтов в данном случае будут играть международные акты: конвенции, двусторонние или многосторонние договоры, поскольку именно они позволяют устранить недосказанность национальных систем права и поставить точку в спорном вопросе. К примеру, такими значимыми в сфере наследования выморочного имущества актами международного частного права признаются договоры России с рядом стран – участниц СНГ, с Грузией, Латвией, Литвой, Польшей, Эстонией и другими странами [3, с. 513], согласно данным договорам движимое имущество передается в собственность государства гражданства

наследодателя, если по законодательству сторон,заключивших договор, наследственное имущество как выморочное(наследуемое государством по закону) переходит в собственность государства,а также Минская конвенция 1993 г. (ст. 46) и Кишиневская конвенция 2002 г. (ст. 49) предусматривающие следующее правило: если по законодательству страны, подлежащему применению при наследовании, наследником является государство, то движимое наследственное имущество переходит государству, гражданином которого является наследодатель в момент смерти, а недвижимое наследственное имущество переходит государству, на территории которого оно находится.

Можно выделить отдельные интересные особенности, касающиеся выморочного имущества в странах СНГ. Например, в Украине вопрос выморочного имущества передан в ведение местных властей [4, с. 148]. Согласно распоряжению городского головы № 7-т23-01р от 2011 г. в г. Одессе, одесситам, сообщившим в Городской Совет о бесхозном имуществе, оставшемся без наследников, заплатят вознаграждение в размере 1% от стоимости такого имущества.

Однако возникает следующий вопрос, как будет происходить наследование выморочного имущества, если между государствами-наследниками нет международного договора, и они не являются участниками общих конвенций.Например, смоделируем ситуацию, когда российский гражданин, отдыхающий в Австрии, внезапно умирает, оставив имущество в Вене. Согласно ст. 1224 ГК РФ наследником данного имущества признается Российская Федерация, поскольку данные правоотношения определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, следовательно, в России. Для применения данной нормы также важно определить, какое именно имущество оставил после себя умерший, потому что наследником недвижимого имущества, находящегося в Вене, будет признаваться уже Австрия (наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество). Если же применять концепцию наследования по «праву оккупации», то имущество гражданина, находящееся в Вене, перейдет к Австрии, вне зависимости от того, движимое оно или недвижимое. В соответствии с§ 29 ФЗ Австрии «О международном частном праве» от 1979 г., будет применяться право того государства, в котором находится имущество наследодателя на момент его смерти[1]. В данном случае согласно § 760 Всеобщего гражданского кодекса Австрии «выморочное имущество становится собственностью государства»[2], поскольку имущество располагается в Вене, соответственно, оно будет признаваться собственностью Австрии. Тем самым, если в случае с недвижимым имуществом разрешение вопроса происходит аналогичным образом в правовых системах обоих государств, то все то, что касается движимого имущества, вызывает спор между интересами государств-наследников.

[1]Федеральный закон Австрии о международном частном праве 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040101 (дата обращения: 12.11.2022).

[2] Всеобщий гражданский кодекс Австрии / пер. с нем.: [Маслов С. С.]. - Москва: Инфотропик Медиа; Берлин, 2011. С. 123.

В международной судебной практике не раз уже наблюдались подобные споры. Так, гражданка Испании ЭлоизаМальдона, имевшая местом постоянного проживаниястрану Испанию, внезапно скончалась, не оставив наследников. Позднее в Англии обнаружилось ее движимое имущество. Возник вопрос: какой из этих стран перейдет данное движимое имущество, и, соответственно, какую концепцию наследования следует применять в данном случае: по закону, используя национальное законодательство Испании или по «праву оккупации», используя национальное законодательство Англии.

Апелляционный суд Англии при рассмотрении и разрешении данного дела руководствовался, прежде всего, национальным законодательством Испании. Так, проанализировав нормы Испанского законодательства, касающиеся права наследования, суд пришел к выводу о том, что в Испании государство обозначено как один из наследников (действует принцип наследования по закону, так же, как и в Российской Федерации). Исходя из всего вышесказанного, Апелляционный суд Англии в своем решении[1]отказал в приобретении имущества Королевством Великобританией на основании «права оккупации» и передал указанное движимое имущество государству Испании. Таким образом, в данном случае суд руководствовался национальными нормами другого государства для правильного разрешения спора.

Подводя итог всему вышесказанному можно сделать вывод о том, что наследование выморочного имущества в современных международно-правовых реалиях, бесспорно, является актуальной и важной проблемой. Любое государство заинтересовано в праве наследовать выморочное имущество. Соответственно, необходимо совершенствовать межгосударственное регулирование в указанной сфере путем заключения дополнительных соглашений, определяющих порядок наследования выморочного имущества при столкновении разных правовых концепций наследования с целью развития и модернизации указанного правового института, во избежание международных споров в этой области.

Библиографический список

1. Леанович Е.Б. Международное частное право: Учебное пособие / Леанович Е.Б., 5-е изд. М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2019. 189 с.

2. Богуславский, М. М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 672 с.

3. Богуславский, М. М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 672 с

4. Саноцкий И.В. Проблемы выморочного имущества в международных наследственных отношениях // 21 век: Фундаментальная наука и технологии.

[1] Hein Journals // In the Estate of Maldonado Decd. State of Spain v. Treasury Solicitor. . [Электронный ресурс]. URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/utflr13&div=11&id=&page=/ (дата обращения: 12.11.2022).

Материалы XII международной научно-практической конференции. Том 2. 2017. С. 147-149. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29244249&pf=1 (дата обращения: 06.11.2022).

УДК 34.096

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК»

Игликов Аскар Мирзаевич
аспирант Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
a-iglikov@mail.ru
Научный руководитель:
Анисимов Владимир Александрович
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н,
Уфа, Россия

Закреплённое в статье 1193 ГК РФ правило о неприменимости нормы иностранного права в случае, если последствия её применения явно противоречат основам правопорядка, в международном частном праве именуется оговоркой о публичном порядке. Несмотря на множество научных работ, посвящённых данной теме, общую распространённость этого защитного механизма, ни доктрина, ни судебная практика на сегодняшний день не пришли к единому определению понятия «публичный порядок». В этой связи автор работы, основываясь на анализе научной литературы и правоприменительной практики, представляет своё видение о возможных элементах, составляющих содержание понятия «публичный порядок».

Ключевые слова: публичный порядок, правопорядок, право, ценности, принципы, политическая система, экономическая система.

Институт оговорки о публичном порядке известен международному частному праву многих государств. Главное предназначение такой нормы – обеспечение защиты правовой системы страны суда от нежелательных последствий, к которым может привести применение иностранной нормы к конкретному правоотношению. В силу своей важности оговорка о публичном порядке была включена и в систему международного частного права нашей страны, однако на сегодняшний день избранное правовое регулирование института породило некоторые вопросы в правоприменительной практике.

Так, один из принципиальных вопросов связан с определением содержания категории «публичный порядок». В отечественной доктрине и судебной практике до сих пор нет единого мнения о том, что же такое «основы публичного порядка». Как представляется, это связано с постоянным развитием общественных отношений. В связи с чем «публичный порядок» - изменчивая категория,

которая зависит от многих факторов: начиная с поведения людей, заканчивая экономическими условиями развития отдельно взятого государства.

Истоки термина «публичный порядок» можно обнаружить в Кодексе Наполеона. В законе говорилось о запрете нарушать частными соглашениями правила, которые затрагивают публичный порядок и добрые нравы.

Сегодня в нашем законодательстве ссылки на оговорку о публичном порядке предусмотрены п. 2 ч. 1 ст. 417, п. 1, 2 ч. 4 ст. 421, п. 1, 2 ч. 4 ст. 426 ГПК РФ, п. 1, 2 ч. 4 ст. 233, п. 1, 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ, пп. 2 п. 2 ст. 34, пп. 2 п. 1 ст. 36 Закона «О международном коммерческом арбитраже».

Однако ни одна из этих норм не содержит описания понятия – хотя бы такого общего, как то, которое мы видим в ст. 1193 Гражданского кодекса России.

Так, из анализа статьи 1193 ГК РФ нам известно, что применение оговорки о публичном порядке – исключительный случай. Завязано такое применение на предотвращении негативных последствий для правопорядка (публичного порядка) страны суда. При этом неизвестным остаются структурные элементы такого порядка.

Рассмотрим некоторые мнения авторов на этот счёт.

В отечественной доктрине обращение к оговорке о публичном порядке рассматривается как экстраординарное, исключительное явление.

Так, Г.К. Дмитриева определяет понятие «публичный порядок» через следующие элементы: основополагающие, фундаментальные принципы российского права, прежде всего конституционные, частноправовые и гражданско-процессуальные; общепринятые принципы морали, на которые опирается российский правопорядок; законные интересы российских граждан и юридических лиц, российского общества и государства, защита которых является основной задачей правовой системы страны; общепризнанные принципы и нормы международного права, являющиеся частью российской правовой системы, включая международно-правовые стандарты прав человека [1, с. 184].

С.В. Крохалев указывает, что публичный порядок, основываясь на общем интересе общества, имеет своей задачей сохранение публичного спокойствия, безопасности и нормального функционирования публичных институтов. Публичный порядок, по его мнению, это организация сообщества, народа, общества, подчиненная неким рациональным либо логическим требованиям, которая к тому же направлена на достижение гармонии, мира и спокойствия [2, с. 45].

Е.А. Виноградова и В.Ф. Яковлев отождествляют понятия «основополагающие принципы российского права» и «публичный порядок».

Публичный порядок, по словам В.А. Мусина, не равнозначен понятию законодательства и означает фундаментальные правила, относящиеся к экономическим, социальным структурам общества, базовые основы правопорядка, установленные государством [3].

С.В. Мартынюк предлагает расширить содержание публичного порядка до наиболее фундаментальных абсолютных ценностей, к которым, например, относятся мораль и нравственность [4, с. 276-277].

Ю.Г. Морозова определяет публичный порядок через основополагающие и продуцирующие целостность социальной общности правила, требования,

нормы, имеющие морально-нравственную платформу и рассматриваемые как критерий баланса между частными и публичными интересами факторов социальной общности [5, с. 9].

Н.Ю. Ерпылева выделяет такие элементы публичного порядка: совокупность политических, экономических, моральных и правовых принципов, существующих в данном государстве [6, с. 103].

Анализ судебной практики позволяет сделать следующие выводы.

Вышестоящие суды России (ВС РФ и упразднённый ВАС РФ) определяют публичный порядок как некие основополагающие принципы права, которые имеют особое значение для экономической, политической, правовой, социальной системы государства. Такие фундаментальные принципы можно найти в Конституции России и законах нашей страны. При этом не следует прибегать к правилам оговорки о публичном порядке, когда в национальной правовой системе нет норм, аналогичных нормам иностранного права, и при отличии экономической или политической систем[1].

В отдельных судебных актах можно встретить следующее определение публичного порядка:

1) это фундаментальные начала правопорядка, общепризнанные принципы нравственности и морали, а также интересы обороноспособности страны[2];

2) окончательность судебного акта и принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности являются элементами публичного порядка РФ[3].

Таким образом, из изложенного следует, что в отечественной доктрине нет единства во мнении о том, что же такое «публичный порядок». Каждый автор предлагает свою точку зрения по поводу структурных элементов такого порядка. Однако большинство авторов согласны, что публичным порядком следует считать некие основополагающие идеи, принципы, устои и т.п. Правоприменитель также исходит из этой концепции.

Согласимся, элементами публичного порядка должны быть фундаментальные категории, на которых строятся общественная и государственная жизни в отдельно взятой стране на определённом этапе времени. Оговорка должна сработать, если применение иностранного права внутри такого государства может расшатать подобные устои, привести к нарушению выстроенного порядка. Одним из таких элементов мы бы назвали моральные установки и ценности населения.

---

[1] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение АС Центрального округа от 15 декабря 2015 г. № Ф10-4401/15 по делу N А35-1249/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 22 января 2018 г. № 309-ЭС17-13269 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Нам известно, что публичный порядок в стране должен обеспечиваться за счёт разных социальных норм, ибо естественным состоянием человека можно признать хаос («война всех против всех» по Т. Гоббсу). В такой ситуации обращение к всевозможным социальным регуляторам (обычаям, традициям, нормам морали, права и др.) признаётся вполне логичным. Так, мы выяснили, что ряд авторов (например, С.В. Мартынюк и Г.К. Дмитриева) толкуют содержание публичного порядка, применяя абсолютные ценности человека, к которым относятся мораль и нравственность.

Однако, если исходить из статьи 1193, можно сделать вывод, что понятия «правопорядок» и «публичный порядок» признаны законодателем тождественными. А раз так, то по логике законодателя мы не можем признать в качестве элемента публичного порядка такие социальные нормы, как мораль или религиозные предписания, так как исходя из теории права, правопорядок является частью общественного порядка, но основывается при этом на праве и законности. Однако не стоит забывать, что право в свою очередь основывается на нормах морали, общих представлениях человека о справедливости. К тому же право и есть то самое «искусство добра и справедливости».

Если мы обратимся к прошлому, то заметим, например, в советском законодательстве оговорка о публичном порядке была закреплена в Основах 1961 г. (ст. 128), ГК союзных республик, в Основах законодательства о браке и семье, КТМ СССР 1968 г. Оговорка в этих актах сводилась к следующему: «иностранный закон не применяется, если его применение противоречило бы основам советского строя».

Иное, но одинаковое по своему содержанию положение о публичном порядке было включено в Основы гражданского законодательства 1991 г.: «иностранное право не применяется в случаях, когда его применение противоречило бы основам советского правопорядка (публичному порядку). В этих случаях применяется советское право».

При этом основами советского строя, правопорядка было принято называть политическую, экономическую и социальную системы советского государства (см., например, З.О. Ашитов «Советское право»). Такая же трактовка следует из Конституции СССР от 7.10.1977 г., в которой отдельно выделен блок основ общественного строя и политики СССР, куда включены названные элементы советского строя.

В этой же Конституции мы можем встретить структурные элементы морали и нравственности, например, ориентирование людей на нравственные идеалы коммунизма, высокие чувства долга, выполнение своей работы добросовестно, справедливое распределение общественных благ и т.д.

И в нынешней Конституции РФ можно выявить заложенные элементы морали. Например, из преамбулы следует, что основной закон нашей страны был принят на основе веры в добро и справедливость.

Поэтому вполне допустимо назвать моральные установки и другие социальные регуляторы элементами публичного порядка.

Следующими элементами правопорядка являются политическая и экономическая системы государства.

Так, ранее нами было указано, что Президиум ВАС России в информационном письме от 26.02.2013 № 156 определил, что основами правопорядка можно считать, в том числе и фундаментальные правовые начала (принципы), которые составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства.

Представляется, что политическая система отдельно взятой страны – это некая совокупность институтов общественной жизни, поддерживающих порядок в социуме и экономическую жизнь за счёт выстроенных правил, а также развивающих идею общности людей внутри государства.

Такая система политической жизни не является стабильным понятием. Установившийся уклад рано или поздно приобретает силу динамики и подстраивается под меняющиеся условия общественной жизни мира. Однако такие изменения не наступают мгновенно. Это длительный процесс. Как правило, политические системы способны к длительному существованию. При таком стабильном течение времени у системы вырабатываются определённые ценности, которые и можно назвать основами публичного порядка.

Для Российской Федерации такими ценностями с определённой условностью можно назвать: обеспечение суверенитета и безопасности государства; охрана мира и законности внутри общества; обеспечение равенства всех перед законом, политическое равенство; толерантность, сотрудничество и компромисс в отношениях между народом и властью; сбалансированное развитие общественных институтов; поддержка иных демократических ценностей.

Экономическая система является более динамичной, чем политическая. Подобное можно объяснить тем, что экономическая жизнь не связана узами одного государства. Она развивается за счёт взаимодействия субъектов экономического оборота всего мира.

Поэтому под экономической системой следует понимать совокупность всех экономических процессов, совершающихся в мире, государстве, стране или обществе на основе сложившихся в нём отношений собственности и хозяйственного механизма.

Е.Б. Бедрина определяет главную функцию и предназначение экономической системы в следующем: производство материальных благ, призванных удовлетворить потребности общества, тем самым оказывая мощное обратное воздействие на все стороны общественной жизни.

Вот некоторые ценности экономических отношений, которые охраняются государством и, как нам кажется, подпадают под основы публичного порядка: обеспечение свободы перемещения товаров, услуг и финансовых средств внутри страны и за её пределами; система стимулов и мотиваций, обеспечивающих развитие экономических отношений; гарантирование свободы различных форм собственности; развитие трансграничных экономических отношений; обеспечение разделения труда; поддержка экономических институтов и др.

Конечно, как было сказано ранее, окончательно определить содержание публичного порядка вряд ли представляется возможным. Тому мешает изменчивость политических, социально-экономических, общественных и иных отношений.

Мы же из изложенного можем предложить следующие составные элементы понятия «публичный порядок».

Заимствуя формулировку Ульпиана, публичным порядком допустимо назвать совокупность фундаментальных, но меняющихся со временем ценностей:

1. относящихся к пользе населения, основанных на общих представлениях о должном и справедливом (моральные и нравственные устои, культурные ценности, быт народа);

2. относимых к пользе российского государства (например, обеспечение суверенитета, безопасности, экономического благосостояния);

3. экономического уклада страны (например, обеспечение свободы торговли, заключения договоров, трансграничных связей, форм собственности).

Библиографический список

1. Международное частное право : Учебник / Под ред. Г.К. Дмитриевой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 690.

2. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб., 2006. С. 472.

3. Мусин В.А. Судебная защита: соотношение внутригосударственного и межгосударственного правосудия // Новости РАПСИ [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20141210/272754496.html (дата обращения: 01.09.2022).

4. Мартынюк С.В. Институт оговорки о публичном порядке в международном авторском праве // Актуальные проблемы российского права. 2011. №1. С. 273-284.

5. Морозова Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: понятие и современный порядок применения :автореф. дис. ... кандидата юрид. наук. Москва, 2001.

6. Ерпылева Н. Ю. Международное частное право. М: Высшая школа экономики, 2015. С. 655.

УДК 347.4.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕДДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исмагилов Ильмир Илдусович
Студент Института права УУНиТ, г.Уфа, Россия
GUL1604@mail.ru
Научный руководитель:
Гимадрисламова Олеся Рамильевна
Доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.
г. Уфа, Россия

Актуальной задачей современного законодательства является усовершенствование института преддоговорных отношений. На сегодняшний день имеет место быть проблема определения правовой природы преддоговорных отношений.

Она возникла в связи с тем, что гражданский кодекс имеет недостатки, а именно не даёт определение понятия преддоговорных отношений, не разграничивает их с другими внедоговорнымиотношениями, поэтому возникает проблема определения правовой природы преддоговорных отношений. Нужно формировать пути её решения.

В доктрине имеют место быть вопросы, касающиеся правовой природы преддоговорных отношений, их содержания. В данном случае, необходим наиболее глубокий теоретический анализ темы исследования, в целях решения проблемы определения правовой природы преддоговорных отношений.

Для достижения поставленной цели нужно дать определение понятия преддоговорных отношений, определить их место в системе обязательственного права и разграничить такие отношения от других внедоговорных отношений.

Ключевые слова: сделка, договор, переговоры о заключении договоров, преддоговорные отношения, деликтные отношения, преддоговорная ответственность.

На сегодняшний день нет единого мнения по поводу определения понятия преддоговорных отношений. О.А. Красавчиков полагал, что преддоговорные отношения являются организационными, так как они нацелены на упорядочение взаимосвязей субъектов социальных отношений и на координацию совместных усилий для реализации ими своих инициатив [7, с. 53]. В то же время автор отмечает, что организационное отношение выступает предпосылкой для возникновения других тесно связанных с ним правоотношений. Учёный приходит к выводу о том, что преддоговорные и договорные отношения могут быть взаимосвязанными.

О.В. Шполтаков не согласен с позицией О.А. Красавчикова. Он считает невозможным рассматривать преддоговорные отношения во взаимосвязи с организационными отношениями. Любые организационные отношения являются сделками, а преддоговорные отношения не могут быть сделками [8, с. 10].

Мы соглашаемся с мнением О.В. Шполтакова, потому чтопреддоговорные отношения могут быть отнесены к организационным, так как организационное отношение может быть сделкой, посколькупризнаком организационных отношений является наличие цели породить определённое правоотношение. Социальные отношения, возникающие до заключения договоров, направлены на возникновение договорного отношения в будущем.

Второй подход заключается в том, что преддоговорные отношения имеют договорную природу. В частности, этого подхода придерживается Д.Н. Корхалев, он полагает, чтов преддоговорных отношениях возможно заключение соглашения о порядке ведения переговоров. В них может предусматриваться обязанность действовать добросовестно при ведении переговоров о заключении договоров [6, с. 56].

Мы полагаем, что не стоит придерживаться данной точки зрения, поскольку преддоговорное отношение возникает до момента заключения договоров. Соглашение о порядке переговоров имеет самостоятельную юридическую силу. С момента заключения соглашения о порядке проведения переговоров возникает договорное отношение.

Третий подход заключается в том, что преддоговорные отношения имеет особую правовую природу. Этого подхода придерживаются В.Г. Полякевич, Е.А. Крашенинников. Они полагают, что при регулировании преддоговорных отношенийне могут использоваться нормы ГК РФ о деликтных и договорных правоотношениях, так как не связаны с фактами заключения договора и причинения вреда [9, с. 10].

Мы придерживаемся третьего подхода, так как в преддоговорных отношениях существуют специфические объекты, субъекты, и участники преддоговорных отношений наделяются особыми правами и обязанностями. Субъекты преддоговорных отношений за неисполнение своих обязанностей привлекаются к преддоговорной ответственности. На основании выше изложенного мы предлагаем преддоговорное отношение определить как особое гражданско-правовое отношение, в котором участники наделяются особыми правами и обязанностями и создают условия для заключения договор в будущем.

Преддоговорное отношение отличаются от смежных институтов гражданского права.

Они отграничиваются от других внедоговорных отношений тем, что стороны преддоговорных отношений имеют цель заключить договор. В других внедоговорных отношенияхцели сторон не связаны с конкретным договором, т.е. преддоговорные отношения являются одной из стадий заключения договора, внедоговорные отношения не имеют отношение к стадиям заключения договора.

Преддоговорные отношения отграничиваются от договорных тем, что они возникают до момента заключения договора. Договорные отношения возникают лишь после наступления момента, в котором договор признаётся заключённым.

Поэтому, необходимо определить свою правовую природу преддоговорных отношений. В связи с этим в гражданском кодексе РФ предусмотрены отдельные нормы об общественных отношениях, возникающих до возникновения договорного обязательства.

Согласно ст. 434.1. ГК РФ граждане в юридические лица свободны в проведении переговоров. Данная статья предусматривает, что при вступлении в переговоры, при их продолжении, и завершении каждый субъект обязан действовать добросовестно. Если лицо действует недобросовестно, то оно обязано возместить убытки в порядке, установленном законом.

При этом законодатель не определяет правовую природу преддоговорных отношений. В связи с этим возникает вопрос, какие нормы подлежат применению при установлении ответственности за преддоговорные нарушения?

По данному вопросу существуют разные подходы. Согласно первому подходу при нарушении норм права о преддоговорных отношениях возможно применение норм о деликтной ответственности. В этом случае возникает обязательство возместить причинённый вред. При этом потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если не был бы нанесён ущерб. При этом понуждение к продолжению переговоров и к заключению договора в будущем не возможно.

Второй подход заключается в том, что в преддоговорных отношениях возможно применение общих положений об обязательствах в ГК РФ, так как нормы о преддоговорных отношениях являются специальными по отношению к общим положениям об обязательствах, поэтому при недостаточности ст. 434.1. ГК РФ используются нормы ст. 307-419 ГК РФ, которые входят в общие положения об обязательствах.

Анализ этих подходов показывает, что существуют противоречивые позиции по поводу соотношения преддоговорных и деликтных правоотношений.

В доктрине отсутствуют однозначные положения по данному вопросу. Одни учёные полагают, что в преддоговорных отношениях не возможно применение норм гл. 59 ГК РФ. Свои суждения обосновывают тем, что обязательным условием для возмещения вреда в деликтных отношениях является противоправное поведение, сущность которого заключается нарушение субъективных прав человека. В преддоговорных отношениях нарушения субъективных прав возникать не могут [1, с. 100].

Также они считают, что обязательным признаком деликтной ответственности является последствие в виде причинения вреда имуществу граждан, под которым понимаются уничтожение или повреждение материальных благ. В преддоговорных отношениях вред имуществу или личности причиняться не может, так как последствиями нарушения обязательств, возникших до заключения соглашений, могут быть расходы на проведение переговоров.

Учёные приходят к выводу о возможности использовать нормы права, регулирующие общие положения об ответственности за нарушение обязательств. По мнению цивилистов, возможно, применять нормы о деликтных правоотношениях при недобросовестности поведения в преддоговорных отношениях.

Другие, ученые правоведы, полагают, что при регулировании преддоговорных отношений допускается возможность использование норм о деликтах, так как предполагаемые участники договора до его заключения не связаны взаимными обязанностями, поэтому общие положения об ответственности за нарушение обязательств не применяется [5, с. 50].

Поэтому должны применяться нормы о деликтных правоотношениях.

Проанализировав судебную практику, можно прийти к выводу о том, что суды имеют неоднозначные позиции по поводу правовой природы преддоговорных отношений. Одни суды применяют общие нормы об убытках, предусмотренные в ст. 15 и 393 ГК РФ. Другие используют нормы гл. 59 ГК РФ при вынесении решения о возмещении убытков в преддоговорных отношениях.

Мы полагаем, что в преддоговорных отношениях не возможна деликтная ответственность. Считаем, что в преддоговорных отношениях вред не может иметь место быть, поскольку под ним мы понимаем последствия, которые имеют причинно-следственную связь с деянием, которое относится к правонарушениям.

Например, расходы на проведение переговоров о заключении договоров возникают до совершения преддоговорных правонарушений. Поэтому целесообразно использовать понятие ущерба.

Также на наш взгляд, преддоговорные правонарушения являются деяниями, которые заключается в неисполнении обязанности сторон правоотношений вести переговоры добросовестно,содействовать друг другу и т.д. деликтными правонарушениями являются деяния, которые характеризуются нарушениями запретов, предусмотренных законом. Поэтому возможно при регулировании преддоговорных отношений применять общие положения об обязательствах.

Таким образом, ст. 434.1. ГК РФ не определяет правовую природу преддоговорных отношений, поэтому в доктрине и в судебной практике данный вопрос однозначно не решается. В связи с этим нужно институт преддоговорных отношений нужно усовершенствовать для того, чтобы решить вопрос об их правовой природе.

Библиографический список

1. Андрюшщенко А.В. Место организационных отношений // Вестник Томского государственного университета .2014. №2 .С. 111-116.

2. Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор: классические традиции и современные тенденции, М: Статут. 2006. С. 169 .

3. Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность в Российском гражданском праве (culpaincontrahendo) // Вестник высшего арбитражного суда Российской федерации. 2009. №3. С. 18-43.

4. Дёмкина А.В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве // Гражданское право. 2016. №1. С. 31-34.

5. Дёмкина А.В. Преддоговорные отношения в Российском гражданском праве: новеллы гражданского кодекса Российской федерации, М, Издание государственной думы. 2015. С. 96 .

6. Корхалев Д.Н. Способы защиты организационных гражданских прав // Юридический мир. 2016. №1. С. 55-58.

7. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права, М: Статут, 2017. С 494 .

8. Крашенинников Е.А.., Байгушева Ю.В. Обязанности при ведении преддоговорных переговоров // Вестник высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2013. №6. С. 82-93.

9. Полякевич Г.В. Формирование преддоговорной ответственности в гражданском праве // Право и экономика. 2007. №1. С. 92-95.

10. Шполтаков О.В. Правовое регулирование преддоговорных отношений в Российском гражданском праве: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук / место защиты Московская академия экономики и права, Москва. 2016 . С.179 .

УДК 341.9

ФОРМАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Ишмухаметова София Ильшатовна
студентка Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
ishm.sophia@gmail.com
Научный руководитель:
Гимадрисламова Олеся Рамильевна
доцент кафедры гражданского права Института права
УУНиТ, к.ю.н,
г. Уфа, Россия

В статье рассматривается сущность арбитражного соглашения в международном частном праве. В ходе исследования международной практики и позиции отечественных цивилистов, автором раскрываются условия, при которых арбитражное соглашение является действительным. В частности, рассматривается формальная действительность арбитражного соглашения. Как известно, между формальной действительностью арбитражного соглашения и критериями, делающими оговорку эффективной, существует различие. Формальная действительность арбитражного соглашения содержит, в первую очередь, требование о том, что оно должно быть заключено в письменной форме.

Ключевые слова: международное частное право; арбитражное разбирательство; арбитражное соглашение; арбитражная оговорка; действительность арбитражного соглашения; формальная действительность.

Возможность признания и приведения в исполнение иностранного решения, вынесенного МКА, во многом предоставляется за счет участия государств в Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Понятие арбитражного соглашения среди норм международного права закреплено в п. 1 ст. II Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных

арбитражных решений 1958 г. (далее - «Нью-Йоркская конвенция»), в соответствии с которой арбитражное соглашение есть письменное соглашение, по которому стороны обязуются передавать в арбитраж все или какие-либо споры, возникшие или могущие возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным договорным или иным правоотношением, объект которого может быть предметом арбитражного разбирательства[1].

Сущность арбитражного соглашения состоит в том, что оно исключает спор из юрисдикции судов, которые были созданы государством для выполнения одной из его основных функций – судебной, в связи с чем арбитражная оговорка направлена на невозможность сторонами соглашения обращаться в суды первой инстанции [1, с. 172]. Момент вмешательства государственного суда в решение вопроса о компетенции международного коммерческого арбитража определяется внутренним законодательством государств.

Учитывая то, что арбитражное соглашение по своей природе является материально-правовом договором, целесообразным будет раскрытие условий его действительности. Так, к условиям действительности арбитражного соглашения относятся надлежащая правосубъектность сторон и добровольность их волеизъявления, а также относимость спора к предмету арбитражного разбирательства. Однако на практике нередко встречается ситуация, при которой проигравшая в ходе арбитражного разбирательства сторона всячески старается уйти от имущественных взысканий. В этой связи даже при условии наличия арбитражного соглашения сторона, которая в ходе разбирательства имеет невыполненные обязательства, может обратиться в судебные органы, ссылаясь на недействительность арбитражного соглашения либо его отсутствие [2, с. 94].

Первоначально в основе требований к письменной форме оговорки на момент их составления лежало наличие указания на согласие сторон и соответствующее подтверждение для установления юрисдикции арбитража. Однако, что касается формальных требований при заключении арбитражного соглашения, то, важно различать два подхода к их пониманию. Как отмечает Коломиец А.И., одни требования имеют непосредственное отношение к действительности арбитражного соглашения, другие должны соблюдаться относительно конкретного нормативно-правового акта [3, с. 78]. Также важно понимать, что действительность и исполнимость арбитражного соглашения не всегда соотносится с тем, что оно отвечает применимым формальным требованиям.

В первую очередь, формальным требованием является письменная форма арбитражной оговорки. Возможность признания и приведения в исполнение иностранного решения, вынесенного МКА, во многом предоставляется за счет участия государств в Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Так, ст. 2 Конвенции требует заключения письменного контракта, подписанного обеими сторонами и содержащего в качестве одного из положений письменную арбитражную оговорку

[1] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Принята 10 июня 1958 года в г. Нью-Йорк // Официальный сайт Комиссии Организации Объединенных наций по праву международной торговли [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/conventions/foreign_arbitral_awards (дата обращения: 15.11.2022).

для разрешения будущих споров[1]. Это объясняется тем, что волеизъявление сторон однозначно исключает обращение в случае возникновения спора в национальный суд – то есть стороны гарантированно договорились об арбитраже. Так, например, Лысов С.В. выступает с инициативой заключения рамочного арбитражного соглашения, сущность которого заключается в том, что все участники проекта в начале его реализации подписывают единый документ, содержащий арбитражное соглашение. Таким образом при составлении иной документации в рамках сделки стороны имеют возможность ссылаться на рамочное соглашение в остальных документах. То есть в том случае, если возникнет спор между контрагентами сделки, состав арбитража будет иметь возможность объединить различные разбирательства и/или привлечь в качестве сторон спора иных участников, которые также будут связаны единым арбитражным соглашением [4, с. 63].

Кроме того, в качестве другой проблемы формальной действительности арбитражного соглашения выделяется ситуация, когда в письма и иные средства коммуникации или в случае ряда обстоятельств не подписываются, либо стороны не имеют возможности подписать их в краткий срок. Кроме того, цифровизация документооборота по всему миру так или иначе поспособствовала приоритету цифровых электронных подписей. Естественно, возникает вопрос о том, является ли надлежащим такой способ подписания арбитражной оговорки. Однако в этом случае сторона правомочна ссылаться на иную корреспонденцию, в которой стоит подлинная подпись.

Также очевидным является и то, что Конвенции положение относительно письменной формы является максимально обобщенным и не указывает на непосредственные способы заключения арбитражного соглашения в письменном виде. Так, это положение не сколько указывается на формальную действительность арбитражного соглашения, сколько на правомерность применения положений Конвенции в том или ином случае. Так, в последние годы требований Нью-Йоркской конвенции относительно формы заключения арбитражного соглашения зачастую подвергаются критике. Так, цивилистами отмечается, что изменения, внесенные в поправки к Типовому закону ЮНСИТРАЛ в 2006 году и в национальные законодательства развитых стран мира, допускают заключение оговорки и в устном виде. Соответственно, при определенных обстоятельствах, если стороны обоюдно будут согласны на устную форму, арбитражное соглашение может быть заключено и таким образом [5].

Исходя из вышесказанного, к формальной действительности арбитражного соглашения относится требование о его письменной форме. Тем не менее, в доктрине ведется активное обсуждение относительно закрепленного в Нью-Йоркской конвенции положения – оно является достаточно емким и не содержит в себе конкретных случаев, когда арбитражное соглашение может быть признано недействительным в результате несоблюдения предписания.

---

[1] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Принята 10 июня 1958 года в г. Нью-Йорк // Официальный сайт Комиссии Организации Объединенных наций по праву международной торговли [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/conventions/foreign_arbitral_awards (дата обращения: 15.11.2022).

Библиографический список

1. Родригес Да Роша А.А. Актуальные проблемы арбитражного соглашения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №7. С. 172-174.

2. Хугаев Г.В. Действительность арбитражного соглашения по праву Российской Федерации и зарубежных стран // Обществознание и социальная психология. 2022. № 1-2 (31). С. 91-103.

3. Коломиец А.И.. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2018. 227 с.

4. Лысов С. В. Разрешение проблем множественности лиц в арбитражных разбирательствах в сфере строительного подряда // Arbitration.ru. 2020. № 4(19). С. 61-66.

5. Касынюк И. Действительная и эффективная арбитражная оговорка. Глобальные вызовы // AGA Partners. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://agalawyers.org/ru/publications/123/ (дата обращения: 15.11.2022).

УДК 347.21

ОБЪЕКТЫ НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кутлугулов Эмиль Ильдарович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
nurinorpik@mail.ru
Научный руководитель:
Анисимов Владимир Александрович
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.,
г. Уфа, Россия

Отсутствие содержательного определения понятия объекта незавершенного строительства в законодательстве Российской Федерации представляется актуальнымвопросом правового регулирования данной категории. Целью работы являетсяанализ признаков объектов незавершенного строительства для дальнейшего определения их сущности и правовой природы. Исследование позволило сделать вывод о необходимостивыведения и внедрения в законодательство Российской Федерации официального содержательного понятия объекта незавершенного строительства для дальнейшего формирования единообразного подходав практическом применении норм права при регулировании объектов незавершенного строительства.

Ключевые слова: незавершенное строительство; капитальное строительство; недвижимость; строительная деятельность; гражданское право; вещное право.

Среди всего многообразия явлений и процессов, сопровождающих человеческую деятельность на протяжении существования человека на Земле, особенно важным является строительство. Строительная деятельность появилась одновременно с человеком, меняется и развивается вместе с ним. Совершенно верно писал В. Гюго в своем знаменитом романе, что «зодчество было величайшей книгой рода человеческого» [1, с. 15]. Сейчас невозможно представить жизнь человека, общества и государства без осуществления строительной деятельности, благодаря которой появляются различные объекты инфраструктуры, необходимые для жизнедеятельности каждого из нас. Так, благодаря строительной деятельности у людей появляется жилье, место работы и многие другие необходимые для жизни помещения и пространства.

Строительная деятельность представляет собой сложный и многогранный процесс, состоящий из совокупности определенных последовательных этапов (выявление потребности в осуществлении строительной деятельности и возможности ее реализации, подготовительные проектные, сметные и изыскательские работы, выполнение строительных работ, сдача результата и его практическое использование в деятельности) результатом которых становится появление и регламентированное введение в эксплуатацию объекта строительства, способного выполнять определенные для своего назначения функции. Также результатом строительной деятельности могут быть преобразования уже имеющихся объектов (реконструкция, ремонт, снос и новое строительство).

На момент проведения данного исследования в законодательстве Российской Федерации не имеется содержательного определенияобъекта незавершенного строительства, позволяющего выделить характерные для него признаки, и, через раскрытие отобранных признаков определить сущность объекта незавершенного строительства, то есть увидеть то, что он внутри из себя представляет. Так, в соответствии с п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), «под объектами незавершенного строительства понимаются объекты, строительство которых не завершено»[1]. Настоящее имеющееся определение значится простым, логичным, но при этом не содержит особенных критериев для обозначения признаков, присущих объектам незавершенного строительства. В силу содержания п. 10 ст. 1 ГрК РФ, объекты незавершенного строительства входят в перечень объектов капитального строительства. Из совокупного толкования п.п. 10 и 13 ст. 1 ГрК РФ можно заключить, что под объектами незавершенного строительства понимаются капитальные здания, строения, сооружения (то есть объекты капитального строительства, являющиеся недвижимым имуществом), создание которых не завершено. Однако, даже при совокупном толковании норм, в выведенном нами определении имеется нехватка особенных признаков, свойственных именно объекту незавершенного

[1]Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 14 июля 2022 г. № 350-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.11.2022).

строительства, которые бы позволяли однозначно подчеркнуть его отличие среди других объектов капитального строительства.

В изученной нами научной литературе выделяются несколько часто упоминающихся признаков, которые считаются критериями, способными выделить объекты незавершенного строительства:

1. Объект незавершенного строительства становится объектом недвижимости только после произошедшего момента государственной регистрации права на него.

Данную точку зрения выделяет М.М. Гасанов, указав в своей работе, что «моментом возникновения объекта незавершенного строительства в гражданском праве считается дата внесения записи о государственной регистрации прав в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [2, с. 7]. Соответственно, сию позицию подтверждает норма, имеющаяся в ч. 10 ст. 40 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ, где «объект незавершенного строительства рассматривается как объект недвижимости с целью осуществления государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на него»[1].

Е.А. Суханов так же обратил внимание на то, что «объект незавершенного строительства ни в коей мере не может считаться объектом недвижимости, это связано с тем, что до регистрации в порядке ст.219 ГК РФ любой объект не может считаться недвижимостью»[3, с. 3].

Указанный признак поддерживает и В.М. Ланда, указав, что «объектом незавершенного строительства является учтенный в государственном кадастре недвижимости объект недвижимого имущества, являющийся результатом незавершенного процесса по созданию и (или) реконструкции здания, сооружения, в отношении которого не получено разрешение на ввод его в эксплуатацию» [4, с. 3].

Высказанная позиция вышеуказанных авторов в своей основе содержит экономически обосновывающий подход. Всякий объект гражданского оборота создается с целью приносить выгоду его собственнику или приобретателю. Согласно п. 2 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и не нарушающие права и законные интересы других лиц»[2]. Данное положение берет своей начало из основополагающего конституционного принципа, закрепленного в ст. 34 Конституции Российской Федерации, где указано, что «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской

[1]Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (с посл. изм. и доп. от 20 октября 2022 г. № 409-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.11.2022).

[2]Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.11.2022).

и иной не запрещенной законом экономической деятельности»[1]. Абсолютно каждый объект капитального строительства требует множество трудозатрат и вложений в себя. Каждый проект по возведению объекта капитального строительства является ключевым и экономически важным. Вследствие чего некоторые исследователи считают присутствие факта государственной регистрации важным и неотъемлемым признаком объекта незавершенного строительства, поскольку в силу сложившихсяобстоятельств и причин субъект, исходно осуществляющий строительство, может не иметь возможности его завершить, но при этом иметь намерениена реализацию объекта путем заключения договора купли-продажи. Непосредственно зарегистрированный объект незавершенного строительства можно продать покупателю, который впоследствии времени завершит его строительство и будет иметь возможность осуществлять правомочия по владению, пользованию и распоряжению объектом капитального строительства, извлекая при этом выгоды в виде финансовых результатов, что будет иметь большое экономическое преимущество для всех участников гражданского оборота, нежели чем консервация объекта и его простой, простой земельного участка под ним. В случае неимения факта государственной регистрации объекта незавершенного строительства как объекта недвижимости, он воспринимается исследователями как простая совокупность материальных и нематериальных вложений: строительные материалы, человеческий труд и пр.

2. В отношении объекта незавершенного строительства нет действующего договора строительного подряда.

Обозначенный признак основывается на положении п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8, в котором говорится, что «по смыслу статьи 130 ГК РФ и статьи 25 Закона Российской Федерации «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» не завершенные строительством объекты, не являющиеся предметом действующего договора строительного подряда, относятся к недвижимому имуществу»[2].

Выделение указанного критерияимеет причиной отсутствие самого процесса строительства и его непосредственного исполнителя – подрядчика, при неимении действующего договора строительного подряда. Из чего вытекает вывод, что также отсутствует объект договора – результат строительных работ, выполняемых подрядчиком. А значит, явственным становится отсутствие объекта капитального строительства. При этом имеет место «рождение» объекта незавершенного строительства, так как непосредственно объекты капитального строительства, строительство которых не завершено, являются объектами незавершенного строительства.

---

[1] Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.11.2022).

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При рассмотрении ситуации от противного, в договоре строительного подряда создается, строится объект недвижимости, который станет таковым в правовом смысле только после его сдачи, государственного оформления права собственности и введения в эксплуатацию, когда объект строительства будет полноценным объектом гражданского оборота, способным в нем участвовать и приносить участникам практический результат, пользу.

Но все же, бывают случаи, когда статус договора строительного подряда не так однозначен. Возможна ситуация, когда действующий договор строительного подряда есть, а подрядчик все равно не осуществляет строительные работы в силу каких-либо причин. Или ситуация, когда заказчик не оплачивает работы, подрядчик не строит, но договор все равно есть и не расторгался, то есть является юридически действующим. В таком случае следует умозаключение, что нет ни полноценного объекта строительства, но при этом нельзя назвать имеющийся, в какой-то части построенный объект, объектом незавершенного строительства.

Резюмируя рассмотрение вышеуказанного признака, мы пришли к итоговому мнению, что в случае отсутствия действующего договора строительного подряда не всегда может быть равным отсутствию объекта незавершенного строительства, поскольку договорные отношения в сфере строительного подряда и полного объема выполнения строительных работ имеют свою проблематику, при которой отсутствие действующего договора строительного подряда не всегда приравнивается к фактическому отсутствию договорных отношений.

3. Отсутствие актов приемки-сдачи работ по договору строительного подряда (формы КС-2, КС-3), а также отсутствие разрешения на ввод объекта в эксплуатацию.

Сей признак представляется достаточно закономерным и по своей сущности берет начало из предыдущего названного признака, поскольку акты приемки-сдачи работ и разрешение на ввод объекта в эксплуатацию являются завершающими документами, сопровождающими объект, строительство которого фактически окончено.

4. Наличие фундамента.

В начале данной работы мы отметили, что объект незавершенного строительства является недвижимостью, поскольку одновременно представляет собой объект капитального строительства. Каждый объект недвижимости должен отвечать важному основополагающему критерию, закрепленному в законодательстве - прочной связи с землей. В случае с капитальными объектами, строительство которых не завершено, прочная связь с землей держится за счет обладания такого объекта фундаментом.

О.Г. Ершов для появления объекта незавершенного строительства считает нужным «достижение степени готовности объекта до отметки фундамента, вследствие чего появляется такой признак недвижимости, как неразрывная связь с земельным участком и индивидуализация строения»[5, с. 2]. Ввиду этого, фундамент является отправной точкой для возможности появления объекта незавершенного строительства, который при этом будет соответствовать основному признаку капитальной постройки. В самом деле, сама суть объекта капитального строительства состоит в его основательности, прочности и углубленности, которая

достигается только за счет возведения фундамента. Тем не менее, при этом достаточно остро стоит вопрос о том, как определить степень готовности фундамента. Согласно п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, «при разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы»[1]. Следует обратить внимание, что речь идет именно о правомерно строящемся объекте. То есть соблюдаются установленные требования в части разрешенного использования земельного участка, имеется соответствующая согласовательная и разрешительная документация, соблюдаются строительные нормы и правила. А как же быть с самовольной постройкой и признанием ее объектом незавершенного строительства? Р. А. Валеев указывает, что «существует научный подход, согласно которому самовольная постройка является недвижимостью, но на нее не возникает право собственности, кроме как в установленном законом порядке. Такие же требования распространяются и на объект незавершенного строительства. Следовательно, объект незавершенного строительства может возводиться как на законных основаниях, так и в режиме самовольной постройки» [6, с. 8].

Исходя из результатов проведенного выше исследования признаков объектов незавершенного строительства, становится очевидной потребность в законодательном закреплении полного и достаточного определения объекта незавершенного строительства, поскольку в настоящий момент в целях применения норм права единственным инструментом является совокупное толкование всех норм, в которых упоминаются объекты незавершенного строительства. Однако, данный инструмент является субъективным и порождает разное применение норм, что в свою очередь мешает сложиться механизму единого правоприменения и порождает диаметрально противоположную практику при изначально похожих исходных данных. Таким образом, законодательно четко и ясно закрепленное определение объекта незавершенного строительства будет способствовать появлению механизма единого подхода к правовому регулированию отношений, возникающих в сфере объектов незавершенного строительства.

Библиографический список

1. Гюго.В. Собор Парижской Богоматери. М.: Правда, 1998. 278 с.

2. Гасанов М.М. Правовой режим объектов незавершенного строительства: дис. ... к-та юрид. наук. М., 2011. 187 с.

3. Суханов Е.А. Приобретение и прекращение права собственности // Хозяйство и право. 1998. № 6. С. 3 – 13.

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:http://www.vsrf.ru/documents/own/8435/ (дата обращения: 08.11.2022).

4. Ланда В.М. Проблемы правового режима объектов незавершенного строительства // Правовые вопросы недвижимости. 2010. № 1. С. 2 – 5.

5. Ершов О.Г. Не завершенный строительством объект: новый взгляд на старую проблему // Цивилист. 2012. № 2. С. 19 – 25.

6. Валеев Р.А. Правовой режим объекта незавершенного строительства: дис. … к-та юрид. наук. Уфа, 2007. 198 с.

УДК 347.9

МОДЕЛЬ ДВОЙНОГО ВЛАДЕНИЯ НЕДВИЖИМОСТЬЮ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Мазалов Аким Александрович
студент НГУЭУ, г. Новосибирск, Россия
akimmazalov@gmail.com
Научный руководитель:
Громоздина Мария Владимировна
доцент кафедры гражданского и предпринимательского
права НГУЭУ, к.ю.н.
г. Новосибирск, Россия

Настоящая статья посвящена изучению модели двойного владения, изначально появившейся в доктрине и законодательстве Германской империи. Рассматривается наличие двойного владения в доктрине и законодательстве Германии, владельческая защита, наличие и некоторые особенности института двойного владения в законодательстве Мексики. Рассматривается наличие и закреплённость института двойного владения в Российском законодательстве, осуществляется анализ судебной практики Северо-Кавказского Арбитражного суда и условия применения Российскими судами института двойного владения.

Ключевые слова: право собственности, вещное право, владение, двойное владение, правомочие собственника.

Институт частной собственности является важной составляющей вещного права. Особый интерес представляет изучение правомочий собственника, в частности, правомочие владения, поскольку развитие правовых систем коренным образом повлияло на формирование особенностей института собственности в различных правопорядках.

В частности, хотелось бы отметить такое правомочие как владение. Как известно оно представляет собой возможность собственника властвовать над принадлежащий ему вещью. Данное правомочие может выражаться и в двойном владении. Выраженного в связке опосредованного и непосредственного владельца (оба владеют одновременно одной вещью, в частности, арендуемой недвижимостью, в большинстве случаев). Отечественное законодательство не

закрепляет подобную конструкцию, однако практика, рассматривая владение как реальное, фактическоегосподство лица над вещью, в определенных ситуациях испытывает потребность допуститьи допускает, что это господство может осуществляться опосредованно [1, с. 83].

Ввиду этого целью настоящей статьи является исследование института владения, при применении модели двойного владения недвижимостью в Российской и зарубежной судебной практике и законодательстве. Итак, отечественный законодатель не закрепил модель двойного владения, кроме того, в Гражданском кодексе РФ (далее - ГК РФ) отсутствует деление владения на посредственное и опосредованное. В ГК РФ присутствует деление владения на законное (ст. 305 ГК РФ) и владение без воли собственника (абзац 1 п.1 ст. 234 ГК РФ)[1].

Говоря об опосредованном и непосредственном владении, то такое разделения впервые появилось в Германском гражданском уложении (далее - ГГУ), в 868 параграфе[2]. Согласно данной норме, посредственное владение выражается в признании лица владельцем вещи в связи его правом, т.е. в ситуациях, когда присутствует наём, аренда, хранение, узурфрукт или держание в качестве заклада. Например, арендатор является непосредственным владельцем, поскольку договор аренды заключённый между ним и арендодателем является основанием возникновения у арендатора права владения вещью. Ввиду этого арендатор становится непосредственным владельцем. Арендодатель является в таком случае опосредованным владельцем: он передал свою собственность во владение другому лицу по своей воле и может реализовывать свои права на вещь во внесудебном порядке, что отлично от ситуации с незаконным присвоением вещи, когда отсутствует возможность реализации прав на собственность без суда, соответственно, отсутствует и двойное владение.

Стоит отдельно пояснить статус владения в немецком праве и доктрине. В целом «владение» в немецком праве включает в себя следующие элементы: приобретение владения, его объекты (на какие вещи распространяется), его прекращение, его эффект, способ его защиты. Также важно отметить, что в немецком законодательстве и даже в доктрине нет единого определения владения. К примеру, Гирке писал так: «Владение есть фактическое господство над вещью. ГГУ требует «фактической властинад вещью» [2, с. 212.]. Однако другой учёный, Ганс Йозеф Вилинг пишет уже о том, что в ГГУ владение не может сводиться лишь к фактическому аспекту. На данный момент владение в немецкой доктрине можно рассматривать как институт, определение которого состоит из комплекса критериев и последствий установления права [3, с. 43].

Таким образом, составители ГГУ попытались решить проблему владения, которая касается законного его получения от собственника в результате заключения договора, и римским принципом, согласно которому владельцем вещи

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.10.2022).

[2]BürgerlichesGesetzbuch // Gesetze-im-internet [Электронныйресурс]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 21.10.2022).

одновременно может быть лишь одно лицо. Опосредованный владелец имеет право (869 параграф ГГУ) предъявлять владельческие иски с требованием восстановления непосредственного владения[1]. При отказе непосредственного владельца, опосредованный владелец имеет право вернуть своё имущество.

Не только ГГУ содержит нормы о двойном владении. Далее будет рассмотрен Гражданский кодекс Мексики. Данный выбор обусловлен тем, что в Мексиканском законодательстве определение владения строго закреплено в законодательстве как фактическая власть, что отлично от положений ГГУ, поскольку там, как было написано ранее, ситуация с определением владения гораздо сложнее. Так, концепция двойного владения представлена в Гражданском кодексе Мексики (далее - ГК Мексики. Согласно ст. 791 ГК Мексики собственник, имея в качестве основания сделку, осуществляет передачу вещи другому лицу, наделяя его правом временного её удержания в качестве узуфруктуара, арендатора, закладодержателя, хранителя или на основании другого аналогичного титула, они оба являются владельцами этой вещи. Собственник имеет первоначальное (оригинарное) владение; другой - производное владение[2].

Ввиду того, что Гражданский кодекс Мексики в ст. 790 определяет владение как фактическую власть. В результате чего проявляется проблема: при буквальном прочтении этих статей выходит, что вор имеет оригинарное владение. Стало быть, если вор может передать вещь третьему лицу, которое при этом будет согласно на временный характер владения, то первоначальный владелец своё владение утратит, поскольку норма говорит о двойном владении при передаче вещи собственником другому лицу на основании сделки. Но вряд ли характер владения как фактического состояния будет отличаться в зависимости от того, идет ли речь о законном владении или незаконном.

Таким образом, изучив ГГУ и ГК Мексики, можно прийти к выводу, что разработчики ГГУ стали первыми, кто на практике отошёл от необходимости animus possidendi для наличия владения, и кто разделил владение на опосредованное и непосредственное для упрощения владельческой защиты. Однако на примере ГК Мексики можно сказать, что не все страны с должной аккуратностью вводят данную концепцию в своё законодательство в виду неосторожных формулировок относительно самой сущности владения и оснований возникновения двойного владения.

Рассмотрим же то, какое формальное отражение получило двойное владение в России. При рассмотрении модели двойного владения важно обратиться к судебной практике. Двойное владение присутствует в практикеСеверо-Кавказского Арбитражного суда. В частности, отметим Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.03.2021 № Ф08-923/2021: «Когда имущество находится у законного владельца, спорное имущество из владения собственника не выбывает, так как собственник сохраняет контроль над ним и имеет

[1]Bürgerliches Gesetzbuch // Gesetze-im-internet [Электронныйресурс]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 21.10.2022).

[2] Гражданский кодекс Мексики // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова [Электронный ресурс]. URL: https://constitutions.ru/?p=1630 (дата обращения: 21.10.2022).

возможность получить обратно без обращения в суд; собственник владеет имуществом через законного владельца (опосредованно) ….В рассматриваемом споре владение ответчиком земельным участком осуществляется не как своей собственностью, не вместо собственника, а наряду с собственником, не отказавшимся от своего права на земельный участок и не утратившим к нему интереса, передавшим его опосредованно во временное владение ответчику. При передаче вещи в аренду её собственник не утрачивает владение данной вещью, сохраняя за собой опосредованное владение»[1].

Исходя из изложенного в данных постановлениях, можно сказать, что фактически судебная практика признаёт в России наличие двойного владения исходя из законной передачи владения собственником другому лицу,признавая тот факт, что собственник при этом не утрачивает владение.

Однако позиция судов в России непоследовательна по этому вопросу: в большинстве случаев судебная практика рассматривает владение в качестве реального, фактического господства над вещью. Двойное владение применяется в случаях, когда лицо, передавшее имущество в аренду, обращается с иском о признании права собственности на недвижимость, права на которую зарегистрированы за иным лицом, или с иском о признании права или обременения отсутствующими. Либо в ситуации, когда лицо хочет признать за собой давностное приобретение имущества (по п. 1 ст. 234 ГК РФ), однако передавало вещь во временное владение другому лицу в виду чего возникает вопрос о том, прервалась приобретательная давность для первоначального владельца или нет.

В заключении данной статьи отметим, в России сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, законодатель не дал места двойному владению в ГК РФ (и остальных источниках Гражданского права России), с другой стороны, суды активно осваивают данную модель при, как правило, указанной необходимости, при этом, в остальных случаях, как правило, рассматривая владение в качестве реального, фактического господства над вещью. Как ни странно на первый взгляд, особенно Северо-Кавказский Арбитражный суд имеет богатую практику, касающуюся рассмотрения тем или иным образом двойного владения. Следовательно, относительно иностранных правопорядков Россия не имеет неосторожностей в законе как в Мексике, однако, одновременно с тем, отсутствует подобная немецкой владельческая защита.

Библиографический список

1. ЗенинаО.Г., Томилова В.А. Двойное владение в российском гражданском праве // Вестник ЧелГУ. 2015. №17 (372). С. 82-87.

2. Gierke O. Deutsches Privatrecht: Bd. Allgemeiner Teil und Personenrecht-Leipzig, 1895.

3. Wieling H. J. Sachenrecht. Berlin, 2007.

[1]Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.03.2021 № Ф08-923/2021 // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/a7fda4ed-40f4-469c-b8f4-731ba7db88e2 (дата обращения: 18.10.2022).

УДК 347.2

ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Маков Алексей Сергеевич,
студент Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
Научный руководитель:
Гаймалеева Айсылу Тагировна,
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.,
г. Уфа, Россия

В статье рассмотрены проблемы, которые возникают по поводу выморочного имущества: место, права и обязанности государства как наследника, отсутствие законодательно закрепленных уважительных причин пропуска наследниками срока принятия наследства и последствий восстановления этих сроков, принятия выморочного имущества, находящегося за пределами РФ. Сделаны выводы по результатам исследования, предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: выморочное имущество; наследник; бесхозное имущество; собственник; малоценное имущество; недвижимое имущество.

Выморочное имущество – это имущество, которое оказалось в наследственной массе, однако ввиду отсутствия наследников, отказа их от наследства или других обстоятельств осталось без собственника.

Явление выморочного имущества не ново. Оно существовало в римском праве, согласно которому по указанию императора Августина бесхозное имущество, на которое никто не претендовал, переходит в казну государства [1, с. 17]. При этом мы считаем, что слова «бесхозный» и «выморочный» не являются тождественными, поскольку право на бесхозную вещь является первоначальным способом приобретения права собственности [2, с. 55], а право на выморочное имущество – производным, так как данной вещью уже кто-то владел, то есть возникает правопреемство на вещь.

В современных правопорядках сложились два подхода касательно природы выморочного имущества.

Согласно первому подходу, который на данный момент присущ России, Германии, Швейцарии, Испании и Италии, государство приобретает право собственности по наследству – универсальное правопреемство.

Второй подход, присущий Англии, США, Австрии и Франции, заключается в том, что государство не наследует вещь, а «оккупирует» ее, то есть приобретает бесхозную вещь без каких-либо обременений [3, с. 1870].

Однако возникает вопрос: какой из данных подходов наиболее верный? Мы считаем, что правильнее всего рассматривать имущество, не имеющее

собственника, как выморочное, то есть которое государство получает в наследство, а не приобретает в собственность как бесхозную вещь. Во-первых, это соответствует положению, отраженному в ст. 1151 ГК РФ, а во-вторых, на наш взгляд, отсутствие наследников или отказ их от наследства не свидетельствует о бесхозности имущества умершего лица.

Если мы признаем, что имущество является выморочным и переходит государству по наследству, возникает еще один вопрос: в какой очереди наследников должно относиться государство?

Законодательством установлено восемь очередей на наследование, ни в одну из них государство не включено. Вследствие чего не ясно, почему государство вообще претендует на имущество умершего лица. В этой связи Т.И. Зайцева, М.В. Котухова и Ю.С. Пальчикова предлагают включить государство в девятую очередь наследования по закону [4, с. 204; 5, с. 12–13; 6, с. 35]. Мы данную точку зрения не разделяем ввиду ряда особенностей права государства на наследство.

Так, если мы признаем государство наследником по закону, стоит выяснить, имеет ли государство те же права, что и остальные наследники по закону. Любой наследник вправе отказать от наследства, следовательно, и государство может отказаться от наследуемого имущества. На наш взгляд, такой отказ допустим, однако только ввиду малой ценности наследуемого имущества.

Отказ от имущества, которое имеет высокую ценность, невозможен ввиду ряда причин. Во-первых, государство заинтересованно в получении прибыли, которую оно в последующем может использовать для различных нужд (уплата государственного долга и др.). Во-вторых, у умершего лица могут быть кредиторы, что зачастую и является причиной отказа наследников от наследства. Государство не имеет права не принять такое имущество, ведь в таком случае будут нарушены права кредиторов, которые государство и гарантирует.

Таким образом, государство как наследник по закону обладает не всеми правами обычных наследников, именно поэтому мы считаем правильным законодательно закрепить за государством статус особого наследника по закону, наделив его правом отказаться от наследования малоценного имущества.

На данный момент понятия малоценного имущества не существует. Мы считаем, что государство имеет право наследовать не все имущество, а лишь то, которое представляет собой большую ценность и(или) отказ от которого затронет права третьих лиц (кредиторов). А имущество, которое для государства не представляет какой-либо существенной ценности, может быть не принято. Внося такое предложение, мы предвидим возражения правоведов, ведь согласно ст. 236 ГК РФ отказаться от права собственности на принадлежащее имущество могут только физические и юридические лица. Право такого отказа для государства, субъекта РФ или муниципального образования не предусмотрено, что свидетельствует о том, что данные субъекты данным правом не наделены. Однако мы считаем, что правила ст. 236 ГК РФ в ситуации с малоценным имуществом неприменимы, так как государство еще не приобрело право собственности на наследуемое имущество, а значит, отказывается от имущества, которое ему на данный момент еще не принадлежит.

Мы предлагаем внести дополнение в ст. 1152 ГК РФ, в которой необходимо указать, что государство имеет право отказаться от части выморочного имущества ввиду его малой ценности, а также стоимость такого имущества.

Следующей проблемой является отсутствие законодательно закрепленных уважительных причин пропуска наследниками срока принятия наследства и последствий восстановления этих сроков. Согласно ст. 61 Основ законодательства РФ о нотариате нотариус извещает об открывшемся наследстве наследников, чье место жительства или место работы ему известно. Но нотариус может не иметь информации обо всех наследниках умершего гражданина, а значит, наследники последних очередей могут пропустить установленные законом сроки вступления в наследство. Конечно, незнание об открывшемся наследстве можно считать уважительной причиной, однако что делать государству как наследнику в ситуации, когда появился наследник, по уважительной причине пропустивший сроки и желающий их восстановить эти?

В судебной практике сложился порядок, по которому наследник, пропустивший срок по уважительной причине, может обратиться в суд. Однако такая возможность получения наследства лицом, пропустившим срок, не предусмотрена каким-либо законом, она существует ввиду сложившейся судебной практики, что, на наш взгляд, является упущением законодателя. В этой связи предлагаем дополнить ГК РФ новой статьей либо принять закон, регулирующий порядок возврата выморочного имущества, закрепив в них критерии определения уважительной причины пропуска срока вступления в наследство. Считаем, что это облегчит работу суда, так как именно суд восстанавливает пропущенные сроки, позволит избежать различных спорных ситуаций.

Еще одна проблема, которая возникает по поводу выморочного имущества, касается выморочного имущества, находящегося за пределами РФ. Решить данную проблему простым принятием нормативно-правового акта невозможно, единственный путь, который на данный момент частично реализован – заключение договора между государствами. Так, существует Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г. Согласно его положениям наследование имущества умершего гражданина, не имеющего наследников, происходит в следующем порядке:

– право на недвижимое имущество переходит государству, на территории которого оно находится.

– право на движимое имущество переходит государству, гражданином которого является умершее лицо.

Однако такое право имеет ограниченный характер, так как по наследству государство получает только движимое имущество.

Подобные соглашения РФ имеет не со всеми странами, а значит, государство теряет возможность получить в казну имущество, находящееся на территории государства, с которым такое соглашение отсутствует. Мы предлагаем не заключать с каждой страной отдельное соглашение о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным

делам, а принять документ по типу международной декларации или конвенции, к которой будут присоединяться другие страны.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

– идея наследования имущества умершего гражданина, не имеющего наследников или чьи наследники отказались от наследства, зародилась еще в Древнем Риме и получила свое развитие, в результате чего на данный момент в мире существует два подхода к пониманию такого имущества;

– государство по российскому законодательству получает имущество умершего гражданина путем наследования, однако законодательно очередь государства никак не обозначена. Мы считаем, что государство можно считать наследником особой очереди ввиду его специфических прав и обязанностей касательно наследования;

– государство имеет право отказаться от принятия по наследству малоценного имущества, так как, исходя из самого названия такого имущества, оно не представляет особой ценности, и его принятие, скорее всего, обойдется дороже, чем последующая реализация;

– современное законодательство, регулирующее выморочное имущество, не развито: отсутствуют критерии уважительной причины пропуска срока принятия наследства; до конца не урегулирован вопрос о выморочном имуществе, находящемся за границей.

Библиографический список

1. Котухова М.В. Выморочное имущество: история и актуальные вопросы современности / М.В. Котухова // Наследственное право. 2006. № 2. С. 17–23.

2. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв.ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2019. Т. 2. 463 с.

3. Столяров Д.А. Правовая природа и социальная сущность выморочного имущества / Д.А. Столяров, С.А. Найденов // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 1868–1876.

4. Зайцева Т.И. Судебная практика по наследственным делам / Т.И.. Зайцева. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 454 с.

5. Котухова М.В. Гражданско-правовое регулирование отношений с выморочным имуществом в наследственном праве Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.13 / М.В. Котухова. Москва, 2007. 26 с.

6. Пальчикова Ю.С. Правовые проблемы наследования выморочного имущества / Ю.С. Пальчикова // Нотариус. –2012. № 3. С. 34–37.

УДК 347.21

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА

Миргалиева Анна Шамилевна
студентка Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
anna.mirgalieva@mail.ru
Научный руководитель:
Резяпова Гузель Фратовна
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ф.н.,
г. Уфа, Россия

Несмотря на то, что в настоящий момент времени темп и объемы приватизации государственного и муниципального имущества значительно ниже, чем это было ранее, в момент появления данного института в нашей стране, рассматриваемая процедура по-прежнему является актуальной и имеет свою проблематику. Целью работы являетсяанализ некоторых проблем осуществления приватизации государственного и муниципального имущества для дальнейшего определения путей их решения. Исследование позволило сделать вывод о возможности преодоления рассмотренных проблем, решение которых направлено на урегулирование главной на сегодняшний день проблемы – снижения темпов приватизации относительно планируемых объемов.

Ключевые слова: приватизация; государственное имущество; муниципальное имущество; проблемы приватизации;гражданское право; вещное право.

Институт приватизации государственного и муниципального имущества существует в Российской Федерации уже долгие годы. Процесс приватизации делится на различные этапы, в том числе временные. Каждый временной промежуток характеризуется своими особенностями, которые зависят от того, какие процессы происходят вокруг в это же время. Особенно подходящим кажется определение приватизации В.П. Камышанского, который пишет, что «приватизация представляет собой возмездную, если иное не предусмотрено законом, организованную и целенаправленную деятельность по передаче объектов государственной и муниципальной собственности в собственность граждан и юридических лиц, осуществляемую по решению и при непосредственном участии специальных органов в определенное время, в установленном порядке и формах» [1, с. 72]. Исходя из одновременно происходящих процессов, каждый временной этап приватизации имеет особенную проблематику ее осуществления. Какие-то проблемы сопровождают приватизацию от самого ее начала и до настоящего времени. В данной работе особый интерес вызывает осуществление приватизации в настоящее время.

Одним из показателей успешной реализации государственного и муниципального имущества путем приватизации является выполнение прогнозного плана (программы) приватизации. Как пишет Новикова С.В., «Приватизация –

это не только отчуждение государственного и муниципального имущества, но и формирование новых экономических структур, создание для частных компаний возможности осуществлять предпринимательскую деятельность в тех сферах экономики, которые ранее были закрыты для них. Приватизация позволяет решать проблемы демонополизации экономики, стимулирования конкуренции, пополнения государственного и местного бюджетов» [2, с. 2]. В последние годы отмечается заметное снижение темпов приватизации государственного и муниципального имущества. Это сильно отражается на полноценном выполнении прогнозных планов (программ) приватизации федерального и муниципального имущества.

Комплексное изучение процесса приватизации и анализ ее результатов помогают определить наиболее острые проблемы, способствующие замедлению ее темпов. В соответствии со статьей 22 Федерального Закона от 05.04.2013 № 41 «О Счетной палате Российской Федерации», Счетная палата РФ осуществляет контроль за поступлением в федеральный бюджет средств, полученных от приватизации федерального имущества[1]. Также, согласно Регламента Счетной палаты Российской Федерации (утв. Постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 07.06.2013 № 3ПК), Счетная палата осуществляет свод и анализ результатов контроля за осуществлением приватизации предприятий и выполнением прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества[2]. Одной из основных форм предоставления информации Счетной палатой РФ является издание ее Бюллетеня.

Особое внимание привлекает Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации 2021 года № 5 «Управление федеральным имуществом». В данном Бюллетене аудитором Счетной палаты РФ Батуркиным А.Н. рассмотрена проблематика снижения темпов приватизации федерального имущества. Рассмотрим некоторые обозначенные проблемы и вытекающие из них вопросы:

1. Отсутствие предпродажной подготовки активов

Ни для кого не секрет, что наиболее желаемое и привлекательное имущество уже давно приватизировано. Однако, у государства все еще достаточно активов, которые нуждаются в приватизации. При детальном анализе Федерального Закона от 21.12.2001 № 178 «О приватизации государственного и муниципального имущества» среди инструментов предпродажной подготовки выделяется только проведение оценки имущества. Согласно ст. 12 указанного ФЗ, начальная цена подлежащего приватизации государственного или муниципального имущества устанавливается законодательством Российской Федерации,

[1]Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 30 апреля 2021 г. № 116-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.11.2022).

[2]«Регламент Счетной палаты Российской Федерации» (утв. Постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 07.06.2013 № 3ПК) (вместе с «Инструкцией по делопроизводству в Счетной палате Российской Федерации») [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

регулирующим оценочную деятельность[1]. Отсутствие закрепленного перечня мероприятий по предпродажной подготовке лишает возможности повысить инвестиционную привлекательность активов, их востребованность в коммерческом обороте. На данный момент имущество продается в том состоянии, в каком оно есть. Это состояние не всегда может быть привлекательным и соразмерным цене, указанной в отчете об оценке. Но, также есть и другая сторона данной проблемы. При проведении предпродажной подготовки федерального имущества к приватизации государство будет нести затраты на соответствующие мероприятия, что отразится на стоимости имущества. При этом вид имущества и его состояние должны стать более привлекательными для покупателей. Можно рассмотреть приватизируемое имущество на примере товаров в магазине: не самый привлекательный и качественный товар за среднюю цену или товар более качественный за более высокую цену. Что покупатель выберет? Так и с имуществом, которое подлежит приватизации – при его подготовке к продаже (например, ремонт здания или помещения, перевод земельных участков в более востребованную рынком категорию и пр.) возможно увеличение спроса к покупке, нежели чем приватизация имущества «как есть». Более чем понятна позиция потенциальных покупателей не приобретать актив низкого качества. В связи с этим, представляется необходимым внести изменения в законодательство и обозначить перечень мероприятий по предпродажной подготовке активов с целью повышения их привлекательности для покупателей.

2. Преобладание среди всех способов приватизации посредством публичного предложения и без объявления цены

Стоит отметить, что под способами приватизации понимаются «предусмотренные законом правовые формы отчуждения государственного имущества в частную собственность физических и юридических лиц» [3, с. 13]. Продажа посредством аукциона, публичного предложения и продажа без цены являются последовательными этапами приватизации имущества в случаях, когда имущество не удается реализовать с первого раза в силу различных указанных в законе причин, по которым один из этапов может быть признан несостоявшимся. Естественно, что каждый последующий этап предполагает более низкую цену продажи, чем цена, указанная в отчете об оценке. Если изучить Отчет о выполнении прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества на 2020–2022 гг. за 2021 год, опубликованный на официальном сайте Росимущества, то можно увидеть количество несостоявшихся торгов. Так, при продаже находящихся в федеральной собственности акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ, за 2021 год было всего проведено 179 торгов, 124 из которых признано несостоявшимися. По объектам имущества государственной казны количество несостоявшихся торгов составляет 992[2]. Таким образом, действительно

[1]Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с посл. изм. и доп. от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.11.2022).

[2]Отчет Федерального агентства по управлению государственным имуществом о выполнении прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества 2020 – 2022 гг.

часто первоначальные попытки реализовать имущество и проводимые в связи с этим торги оказываются несостоявшимися. Причины данного явления могут быть различны – никто не откликнулся для участия, победители отказались заключать договор купли-продажи. В связи с данной тенденцией закономерно привнести изменения в порядок проведения аукциона и продажи посредством публичного предложения, добавив возможность повторно проводить процедуру при признании первой попытки проведения несостоявшейся.

3. Неудобство законодательства о приватизации.

Процесс приватизации полностью связан с экономикой. В ходе приватизации постоянно возникали какие-либо проблемы, которые вызывали необходимость производить корректировки законодательства. Это совершенно естественно для нового процесса в переходный момент времени, когда вся система полностью перестраивается. Впоследствии такие корректировки включались в нормы действующего законодательства. На данный момент времени все включенные «экономические» доработки законодательства привели к тому, что достаточно проблематично без системного толкования нескольких нормативно-правовых источников, регулирующих отношения по осуществлению приватизации, полностью разобраться в правовом механизме ее действия. Невозможно не согласиться с Е.К. Дубец, которая пишет, что «Проблематика исследований в сфере приватизации всегда проводилась либо в контексте устранения несовершенств законодательства в рамках действующей концепции приватизации (юридический подход), либо в рамках корректировки самого содержания реформ (экономический подход), причем второе направление разрабатывалось значительно активнее первого. Поэтому сложилась ситуация, когда новеллы, предложенные в рамках экономических разработок, включаются в законодательство без соответствующей разработки формулировки и механизма реализации данной нормы, в связи с чем существует необходимость в комплексном анализе действующего законодательства с учетом вышеуказанных подходов» [4, с. 1]. Возможным решением данной проблемы представляется систематизация законодательства о приватизации, уменьшение количества нормативно-правовых источников в пользу увеличения содержания и информативности оставшихся источников. Однако, в настоящее время процесс приватизации не является настолько глобальным и массовым, как это было два десятилетия назад, поэтому внимание законодателя не приковано к данной проблеме как к первостепенной.

В ходе рассмотрения вышеуказанных проблем мы приходим к выводу, что единственным возможным путем их решения является разработка и внесение в законодательство о приватизации дополнений и изменений в части проведения мероприятий по предпродажной подготовке имущества, а также в части проведения аукциона и продажи имущества посредством публичного предложения. Вносимые изменения и дополнения будут способствовать запланированной в прогнозном плане (программе) приватизации имущества. Также актуальным является недопущение увеличения количества нормативных источников, регулирующих сферу приватизации, поскольку в настоящее время инструментом

в 2021 г.// Официальный сайт Росимущества [Электронный ресурс]. URL:https://rosim.gov.ru/ (дата обращения: 09.11.2022).

изучения норм, регулирующих сферу приватизации, является комплексный анализ нескольких источников.

Библиографический список

1. Камышанский В.П. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Закон. 2005. № 11. С. 72 – 75.

2. Новикова С.В. Приватизация государственного и муниципального имущества: дис. … к-та юрид. наук. М., 2006. 180 с.

3. Тяпкина Е. А. Способы приватизации // Гражданин и право. 2003. № 2. С. 13 – 17.

4. Дубец Е.К. Проблемы приватизации государственного имущества: дис. … к-та юрид. наук. Саратов, 2005. 175 с.

УДК347.65/.68

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА

Муртазаева Айше Альверовна
магистр Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО
«КФУ им В.И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
ayshe.murtazaeva.01@mail.ru
Научный руководитель:
Бахриева Зоре Радмировна
доцент кафедры гражданского и трудового права Института
«Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им В.И. Вернадского»,
к.ю.н., доцент
г. Симферополь, Россия

Появление наследственного фонда в отечественном гражданском законодательстве предоставило возможность гражданам использовать механизм передачи наследства, при котором не нужно дожидаться срока вступления в наследство. Целью работы является анализ конструкции «наследственного фонда», особенностей созданияданного юридического лица.

Исследование позволило выявитьопределенные плюсы введения наследственного фонда в российскую правовую систему. В то же время, сделан вывод о необходимости реформирования действующего законодательства в этой сфере, в том числе, наследственный фонд должен занимать отдельное место в системе организационно правовых форм.

Ключевые слова: правосубъектность, фонд, наследственный фонд, наследование, наследодатель, наследники, завещание, выгодоприобретатель.

Наследственный фонд является сравнительно новым институтом в правовой системе Российской Федерации, хотя в зарубежных государствах данные фонды действуют уже довольно длительное время и успешно применяются в качестве инструмента для защиты и сохранения бизнеса посредством передачи активов наследникам, обеспечивая таким образом охрану их интересов.

В ходе реформирования российского наследственного законодательства в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] появилась статья 123.20-1, регулирующая создание наследственного фонда. Данная норма вступила в силу с 1 сентября 2018 г., но при этом все еще возникают вопросы касательно правосубъектности такого фонда. В этой связи проведение исследования на данную тему представляет особую актуальность.

В ст. 123.17 ГК РФ содержится определение общественно полезного фонда как «унитарной некоммерческой организации, не имеющей членства, учрежденной гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов и преследующей благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели».

В соответствии со ст. 123.20-1 ГК РФ «наследственным фондом признается создаваемый в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, во исполнение завещания гражданина и на основе его имущества фонд, осуществляющий деятельность по управлению полученным в порядке наследования имуществом этого гражданина бессрочно или в течение определенного срока в соответствии с условиями управления наследственным фондом».

Из вышеизложенногоможно сделать вывод о том, что цель создания наследственного фонда заключается в управлении полученным по наследству имуществом. Как видим, это отличается от целей создания обычных фондов (благотворительных, культурных и иных общественных). Даже если указать в качестве выгодоприобретателей наследственного фонданесколько лиц, такой фонд не будет может считаться благотворительным.

Но несмотря на указанные различия, для наследственного фонданеприменимыиные организационно-правовые формы [3, с. 76].

Одной из особенностей наследственного фонда является то, что он учреждается после смерти наследодателя (учредителя), о чем указывается в завещании. При этом при подаче заявления о создании наследственного фонда прилагается решение наследодателя о создании наследственного фонда, а также устава фонда, который утверждается наследодателем еще при жизни. Отправкой этих документов занимается нотариус, ведущий наследственное дело. Все вышеперечисленные документы являются неотрывной частью завещания, в связи с чем может возникнуть проблема, связанная с тем, что условия касательно управления фондом, как и сам устав, утверждаются завещателем, и при этом с момента утверждения устава могут произойти какие-либо изменения в законодательстве. Возможность внесения каких-либо изменений в устав уже после смерти наследодателя до регистрации фонда не предусмотрена, то есть фонд просто не может быть создан в условиях противоречия действующему законодательству. В связи с этим законодатель в п. 5 ст. 1126 ГК РФ прямо указал, что завещания,

содержащие условия о создании наследственного фонда, не могут быть закрытыми, и несоблюдение данных требований влечет ничтожность завещания.

Нотариус обязан не позднее трех рабочих дней со дня открытия наследства направить в уполномоченный государственный орган заявление о государственной регистрации наследственного фонда. Также перед регистрацией наследственного фонда нотариус должен предложить лицам, указанным в решении об учреждении фонда, составить органы фонда. Далее один экземпляр решения об учреждении наследственного фонда с уставом и условиями об управлении наследственным фондом должны быть переданы лицу, представляющему исполнительный орган фонда, а ещеодин экземпляр и устав передаются в регистрирующий орган.

В завещании можноуказать обязанность нотариуса передать копию решения о создании наследственного фонда вместе с уставом и условиями управления выгодоприобретателю фонда. Однако следует учесть и то, что при отказе указанных в завещании лиц от вхождения в фонд, а также при отсутствии указания завещателем иных выгодоприобретателей имущество наследуетсяпо закону, а не по завещанию. Иными словами, в данной ситуации создание фонда только после смерти наследодателя является негативным, так как при жизни он бы мог получить согласие от других людей или же изменить условия завещания.

Совершитьуказанные действия нотариус обязан в течение трех рабочих дней после открытия наследственного дела, что на практике весьма затруднительно. При этом важно отметить, что на него возлагается ответственность за неисполнение обязательств по созданию наследственного фонда.

В таком случае решение о создании фонда может быть принято в судебном порядке по требованию душеприказчика или выгодоприобретателя. Кроме того, допускается оспаривание действий нотариуса в случае нарушения им условий, содержащихся в завещании или решении об учреждении наследственного фонда, распоряжений завещателя об условиях управления фондом. Причем какого-либо конкретного порядка по подаче заявления, если трехдневный срок истек, законодательством не предусмотрено.

Наследственный фонд не подлежит регистрации по истечении одного года со дня открытия наследства. Считаем указанный срок вполне разумным, так как целью, с которой создается фонд, является принятие и распределение наследства в самые короткие сроки.

В связи с этим возникает вопрос о последствиях истечения срока, установленного для принятия наследства. К примеру, если действия нотариуса обжаловались в суде, считаем, что в данной ситуации для принятия наследства фондом необходимо восстанавливать пропущенный срок, исходя из ст. 1155 ГК РФ.

Не менее важная проблема связана с ответственностью по долгам наследодателя, так как в п. 1 ст. 123.18 ГК РФ прямо закреплено правило о том, что фонд не отвечает по обязательствам своих учредителей.Из указанного правового положения следует вывод о том, что наследственный фондосвобождается от долгов наследодателя, что,на наш взгляд, несправедливо по отношению к инымнаследникам.

Более того, в случаях полученияв всего имущества наследодателя исключительно выгодоприобретателем наследственного фонда, который в силу закона не несет ответственности по долгам его учредителя, кредиторы наследодателя оказываются вовсе незащищенными.

Для решения указанной проблемы считаем целесообразным прямо закрепить на законодательном уровне ограничения в отношения правомочия по распоряжению имуществом наследственного фонда в случаяхобременения такого имущества правами третьих лиц до момента удовлетворения их требований. В ином случае,переход имущества выгодоприобретателю наследственного фонда, не отвечающему по обязательства наследодателя, будет осуществлятьсяс нарушением прав кредиторов.

Согласно п. 4 ст. 123.19 ГК РФ попечительский совет фонда осуществляет свою деятельность на общественных началах, а устав наследственного фонда может включать условия о выплате вознаграждения за осуществление действий по управлению фондом. Кроме того, в соответствии со ст. 123.18 ГК РФ «ежегоднофонд обязан опубликовывать отчеты об использовании своего имущества», а наследственный фонд не обязан публиковать такой отчет.Это еще одно различие.

Таким образом, введение наследственного фонда в российскую правовую систему имеет определенные плюсы, так как обеспечивает непрерывную работу предприятий после смерти наследодателя и не требуется ждать, пока наследники вступят в наследство. Однако данная правовая конструкция должна занимать отдельное место в системе юридических лиц, так как наследственный фонд, по своей сущности, фондом не является.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2022).

2.Гущин В. В. Наследственный фонд как способ управления наследственным имуществом // Наследственное право. 2018. № 1. С. 22-25.

3. Заикин Д.П. Проблемы создания и деятельности наследственного фонда// Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. С. 74- 82.

УДК 347.63

МЕРЫ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ОТЦОВ

Очкина Анастасия Андреевна
Аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
e-mail: astya972@mail.ru
Научный руководитель:
Родионова О.М., д.ю.н., доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»
г. Москва, Россия

Актуальность статьи обусловлена наличием правовых проблем в сфере защиты прав и интересов отцов. Цель статьи – выявить и исследовать проблемы, связанные с семейно-правовой ответственностью за нарушение прав и интересов отцов. На основе анализа проблемных аспектов делается вывод о наметившихся тенденциях в области реформирования действующего законодательства. Автором были использованы общенаучные (диалектический, методы анализа, синтеза) и частно-научные методы (формально-юридический). Делается вывод, что отдельные положения отечественного законодательства в области защиты прав и интересов отцов нуждаются в доработке. Автор предлагает свои пути совершенствования действующего законодательства в рассматриваемой области.

Ключевые слова: защита прав отцов; институт отцовства; судебная защита; семейно-правовая ответственность

В соответствии со словарно-справочными источниками, значение слова ответственность заключается прежде всего в обязанности, необходимости отдавать отчёт своим действиям и поступкам, и более того в обязанности отвечать за последствия, совершённых действий [1].

Вопросы юридической ответственности, наступающей за нарушение прав граждан в различных областях, играют важную роль в регулировании общественных правоотношений. Сфера семейных прав не является исключением.

Как известно, ответственность в правовом аспекте носит характерную направленность на возвращение отношений, отклоняющихся от правовых установлений, в обозначенные действующим законом рамки. Главное отличие юридической ответственности от самозащиты состоит в том, что ответственность может быть реализована только посредством судебных актов.

На сегодняшний день проблемные вопросы, затрагивающие ответственность в семейном правовом аспекте, к сожалению, не получили масштабного исследования на доктринальном уровне.

Более того, некоторые научные деятели вовсе отрицают существование рассматриваемой категории [2, с. 23]. Мы находим, подобный подход недопустимым сразу по ряду оснований.

На наш взгляд семейно-правовая ответственность без всякого сомнения представляет собой разновидность юридической ответственности. Прежде всего существование семейно-правовой ответственности напрямую обусловлено её характерными особенностями, главными из которых выступают:

1. Меры семейно-правовой ответственности применяются только в отношении членов семьи, прочие лица, не принимающие участия в семейном правоотношении будут нести иной вид ответственности;

2. Семейно-правовая ответственность подлежит применению при уже случившихся правонарушениях;

3. Кроме того, семейно-правовая ответственность подлежит применению в случаях, когда правонарушение носит длящийся характер;

4. В большинстве случаев преобладающим является неимущественный характер ответственности. Среди неимущественных мер можно выделить лишение ряда прав, их ограничение. Разумеется, некоторые меры носят и компенсационный характер, например, взыскание алиментной задолженности, неустойки и т. д.;

5. При регулировании вопросов семейно-правовой ответственности происходит комплексное регулирование отношений сразу несколькими отраслями права;

Таким образом, сказанное подтверждает, что, несмотря на большое количество имеющихся в научной литературе мнений о том, что семейно-правовая ответственность как таковая не существует, анализ особенностей данного вида ответственности говорит об обратном и позволяет сделать вывод о том, что к отношениям по защите отцовских прав целесообразно также применять меры семейно-правовой ответственности.

Ранее нами уже предлагалось введение административной ответственности за совершение действий по отчуждению одним из родителей родителя, проживающего отдельно от ребёнка. На данном этапе сосредоточим своё внимание на вопросах целесообразности введения семейно-правовой ответственности для матери, совершающей действия по отчуждению отца. Отметим, что подобные действия нарушают права и интересы несовершеннолетнего, равно как и права отца.

Как известно, одним из оснований для применения такой меры, как лишение родительских прав выступает психологическое насилие. Вопрос состоит в том, можно ли рассматривать психологическое индуцирование ребёнка как вид психологического насилия, который в последствие может стать основанием для применения мер семейно-правовой ответственности?

Суть психологического насилия состоит в подавлении личности. Причем одним из путей такого подавления является контроль, ограничение круга общения, и даже изоляция [3, с. 137].

Следует подчеркнуть, что при психологическом индуцировании используются схожие механизмы. Родитель формирует у ребёнка негативное отношение

к другому родителю, ограничивая при этом их общения и изолируя субъектов друг от друга, что приводит к исключению отдельно проживающего родителя из жизни другого.

Последствия психологического индуцирования представляются довольно тяжёлыми, особенно это заключается в оказываемом вреде для психического здоровья ребёнка и для его психологического развития. Кроме того, ущерб наносится и психологическому здоровью отчуждаемого родителя.

Учитывая изложенное, а именно многочисленные сходства между характерными чертами психологического индуцирования и психологического насилия, мы можем утверждать, что данные понятия соотносятся, как части и целое, то есть психологическое насилие может включать в себя индуцирование несовершеннолетнего.

Ввиду этого нами предлагается введение семейно-правовой ответственности за отчуждение одного из родителей другим родителем. В качестве крайней меры ответственности за данное правонарушение, считаем необходимым использование лишения родительских прав. Нам представляется, что данная мера для субъектов, допустивших подобное правонарушение будет оправдана. Кроме того, её применение способно стимулировать граждан не осуществлять такие действия и значительно снизит показатели гейткпинга в Российской Федерации. Важно, чтобы граждане осознавали всю степень ответственности за совершение действий по отчуждению.

Полагаем, что при рассмотрении дел об отчуждении одного из родителей суггестивное влияние на психику несовершеннолетнего, должно быть подтверждено в рамках судебной экспертизы в виде судебно-психологической экспертизы, а также комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Такое заключение должно играть важную роль при вынесении судебного решения.

Библиографический список

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Ев-геньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999

2. Липинский Д. А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12, С. 22 – 30.

3. Пузанкова И. Е., Дическул О. М. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 134-139.

УДК 347.1

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО МЕТОДА РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (COVID-19)

Сиражитдинов Айнур Ильшатович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
sirazhitdiniv@mail.ru
Научный руководитель:
АлимгафароваАлина Ришатовна
старший преподаватель кафедры гражданского права
Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия

В настоящее время одной из актуальных задач современного общества и государства является обеспечение нормального функционирования гражданско-правовых отношений в период «экстремальных» ситуаций.

Целью данной работы является анализа актуальных нововведений в российском законодательстве, а также в складывающейся практике договорных правоотношений, которые вносят существенные изменения в сложившиеся веками правовые связи, создают новые способы взаимодействия между субъектами гражданского права, все чаще приводящие к столкновению методов их правового регулирования и возникновению неоднозначных ситуаций. В частности, в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в особенности стороны арендных правоотношений максимально испытали на себе последствия такого «перераспределения влияния» императивного и диспозитивного методов правового регулирования, не характерного для более раннего периода.

Ключевые слова: императивный метод; диспозитивный метод; метод гражданского права, гражданские правоотношения; пандемия коронавируса (COVID-19); аренда.

В последние годы современный мир стал все чаще сталкиваться с кризисными явлениями, которые испытывают на прочность сложившиеся общественные отношения, в том числе, и в правовой сфере.

В частности, коронавирус – «бич» последних нескольких лет, оказал непосредственное влияние на максимальный круг правоотношений, в том числе на гражданско-правовые. Изменения в особенности коснулись действия метода правового регулирования общественных отношений, выразившееся в изменении соотношения публично-правовых и частноправовых начал правового регулирования.

Методами правового регулирования С.С. Алексеев называл приемы юридического воздействия, их сочетания, характеризующие использование в данной области общественных отношений того или иного комплекса юридических средств [1, с. 224].

В доктрине права выделяют два основных метода правового регулирования: императивный и диспозитивный. Причем в некоторых доктринальных источниках можно встретить и иные наименования вышеупомянутых методов: метод юридической централизации и децентрализации [2, с. 43], метод власти-подчинения или директивный и метод согласования воли, и другие.

Так, метод юридической централизации (императивный) является преобладающим в отрасляхпубличного права. Для него характерны наличие у государства монопольного права своими властными распоряжениямиопределять совокупность прав и обязанностей лица по отношению к государству и другим лицам, а также невозможность отмены таких распоряженийчастными соглашениями.

Антиподом выше охарактеризованному является метод юридической децентрализации (диспозитивный), которыйхарактерен для отраслей частного права.Ему присущиследующие особенности: 1) государство воздерживается от непосредственного и властного регулирования отношений; 2) государство не ставит себя мысленно в положение единственногоопределяющего центра, оно предоставляет такое регулирование самостоятельным субъектам; 3) субъекты являются носителями собственной воли и инициативы, они сами регулируют отношения между собой; 4) государство охраняет эти отношения, а также восполняет их.

Таким образом, разграничивая два основных метода правового регулирования, можно выделить главный, по нашему мнению, критерий такого разграничения – степень вмешательства государства в регулирование общественных отношений.

При этом, говоря о диспозитивном методе правового регулирования, нельзя утверждать, что государство в целом теряет возможность контролироватьповедение субъектов, так как оно в любом случаеимеет возможность устанавливать для них определенные рамки дозволенного поведения.

Однако, что делать, если в частноправовых отношениях затрагивается интерес всего общества?

На наш взгляд, именно в таких случаях возникает объективная необходимость усиления императивных начал даже в ходе регулирования гражданско-правовых отношений с характерными для него принципами автономии воли, свободы договора и иными.

Ярким примером может служить пандемия коронавируса (COVID-19), в период которой предприниматели столкнулись с серьезными трудностями, возникшими после введения государством ряда ограничительных мер как для граждан, вынужденных воздержаться от посещения общественных мест, в том числе торговых центров, так и для самих коммерсантов, которые были вынуждены приостановить свою деятельность на неопределенный срок[1] и, тем самым, потеряли возможность получать прибыль.

[1] Указ Главы Республики Башкортостан от 27 марта 2020 года №УГ-124 «О внесении изменений в Указ Главы Республики Башкортостан от 18 марта 2020 года № УГ-111 «О введении режима «Повышенная готовность» на территории Республики Башкортостан в связи с угрозой распространения в Республике Башкортостан новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)»« // https://npa.bashkortostan.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

Серьезный удар был нанесен, в первую очередь, по арендным правоотношениям, где существенно пострадали обе стороны: арендаторы, которые фактически были лишены возможности пользоваться арендованными помещениями для осуществления предпринимательской деятельности, а также арендодатели, на которых государство возложило «кабальные» дополнительные обязательства в договорных правоотношениях.

Так, в частности, государство обязало арендодателей по первому же требованию арендаторов предоставлять последним отсрочку уплаты арендных платежей[1].

В данном случае налицо введение в договорные правоотношения норм императивного характера, которые не оставилиарендодателямвозможности выбора варианта поведения, поскольку в случае невыполнения указанных требований отсрочка уплаты арендных платежей должна была считаться предоставленной автоматически.

При этом Верховный Суд Российской Федерации установил, что данная отсрочка будет предоставляться в любом случае, независимо от того, используется ли помещение по своему назначению или нет[2].

Помимо необходимости предоставления отсрочки законодатель обязал арендодателей уменьшать размер арендной платы по требованию арендаторов, и при этом установил возможность понудить их в судебном порядке к заключению дополнительного соглашения к договору аренды в части снижения размера арендных платежей[3].

По нашему мнению, в вопросах предоставления отсрочки и уменьшения арендных платежей в период действия режима повышенной готовности, связанного с пандемией коронавируса, действительно, прослеживается существенное смещение чаши весов в сторону императивного метода правового регулирования, поскольку государство максимально вмешалось в арендные правоотношения, фактически напрямую урегулировав их.

По нашему мнению, подобные действия государства и отход от основополагающих начал правового регулирования гражданских правоотношений оправдан, так как в данном случае императивный метод и созданные на его основе нормы используются в качестве сдерживающего фактора, который позволяет сохранить сложившиеся до кризисной ситуации отношения и обеспечить их стабильность. В подобных чрезвычайных ситуациях государство вынуждено

---

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» от 01.04.2020 № 98-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

[2]«Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространениюна территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // http://www.supcourt.ru(дата обращения: 07.10.2022).

[3]Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 439 «Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

использует императивный метод в целях пробуждения мотивации поиска компромисса сторонами арендных правоотношений.

Однако при этом необходимо отметить, что заявление о предоставлении отсрочки или об уменьшении арендной платы является правом арендатора, который может как воспользоваться, так и не воспользоваться им. То есть элемент свободы волеизъявления сторон не утрачивается и диспозитивность не ущемляется.

Таким образом, сегодняшние реалии демонстрируют, что сложившееся веками представление о гражданско-правовом методе регулирования правоотношений, как о преимущественно диспозитивном, для которого характерны установки, основанные на свободном волеизъявлении и автономии воли сторон, равенстве участников, отсутствия отношений власти-подчинения, стало достаточно спорным в ряде своих проявлений, что снова делает актуальным многовековой спор о сущности гражданско-правового метода.

На наш взгляд, несмотря на то что на примере правового регулирования современных арендных правоотношений можно ярко проследить отход от диспозитивности в сторону императивности, существенных содержательных изменений природы гражданско-правового метода в целом не наблюдается.

На это непосредственное влияние оказала именно пандемия коронавируса (COVID-19), которая фактически вынудила государство задействовать методы прямого регулирования договорных правоотношений и ограничить свободу их участников. Мы убеждены, что данные меры носят лишь временный характер, пока государству необходимо оказывать поддержку наиболее пострадавшим отраслям экономики. И с их отменой, непременно, начала диспозитивности будут, как и прежде, преобладать как в арендных, так и в иных гражданско-правовых договорных правоотношениях.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995.

2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020.

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОБОРОТА NFT В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Султанбеков Дамир Рустемович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
damirsultanbekov00@gmail.com
Научный руководитель:
Гимадрисламова Олеся Рамильевна
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.
г. Уфа, Россия

Одной из актуальных проблем современного гражданского права является проблема интеграции нормативного регулирования новых технологических решений, в том числе цифровых. К таковым относится и технология NFT (невзаимозаменяемых токенов). Целью данной работы является анализ проблемы регулирования NFT в гражданском праве РФ. Данное исследование позволило выявить проблему определения правовой природы невзаимозаменяемых токенов, а также проблему их принадлежности к конкретным видам объектов гражданского права. Также в данном исследовании предлагается способ нормативного закрепления NFT в частном праве РФ.

Ключевые слова: NFT; невзаимозаменяемые токены; объекты гражданского права; Web 3.0; блокчейн; ценные бумаги.

Мы живём во время развития Web 3.0, или же Интернета нового поколения, где главный упор делается на искусственный интеллект и блокчейн. В последние десятилетия технология блокчейн получила широкое распространение по всему миру. Блокчейн представляет собой – непрерывную цепочку из секций, на которых хранится определённая информация. Данная технология лежит в основе первой криптовалюты «Биткоин». Блокчейн активно применяется при электронном голосовании. И теперь данная технология дала начало такому явлению, как NFT, так называемые невзаимозаменяемые токены (non-foungible token) (далее – NFT).

Некоторые исследователи критикуют её, а некоторые называют прорывом. Данная технология породила множество правовых споров (среди которых вопросы целесообразности применения данной технологии), в частности в сфере гражданского права (например, вопросы наследования, оборота и учёта).

В связи с особым вниманием к данному явлению необходимо провести научно-правовое исследование вопроса применения NFT в сфере гражданского права.

Прежде чем прийти к правовому анализу необходимо разобраться в понятии невзаимозаменяемых токенов. Профессор Гонконгского политехнического университета Янто Чандра опеределяет NFT как цифровой актив, имеющий форму «смарт-контракта», то есть строки кодов, записанных в децентрализованном

реестре в блокчейне, и обладающий способностью к реализации посредством криптографических валют, например таких, как Tezos, Ether, Solana [1].

Доминик Чалмерс, Кристиан Фиш, Рассел Мэттьюз, Уильям Куинн и Ян Рэкер в своём совместном труде представили иное, определение понятия «NFT», как основанные на блокчейне криптографические активы, которые представляют собой доказательство владения цифровыми объектами [2].

В экономике понятия «взаимозаменяемости» и «невзаимозаменяемости» крайне схожи с понятиями из гражданского права «вещь определённая родовыми признаками» и «индивидуально-определённая вещь» соответственно. Индивидуально определённая вещь – это конкретная вещь, обладающая признаками, позволяющими выделить её из числа других, а вещи, определяемые родовыми признаками, напротив, сделать этого не позволяют. То есть взаимозаменяемые единицы могут быть замещены другими такими же единицами, а невзаимозаменяемые единицы не предусматривают этого, поскольку обладают особыми признаками, делающими их уникальными.

Создателями технологии невзаимозаменяемых токенов считаются программист Анил Дэш и художник Кевин Маккой, и изначально, в 2014 году, она именовалось как «monetized graphics» (монетизированная графика). Изначально их технология предполагает защиту авторского права лица, создавшего цифровое произведение искусства [3]. По причине технического развития многие художники рисуют не на бумаге или холсте, а на графическом планшете или ином техническом средстве. Из-за этого возникают сложности с разграничением оригинала и копии, поскольку они идентичны. Следовательно автор не сможет продать оригинал своего произведения из-за его цифровой природы, а не материальной. В этом случае технология NFT, в теории, должна оказывать содействие, то есть позволять внести данные об авторе (авторах) или правообладателе (правообладателях), а также сведения, подтверждающие подлинность произведения, в блокчейн.

Однако, главной проблемой невзаимозаменяемых токенов является то, что с технической точки зрения крайне сложно поместить сам объект, на который удостоверяются права, в блокчейн. Анил Дэш указывал на то, что прототип, созданный им и Кевином Маккоем не позволял хранить изображение ввиду его объёма и ограниченности информации, которую можно записать. В результате само изображение хранилось на сайте, а в блокчейне указывалась ссылка на изображение. Как следствие, возникли случае мошенничества со стороны проектов-однодневок.

Несмотря на имеющуюся проблему, значение и потенциал NFT гораздо более глубокие. Технология не ограничивается именно изобразительным искусством, или искусством в целом. Потенциально она способна закреплять ряд других прав, даже не связанных с интеллектуальной собственностью.

Границы её применения весьма размыты, в результате чего, возникают проблемы с правовым регулированием данной технологии.

Ввиду своей новизны и недостаточной изученности технология невзаимозаменяемых токенов не получила законодательного закрепления. Однако она активно и повсеместно применяется. Исходя из концепции NFT, как механизма

удостоверения интеллектуальных прав, возникают вопросы, касающиеся определения их места в системе объектов гражданского права, а как следствие, также связанные с этим вопросы учёта и оборота.

В соответствии со статьёй 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) к категории объектов гражданского права относятся:

- вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги) иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права);
- результаты работ и оказание услуг;
- охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность);
- нематериальные блага[1].

В целом, исходя из данной классификации, невзаимозаменяемые токены можно отнести как к первой категории (имущественные права), так и к третьей (интеллектуальная собственность). Исходя из этого существует две точки зрения на данный вопрос.

В российском законодательстве была попытка надлежащим образом легализовать и впоследствии конкретизировать понятие невзаимозаменяемого токена, посредством внесения изменений в ст.1225 ГК РФ. Данная статья устанавливает исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым предоставляется охрана в соответствии с законом. 19 мая 2022 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесён законопроект №126586-8, который предлагал дополнить перечень охраняемой интеллектуальной собственности, добавив 17 пункт, понятием «невзаимозаменяемый токен уникального цифрового актива (изображения, видео, или другого цифрового контента или актива) в виде невзаимозаменяемых данных, хранящихся в системе распределённого реестра (системе блокчейн)» [4].

Правительство Российской Федерации в своём официальном отзыве от 30 августа 2022 года на данный законопроект указало, что не поддерживает его по ряду причин. В российском законодательстве отсутствуют используемые в данном законопроекте понятия «токен», «система блокчейн» и «цифровой актив». Также в отзыве было указано, что предложенное толкование NFT противоречит творческому характеру интеллектуальной деятельности. Правительство сослалось и на тот факт, что предложенное определение не лишено двусмысленности, что затруднит дальнейшее правоприменение.

В данном случае нельзя не согласиться с утверждениями Правительства. В целом, позиция о приравнивании NFT к интеллектуальной собственности, на наш взгляд, в корне не верна. Невзаимозаменяемым токен – это не само изображение, фонограмма, произведение литературы или иной объект интеллектуальной собственности, а механизм, позволяющий удостоверить право лица на результат.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп. от 26.10.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения 01.10.2022).

Интересно и мнение Д.С. Емельянова и И.С. Емельянова. В своём исследовании они предлагают два способа легализации NFT. Первый способ связан с признанием NFT, как самостоятельного актива, обладающего ценностью, и отнесением его к категории цифровых прав. Второй способ, которому отдают предпочтение сами авторы, связан с созданием новой категории объектов в гражданском праве – «цифровая вещь», а также последующим учётом всех цифровых вещей в специальном реестре созданном на блокчейне [5, с. 75].

На наш взгляд стоит рассмотреть ещё один вариант законодательного закрепления NFT, как бездокументарной ценной бумаги.

Исходя из назначения и применения NFT, максимально близкими к ним, из объектов гражданского права, будут именно имущественные права (бездокументарные ценные бумаги и цифровые права), поскольку они удостоверяют право лица на определённый объект. ГК РФ устанавливает понятие ценной бумаги в ст. 142. Бездокументарные ценные бумаги представляют собой обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав.

Если присваивать невзаимозаменяемому токену характер бездокументарной ценной бумаги, то она (ценная бумага) будет являться неэмиссионной, поскольку не будет подразумевать под собой серийный выпуск, в отличие от эмиссионных. Напротив, выпускаться ценная бумага будет при возникновении необходимости передать кому-либо индивидуальное право на результат интеллектуальной деятельности или иной цифровой объект.

Далее обратимся к ст.141.1 ГК РФ, в которой приводится достаточно абстрактное определение цифровых прав. Законодатель определяет цифровое право, как право названное таковым в законе, содержание и условие осуществление которых должно производится в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Данная статья отсылает к Федеральному закону от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - ФЗ № 259). Ч.2 ст.1 ФЗ №259 определяет цифровые финансовые активы как цифровые права включающие, в том числе, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам[1]. Наша концепция предполагает расширение перечня цифровых прав, являющихся цифровыми финансовыми активами, формулировкой «предусматривающих возможность осуществления прав по эмиссионным и неэмиссионным ценным бумагам». Такое изменение решит и проблему учёта, поскольку ч.2 ст.1 также предусматривает, что учёт, выпуск и обращение таких цифровых прав возможно только путём внесения записей в информационную систему на основе

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения 02.01.2022).

распределённого реестра, а также в иные информационные системы. Так, NFT приобретёт пограничное значение, между ценной бумагой и цифровым правом. Если мы проведём аналогию с недвижимым имуществом, то существование такого механизма регистрации прав на недвижимость, как ЕГРН значительно упрощает оборот соответствующей недвижимости, как следствие оборот NFT станет более простым и систематизированным.

Таким образом, исходя из проделанного анализа можно сделать вывод, что в российском законодательстве имеется проблема отсутствия легального закрепления понятия невзаимозаменяемого токена (NFT), что существенно затрудняет их оборот ввиду сопутствующей проблемы принадлежности NFT к конкретным видам объектов гражданского права.

На основании изложенного можем вывести своё определении невзаимозаменяемого токена:

Невзаимозаменемый токен – это неэмиссионная бездокументарная именная ценная бумага, обладающая признаками цифрового права, удостоверяющая принадлежность её владельцу определённых прав (на цифровую интеллектуальную собственность или иной цифровой объект).

Также было предложено внести изменения в ФЗ № 259, что в совокупности упростит оборот невзаимозаменяемых токенов, а также позволит вести учёт соответствующих прав на объект, удостоверяемый NFT.

Однако стоит отметить, что границы потенциального применения технологии NFT в настоящее время весьма размыты, а это, в свою очередь, затрудняет определение прав, удостоверяемых невзаимозаменяемыми токенами.

Библиографический список

1. Yanto Chandra, Non-fungible token-enabled entrepreneurship: A conceptual framework // Journal of Business Venturing Insights. Volume 18, 2022, e00323, ISSN 2352-6734 // ScienceDirect [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2022.e00323. (дата обращения 01.10.2022).

2. Dominic Chalmers, Christian Fisch, Russell Matthews, William Quinn, Jan Recker, Beyond the bubble: Will NFTs and digital proof of ownership empower creative industry entrepreneurs? // Journal of Business Venturing Insights, Volume 17, 2022, e00309, ISSN 2352-6734 // ScienceDirect [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2022.e00309. (дата обращения 01.10.2022).

3. Anil Dash, NFTs Weren't Supposed to End Like This // The Atlantic [Электронный ресурс]. URL: https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/04/nfts-werent-supposed-end like/618488/. (дата обращения 01.10.2022).

4. Система обеспечения законодательной деятельности // [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8 (дата обращения: 01.10.2022).

5. Емельянов Д.С., Емельянов И.С., Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в РФ. 2021. №10 (241). С.71-76.

УДК 340

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА

Султанбеков Дамир Рустемович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
damirsultanbekov00@gmail.com
Научный руководитель:
Гимадрисламова Олеся Рамильевна
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.
г. Уфа, Россия

Одной из актуальных проблем современного гражданского права является проблема определения и применения обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажорных обстоятельств) в условиях современной действительности. В последние годы частное право испытало ряд трудностей, связанных с реализацией обязательств в условиях пандемии и локдаунов, сейчас к ним добавилась и специальная военная операция. Целью данной работы является анализ понятийного аппарата и правоприменительной практики стран общего права (Великобритании, США, Индии) относительно обстоятельств, ставящих возможность исполнения обязательств под вопрос.

Ключевые слова: форс-мажор; обстоятельства непреодолимой силы; фрустрация; невозможность исполнения; обязательства.

Данный вопрос является крайне актуальным, поскольку анализ толкования и применения обстоятельств непреодолимой силы в общем праве позволит выявить возможные пробелы в гражданском законодательстве РФ, относительно объекта исследования. Вдобавок к этому исследование форс-мажора в странах прецедентного права, а также заимствование некоторого опыта практического применения, может помочь в решении нынешних проблем РФ, таких, как: последствия специальной военной операции, военного положения; последствия санкций; а также последствия, не так давно господствовавшей, пандемии covid-19 и сопутствующих локдаунов. Связано это прежде всего с тем, что нормативная база и практика в общем праве складывалась столетиями и актуальна по сей день.

В странах прецедентного права, характерная для государств континентальной правовой системы непреодолимая сила или форс-мажор именуется как «frustration» (фрустрация, доктрина фрустрации), что дословно можно перевести как «разочарование» или «срыв».

Долгое время прецедентное право исходило из концепции абсолютного договора, которая подразумевала, что договор должен быть исполнен несмотря ни на что, даже при наличии обстоятельств препятствующих данному исполнению. То есть как таковых понятий «непреодолимая сила» или «форс-мажор» в странах общего права не существовало до XIX века.

Множество источников связывают возникновение данной доктрины с делом Taylor v Caldwell [1863] 3 B & S 826. Компания «Taylor & Lewis» (истец) арендовала помещение (Surrey Music Hall) у другой организации «Caldwell & Bishop» (ответчик), где намеревалась проводить мероприятия в течение четырёх дней. Однако после подписания договора, но до проведения первого концерта, здание было уничтожено пожаром, что соответственно делало проведение мероприятий невозможным. «Taylor & Lewis» подали иск к «Caldwell & Bishop», где требовали взыскать убытки за неисполнение договора. Суд сослался на положение 45.1.33 Дигест Юстиниана, когда одна сторона обещала дать стиха в определённый срок, но стих умер до срока и обещавшая сторона освобождается от обязательства. В итоге было постановлено, что обе стороны освобождаются от исполнения договора, по причине гибели объекта правоотношения.[1]

Существуют и менее очевидные случаи фрустрации, которые делают невозможным исполнение договора. Одним из таких случаев является утрата интереса или прекращение исполнения ввиду ненаступления определённых событий. Примерами таких случаев могут служить так называемые «Коронационные дела». Под данным названием объединяются серия дел посвящённых коронации Эдуарда VII, а точнее её отмене. В июне 1902 года должна была состояться коронация Эдуарда VII, люди стали снимать помещения на улицах, где должна была проходить процессия, а также арендовать пароходы (паромы), чтобы наблюдать за парадом военно-морского флота. Однако мероприятие пришлось перенести из-за болезни Эдуарда VII, что привело к отказу от исполнения договора со стороны арендаторов и нанимателей.

Самыми показательными делами в серии «Коронационных» являются Krell v. Henry [1903] 2KB 740 и Herne Bay Steam Boat Company v. Hutton [1903] 2KB 683. Оба дела рассматривались тем же составом судей, однако решения были полярно противоположными.

В деле Krell v. Henry [1903] 2KB 740 суд признал произошедшее событие фрустрацией. Из свидетельских показаний было выяснено, что на вывеске здания, где сдавались помещения было указано, что сдаются они именно на время коронации Эдуарада VII. Более того в самом договоре была предусмотрена аренда только на дневное время, но не на ночное, то есть цель договора была ясна.

Во втором случае, в деле Herne Bay Steam Boat Company v. Hutton [1903] 2KB 683 суд признал произошедшее событие фрустрацией, однако договор подлежал исполнению. Договором было предусмотрено, что целью экскурсии было не только наблюдение за парадом, но также возможность проплыть вокруг флота. Следовательно фрустрация сделала невозможным исполнение лишь части договора [1].

В качестве основания фрустрации также выступает признание договора противоречащим действующему законодательству. Такая ситуация возникает,

[1] 3 B & S 826, [1863] EWHC QB J1, 122 ER 309 // British and Irish Legal Information Institute [Электронный ресурс] URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/1863/J1.html (дата обращения 25.10.2022).

когда договор был заключён до принятия соответствующего нормативного акта, но его действия распространяется на ранее возникшие отношения.

В качестве наиболее яркого примера подобной фрустрации выступает дело Denny, Mott & Dickson Ltd v. James B Fraser & Co Ltd [1944] AC 265. Компания «James B Fraser & Co Ltd» заключила в 1929 году договор с компанией «Denny, Mott & Dickson Ltd» на поставку древесины и аренду склада с возможностью выкупа у последней. Договор предусматривал возможность одностороннего отказа от исполнения при предварительном уведомлении контрагента. 16 сентября 1939 года был издан Приказ №4 о контроле за древесиной, который ограничивал её оборот (связано это было с начавшейся Второй Мировой Войной). Следовательно отношения между сторонами стали невозможны. В 1941 году «James B Fraser & Co Ltd» направили «Denny, Mott & Dickson Ltd» письмо, в котором заявляли о расторжении договора и о намерении воспользоваться опционом на покупку склада. В итоговом решении, которое вынесла Палата Лордов указывалось, что право на приобретении склада недействительно ввиду того, что сам договор прекратил своё действия по причине фрустрации ещё до официального объявления о его прекращении, в 1939 году[1].

Фрустрация также может возникнуть вследствие признания лица недееспособным или же болезни. Так произошло в деле Robinson v Davison [1871] LR6 Ex 269, где пианистка Дэвисон должна была выступить на мероприятия по договору с Робинсоном, однако не смогла из-за болезни. Организатор концерта попытался взыскать убытки с исполнителя. Суд признал исполнение договора невозможным в силу фрустрации, сославшись на то, что хотя бы болезнь и не носила постоянный характер, она не позволяла исполнителю выполнить свои обязательства по контракту [2].

Ещё одним основанием, которое обычно выделяется исследователями, является задержка исполнения обязательства. В качестве примера данной ситуации можно привести дело Bank Line Ltd v Arthur Capel & Co [1919] AC435. В данном деле стороны заключили между собой договор фрахтования судна сроком на 12 месяцев, с апреля 1915 года. В договоре было чётко определено конкретное судно, а именно пароход «Quito». Bank Line Ltd (фрахтовщик) не смог передать судно компании «Arthur Capel & Co» (фрахтователь) в установленный договором срок по причине того, что государство реквизировало предмет договора (судно) до сентября 1915 года. Фрахтователь подал на Bank Line Ltd в суд с целью взыскания убытков за непредоставление судна. Было решено, что договор не может быть исполнен по причине задержки, которую фрахтовщик никак не мог предвидеть, а по причине возросшей стоимости фрахта было бы несправедливо оставить предыдущий договор в силе[2].

Великобритания не единственное государство с прецедентной системой права. В Индии также сложилась подобная система из-за британского влияния.

---

[1] Denny, Mott & Dickson Ltd v. James B Fraser & Co Ltd [1944] AC 265 // World Legal Information Institute [Электронный ресурс] URL: http://www.worldlii.org/uk/cases/UKHL/1944/1944_SC_HL_35.html (дата обращения 27.10.2022).

[2] AC435 [1918] UKHL J1212-1 // VLexJustice [Электронный ресурс] URL: https://vlex.co.uk/vid/bank-line-ltd-v-793837065 (дата обращения 28.10.2022).

Следовательно и здесь применяется доктрина фрустрации, с учетом того обстоятельства, что здесь она получила отражение в законодательном акте. Раздел 56 Закона Индии о контрактах 1872 года предусматривает, что договор о совершении действия, которое после заключения договора стало невозможным или по причине какого-либо события, которое стороны предвидеть не могли считается недействительным[1].

Сурьяш Кумар в своём исследовании выделяет следующие основания фрустарции, которые в целом перекликаются с английской практикой:

- гибель предмета договора;
- возникновение обстоятельств препятствующих исполнению (например, неисправность транспортного средства);
- ненаступление предполагаемого события (как в случае с коронацией Эдуарда VII);
- смерть или признание лица недееспособным;
- вмешательство органов власти (будь то национализация или законодательный акт, делающий исполнение невозможным);
- военные события [3].

Таким образом в индийском праве устанавливается гибридная модель фрустрации, опирающаяся как на закон, так и на прецедент.

В Соединённых Штатах Америки гораздо более сложная ситуация связанная с применением фрустрации на практике. Как указывает Брисов Ю.В. США также является представителем системы прецедентного права, как и Великобритания, и соответственно также применяется доктрина фрустрации, однако с некоторой спецификой. Связано это прежде всего с тем, что Соединённые Штаты по форме государственного устройства являются федерацией и у субъектов гораздо больше самостоятельности, то есть они обладают значительной степенью суверенитета при осуществлении своих функции на уровне каждого отдельного штата. Данная особенность выражается в том числе и в регулировании частноправовых отношений. То есть «договорное право в США – это совокупность правоприменительной практики, выработанной в каждом отдельном штате» [4].

В своей работе Брисов Ю.В. акцентирует внимание на штате Нью-Йорк, поскольку, по его словам, суды данного штата максимально «скупо» толкуют положения о невозможности исполнения обязательств. Связано это прежде всего с тем, что Нью-Йоркским судам близка концепция абсолютного договора, о которой мы упоминали ранее. Иными словами, суд штата будет подтверждать невозможность исполнения в том случае, если форс-мажорная оговорка непосредственно будет присутствовать в самом договоре [4]. При этом автор указывает, что несмотря на наличие положения о форс-мажоре, куда входит в том числе и эпидемии, пандемии и иные подобные массовые явления, данные обстоятельства не освободят стороны от исполнения контракта. Суд также может потребовать, чтобы соответствующий пункт в положении о форс мажоре подтверждался

[1] The Indian Contract Act 1872 // Official site of Legislative Department of India [Электронный ресурс]. URL: https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1872-09.pdf (дата обращения: 20.11.2022).

соответствующим актом правительства (например, введение военного положения или ограничение оборота древесины, как это было в деле Denny, Mott & Dickson Ltd v. James B Fraser & Co Ltd [1944] AC 265). Более того, сторона, ссылающаяся на фрустрацию должна доказать, что обстоятельства, на которые она ссылается являлись непредвиденными, а также обосновать затруднительность исполнения обязательства.

В штате Техас практика толкования и применения форс-мажора несколько отличается. Также как и в штате Нью-Йорк суды будут проверять наличие форс-мажорной оговорки в самом контракта. Однако, если наличие конкретной возможной ситуации не будет выявлено в договоре, суды апеллируют к канонам толкования договора, а также уделяют особое внимание общим фразам таким, как «иные другие события» или «иные сходные события» [5]. При этом в штате Нью-Йорк суды толкуют общие формулировки не широко, а достаточно узко, руководствуясь правилом «ejusdem generis», что вновь ограничивает возможность стороны констатировать фрустрацию контракта [4].

Таким образом на основании изложенного можем прийти к выводу, что механизм определения обстоятельств, препятствующих исполнению обязательств в общем праве крайне развит. Связано это со, сложившейся в течении долгих лет правоприменения, практикой, которая актуальна до сих пор.

Также стоит отметить, что институт фрустрации крайне гибок к различным вызовам современности от войн до различных эпидемий и пандемий, поскольку позволяет судам, как правоприменителям, самостоятельно сформировать, обосновать и закрепить систему определения форс-мажорных обстоятельств применительно к каждому конкретному случаю, без ожидания от соответствующего органа законодательной или исполнительной власти нормативного акта с разъяснениями или инструкциями.

Библиографический список

1. The Coronation Cases - Frustration of Contract // LawTeacher.net [Электронный ресурс] URL: https://www.lawteacher.net/example-essays/contract-frustrations-krell.php?vref=1 (дата обращения: 27.10.2022).

2. Ndubuisi Augustine Nwafor, Comparative and Critical Analysis of the Doctrine of Exemption/Frustration/Force Majeure under the United Nations Convention on the Contract for International Sale of Goods, English Law and UNIDROIT Principles. University of Stirling, 2015.

3. Suryash Kumar, Doctrine of Frustration: Facts you need to know about, 26.09.2019 [Электронный ресурс] URL: https://blog.ipleaders.in/doctrine-of-frustration-2/#Frustrating_Events (дата обращения: 27.10.2022).

4. Брисов Ю.В. Форс-мажор в решениях английских и американских судов. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/4/5/fors-mazhor_ v_resheniyah_anglijskih_i_amerikanskih_sudov (дата обращения: 27.10.2022).

5. What to know about force majeure clauses in light of covid-19 and how you can plan now // Roston Rayzor [Электронный ресурс] URL: https://www.roystonlaw.com/newsroom-news-80 (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 347.773.3

СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЧАСТНОПРАВОВЫХ НАЧАЛ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ

Тангаева Ольга Андреевна
студентка Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
olya.tangaeva@mail.ru
Научный руководитель:
Федулина Екатерина Валерьевна
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н,
г. Уфа, Россия

В статье автор раскрывает вопрос соотношения публично-правовых и частноправовых начал в правовом регулировании промышленных образцов на основании анализа положений Гражданского кодекса Российской Федерации. В результате рассмотрения поставленного вопроса автор приходит к выводу о том, что в правовом регулировании промышленных образцов присутствуют и публично-правовые, и частноправовые начала. Публично-правовые началапроявляются в нормах, связанных с защитой прав на промышленные образцы, с регистрацией таких прав. В свою очередь частноправовой характер имеют нормы, связанные с регулированием договорных отношений по поводу промышленных образцов. При этом частноправовые начала в данной сфере правового регулирования преобладают над публично-правовыми.

Ключевые слова: публичное право; частное право; промышленные образцы; интеллектуальная собственность; правовое регулирование; патентное право.

Одним из важнейших институтов права интеллектуальной собственности является институт патентного права, который, в частности, включаетв себясубинститутправового регулирования промышленных образцов.

Правовое регулирование промышленных образцовохватывает не только частноправовые начала (несомненно, преобладающие), но и начала публично-правовые. Рассмотрим их детальнее.

Критерием разграничения права на частное и публичное, как правило, выступает метод правового регулирования общественных отношений [1, с. 15]. Так, для публичного права характерным является метод централизации (система субординации), а для частного права – метод децентрализации (система координации).

Исходя из указанного, следует отметить, что публично-правовые началав правовом регулированиипромышленных образцов наиболее ярко выраженыв

статьях1225, 1246, 1249 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1].

Так,в статье 1246 ГК РФ установлено, что Роспатент утверждает формы документов, являющихся основанием для осуществления государственной регистрации промышленных образцов, устанавливает правила составления, подачи, рассмотрениятаких документов, издает другие нормативные правовые акты в случаях, предусмотренных ГК РФ.

За совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на промышленный образец, а также с государственной регистрацией перехода прав на такой промышленный образец к другим лицам, залога этих прав и т.п., взимаются патентные и иные пошлины. Причем, размеры, порядок и сроки уплаты таких пошлин устанавливаются Правительством РФ (ст. 1249 ГК РФ)

В данном случае можно констатировать, что отношения, связанные с осуществлением юридически значимых действий порегистрации прав на промышленные образцы, регулируются «велениями, исходящими от одного единственного центра, каковым является государственная власть» [2, с. 41] (в указанном случае в лице Роспатента или Правительства РФ). Только от нее, от государственной власти, могут исходить распоряжения, определяющие положение отдельного человека в данной сфере отношений, поскольку она связана с существующим в государстве правопорядком, направлена на стабилизацию правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, а также с защитой интересов неограниченного круга лиц. Это положение не может быть изменено частной волей отдельных субъектов, что вполне логично. Так, например, юридические лица соглашением не могут изменить формы документов, являющихся основанием для осуществления государственной регистрации промышленных образцов, обязательных для применения в силу вышеназванной статьи.

Аналогичным образом проявляются публично-правовые начала в статье 1225 ГК РФ, согласно которой промышленные образцы являются интеллектуальной собственностью, т.е. результатами интеллектуальной деятельности, которым предоставляется правовая охрана.

Таким образом, определение того, к чему относятся промышленные образцы, на основании чего им предоставляется правовая охрана, дается государственной(в данном случае законодательной) властью и не может быть изменено частными лицами. Так, например, никакое лицо не может издать приказ, согласно которому права на промышленные образцы перестают охраняться законом.

Нормы рассмотренных статей ГК РФ указывают лицу его права, обязанности по отношению к целому государству, к другим лицам. Такие нормы имеют безусловный, принудительный характер; предоставляемые права имеют характер обязанностей: они должны быть осуществлены, т.к. их неосуществление явится неисполнением сопряженных обязанностей [2, с. 41].

---

[1] Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ(с посл. изм. и доп. от 07 октября 2022 г. № 386-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.10.2022).

Следует особо отметить, что на публично-правовыхначалах в правовом регулировании промышленных образцов основаны преимущественно нормы, которые связаны с регистрацией прав на промышленные образцы.

Нельзя не упомянуть, что публично-правовые начала также проявляются в части, касающейся защиты прав на промышленные образцы. Так, рассмотрев отчеты о работе Суда по интеллектуальным правам в первой инстанции за первое полугодие 2022 г.[1],2021 г.[2], можно сделать вывод о том, что судом в каждый из указанных периодов рассмотрено больше экономических споровиз других дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, чем дел, возникающих из гражданских правоотношений. Это предопределяется очевидным присутствием публично-правовых начал в правовом регулировании промышленных образцов, защите прав на них.

Таким образом, публично-правовые начала в правовом регулировании промышленных образцов проявляются там, где участие в регулировании государственной власти обязательно, поскольку необходимо для защиты существующего порядка.

Между тем, иногда для наиболее эффективного осуществления правового регулирования промышленных образцов роль государственной власти должна быть сведена к необходимому минимуму, в то время как приоритет должен быть отдан именно частноправовым началам.

Так, частноправовые начала в правовом регулировании промышленных образцов наиболее ярко выраженыв статьях 1348, 1372 ГК РФ.

Статьей 1372 ГК РФ устанавливается, что договором о создании промышленного образца, может быть предусмотрено, какой стороне принадлежит право на получение патента и исключительное право на промышленный образец, созданный по такому договору.

В данном случае отношения, связанные с договором о создании промышленного образца, регулируются не государством, а «множеством иных самоопределяющихся маленьких центров, мыслящихся как некоторые самостоятельные социальные единицы», как субъекты прав [2, с. 42] (в указанном случае сторонами договора о создании промышленного образца).

Аналогичным образом проявляются частноправовые начала встатье 1348 ГК РФ, согласно которой соавторы промышленного образца вправе определить порядок его использования по соглашению.

Таким образом, отношения, связанные с договорами между соавторами промышленного образца, регулируются, прежде всего, сторонами данных договоров, а не государством.

Отметим, что на частноправовыхначалах в правовом регулирования промышленных образцов основаны преимущественно нормы, которые так или

---

[1]Отчет о работе Суда по интеллектуальным правам (первая инстанция) за 1 полугодие 2022 г.// Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам РФ [Электронный ресурс]. URL:https://ipc.arbitr.ru/files/pdf/FirstInst_2022_1.pdf (дата обращения: 20.10.2022).

[2]Отчет о работе Суда по интеллектуальным правам (первая инстанция) за 2021 г.// Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам РФ [Электронный ресурс]. URL:https://ipc.arbitr.ru/files/pdf/FirstInst_2021.pdf (дата обращения: 20.10.2022).

иначе связаны с регулированием договорных отношений, связанных с промышленными образцами или по поводу них.

Указанные примеры демонстрируют «границу» между публичным и частным правом в правовом регулировании промышленных образцов (в примерах одни нормы основаны исключительно на публично-правовых началах, другие – на частноправовых).

Между тем, в субинституте правового регулирования промышленных образцов есть нормы, показывающие, как публично-правые начала сосуществуют вместе с частноправовыми.

Такие нормы имеют изначально преимущественно частноправовой характер, поскольку в них государство не определяет отношений от себя и принудительно, а занимает позицию органа, охраняющего то, что будет определено другими. Если же оно дает свои определения, то, по общему правилу лишь на случай, если частные лица почему-то своих определений не сделают, следовательно, –в восполнение чего-либо недостающего [2, с. 43].

Так, статьей 1246 ГК РФ указывается, что в случае, если размер, условия и порядок выплаты вознаграждения за служебный промышленный образец не установлены работодателем и работником по соглашению, установить ставки, порядок и сроки выплаты вознаграждения за такие промышленные образцы вправе Правительство РФ.

Нормастатьи 1246 ГК РФ имеет не принудительный, а лишь субсидиарный, восполнительный характер и может быть отмененаили замененачастными определениями. Вследствие этого «гражданские права суть только права, а не обязанности: субъект, которому они принадлежат, волен ими пользоваться, но волен и не пользоваться»; неосуществление права не составляет никакого правонарушения [2, с. 43].

Таким образом, субинститут правового регулирования промышленных образцов все же в большей степени «относится к сфере частного права, так как регулирует права частных лиц» [3, с. 5]. Нормы, регулирующие права частных лиц, предоставляют таким отдельным лицам в рассматриваемом случае широкие возможности саморегулирования в сфере прав на промышленные образцы, что видно из положений ГК РФ.

Кроме того, частноправовые начала в правовом регулировании промышленных образцов позволяют защитить сферу интересов граждан от произвольного вмешательства со стороны государства, что является основополагающим принципом при регулировании гражданских прав.

На основаниииизложенного, в нормах, регулирующих права на промышленные образцы, публично-правовые начала не могут преобладать; не преобладают, и в том числе на основании анализа положений действующего гражданского законодательства.

Таким образом, публично-правовые и частноправовыеначала в правовом регулировании промышленных образцов равно присутствуют и как сосуществуют в одних нормах, так и четко разграничиваются в других. Причем, публично-правовой характер имеют преимущественно нормы, которые связаны с защитой прав на промышленные образцы и с регистрацией таких прав; с такими

сферами, где роль государственной власти велика, а частноправовой (несомненно, преобладающий) – связанные с регулированием договорных отношенийпо поводу промышленных образцов; со сферами, где большую роль играет воля частных лиц.

Библиографический список

1. Борисова Л.В. Об основаниях (критериях) деления права на частное и публичное // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». 2013. № 1.

2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2020. 4143 с.

3. Савина В.С. Публично-правовые ограничения и запреты в праве интеллектуальной собственности // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 2. С. 5–20.

УДК 347.424

УСТАНОВЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ФОРС-МАЖОРА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ДАННОГО ИНСТИТУТА

Тимофеева Карина Сергеевна
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
karina_timofeeva2000@mail.ru
Научный руководитель:
Гимадрисламова Олеся Рамильевна
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.,
г. Уфа, Россия

В данной работе автором рассматривается определение обстоятельства непреодолимой силы, ее наиболее значимые критерии, которые закрепляются нормативными правовыми актами и которые определяются как необходимые условия для установления факта наличия форс-мажорного обстоятельства. Наиболее подробно исследуется каждый из выделяемых критериев, его содержание, а также особенности практики его применения. Особое внимание уделяется исследованию необходимости установления судом критериев непреодолимой силы в условиях наличия договорного регулирования.

Ключевые слова: обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажор, предпринимательская деятельность, риск, ответственность, освобождение от ответственности, чрезвычайность, непредвиденность.

Предпринимательская деятельность, как отдельный вид общественных отношений, характеризуется наличием фактора риска. Исходя из сказанного,

следует, что субъект предпринимательских правоотношений принимает на себя не только бремя надлежащего исполнения обязательства, но и бремя наступления негативных обстоятельств, которые могут возникнуть в связи с осуществлением такой деятельности. Смягчить такое положение дел, по нашему мнению, призван институт форс-мажора, который предусматривает возможность освобождения лица от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

Институт форс-мажора или непреодолимой силы предусмотрен российским законодательством. Так, статья 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) регламентирует, что лицо, реализующее предпринимательскую деятельность, может быть освобождено от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, если такое положение дел является следствием действия непреодолимой силы[1]. Соответственно, наличие обстоятельства непреодолимой силы является основанием для освобождения от ответственности [1, с. 159].

В то же время указанная статья исключает ряд обстоятельств, которые не могут быть признаны форс-мажором. К ним относятся такие события, как отсутствие необходимых предметов на рынке, отсутствие денежных средств, необходимых для исполнения обязательства.

Говоря о форс-мажоре, необходимо учитывать, что российское законодательство закрепляет ряд критериев, которым должно соответствовать обстоятельство, чтобы оно было признано в качестве непреодолимой силы. К таким критериям статья 401 ГК РФ относит:

- чрезвычайный характер обстоятельства;
- непредотвратимый характер обстоятельства.

Чрезвычайный характер обстоятельства, которое квалифицируется как форс-мажор, предполагает, что оно носит свойство исключительности в конкретных условиях. Иными словами, наступившее событие не является привычным для конкретных условий [2, с. 61].

Если же рассуждать о критерии непредотвратимости, то следует отметить, что данное свойство предполагает, что для любого участника гражданского оборота представляется невозможным избежать не только наступления форс-мажорного обстоятельства, но и наступления его негативных последствий. Таким образом, свойство непредотвратимости должно быть применимым для любого субъекта предпринимательской деятельности [3, с. 376].

Интересной является позиция Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), который в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» раскрывает вышеперечисленные критерии. При этом ВС РФ дополнительно

[1] Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 года № 20-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&ysclid=lav0ddiqd4308405232 (дата обращения: 20.11.2022).

указывает, что наступление форс-мажорного обстоятельства не должно быть следствием воли участника правоотношения: оно должно быть независимым от нее. Соответственно, ВС РФ выделяет еще один дополнительный критерий форс-мажора: объективный характер обстоятельства[1].

Российское законодательство не содержит исчерпывающего перечня обстоятельств непреодолимой силы. Примерный круг таких обстоятельств очерчивает Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23.12.2015 г. № 173-14). Указанный документ регламентирует, что форс-мажорными обстоятельствами можно назвать:

- бедствия стихийного характера (например, землетрясения, ураганы, наводнения);
- пожары;
- обстоятельства массовых заболеваний (эпидемии);
- меры государств запретительного характера;
- забастовки и военные действия и так далее[2].

Важно отметить, что и этот перечень является открытым и содержит лишь некоторые обстоятельства, которые рассматриваются как форс-мажор. Такое положение дел, при котором законодательство дает свободу, в частности, и договорной практике, определило специфику последней.

Одной из наиболее распространенных тенденций нынешней договорной практики является включение в текст договора специального условия, которое четко очерчивает круг обстоятельств, которые для сторон признаются форс-мажорными [4, с. 136]. В связи с этим возникает вполне логичный практический вопрос: должен ли суд устанавливать соответствие возникшего форс-мажорного обстоятельства критериям чрезвычайности, непредотвратимости и объективности, если возник спор между сторонами по этому поводу? Современная судебная практика характеризуется наличием противоположных точек зрения и по этой причине не дает четкого ответа на сформулированный вопрос.

Часть судов признают наличие форс-мажорного обстоятельства в силу его соответствия условиям договора без проверки наличия необходимых критериев. Одним из примеров такого судебного акта является Решение Арбитражного суда Иркутской области от 14 июля 2020 года по делу № А19-26898/2019. Суд указывает, что сторонами был оговорен перечень обстоятельств, которые могут освобождать их от ответственности (форс-мажорные обстоятельства). По этой

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (в ред. от 7 февраля 2017 г. № 6, от 22 июня 2021 г. № 18) // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8478/?ysclid=lav0mqhaz092243478 (дата обращения: 20.11.2022).

[2] Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к Постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23 декабря 2015 года № 173-14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

причине суд установил действие непреодолимой силы по причине ее соответствия оговоренному сторонами перечню[1].

Аналогичные выводы содержит и Решение Арбитражного суда Курской области от 2 августа 2021 года по делу № А35-3028/2021: суд акцентирует внимание на том, что сторонами в договор было включено условие об обстоятельствах непреодолимой силы с указанием открытого перечня таких обстоятельств. Одним из перечисленных обстоятельств было запрещение властей. Разрешая спор, суд указал, что возникшее обстоятельство может быть признано форс-мажором в силу наличия договорного условия, однако сторона не представила достаточных доказательств[2].

Анализируя противоположную точку зрения некоторых судов, можно обнаружить судебные акты, которые опираются в своей аргументации на обязательное соответствие форс-мажорного обстоятельства установленным законом критериям. Иными словами, даже если стороны установили в индивидуальном порядке перечень обстоятельств, признающихся непреодолимой силой, суды анализируют их чрезвычайность и непредотвратимость [5, с. 125].

Ярким примером такой позиции судов является Решение Арбитражного суда Приморского края от 23 июня 2021 года по делу А51-16327/2020. Суд констатирует, что стороны действительно установили в договоре перечень обстоятельств непреодолимой силы, однако произошедшее событие нельзя назвать форс-мажорным, поскольку оно не отвечает критериям чрезвычайности и непредотвратимости. Таким образом, суд не освобождает сторону от ответственности в силу указанной причины[3].

Аналогичным образом акцентируется внимание на критериях чрезвычайности и непредотвратимости в Решении Арбитражного суда Воронежской области от 24 февраля 2021 года по делу № А14-18942/2020. Суд отмечает, что ответчиком, который требует освобождения от ответственности в силу действия непреодолимой силы, должна быть доказана чрезвычайность и непредотвратимость такого обстоятельства[4].

---

[1] Решение Арбитражного суда Иркутской области от 14 июля 2020 года по делу № А19-26898/2019 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Djcs1zwRJ5m5/?ysclid=lav1221h4w22994907 (дата обращения: 20.11.2022).

[2]Решение Арбитражного суда Курской области от 2 августа 2021 года по делу № А35-3028/2021 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/F0xG6MpmuZWP/?ysclid=lav16msh5r606493644 (дата обращения: 20.11.2022).

[3] Решение Арбитражного суда Приморского края от 23 июня 2021 года по делу А51-16327/2020// База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2wQAmuerkhlu/?ysclid=lav1923ulf575153146 (дата обращения: 19.11.2022).

[4] Решение Арбитражного суда Воронежской области от 24 февраля 2021 года по делу № А14-18942/2020 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/I1XSO7ULkaZY/?ysclid=lav1bebovi435524162 (дата обращения: 18.11.2022).

Соответственно, изучение судебной практики не дает ответа на поставленный проблемный вопрос. Тем не менее, по мнению автора, такое положение дел ведет к неопределенности в вопросе доказуемости обстоятельств непреодолимой силы. Видится более правильным все же установление критериев чрезвычайности и непредотвратимости, а также объективности, даже при наличии договорного регулирования данного аспекта. Такая позиция подтверждается тем, что соблюдение указанных критериев позволяет сохранить специфику и сущность института форс-мажора, которые будут утрачены при формальном подходе при доказывании наличия действия непреодолимой силы: необходимо соблюсти баланс договорного регулирования и законодательного, который позволит не только расширить практику применения рассматриваемого института, но и сформирует его корректное применение.

Библиографический список

1. Ковалев В.А. Феномен непреодолимой силы: понятие, признаки, актуальность темы в текущей социально-экономической ситуации // Молодой ученый. 2020. № 13. С. 159-160.

2.Осташенко А.С. Обстоятельства непреодолимой силы // Вестник науки и образования. 2018. № 8 (44). С. 60-63.

3. Тюрин К.С. Понятие форс-мажора в российском праве. Разъяснения Верховного Суда РФ // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 375-377.

4. Нажмутдинова П.М. Проблемы неопределенности обстоятельств непреодолимой силы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4. С. 134-139.

5. Сластина М.А. Пандемия как обстоятельство непреодолимой силы // Молодой ученый. 2021. № 2 (344). С. 124-126.

УДК 340

ПРОБЛЕМА ПАТОЛОГИЧЕСКИХ АРБИТРАЖНЫХ ОГОВОРОК

Усманова Ольга Анатольевна
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
pola3@yandex.ru
Научный руководитель:
Гимадрисламова Олеся Рамильевна
доцент кафедры гражданского права Института
права УУНиТ, к.ю.н.
г.Уфа, Россия

Одним из актуальных вопросов международного частного права современного этапа является развитие международного коммерческого арбитража, как

альтернативы разбирательства спора в государственных судах. Данный институт имеет ряд преимуществ, а именно конфиденциальность, быстрота, высокая квалификация арбитров, что позволяет достаточно эффективно разрешать сложные споры, вытекающие из обязательств по трансграничным договорам.

Наиболее важной проблемой международного коммерческого арбитража является действительность арбитражного соглашения, которым стороны урегулировали передачу рассмотрения споров в международный коммерческий арбитраж. В связи с тем, что развитие международного коммерческого арбитража набирает обороты, международные соглашения в данной области провозгласили проарбитражный подход, то есть всемерную поддержку данного способа разрешения споров. Это выражается в том, что нормативно-правовое регулирование вопросов действительности арбитражного соглашения идет по пути сокращения причин считать то или иное арбитражное соглашение недействительным.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; действительность арбитражного соглашения; проарбитражный подход.

Основным международным соглашением, регулирующим вопросы передачи споров в международный коммерческий арбитраж, является Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958)[1]. Так статьей 3 данной Конвенции предусмотрено, что суд Договаривающегося Государства, если к нему поступает иск по вопросу, по которому стороны заключили соглашение, предусмотренное настоящей статьей, должен по просьбе одной из сторон, направить стороны в арбитраж, если не найдет, что упомянутое соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено.

Та же норма указана в статье 8 Закона Российской Федерации «О коммерческом арбитраже»[2]. Таким образом, законом предусмотрено, что арбитражное соглашение может быть недействительным, может утратить силу или может быть неисполнимым.

Недействительным считается арбитражное соглашение, которое с самого начала не имело юридической силы, при нарушение правил о форме соглашения, когда предмет спора является неарбитрабильным, когда сторона в соглашении не обладает правоспособностью для заключения арбитражного соглашения, а также когда имеется порок воли.

Утрачивает силу арбитражное соглашение, когда его действие прекратилось, по соглашению сторон, посредством прекращения, аннулирования. Арбитражное соглашение считается утратившим силу, когда имеется принятое судом

---

[1]Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958) [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/sites/ uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf/(дата обращения 24.11.2022);

[2]Закон Российской Федерации №5338-I от 07.07.1993 “О международном коммерческом арбитраже” (с изменениями и дополнениями)// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 24.11.2022);

или иным составом арбитража решение по тому же спору между теми же участниками, либо когда стороны своими действиями отказались от права рассмотреть спор в порядке третейского разбирательства путем обращения в государственный суд [1].

Неисполнимым может считаться арбитражное соглашение, которое принято называть «патологическим», которое имеет слишком неясную формулировку, не позволяющую осуществить его на практике, то есть практическое осуществление его является проблематичным.

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы патологических арбитражных оговорок (соглашений) более подробно, с учетом российской судебной практики.

Патологическим обычно понимается соглашение, имеющее слишком нечеткую, туманную формулировку, которая не позволяет установить истинные намерения сторон в отношении арбитражного механизма разрешения спора, так же если оно составлено с ошибками, противоречиями, влияющими на возможность прямой и очевидной оценки его содержания.

Патологическое или неверно истолкованное третейским судом арбитражное соглашение, лежащее в основе решения арбитража, может явиться причиной отказа в признании и исполнении арбитражного решения.

В статье 7 Закона «О международном коммерческом арбитраже» указано: «При толковании арбитражного соглашения любые сомнения должны толковаться в пользу его действительности и исполнимости», что отражает проарбитражный подход к толкованию арбитражных соглашений.

Между тем отмечается, что российские суды нередко подходят к вопросу действительности арбитражного соглашения буквально, с формальной стороны. Такой подход связан с тем, что российские суды смотрят на арбитражное соглашение с учетом требований защиты публичного порядка, так как право на судебную защиту относится к одной из основ публичного порядка России. Таким образом, российские суды обеспечивают стабильность и предсказуемость в правоприменении.

Российские государственные суды должны определить, связаны ли стороны действительным и исполнимым арбитражным соглашением, когда испрашивается принудительное исполнение арбитражного решения или когда сторона обратилась с иском в государственный суд и он проверяет свои правомочия по заявлению стороны, требующей передать дело на рассмотрение арбитража.

Российская судебная практика показывает, что суды достаточно консервативны и требуют, что бы в вопросах компетенции арбитража не было сомнений, иначе вынесенные арбитражные решения могут быть отменены и иск будет заново направлен на рассмотрение в государственный суд, что ведет к неэффективности судебной системы. Суды обычно применяют правила статьи 431

Гражданского кодекса Российской Федерации[1] для толкования арбитражных соглашений.

Статья 431 ГК РФ гласит: «При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом».

Правило о буквальном толковании арбитражного соглашения означает, что такое соглашение должно определенно и ясно указывать на избранный сторонами арбитраж. Суд, скорее всего, не станет выяснять действительную общую волю сторон. Буквальное толкование арбитражного соглашения должно давать четкий ответ, чтобы не возникало несколько вариантов его понимания.

Российские суды создали чрезвычайно жесткое правило толкования арбитражных соглашений, предусматривающее необходимость включения в арбитражное соглашение указания на выбор «конкретного арбитража» или «учреждения», компетентного рассматривать спор. Российский суд может не принять за исполнимую арбитражную оговорку, указывающую только лишь на применимый арбитражный регламент. Сторонам необходимо указать: «Спор будет рассмотрен (тремя) арбитрами, действующими по регламенту (наименование избранного арбитражного регламента), разбирательство будет администрироваться (наименование арбитражного института)».

На практике суды толкуют арбитражные соглашения и решают вопрос о его исполнимости с учетом, следующих вопросов: обеспечение доступа к правосудию, необременительность для сторон, легкая исполнимость, соразмерность расходов на арбитраж сумме спора. Российские суды в таких случаях как бы берут на себя ответственность за доступ к правосудию для сторон, делают все, чтобы спор разрешился максимально справедливо и быстро.

Приведем пример из судебной практики. В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 25 апреля 2018 г. по делу № А40-176466/176, которое касалось исполнения в России решения арбитража, действующего по регламенту Международной торговой палаты, по заявлению компании из Люксембурга, было сказано: «Суд пришел к выводу об отсутствии у Международного арбитражного суда при Международной торговой палате компетенции на рассмотрение спора. Пунктом 15.3 приложения №3 к договору предусмотрено, что любой не урегулированный мирным путем спор должен быть окончательно урегулирован в международном арбитраже. Если иное не согласовано сторонами, то спор должен быть окончательно урегулирован в соответствие с Правилами арбитража Международной торговой палаты. Суд первой инстанции пришел к выводу, что из буквального толкования условий договора не следует, что стороны определили конкретное учреждение, которое будет рассматривать спор...»[2].

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации Часть 1 от 30.11.94 №51-ФЗ №457-ФЗ//Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 24.11.2022);

[2]Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 апреля 2018 г. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Hp5URL:GNpOjJ86w/(дата обращения 24.11.2022);

Таким образом, российский суд пришел к выводу, что арбитражное соглашение не предусматривало конкретное учреждение, которое должно было рассматривать спор.

Приведем еще пример. Согласно Постановлению Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 июня 2010 г. по делу № А45-13290/2009: « …Пунктом 10.2 контракта стороны определили, что споры, вытекающие из контракта, подлежат разрешению в Международном арбитражном суде при Торгово-промышленной палате РК г. Астана. Судебные инстанции, выяснив из совокупности изученных обстоятельств, что Международный арбитражный суд при Торговопромышленной палате в г. Астана отсутствует, дав толкование данному пункту контракта в соответствии с положениями статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации, пришли к правильному выводу о том, что условие пункта 10.2 контракта не может считаться заключенным соглашением о передаче спора в международный арбитражный суд...»[1].

Таким образом, все судебные инстанции сделали вывод о том, что неправильное указание арбитражного учреждения, делает арбитражное соглашение неисполнимым, с передачей спора в государственный суд.

Другим примером неисполнимости арбитражного соглашения может послужить дело № 195/2000, рассмотренное в МКАС при ТПП РФ. Арбитражным соглашением предусматривалось рассмотрение спора МКАС при ТПП РФ в составе трех арбитров в соответствии с Арбитражным регламентом Международной торговой палаты. После завершения формирования состава арбитража по Регламенту МКАС при ТПП РФ ответчик выдвинул возражения против компетенции этого состава арбитража по разрешению данного спора, так как процедура разбирательства по Регламенту МКАС при ТПП РФ не совпадает с процедурой разбирательства по Арбитражному регламенту МТП. Арбитры согласились с этими доводами и в соответствии с положениями Регламента МКАС при ТПП РФ вынесли 8 апреля 2002 г. постановление об отсутствии у них компетенции по рассмотрению данного спора.

Таким образом, неточность формулировки арбитражного соглашения сделала соглашение неисполнимым, поскольку МКАС при ТПП РФ и Международный Арбитражный Суд при Международной торговой палате являются самостоятельными институциональными арбитражами и не могут рассматривать дела по регламентам друг друга.

Следует также сказать, что недостаточно четкая ссылка на институциональный арбитраж, которому стороны доверяют рассмотрение спора, далеко не всегда является основанием для признания арбитражного соглашения неисполнимым. В подобном случае роль играет не только текст самой арбитражной оговорки, но и действия сторон, последовавшие после возникновения спора.

Например, в опубликованном прецеденте из практики российских судов общей юрисдикции в тексте договора содержалась арбитражная оговорка, в

[1]Постановлению ФАС Западно-Сибирского округа от 4 июня 2010 г. Электронное правосудие [Электронный ресурс]. URL:https://kad.arbitr.ru/Card/eeaf1590-7dfb-476e-9bf7-623b67320eb (дата обращения 24.11.2022);

соответствии с которой споры должны были быть рассмотрены в «арбитражной комиссии г. Москвы». Поскольку такого органа не существует, имелись все предпосылки для рассмотрения спора по существу в государственном суде, но истец направил иск в МАК при ТПП РФ, а ответчик в своих возражениях против иска не выдвинул аргумента об отсутствии у МАК при ТПП РФ юрисдикции по рассмотрению данного спора. Таким образом, было достигнуто закрепление арбитражного соглашения в форме обмена исковым заявлением и отзывом на иск, в которых истец утверждает о наличии арбитражного соглашения, а ответчик против этого не возражает в соответствии с п. 5 ст. 7 Закона «О международном коммерческом арбитраже».

В зарубежных судах сложилась весьма устойчивая практика, в соответствии с которой признаются исполнимыми и действительными даже сверхкороткие арбитражные оговорки типа: «Арбитраж: если потребуется – в Нью-Йорке». В таких случаях государственные суды интерпретируют не только сам текст арбитражной оговорки, включенной в контракт, но и намерения сторон и обычаи делового оборота, причем делают это всегда с «проарбитражных» позиций, стремясь направить стороны в арбитраж.

Тем не менее, для минимизации судебных расходов, чтобы длительно не выяснять подведомственность того или иного спора, провести спор и исполнить арбитражное решение наиболее быстро и эффективно, необходимо использование в договорах стандартных арбитражных оговорок, фигурирующих в соответствующих арбитражных регламентах.

Согласно пункта 5 части 1 статьи 148 Арбитражного процессуального кодекса[1] государственный суд оставляет исковое заявление без рассмотрения если имеется действительное соглашение сторон о рассмотрении данного спора третейским судом.

Примером может послужить дело, в котором конкурсный управляющий общества с ограниченной ответственностью «Некст» обратился в арбитражный суд с исковым заявлением к ООО «Инженерно-промышленная компания «LAS-1»« о взыскании задолженности. От ответчика в государственный арбитражный суд поступило заявление об оставлении иска конкурсного управляющего ООО «Некст» без рассмотрения на основании пункта 5 части 1 статьи 148 АПК РФ, поскольку в договоре имеется соглашение сторон о рассмотрении данного спора третейским судом – МКАС при ТПП РФ. На это истец возразил, что исковое заявление конкурсного управляющего, направленное в МКАС при ТПП РФ, было возвращено для переоформления, так как было подано без соблюдения требований, предусмотренных Регламентом Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, в том числе без уплаты регистрационного сбора, ходатайство об отсрочке его уплаты Секретариатом МКАС при ТПП РФ принято не было.

---

[1]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. От 07.10.2022) //Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. http://www.consultant.ru/ (дата обращения 24.11.2022);

По мнению ООО «Некст», в сложившейся ситуации обращение в третейский суд не может быть осуществлено из-за отсутствия денежных средств на уплату арбитражного сбора, и поэтому арбитражное соглашение стало неисполнимым.

Судьи Федерального арбитражного суда Московского округа с позицией истца не согласились по следующим причинам: «Возвращение из МКАС при ТПП РФ искового заявления ООО «Некст» для переоформления не препятствует повторному обращению в третейский суд и не подтверждает, что третейское соглашение утратило силу или не может быть исполнено».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что механизмы международного коммерческого арбитража идут по пути развития, российские суды демонстрируют достаточно взвешенную позицию в вопросах определения действительности арбитражных соглашений. Верховный суд РФ неоднократно указывал, что все сомнения в исполнимости арбитражного соглашения должны толковаться в пользу его действительности и исполнимости.

При этом определенная строгость в вопросах подведомственности споров, может оказаться важным средством защиты слабой стороны правоотношения. Дефектное арбитражное соглашение само по себе порождает большие сложности в ходе процесса. И в арбитраже, и в компетентных государственных судах стороны сталкиваются с необходимостью долгого и дорогого обсуждения вопроса о том, связаны ли стороны арбитражным соглашением. Сложность разбирательства по такой процессуальной проблеме может оказаться сопоставимой со сложностью спора по «основному» материальному вопросу, который заставил сторону пойти в суд или в арбитраж, или даже превосходить его. Понятно, что в лучшем положении в такой ситуации находится сторона, которая может с большей легкостью позволить себе нести такие издержки. Именно такая сильная сторона может быть заинтересована в намеренном заключении неясного или противоречивого арбитражного соглашения.

Библиографический список

1. Действительность арбитражных соглашений по праву России и зарубежных стран/Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук [Электронный ресурс] URL://http://www.mgimo.ru/upload/diss/2018/Kolomiets_avtoreferat.pdf (дата обращения 15.11.2022).

2. Международный коммерческий арбитраж / Б.Р. Карабельников. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 576 с.

3. Толкование арбитражных соглашений в праве России/А.И. Лобода//Третейский суд. 2019. №1-2. с.152-174.

УДК 349.412

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ИМУЩЕСТВА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В КОТТЕДЖНЫХ ПОСЕЛКАХ

Утяшева Валерия Вадимовна
Студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
Utyasheva_03@mail.ru
Научный руководитель:
Муратова Альмира Раисовна
доцент кафедры гражданского права Института права УУНиТ, к.ю.н.
г. Уфа, Россия

Актуальной задачей на современном этапе развития гражданского законодательства является выработка правовой характеристики имущества общего пользования в коттеджных поселках. Целью работы является анализ судебной практики и выявление правовых пробелов, нуждающихся в урегулировании. Исследование позволило раскрыть основные позиции высших судебных инстанций о применении правовой аналогии к данному институту, а также определить перспективы решения данного вопроса.

Ключевые слова: коттеджный поселок, общая долевая собственность, кондоминиум, земельные участки, имущество общего пользования.Последние десятилетия ознаменовалось появлением новых объектов недвижимости, в частности, имущество общего пользования в коттеджных поселках.

Еще в 2016 году Конституционный Суд Российской Федерации (далее-Конституционный Суд) обратил внимание на отсутствие специального правового регулирования положения общего имущества в коттеджных поселках[1].

Конституционный суд посвятил два постановления понятию недвижимости коттеджного поселка. И прежде всего, проблема касается не самой недвижимости, а имущества общего значения, которыми являются зоны отдыха, места общего пользования, трансформаторы. Пользование общей инфраструктурой собственников частных домов в коттеджных поселках зачастую становится затруднительным, в частности, несение расходов на содержание такого имущества, которое обеспечивает функционирование всего коттеджного поселка.

Типичной проблемой, с которой сталкиваются собственники новоприобретенных частных домов в коттеджных поселках, становится бремя несения дополнительных расходов, связанных с пользованием общим имуществом. Так, Конституционный Суд, рассматривая жалобу Т. С. Мальковой, которая получала большие счета за пользование инфраструктурой, установленной управляющей

[1]Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.11.2016 № 23-П по делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н.Н.Марасанова [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.11.2022).

компанией задолго до покупки недвижимости гражданкой, удовлетворил требования управляющей компании, аффилированной с застройщиком, которая устанавливала счета за ее услуги, несмотря на отказ Мальковой заключать договор. Конституционный Суд обязал уплатить задолженность за четыре года гражданкой, при этом он указал на ошибки применения судами положений о правовом регулировании коттеджных поселков[1], а именно на обязывании содержания общего имущества без учета рыночных цен.

Таким образом, управляющие компании взыскивают баснословные суммы за пользование инфраструктурой в одностороннем порядке с собственников домов, несмотря на отсутствие договора и без учета рыночной стоимости таких услуг. Тем самым, используя правовой пробел, управляющие компании долгое времяобогащались на данной схеме, поскольку не существует закона, который бы обязывал собственников частных домов содержать общее имущество.

В доктрине цивилисты долгое время не видели здесь никаких проблем для урегулирования [1, с.169]. На практике же многие дела решались по аналогии с пришедшим из-за рубежа с 90х годов институт кондоминиума[2]. Конструкция предусматривает, что право частников-собственников на владение непосредственного объекта собственности не ограничивалась этим, а включало также долю в праве на имущество общего пользования. То есть, при покупке земельного участка «в придачу» подразумевалась и некая доля в общей собственности. Многоквартирные дома прекрасно по этой схеме и функционируют по сей день [2].

Вместе с тем, Верховный Суд не единожды высказывал свою позицию, отметив, что многоквартирный дом и его имущество общего пользования – это не то, что имеется в виду под землями общего пользования в коттеджном поселке[3]. В качестве аргументации высшая судебная инстанция указала следующие положения.

Во-первых, многоквартирный дом изначально строился, как единая инженерно-комплексная система и, конечно, лифты, чердаки, лестничные площадки не являются самостоятельными объектами недвижимости. Поэтому фикция доли на это имущество у собственников квартир, созданная кондоминиумом, работает. В коттеджном поселке же изначально планировка была такая, что земельные участки могут и самостоятельно существовать, и быть объектами отдельных

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.2021 № 55-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С.Малковой п.3.1 [Электронный ресурс]. URL:/http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300006?index=3&rangeSize=1 (дата обращения: 09.11.2022).

[2] Решение № 2-5131/2019 2-693/2020 2-693/2020(2-5131/2019;)~М-4583/2019 М-4583/2019 от 27 мая 2020 г. по делу № 2-5131/2019 Октябрьский районный суд г. Новосибирска (Новосибирская область) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2022)

[3]Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2020 N 5-КГ20-107-К2 Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2022)

гражданско-правовых отношений. Таким образом, правовая природа в самом начале была совершено разная.

Во-вторых, будущие собственники покупают недвижимость в многоквартирном доме, в стоимость которого уже заложена обще-имущественная доля. В нашем же случае, до сих пор работает схема, что те, кто покупают земельные участки, выделяемые под коттеджное строительство, за собой регистрировали право собственности на дорогу, на зоны отдыха и иные объекты предполагаемого общего пользования, ограничивая в правах других жильцов.

Таким образом, собственники домовладений в таких поселках фактически лишены вещных прав практически на все что окружает их домовладение, (…) однако, как очевидно из тысяч судебных решений сохраняет обязанность по взносу коммунальных платежей или возврат излишне уплаченных сумм в пользу собственника «общего имущества» [3, с.141].

В уже упомянутом постановлении Суд дал судебное толкование понятия коттеджного поселка, который представляет собой «комплекс индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой», что это некий общий жилищный комплекс, объединенный общим функциональным назначением. Данное определение является единственным на данный момент. Однако, проблемы остается нерешенными: земли этого общего значения нужно содержать, а кто и в каком объеме не ясно до сих пор.

Также как и Конституционный Суд Верховный Суд обратил внимание на пробел, при этомзапретив применять положения закона о садоводстве и огородничестве, так как в таких поселках строительство коттеджей направлено на постоянное проживание[1].

Практика содержит и случаи злоупотребления правом. Некоторые граждане выкупают эти участки общего пользования и начинают ставить препятствия для иных владельцев коттеджей и земельный участков соответственно. Неслучайно, иное постановление, известное как»барвихинское дело»[2] как раз об этом, где люди вынуждены были дойти до Конституционного Суда, когда соседи выкупали земли и устанавливали запреты для прохода и проезда через эти территории или взимали плату. Суд постановил, что такие действия возможны лишь со сторон товарищества собственников жилья или иного юридического лица, которое не имеет личных интересов в установлении препятствий, а действуют лишь из необходимости обеспечения благоприятных условий проживания такого населенного пункта. А собственники индивидуальных домов, в свою очередь, не могут устанавливать препятствия (контрольно-пропускного режима при въезде в

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2020 № 5-КГ20-107-К2 от 6 октября 2020 г. № 5-КГ20-107-К2 п.2// «Бюллетень Верховного Суда РФ», №10, октябрь, 2020 (дата обращения 09.11.2022)

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.11.2016 № 23-П по делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н.Н. Марасанова [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.11.2022).

поселок), так как это вызвано личной заинтересованностью в материальной составляющей данной установки.

В практике есть множество вариантов решения споров, так как до сих пор ни в одном нормативном акте не урегулировано что находится в общей, а что в частной собственности. С одной стороны, практики предлагают применять нормы публичного права и такую общую собственность передавать муниципалитету, который в свою очередь назначает конкурс на выбор управляющей компании, которая и будет распоряжаться таким имуществом во благо всех собственников [4]. С другой стороны, вторым предложением могло стали различные подходы к регулированию: от сервитутов до особого положения.

Решением данной проблемы многие цивилисты видят в распространении модели «поэтажной собственности» применительно к коттеджным поселкам [5, с.49]. Таким образом собственники имущества получают долю в общем имуществе и содержат долю, пропорционально объему их имущества. Так как в данном случае, правовая конструкция предусматривает неразрывную связь трех аспектов: собственность на помещение (частный дом), доля в общей собственности и обязательное членство в сообществе собственников [6]. Данная «триада» способна удовлетворять истинные интересы жителей, не ограничивая их в правах.

В рамках решения проблемы Министерством строительства был подготовлен законопроект «О малоэтажных жилых комплексах, управлении общим имуществом малоэтажных жилых комплексов»[1]. О понятиях малоэтажных комплексах велись разговоры еще ранее: «Поскольку понятие «коттеджный поселок» не отражает суть данного явления с правовой точки зрения, автор предлагает ввести термин «малоэтажный жилой комплекс» [7, с. 65], однако до конкретного решения этой проблемы были предприняты меры сравнительно недавно.

В данном проекте были предложены следующие положения: признать общую долевую собственность за собственниками домов, определяемую пропорционально площади земельного участка, на котором расположен индивидуальный жилой дом, также такоеправо возникает на основе аренды земельного участка. Причем это право переходит одновременно вместе с правом собственности на земельный участок и иным имуществом. Важным аспектом является официальный запрет на ограничение проезда другими собственниками к земельным участкам: собственники имеют право на проезд к своим индивидуальным домам свободно и без взимания платы. Данные аспекты послужат отличным решением для аналогичных казусов с рассмотренными уже «барвихинским делом» и делом Мальковой.

Однозначно можно сказать, что действующего регулирования имущества общего пользования в коттеджных поселках недостаточно. Федеральная тенденция узаконения правового режима коттеджных поселков дает надежды на решение насущных проблем имущества общего пользования в виде принятия федерального закона. Если же данный проект будет отклонен, то необходимо будет на уровне Верховного Суда дать разъяснение применения норм права для

[1]Проект Федерального закона «О малоэтажных жилых комплексах, управлении общим имуществом малоэтажных жилых комплексов» // ID: 02/04/02-22/00125040 // URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=125040 (дата обращения 09.11.2022)

единообразной практики в период решения вопроса о правовой судьбе имущества общего пользования коттеджных поселках.

Библиографический список

1. Щербакова Е. Ю. История кондоминиума / Е. Ю. Щербакова // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2007. № 1 (2). С. 164–172.

2.Батлер Ст. «Кондоминиум» как форма собственности на недвижимость // Вопросы экономики. 1993. № 7.

3. Зимин И. А. Актуальные вопросы судебной практики по спорам о содержании общего имущества коттеджного поселк» // Юридическая наука. №5 2021. С. 140-144.

4. Коттеджные поселки: правовой режим объектов инфраструктуры Таймасов Р. С. [Электронный ресурс] URL: /https://zakon.ru/blog/2020/10/29/kottedzhnye_posyolki_pravovoj_ rezhim_obektov_infrastruktury?ysclid=la8mxo22w9117111785 (дата обращения: 12.11.2022).

5. Егоров А.В., Церковников М.А. Право на пространство в здании // Вестник ВАС РФ. 2010. № 2. С. 49.

6. Адвокатская газета «Коттеджные поселки» [Электронный ресурс] URL: https://www. advgazeta.ru/novosti-partnerov/av-rshchp/klyuchevye-problemy-regulirovaniya-kottedzhnykh-poselkov-v-rossiyskoy-federatsii/?ysclid=l2hxfbrajt (дата обращения: 12.11.2022).

7. Субботин В. Н. «Понятие, особенности и статус малоэтажного жилого комплекса» // Юридические наука. Теория и практика общественного развития. 2016. № 1. С. 65-67.

УДК 341.63

СОХРАНЕНИЕ АРБИТРАЖНОЙ ОГОВОРКИ В УСТАВЕ ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО СТАТУСА: НАРУШАЕТ ЛИ ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА?

Халявина Анастасия Дмитриевна
студентка факультета права НИУ “Высшая школа экономики”,
г. Москва, Россия
adkhalyavina@edu.hse.ru
Научный руководитель:
Каминский Антон Валерьевич,
аспирант, приглашенный преподаватель Департамента правового регулирования бизнеса Факультета права НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия

Законодательство о третейских судах и международном коммерческом арбитраже запрещает заключать арбитражное соглашение путем его включения в устав ПАО, однако указанный запрет зачастую толкуется неверно. Целью настоящей работы является анализ буквального содержания текста законов, обзор вероятных целей законодательного запрета, а также соотнесение данных целей с моделью сохранения арбитражной оговорки в уставе общества после приобретения им публичного статуса. Исследование позволило автору прийти к выводу об отсутствии как прямого законодательного запрета на наличие арбитражного соглашения в уставе ПАО, так и каких-либо объективных предпосылок наличия такого запрета.

Ключевые слова: третейский суд, международный коммерческий арбитраж, уставное арбитражное соглашение, арбитражная оговорка в уставе ПАО, заключение арбитражного соглашения, корпоративные споры.

В 2016 году законодатель легализовал заключение арбитражных соглашений путем их включения в устав юридического лица. Однако данная возможность не является абсолютной. На настоящий момент ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ»[1] (далее - Закон об арбитраже) и Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже»[2] (далее - Закон о МКА) запрещают заключать арбитражную оговорку путем ее включения:

1) В устав публичного акционерного общества (далее - ПАО);

2) В устав акционерного общества (далее - АО) в случае, если число акционеров - владельцев голосующих акций тысяча и более;

3) В устав международной компании (далее - МК) в случае, если ее личным законом является право РФ.

В научной литературе сложилось устойчивое восприятие ч. 7 ст. 7 Закона об арбитраже и п. 7 ст. 7 Закона о МКА в качестве запрета на включение арбитражной оговорки в устав юридических лиц в перечисленных случаях[3].

Однако данный вывод невозможно сделать при обращении к буквальному тексту рассматриваемых норм, которые устанавливают запрет не на «включение арбитражной оговорки в устав», а на «заключение арбитражной оговорки путем ее включения в устав» Иными словами, в законе речь идет не столько о форме

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 27 декабря 2018 г. № 531-ФЗ) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2022).

[2] Закон РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 (с посл. изм. и доп. от 30 декабря 2021 г. № 470-ФЗ) «О международном коммерческом арбитраже» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2022).

[3] Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. М. : Статут, 2021. С. 411 - 425; Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина,Т.К. Андреева и др.; отв. ред. В.В. Хвалей. М. : РАА, 2017. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

арбитражного соглашения, сколько о способе его заключения[1]. Следовательно, если арбитражное соглашение заключается путем включения в устав АО, которое впоследствии приобретает публичный статус, то наличие арбитражной оговорки в уставе ПАО не противоречит императивным требованиям российского законодательства.

Аналогичные умозаключения можно сделать и по отношению к сохранению арбитражного соглашения в уставе АО с числом акционеров - владельцев голосующих акций более тысячи лиц. Было бы неразумно называть арбитражное соглашение недействительным всякий раз, когда число акционеров превышает тысячу лиц. Так, для определения действительности арбитражного соглашения должно иметь значение количество акционеров в АО только на момент заключения арбитражного соглашения.

Что касается МК, представляется необходимым фиксировать соблюдение условия действительности арбитражного соглашения (личный закон юридического лица) именно на момент заключения арбитражного соглашения. Вероятно, схожей позиции придерживались представители таких редомицилированных компаний, как МКПАО «Русал»[2], МКПАО «Эн+ групп»[3] и МКПАО «Лента»[4], когда сохраняли арбитражное соглашение в уставе после изменения личного закона юридического лица.

Представляется, что именно такое прочтение ч. 7 ст. 7 Закона об арбитраже и п. 7 ст. 7 Закона о МКА соответствует буквальному содержанию норм. В это же время безусловный запрет на наличие арбитражного соглашения в уставе ПАО видится безосновательным.

Далее будет показано, что вполне понятные цели запрета на заключение арбитражного соглашения путем включения в устав ПАО с трудом могут стать обоснованием причин запрета сохранения арбитражного соглашения в уставе АО после приобретения им публичного статуса.

Во-первых, одной из очевидных причин запрета на заключение арбитражного соглашение путем включения в устав ПАО является фактическая невозможность заключить такое арбитражное соглашение всеми участниками

---

[1] Можно было бы возразить, что название ст. 7 Закона об арбитраже и ст. 7 Закона о МКА – «определение, форма и толкование арбитражных соглашений» - свидетельствует о том, что данные нормы устанавливают требования к форме арбитражного соглашения, а не к способу его заключения. Однако, на наш взгляд, включение положений о способе заключения арбитражного соглашения в данные статьи может быть лишь особенностями юридической техники законодателя.

[2] Раздел 36 «Арбитраж» Устава МКПАО «Объединенная компания РУСАЛ» // [Электронный ресурс]. URL: https://rusal.ru/investors/info/docs/ (дата обращения: 28.10.2022).

[3] Раздел 32 «Арбитраж» Устава МКПАО «Эн+ Групп» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=37955&type=1&attempt=1 (дата обращения: 28.10.2022).

[4] Раздел 34 «Арбитраж» Устава МКПАО «Лента» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=38380&type=1&attempt=1 (дата обращения: 28.10.2022).

юридического лица. Поскольку акции ПАО размещаются публично[1], количество участников ПАО может меняться с крайне короткой периодичностью. Следовательно, буквально невозможно собрать необходимый кворум (100% акционеров) и достичь единогласного волеизъявления акционеров на заключение арбитражного соглашения в уставе, как того требует ч. 7 ст. 7 Закона об арбитраже и п. 7 ст. 7 Закона о МКА.

Тем не менее, данная логика не может обосновывать запрет на сохранение арбитражного соглашения в уставе общества после приобретения им публичного статуса, поскольку требования к кворуму общего собрания акционеров и количеству голосов соблюдаются в тот момент, когда общество является еще непубличным.

Механизм присоединение новых акционеров к арбитражному соглашению в уставе после размещения акций по открытой подписке уже знаком российскому праву. В 2019 году Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что арбитражное соглашение распространяется на новых участников юридического лица, которые приобрели акции или доли в его уставном капитале или стали его членами уже после включения арбитражной оговорки в устав[2]. Предполагается, что лицо, выражая согласие на присоединение к обществу, также выражает согласие на присоединение ко всем уставным положениям, в том числе к положениям о разрешении споров путем арбитража.

Следовательно, специфика ПАО не имеет значения с позиции сохранения арбитражного соглашения в уставе ПАО, если оно было заключено путем включения в устав АО.

Во-вторых, предполагается, что большое и постоянно меняющееся количество акционеров в ПАО оказывает влияние не только на заключение арбитражного соглашения, но на эффективность третейского разбирательства.

В частности, возникают следующие вопросы: (1) учитывая, что арбитражное разбирательство может затянуться на несколько лет, а в ПАО число участников стихийно меняется, как обеспечивать доступ к разбирательству новым участникам? (2) учитывая, что число привлеченных в процесс участников ПАО может быть неограниченно большим, а одним из основных преимуществ арбитража является его конфиденциальность, сохраняется ли сама ценность третейского разбирательства в случае разрешения условно-арбитрабельного корпоративного спора?

На наш взгляд, первая поставленная проблема с легкостью разрешается путем обращения к правилам арбитража корпоративных споров (далее - ПАКС), которые должны быть депонированы каждым арбитражным учреждением,

---

[1] Ст. 97, Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01 сентября 2022 г. № 430-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2022).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/28587/?ysclid=l9vbahbb8n232152808 (дата обращения: 15.10.2022).

которое намерено администрировать корпоративные споры на территории России. Так, например, п. 5 ст. 67 Регламента Российского арбитражного центра при РИСА[1] позволяет участникам юридического лица присоединиться к третейскому разбирательству на любом из этапов.

Что касается второго вопроса, специфика арбитража любого условно-арбитрабельного корпоративного спора предполагает определенное отклонение от абсолютной конфиденциальности арбитража, поскольку, например, подразумевается направление уведомления о начале арбитража всем участникам общества[2]. Более того, конфиденциальность является далеко не единственной причиной выбора соответствующего способа разрешения споров и носит опциональный характер[3].

Так, серьезных препятствий для арбитража корпоративных споров, вытекающих из устава ПАО, не существует.

В-третьих, в литературе распространено мнение, что запрет на заключение арбитражного соглашения путем включения в устав арбитражного соглашения защищает акционеров, приобретающих акции для инвестирования собственных денежных средств, а не для управления обществом[4].

Вместе с тем, на наш взгляд, в данной аргументации есть серьезное внутреннее противоречие. В действительности, если лицо приобретает акции не для управления обществом, а лишь для инвестирования денежных средств, то представляется маловероятной мотивация такого лица участвовать в судебных или арбитражных разбирательствах по поводу управления таким обществом. Споры, в которых таких лица будут участвовать с большей вероятностью, в любом случае являются неарбитрабельными[5].

Более того, мы полагаем, что защита миноритарных акционеров, не намеревающихся управлять обществом, не может обосновывать ограничение права иных акционеров и самого общества заключать уставную арбитражную оговорку, исходя из общегражданских принципов договорной свободы[6] и равенства.

---

[1] Ст. 67 Регламента РАЦ располагается в главе 8 «Правила арбитража корпоративного спора». Данная глава применяется только в целях арбитража условно-арбитрабельных корпоративных споров.

[2] См.: ст. 66 Регламента РАЦ, § 8 ПАКС МКАС при ТПП РФ.

[3] Ст. 21 Закона об арбитраж.

[4] Асосков А.В. Разрешение корпоративных споров в третейских судах: основные результаты законодательной реформы // Закон. 2017. № 5. С. 67 - 77.

[5] Речь идет прежде всего о спорах, связанных с исключением участников из общества; спорах, связанных с созывов общего собрания акционеров и др.

[6] Применение принципа договорной свободы к заключению арбитражного соглашения использует Конституционный суд РФ. См.: Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.11.2022).

Выше мы уже обосновали, что в ситуации сохранения арбитражной оговорки в уставе после приобретения обществом публичного статуса новые акционеры присоединяются к арбитражному соглашению путем приобретения акций. При этом, у всех таких потенциальных акционеров есть возможность ознакомиться с уставом ПАО[1] и отказаться от приобретения акций. Риск неознакомления с положениями устава безусловно лежит на самом акционере.

Таким образом, с учетом серьезных требований к заключению уставной арбитражной оговорки[2], можно говорить об отсутствии каких-либо объективных препятствий для сохранения арбитражного соглашения в уставе АО после приобретения публичного статуса как с точки зрения процедуры согласования арбитражного соглашения, так и с точки зрения процедуры третейского разбирательства.

Библиографический список

1) Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. М. : ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.

2) Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина,Т.К. Андреева и др.; под общей ред. В.В. Хвалея. М.: РАА, 2017. 935 с.

3) Раздел 36 «Арбитраж» Устава Международной компании публичного акционерного общества»Объединенная компания РУСАЛ» // [Электронный ресурс] URL: https://rusal.ru/investors/info/docs/ (дата обращения: 28.10.2022).

4) Раздел 32 «Арбитраж» Устава Международной компании публичного акционерного общества «Эн+ Групп» // [Электронный ресурс] URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=37955&type=1&attempt=1 (дата обращения: 28.10.2022).

5) Раздел 34 «Арбитраж» Устава Международный компании публичного акционерного общества «Лента» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=38380&type=1&attempt=1 (дата обращения: 28.10.2022).

6) Асосков А.В. Разрешение корпоративных споров в третейских судах: основные результаты законодательной реформы // Закон. 2017. № 5. С. 67 - 77.

7) Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016. 352 с.

[1] П. 63.4 Положения Банка России от 27.03.2020 № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Вестник Банка России, № 39-40, 27.05.2020.

[2] Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016. С. 41 - 65.

УДК 340

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Цыбина Татьяна Сергеевна
студентка РАНХиГС, г. Орёл, Россия
tatyanaphotographer777@yandex.ru
Научный руководитель:
Макеев Юрий Николаевич
Кафедра гражданского права и общеправовых дисциплин
Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС,
доцент, кандидат политических наук,
г. Орёл, Россия

Актуальной задачей в теории права является определение семейно-правовой ответственности, как вида юридической ответственности. В теории права отсутствуют конкретные условия, при помощи которых можно было бы определить основные аспекты семейно-правовой ответственности. Целью работы является анализ правовой природы семейно-правовой ответственности, как одного из вида юридической ответственности. Исследование дало возможность определить характер и основные аспекты семейно-правовой ответственности. Таким образом, данный вид ответственности имеет возможность быть представленной в форме обозначенных законом конкретных правовых результатов.

Ключевые слова: семейно-правовая ответственность;юридическая теория; правовая система; юридическая ответственность; семейные правоотношения; семейное законодательство.

Многие исследователи на данный момент определи, что семейно-правовая ответственность включает в себя 3 субъекта: нарушитель права, пострадавший, государство. Исходя из положений теории права, проведём исследование правовой природы семейно-правовой ответственности.

Понятие семейно-правовой ответственности имеет большое количество мнений, но точное определение всё же - это вид юридической ответственности, в ходе исследования которого выделяют отраслевой и подотраслевой подходы всех видов ответственности.

Отраслевой подход относится к дискуссионным видам, так как семейно-правовая ответственность возникает в ситуациях, которые контролируются Семейный кодексом РФ и семейным законодательством [1, с. 163]. Предметом семейных правоотношений выступают брачные отношения, то есть личные неимущественные и имущественные вопросы между членами семьи и другими лицами. А так же к предмету семейных правоотношений относят устройство в семьи детей, которые остались без родительского попечения.

Семейно-правовая ответственность выражает собой относительную форму правоотношения, которая в свою очередь, фигурирует нормами семейного

законодательства. При нарушении норм семейного законодательства, к обвиняемому могут быть назначены неприятные личные неимущественные последствия, а так же в законе указаны и отрицательные личные имущественные наказания. К последствиям можно отнести лишение родительских прав, отмена усыновления, ограничение родительских прав и другое.

В соответствии с выявленными мерами семейно-правовой ответственности, можно определить цель института. Главная цель – это охрана жизни и защита прав ребёнка, обеспечение законом признаваемых прав ребёнка.

Рассмотрим важный элемент семейно-правовой ответственности – её задачи. В итоге задачи, которые осуществляются в результате использования норм права, должны служить достижению желаемого результата. Так к основным задачам относят:

- защита семьи, материнства, отцовства и детства;
- укрепление семьи;
- построение семейных отношений на взаимных, искренних чувствах любви, а так же взаимоуважения [2, с. 327].

Относительно к вышеперечисленным целям института, необходимо выделить ряд задач, которые будут давать гарантию в достижении желаемого результата. Например, организация и осуществление условий для улучшения семейных отношений, а так же проявление внимания на мнение ребёнка.

К важным характеристикам семейно-правовой ответственности относят её функции. Функция семейного права – это, своего рода контроль и возможность влияния на общественные отношения. Можно выделить множество классификаций данных функций, но самыми востребованными считают следующие:

- карательная;
- воспитательная;
- предупредительная;
- восстановительная;
- регулятивная.

Необходимо выделить, что данные функции относят ко всем видам юридической ответственности [3, с. 294]. Поэтому в институте семейно-правовой ответственности каждая функция детально выполняет свою задачу.

Принципы семейно-правовой ответственности так же являются важной составляющей данного института. Они представляют собой основные тезисы, на которые базируются главные нормы права. Принципы так же, как и функции, одинаковы для всех видов подразделений юридической ответственности. Выделяют следующие принципы: справедливость, гуманизм, законность, неотвратимость, виновность, индивидуализация наказания [4, с. 216]. Благодаря данным принципам формируются основополагающие нормы, которые характеризуют семейно-правовую ответственность.

Таким образом, исследованиеосновныхэлементов семейно-правовой ответственности, позволяет сделать определённые выводы. Семейно-правовая ответственность – это вид юридической ответственности, который характеризуется всеми присущими элементами, а так же имеет особенность, которая определяет содержание семейного правоотношения. Так же можно выделить, что семейно-

правовая ответственность – это и есть институт семейного права, который базируется на основании отношений, которые реализуются в ходе нарушений семейного законодательства. Функции и принципы исследуемой ответственности совпадают с любым видом юридической ответственности. А цели и задачи, наоборот, имеют свои особенности, которые относятся только к семейным правоотношениям.

Библиографический список

1. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М., 2009.

2. Тарусина Н.Н. Очерки из классики и модерна Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Сер. Ярославская юридическая школа начала XXI века: монография. Ярославль: РИЦ Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2009.

3. Натенадзе, М. С. Семейное право / М. С. Натенадзет// Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 372-374.

4. Кириллова Е. Ю. Принципы семейно-правовой ответственности /В сборнике: Право в современном Белорусском обществе. Сборник научных трудов. Минск, 2015. 343 с.

СЕКЦИЯ 4. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Абдулова Азалия Рузалиновна
Студент Института права Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия
azaliya.abdulova.02@mail.ru
Научный руководитель:
Арутюнян Марина Самвеловна
Доцент кафедры гражданского процесса Института права Уфимского университета науки и технологий, к.ю.н., доцент, г. Уфа, Россия

В современном мире компьютерные технологии развиваются с каждым днём. Это необратимый процесс. Информатизация происходит во всех сферах жизни общества. Трансформация механизма осуществления судебной защиты прав является объективным результатом общей тенденции происходящей цифровизации. В этой связи, изучение проблем правовогорегулированияотносительно нового и недостаточно развитого института электронных доказательств в арбитражном процессе представляется актуальной и своевременной задачей.

В данной статье предпринята попытка определить роль и значение электронных доказательств в достаточно устоявшейся доктринальной системе доказательств, выявить наиболее острые проблемы в нормативном регулировании данного института, сформулировать предложения, направленные на совершенствование механизма доказывания.

Ключевые слова: доказательство, электронные доказательства, письменные доказательства, электронный документ, арбитражный процесс, электронная переписка.

В соответствии с ч. 1 ст. 64 АПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела[1].

[1]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения 17.10.2022).

Без доказательств невозможно достижение истины – главной цели судебного разбирательства. В соответствии с ч. 2 ст. 64 АПК РФ в качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы. В качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, полученные путем использования систем видеоконференц-связи либо системы веб-конференции. Данная статья не закрепляет понятия «электронные доказательства», что является пробелом в арбитражном законодательстве и существенно затрудняет деятельность судов.

Существует множество подходов к разъяснению термина «электронные доказательства». По мнению М.В. Горелова «электронными доказательствами являются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, выполненные в форме цифровой, звуко-и видеозаписи. Также к таковым относятся протоколы судебных заседаний, протоколы процессуальных действий, которые зафиксированы с помощью электронно-вычислительных средств» [1, с. 100]. Е.А.Нахова поддерживает эту точку зрения [2, с. 305]. С.П. Ворожбит отмечает, что электронные доказательства как отдельный вид средств доказывания выделяются на основании особенностей источника, т.е. носителя информации [3, с. 25].

Таким образом, одной из проблем правового регулирования института электронных доказательств является отсутствие его нормативного регулирования. Например, скриншоты могут считаться электронными доказательствами. Однако закон не содержит понятия такого типа электронных доказательств. Тогда могут возникнуть сомнения в правильности и законности этих доказательств, что значительно усложняет процесс. Чтобы решить эту правовую проблему, необходимо дополнить АПК РФ положениями об электронных доказательствах в качестве самостоятельного средства доказывания. Необходимо установить в законе неисчерпывающий перечень электронных доказательств. Это поможет заполнить пробелы в законодательстве и значительно облегчит деятельность суда и других заинтересованных сторон.

Например, следует дополнить АПК следующими видами электронных доказательств:

1) Электронные копии документов;
2) Электронная переписка;
3) Распечатки с сайтов;
4) Смс-сообщения;
5) Сообщения из мессенджеров;
6) Цифровые фотографии;
7) Видео-файлы;
8) Документы, подписанные электронной подписью;
9) Иные доказательства.

Так же в правовой доктрине сложились различные точки зрения касаемо места электронных доказательств в системе доказательств. В соответствии с ч.3 ст. 75 АПК РФ документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-

телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором.

Как видно из данного определения, по АПК РФ электронные доказательства относятся к письменным. Так, в науке ведётся спор о том, относятся электронные доказательства к письменным, вещественным, или же это самостоятельный вид доказательств.

Некоторые учёные считают, что электронные доказательства нужно относить к письменным доказательствам. Так, А.П. Вершинин обосновывает это тем, что информация, содержащиеся в электронных документах «представляет собой человеческую мысльотносительно существующей действительности» [4, с. 194]. С.П. Ворожбит пишет, что электронные документы необходимо относиться к письменным средствам доказывания, так как «доказательственное значение имеют мысли, содержащиеся в нем». Электронные документы усваиваются именно с помощью письменных обозначений [3, с. 27].

Однако, эта точка зрения опровергается многими авторами. Например, И.Г. Медведев считает, что так как у электронных доказательств отсутствует письменная форма, их «нельзя рассматривать как письменное доказательство в чистом виде» [5, с. 181]. ГамисонияГ.М.считает, что «электронный документ в первую очередь создается для технологических устройств». Усвоение электронных документов возможно при наличии технологических средств, программного обеспечения.Электронные документы содержатся на различных носителях информации, от которых они могут быть отделены [6, с. 111].

Также, Алиев Т.Т. считает, что»необходимо привести категорию электронных доказательств к единому, унифицированному понятию, а именно представить их в виде самостоятельной категории доказательств, а не в виде разновидности письменных доказательств» [7, с. 30]. Мы согласны с данным подходом. Полагаем, электронные доказательства необходимо выделить в отдельный вид доказательств, так как они обладают своей спецификой, которая позволяет им не относиться ни к вещественным, ни к письменным доказательствам.

Алиев Т.Т. предлагаетследующее понятие электронных доказательств: «электронные доказательства – это самостоятельная категория доказательств, выполненных в форме цифровой и графической записи, а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, по каналу видео-конференц-связи (при наличии технической возможности для такой передачи документов и материалов) либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа» [7, с. 30].

Проблема использования электронных документов в качестве доказательств не теряет своей важности, является актуальной в связи со стремительным развитием информационных технологий и компьютеризацией общества в целом. На уровне арбитражного процесса должны быть определены условия

представления результатов информационных технологий в качестве судебных доказательств, а также условия, которым должен соответствовать электронный документ. Следуетнормативно закрепить вАПК РФположения, в которых будут определены понятие, система и место электронных доказательств.

Библиографический список

1. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: дисс. Канд. Юрид. Наук. Екатеринбург. 2008. 185 с.

2. Нахова Е.А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 301-312.

3. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. Дис. Канд. Юрид. Наук. СПб. 2011. 235 с.

4. Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М.: ООО «Городец-Издат». 2000. 415 с.

5. Медведев И.Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции // СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2004. 407 с.

6. Гамисония, Г. М. Правовая природа электронной переписки как средства доказывания // Молодой ученый. 2018. № 39 (225). С. 110-112.

7. Алиев Т.Т. Электронные доказательства как самостоятельная категория доказательств в цивилистическом судопроизводстве Российской Федерации // «Арбитражный и гражданский процесс». 2022. № 5. С.28-32.

УДК 340

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗА И ПРОТИВ

Арсланов Динар Айратович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
arslan-287@mail.ru
Научный руководитель:
Арутюнян Марина Самвеловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия

Статья посвящена комплексному исследованию вопроса о необходимости введения адвокатской монополии. В научной среде все чаще появляются дискуссии по поводу необходимости внесения изменений в часть 3 статьи 59 АПК РФ. Сторонники этой концепции считают, что следует сузить круг лиц для договорного представительства: допустить к судебному представительству только лиц, обладающих статусом адвоката. В данной работе предпринята попытка оценить

возможные положительные и отрицательные последствия монополизации адвокатуры, сформулировать выводы и рекомендации по совершенствованию представительства в арбитражном суде.

Ключевые слова: адвокатская монополия; юридические услуги; представитель; юридическое образование; представительство; квалификационной экзамен.

Для того чтобы разобраться в вопросе существования необходимости или отсутствия предпосылок реформирования института представительства в арбитражном процессе в сторону профессионализации представителей в суде, следует провести анализ аргументов, как в пользу, так и против этих возможных преобразований. В поддержку адвокатской монополии возможно привести такие тезисы. Современная тенденция правовых систем: романо-германской и англо-саксонской идёт в сторону профессионального представительства.

Это объясняется многими факторами, но самым важным, по нашему мнению, является существующая значительная нагрузка на арбитражные суды. Объем работы увеличивается каждый год, так как все большее количество субъектов осуществляют предпринимательскую или иную экономическую деятельностью. Так, председатель Верховного Суда Вячеслав Лебедев поделился статистикой работы судов за 2021 год: арбитражные суды рассмотрели 1,63 млн дел в 2021 году. Это огромное количество дел, которые ложатся на плечи судей. Порой, к сожалению, судьям приходится сталкиваться с непрофессиональными представителями в суде, у которых знания в юриспруденции очень далеки от идеального. Такие «псевдо-юристы» вынуждают судью объяснять, толковать с юридического языка процесс, детально и пошагово разъяснять все этапы судебного разбирательства. Судья вынужден общаться с ними на простом языке, неотягощенным юридической терминологией. Вообще судейская работа не подразумевает проведение консультирований представителей. Такая слабая подкованность, отсутствие должных знаний у представителей приводит к более медленному рассмотрению дела по существу, время на рассмотрение других дел существенно сокращается. Вследствие этого увеличивается нагрузка на судей арбитражного суда. Все это, безусловно, сказывается на качестве правосудия. При введение адвокатской монополии повысится уровень оказания квалифицированной, своевременной правовой помощи [1, с .226].

Таким образом, установление порядка исключительного участия адвокатов в процессе положительно скажется на работу судей: им не придется все «переводить» с юридического языка, быстрее будут рассматриваться дела.

В свою очередь, противники адвокатской монополии считают, что лица, имеющие высшее юридическое образование обладают необходимым набором знаний для представления интересов сторон в арбитражных процессах, так как эти лица обучались, как минимум, четыре года по программе бакалавриат. Они прослушали лекции и смогли отточить свои знания на практических занятиях по материальным и процессуальным дисциплинам. К сожалению, даже среди дипломированных юристов есть те, кто слабо разбирается в процессуальных нормах. Одной из причин является, что в процессе получения высшего образования будущий юрист ориентирован больше на теоретическую составляющую. Но

практика тоже предусмотрена учебными планами образовательных организация, в том числе, на базе судебных органов. Однако, это не позволяет студенту полностью изучить «внутренняя кухню» судебного процесса, досконально разобраться в правовом положении и в необходимых компетенциях представителя.

Также бывает, что лица, получившие высшее юридическое образование могут не связать жизнь с правом в качестве основной профессии, так как в Российской Федерации рыночная экономика - это в свою очередь, согласно статье 34 Конституции РФ дает право на свободное использование своих способностей[1]. Отсюда возникает вопрос: неужели лица с дипломом юриста, которые часть своей жизни, продолжительный период - работали кардинально по другой специальности, смогут в полной мере обеспечить защиту прав и законных интересов организаций и граждан как участников арбитражного процесса? Это не противоречит и не идет в разрез с частью 3 статьи 59 АПК РФ, формально сейчас такой представитель может быть допущен к судебному разбирательству в качестве представителя. Ввиду этого, как нам кажется, наличие юридического образования не является достаточным, чтобы представлять интересы, в частности, истца и ответчика.

Какие критерии стоит установить для юристов в арбитражном суде, кроме наличия юридического образования? Современное законодательство определяет порядок получения статуса адвоката. Безусловно, ключевое условие - это наличие высшего юридического образования, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе. Также данное лицо должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании[2]. После уже лицо может быть допущено к квалификационному экзамену, где должен продемонстрировать знания в письменной и устной форме. Такая сложная процедура позволяет получить статус адвоката. Нам кажется, что нынешняя система получения статуса адвоката через экзамен не преследует задачи: дать возможность адвокату отточить теоретические знания на практике в стенах арбитражных судов, что порой сказывается на качестве квалифицированной юридической помощи. Такой мы вывод сделали, проанализировав, перечень вопросов в квалификационном экзамене для лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката[3]. Вопросы

---

[1] Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

2 Федеральный закон « Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_36945/ ?ysclid=lap97sddsc269088947 (дата обращения: 09.11.2022).

[3] Перечень вопросов для включения в экзаменационные билеты при приеме квалификационного экзамена от лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката (для устного собеседования) (утв. Советом Федеральной палаты адвокатов 28.01.2016) (ред. от 11.08.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193251/?ysclid=lap9cjhjuh87251914 (дата обращения: 09.11.2022).

квалификационного экзамена состоят из разных блоков, поделенные по различным отраслям права. Для того чтобы успешно справиться с работой нужно, в частности, изучить теоретические основы - таких отраслей, как гражданское, трудовое, семейное, уголовное, налоговое право, а также процессуальные отрасли: уголовный, арбитражный, гражданский процесс. По большому счету, вопросы для лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката ничем по уровню сложности и объему не отличаются от структуры билетов государственной итоговой аттестации по юриспруденции по образовательным программам высшего образования. Нам кажется, что одних теоретических знаний мало, чтобы качественно представлять интересы в арбитражном суде.

Нам кажется, что нужно видоизменить условия и порядок получения статуса адвоката. Считаем, необходимым на первоначальном этапе провести экзамен по теоретической подготовленности, лица, претендующего на приобретение статуса адвоката - это будет допуском для следующего этапа, получения практических навыков. Лица, справившиеся успешно с испытанием должны в обязательном порядке пройти стажировку в арбитражных судах для получения профессиональных знаний и практико-ориентированных умений, которые позволят в будущем самостоятельно осуществлять адвокатскую деятельность в арбитражных судах. Во время практики стажер должен познакомиться с работой секретаря судебного заседания и помощника судьи. Стажер под руководством адвоката сможет участвовать в судебных делах, рассматриваемые, в том числе арбитражными судами, готовить проекты документов правового характера, предоставлять устные и письменные правовые консультации. После окончания стажировки необходимо будет сдать второй экзамен. Данный экзамен уже не на теоретические знания, а цель экзамена направлена на проверку практических навыков для владения в совершенстве профессией. Сдавший его может быть адвокатом, а значит, без препятствий сможет представлять интересы и осуществлять защиту в арбитражном суде.

Важность данной проблемы научной статьи нашло свое подтверждение в Конституционном Суде Российской Федерации. Он привел позицию относительно «адвокатской монополии», закрепив некоторые выводы в постановлении № 15-П от 16.07.2004 г. по делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. По причине споров сторонников и противников введения в арбитражном процессе требований о допуске к судебному представительству только лиц, обладающих статусом адвоката, считаем необходимой привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу [2, с. 28].

Установление в арбитражном процессуальном кодексе требования о наличии у представителя организации статуса адвоката как обязательного условия для допуска в процесс, безусловно, демонстрирует об установлении преимущество исключительно по субъекту. Это приводит ограничению принципа равенства сторон в процессуальных отношениях и диспозитивности, свободного распоряжения субъекта его права в выборе представителя. Но стоит сказать, что в этом же постановлении Конституционного Суда РФ не отрицается возможность существования «адвокатской монополии», наоборот, отчасти и признает

необходимость наличия предпочтительных условий для профессиональных участников рынка юридической помощи там, где этого требуют публичные интересы или же конституционно значимые цели.

На сегодняшний день отсутствуют социально значимые основания для введения такой монополии, но приведенные тезисы в статье смогут найти применение в дальнейшем [3, с. 103]. На данном этапе развития аргументы «против» перевешивают убеждения сторонников адвокатской монополии. Одним из недостатков адвокатской монополии на представительство в суде является снижение конкуренции на рынке юридических услуг [4, с. 32]. Если отсутствует конкуренция, то может пострадать качество. Существует прямая связь между образованием адвокатской монополии и повышением цен на представительство в арбитражных судах – так, лица останутся без права отстаивать свои интересы в суде по приемлемой цене, что идет в разрез норме, установленной Гражданским кодексом Российской Федерации о свободе представителя. В связи с этим, выбор лиц, которым гражданин может доверить представлять его интересы в суде резко сужается.

Подводя итог, можно сказать, что монополизация адвокатской деятельности в разы повысит качество юридической помощи. Но необходимо более тщательно проработать внедряемую программу, с учетом мнений практикующих адвокатов, членов судейского сообщества, ученых по юридическим дисциплинам, а также изучив зарубежный опыт. Такая консолидация мнений, рекомендаций приведёт к достижению соглашения в дискуссии о введении адвокатской монополии и поспособствует принятию верного, хорошо проработанного конечного решения по этой проблеме.

Библиографический список

1. Мусалаев К.С. Представительство и адвокатская монополия в Российской Федерации: плюсы и минусы // Молодой ученый. 2018. № 16 (202). С. 225-228.

2. Романов А.Н К рассуждению о позиции Конституционного Суда Российской Федерации в постановлении № 15-П от 16.07.2004 г. по делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // вопросы современной юриспруденции.2015. № 12 (51). С. 24-30.

3. Латыев А.Н. Ограниченная адвокатская монополия или относительная свобода судебного представительства // Закон. 2012. № 9. С. 94-104.

4. Мельниченко Р.Г. Нужна ли адвокатам монополия? // Рос. адвокат. 2008. № 5. С. 31-33.

УДК 347.9

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ, КАК СПОСОБ БОРЬБЫ СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПРАВОМ

Белоусова Олеся Игоревна
Студентка РГУП, г. Москва, Россия
oles.belousova2017@yandex.ru
Научный руководитель:
Грибов Николай Дмитриевич
доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
РГУП, к.ю.н,
г. Москва, Россия

Статья посвящена рассмотрению цифровизации, как способа борьбы со злоупотреблением процессуальным правом в апелляционной инстанции. Автор, на основе анализа способов злоупотребления процессуальным правом, приходит к выводу, что подача апелляционной жалобы является самым распространенным способом злоупотребления процессуальным правом в нашей стране. В работе имеются предложения по введению современных технологий и апелляционного штрафа в производство апелляционной инстанции.

Ключевые слова: цифровизация в сфере апелляционного обжалования; злоупотребление процессуальным правом; апелляционный штраф; искусственный интеллект.

XXI век – век технологий и цифровизации. Сегодня для большего комфорта и удобства достаточно приоритетным направлением является автоматизация и информатизация различных сфер жизни человека. Сфера правосудия не является исключением. Стоит отметить, Президент Российской Федерации, назвал цифровизацию «одним из приоритетов экономической политики нашей страны». Уже сегодня определены основные направления развития цифровой экономики до 2024 г., что является довольно положительным аспектом. Однако на практике граждане и суды сталкиваются с различными проблемами в сфере электронного документооборота. Так, пандемийный опыт выявил довольно низкий уровень использования в судебной системе новых информационных технологий.

В данной работе хотелось бы рассмотреть наиболее подходящие варианты цифровизации в сфере апелляционного обжалования, которые будут отвечать особенностям апелляционного производства в Российской Федерации. Цифровизация в свою очередь представляет собой наиболее перспективное направление, позволяющее существенно снизить издержки, избавив аппарат суда от рутинных действий, требующих большого количества времени.

Необходимо учесть, что в соответствии со статистическими данными, размещёнными на сайте Судебного департамента, более 722 тыс. дел было

рассмотрено в апелляционном порядке судами общей юрисдикции арбитражными судами за последние полгода. По сравнению с прошлым полугодием доля рассмотренных апелляционных жалоб существенно возросло, а если быть точными на 246 тыс. Наличие такого роста не всегда свидетельствует о действительной необходимости восстановить нарушенное право или обеспечить его надлежащую защиту, поскольку нельзя не учитывать феномен злоупотреблением процессуальным правом. Примеров в практике очень много. Так, в одном из дел истец предъявил апелляционную жалобу и в суде второй инстанции отказался от иска в целях невыгодной для него преюдиции[1].

Понятия злоупотребления процессуальным правом (далее – ЗПП). В науке под термином «злоупотребление процессуальным правом» понимается – особая форма гражданского процессуального правонарушения, то есть умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, которые сопровождаются нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав. Они сопряжены с обманом в отношении известных обстоятельств дела и имеют своей целью ограничение возможности реализации или нарушения прав других участвующих в деле лиц, а также имеют целью воспрепятствование деятельности суда по законному, правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданскогодела, которые влекут применение мер гражданского процессуального принуждения [1].

Классификация способов ЗПП в сфере обжалования. В литературе выделяются следующая классификация злоупотреблений при реализации диспозитивных прав участниками процесса: злоупотребления, связанные с уплатой государственной пошлины и с судебными издержками, злоупотребления правами в сфере доказывания, злоупотребления правами при обеспечении иска и др. [2].

Способов ЗПП великое множество, одни способы наиболее часто встречаются в производстве, другие наоборот – реже. Следует учесть, что на сегодняшний момент подача апелляционной жалобы является одним из основных способов злоупотребления процессуальным правом с целью затягивания вступления судебного акта в законную силу. Для того, чтобы минимизировать злоупотребление процессуальным правом необходимо принимать конкретные меры.

ИИ как способ борьбы с ЗПП.

Во-первых, на наш взгляд, верным решением будет ввести предварительную оценку апелляционной жалобы на предмет выявления злоупотребления со стороны истца или ответчика, которую в свою очередь будет выполнять Искусственный интеллект (далее – ИИ). Необходимо учесть, что возможность оптимизации нагрузки на судебную систему за счет внедрения технологий ИИ обсуждается довольно часто. Искусственный интеллект – одно из прогрессивных направлений, ориентированных на дополнение человеческой деятельности, но не заменяющих ее полностью. Причем уже в некоторых странах Евросоюза, США, Китае уже применяются программы ИИ в качестве дополнительного инструментария

[1]Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.08.2019 по делу №Ф-60-25103/2018 // Картотека арбитражных дел.

для систематизации, поиска и анализа данных. Так, в Китае запущена специальная государственная программа по интеграции ИИ в правосудие, с его помощью рассмотрены первые гражданские и уголовные дела; с недавнего времени в США, а также в странах Евросоюза соответствующие технологии являются для судебного производства официальным вспомогательным механизмом.

Что же будет проверять ИИ в апелляционной инстанции РФ?

1. Отвечает ли поданная апелляционная жалоба требованиям, установленным действующим отечественным процессуальным законодательством. Было ли устранение этих недостатков незадолго до окончания срока, предоставленного судом. Соответственно для того, чтобы ИИ «отметил» данную жалобу, должны иметь место два обстоятельства: жалоба должна быть подана с дефектом и этот порок был устранен в последние дни срока.

2. Совпадают ли доводы апелляционной жалобы с доводами первоначального искового заявления.

3. Содержатся ли указания в апелляционной жалобе надуманных оснований для отмены или изменения судебного акта. Верховный Суд Российской Федерации толкует понятие надуманных требований как требований, разрешенных вступивших в законную силу постановлением[1].После выявления данных моментов те, жалобы, которые подпадают под указанные критерии, будут числиться в системе с определёнными отметками.

В подтверждение своей позиции хочется упомянуть, что искусственный интеллект, выполняя данные функции, не будет заменять судью. Так как очевидно, что искусственный интеллект как составляющая новых программных продуктов не сможет вынести справедливое решение, как это сделает живой судья. Но упростить работу судьи и косвенно уменьшить злоупотребления правом ИИ может.

Во-вторых, автор поддерживает научную позицию о том, чтобы ввести апелляционный штраф за злоупотреблением правом [3]. В обоснование своей позиции хочется, отметить, что введение апелляционного штрафа не толькопозволит разрешить проблему необоснованного обжалования решения суда, но также искоренит попытки отложения решения вступления в законную силу.

В-третьих, хорошим нововведением будет являться переход на формирование полностью электронных дел в судах, без дублирования материалов дел на бумажном носителе. В свою очередь это позволит сэкономить значительные суммы бюджетных средств, которые тратятся на пересылку дел между инстанциями, на распечатку документов, поступивших в суд в электронном виде, сделает возможным работу с делом несколькими лицами одновременно, ускорит поиск материала.

Одновременное введение современных технологий и апелляционного штрафа позволит минимизировать подачу необоснованных обращений в суд апелляционной инстанции, сэкономить бюджетные средства, а также уменьшить нагрузку на судей вследствии оптимизации всего процесса.

---

[1]Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2017 №36-КГ16-26 // Доступ из инф.-справ. системы СПС Консультант Плюс.

Справедливо упомянуть и то, что апелляционная инстанция часто отменяет или изменяет решение суда первой инстанции ввиду несоответствия решения требованиям законности и обоснованности. Согласно статистике, размещенной на сайте Судебного Департамента более 50% отменных иизмененных решений, было вынесено в судах апелляционной инстанции. Рассмотренные статистические данные указывают на то, что далеко не все апелляционные жалобы поданы со злоупотреблением процессуальным правом.

По результатам исследования автор отмечает, что на сегодняшний день апелляционная жалоба является самым распространенным способом злоупотребления процессуальным правом в нашей стране. ЗПП не только нарушает нормы гражданского процессуального права, но и прямо посягает на интересы правосудия, выразителем которых является суд. Суд апелляционной инстанции является непосредственным и основным «потерпевшим» от недобросовестных действий субъекта. Для эффективной борьбы со злоупотреблением процессуальным правом нужен комплексный подход, который включает в себя определенные способы, отвечающие тенденциям цифровизации.

Библиографический список

1. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 2016. № 8.
2. Ренкунас Е.С. Проблемы обхода закона в практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 9.
3. Никитина С. В. Оптимизация судебной юрисдикции и нагрузки в арбитражных судах // РГУП, 2021.

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Зайнагабдинова Диана Альфредовна
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
mrs-boss@mail.ru
Научный руководитель:
АзаматоваЛенараЛенисовна
Старший преподаватель кафедры гражданского процесса
Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия

Институт доказывания имеет важное значение в арбитражном процессе. Через данный институт реализуется один из важнейших принципов арбитражного судопроизводства – принцип состязательности сторон. Арбитражный суд определяет предмет доказывания, то есть – это те обстоятельства, при исследовании которых суд должен вынести законное и обоснованное решение. После

установления всех обстоятельств происходит распределение обязанности по доказыванию. Разрешение спора во многом зависит от выполнения сторонами этой обязанности. И проблемы, которые есть в данном институте, затрудняютразрешение спорной ситуации. Поэтому на основе проведенного в данной статье анализа были разработаны возможные пути решения таких проблем.

Ключевые слова: арбитражный процесс; доказывание; доказательства; судопроизводство; арбитражный суд; состязательность.

Институт доказывания занимает центральное положениев арбитражном процессе. Для разрешения возникшего конфликта, защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, восстановления этих нарушенных прав, арбитражный суд должен правильно установить те обстоятельства, которые впоследствии будут доказывать стороны, правильно применить нормы материального права к этим обстоятельствам.

Разные авторы по-разному определяют, что такое доказывание. Одно из понятий гласит следующее: доказывание – это строго регламентированная деятельность суда, лиц, участвующих в деле, по установлению и исследованию обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела и вынесения законного и обоснованного судебного акта [1, с. 154].

Процесс доказывания осуществляется различными субъектами, каждый из которых выполняет определенные за ним обязанности. Среди таких субъектов выделяют суд и лиц, участвующих в деле [2, с. 95].

Доказывание предполагает наличие предмета. Понятие предмета доказывания законодательно не закреплено, однако его можно вывести при помощи анализа действующих норм арбитражного процессуального законодательства, в частности статьи 64 и 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). Итак, предмет доказывания –юридические факты, которые подлежат доказыванию в арбитражном процессе, обосновывают требования и возражения лиц, участвующих в деле, имеют значение для правильного рассмотрения дела по существу и вынесения законного и обоснованного решения суда.

Одним из основополагающих принципов судопроизводства различных отраслей права, в том числе и арбитражного процессуального права, является состязательность. Данный принцип закреплен в АПК РФ, в соответствии с которым судопроизводство в арбитражном суде осуществляется на основе состязательности: лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного заседания. Каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право предоставлять доказательства арбитражному суду и другой стороне по делу, обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с предоставлением доказательств[1].

[1]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

Процесс доказывания неразрывно связан с доказательствами, поскольку только с помощью них возможно установить фактическую сторону дела и разрешить спор по существу.

С переходом общества от индустриального к постиндустриальному семимильными шагами начали развиваться технологии. То, что раньше невозможно было и представить, то сейчас это вполне реализуемо. В наше время пользуются огромной популярностью различные социальные сети, в которых люди проводят большое количество времени: общаются, переписываются, обмениваются фото и видео и так далее. И с развитием таких соцсетейв процессе доказывания появляется такая проблема, как признание электронных доказательств.

АПК РФ, а именно часть 3 статьи 75[1], выделяет в качестве письменных доказательств электронные документы.В соответствии с данной статьей электронные документы бывают двух видов:

1. Документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», то есть простые, электронные копии документов, электронные переписки и так далее.

2. Документы, подписанные электронной подписью.

Также данные доказательства закрепляются в Гражданском кодексе Российской Федерации, Федеральном законе от 27.07.2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Проблема признания электронных доказательств заключается в сложности подтверждения их достоверности, так как нет законодательного закрепления порядка признания цифровых доказательств. Однако, анализируя практику, можно выделить некоторые критерии достоверности, к которым относят, в частности:

- Читаемость документа.
- Наличие всех необходимых реквизитов.
- Сохранность в первоначальном виде, которая закрепляет принцип целостности и полноты электронного доказательства, и другие.

Определенные сложности возникают с признанием электронных переписок. Судебная практика по данному вопросу заключается в следующем:

Во-первых,для признания электронной переписки в качестве надлежащего доказательства, необходимо, чтобы можно было достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому направлялось[2].

Во-вторых, некоторые суды устанавливают, чтодля удостоверения переписок по электронной почте письма должны быть подписаны уполномоченным на то лицом. Например, стороны заключили договор на оказание услуг (маркетинговых исследований). Условия проведения исследования и цена услуг были согласованы сторонами в переписке по электронной почте. Суд указал, что для

---

[1]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

признания договора заключенным путем обмена по электронной почте необходимо установить факт ведения переписки лицом, которое является законным представителем соответствующей стороны, то есть уполномоченным лицом на заключение договора. Между тем, документы, подтверждающие полномочия лица, который вел переписку от имени ответчика, в материалах дела отсутствуют, следовательно, представленная истцом переписка не может рассматриваться в качестве допустимого доказательства наличия заключенного договора, так как не свидетельствует о возникновении обязательств ответчика по оплате якобы выполненных работ[1].

В-третьих, некоторые суды предусматривают нотариальный порядок удостоверения таких переписок, например: стороны заключили договор поставки. Компания сообщила Обществу о невозможности поставки в предусмотренные договором сроки и в одностороннем порядке предлагает новые сроки, которые также не были соблюдены. Данные письма были отправлены Компанией с официального адреса электронной почты, что подтверждается в том числе нотариальным протоколом осмотра письменного доказательства, которым засвидетельствован осмотр электронного почтового ящика Общества и подтверждено наличие и содержание писем, полученных Обществом от Компании с официального адреса электронной почты последней. При этом в пункте договора стороны признали юридическую силу сообщений, полученных по электронной почте[2].

Таким образом, данную проблему можно решить путем законодательного закрепления порядка, условий, оснований, критериев признанияэлектронных доказательств.

С появлением вируса Covid-19 в мире начали развиваться дистанционные технологии. Повсеместно стали применять различные приложения для дистанционной учебы, работы, судебных заседаний. Если раньше люди не могли даже представить, что, не выходя из дома, можно «выйти» на учебу, работу, поучаствовать в судебном заседании, то сейчас это вполне возможно. Данные технологии несомненно имеют свои плюсы: в период болезни, распространения заболеваний, вирусов, во время плохой погоды, и даже просто в дни между официальными выходными можно спокойно делать свои дела, учиться, работать прямо из дома; нет дополнительных затрат на еду, проезд и так далее; человек, который находится в другом субъекте нашей страны, может подавать исковые заявления, ходатайства и иные процессуальные документы, сидя за своим ноутбуком, например, через систему КАД «Арбитр», что несомненно очень удобно.

Однако здесь также есть и свои минусы. В судах появилась такая возможность, как проведение ВКС (видеоконференцсвязь). В соответствии со статьей 153.1 АПК РФ лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса имеют право ходатайствовать о проведении судебного заседания

---

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 августа 2018 г. по делу № А41-84219/2017 (ФАС МО) [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

[2] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа (ФАС СЗО) от 27 сентября 2019 г. по делу № А56-112073/2018 [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

дистанционно[1].В данном случае возникает такая проблема, как неустойчивая интернет-связь, из-за чего участники ВКС могут отключиться от конференции не по своей вине. Так, суд на основании жалобы стороны, не принявшей участие в заседании суда из-за технического сбоя системы ВКС, отменил решения нижестоящих инстанций, отметив, что в силу закрепленного в ст. 8 АПК РФ принципа равноправия сторон суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон спора в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон, должен создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела[2].

Также при применении ВКС могут возникнуть проблемы с предоставлением письменных доказательств, так как в соответствии с АПК РФ суд вправе потребовать от сторон предоставление оригиналов документов, копии которых были поданы ими в электронном формате. Несомненно, предоставление таких документов с использованием дистанционных технологий предполагается затруднительным, и это способно создать такую проблему, как допустимость доказательств, представляемых сторонами.

Таким образом, после проведенного анализа можно понять, что в процессе доказывания есть свои недостатки, которые требуют своего разрешения.Произвести это можно путем внесения изменений в законодательстве. Например, на данном этапе слабо развито законодательствоо применении дистанционных технологий при осуществлении правосудия и об электронных документах.Также может быть произведено модернизирование материально-технической базы судопроизводства и организационное обеспечение деятельности суда, в том числе установление более устойчивой и мощной интернет-связи для беспрерывного и беспрепятственного проведения дистанционных судебных заседаний.Институт доказывания, как и многие другие институты, находятся на этапе развития. Особенно это стало ощущаться с появлением различных современных технологий, в том числе дистанционных. В процессе развития институт доказывания может сталкиваться с некоторымипроблемами. Но при их преодолении он будет совершенствоваться и становиться лучше.

Библиографический список

1. Афанасьев С.Ф. [и др.] Арбитражное процессуальное право в 2 ч. Часть 1 : учебник для вузов / Под редакцией С. Ф. Афанасьева, И. Ю. Захарьящевой. Москва : Издательство Юрайт, 2022. 399 с.

2. Власов, А. А. Арбитражный процесс России : учебник и практикум для вузов / А. А. Власов, Н. А. Сутормин. 2-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2022. 384 с.

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

[2]Определение Верховного суда Российской Федерации от 2 июня 2021 г. по делу № А74-14640/2019 [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА И ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОЕ И АРБИТРАЖНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Кочкина Екатерина Максимовна
Студент Института права УУНиТ г. Уфа, Россия
Kate1259@yandex.ru
Научный руководитель:
Папышева Елена Сергеевна
Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Института права УУНиТ, к.ю.н.,
г. Уфа, Россия

В статье рассматривается возможность внедрения инновационных технологий в гражданское и арбитражное судопроизводства, запрос на которые, без сомнений, актуален в современном мире. Целью работы является анализ имеющихся проблем цифровизации судопроизводства и поиск их решения при помощи, в том числе, использования технологий искусственного интеллекта. Исследование позволило изучить уже введенные и успешно действующие новшества, а также выявить элементы, которые можно привнести в современное гражданское и арбитражное судопроизводства. По результатам исследования сделан вывод о необходимости внедрения инновационных технологий в современное судопроизводство, но вводить их следует с предельной осторожностью.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, гражданское судопроизводство, информационные технологии, судебное заседание, автоматизация.

Время, в котором мы живём, отличается бурным развитием информационных технологий, которые, несомненно, влияют на жизнь каждого из нас и государства в целом. Данные процессы находят отражение и в системе правового регулирования государственной и общественной жизни, в том числе в деятельности судов. Необходимость внедрения и использования информационных технологий в судопроизводстве обусловлена необходимостью улучшения его качества и доступности.

Употребляя термин «цифровизация», необходимо дать его определение. Цифровизация – это внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни для повышения её качества. В области искусственного интеллекта и робототехники цифровизация рассматривается, как «замена аналоговых систем сбора и обработки данных технологическими системами, которые генерируют, передают и обрабатывают цифровой сигнал о своём состоянии» [1]. Суть цифровизации заключается в переводе информации в более доступную цифровую среду, где её

проще проанализировать и в дальнейшем использовать. Это и многое другое связано с четвёртой промышленной революцией, которая получила название «Индустрия 4.0». Она представляет собой переход на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени в постоянном взаимодействии с внешней средой[1].

Впервые о внедрении информационных технологий для ускорения гражданского судопроизводства упомянуто в п. 2 Концепции судебной реформы РСФСР[2]. В данном документе было заявлено о необходимости ускорения делопроизводства с помощью внедрения информационных технологий[3].

В последующем, в 2006 году была указана необходимость создания систем по размещению необходимой информации в сети Интернет, внедрению автоматизированных систем в деятельность судебных органов, ведению аудиозаписи судебного заседания, формированию информационных ресурсов правовой базы и созданию открытых банков судебных решений[4].

Существующая на сегодняшний день направленность на цифровизацию правовых отношений с помощью развития информационных технологий нашла отражение в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. [5]

На данный момент существуют информационные системы, которые уже внедрены и активно используются судами РФ в рамках осуществления ими гражданского и арбитражного судопроизводства.

Во-первых, это государственная автоматизированная система РФ «Правосудие» – территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Цель создания данной системы – стремление осуществить комплексную автоматизацию всех функциональных задач. Благодаря этой системе часть рутинных функций суда не только автоматизируется, но и выполняется автоматически. ГАС «Правосудие» стала первой информационной системой в России, которая включила в себя все суды РФ и

---

[1]См.: Четвертая промышленная революция: популярно о главном технологическом открытии 21 века [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения 24.10.2022).

[2] Концепции судебной реформы РСФСР .Утв. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст.1435 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Раздел 10 «Материально-техническое обеспечение судов» Концепции судебной реформы РСФСР // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст.1435 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Раздел 1 и 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. №583 «О федеральной целевой программе развития судебной системы России на 2007-2011 годы» // Собрание законодательства РФ, 09.10.2006, № 41, ст. 4248.

[5] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2901.

обеспечила доступ граждан к деятельности судов.[1] В системе Арбитражных судов РФ функционирует аналогичный сервис «Мой арбитр».[2]

Во-вторых, это использование видеоконференцсвязи в судебных процессах[3]. Видеоконференцсвязь (ВКС) – это способ осуществления процессуальных действий с помощью использования программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи. Видеоконференцсвязь позволяет гражданину участвовать в судебном заседании, не приезжая в суд, находящийся в другом городе или субъекте страны. Зачастую данный способ широко применяется при рассмотрении дел кассационной инстанции. Для рассмотрения дела в Кассационном суде РФ гражданину необходимо явиться в указанный суд, а он, как правило, находится на значительном расстоянии. Тогда районный суд, где рассматривалось дело по первой инстанции, обязан осуществить проведение видеоконференцсвязи по просьбе сторон. Таким образом, использование видеоконференцсвязи помогает гражданам избежать лишних передвижений, что было особенно актуально в период пандемии коронавируса.

Однако у данной системы есть недостаток, который выражается в том, что для того, чтобы гражданин мог участвовать в судебном заседании посредствам видеоконференцсвязи, ему в любом случае необходимо явиться в какой-либо суд, что не отвечает современным информационным возможностям. В последнее время было найдено решение и этой проблемы. Так, в российских арбитражных судах уже более двух лет функционирует система онлайн-заседаний, толчком для возникновения которых также стала пандемия коронавируса.[4] В отличие от привычной видеоконференцсвязи, онлайн-процессы позволяют подключаться к слушанию из любой точки мира, а не только из здания суда. Это существенно экономит время и денежные ресурсы. Однако есть существенная проблема – это фактическая нехватка оборудования для проведения видеоконференцсвязи или онлайн-заседаний. Ярким тому примером является случай, произошедший в Арбитражном суде Санкт-Петербурга и Ленинградской области, когда при рассмотрении дела, связанного с нарушением интеллектуальных прав, суд не смог удовлетворить ходатайство стороны об использовании видеоконференцсвязи из-за отсутствия такой технической возможности.[5] Зал, оборудованный необходимой аппаратурой, был занят другим судьей. Это далеко не единичный случай. Как

---

[1] Портал технической поддержки ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: https:// techportal.sudrf.ru/?id=234 (дата обращения 25.10.2022)

[2] См.: Мой Арбитр [Электронный ресурс]. URL: https://my.arbitr.ru/#index (дата обращения 03.11.2022)

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: Арбитражные суды проводят заседания онлайн // Арбитражная практика для юристов [Электронный ресурс]. URL: https://www.arbitr-praktika.ru/article/2539-arbitrajnye-sudy-provodyat-zasedaniya-onlayn (дата обращения 30.10.2022)

[5]Определение Суда по интеллектуальным правам от 19.02.2018 по делу № СИП-727/2017 «О назначении судебного разбирательства по делу» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правило, в судах имеется лишь один зал, оснащённый специальной аппаратурой, этого, разумеется, недостаточно.

В-третьих, это возможность электронного обращения в суд. На сегодняшний день исковое заявление гражданин может подать через сайт ГАС «Правосудие», «Мой Арбитр», сайт суда и, с недавних пор, через портал «Госуслуги». Это позволяет гражданам обратиться в суд, не выходя из дома, что также было особенно актуально в период пандемии коронавируса, когда действовал режим самоизоляции. Данные сервисы делают обращение в суд для граждан более простым и удобным.

В-четвёртых, это использование сети «Интернет» в отправлении извещений о дате назначения судебного заседания[1]. Электронная форма судебных извещений ускоряет работу суда, позволяя секретарю судебного заседания делать свою работу качественнее и быстрее, так как теперь отсутствует необходимость отправлять извещения почтой или обзванивать участников судебного заседания посредствам телефонной связи.

С этим связано еще одно нововведение. Это – электронная подпись судьи, без которой невозможно отправление повесток с помощью сети «Интернет».[2] Возможность использования электронной подписи в России появилась в 2002 году, в судебной системе же стала активно применяться лишь с 2012 года. Электронная подпись является цифровым аналогом собственноручной подписи, это набор определённых символов. С её помощью может осуществляться электронный документооборот, в том числе и в судах.

В-пятых, это система автоматизированного протоколирования судебных заседаний, которая создана в Верховном суде РФ.[3] Для этого установлены системы технической фиксации судебных процессов «IS Mechanics SRS Femida».[4] Данные системы позволяют цифровую звукозапись всех событий в зале суда с привязкой к хронологии событий, а также регистрацию событий, происходящих в зале суда. Кроме того, эти системы упорядочивают работу секретарей в рамках единой системы делопроизводства, предоставляют им удобный инструмент для составления текстового протокола в цифровом виде. Это позволяет повысить качество работы секретарей судебного заседания и всего суда в целом. Важно, чтобы в ближайшее время данная система была установлена во всех судах РФ, что позволило бы снизить нагрузку на судей и секретарей судебного заседания, избавило бы от бумажной волокиты.

Говоря о статистике применения инновационных технологий в судопроизводстве и заинтересованности в этом граждан, можно привести некоторые цифры.

---

[1] «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 # 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Парламентская газета, № 17, 14.04.2011.

[3] Верховный суд РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/about/info/ systems/record_court_sessions/ (дата обращения 24.10.2022)

[4] См.: Автоматизированное протоколирование [Электронный ресурс]. URL: https://inforser34.ru/ avtomatizirovannoe-protokolirovanie.html (дата обращения 03.11.2022)

Так, по итогам 2021 года более 3,8 млн процессуальных документов было подано в суды в электронном виде, а количество обращений пользователей к ГАС «Правосудие» превысило 2,5 млрд. Все чаще в судебных заседаниях используется видеоконференцсвязь – около 350 тысяч судебных заседаний. Суды активно переходят на электронное уведомление участников судопроизводства – электронными письмами и СМС-сообщениями. Количество разосланных СМС в этом году превысило 23 млн.[1] Не так давно Белгородский областной суд перешел на 100-процентное изготовление судебных актов в форме электронных документов по гражданским и административным делам.[2] Кроме того, с конца января 2020 года в тестовом режиме в Арбитражном суде Ямало-Ненецкого автономного округа начал работать пилотный проект, позволяющий сторонам по судебному разбирательству знакомиться с материалами дела в электронном виде.[3] Так, гражданам предоставляется доступ к документам, которые поступили в электронном виде через систему «Мой арбитр», а также бумагам, отсканированным канцелярией суда и к аудиозаписям судебных заседаний.

Также в декабре 2019 года Виктор Момотов, председатель Совета судей РФ, объявил о разработке сервиса «Правосудие-онлайн» в рамках уже существующей системы «ГАС-Правосудие»[4]. Кроме дистанционной подачи документов в суды планируется онлайн-участие в заседаниях с использованием биометрической системы идентификации участников процесса. В будущем планируется появление полностью оцифрованной инфраструктуры судебных заседаний.

«В связи с востребованностью дистанционной формы подачи в суды процессуальных документов с 28 августа текущего года (2022 года) официально предусмотрена возможность обращения в суды через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг в соответствии с принципом одного окна», – сообщил председатель Верховного суда РФ Вячеслав Лебедев[5].

Мы можем наблюдать развитие информационных систем и их внедрение в судопроизводство на примере других стран. В мире разработано множество сервисов на основе искусственного интеллекта, которые способствуют оптимизации судопроизводства. К их числу можно отнести урегулирование споров в режиме онлайн, различные поисковые системы прецедентного права, смарт-суды, «чат-боты» для информирования сторон в судебном процессе. Хартия, принятая

---

[1] См.: Глава ВС РФ рассказал о цифровой трансформации российского правосудия // СМИ для юристов и о юристах [Электронный ресурс]. URL: https://legal.report/glava-vs-rf-rasskazal-o-czifrovoj-transformaczii-rossijskogo-pravosudiya/ (дата обращения 25.10.2022)

[2] См.: Белгородский областной суд перешёл на электронные судебные акты по гражданским и административным делам // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/belgorodskiy-oblastnoy-sud-pereshel-na-elektronnye-sudebnye-akty-po-grazhdanskim-i-administrativnym-delam/ (дата обращения 25.10.2022)

[3] См.: Арбитражные суды становятся технологичнее [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/218621/ (дата обращения 06.11.2022)

[4] См.: Глава Совета судей объяснил, как должна проходить цифровизация правосудия [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/216623/ (дата обращения 06.11.2022)

[5] См.: Иски в суд можно подавать через МФЦ // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2022/09/21/budem-zhalovatsia.html (дата обращения 25.10.2022)

Европейской комиссией по эффективности правосудия, устанавливает основные принципы использования искусственного интеллекта в судебной системе[1].

Так, в Сингапуре действует электронная платформа, благодаря которой стороны могут выйти в сеть и разрешить свой спор с помощью медиатора-волонтёра[2]. Судья в данном процессе не участвует, а решение, принятое сторонами, также генерируется онлайн. В Великобритании многие семейные споры разрешаются онлайн на электронных платформах.[3] Если супруги хотят расторгнуть брак, и у них нет существенных споров по поводу имущества или определения места жительства детей, то они вправе осуществить это путём обращения в «электронный суд» и получить решение суда, не выходя из дома. Практика работы интернет-судов широко применяется и в Китае.

На данный момент в Великобритании и США большинство гражданских дел рассматривается онлайн без явки сторон в суд. Кроме того, существует специальная программа, которая помогает людям структурировать свои требования в их исках[4]. В нашей стране данная система также могла бы быть востребована, так как зачастую люди, которые обращаются в суд, не в силах верно сформулировать свои требования и составить надлежащим образом исковое заявление. Данная электронная программа оказала бы существенную помощь в этом вопросе, что также имело бы благоприятные последствия и для суда, так как правильно сформулированный иск будет сразу принят к судопроизводству и не потребует дополнительных уточнений.

Одним из направлений в применении искусственного интеллекта является внедрение системы блокчейн в судебной деятельности. Блокчейн – это распределенная база данных, которая содержит информацию обо всех транзакциях, проведенных участниками системы**.** Использование блокчейна упрощает поиск данных, обеспечивает быстрый доступ к необходимой информации, создаёт единую систему для всех документов, делает проще ведение реестров. Данная система применяется в Швеции, США, Грузии, Китае и ряде других стран. В России постепенно также происходит внедрение блокчейна. Так, данная технология была применена в работе Суда по интеллектуальным правам человека[5].

---

[1] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих её реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Сингапурская конвенция [Электронный ресурс]. URL: https://iqdecision.com/singapurskaja-konvencija/ (дата обращения 06.11.2022).

[3] См.: Альтернативное разрешение споров в Англии [Электронный ресурс]. URL: https://platforma-online.ru/media/detail/alternativnoe-razreshenie-sporov-v-anglii-i-uelse-trendy-i-keysy/ (дата обращения 06.11.2022)

[4] См. : Online Dispute Resolution for Low Value Civil Claims [Электронный ресурс]. URL: https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/online-dispute-resolution-for-low-value-civil-claims-2/ (дата обращения 06.11.2022)

[5] Российский Суд по интеллектуальным правам впервые использовал в работе технологию блокчейн [Электронный ресурс]. URL: https://pro-blockchain.com/rossiyskiy-sud-po-intellektual-nym-pravam-vpervyye-ispol-zoval-v-rabote-tekhnologiyu-blokcheyn (дата обращения 30.10.2022)

Однако останавливаться на достигнутом не стоит. Необходимо и далее развивать судопроизводство, внедряя в него современные информационные системы, например, такие как вышеназванный блокчейн. Так, имеет место быть использование технологий блокчейна в гражданском процессе. Для этого, например, можно было бы фиксировать все мотивы решений и их резолютивные части в системе распределенных реестров. Технологии блокчейн позволят публично зафиксировать момент вынесения решения судьи и его мотивы, что поможет при рассмотрении дела уже в апелляционной инстанции. Также блокчейн может автоматически рассчитать результат рассмотрения дела в любой инстанции. Данный механизм подойдёт для проверки вынесенных решений в первой, апелляционной и кассационной инстанциях, что позволит обеспечить наибольшую точность и минимизирует риск ошибки, вынесения неправильного, несправедливого решения. Также это позволит снизить риск коррупции, личной заинтересованности судьи в исходе дела и т.д.

Появился ещё один новый термин, новейшая разработка, напрямую связанная с внедрением искусственного интеллекта, – машиночитаемое право. Эксперты из г. Сколково (РФ) создали специальную Концепцию развития технологий машиночитаемого права, которая была утверждена Правительственной комиссией в 2021 году[1]. Машиночитаемое право включает в себя нормы права, которые изложены на формальном языке – на языках программирования и разметки текста, применимых для ЭВМ. Машиночитаемое право может включать набор юридически значимых метаданных, необходимых для формулирования и описания правовых норм в объеме, достаточном для решения практических задач, а также алгоритмы, применяемые для каких-либо форм работы с правовыми документами или с нормами права. Благодаря этим технологиям нормативные правовые акты будут переводиться в компьютерный код. По мнению ученых, машиночитаемое право будет востребовано в законотворчестве, судопроизводстве, при заключении сделок, стандартизации и сертификации. Благодаря машиночитаемому праву, например, искусственный интеллект сможет сопоставлять тексты разных правовых актов и автоматически выдать юристам применяемые нормы. Ученые предполагают, что такое использование сможет преобразовать формальное описание норм и адаптировать сложные языковые конструкции не только для людей без специальных юридических знаний, но и для функционирования интеллектуальных систем в целом. Таким образом, машиночитаемое право будет оказывать благотворное влияние на развитие права и сможет улучшить деятельность юристов. Уже сейчас нам необходимо проводить мониторинг практики применения искусственного интеллекта в судопроизводстве других государств, анализировать возникающие там проблемы, возможные ошибки, развитие законодательной базы для последующей интеграции искусственного

[1]«Концепция развития технологий машиночитаемого права» (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

интеллекта в российский арбитражный и гражданский процессы уже с учетом мирового опыта [2].

В заключении хочется отметить, что широкое использование информационных технологий, несомненно, повышает эффективность правосудия. Нововведения идут на пользу, ускоряя работу судов и избавляя от бумажной волокиты. Однако, говоря о внедрении искусственного интеллекта в судебный процесс, нужно быть осторожным, так как масштабное внедрение в судопроизводство информационных технологий не должно влиять на суть судебной деятельности, где решение всегда остаётся за судьей. Информационные технологии должны играть вспомогательную роль, помогая решать задачи правосудия, оптимизируя работу судов. А любые попытки полностью заменить судью системой искусственного интеллекта вряд ли могут быть воплощены в жизнь. Конечно, машина не подвержена эмоциям, она не имеет друзей, родных, что обеспечивает её беспристрастность. Однако судья обладает и другим качеством – человечность. Возрастные и стажевые требования к судье предполагают, что судья должен обладать житейским и профессиональным опытом. Это никогда не станет присуще искусственному интеллекту. Именно поэтому деятельность по отправлению правосудия может осуществлять только судья, а некоторые действия суда могут быть делегированы технологиям.

Библиографический список

1. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: глоссарий понятий // М.: Проспект, 2021. С. 46.

2. Папышева Е.С. Искусственный интеллект как угроза принципу презумпции невиновности// Адвокатская практика. 2022. №5. С. 2-5.

УДК 342.4

РАЗВИТИЕ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кудояров Артур Русланович,
студент Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
artur.kudoyarov@bk.ru
Научный руководитель:
Арутюнян Марина Самвеловна
доцент кафедры гражданского процесса Института права УУНиТ,
кандидат юридических наук

Цель исследования – определить как арбитражный кодекс развивается, его задачи в судебном судопроизводстве, какие необходимо внести изменения для устранения пробелов в правоприменении и его единстве. Рассмотреть проблемы, которые связаны с разным толкованием процессуального права в арбитражном процессе, а также рассмотреть иные процессуальные кодекса с целью в заимствования процессуальных норм, которые отсутствуют в арбитражном процессуальном кодексе и введение которых пошло бы на благо, а также рассмотреть, как Конституционный Суд РФ повлиял на арбитражный процессуальный кодекс. Исследование поможет рассмотреть, конкретные проблемы применения процессуального права в арбитражном процессе, а также пути их решения на основе принятых законов, нормативно-правовых документов и пояснении Конституционного суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация; Конституционный суд; верховенство Конституции; право; Арбитражный процесс; Конституция; решения суда; государство; верховенство права; арбитражный процессуальный кодекс; поправки.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, является относительно новым процессуальном кодексом, который был принят Государственной думой 14 июня 2002 года, одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года и подписан Президентом Российской Федерации 24 июля 2002 года, вступил в силу 1 сентября 2002 года.

Задачами судопроизводства[1] в арбитражных судах являются, обеспечение доступности правосудия, защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. URL: http://www. consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 12.10.2022).

предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере.

Арбитражный процессуальный кодекс России, за последние десять лет потерпел значительные изменения, учитывающий международно-правовые стандарты. Такое развитие арбитражного процесса способствует положительному росту судебной реформы в России.

Можно вполне констатировать то обстоятельство, что судебно-арбитражная система состоялась, заняла свое место в общей судебной системе России, построенной на принципах функционального, а не линейного единства.

Согласно статье 18 Конституции России права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Поэтому в принятии нового АПК и проявляется та связь государства, права и отдельного человека, которая переводит конституционные положения о правозащитных функциях органов правосудия в плоскость их практической реализации путем создания рабочих механизмов, которые уже на конкретном уровне позволяют конкретному гражданину получить судебную защиту его прав и свобод, в данном случае - в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [1].

В Российской Федерации, как и любой другой страны, имеется стремление к единой правоприменительной практики.

На сегодняшний момент реализация единства судебной практики осуществляется Верховным Судом РФ, в соответствии с действующим законодательством (ст. 126 Конституции РФ, ФКЗ «О Верховном Суде РФ» от 05.02.2014, ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ), осуществляется через толкование норм права Пленумом, Президиумом, судебными коллегиями Верховного Суда РФ, которые обеспечивают единство применения норм права судебными органами. А также Постановлениями и определениями Конституционного Суда РФ. Пленум Верховного Суда РФ (ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ») рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ.

Однако, несмотря на это, в действующем арбитражном процессуальном кодексе, отсутствует упоминание на обязательное соблюдение позиции, выраженной в Постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, а также в постановлениях Пленум Верховного Суда РФ. На практики суды стараются учесть их позицию, однако это происходит не всегда.

Сегодня в Российской Федерации есть лишь один пункт, который бы содержал такое обязательство, а именно законодатель закрепляет такую норму в

пункте 2 статьи 310 Кодекса административного производства[1] от 08.03.2015 № 21-ФЗ, где сказано «Неправильным применением норм материального права являются: неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации».

Пункт 5 Статьи 3 Арбитражного процессуального кодекса РФ, позволяет В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе судопроизводства в арбитражных судах, арбитражные суды применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права).

При этом Конституционный Суд РФ, рассматривая аналогичную норму при проверке пункта 4 статьи 1 Гражданского процессуального кодекса РФ, указывает: Определение от 16.03.2006 № 76-О[2] указал, что: «Применение аналогии закона обусловлено необходимостью восполнения пробелов в правовом регулировании тех или иных отношений. Закрепление подобного права в части четвертой статьи 1 ГПК Российской Федерации вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, поскольку невозможность применения норм права по аналогии при наличии не урегулированных отношений привела бы к невозможности защиты прав граждан и, в конечном итоге, к ограничению их конституционных прав. При применении такого рода аналогии суд не подменяет законодателя и не создает новые правовые нормы, действуя в рамках закона» [1].

Однако, применение аналогии права за частую судами не применяется.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: без дальнейшего развития арбитражного процессуального права, с учетом в заимствования норм, которые созданы для соблюдения единства правоприменительной практики, может складываться разная правоприменительная практика в зависимости от регионов.

С течением времени и созданием механизмов для регулирования права создаётся благоприятная среда, направленная на эффективность судебной, исполнительной и законодательной власти.

Библиографический список

1. Клейн Н.И. Научная статья «О развитии арбитражного процессуального законодательства», «Журнал российского права», 2010, № 4, сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=43013#GfTXhMTqYyOdPduU1 (дата обращения: 12.10.2022).

[1] Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ дата обращения: 28.10.2022).

[2] Сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс] URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15098.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ, ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ, ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ИЛИ НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Нуреева Камилла Дамировна
студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия
kamilla.nureeva@mail.ru
Научный руководитель:
Кулакова Виктория Юрьевна
доцент кафедры гражданского и административного судопроизводстваМосковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н,
г. Москва, Россия

Основная цель гражданского судопроизводства – это защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод, законных интересов. Производство по пересмотру судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам представляет собой важный ключ на пути к общей цели судопроизводства. Однако на практике ввиду несовершенства законодательства достижение поставленной цели может быть затруднительным или даже невозможным. Целью настоящей работы является анализ некоторых существующих проблем применения оснований для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Исследование позволило выявить такую проблему, как отсутствие в законе существующего на практике основания для пересмотра постановлений, а также наличие в законодательстве такой нормы, которая, напротив, не применяется.

Ключевые слова: гражданский процесс; судебное решение; основания пересмотра; новые обстоятельства; судебное нормотворчество; судебная практика.

Производство по пересмотру судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам как самостоятельная стадия гражданского процесса ставит своей целью выявление и установление судом обстоятельств, которые не были и не могли быть известны суду при рассмотрении дела, но обнаружение которых свидетельствует о неправильности вступившего в законную силу судебного постановления. Следовательно, возможность лица обратиться в суд с заявлением о пересмотре судебного постановления, вступившего в законную силу, является гарантией осуществления права на судебную защиту, обеспеченное Конституцией Российской Федерации (далее – РФ). Однако на практике, ввиду несовершенства действующего гражданского процессуального законодательства, реализация данного права является невозможной либо крайне затрудненной. Остановимся на двух основаниях для

пересмотрасудебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, которые на сегодняшний день сложно применимы.

Недобросовестное поведение одной из сторон спора как основание для пересмотра судебного постановления, вступившего в законную силу, не выделено в Гражданском процессуальном кодексе РФ. Однако в Определении Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. № 306-ЭС20-16785 было сформулировано данное положение.

Верховным Судом РФ была рассмотрена кассационная жалоба заявителя на определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 16.09.2019, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2020 и постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.08.2020 по делу N А65-6755/2017. Как следует из указанных судебных актов, между истцом и ответчиком был заключен договор купли-продажи ценных бумаг. Далее истец ссылался на то, что позднее между ними было заключено соглашение о расторжении договора купли-продажи акций. Однако при разрешении обособленного спора по существу суд исходил из недоказанности самого факта существования соглашения о расторжении ввиду непредставления в материалы дела его оригинала.После этого истец обратился с другим иском к ответчику, который в качестве возражения на выдвинутое требование сослался на наличие соглашения о расторжении договора купли-продажи акций. Однако суды пришли к выводу, что осведомленность о действительном существовании соглашения о расторжении не может являться вновь открывшимся обстоятельством.[1] Верховный Суд РФ же не согласился с данным выводом, апеллируя к тому, что принцип правовой определенности не может защищать сторону, действовавшую недобросовестно и умышленно создавшую видимость отсутствия ключевых доказательств, которые имели решающее значение для дела и могли позволить полноценно провести судебное разбирательство.[2]

Таким образом, Верховный Суд РФ указал, что в данном деле имелись основания для пересмотра, а именно – существенное для дела обстоятельство, которое не было и не могло быть известно заявителю.[3] Однако, по моему мнению, использование данного основания является некорректным, поскольку указанное обстоятельство, как указывали и иные суды, было известно заявителю. Более того, в своем определении Верховный Суд РФ на этот вопрос так и не ответил, он лишь указал, что неверно сосредотачивать свое внимание на нем.

Вместе с тем я не могу не согласиться с выводами Верховного Суда РФ и считаю, что ложь и недобросовестное, противоречивое поведение стороны

---

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2021 № 306-ЭС20-16785 (1,2) по делу № А65-6755/2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=658413#xyqinJTKt3JttAen (дата обращения: 08.10.2022).

[2] Там же.

[3]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Парламентская газета, № 140-141, 27.07.2002.

является юридическим фактом, выявление которых может послужить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам [1, с. 1]. По моему представлению, данное обстоятельство необходимо сформулировать как отдельное основание для пересмотра и закрепить в процессуальном законодательстве.

Согласно Конституции РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону[1]: формально юридически судебная практика не является источником права в России, а это значит, что лицо может и не получить возможность воспользоваться правом на судебную защиту своих интересов по обозначенному Верховным Судом РФ основанию либо же оно может встретиться с большим числом препятствий в ходе его реализации. По мнению адвокатского сообщества, озвученная ВС РФ позиция может расцениваться нижестоящими судами как частный случай, а не общее правило, поэтому не все попытки участников процесса, которые будут пытаться пересмотреть ошибочные, по их мнению, судебные акты с ее помощью, достигнут успеха [2, с. 1]. Считаю, что подобное судебное нормотворчество без дальнейшего воплощения новых норм в законе является пагубной практикой для правовой системы страны.

Также остановимся на пункте 5 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ – «определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, если в таком постановлении содержится указание на то, что сформулированная в нем правовая позиция имеет обратную силу применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами»[2]. Согласно Конституции РФ обратная сила закона не применима, если таким образом устанавливается либо отягчается ответственность лица[3]. В Гражданском кодексе РФ также дается пояснение: «акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие». Из этого правила есть исключение – это предусмотренная законом обратная сила нормы. Однако возникает вопрос: может ли такая обратная сила применяться в гражданских (в узком смысле) правоотношениях? Это допустимо в отношениях лица и государства в лице его органов, органов местного самоуправления и т.д., допустимо тогда, когда речь идет об уголовных правоотношениях. Но если представить ситуацию, что обратная сила закона будет применена к гражданским правоотношениям, то в таком случае будут нарушаться основополагающие принципы гражданского права – равенство участников правоотношений, недопустимость вмешательства

---

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

[2]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

[3]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

кого-либо в частные дела. Поэтому на данный момент, когда в Гражданском процессуальном кодексе РФ отсутствует подраздел о регулировании производства по делам, возникающим из публичных правоотношений и когда существует самостоятельный нормативный правовой акт в данной области – Кодекс административного судопроизводства РФ – наличие такого основания пересмотра судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам не имеет практического смысла. По моему мнению, наличие в законе таких «неработающих» норм является отражением слабой юридической техники и требует доработки.

Как указывает Верховный Суд РФ, институт пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам является чрезвычайным средством возобновления производства по делу и необходим для того, чтобы прекратить существование объективно ошибочных судебных актов[1]. Этот институт является важной гарантией права на судебную защиту, однако в полной мере этот механизм не может быть использован ввиду несовершенства гражданского процессуального законодательства. Считаю, что на сегодняшний день нормы Гражданского процессуального кодекса РФ в этой части требуют внесения изменений.

Библиографический список

1. Ложь как основание для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам в Определении Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. № 306-ЭС20-16785 (1, 2) [Электронный ресурс] // Zakon.ru [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/6/2/lozh_kak_osnovanie_dlya_peresmotra_po_vnov_otkryvshimsya_obstoyatelstvam_v_opredelenii_verhovnogo_su (дата обращения: 06.10.2022).

2. ВС поддержал конкурсного управляющего, уличив его процессуального оппонента в противоречивом поведении [Электронный ресурс] // Адвокатская газета [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-podderzhal-konkursnogo-upravlyayushchego-ulichiv-ego-protsessualnogo-opponenta-v-protivorechivom-povedenii (дата обращения: 09.10.2022).

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2021 N 306-ЭС20-16785(1,2) по делу N А65-6755/2017 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс» [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=658413#xyqinJTKt3JttAen (дата обращения: 08.10.2022).

УДК 342.565

МОДЕРНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Олифиренко Артем Алексеевич
студент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия
panolifer@gmail.com
Научный руководитель:
Чекмарева Анастасия Валериевна
профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия

Автор анализирует современную тенденцию цифровой экономики и выделяет вопрос цифровизации судебной системы, посредством внедрения искусственного интеллекта в рамках реализации концепции электронного правосудия Российской Федерации. Целью работы является анализ составных частей концепции «электронный судья» в гражданском процессе на основе российского и европейского законодательства. Исследование способствовало установлению принципов использования искусственного интеллекта в судебной системе.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровой суд, искусственный интеллект, гражданский процесс, судебное заседание, цифровизация.

Мир шаг за шагом движется к цифровой экономике. Цифровая экономика меняет не только «интерфейс» экономики, но и ее суть, а вместе с тем оказывает влияние и на судебную систему. Как возникновение рыночной экономики в Западной Европе в Средние века «переместившись» с местных рынков в сельскую местность так и суд князей в централизованное судоустройство государства. Процесс глобализации способствовал переходу от национальных компаний путем транснационализации к международным корпорациям вместе с развитием международного судопроизводства. В результате процесса глобализации, мировая экономика могла совершенствоваться только благодаря развитию информационных и телекоммуникационных технологий, лежащих в основе рыночной интеграциии производственных систем, вместе с тем растет потребность цифровизации судопроизводства.

Сегодня, чтобы понять тенденции и закономерности мировой экономики, глобализации и роли цифровизации в них, необходимо рассмотреть тенденции и закономерности развития рыночных систем.

Появление концепции электронного правосудия в Российской Федерации связано с принятием ряда законодательных актов, регулирующих использование документов в электронной форме в деятельности судов.

Действуют для этого нормативно-правовые акты федерального уровня – регулирующие акты, например: Государственная программа Российской Федерации

«Информационное общество (2011 – 2020 годы)», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р[1] (основательно дополненная Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313[2]) (заложили основу); продолжением развития стало принятие Стратегии развития информационного общества в России[3], Указа президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[4], а также Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г»[5] [5]; Программа «Цифровая экономика» (Правительство Российской Федерации в настоящее время работает над первыми двадцатью из пятидесяти трех нормативных актов, которые предстоит принять в ближайшие три года, направленных на реализацию этой Программы) и др.

Нет никаких сомнений в том, что технология искусственного интеллекта способна обеспечить правильное решение различных юридических проблем в течение более короткого периода времени. Роботы с искусственным интеллектом способны оказывать значительную поддержку (в основном техническую) в работе и организации судов [1, с. 101-103].

По сути, концепция «электронного судьи» – это процесс автоматизации правоприменения, для которого требуется довольно продвинутая технология, способная имитировать судебные решения. Но в то же время нет никакой гарантии, что даже самые сложные системы, искусственный интеллект будут в состоянии стать ценной заменой «живым» судьям, по следующим причинам:

1) сама концепция использования технологий для автоматизации применения имеет высокую социальную ценность, и, следовательно, любая ошибка приведет к значительным социальным изменениям;

2) многие правовые категории (например, «добросовестность», «честность» и т.д.), традиционно присущие гражданскому обороту, просто не могут

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» 1815-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 46. Ст. 6026.

[2] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2159.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» URL: http://government.ru/docs/all/111459/ (дата обращения: 10.10.2022).

[4] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электроннный ресурс]. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ ru/AH4x6HgKWANwVtMOfPDhcbRpvd1HCCsv.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

[5] Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» [Электроннный ресурс].URL: https://www.economy. gov.ru/material/file/57ff642339b16c479b12030fb5f1b6e3/19082020_2129-p.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

быть достоверно оценены системой искусственного интеллекта из-за отсутствия критериев этики и морали в системе искусственного интеллекта;

3) правовая аргументация в судебном решении напрямую зависит от человеческих навыков, которые уникальны; искусственный интеллект не в состоянии оценить доказательственную ценность любых судебных доказательств;

4) система искусственного интеллекта неспособна интерпретировать закон, тем более осуществлять телеологическую интерпретацию правовой позиции (то есть устанавливать цель ее существования в правовой системе).

Наиболее приемлемой в настоящее время является «концепция электронного судьи» в аспекте взаимодействия системы искусственного интеллекта и судьи. То есть система искусственного интеллекта может выступать в качестве помощника судьи (не только чисто техническая помощь, но и, например, аналитическая, информационная и т.д.) [2, с. 563].

Однако в России все ограничивается немногим, подача в суды документов в электронном виде регулируется положениями Гражданского процессуального кодекса РФ, нормами Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» и Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», а также участием в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи/веб-конференции по ст. ст. 155.1, 155.2 ГПК РФ, введенными ФЗ от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1].

Так же программа «Цифровая экономика Российской Федерации» рассматривает данные в цифровой форме как важный производственный фактор[2]. Регулирование и благоприятный правовой режим являются одними из основных условий использования электронных технологий в экономике [3, с. 9].

Одной из упомянутых задач является создание правовых условий для наиболее эффективного применения результатов интеллектуальной деятельности, включая разработку нормативных правовых актов.

В стратегии также изложены принципы развития цифровой экономики:

1) принцип сохранения традиционных и привычных способов получения товаров и услуг для граждан (кроме цифровых). Этот принцип позволяет нам поддерживать альтернативу тем, кто считает риски оцифровки и компьютеризации общества неприемлемыми.

2) приоритет традиционных для России духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на них норм поведения при использовании информационно-коммуникационных технологий. Этот принцип в первую очередь связан с обеспечением прав и свобод граждан в политической, культурной, религиозной и других сферах жизни.

---

[1] Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2022, № 1 (Часть I), ст. 9.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

3) принцип государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере. Важность этого принципа выражается в том, что умаление личных прав граждан Российской Федерации может поставить под угрозу национальную безопасность.

В силу того, что в РФ нет единого подхода использования искусственного интеллекта в судебной системе, хотя и имеются некоторые предпосылки как в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. - правовое «делегирование» решений системам искусственного интеллекта и робототехники, все же следует руководствоваться и брать в качестве успешного внедрения - Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и его реалиях[1], для того чтобы продвигать динамику повышения уровня правовой защиты в цифровой экономике, определять процесс воздействия, который необходимо оценить.

В Хартии закрепляются пять принципов использования искусственного интеллекта в судебных системах и его реальности: 1) принцип уважения прав человека; 2) принцип недискриминации по любым признакам; 3) принцип «качества и безопасности»; 4) принцип прозрачности, беспристрастности и надежности; 5) принцип контроля пользователей.

Анализ этих принципов как базовых, направленных на достижение положительного и выгодного для сторон результата с помощью использования алгоритмов искусственного интеллекта, также может быть использован для прогнозирования динамики улучшения правовой защиты в цифровой экономике и определения процедурных последствий таких цифровых преобразований.

Реализацию принципа недискриминации как показателя динамики улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики можно продемонстрировать на примере «Модуля распределения дел», который реализует в своей деятельности алгоритмы искусственного интеллекта и тем самым создает объективные предпосылки для распределения дел между судьями.

Так, например, согласно ст. 14 ГПК РФ состав суда для рассмотрения каждого дела формируется с учетом нагрузки и специализации судей путем использования автоматизированной информационной системы. Данные законодательные положения конкретизированы в п. 3.4 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде»[2] согласно которому все поступившие в суд документы распределяются в автоматизированном режиме.

---

[1] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (принята на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия (Страсбург, 03-04.12.2018). [Электроннный ресурс]. URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 10.10.2022).

[2] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. (ред. от 22.12.2021) № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // Российская газета. 2004. 5 ноября.

Цифровая трансформация суда отражает устремления к тому, каким может быть будущее; однако ее необходимо рассматривать через калейдоскоп реальности судебной системы. Цифровые услуги имеют неотъемлемые ограничения, например, процессы могут быть или не быть подвержены оцифровке или могут быть ограничены принципами справедливости. Соразмерность, принятие судебных решений и обеспечение верховенства закона, а также наличие капитала или ресурсов - все это играет важную роль в любом переходе к цифровым услугам. В этом контексте необходимо сформулировать ожидания относительно воздействия цифровой трансформации, управлять ими и понимать их. Цифровая трансформация суда учитывает эту реальность, а также ожидания от того, что инновации и технологии могут предложить гражданам, участвующим в судебных процессах.

Библиографический список

1. Cerden G. Machine Learning and Law. Washington Law Review. 2014. 89(1), p. 88-115.

2. De Belfond K. L. The use of expert systems in law. International Review of Comparative Law. 1996. 46 (2), p. 712.

3. Мохат П. М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8-12.

УДК 347

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Петров Владимир Владимирович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
vla.2307.petrov@yandex.ru
Научный руководитель:
АзаматоваЛенараЛенисовна
старший преподаватель кафедры гражданского процесса
Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия

В данной статье автором изучаются вопросы влияния стремительно протекающей цифровизации права на гражданское и арбитражное судопроизводство, изменения в деятельности судов в условиях введения цифровых технологий, а также на применение судами основополагающих принципов соответствующих процессуальных отраслей права при осуществлении правосудия.

Ключевые слова: электронное судопроизводство, принципы гражданского процесса, принципы арбитражного процесса, гражданский процесс, арбитражный процесс, цифровизация, правосудие.

Современные цифровые технологии создают технологический фундамент «цифровой экономики», новых социальных и общественных отношений. В условиях развития цифровых технологий, охвативших фактически все сферы общественной жизни, необходима оценка их влияния на отправление правосудия по гражданским и арбитражным делам. Цифровые технологии оказывают воздействие как на общие принципы-начала процесса, так и ведут к появлению новых способов и алгоритмов разрешения дела (примером может служить разрешениеюридических споров при помощи онлайн-систем), оказывают существенное влияние на различные формы судопроизводства, например, на упрощённые производства, которые становятся еще «проще», благодаря применению цифровых технологий; а также могут влиять на поведение участников суда в ходе процесса, проявления их добросовестности при реализации своих процессуальных прав.

Одним из революционных преобразований в праве, возникшем в ходе цифровизации правовой сферы общества, заслуженно можно считать электронное судопроизводство, которое представляет собой способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий, позволяющих применять в судопроизводстве обмен информацией в цифровом виде между всеми участниками судебного процесса [1]. Данное нововведение наталкивает исследователей на ряд проблемных вопросов касательно качества судопроизводства, влияния внедрения электронного правосудия на процесс, перспектив для развития отраслей права в изменяющихся условиях, а также возникает вопрос достижения целей правосудия и открывающихся для этого возможностей.

Как нам известно, в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном правесуществуют основополагающие принципы, которыми суды должны руководствоваться в своей работе при отправлении правосудия. Данные принципы отражены в главе 1 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) и главе 1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) и предназначены для регулирования деятельности судов и участников процесса, именно благодаря наличию принципов-»ориентиров» возможно функционирование системы правосудия в общем и вынесение обоснованного и справедливого решения в частности. Учитывая существенное влияние цифровой трансформации на гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное право, нельзя не отметить ее влияние на реализацию принципов вышеуказанных отраслей права. Например, анализируя принцип гласности, который закреплен в статьях 10^{1} и 11^{2}ГПК РФи АПК РФ соответственно и сутью которого является

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2022).

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 « 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2022).

открытость судебного разбирательства при разрешении дел, мы можем прийти к выводу, что реализация данного принципа стала значительно проще с применением цифровых технологий, ведь сейчас информация о деятельности судов находится в открытом доступе в сети Интернет, что соответствует предписанию Положения по созданию и сопровождению официальных интернет-сайтов судов[1], на законодательном уровне данное положение закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. N 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»[2]. Данный факт является доказательством усовершенствования принципа гласности процессом цифровизации процессуального законодательства, что, безусловно, является шагом вперед и показателем прогресса всей системы правосудия. Кроме того, информация о деятельности судов в открытом доступе обеспечивает прозрачность и непредвзятость судебного разбирательства и вынесения решения по делу, что позволяет обеспечить исполнение принципа независимости судей и осуществления правосудия судом при руководстве только Конституцией и федеральным законом, закрепленного в статьях 8 ГПК РФ и 5 АПК РФ соответственно.

Стоит заметить, что такой принцип как принцип равноправия сторон сам по себе подразумевает обеспечение равного доступа к системе электронного правосудия как в самых больших городах, мегаполисах, так и в самых глухих сельских населенных пунктах нашей страны, иначе неизбежно будет расти неравенство в доступе к технологической базе, необходимой для участия в судебном процессе, что в свою очередь влечет за собой невозможность в полной мере реализовывать свои процессуальные права, что нарушает основополагающий принцип гражданского и арбитражного процессов – принцип равенства сторон. Помимо этого, принцип равенства сторон подразумевает равный доступ участников процесса к базе законодательства и судебной практики, чему одновременно и способствуют, и препятствуют развитие электронного правосудия и цифровизация права. С одной стороны, на сегодняшний день любой желающий, имея возможность выхода в сеть Интернет, может ознакомиться с общедоступными базами судебной практики (например, в Интернет-ресурсе Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт») и законодательной базой (СПС КонсультантПлюс, Информационно-правовой портал Гарант.ру, ГАС Правосудие и т.д.). С другой же стороны, полные интернет-версии тех же КонсультантПлюс и Гарант.ру не бесплатны и позволить себе подписку на них может далеко не каждый, поэтому крупные юридические фирмы, имеющие корпоративную подписку на данные цифровые сервисы, получают преимущество перед юристами-одиночками или же вовсе не имеющими юридического образования людьми.

---

[1] «Положение по созданию и сопровождению официальных Интернет-сайтов судов общей юрисдикции Российской Федерации» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 24.11.2004) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL:http://www. consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2022)

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская Газета. № 292. 19.12.2012.

Существует мнение, что при использовании такого элемента системы электронного правосудия как видеоконференц-связь подвергаетсянарушению принцип сочетания устности и письменности судебного заседания (статьи 131-133, 157, 228 ГПК РФ; статьи 125-127, 155 АПК РФ): «Электронификация судопроизводства рано или поздно приведёт к изменению роли устности или её тотальному вытеснению из судебного процесса. В итоге принцип устности может быть упразднен» [2, с. 43]. Однако стоит отметить, что каких бы высот ни достиг технический прогресс в судебной системе и насколько бы далеко ни зашла цифровая трансформация права, письменность судебного заседания будет реализовывать себя в протоколировании оного ввиду несовершенства техники и постоянной угрозы возникновения сбоев и неполадок оборудования, а устность будет сама по себе обеспечиваться в ходе процесса, независимо от того, это заседание с видеоконференц-связью или же заседание в зале суда. Применяя электронные устройства для видео- и (или) аудиозаписи,становится возможным осуществлять должную фиксацию определенных процессуальных действий участников судебного разбирательства, которые обращаются в суд с использованием цифровых технологий, в частности сети Интернет [3, с. 159]. Кроме того, нельзя не отметить наличие определенного алгоритма работы с доказательствами, представляемыми при помощи видеоконференц-связи: арбитражный суд, рассматривающий дело принимает и оценивает письменные доказательства и документы, сопоставляет с другими доказательствами по делу, а вещественные доказательства предоставляются в суд для исследования без видеоконференцсвязи в судебном заседании согласно требованиям ст.162 АПК РФ[1].

Обратимся к следующему принципу гражданского процессуального и арбитражного процессуального права – принципу диспозитивности, который, хоть и не имеет легального определения и выводится из отдельных положений законодательства, является одним из важнейших принципов частного права. Диспозитивность означает возможность для лиц, участвующих в деле, пользоваться правами участника гражданского или арбитражного процесса, которые предоставлены ему законом, и средствами их защиты по своему усмотрению. Таким образом, под принципом диспозитивности, как правило, понимаются руководящие нормативные положения гражданского и арбитражного судопроизводства, определяющие в качестве основополагающего элемента процесса инициативу лиц, непосредственно заинтересованных в исходе дела. Для обеспечения принципа диспозитивности требуется особенно щепетильно подходить к проверке подлинности волеизъявления сторон, так как при применении цифровых технологий для совершения определенных процессуальных действий, извещения сторон, подачи исков и иных взаимодействий суда и участников процесса возникает проблема сертификации подписи и проверке подлинности волеизъявления стороны, которое было получено дистанционно, с применением Интернет-сети. Согласно ч. 1 ст. 41 АПК РФ, лица, участвующие в

[1] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»« // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4. С. 123–137.

деле, также вправе представлять в арбитражный суд документы в электронном виде, заполнять формы документов, размещенных на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет, что означает, что подача документов производится путём загрузки заявления на почтовый ящик суда, а не отправки искового заявления по электронной почте. По мнению Ю. А. Кондюриной, «в данном случае существует возможность вторжения посторонних лиц в систему и искажения воли лица, участвующего в деле» [3, с. 159].

Стоит отметить, что, по мнению некоторых авторов, при применении цифровых технологий в судебном разбирательстве, в частности системы видеоконференц-связи присутствует угроза принципу непосредственности: «под электронным правосудием подразумевается фактическое отсутствие личных взаимоотношений участников с судом. В этой связи нарушаются принципы устности и письменности, непосредственности, гласности судебного разбирательства и др.» [1, с. 353]. Такое мнение имеет место быть, так как с точки зрения психологии судья, не видя участников процесса, подсознательно будет менее погружен в дело и будет чувствовать меньшую ответственность, чем при очном участии в судебном заседании непосредственно в зале суда. Кроме того, по мнению ученых, применение систем видеоконференц-связи может повлиять на качество и полноту изучения судом доказательств, и для сложных споров с большим объемом доказательств использование видеоконференции может быть неоправданным и даже рискованным; видеосвязь сильно искажает коммуникацию с участниками процесса, а значит, важные фрагменты их показаний могут быть потеряны либо неверно интерпретированы[1]. Однако нельзя не отметить, что использование системы видеоконференц-связи в гражданском и арбитражном процессе наиболее эффективно обеспечивает доступ к правосудию отдельных групп граждан, таких как: лица с ограниченными физическими возможностями; лица, признаваемые недееспособными и находящиеся в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях; иностранные лица, а также граждане Российской Федерации, проживающие на территории иностранных государств; осужденные к лишению свободы и т.д. В этом случае нельзя не отметить, что цифровая трансформация и технический прогресс обеспечивают соблюдение принципов равенства и равноправия сторон и способствует достижению целей судебного производства.

Подводя итог нашего исследования, стоит отметить, что по большей мере развитие электронных технологий, цифровая трансформация права и внедрение электронного правосудия в судебную систему имеет положительное значение для целей и работоспособности оной, так как многие принципы судопроизводства не только не потеряли своей значимости, но и стали функционировать гораздо эффективнее, нежели до этого. Кроме того, можно сказать, что применение цифровых технологий является дополнительным гарантом соблюдения принципов гражданского и арбитражного судопроизводства. Использование системы электронного правосудия позволяет с большей эффективностью фиксировать

[1] Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают [Электроннный ресурс]. URL:https://pravo.ru/story/201570 (дата обращения : 21.03.2022).

судебный процесс, обеспечивать должную дисциплину лиц, участвующих в деле, и суд. Также, учитывая очевидные преимущества в скорости, удобстве доставки, хранения документов, повышения открытости правосудия, можно с уверенностью сказать, что применение в судебной системедостижений технического прогресса и цифровизациипозволяет избежать рисков и существенно снизить в долгосрочной перспективе глобальные сбои и задержкипри возникновении непредвиденных обстоятельств (форс-мажоров).

Библиографический список

1. Федорова, И. А. Принципы гражданского судопроизводства в условиях цифровизации / И. А. Федорова. // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 352-354.

2. Гиллес П. Электронное судопроизводство и принцип устности // Российский юридический журнал. 2011. № 3 (78). С. 41-54.

3. Кондюрина Юлия Алексеевна Реализация принципов арбитражного процесса в системе электронного правосудия // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. №1 (34). С.157-161.

УДК 347.91

К ВОПРОСУ О СРАВНЕНИИ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ И МЕДИАЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Потемкин Кирилл Андреевич
студент Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
potemkin.2002@mail.ru
Научный руководитель:
Азаматова Ленара Ленисовна
Старший преподаватель кафедры гражданского процесса
Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия

В настоящей статьерассматривается современное положение примирительных процедур в арбитражном процессе. Целью работы является сравнительный анализ примирительных процедур арбитражного процесса, рассматриваются сущностные отличительные черты судебного примирения и медиации. На основе систематического анализа положений законодательства и с учетом мнений ученых делается вывод о различиях рассматриваемых примирительных процедур.

Ключевые слова: примирительные процедуры; арбитражный процесс; судебное примирение; медиация; медиатор; судебный примиритель.

В современном мире развитие предпринимательской и иной экономической деятельности способствует возникновению споров между субъектами экономических отношений, которые не всегда можно решить в досудебном порядке. Поэтому многие субъекты данной деятельности обращаются в арбитражный суд.

Одной из основных задач арбитражного судопроизводства является примирение и поиск взаимоприемлемого решения сторон. Для решения поставленной задачи судебный орган применяет примирительные процедуры, закрепленные в главе 15 Арбитражного Процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1].

Согласно ст. 2 АПК РФ одной из задач арбитражного судопроизводства является содействие становлению и развитие партнерских деловых отношений, мирное урегулирование споров, формированию обычаев и этики делового оборота [1]. Прекращение спора путем заключения мирового соглашения, достигнутого в ходе использования примирительных процедур, позволяет прекратить судебное разбирательство на взаимоприемлемых условиях для обеих сторон, без выявления «победитель» и «проигравшего», что позволяет без усугубления конфликта сохранить партнерские отношения между сторонами [2, с. 1].

Закон не дает понятия процедуры медиации, указывая на то, что арбитражный суд принимает только то, что необходимо для медиации сторон. В литературе ученые указывали, что сущность процесса медиации заключается в достижении соглашения между сторонами спора [3, с. 157]. Так, медиативное производство – это действия, направленные на прекращение спора по делу полностью или в части путем достижения мирового соглашения. При этом такие действия могут быть исполнены не только сторонами арбитражного разбирательства, но и третьими лицами или судами.

В октябре 2019 года произошли изменения в арбитражном процессуальном законодательстве, которые, в частности, повлияли на режим примирительных процедур[1]. Был введен новый вид медиации — судебное примирение, а также изменили первоначальную систему примирения — медиацию. Вопрос о соотношении этих институтов, их особенностях и различиях остается актуальным и по сей день, поэтому предлагаем рассмотреть его более подробно.

Медиация – правовая категория, суть которой заключается в разрешении споров и достижении соглашения между сторонами с участием специального субъекта – посредника (третьего лица), содействующего сторонам в достижении приемлемого решения. Стороны добровольно соглашаются. Таким образом, основная функция посредничества заключается в обеспечении того, чтобы переговоры проводились третьей стороной, посредником, и чтобы результатом было взаимовыгодное соглашение.

Порядок проведения судебного примирения также предусмотрен регламентом и охватывает следующие этапы: 1) назначение судебного примирения. Рассматриваемый этап может быть предложен как сторонами, так и судом. При

[1]Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электроннный ресурс]. URL:https://pravo.ru/story/201570 (дата обращения : 21.03.2022).

назначении суд выносит решение с указанием кандидатуры примирителя; 2) Подготовка к судебному урегулированию. На этом этапе примиритель имеет право ознакомиться с материалами дела, он также может связаться со сторонами, определить время и место встречи, запросить у сторон дополнительные документы и т. д.; 3) Открытие процедуры судебного примирения. Стороны могут договориться с посредником о порядке, который им подходит, в противном случае будет применена общая процедура судебного урегулирования; 4) Процедура судебного примирения. Этот этап включает в себя: встречу сторон, раскрытие обстоятельств дела, постановку вопросов, личную беседу с примирителем, получение результатов или возвращение к судебному разбирательству; 5) завершение судебного урегулирования. В этом случае стороны могут прийти к соглашению, а могут и не прийти. При достижении положительного результата сторонами согласуется, а судом утверждается мировое соглашение, соглашение о примирении или соглашение по фактическим обстоятельствам.

На основании изложенного отметим, что рассматриваемые нами программы имеют общие характеристики, например, общую предпосылку возникновения, общие цели реализации и т.д. Однако есть и отличия, учитывая то, что мы считаем более или менее выгодным узнать о какой именно процедуре, но это связано с конкретной ситуацией и предметом экономических отношений. Во-первых, медиаторы и судебные примирители разных субъектов играют посредническую роль в медиации.Как правило, медиатором выступает частное лицо, в то время как судебным примирителем может являться судья в отставке или работник аппарата суда. При процедуре медиации стороны самостоятельно и добровольно выбирают медиатора, деятельность которого будет направлена на разрешение конфликта, в судебном

Послепринятия Федерального закона № 451 – ФЗ от 28 ноября 2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» получил развитие институт примерения. В Гражданский процессуальный кодекс РФ вводится глава 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», предусматривающая возможность окончания спора между сторонами посредством процедуры медиации или других примирительных процедур, а также требования к форме, содержанию, порядку утверждения мирового соглашения. Фактически круг примирительных процедур в законе представлен очень скупо упоминанием о медиации и отсылкой к «другим» способам примирения, а в качестве последствия использования примирительных процедур обозначено лишь мировое соглашение. Таким же образом возможность применение примирительных процедур урегулирована в ст. 138 АПК РФ.

С одной стороны наличие у судебных примирителей, в отличие от медиаторов, профессионального опыта в области юриспруденции позволит квалифицированно оценить перспективы дела и дать сторонам советы по мирному разрешению спора. С другой же стороны, «судейский» опыт можно рассматривать с отрицательной стороны, поскольку существует мнение, что у судей со временем формируется схематичность мышления, взгляда на спорную ситуацию, т.е. они мыслят стандартно, что зачастую не дает возможности примирителю объективно воспринимать иные сопутствующие спору факторы. При таких обстоятельствах

заинтересованные лица предпочитают обращаться к медиатору, который должен иметь любое высшее образование, а также дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

В качестве немаловажного отличия предусмотрено то, что судебное примирение для сторон спора является бесплатным, а оплата труда судей как судебных примирителей осуществляется из средств федерального бюджета, что делает процедуру экономически выгодной. Что касается медиации, то медиатор осуществляет свою деятельность как на бесплатной, так и на платной основе. Однако в последнем случае стороны распределяют между собой расходы на оплату услуг медиатора в равных долях.

Еще одним фактором, делающим процесс судебного урегулирования экономически привлекательным, является то, что при достижении мирового соглашения истец отказывается от иска, ответчик признает иск, а истцу возвращаются государственные пошлины, уплаченные им за подачу иска до вынесения окончательного решения суда первой инстанции истцу будет возвращаться 70% от суммы госпошлины, оплаченной им за подачу иска, если это происходит на стадии рассмотрения в суде апелляционной инстанции – то 50% от суммы госпошлины, оплаченной за рассмотрение спора в суде первой инстанции, если на стадии кассационного оспаривания, надзора – 30%.

Кроме того, одним из отличий является то, что в процедуре судебного примирения признание мирового соглашения сторон осуществляется арбитражным судом. Однако в медиативном производстве в подобных ситуациях предлагается альтернатива, а именно возможность нотариального удостоверения медиативного соглашения. По нашему мнению, необходимо ввести такую же процедуру и в судебном примирении, с целью снизить нагрузку на арбитражные суды, а также реализовать в полной мере принцип диспозитивности.

Следует отметить, что хотя судебное примерение и медиация имеют общие цели и функции, существуют существенные различия в правах третьих лиц (медиаторов и судебных примирителей). Судебныие примирителиобычно играют более активную роль в урегулировании споров сторонами, чем медиаторы. Кроме того, судебный примирительзанимает активную позицию в урегулировании: он имеет право не только знакомиться и изучать представленные ему сторонами документы, но и знакомиться с материалами дела с согласия суда, а также предпринять иные необходимые действия для разрешения спора. Медиатор, в свою очередь не имеет прав и обязанностей лица, участвующего в деле, что регламентировано статьей 41 АПК РФ, так как стороной спора не является. В частности, медиатор не имеет права знакомиться с материалами дела, ходатайствами и жалобами, поданными другими лицами, участвующими в деле, а также получать копии судебных актов.Медиатор уполномочен только консультировать стороны по разрешению конфликта, его роль заключается лишь в организации встреч сторон, создании необходимых и благоприятных условий для достижения сторонами взаимоприемлемого решения, без полномочия принятия какого-либо решения. Иначе говоря, роль примирителя в рамках процедуры судебного примирения характеризуется большей активностью, тогда как в рамках медиации роль примирителя ограничена, а стороны процесса, коррелятивно, обладают

наибольшим объемом процессуальных прав. Таким образом, медиация носит наиболее диспозитивный характер, чем судебное примирение.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 07 октября 2022 г. № 387-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.11.2022).

2. Бортникова Н.А. Понятие примирительных процедур (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2021) [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Галицкая В.А., Казарян К.В. Институт примирительных процедур в России: история становления и развития // Журнал «Электронный вестник Ростовского социально-экономического института». 2017. № 1. С. 156-161.

УДК 342.4

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Хасанова Ирина Радиковна
студент Института праваУУНиТ, г. Уфа, Россия
irina.khasanova7@gmail.com
Научный руководитель:
Арутюнян Марина Самвеловна
Доцент кафедры гражданского процесса Института права УУНиТ, к.ю.н,
г. Уфа, Россия

Целью научной работы является анализ развития процедуры медиации как альтернативного механизма защиты прав и интересов в арбитражном процессе. Исследование позволило выявить проблемы применения процедуры медиации в арбитражном процессе, а также обозначитьпреимущества процедуры медиации, а именно: конфиденциальность, сохранение партнерских отношений между сторонами, ориентация на интересы сторон. Кроме того, по результату исследования предлагаются способы популяризации рассматриваемой процедуры среди участников арбитражного процесса.

Ключевые слова: арбитражный процесс, медиация, примирительные процедуры, медиатор, медиативное соглашение, разрешение конфликта.

Мирное урегулирование споров – одна из основных задач судопроизводства в арбитражных судах. Для эффективной реализации данной задачи

федеральным законом от 26.07.2019№ 197-ФЗ[1] в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации[2] (далее – АПК РФ) были внесены изменения, а именно появились статьи, которые регулируют примирительные процедуры, и процедуру медиации в том числе. Так, появилась отдельная статья – 138.4, посвященная рассматриваемому институту.

Определение понятия процедуры медиации можно найти в федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[3] (далее – Закон о медиации). Статья 2 данного закона гласит, что процедура медиации – один из способов урегулирования споров, отличающийся тем, что в ней участвует специальный субъект – медиатор, оказывающий содействие сторонам спора. Также отмечается, что медиация основывается на добровольном согласии сторон, чтобы достичь взаимоприемлемого решения.

Следует сказать, что довольно большое внимание в АПК РФ уделяется пределам реализации судом своей обязанности по оказанию сторонам содействия в примирении. Так, в статье 133 АПК РФ отмечается, что примирение сторон – одна из задач стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Помимо этого, разъяснение сторонам их права обратиться за содействием к посреднику, в частности – к медиатору, в целях разрешения спора, – обязанность суда. Причем стороны вправе реализовать вышеуказанное право на любой стадии процесса, подав соответствующее ходатайство. Арбитражный суд также вправе предложить сторонам провести примирительную процедуру.

Ст. 15 Закона о медиации предусматривает, что медиатор может осуществлять свою деятельность как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Но если процедура медиации началась после передачи спора на рассмотрение суда, ее могут проводитьлишь профессиональные медиаторы.

Учитывая законодательное закрепление процедуры медиации и обязанность арбитражного суда оказывать содействие в примирении сторон, которая связана с медиативной процедурой, можно сказать, что в арбитражном судопроизводстве процедура медиации – довольно развитый правовой институт примирения сторон, несмотря на то, что рассматриваемый институт является относительно новым.

Проведение процедуры медиации основывается на таких принципах, как принцип добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора.

---

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

[2] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

[3]Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

Для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, особенно важен принцип конфиденциальности, который выражается в том, что данные о медиативном соглашении нигде не публикуются, а сведения, которые получены в ходе рассматриваемой процедуры, не разглашаются, что способствует сохранению инвестиционной привлекательности организации.

Кроме того, при проведении процедуры медиации действует принцип сотрудничества, то есть стороны стараются достичь такого результата, который был бы приемлем не только для себя, но и для противной стороны [1, с. 9].Таким образом, условия медиативного соглашения будут устраивать обе стороны.

Но следует иметь в виду, что некоторые категории споров, которые рассматриваются арбитражными судами, невозможно урегулировать посредством медиации. Если споры могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, которые не являются участниками процедуры медиации, или публичные интересы, рассматриваемая процедура не может быть применена. К ним можно отнести административные, налоговые споры, дела о несостоятельности (банкротство).

Несмотря на все положительные аспекты проведения процедуры медиации, статистика еепримененения, к сожалению, остается крайне низкой. Так,Виктор Момотов, глава Совета судей РФ, отмечает, что с 2011 по 2020 год при рассмотрении арбитражными судамитолько около 0,002% дел использовалась медиация.

Отмечается, что это связано с плохой информированностью граждан о процедуре медиации, порядке ее проведения, ее преимуществах. Общество с низким уровнем правосознания не рассматривает медиацию как альтернативу судебному разбирательству.

Кроме того, людям мало известно, к каким медиаторам для урегулирования спора можно обратиться, хотя на данный момент достаточное количество организаций медиаторов. Так, в республике Башкортостан действует некоммерческое партнерство «Гильдия медиаторов республики Башкортостан», зарегистрированное в 2013 году. В качестве решения данной проблемы Министерство юстиции РФ предлагает создать реестр судебных медиаторов, которых можно в случае появления такой потребности.

Считается, что одна из причин, по которой данный институт не является востребованным, - это дополнительные расходы на медиатора. Для решения этой проблемы и повышения спроса на процедуру медиации, к примеру, можно предусмотреть для сторон налоговый вычет, эквивалентный вознаграждению, подлежащему выплате медиатору при мирном урегулировании спора, который на сегодняшний день действует в Италии.

Кроме того, некоторые авторы, в частности Латынин О.А., предлагают обратиться к опыту зарубежных стран.Например, по отдельным категориям экономических споров в ряде государств предусмотрен обязательный досудебный порядок их урегулирования с использованием процедуры медиации. Отмечается, что такая практика приводит к уменьшению количества споров, которые доходят до судебного рассмотрения [2, с. 79].

Исходя из вышеизложенного, применение рассматриваемой процедуры оказывает положительный эффект не только стороне в арбитражном процессе, но и государству, поэтому считаем, что государство должно ставить своей задачей популяризацию альтернативных способовразрешения споров, в том числе и процедуру медиации. Положительными аспектами применения рассматриваемого института является, во-первых, разгрузка судебной системы, во-вторых, формирование культуры мирного урегулирования конфликтов. Применение процедуры медиации в арбитражном суде – это реальная возможность сохранения партнерских отношений между сторонами. Окончание споров в арбитражных судах путем использования процедуры медиации позволяет достичь взаимовыгодного, взаимоприемлемого для сторон соглашения, удовлетворить действительные интересы сторон. Таким образом, перспективы у процедуры медиации как альтернативного внесудебного способа разрешения спора довольно большие.

Библиографический список

1. Мищенко Е.В., Летута Т.В., Принципы судебного примирения, медиации и арбитража: сравнительно-правовой аспект // Российское право: Образование. Практика. Наука, 2019. № 2 (110). С. 4-15.

2. Латыин О.А. К вопросу о процедуре медиации при рассмотрении дел арбитражным судом // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах : сборник статей международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону 19-20 апреля 2018 года) / РФ ФГБОУВО «РГУП», 2018. С. 78-84.

СЕКЦИЯ 5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 34.03:004.8

ДИПФЕЙКИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ УГРОЗУ

Абоян Агавни Арменаковна
магистрант Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия
aboian.aa@students.dvfu.ru
Парин Дмитрий Витальевич
магистрант Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия
parindv.students.dvfu@yandex.ru
Научный руководитель:
Дремлюга Роман Игоревич
профессор Института математики и компьютерных технологий ДВФУ, к.ю.н.
г. Владивосток, Россия

Использование искусственного интеллекта в большинстве сфер общественной жизни стало повседневной реальностью. Современные технологии, имея ряд неоспоримых преимуществ, тем не менее представляют собой опасность. Свидетельством такого дуализма технологического прогресса в полной мере выступает методика генерации реалистичных аудиовизуальных поддельных образов и материалов искусственным интеллектом (технология «смены лица» или дипфейки). Несмотря на угрозы, которые представляют дипфефки, авторы полагают, что включение в текст Уголовного кодекса РФ специальных составов преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за их распространение, не требуется.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, дипфейки, киберправо, криминализация деяния, квалификация, цифровая реальность.

Одним из популярных номеров в традиционной «сычуаньской опере» в Китае является танец «бяньлянь» («смена лица») с мгновенной сменой танцором нескольких масок традиционных персонажей. Развитие цифровых технологий возродило этот вид традиционного искусства на новом уровне, позволяя обычным людям примерить на себя самые разнообразные личины. Такой довольно узкий аспект технологического развития получил свою известность под именем «deepfake». В литературе под дипфейками обычно понимают методику компьютерной генерации изображения, основанной на искусственном интеллекте и использующейся для соединения и наложения существующих изображений и

видео на исходные изображения или видеоролики [1, с. 381], а также сам продукт, итоговый результат, полученный в ходе процесса генерации искусственным интеллектом, представленный в виде аудио-, видео- или изображения [2, с. 1].

Технология, которая изначально нашла своё применение в сфере создания и распространения порнографического материала [3], на сегодняшний день используется во многих аспектах общественной жизни. Так, например, при помощи технологии «смены лица» была восстановлена повреждённая ещё в начале XVIII века картина Рембрандта «Ночной дозор», а средства массовой информации используют deepfake технологии для автоматического создания сурдоперевода. Однако несмотря на неоспоримую пользу дипфейков, в то же самое время они представляют большую угрозу. Массовое распространение технологий искусственного интеллекта среди широкой публики, упрощение их применения открывают возможность для использования достижений технологического прогресса в неправомерных и преступных целях. Такая «смена лица» с использованием искусственного интеллекта приводит к нарушению прав граждан, в числе которых право на изображение, право на честь и достоинство, право на неприкосновенность частной жизни, а также представляет угрозу в сфере публичного управления, общественной безопасности и общественного порядка. Отмечается, что широкое распространение и использование технологий «смены лиц» в ситуации отсутствия правового регулирования может привести к подрыву основ демократии, манипулированию выборами, подрыву доверия к органам государственной власти, правовым институтам, подрыву общественной безопасности и обострению социальных разногласий [4].

На сегодняшний день уже известны случаи, когда технология «смены лица» использовались в преступных целях. Так, в 2019 году мошенниками при помощи искусственного интеллекта был сгенерирован голос руководителя одного из британских филиалов крупной энергетической компании. Благодаря этому мошенникам удалось похитить 220 тысяч евро. Данный пример наглядно показывает, как могут быть опасны deepfake технологии. Именно из-за подобных примеров во многом возрастает актуальность исследования вопроса нормативного правового регулирования сферы искусственного интеллекта, и, в частности, установления уголовной ответственности за неправомерное его использование.

На сегодняшний день в Российской Федерации не установлена уголовная ответственность за создание и распространение поддельных аудиовизуальных материалов, имитирующих объекты действительности. В связи с чем одним из самых актуальных вопросов становится вопрос о необходимости совершенствования Уголовного кодекса РФ и криминализации создания и распространения дипфейков.

Важно отметить, что действующие положения Уголовного кодекса РФ в полной мере распространяются на случаи неправомерного использования «цифровых фальшивок». Так, вышеописанная ситуация мошенничества была бы квалифицирована в соответствии с положениями ст. 159 УК РФ, а упоминаемые ранее создание и распространение порнографического материала в соответствии со ст. 242 УК РФ. Если поддельное изображение или видео будет порочить честь и

достоинство других лиц, то квалифицировать такие действия возможно по ст. 128.1 УК РФ.

Особый интерес представляет возможная квалификация действий по созданию и распространению дипфейков в соответствии со статьями 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ. Введение в УК РФ указанных положений преследовало свои конкретные цели, их разработка и последующая имплементация были обусловлены социально-политическими факторами (статьи 207.1 и 207.2 были введены в период распространения новой коронавирусной инфекции; статья 207.3 в период проведения специальной военной операции).

Согласно Обзору по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2[1] под заведомо ложной информацией следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему.Одним из обязательных условий наступления ответственности по статье 207.1 или 207.2 УК РФ является распространение заведомо ложной информации под видом достоверной. О придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям. Таким образом, положения статей 207.1 и 207.2 УК РФ при наличии иных криминообразующих признаков позволяют квалифицировать распространение поддельных аудиовизуальных материалов и образов как публичное распространение ложной информации. Аналогично возможна и квалификация действий по статье 207.3 УК РФ в случае, если лицо распространяет заведомо ложную информацию б использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий. Более того, следует отметить, что использование технологии искусственного интеллекта повышают общественную опасность содеянного, что в дальнейшем должно быть отражено при индивидуализации наказания.

Несмотря на довольно обширные возможности квалификации действий по созданию и распространению дипфейков в соответствии с действующими положениями Уголовного кодекса РФ некоторыми авторами предлагается установить уголовную ответственность за «использование поддельного цифрового изображения личностибез её согласия» [5, с. 112]. Представляется, что включение в действующий Уголовный кодекса РФ указанных предложений является преждевременным. Во-первых, дляустановление специальной нормы, которая бы касалась вопросов неправомерного использования цифрового изображения личности,

[1]Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 года) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

необходимо ответить на вопрос о характере и степени общественной опасности такого деяния. Невозможно не согласиться с тем, что подобные действия могут посягать на права и свободы личности (право на неприкосновенность частной жизни, право на изображение и т.д.), как и иные вмешательства без использования искусственного интеллекта в сферу указанных основных прав, которые на сегодняшний день уголовным законом не запрещены. Как указывалось выше, уголовное законодательство предоставляет арсенал средств борьбы с неправомерным вмешательством в сферу частной жизни в тех случаях, когда распространение получила заведомо ложные сведения, порочащая честь и достоинство другого лица или подрывающая его репутацию. Во-вторых, неправомерное использование цифрового изображения личности охраняется на сегодняшний день положениями Гражданского кодекса РФ (статья 152.1), которые могут предоставить необходимый уровень защиты.

Таким образом, на сегодняшний день действующее российское уголовное законодательства, несмотря на отсутствие специальных составов преступлений, предполагает в отдельных случаях наступление уголовной ответственности за распространение поддельных материалов, сгенерированных искусственным интеллектом. Необходимость в дополнении Уголовного кодекса РФ специальными составами преступлениями в данной сфере сможет показать только время.

Библиографический список

1. Иванов В.Г. Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 7. № 4. С. 379-386.

2. B. van der Sloot, Wagensveld Y. Deepfakes: regulatory challenges for the synthetic society // Computer law and Security review,2022, Vol. 46, P. 1-15.

3. Делфино Р.А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 105-141.

4. Chesney B., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review, 2019, Vol. 107:1753, P. 1753-1820.

5. Карпика А.Г. Актуальные вопросы совершенствования правового и технического обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым с использованием технологий искусственного интеллекта // Философия права. 2021. № 3. С. 109-113.

УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С ВЫМОГАТЕЛЬСТВОМ

Брежнев Илья Дмитриевич
магистрант Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия
brezhnevilya@yandex.ru
Научный руководитель:
Кострова Марина Борисовна
профессор кафедры уголовного права и процесса Института права
Уфимского университета науки и технологий, к.ю.н., доцент,
г. Уфа, Россия

Целью публикации является анализ законодательной конструкции «убийство, сопряженное с вымогательством», и квалификационных проблем, возникающих в судебной практике в связи с ее применением. На основе изучения норм уголовного закона, правоприменительной и праворазъяснительной практики, работ теоретиков уголовного права выделены наиболее существенные проблемы квалификации убийства, совершаемого в процессе вымогательства: 1) »двойная» квалификация содеянного как убийства, сопряженного с вымогательством, и вымогательства; 2) вменение квалифицирующего признака вымогательства «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего» при реальном причинении смерти, которое уже учтено в «двойной» квалификации. Доказывается, что в результате такой квалификационной практики, складывающейся под воздействием разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, нарушается принцип справедливости, в рамках которого установлен запрет на уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Предложены способы решения выявленных квалификационных проблем на законодательном уровне и на уровне праворазъяснительной практики Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: уголовный закон; принцип справедливости; преступление; совокупность преступлений; квалификация преступлений; убийство; вымогательство; сопряженность.

Ответственность за убийство, сопряженное с вымогательством, установлена п. »з» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Вместе с тем, ст. 163 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за вымогательство, определяемое как «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». В силу этого при квалификации убийства, совершенного в процессе вымогательства, возникает

вопрос о том, необходимо ли квалифицировать содеянное по совокупности преступлений – как вымогательство и убийство, сопряженное с вымогательством, либо же это единое преступление, квалифицируемое только по п. »з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Особенно остро данный вопрос встал после принятия Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, которым ч. 1 ст. 17 УК РФ была дополнена указанием о том, что совокупность преступлений отсутствует, «…когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание».

Несмотря на вышеуказанные изменения в уголовном законе, подход Пленума Верховного Суда РФ к квалификации «сопряженных» убийств не изменился. В п. 11 постановления от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъяснено: «Как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. »з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм». При рассмотрении уголовных дел об убийствах, сопряженных с вымогательством, суды принимают во внимание позицию Пленума Верховного Суда РФ и квалифицируют содеянное по совокупности преступлений[1].

Однако такой подход критикуется рядом ученых. Так, по мнению П.Ю. Предеина: ««Сопряженное» составное преступление в полной мере охватывает признаки входящих в него составов преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статей Особенной части УК РФ. Квалификация по совокупности преступлений в случае совершения «сопряженного» преступления ведет к двойному вменению одних и тех же признаков содеянного» [1, с. 10-11]. Д.М. Молчанов считает, что квалифицированные составы убийства, предусматривающие его сопряженность с другим преступлением, «можно было бы считать частным случаем закрепленного в ч. 1 ст. 17 УК РФ правила: если «совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание», это не совокупность»« [2, с. 113].

Несмотря на авторитет Пленума Верховного Суда РФ, нам представляется, что предложенная им квалификация убийства в процессе совершения вымогательства по совокупности преступлений вступает в противоречие с принципом справедливости, закрепленным в ст. 6 УК РФ, так как виновный несет уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление: за вымогательство, предусмотренное ст. 163 УК РФ, и за убийство, сопряженность которого с вымогательством учтена законодателем в качестве квалифицирующего признака

[1] См., например: приговоры Сестрорецкого районного суда Санкт-Петербурга от 26 июня 2020 г. по делу № 1-45/2020; Тюменского районного суда Тюменской области от 1 июля 2021 г. по делу № 1-265/2021; Коломенского городского суда Московской области от 7 июня 2021 г. по делу № 1-226/2021 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL:https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 15.10.2022).

состава убийства, что является обстоятельством, влекущим более строгое наказание по санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ в сравнении с санкцией ч. 1 данной статьи.

Вторая проблема возникает в связи с позицией Пленума Верховного Суда РФ по квалификации вымогательства, в процессе которого совершено убийство. В п. 9 постановления от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» содержится рекомендация квалифицировать в таких случаях содеянное, помимо п. »з» ч. 2 ст. 105, еще и как вымогательство, совершенное с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, по п. »в» ч. 3 ст. 163 УК РФ. При такой квалификации виновный привлекается к ответственности, по сути, за три преступления: вымогательство, причинение тяжкого вреда здоровью и убийство, хотя последние два преступления одним действием в отношении одного и того же потерпевшего совершить невозможно. Тем не менее, нижестоящие суды руководствуются данной рекомендацией при рассмотрении уголовных дел.

Так, Нижегородский областной суд, признавая Тюрина виновным в совершении убийства потерпевшей К.М.С., сопряженного с вымогательством, и в вымогательстве, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью этой же потерпевшей, указал: «Тюрин, реализуя свой преступный умысел, направленный на убийство К.М.С. из корыстных побуждений, с целью последующего вымогательства у К.С.А. и К.Л.С. денежных средств… в качестве выкупа за освобождение дочери… нанес К.М.С. бойком заранее приготовленного молотка не менее одного удара по голове, в результате которого К.М.С. упала на пол помещения, ударившись в момент падения головой о предметы окружающей обстановки. Непосредственно после этого, продолжая реализовывать свой преступный умысел, Тюрин взял заранее приготовленную им веревку и, используя ее, накинул ее на шею К.М.С. и с силой стал скручивать данную веревку вокруг шеи последней приисканной на месте происшествия киянкой, перекрывая тем самым потерпевшей доступ кислорода в легкие, до тех пор, пока К.М.С. не перестала подавать признаки жизни»[1]. Таким образом, по данной квалификации получается, что одними и теми же действиями, совершенными в одно и то же время, одной потерпевшей одновременно были причинены и тяжкий вред здоровью, и смерть.

Хамовнический районный суд города Москвы, признавая Кукуева и Шайхабекова виновными в вымогательстве, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью Оганесяна, а также в покушении на убийство, сопряженном с вымогательством в отношении него же, мотивировал это следующим: «Вопреки доводам стороны защиты квалификация действий подсудимых двойным вменением не является, поскольку в соответствии с ч. 3 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.99 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», как сопряженное с вымогательством следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанного преступления. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьей УК,

[1] Приговор Нижегородского областного суда от 6 сентября 2019 г. по делу № 2-27/2019 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL:https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 15.10.2022).

предусматривающей уголовную ответственность за вымогательство. Покушение на убийство ФИО4 совершено подсудимыми в ходе вымогательства… Кукуев А.У. и Шайхабеков М.Т., реализуя высказанную и продемонстрированную угрозу, действуя совместно и согласованно, поочередно подвергли потерпевшего избиению. Умысел подсудимых был направлен на завладение именно чужим имуществом, потерпевший не имел перед ними каких-либо долговых обязательств, с применением насилия и угрозами его применения… Потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, следовательно, вымогательство было совершено с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего… Об умысле и Кукуева А.У. и Шайхабекова М.Т. на убийство потерпевшего свидетельствует характер их совместных, согласованных активных целенаправленных действий, характер телесных повреждений и их локализация, характер примененного орудия преступления – деревянной биты, количество и сила нанесенных ударов… Об умысле на убийство потерпевшего свидетельствует и поведение подсудимых после совершения преступления. Убедившись, что цель достигнута, потерпевший лежит без признаков жизни, они с места происшествия скрылись. Как Кукуев А.У., так и Шайхабеков М.Т. не только сами не оказали ФИО4 необходимой помощи, но и не вызвали к потерпевшему скорой помощи, не сообщили в медицинские учреждения о месте нахождения и состоянии ФИО4, хотя имели реальную возможность»[1]. Тем самым одни и те же действия подсудимых получили двойную уголовно-правовую оценку – как покушение на убийство, сопряженное с вымогательством, и как причинение в процессе вымогательства тяжкого вреда здоровью потерпевшего, что не согласуется с направленностью их умысла (причем мотивированной в приговоре) именно на причинение смерти потерпевшему.

В уголовно-правовой литературе обозначенная выше позиция Пленума Верховного Суда РФ и нижестоящих судов подвергается заслуженной критике. Например, А.И. Бойцов высказывает мнение, что при убийстве потерпевшего в процессе вымогательства содеянное должно квалифицироваться по п. «з» ч. 2 ст.105 УК РФ и соответствующей части ст. 163 УК РФ за исключением п. »в» ч. 3, так как его вменение нарушает принцип non bis in idem [4, с. 724]. Сходной точки зрения придерживаются А. Марцев и Р. Токарчук, которые полагают: «Тяжкий вред здоровью, являющийся содержанием особо квалифицированных составов разбоя и насильственного вымогательства (п. »в» ч. 4 ст. 162 и п. »в» ч. 3 ст. 163 УК), является включенным в эти сложносоставные преступления против личности. Его общественная опасность учтена в санкциях указанных составов. Данный вред здоровью не может быть вменен дополнительно ни как самостоятельное деяние, ни как этап убийства, которое невозможно без вреда для здоровья» [5, с. 39].

[1] Приговор Хамовнического районного суда города Москвы от 10 июня 2015 г. по делу № 1-108/2015 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL:https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 15.10.2022).

По нашему мнению, необходимо изменить подход к квалификации содеянного при совершении убийства, сопряженного с вымогательством. До тех пор, пока в ст. 105 УК РФ сохраняется состав убийства, сопряженного с вымогательством, действия виновного следует квалифицировать по п. »з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующей части ст. 163 УК РФ, за исключением п. »в» ч. 3. Такая квалификация будет соответствовать принципу справедливости, исключая двойную ответственность виновного за причинение одному потерпевшему и смерти, и тяжкого вреда здоровью. Для перспективного решения выявленных в настоящей работе проблем квалификации убийства, сопряженного с вымогательством, мы предлагаем следующее: 1) исключить из ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицирующий признак «сопряженность» убийства с другими преступлениями; 2) исключить из п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» правило квалификации вымогательства, сопряженного с убийством, по совокупности преступлений, предусмотренных п. »в» ч. 3 ст. 163 и п. »з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как вымогательства с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и убийства, сопряженного с вымогательством, и внести новую рекомендацию, запрещающую такую квалификацию как противоречащую принципу справедливости.

Библиографический список

1. Предеин П.Ю. Составные и сложные преступления : вопросы теории и практики : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.

2. Молчанов Д.М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5 (66). С. 107-118.

3. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.

4. Марцев А., Токарчук Р. Вопросы совокупного вменения разбоя или вымогательства и преступлений против жизни // Уголовное право. 2008. № 2. С. 38-41.

УДК 343.21

«СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД» КАК ОЦЕНОЧНОЕ ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Должиков Родион Сергеевич
Обучающийся факультета подготовки криминалистов
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации»,
г. Москва, Россия
doro717@mail.ru
Научный руководитель:
Савин Павел Тимурович
доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации», к.ю.н., доцент
г. Москва, Россия

Актуальной проблемой отечественного уголовного законодательства, является большое количество понятий, содержание которых законодатель оставил открытым, а правоприменитель их использует, применяя к конкретным ситуациям и на основе личного опыта и практики. Целью работы является изучение современного состояния такого оценочного понятия как «существенный вред», в том числе в различных его вариантах. Так как данное понятие наиболее широко может охватить возможные последствия совершенного преступления. Исследование позволило выделить особенности данного понятий, сложившуюся практику его толкования, а также выработать подходы к его пониманию и сделать предложения по изменению законодательства.

Ключевые слова: существенный вред; существенное нарушение; оценочное понятие;толкование; преступление; ущерб; последствия.

Понятия группы оценочных понятий смешанного типа отражают понятия, которые объединяют в себе широкий спектр возможных последствий. Эта группа оценочных понятий является второй по величине и распространенности группа оценочных понятий (104 понятия из 368, выявленных нами), внутри которой модно выделить подгруппу «существенный вред».

Подгруппа понятий «существенный вред» в свою очередь представлена разнообразием формулировок таких, как «существенное нарушение (или существенный вред) прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» (ч. 2 ст. 142, ст. 203, ч.1 ст. 285, ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 286.1, ч. 2 ст. 292, ч. 1 ст. 293 УК РФ); «существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» (ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 179 УК РФ); «существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства» (ч. 1 ст. 285.4 УК РФ); «существенный вред другим охраняемым законом интересам» (ч. 2 ст. 252 УК РФ);»существенный

вред интересам службы» (ч. 1 ст. 332 УК РФ), всего 26 понятий из 104 выявленных и проанализированных нами.

Согласно ныне действующим разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»[1] (п.18) «под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п. Под нарушением законных интересов граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности».

Несмотря на определенную конкретность толкования, в постановлении обобщены лишь некоторые признаки, которые позволяют оценивать вред как существенный. Из-за этого в практике встречаются случаи, когда правоприменитель при прямом отсутствии нарушения прав, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации, пытается подвести нарушения отраслевого и местного законодательства под нарушения конституционных прав или принципов.

Так, из определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.02.2013 г. № 21-Д12-8, следует, что С. обвинялся по ч. 2 ст. 286 УК РФ за то, что он, как глава администрации, незаконно составил и подписал решение о переименовании улиц, чем существенно нарушил интересы общества и государства, права граждан на осуществление местного самоуправления путем референдума, других форм волеизъявления (схода) через выборные органы местного самоуправления. Уголовное дело в отношении С. было прекращено за отсутствием состава преступления в его действиях с указанием на то, что переименование улицы в селе не повлекло существенного нарушения прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества или государства и наступления каких-либо последствий, связанных с причинением морального, физического или имущественного вреда личности[2].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 30 ноября 2017 г.) // Российская газета, № 251, 31.10.2012.

[2] Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 февраля 2013 г. № 21-Д12-8 // Официальный сайт Верховного суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/files/14306/ (дата обращения: 16.10.2022).

Другой проблемной стороной определения «существенности вреда» является материальный ущерб, при том, что критериев ущерба в законодательстве нет. В свою очередь, ныне действующие разъяснения порождают неопределенность в том, какие суммы ущерба признавать, как «существенное нарушение», а какие как «тяжкие последствия». Данную проблематику, можно проиллюстрировать примерами из судебной практики.

Так, согласно приговору, из-за злоупотребления полномочиями Ш., государству причинен ущерб на сумму 8 902 674 рублей. При этом действия Ш. были квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ[1]. Напротив, М. признан виновным в превышении должностных полномочий, повлекших тяжкие последствия в виде значительного имущественного ущерба на сумму 1 611933 рубля[2].

Для решения вопроса определения суммы ущерба, некоторые авторы предполагают, что ориентир при определении размера суммы ущерба находится в примечании к ст. 293 УК РФ, т.е. сумма ущерба, превышающая полтора миллиона рублей. При этом указывая на то, что законодатель таким образом вывел материальный критерий из «существенного нарушения прав», а также считают, что данный критерий должен иметь свое действие и на другие составы преступлений в главе 30 УК РФ [1, с. 16]. В научных исследованиях встречаются предложения по устранению оценочности «существенности вреда» в части материального ущерба путем закрепления в УК РФ примечаний.

Так, Т.Б. Басова предлагает примечание ко всей главе 30 УК РФ согласно которому «существенный вред правам и законным интересам граждан не может составлять 100 МРОТ» [2, с. 16], А.С. Снежко, предлагает ущерб, превышающий 100 тысяч рублей [3, с. 83], М.Н. Каплин, С.Д. Бражник предлагают установить сумму ущерба в «полтора миллиона рублей» [1, с. 15]. Но вместе с тем данные предложения высказывались авторами в начале 2000-х годов.

Следующая трудность в правоприменительной практике связана с тем, что в ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, в отличие от постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4[3], отсутствует упоминание о «подрыве авторитета органов власти или каких-либо организаций». При этом судебные инстанции не раз

---

[1] Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 23 июля 2020 г. по делу № 1-269/2020 // База судебный актов, судебный решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/sgbenLm0QIbY/ (дата обращения: 17.10.2022).

[2]Приговор Батыревского районного суда Чувашской Республики от 21 августа 2019 г. по делу № 1-68/2019 // База судебный актов, судебный решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qDIfTnFujpj/ (дата обращения: 17.10.2022).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4»О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» (в ред. от 10 февраля 2000 г.) (утратило силу) [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приходили выводу, что данный признак сам по себе не может свидетельствовать о существенности нарушения прав и законных интересов[1].

Вместе с тем, неоднократно встречаются случаи указания в судебных решениях на тот факт, что «существенность» выразилась в дискредитации авторитета органа власти, при этом описывая указные последствия без конкретизации того, в чем конкретно они выразились. Так, Н. обвинялась помимо существенного нарушения законных прав граждан, выразившихся в незаконном содержании под стражей без предъявления обвинения, также в существенном нарушении охраняемых законом интересов общества и государства в сфере нормального функционирования системы и органов государственной власти, а также дискредитировала авторитет органов внутренних дел и авторитет занимаемой ею должности – следователя[2].

В ряде случаев данный признак вменяется в вину субъекту дополнительно, помимо основного вреда. Так, действия начальника отдела МВД России привели к дискредитации государственного органа внутренних дел, причинению существенного ущерба интересам отдела в финансовом распоряжении денежных средств, то есть причинение имущественного вреда отделу на сумму 499 700 рублей, тем самым указанное лицо умалило авторитет указанного государственного органа, нарушив его нормальное функционирование и создав для общества представление о вседозволенности со стороны руководящего состава отдела, что повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов государства и общества[3].

Подводя итог исследования, мы приходим выводам, что толкование понятия «существенный вред», необходимо осуществлять применительно к отдельным главам Особенной части УК РФ, поскольку данное толкование будет отвечать дифференциации последствий. «Существенный вред» наиболее трудно подающееся формализации оценочное понятие, но отдельные признаки, в количественном исчислении (значительный ущерб, крупный ущерб) возможно формализовать в уголовном законе. Исходя из чего, предлагаем внести следующие изменения в Уголовный кодекс РФ и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, указав в ч. 3 ст. 285 УК РФ (также в п. «б» ч. 2 ст. 285.4, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ) деяния, повлекшие причинение крупного ущерба или наступление иных тяжких последствий». При этом «под крупным ущербом, в статье 285, а также ст. 285.4, ст. 286 УК РФ, понимать сумму, превышающую полтора миллиона рублей».

---

[1]Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 марта 2003 г. № 51-П03 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».[Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/5584529/ (дата обращения: 16.10.2022).

[2] Обвинительное заключение по уголовному делу № 12002009608000070. Московский следственный отдел на воздушном и водном транспорте Московского межрегионального следственного управления на транспорте СК России // По материалам ММСУТ СК России.

[3] Обвинительное заключение по уголовному делу № 12102009601000001.Первый отдел по расследованию особо важных дел Московского межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации // По материалам ММСУТ СК России.

Исключить из п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», слова «причинение значительного материального ущерба».

Библиографический список

1. Каплин М. Н. Бражник С. Д. Существенный вред как признак превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 16.

2. Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы :автореф. дис. … д-раюрид. наук. Владивосток. 2005.

3. Снежко А.С. Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты (По материалам судебной практики Краснодарского края) :дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

УДК 343.2/.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ КАК ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Исаев Денис Рамилевич
магистрант Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия
denisaev96@mail.ru
Научный руководитель:
Кострова Марина Борисовна
профессор кафедры уголовного права и процесса Института права
Уфимского университета науки и технологий, к.ю.н., доцент,
г. Уфа, Россия

Целью публикации является критический анализ праворазъяснительной практики Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой получение взятки признается оконченным преступлением при совершении взяткополучателем действий, лишь направленных на получение взятки в определенном размере, но незавершенных по не зависящим от него обстоятельствам, и складывающейся под ее воздействием квалификационной практики. Доказывается, что при таком подходе к квалификации получения взятки как оконченного преступления применяются не законодательно закрепленные нормы об оконченном преступлении и о покушении на преступление, а созданные Пленумом Верховного Суда РФ новые уголовно-правовые нормы, в результате чего происходит необоснованный

перенос момента окончания преступления на стадию покушения на преступление.

Ключевые слова: уголовный закон; получение взятки; оконченное преступление; покушение на преступление; квалификация преступлений; праворазъяснительная практика.

Статьей 290 Уголовного кодекса РФ[1] (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за получение взятки должностным лицом, иностранным должностным лицом, должностным лицом публичной международной организации (далее – должностное лицо, субъект преступления, взяткополучатель). При этом к предмету данного преступления отнесены деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав. В объективную сторону этого преступления включен только один признак – общественно опасное действие в форме получения предмета взятки лично субъектом или через посредника (в диспозиции ч. 1 конкретизируется, что взятка получается за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе, но сами эти действия (бездействие) не входят в объективную сторону преступления).

Таким образом, даже краткий анализ диспозиции ч. 1 ст. 290 УК РФ однозначно свидетельствует о том, что состав получения взятки является формальным. Это, в свою очередь, означает, что преступление считается оконченным с момента совершения должностным лицом действия в форме получения предмета взятки. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[2] (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24) в п. 10 уточняет: «Получение и дача взятки… считаются оконченными с момента принятия должностным лицом… хотя бы части передаваемых ему ценностей... При этом не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению».

Приведенная позиция Пленума Верховного Суда РФ не вызывает возражений. Поскольку сумма либо стоимость предмета взятки не указана в качестве обязательного признака рассматриваемого состава преступления в ч. 1 ст. 290 УК РФ, для признания преступления оконченным значим лишь факт его

[1] Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2022).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 3 декабря 2013 г. № 33, от 24 декабря 2019 г. № 59) // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:https://vsrf.ru/documents/own/8355/ (дата обращения: 28.10.2022).

принятия, наличие же реальной возможности пользоваться или распоряжаться им лежит за пределами объективной стороны состава получения взятки. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что сумма либо стоимость предмета взятки влияет на квалификацию преступления по следующим причинам. Во-первых, по ним отграничивается состав получения взятки (ст. 290), от состава мелкого взяточничества, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность, в том числе, за получение взятки в размере, не превышающем 10 тысяч рублей. Во-вторых, в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующих признаков состава получения взятки в ст. 290 УК РФ выступают, в частности, ее получение в значительном размере (ч. 2), в крупном размере (п. »в» ч. 5) и в особо крупном размере (ч. 6). В соответствии с примечанием 1 к этой статье указанные размеры определяются как сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающая 25 тысяч, 150 тысяч и 1 миллион рублей соответственно. С учетом наличия в УК РФ ст. 291.2 «Мелкое взяточничество», сумма либо стоимость предмета взятки в диапазоне свыше 10, но не более 25 тысяч рублей достаточна для квалификации действий взяткополучателя по ч. 1 ст. 290 УК РФ (при отсутствии признаков, предусмотренных ее частями 3 и 4, а также п.п. »а», «б» ч. 5).

В связи с этим весьма неоднозначным выглядит данное Пленумом Верховного Суда РФ в п. 11.1 Постановления от 9 июля 2013 г. № 24 разъяснение: «Если взяткодатель намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не составило указанного размера, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере».

Критикуя обозначенную позицию Пленума Верховного Суда РФ, Н.Г. Иванов задается обоснованным вопросом: «Но как же так? Передача взятки не состоялась в обусловленном размере по причинам, не зависящим от воли виновных, а это, как известно, покушение. Для того чтобы сомнения в покушении при условии недостающих признаков объективной стороны состава не возникали у составителей постановления, достаточно обратиться к ч. 3 ст. 30 УК РФ». Также он подчеркивает: «…Пленум тут же, в ч. 2 п. 12 вступает в противоречие со сказанным ранее: «Содеянное следует также квалифицировать как покушение на дачу либо получение взятки… и в случае, когда условленная передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, действия которых были направлены на их передачу или получение». Обращаю внимание на положение Пленума в этой части в виде прилагательного «условленная» передача ценностей. Это может означать, например, что взяточники условились на определенную сумму, но условленная передача не состоялась, так как, положим, они были задержаны. То же самое, но в предыдущем пункте, оценивается как оконченное преступление» [1].

Мы полностью согласны с мнением Н.Г. Иванова, так как разъяснение, данное в п. 11.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г.

№ 24, противоречит принятому в УК подразделению преступлений на оконченное и неоконченное, а также законодательному определению покушения на преступление в ч. 3 ст. 30 УК РФ: «Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

По этой же причине еще более неоднозначной представляется позиция Пленума Верховного Суда РФ, отраженная в п. 13 Постановления от 9 июля 2013 г. № 24: «Получение или дача взятки… если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление в том числе и в случае, когда ценности были изъяты сотрудниками правоохранительных органов сразу после их принятия должностным лицом…».

Критически оценивая данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, П.С. Яни указывает: «…поскольку получение и дача взятки суть единое преступление, без оконченной дачи взятки не может быть и оконченного ее получения. И наоборот… При выявлении же взяточничества путем проведения оперативного эксперимента другой стороны коррупционной сделки чаще всего в действительности не оказывается, и в этом случае нет ни оконченного преступления, ни вообще каких-либо преступных действий, «встречных» тем, что совершает выявляемое лицо. Поэтому выявляемый как коррупционер чиновник в принципе не может совершить оконченного преступления в виде получения взятки – передача ему ценностей объективно не преследует цели вознаградить его за служебное поведение, эти ценности будут у него после вручения изъяты. Но и даже если ценности не планируется сразу изъять… все равно оконченного получения взятки в ее определении законом не будет – ценности должностному лицу передаются не за совершение действий по службе, а в целях выявления преступления. Следовательно, принятие должностным лицом в ходе оперативного эксперимента ценностей, ошибочно воспринимаемых им в качестве взятки, должно квалифицироваться по правилам фактической ошибки – как покушение на получение взятки, даже если ценности им приняты фактически, технически, так сказать: переданы ему в руки, зачислены с его согласия на его счет и т.п.» [2, с. 33-34].

Мнение П.С. Яни разделяет Т.Н. Дронова: «…при проведении оперативного эксперимента принятие должностным лицом ценностей при отсутствии факта дачи взятки не может представлять собой получение взятки за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц. Поэтому деяние должностного лица в такой ситуации следует квалифицировать лишь как покушение на получение взятки» [3, с. 237].

На наш взгляд, вышеприведенные разъяснения, содержащиеся в п.п. 11.1 и 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, по сути, собственно толкованием положений УК не являются, представляя собой созданные им новые уголовно-правовые нормы, корректирующие законодательно закрепленные нормы об оконченном преступлении и о покушении на преступление (ч. 1 ст. 29, ч. 3 ст. 30 УК РФ). И, несмотря на то, что в России постановления Пленума Верховного Суда РФ официально не признаны формальным

(юридическим) источником уголовного права, при квалификации действий взяткополучателя суды руководствуются правилами, установленными не УК РФ, а созданными Пленумом Верховного Суда РФ. Например: 1) »…преступный умысел Тарасова В.К. был направлен на получение в качестве взятки денежных средств в сумме 180 тыс. рублей и для этого им были выполнены все действия, составляющие объективную сторону преступления. Получая от С. в качестве взятки денежные средства в сумме 125 тыс. рублей, а также муляж денег в сумме 55 тыс. рублей, Тарасов В.К. был уверен, что получает именно ранее оговоренную сумму денег в размере 180 тыс. рублей. Поэтому исходя из разъяснений, содержащихся в п. 10 постановления Пленума… его действия образуют оконченный состав преступления, а размер взятки определен обвинением правильно и составляет именно 180 тыс. рублей»[1] (тем самым суд обосновал квалификацию действий Тарасова по п. »в» ч. 5 ст. 290 УК РФ с вменением особо квалифицирующего признака получения взятки в крупном размере); 2) »…действия Калинина, выразившиеся в получении… от К. денежных средств в размере 20000 рублей… суд квалифицирует по ч. 3 ст. 290 УК РФ, поскольку он, являясь должностным лицом, получил через посредника взятку в виде денег в значительном размере… Признавая размер взятки значительным, суд исходит из примечания 1 к ст. 290 УК РФ, в соответствии с которым значительным размером взятки признается сумма денег, превышающая 25000 рублей, а также принимает во внимание установленную в ходе рассмотрения дела направленность умысла Калинина на получение взятки в общей сумме 40000 рублей, что согласуется с разъяснениями, изложенными в п. 11.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ…»[2].

Еще один показательный пример. Квалифицируя содеянное Яковлевым, реально не получившим ни одной копейки, по ч. 3 ст. 290 УК РФ как оконченное преступление – получение должностным лицом через посредника взятки в виде денег в значительном размере за незаконное бездействие, суд, со ссылками на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, мотивировал свое решение так: «Умысел Яковлева Д.О. был направлен на получение взятки в виде денег в размере 30000 рублей, что составляет значительный размер… Получение Яковлевым Д.О. взятки от ФИО 3… проходило в условиях оперативно-розыскного мероприятия, под контролем сотрудников полиции. При этом, проведенные оперативно-розыскные мероприятия… свидетельствуют о наличии у Яковлева Д.О. умысла на получение взятки, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Умысел Яковлева Д.О. был направлен на получение от ФИО 3 взятки в размере 30000 рублей, то есть в значительном размере, однако фактически принятое им

[1] Приговор Тоншаевского районного суда Нижегородской области от 21 августа 2019 г. по делу № 1-4/2019 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/kAynsFRnlRdj/ (дата обращения: 28.10.2022).

[2] Приговор Барнаульского гарнизонного военного суда от 17 июля 2020 г. по делу № 1-18/2020 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/ regular/doc/bwuY6Ak6vAdq/ (дата обращения: 28.10.2022).

незаконное вознаграждение не составило указанного размера по не зависящим от него обстоятельствам». При этом судом было установлено, что инспектор ДПС ГИБДД Яковлев потребовал у ФИО3 деньги в сумме 30000 рублей за несоставление протокола об административном правонарушении, на что ФИО якобы согласился, но сообщил о факте требования взятки в ОРЧ СБ ГУ МВД России по Новосибирской области. После этого ФИО3, будучи участником оперативно-розыскного мероприятия «Оперативный эксперимент», передал посреднику деньги в сумме 22000 рублей, предназначенные для передачи Яковлеву в качестве части взятки, непосредственно после чего посредник и Яковлев были задержаны сотрудниками полиции, проводившими оперативно-розыскное мероприятие «Оперативный эксперимент», деньги в сумме 22000 рублей при этом оставались у посредника[1].

Таким образом, под воздействием праворазъяснительной практики Пленума Верховного Суда РФ складывается квалификационная практика, основанная на широком подходе к квалификации получения взятки как оконченного преступления: получение взятки признается оконченным преступлением при совершении взяткополучателем действий, лишь направленных на получение взятки в определенном размере, но незавершенных по не зависящим от него обстоятельствам. Результатом чего является необоснованный перенос момента окончания преступления на стадию покушения на преступление.

Библиографический список

1. Иванов Н.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года № 59 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»«: критические размышления ученого-криминолога // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 43-48 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Яни П.С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 10. С. 31-36.

3. Дронова Т.Н. Некоторые проблемы определения момента окончания получения взятки // Научные труды Северо-Западного института РАНХИГС. 2019. № 1 (38). Т. 10. С. 233-238.

[1] Приговор Калининского районного суда г. Новосибирска от 24 апреля 2020 г. по делу № 1-55/2020 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/McD0seWqQar/ (дата обращения: 24.10.2022).

УДК 343.01

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Калашников Никита Анатольевич, Норкина Юлия Сергеевна
магистранты Института государства и права ТюмГУ, г. Тюмень, Россия
kalash77@inbox.ru
juliusn2000sn@mail.ru
Научный руководитель:
Иванова Лилия Викторовна
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института государства и права ТюмГУ,
г. Тюмень, Россия

Во все годы существования уголовного права в России оно претерпевало существенные изменения. Немалый вклад в изменения закона сделала политическая ситуация, как внутренняя, так и внешняя. Целью работы является анализ отдельно взятых изменений в уголовное законодательство прошлого и настоящего с целью определения качественного и количественного влияния политики и государственно-властных велений на уголовное право России на протяжении всей его истории. Исследование выявило, что, действительно, политическая ситуация и внутренние убеждения законодателя серьезно влияют на развитие уголовного права, хотя и учитывается социальный и общественный интерес. По результатам работы сделан вывод, что политика и право тесно связаны между собой.

Ключевые слова: государство; политика; геополитика; уголовная политика; уголовное право; становление.

На протяжении практически всей истории уголовного права, начиная с древнейших его памятников, таких как «Русская Правда»[1], и заканчивая современным Уголовным кодексом РФ[2], на все источники уголовного права сильнее всего влияли не идеи справедливости, не ключевые идеи доктрины и философии, а политическая ситуация, в которой возможна угроза государственному строю или существующей структуре российского общества, вызовы, представляющие опасность самому факту существования российской общности и государственности. Понимание того, действительно ли именно политическая ситуация, складывающаяся в каждый момент исторического развития, является ключевым источником для формирования и совершенствования уголовного права, есть цель нашего исследования.

[1] Памятники российского права : учеб. пособие / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2013. 526 с.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.

Актуальность работы обусловлена нарастающим давлением на Российскую Федерацию со стороны недружественных стран и влиянием геополитической ситуации на реалии российского общества, а также новыми вызовами для государственной и общественной безопасности со стороны отдельных субъектов.

В определенных кругах принято считать, что в последние годы существования современной России это проявляется наиболее остро, и все чаще появляются новые составы преступлений (или видоизменяются существующие) под влиянием надуманного растущего количества угроз и вызовов, из-за потребности в рекламе какой-либо политической силы. Другие силы считают, что иногда буквально «придумываются» новые составы преступлений, чтобы таким способом сбавить общественную напряженность или найти способ наказать за то, что ранее считалось ненаказуемым, но в силу именно общественной и политической интерпретации стало порицаемым [1, с. 182-186]. Необходимо разобраться, так ли это на самом деле, действительно ли большинство новых составов преступлений не имеют ничего общего с общественной необходимостью и социально не обусловлены.

Для начала следует определиться с понятием «политика». По Аристотелю, политика – деятельность государства, при которой оно реализует свои интересы и цели [2, с. 375-644]. Как известно, в своей сущности государство может быть очень различным, но бесспорно, что сущность государства всегда отвечает на вопрос о том, кому принадлежит государственная власть в данной конкретной стране, кто ее осуществляет и в чьих интересах [3, с. 104-106]. Поэтому в работе будем исходить из того, что власть, следовательно, и политика всегда осуществляется в чьих-то интересах, всегда основана на каком-то личном или коллективном интересе, на мотивах или даже на эмоциях.

Так как внешнюю и внутреннюю политику и уголовную политику всегда осуществляет одна и та же политическая сила, можно говорить об их взаимном влиянии друг на друга. Что касается дефиниции уголовной политики, прежде всего стоит отметить, что она объединяет интересы внутренней и внешней политики государства, решая задачи борьбы с преступностью как внутри, так и за его пределами. Есть разные точки зрения на её сущность, объекты и состав, например, некоторые авторы считают, что уголовная политика включается в себя ещё и криминологические методы предупреждения преступности [4, с. 46-49]. Криминологическая политика в таком ключе является частью уголовной политики и охватывает профилактику преступности, хотя, на наш взгляд, предупредительным и профилактическим действием обладают и меры уголовной политики, например, частью 2 статьи 43 УК РФ предусмотрено, что одной из целей наказания является предупреждение совершения новых преступлений. Рассматривать уголовную политику нужно в качестве части внутренней государственной политики, и тогда получается, что главная задача уголовной политики на современном этапе (как и политики государства) является всесторонняя защита личности, общества и государства, и именно для уголовного права, методами борьбы с преступностью [5, с. 7].

Рассматривая же конкретно российское уголовное право, то, как ранее было сказано, оно зачастую менялось из-за серьезных потрясений внутри

общества. Эта тенденция сильнее всего проявились в 20 веке, когда советская власть в лице коммунистической партии, помимо внутренней общегосударственной необходимости в защите наиболее важных общественных отношений, преследовала и свои внутренние интересы, закрепляя классовый характер уголовного права в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР»[1], а также усиливая ответственность для лиц, придерживающихся оппозиционных взглядов и критикующих советскую власть. Считается, что подобные процессы прочно укоренились и на современном этапе развития, но так кажется только на первый взгляд. Ощущается более чем уверенность, что при появлении в УК РСФСР норм о преступлениях против государства, они воспринимались современниками аналогично – совершенно надумано и избыточно. Однако при детальном анализе нормативных актов и сопроводительных актов законодательных органов становится ясно, что изменения вызваны хотя и не принципом справедливости или научными исследованиями, но запросами и требованиями общества и объективно сложившейся геополитической ситуацией. Например, в пояснительной записке к проекту ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[2] прямо сказано, что изменения предлагаются в ответ на недружественные действия США и других стран. Один из авторов законопроекта, депутат Исаев А.К., указал: «Это решения не ограничивающие, а, наоборот, защищающие права и свободы людей, проживающих в нашей стране». Поэтому говорить о «политизированности» той или нормы закона на данном этапе развития права будет неправильно. Когда Россия предстала перед угрозой самого факта своего существования, государство и общество отвечает на такие вызовы самым серьезным аргументом – уголовной политикой. На необходимость оказания противодействия неонацистским и экстремистским силам указывается и в юридической литературе [6, с. 310-317], которая считает, что новые составы преступлений, например, статья 354.1 УК РФ, отвечают общественному запросу и политической ситуации, когда всё чаще появляются политические силы (иногда и целые государства), которые пытаются реабилитировать нацизм или призывают к нарушению территориальной целостности РФ.

Кроме этого, в России действуют легитимные органы власти, избранные на общегосударственных выборах, осуществляющие свою деятельность в соответствии с законом, что является достижением именно последних лет существования демократической России. Если ранее царь был единственной властью, а после – веления партии, то именно в современный период истории писанный закон является основополагающим фактором деятельности и политики государства. В связи с этим и возникает вопрос: каким образом при всём многообразии демократических институтов та или иная «политическая» уголовная норма может проникнуть

[1] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. №66. 1919. Ст. 590.

[2] Законопроект№ 464757-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7 (дата обращения: 06.11.2022).

в законодательство? Общество этого просто не допустит. Социальную и общественную обусловленность права мы раскроем далее в работе.

Если мы обратимся непосредственно к источникам, то влияние политики видно даже в памятниках права (практически любого периода). Если мы проанализируем «Русскую Правду» Ярослава Мудрого, не сможем не заметить, что наказание будет зависеть от социального положения правонарушителя или объекта правонарушения [7, с. 438]. Так, штраф за убийство дружинников и княжеских слуг равнялся 80 гривнам, а за убийство простого горожанина – 40 гривен и за холопа – 5 гривен. Здесь политика проявляется в попытке защитить более привилегированные, приближенные к княжеской власти, объекты. За княжеского коня ответственность куда страшнее, чем за коня смерда.

Таким образом, мы сталкиваемся с другой проблемой: соотношения политики государства и уголовной политики. Кажется, что если одна власть, то и политика должна быть одна – последовательная, симметричная, логичная во всех сферах. Но положительный эффект от политических мер возможен только тогда, когда их законодательное закрепление и практическое применение носят не случайный характер, а представляют собой системную, конструктивную уголовно политику. При этом в истории России есть примеры, когда кажется, что в действиях властвующих сил отсутствует какая-либо логика и системность. Именно в этом и есть самое значительное проявление влияния политической ситуации на уголовную политику и уголовное право. Именно поэтому мы видим в Конституции СССР 1936 года[1] свободу митингов и демонстраций и одновременно в уголовному законодательстве ответственность за организацию антисоветской агитации. Как так получается, что каждому гарантируется свобода слова, свобода собраний и уличных акций, и при этом уголовным правом они фактически одновременно запрещаются? Ответ следует искать именно в политической ситуации и обстановке. Ведь, как ранее было сказано, на тот момент времени советская власть и коммунистическая партия как ее центральное ядро – основа общества и государства, это единственная политическая сила, а, следовательно, единственный властвующий субъект. И логично, что и выступление против нее на, казалось бы, разрешенных митингах есть выступление против советского государства в целом, против общества, значит – есть преступление.

Однако, нужно помнить и о таком понятии как «социальная обусловленность». Оно означает, что государство и власть должны реагировать таким образом, чтобы эти действия были одобрены обществом или его большинством. Как правило, эта обусловленность реализует одну из основных функций права – функцию сплочения социальных образований и представляет собой процесс достижения цели социального согласия и консенсуса [8, с. 19-28.]. По нашему мнению, нужно относится к преобразованиям в праве именно с точки зрения социальной обусловленности, иначе нередки были бы случаи гражданского протеста, несогласия и в целом значительным уровнем отставания гражданского общества

[1] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Советская Сибирь. №283 (5143). 1936.

от общемирового уровня, низкой гражданской ответственностью и других негативных общественных факторов, вплоть до люмпенизации общества и его абстрагирования от государства.

Нужно сказать, что данная тема очень проблемная и объемная, она обладает большой значимостью и исследовательским потенциалом, потому как будущие поколения и будущие законодатели, должны анализировать опыт предыдущий, в том числе в роли и значимости политики для общества. Но даже этой краткой статьи достаточно для главного вывода – политика в широком смысле и уголовная политика (а значит и право), латентно, но достаточно серьезно взаимосвязаны между собой. Поэтому для изучения влияния политики на российское уголовное право следует провести гораздо более глубокое и фундаментальное исследование.

Библиографический список

1.Непомнящая Т.В. Противоречия современной Российской уголовной политики // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2016. № 3 (48). С. 182-186.

2. Аристотель. Политика // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 4. М., Мысль, 1983. 830 с.

3. Рыбаков В.А. О сущности российского государства // Вестник ОмГУ. 1999. Вып. 1. С. 104-106.

4. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1990. С. 46-49.

5. Мальков С.М. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие // С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин, Е.А. Федорова. – Красноярск :СибЮИ МВД России, 2020. 72 с.

6. Иванова Л. В. Уголовно-правовая защита территориальной целостности Российской Федерации / Л. В. Иванова // Конституционализация отраслевого законодательства Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием, Тюмень, 22–23 октября 2021 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 310-317.

7. Пресняков А.Е. Князь-правитель. Русская правда и уставное законодательство / А. Е. Пресняков // Княжое право в Древней Руси : очерки по истории X- XII столетий; лекции по русской истории: Киев. Русь. Москва : Наука, 1993.

8.Бирюков С.В.Социальная обусловленность права: основные подходы // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. № 2 (51). С. 19-28.

УДК 343.918.2

ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИЮ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Ковшова Ирина Владимировна
студентка ФГКОУ ВО «Московской академии Следственного комитета Российской Федерации»,
г. Москва, Россия
ira.kovshova2017@gmail.com
Научный руководитель:
Бычков Василий Васильевич
Декан факультета повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московской академии Следственного комитета»,
к.ю.н., доцент, полковник юстиции,
г. Москва, Россия

В статье исследуется проблема классификации различных категорий лиц, осуществляющих организацию финансирования терроризма. Раскрыты причины совершения указанных преступлений, принципы вербовки таких лиц, а также условия привлечения их к уголовной ответственности и освобождения от неё в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: финансирование терроризма; вербовка лиц; мусульманин; пожертвования; экстремист; сепаратист; «теневой бизнес».

В последние десятилетия в Российской Федерации фиксируется рост преступлений террористического характера [1, с. 46-50]. При этом, по мнению специалистов, особо проблемным является противодействие финансированию терроризма [2, с. 9-16]. В частности, определение лиц, организующих финансирование террористической деятельности [3, с. 43-50].

Для каждой группы преступлений террористической направленности характерны общие социально-психологические черты личности преступников – социально-психологические универсалии. Они сближают всех лиц, которые, так или иначе, имеют отношение к терроризму, а равно к его финансированию. В то же время в теории еще не разработаны четкие критерии определения личности, осуществляющей финансирование терроризма, а также его организацию [4, с. 88-99].

В первую очередь необходимо выделить наиболее важные черты, которые характерны почти для всех лиц, финансирующие терроризм, а также осуществляющие его организацию. Они, как правило, являются приверженцами определенных направлений ислама, не обязательно радикальных, однако определенная часть все же придерживается именно таких взглядов. Вера в достижение высшей цели ислама стимулирует направлять денежные средства на организацию террористических преступлений различного рода. В отличие от лиц, которые в большинстве случаев совершают террористические акты, лица, их финансирующие,

не обязательно мужчины. Женщины также могут являться субъектами этого преступления.

Лица, осуществляющие организацию финансирования терроризма, склонны оправдывать свои действия религией, зачастую зная о последствиях, которые могут наступить в результате совершения этих действий, нередко склоняя и близких родственников либо иных лиц направлять денежные средства на террористическую деятельность. Такие лица, будучи воспитанными в определенной системе ценностей, ошибочно толкуют нормы ислама, пытаясь оправдать совершение преступных действий: в нормах шариата содержится смертная казнь в качестве наказания за совершение верующим мусульманином убийства, изнасилования, а также отступления от веры, если это стало следствием смерти другого лица. Однако террористы «Исламского государства» *(организация, запрещенная в России)* совершали публичные казни невиновных людей «во имя Аллаха».

Существует два принципа вербовки лиц для организации финансирования террористических организаций. Первый – идеологический принцип. Основной стимул, который заставляет людей финансировать террористические организации, – призыв со стороны других мусульман к созданию «правильного» исламского мира, который будет построен благодаря денежным средствам таких лиц.

Также ислам предполагает регулярные и добровольные пожертвования (закят и садака) на благотворительные цели. Следовательно, каждый правоверный мусульманин должен помогать нуждающимся для получения «большой награды от своего Создателя» [5]. Об этом также говорится и в Коране: «Те, кто жертвует из своего имущества ночью и днем, открыто и тайно, найдут свою награду у Господа» (2:274). Следовательно, лица, финансирующие терроризм, ошибочно верят в «защиту от Адского пламени», надеясь, что милостыня, отправленная террористам, «сотрет» их грехи [5].

Второй принцип – социальный. Здесь стимул заключается в возможности «обрести себя» среди других мусульман, стать частью исламского общества. Многие лица, финансирующие терроризм, выросшие и воспитанные в мусульманских семьях воспринимают отчисление денежных средств как необходимость продолжения дела своей семьи.

Также есть и категория лиц, находящихся «на распутье» в жизни. Такие лица не всегда мусульмане. В силу различных причин, они оказались в трудной жизненной ситуации и, стремясь получить помощь и защиту, одобрение или подтверждение правильности совершаемых действий, они отдают не только денежные средства, но и все принадлежащее им имущество [6, с. 275-276].

Главными условиями привлечения таких лиц к ответственности является достижение ими 16-летнего возраста, а также их вменяемость (ст. 19, ч. 2 ст. 20 УК РФ). Лицо должно действовать умышленно, осознавая общественно-опасный характер совершаемых действий, а также предвидеть неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде оказания материальной помощи именно террористической организации (прим.1 к ст. 205.1 УК РФ). Если лицо добросовестно заблуждалось в том, куда будут направлены денежные средства, оно подлежит освобождению от уголовной ответственности, т.к. умыслом лица не охватывалось финансирование террористической организации.

Например, следственным управлением по Северо-Западному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве расследовалось уголовное дело, в соответствии с которым А.Х. совместно со своей сестрой Л.Х. разделяя крайние, наиболее агрессивные формы ислама, призывающие к «джихаду» - священной войне против «неверных», то есть представителей других религий и конфессий, достоверно зная о функционировании на территории Сирийской Арабской Республики международной террористической организации «Исламское государство» (организация, запрещенная в России) (далее – ИГ), испытывая чувство искаженно трактуемого религиозного единства с её лидерами и участниками, действуя умышленно, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий, находясь на территории Кабардино-Балкарской Республики, вступили в совместный предварительный преступный сговор с другими участниками, направленный на организацию финансирования террористической организации ИГ путем организации сбора денежных средств, перечисления их на расчетные счета ее участникам и передачи им обналиченных денежных средств, то есть оказание им финансовой помощи, осознавая при этом, что собранные ими и переданные участникам ИГ денежные средства предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения различных преступлений террористической направленности. Под видом оказания помощи малоимущим мусульманам организовали не зарегистрированный в качестве юридического лица и общественного объединения благотворительный «Фонд «Одно тело», в котором под указанным благовидным предлогом обеспечили незаконный сбор денежных средств[1].

Необходимо также выделить еще одну группу лиц, занимающихся организацией финансирования терроризма, – экстремисты и сепаратисты. Эти лица – приверженцы крайних и радикальных взглядов в политике и религии. Среди них также есть и те, кто оказывает содействие террористическим организациям, в т.ч. финансирует их деятельность. Наиболее опасным является религиозный экстремизм, так как он предполагает «истинность» лишь одной религии. Такой экстремизм распространен по всему миру и сильнее всего угрожает миру и безопасности человечества, т.к. такие экстремисты стремятся, в том числе, и к физическому устранению представителей иных религий. Масштабная организация финансирования террористических организаций может повлечь дестабилизацию внутриполитической обстановки в регионе и даже в стране и может привести не только к конфликтам среди местного населения, но и к гражданской войне в стране [7, с. 29-34].

Одним из важнейших способов финансирования терроризма является незаконная деятельность в различных сферах, приносящая большую прибыль. Как правило, для таких целей в рамках легального создается «теневой бизнес», который представляет собой систему экономических отношений, находящихся вне

[1]Материалы уголовно дела в отношении А.Х., Л.Х., Следственноеуправление по Северо-Западному административному округу ГСУ СК России по г. Москве // По материалам СУ по СЗАО ГСУ СК России по. г. Москве.

рамок эффективного контроля со стороны государства [8].Это «ненаблюдаемая», неформальная часть экономической жизни страны [9].

Используя «теневой бизнес», руководящие им лица разрабатывают финансовую модель, включающую различные схемы не только по отмыванию денежных средств, но и схемы для их перевода террористическим организациям. Такие схемы скрывают противозаконные действия, потому что в них присутствует усложненный и большой вывод наличных денежных средств со счетов, что объясняет необычную активность, которая, как правило, несовместима с политикой такой организации.

Тем самым, существует множество причин, почему те или иные лица занимаются переводом денежных средств террористическим организациям, в т.ч. и организацией финансирования терроризма: социальных, идеологических и иных. Таких лиц можно разделить на несколько категорий:

1) приверженцы определенных направлений ислама;

2) лица, находящихся на «распутье» в жизни в силу различных обстоятельств;

3) экстремисты и сепаратисты;

4) руководящие лица крупных предприятий и организаций, а также иные лица.

Таким образом, оперативное и профессиональное определение лица, организовавшего финансирование террористической деятельности, не только повысит эффективность раскрытия и расследования преступления террористического характера, но и будет способствовать профилактике общественно опасных деяний данного вида.

Библиографический список

1. Бычков В.В. Преступления террористического характера: понятие и классификация // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 46-50.

2. Бычков В.В., Харченко С.В. Некоторые вопросы деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия информационной активности участников террористических и экстремистских действий // Военное право. 2021. № 3 (67). С. 9-16.

3. Бычков В.В., Прорвич В.А. Алгоритмы выявления признаков экстремистской и террористической деятельности с использованием Интернета на основе информационных шаблонов возможных составов преступлений данного вида // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 43-50.

4. Зеленков М.Ю. Социально-психологические универсалии личности современного террориста // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 88-99.

5. Благотворительность в исламе: достоинство раздачи милостыни [Электронный ресурс]. URL: https://islam.global/obshchestvo/ekonomika/ blagotvoritelnost-v-islame-dostoinstvo-razdachi-milostyni-/ (дата обращения: 20.11.2022).

6. Багмет А.М., Бычков В.В., Зеленков М.Ю. Расследование преступлений, связанных с экстремисткой и террористической деятельностью: учебник. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 275-276.

7. Бычков В.В. Квалификация террористического сообщества (ст. 205.4 УК РФ) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. Вып. 3. М.: Академия СК России, 2014. С. 29-34.

8. Феномен рыночного хозяйства: векторы и особенности эволюции. Инновации бизнеса и бизнес инноваций: монография / под ред. В.А. Сидорова, Я.С. Ядгарова, В.В. Чапля. Краснодар: НИИ Южного Федерального округа, 2017.

9. Додыханов Р.Т, Рубан В.В., Шулимова А.А. Теневой бизнес России как объект экономического анализа [Электронный ресурс]. URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/tenevoy-biznes-rossii-kak-obekt-ekonomicheskogo-analiza (дата обращения: 20.11.2022).

УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Лифанов Артём Валерьевич
студент Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия
lifanovartem02@yandex.ru
Научный руководитель:
Кострова Марина Борисовна
профессор кафедры уголовного права и процесса Института права
Уфимского университета науки и технологий, к.ю.н, доцент,
г. Уфа, Россия

На основе анализа уголовного законодательства, праворазъяснительной и правоприменительной практики выявлены проблемы назначения несовершеннолетним уголовного наказания в виде исправительных работ, доказывается, что они обусловлены недостатками законодательной регламентации этого вида наказания, к числу которых автор относит: 1) отсутствие в Уголовном кодексе РФ ограничений по возрасту и социальному статусу несовершеннолетних, которым может быть назначено наказание в виде исправительных работ, как не согласующееся с трудовым законодательством и законодательством в сфере образования; 2) уравнивание размеров удержаний из заработной платы несовершеннолетних и лиц, совершивших преступление в совершеннолетнем возрасте. По результатам проведенного сравнительно-правового анализа предлагается использовать опыт уголовного законодательства стран ближнего зарубежья в регламентации

наказания в виде исправительных работ, назначаемых несовершеннолетним, для решения выявленных российских проблем.

Ключевые слова: уголовный закон; несовершеннолетние, уголовное наказание; исправительные работы; сравнительно-правовой анализ.

В Уголовном кодексе РФ[1] (далее – УК РФ) выделена глава 14, регламентирующая особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, то есть лиц, «…которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет» (ч. 1 ст. 87). Несовершеннолетние имеют целый спектр признаков, выделяющих их на фоне других лиц, совершающих преступления, начиная от их правового статуса, и заканчивая социально-психологическими характеристиками личности. В связи с этим перечень назначаемых несовершеннолетним уголовных наказаний в ст. 88 УК РФ существенно сужен и включает только 6 видов наказаний, одним из которых являются исправительные работы.

Уголовное наказание в виде исправительных работ, согласно ч. 4 ст. 88 УК РФ, назначается несовершеннолетним на срок до 1 года. Иных законодательных установлений относительно специфики данного вида наказания для несовершеннолетних в главе 14 УК не имеется. Соответственно, его полное карательное содержание для несовершеннолетних определяется с учетом общих положений ст. 50 УК РФ: 1) исправительные работы устанавливаются на срок от 2 месяцев; 2) из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от 5 до 20 %. Распространяются на несовершеннолетнего и предписания ч. 1 ст. 50 УК о том, что исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его, и определяющие место их отбывания (имеющий основное место работы отбывает их по основному месту работы, не имеющий основного места работы – в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, в районе места жительства осужденного), и все иные предписания ст. 50 УК РФ. Таким образом, единственная предусмотренная УК РФ особенность наказания в виде исправительных работ, назначаемых несовершеннолетним, состоит в сокращении его максимального срока с 2 лет до 1 года.

Вместе с тем, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»[2] содержится целый свод правил назначения несовершеннолетним наказания в виде исправительных работ, а именно:

---

[1] Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2022).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. от 9 февраля 2012 г. № 3, от 2 апреля

– «…данный вид наказания может быть применен лишь к той категории несовершеннолетних осужденных, исправление которых возможно с помощью общественно полезного труда без изоляции от общества. При этом следует учитывать, как назначенное наказание может повлиять на учебу несовершеннолетнего, его поведение в быту, семье» (абз. 1 п. 23);

– «Назначение наказания в виде исправительных работ… возможно и в отношении несовершеннолетнего, проходящего обучение в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях или образовательных организациях высшего образования, кроме тех случаев, когда его исполнение может реально препятствовать продолжению обучения, например при очной форме обучения» (абз. 2 п. 23);

– «По общему правилу исправительные работы могут быть назначены несовершеннолетнему, достигшему возраста 16 лет, на срок от двух месяцев до одного года, а в случаях, предусмотренных частями второй и третьей статьи 63 Трудового кодекса… и несовершеннолетнему, достигшему возраста 15 и 14 лет соответственно» (абз. 3 п. 23);

– «При назначении несовершеннолетнему наказания в виде исправительных работ, суду надлежит обсудить возможность его исправления без реального отбывания этого наказания» (абз. 4 п. 23);

– «На лиц, осужденных к наказаниям в виде исправительных работ… распространяются нормы Трудового кодекса… об особенностях регулирования труда работников в возрасте до 18 лет» (п. 24).

Как видим, назначение уголовного наказания в виде исправительных работ конкретному несовершеннолетнему не может осуществляться исключительно и только путем применения норм УК РФ, оно требует учета норм трудового законодательства для прогнозирования исполнимости исправительных работ и их результативности в достижении целей наказания. Не случайно в научной литературе это наказание предлагается считать «межотраслевым институтом, так как порядок его назначения и исполнения регулируется нормами не только уголовного и уголовно-исполнительного, но и трудового права» [1, с. 47]. И не случайно, как видно по данным судебной статистики за последние четыре с половиной года[1], в структуре наказаний, назначенных несовершеннолетним, исправительные работы составляют незначительную долю (см. таблицу ниже).

2013 г. № 6, от 29 ноября 2016 г. № 56, от 28 октября 2021 г. № 32) // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:http://www.supcourt.ru/documents/own/8276/ (дата обращения: 28.10.2022).

[1] См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год, за 2019 год, за 2020 год, за 2021 год, за 1-е полугодие 2022 года / форма № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL:http:// www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 ; URL:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259 ; URL:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669;
URL:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121;

	общее количество несовершенно-летних осужден-ных	назначено наказание в виде исправи-тельных работ	условное осужде-ние к исправи-тельным работам	условное осуждение к лишению свободы
2018 г.	18826	248	280	7244
2019 г.	16858	182	208	6350
2020 г.	14702	212	201	5790
2021 г.	14863	203	158	5791
2022 г. 6 мес.	7013	103	77	2661

Из таблицы также видно, что исправительные работы нередко назначаются несовершеннолетним условно, без реального отбывания наказания. Такая ситуация, очевидно, связана с тем, что несовершеннолетнему достаточно сложно подобрать, во-первых, работу вообще, во-вторых, посильную работу, в-третьих, работу которая не приведет к его отрыву от образовательного процесса или к его затруднению, что в свою очередь может стать причиной некорректного интеллектуального и психологического развития подростка. Но, вместе с тем, возникает вопрос о целесообразности назначения несовершеннолетним наказания в виде исправительных работ условно, притом что в главе 14 УК РФ предусмотрена возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст.ст. 90, 91) как альтернативы уголовному наказанию.

Приведем только один показательный пример. По приговору районного суда Л.А.А. был осужден к наказанию в виде исправительных работ сроком на 10 месяцев с удержанием 10 % из заработной платы в доход государства, с применением ст. 73 УК РФ условно. Суд апелляционной инстанции отменил этот приговор «в связи с несправедливостью назначенного Л.А.А. наказания ввиду его чрезмерной суровости и неправильного применения уголовного закона при его назначении» и прекратил уголовное дело на основании ст. 90 УК РФ, мотивируя свое решение тем, что судом не соблюдены требования норм Трудового кодекса РФ об особенностях регулирования труда работников в возрасте до 18 лет, указав также: «…на момент рассмотрения дела судом первой инстанции подсудимому Л.А.А. исполнилось 14 лет, он обучается в 9 классе школы, то есть общего среднего образования не получил, имеет проблемы с обучением, за предшествующую судебному заседанию четверть получил неудовлетворительные оценки по трем предметам. Вместе с тем, назначая ему наказание в виде исправительных работ, суд не получил на это письменное согласие родителей

(матери), не обсудил, как данный вид наказания, в случае замены его реальным, скажется на освоении Л.А.А. общеобразовательной программы»[1].

В уголовно-правовой литературе обоснованно, на наш взгляд, высказываются критические суждения о законодательной регламентации исправительных работ как вида наказания, назначаемого несовершеннолетним. Так, Е.Н. Федотова на основе детального анализа норм трудового законодательства пришла к выводу о необходимости «прямого запрета на назначение исправительных работ лицам, не достигшим 16 лет, а также несовершеннолетним, получающим образование, так как установленные трудовым законодательством для данной категории лиц особенности организации труда фактически не совместимы с порядком и условиями отбывания исправительных работ», для чего ею предлагается указать в ч. 4 ст. 88 УК РФ: «исправительные работы могут назначаться лицам, достигшим к моменту вынесения приговора 16-летнего возраста, не получающим образования» [1, с. 48-50]. Л.М. Прозументов и Н.В. Ольховик тоже считают нужным установление запрета на назначение исправительных работ несовершеннолетним, не достигшим возраста 16 лет, аргументируя это тем, что сейчас УК в части регламентации этого вида наказания не только не согласован с трудовым законодательством, но и «игнорирует принцип приоритетности образования (ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»), требование обязательности среднего общего образования к конкретному обучающемуся до достижения им возраста 18 лет, положений ч. 6 ст. 66 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» о том, что привлечение несовершеннолетних, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, к труду возможно только с их согласия на трудоустройство». Кроме того, Л.М. Прозументов и Н.В. Ольховик полагают, что законодательный подход к установлению пределов удержаний из заработной платы несовершеннолетних, не отличающихся от удержаний, предусмотренных для взрослых, носит дискриминационный характер, в связи с чем предлагают уменьшить эти пределы [2, с. 125, 129]. О целесообразности снижения этих пределов пишут также другие авторы. Например, Е.В. Роговой предлагается снизить верхний предел удержаний из заработной платы несовершеннолетних в доход государства до 15 % [3, с. 23]. По мнению А.В. Шлыковой, эти удержания должны составлять в пределах от 3 до 10 % [4, с. 232].

Мы тоже считаем, что необходима адаптация под возрастные особенности несовершеннолетнего осужденного процентов удержаний из заработной платы в доход государства, устанавливаемых приговором суда при назначении наказания в виде исправительных работ. Учитывая вышеизложенное, целесообразна также конкретизация в ч. 4 ст. 88 УК РФ возрастных и социальных характеристик несовершеннолетних, которым может быть назначено наказание в виде исправительных работ. Полагаем, что полезным будет для этих целей изучение опыта уголовного законодательства стран ближнего зарубежья.

---

[1] Апелляционное постановление № 10-905/2018 // Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2018 года [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в этих странах имеют место разные подходы к законодательной регламентации уголовного наказания в виде исправительных работ, назначаемых несовершеннолетним, наиболее оптимальными нам видятся следующие.

Так, согласно УК Украины[1] исправительные работы могут быть назначены несовершеннолетнему в возрасте от 16 до 18 лет по месту работы (ст. 100). По УК Туркменистана[2] исправительные работы «применяются только к достигшим шестнадцатилетнего возраста трудоспособным несовершеннолетним по месту их работы, а если несовершеннолетний не работает и не учится, в иных местах в районе жительства осужденного – на срок до шести месяцев» (ст. 86). УК Кыргызской Республики[3] в ст. 107 предусматривает: «Исправительные работы назначаются трудоустроенным детям в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет по месту работы от одного месяца до одного года. Из заработка ребенка, осужденного к исправительным работам, осуществляется отчисление в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от 5 до 10 процентов». При этом для взрослых, в соответствии со ст. 64 УК Кыргызской Республики, срок исправительных работ составляет от 2 месяцев до 3 лет, а отчисления в доход государства установлены в пределах от 10 до 25 %; кроме того, ч. 3 ст. 64 установлен запрет на назначение исправительных работ лицам, обучающимся в учебных заведениях с отрывом от производства. В УК Республики Беларусь[4] в ст. 113 регламентируется, что исправительные работы «назначаются лицу, достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, на срок от двух месяцев до одного года по месту работы», а удержания из заработка в доход государства составляют от 5 до 15 %. В то же время взрослым, как закреплено в ст. 52 УК Республики Беларусь, исправительные работы могут быть назначены на срок от 6 месяцев до 2 лет, а размер удержаний установлен в пределах от 10 до 25 %; также в ч. 3 содержится запрет на назначение исправительных работ лицам, не достигшим 16-летнего возраста.

Полагаем, что этот позитивный опыт уголовного законодательства стран ближнего зарубежья должен быть учтен и использован российским законодателем для решения выявленных проблем назначения несовершеннолетним уголовного наказания в виде исправительных работ.

---

[1] Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с посл. изм. и доп. от 28 июля 2022 г. № 2472-IX) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 29.10.2022).

[2] Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с посл. изм. и доп. от 13 ноября 2021 г.) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:https://continent-online.com/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 29.10.2022).

[3] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с посл. изм. и доп. от 9 августа 2022 г. № 89) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 29.10.2022).

[4] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с посл. изм. и доп. от 13 мая 2022 г. № 165-З) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:http://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 29.10.2022).

Библиографический список

1. Федотова Е.Н. Проблемы реализации трудовых прав несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 9 (196). С. 47-52.
2. Прозументов Л.М., Ольховик Н.В. Проблемы и перспективы применения альтернатив лишению свободы к несовершеннолетним // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 123-132.
3. Рогова Е.В. Содержание исправительных работ, применяемых к несовершеннолетним // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3 (17). С. 20-27.
4. Шлыкова А.В. Проблемы назначения и исполнения исправительных работ в отношении несовершеннолетних // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXV международной научно-практической конференции. Пенза, 2019. С. 230-232.

УДК 343.2

ЧИТЕРСТВО КАК УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОЕ ДЕЯНИЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ

Сиражитдинов Айнур Ильшатович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
sirazhitdiniv@mail.ru
Научный руководитель:
Лифанова Марина Владиславовна
доцент кафедры уголовного права и процесса
Института права УУНиТ, к.ю.н.
г. Уфа, Россия

Всеобщая информатизация и компьютеризация ставят новые задачи в области регулирования общественных отношений, в частности с помощью уголовного права. Целью работы является анализ законодательных актов иностранных государств и их уголовной политики в области недопущения нарушений на киберспортивных соревнованиях, а также в сфере уголовно-правового запрета использования программ, которые позволяют обеспечить себе недобросовестное преимущество в играх. Исследование позволило выявить пробелы в законодательстве РФ и изучить один из способов регулирования данной сферы отношений с помощью норм уголовного права, который можно использовать в российской законотворческой практике.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, киберспорт, компьютерные игры.

Россия постепенно становится государством с постиндустриальной экономикой, а значит, с постиндустриальным обществом, где главным стимулом развития являются информационные технологии. Это объясняет и активное развитие рынка игровой индустрии, в которую входят компьютерные игры. Однако, за общим развитием информационного общества не успевает российское законодательство. Несмотря на то, что Уголовный кодекс Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) имеет главу 28, которая посвящена преступлениям в сфере компьютерной информации, содержащихся в ней статей все еще недостаточно для полного охвата новых явлений, связанных с общественно опасными деяниями в данной области.

Таким новым явлением может стать несанкционированное вмешательство в компьютерную игру, в результате которого лицо получает преимущество, с целью извлечения определенной выгоды (победы в игровом раунде, получение большого количества ресурсов, нанесения большого урона противнику и т.д.). В широком употреблении для обозначения этих действий используется слово «читерство» (от англ. to cheat - мошенничать). Однако использование этого понятия в рамках уголовного права России невозможно, так как в УК РФ уже закреплен в статье 159 термин «мошенничество», который имеет иное содержание, отличное от рассматриваемого, но это положение находится во взаимосвязи с другими статьями. Так, Верховный Суд РФ обращает внимание судов на то, что «мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274.1 УК РФ»[2].

Возвращаясь к главе 28 УК РФ, нужно обратить внимание на статью 273, которая устанавливает ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ для осуществления вмешательства в компьютерную информацию. Рассматриваемое положение, на первый взгляд, может быть основанием для привлечения к уголовной ответственности за читерство. Однако в примечании к ст. 272 УК РФ законодатель дает вполне конкретное определение компьютерной информации – «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». Из этого мы можем сделать вывод, что охраняемый данной уголовно-правовой нормой объект не имеет отношения к компьютерным играм, а, значит, данная статья и не может применяться к

[1] Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.10.2022).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.№ 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 29 июня 2021 г. № 22) // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/files/26106/ (дата обращения: 15.10.2022).

исследуемому нами деянию. Тем не менее, судебная практика, которая появилась не так давно, демонстрирует нам немного иной подход. Так, в июле 2022 года Верх-Исетский районный суд Екатеринбурга вынес обвинительный приговор в отношении Андрея Кирсанова, за распространение чит-кодов к игре[1]. Никакого противоречия между этим решением и положением статьи нет, так как фактически суд выносит такое решение исходя из того факта, что здесь осуществляется именно распространение «вредоносных программ» - чит-кодов. Определенное расширение нормы происходит, так как в данном деле фигурирует не просто «информация», против которой эти программы должны были быть использованы для вмешательства в игровой процесс. Но суть статьи осталось такая же – они применяется только за распространение «вредоносных программ», но никак за их использование.

В УК РФ также используется термин «вредоносная компьютерная программа», но законодатель не дает определение этому понятию. В уголовно-правовой доктрине к вредоносным компьютерным программам относят либо программы-вирусы, которые непосредственно входят в контакт с компьютерной информацией, в результате чего происходит несанкционированное взаимодействие, либо программы, которые содержат определенные команды – «троянский конь» [1]. Однако для квалификации читерства мы это понятие также не можем использовать, поскольку «вредоносная компьютерная программа» выступает в качестве орудия или средства совершения преступления против информации, а не как сам факт вмешательства в игровой процесс.

Таким образом, на основе анализа действующего российского уголовного законодательства можно сделать вывод о недостаточности регулирования в области защиты компьютерных технологий, в том числе и защиты от постороннего вмешательства в игровой процесс.

Для полного и объективного анализа поставленной проблемы обратимся к законодательству иностранных государств.

Наибольший интерес для нашего исследования вызывают законодательные акты Республики Корея. Данная страна, являясь центром игровой индустрии и киберспортивных соревнований, закрепила в своих уголовно-правовых нормах наказание за использование «вредоносных программ» для мошенничества в видеоиграх, то есть за их применение в процессе игры.

Так, в Южной Корее существует Закон о продвижении игровой индустрии, принятый в 2020 году. Этот закон, устанавливает наказание в виде тюремного заключения сроком до 5 лет или штрафа до 50 миллионов вон за спекулятивные действия в отношении игровых продуктов[2].

Анализируя текст Закона о продвижении игровой индустрии Республики Корея и УК РФ можно прийти к следующим выводам.

---

[1] Комсомольская правда от 6 июля 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ural.kp.ru/daily/27415/4613563 (дата обращения: 06.10.2022).

[2] Закон Южной Кореи «О защите игровой индустрии» от 9 июня 2020 г. (в ред. от 10.12.2020) // Корейский законодательный информационный центр [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.go.kr/ (дата обращения: 06.10.2022).

Во-первых, Закон о продвижении игровой индустрии Республики Корея не ограничивает предмет рассматриваемых деяний исключительно компьютерной информацией, включая в него и игровые продукты. Это наделяет корейский закон большей определенностью, которая несвойственна российскому уголовному законодательству, использующему понятие «вредоносная программа» и очень узкий термин «компьютерная информация».

Во-вторых, Закон о продвижении игровой индустрии Республики Корея учитывает современные условия, в которых живет общество и государство. Он основан на том, что игровые продукты, иначе говоря, видеоигры, уже перестали быть простым развлечением, а превратились в вид спорта – киберспорт (в России признан как вид спорта), где призом являются значительные денежные суммы. Именно поэтому использование сторонних программ, которые могут дать преимущество игроку над другими, не является правомерным, так как для достижения этого преимущества необходимо осуществить несанкционированное вмешательство или использовать «вредоносную программу». Такое вмешательство сравнимо с применением «допинга» на обычных спортивных соревнованиях, за что спортсмены дисквалифицируются, а лица, которые принудили их к принятию таких средств, привлекаются к уголовной ответственности. В частности, УК РФ содержит статью 230.1, предусматривающую уголовную ответственность за «склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Эта статья является также актуальной в современном мире, особенно для России.

Подводя итог исследованию, нужно сказать, что, несмотря на наличие в судебной практике такого прецедента, как вынесение приговора за распространение чит-кодов, суть существующего в уголовном законодательстве положения ст. 273 УК РФ не меняется, так как осуждение по данной статье происходит за факт распространения, но не за сам факт использования в компьютерных играх таких программ, которые позволяют обойти определенную защиту и получить преимущество над другими игроками. Также стоит отметить, что эта новая судебная практика имеет единичный характер и на настоящий момент не имеет широкого распространения, что не гарантирует продолжения использования данной практики другими судами.

Именно поэтому есть необходимость не просто расширить толкование существующей статьи, но ввести новое положение, которое бы закрепляло наказание за использование вредоносных программ в игровом процессе, что требует введения самостоятельного состава преступления.

Библиографический список

1. Евдокимов К.Н. Вредоносные компьютерные программы как орудие и средство совершения преступлений: онтологические и гносеологические аспекты // Российская юстиция. 2020. №3. [Электронный ресурс]. URL:https://www.elibrary.ru/ (дата обращения: 23.10.2022).

УДК 343.5

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 157 УК РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Тройчук Рита Олеговна
студент Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
г. Ростов-на-Дону, Россия
ritatroichuk@yandex.ru
Научный руководитель:
Подройкина Инна Андреевна
доктор юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
г. Ростов-на-Дону, Россия

Проблема защиты прав семьи и несовершеннолетних является актуальной в России на протяжении многих лет. Поэтому анализ правовых норм, предусматривающих ответственность за неуплату алиментов, позволит выявить проблемные стороны, связанные с их применением. Это и послужило целью данной работы. В результате проведенного анализа был сделан вывод, что важно не только установить наказание для должников, но и обеспечить меры по профилактике таких правонарушений.

Ключевые слова: алименты; административная преюдиция; должник; неуплата средств на содержание; несовершеннолетний; уголовная ответственность.

Сегодня в Российской Федерации уделяется особое внимание поддержке семьи, материнства, отцовства и детства. Приоритетным направлением в деятельности Правительства РФ является, в том числе, разработка программ, направленных на формирование у молодого поколения представления о важности создания семьи, как наиболее благоприятной среды для рождения и воспитания детей. Однако порой не всем семьям суждено быть прочными и благополучными, поэтому в современном обществе нередко поднимается вопрос о возникновении алиментных обязательств и ответственности за их неуплату.

Статья 157 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) содержит в себе «преюдиционный элемент», поскольку обязательным признаком объективной стороны данного состава преступления выступает неоднократность совершенного деяния. Неоднократность подразумевает собой повторность совершения аналогичного деяния, за которое лицо считается подвергнутым административному наказанию. Вместе с тем, существует ряд проблемных аспектов при применении данной статьи на практике.

Во-первых, в 2016 году статья за неуплату алиментов подверглась существенным изменениям, одним из которых стало исключение из диспозиции такого признака, как»злостность уклонения». Вместо него теперь используется

формулировка: неуплата алиментов «без уважительной причины». Ранее по поводу понятия «злостное уклонение» не утихали споры в научном сообществе, т.к. множество авторов представляли свои определения, а сам законодатель легального определения не давал. Казалось бы, ситуация должна изменится после внесения поправок в статью. Но это не так.

Дело в том, что перечень неуважительных причин отсутствует, суд их определяет сам при рассмотрении конкретного дела.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 6 определено, что «уважительными причинами неуплаты алиментов могут быть признаны такие обстоятельства, при которых неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей имела место независимо от воли лица, обязанного уплачивать алименты (например, в связи с его болезнью (нетрудоспособностью); по вине других лиц, в частности в связи с невыплатой заработной платы работодателем, задержкой или неправильным перечислением банком сумм по алиментам; вследствие обстоятельств непреодолимой силы; ввиду прохождения лицом военной службы по призыву и т.д.)»[1].

Таким образом, перечень причин не является закрытым в обоих случаях. Однако нам кажется, что будет благоразумнее, если законодатель сам конкретизирует диапазон неуважительных причин неуплаты алиментов, чтобы избежать необоснованных приговоров.

Что же качается уважительных причин, то анализ судебной практики показал, что суд при вынесении приговоров исключает такое явление как крайняя необходимость. Например, можно столкнуться с ситуацией, когда на иждивении у гражданина, имеющего алиментные обязательства, находится лицо, которое в силу наличии болезни является нетрудоспособным. Суду стоит учитывать, что покупка дорогостоящих лекарств и лечение влекут колоссальные затраты, что может существенно урезать бюджет даже на покупку товаров первой необходимости. Поэтому мы считаем, что в таких ситуациях должна применяться статья 2.7 КоАП РФ или 39 УК РФ, а подобные обстоятельства рассматриваться как уважительные.

Во-вторых, проблемным аспектом является тот факт, что момент, когда подвергнутое административной ответственности лицо снова становится должником, уголовным законом не установлен. Предпосылкой привлечения к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ служит вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении [1, с. 100]. Согласно статье 5.35.1. КоАП РФ лицо привлекается к административной ответственности спустя два месяца после просрочки по уплате алиментов. С другой стороны, УК РФ момент привлечения к уголовной ответственности не устанавливается. По смыслу закона уголовная ответственность за данное деяние должна наступать

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:https://www.vsrf.ru/documents/own/29956/?ysclid=l9vpnb42nt64184514 (дата обращения 29.09.2022).

также спустя два месяца неуплаты алиментов в течение года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания.

На наш взгляд, субъект должен быть подвергнут уголовной ответственности уже через месяц неуплаты средств на содержание. Такая позиция представляется нам оправданной, поскольку согласно статье 81 СК РФ алименты выплачиваются раз месяц. Должник, будучи подвергнутым административному наказанию, однозначно осознает, что его действия противоправны и влекут в дальнейшем уголовную ответственность. Однако, несмотря на это, продолжает настойчиво уклоняться от уплаты алиментов. Исходя из этого, можно сделать вывод, что административного наказания недостаточно для его исправления и необходимо применять более строгий вид ответственности. Более того, проанализировав судебную практику по делам о неуплате алиментов, можно сделать вывод, что суды разделяют такую же позицию при вынесении обвинительного приговора[1]. Соответственно, целесообразно рекомендовать законодателю устранить данный пробел посредством установления момента привлечения к уголовной ответственности за данное преступление в самой диспозиции ст.157 УК РФ в срок, который составляет один месяц неуплаты алиментов.

В-третьих, большой интерес имеет вопрос о том, образуется ли совокупность преступлений при неуплате алиментов в отношении двух и более лиц. Позиция судов по этому поводу различна, а сам законодатель никаких разъяснений на этот счет не дает.

Например, Б. был уведомлен о принудительном взыскании средств на содержании несовершеннолетних детей, которое было объединено в одно производство. В связи с уклонением от уплаты алиментов в отношении двух детей, Б. сначала был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП, а впоследствии признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК. По мнению судьи, у Б. был единый преступный умысел[2].

Противоположную позицию можно проиллюстрировать следующим примером из судебной практики. Согласно обстоятельствам дела, К. был привлечен к административной ответственности, поскольку не осуществлял уплату алиментов на двух несовершеннолетних детей, далее К. продолжал уклоняться от обязанности и в течение более чем двух месяцев не осуществлял выплат. По этой причине К. был привлечен к уголовной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 157 УК РФ[3].

---

[1]Обобщение судебной практики рассмотрения мировыми судьями уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 157 УК РФ в 2014, 1 квартал 2015 гг. // Официальный сайт Люберецкого городского суда [Электронный ресурс]. URL: http://luberetzy.mo.sudrf.ru (дата обращения 29.11.2022).

[2]Приговор мирового судьи Зейского городского судебного участка Амурской области от 1 ноября 2018 г. по делу № 1-68/2018 // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения 29.11.2022).

[3]Приговор мирового судьи судебного участка N 7 Правобережного округа г. Иркутска от 15 марта 2018 г. по делу № 1-11/2018 // СудАкт [Электронный ресурс].URL: https://sudact.ru/ (дата обращения 29.00.2022).

Безусловно, каждая ситуация уникальна, поэтому требует отдельного рассмотрения. Как верно подмечает Ю. Пудовочкин, «обстоятельством, исключающим совокупность, будет не сам по себе факт наличия нескольких потерпевших, а характеристика субъективной стороны совершенного деяния: единство умысла и единство мотива на совершение преступлений в отношении двух или более лиц. Единство преступных намерений – признак, отграничивающий совокупность от единого преступления» [2, с. 60].

Таким образом, мы пришли к выводу, что неуплата средств на содержание в отношении двух и более лиц по общему правилу признается единым продолжаемым преступлением, т.к. охватывается одним умыслом, целью и мотивом [3, с. 40]. Также хотелось бы предложить законодателю для обеспечения однообразной судебной практики включить в статью 157 УК РФ квалифицированный состав, который и будет предполагать неуплату алиментов в отношении двух и более лиц. Думается, это дополнение требуется и потому, что это деяние характеризуется более высокой общественной опасностью.

Теперь хотелось бы обратить внимание на практическую значимость статьей 5.35.1 КоАП и 157 УК РФ. В Федеральной службе судебных приставов России находилось 791 688 дел о взыскании средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей на сумму более 156 млрд. руб. в конце 2020 года. К слову, в 2019 г. количество дел было равно 806,4 тыс. на сумму более 150 млрд. руб., в 2012 г. – всего 19,8 млрд. руб. Невооруженным взглядом видно, что статистика не прогрессивная.

За 2020 год по ст. 157 УК РФ было осуждено 37732 должников [4]. Это может говорить о низкой эффективности работы статьи за неуплату алиментов. Наказание, которое чаще всего применяется за данное преступление – исправительные работы. Следовательно, должнику проще отбыть наказание, чем исполнять свои родительские обязанности. Выходит, что административных и уголовных мер недостаточно.

Мы предлагаем в таком случае обратиться к опыту Республики Беларусь. Здесь граждан, злостно уклоняющихся от выплаты алиментных обязательств, на основании решения суда привлекают к принудительному трудоустройству и, как следствие, удержанию из заработной платы средств на содержание подопечного. Если обязанное лицо уклоняется от работы, всячески пытается скрыть свой доход или совершает иные незаконные действия, то это влечет уголовную ответственность[1]. Однако основополагающей идеей являются недопущение привлечения лица к уголовной ответственности и его исправление на более ранней стадии. Ведь сам факт судимости мешает лицу успешно найти работу, как результат, лицо может повторно столкнуться с отсутствием возможности выплачивать алименты.

[1]Декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., №198, 1/8110 (опубликован - 1 декабря 2006 г.) // Газета «Советская Белоруссия» от 28 ноября 2006 г., №223.

Кто-то может возразить, указывая на то, что сам факт принудительного труда нарушает законные права и свободы, которые установлены на международном уровне (например, ст. 2 Конвенции «Относительно принудительного или обязательного труда»[1]) и Конституцией РФ (ч. 2 ст.37). Но не стоит забывать, что на уровне основного закона РФ закреплено, что детство находится под защитой государства (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ), а приоритетным направлением правотворчества является защита прав и законных интересов детей, что также провозглашается в международных правовых актах (например, принцип № 2 Декларации прав ребенка 1959 г.)[2]. Согласно ч.2 ст.3 Конвенции о правах ребенка «государства – участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью принимают все соответствующие законодательные и административные меры».

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что нормы права ставят превыше всего защиту детства, а также права и законные интересы детей, поэтому введение такой меры как принудительное трудоустройство нам видится оправданным. Безусловно, если российский законодатель примет решение перенять подобный опыт Беларуси, необходимо будет адаптировать его под отечественное законодательство. Но на наш взгляд, это необходимо, поскольку мы верим, что такой подход сможет изменить статистику в лучшую сторону.

Подводя итог, можно отметить, что особенности привлечения к административной и уголовной ответственности лиц, имеющих задолженность по алиментам, имеют ряд проблемных моментов. Однако новая редакция ст.157 УК РФ имеет значительные преимущества в сравнении с прошлой. Но законодателю стоит поработать над некоторыми пробелами.

Библиографический список

1. Подройкина И.А. Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.] // Образовательная платформа Юрайт [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/449241 (дата обращения: 19.10.2022).

2. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. Избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 69 // Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]. URL: https://search.rsl.ru (дата обращения: 25.10.2022).

[1] Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 29.10.2022).

[2]«Декларация прав ребенка» (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант Плюс»// СПС «Консультант Плюс»[Электронный ресурс].URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 29.00.2022).

3. Макеева И.С., Харламова А.А. Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Законность. 2021. № 10. С. 40 - 45.
4. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов // Официальный сайт Службы Судебных приставов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://fssp.gov.ru/statistics/ (дата обращения: 25.10.2022).

УДК 343.2/.7

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ПРЕДМЕТ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Тухватуллина Ильмира Илхамовна
магистрант Института права Уфимского университета
науки и технологий,
г. Уфа, Россия
tuhvatullinaii@mail.ru
Научный руководитель:
Кострова Марина Борисовна
профессор кафедры уголовного права и процесса Института права
Уфимского университета науки и технологий, к.ю.н, доцент,
г. Уфа, Россия

На основе анализа уголовного и позитивного законодательства, праворазъяснительной и правоприменительной практики, работ теоретиков уголовного права выявлена проблема неоднозначного толкования понятия «официальный документ», обозначающего предмет преступления в составе служебного подлога. Обосновывается, что это, в свою очередь, влечет возникновение проблем при квалификации служебного подлога и не позволяет сформировать единообразную правоприменительную практику. Для решения выявленных проблем предлагается включить в Уголовный кодекс РФ законодательное определение понятия «официальный документ».

Ключевые слова: уголовный закон; преступление; служебный подлог; предмет преступления; официальный документ; квалификация преступления.

Предметом служебного подлога, согласно диспозиции ч. 1 ст. 292 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) являются официальные документы (за исключением паспорта гражданина РФ и документов, на основе которых приобретается гражданство РФ). При этом в самом УК РФ определение понятия «официальный документ» не дано, нет его нормативной дефиниции общего характера и в позитивном законодательстве.

Так, в Гражданском кодексе РФ (часть четвертая) имеется ст. 1259, п. 1 ч. 6 которой установлено, что объектами авторских прав не являются «официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований, в том числе законы, другие нормативные акты,

судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы». Соответственно, перечисленные здесь документы относятся к числу официальных. Но в силу специфики отраслевого регулирования ГК и УК не все из них могут признаваться предметом служебного подлога по причине особенностей его объективной стороны (внесение в официальный документ заведомо ложных сведений либо исправлений, искажающих его действительное содержание) и субъекта преступления (им является только должностное лицо, государственный или муниципальный служащий). Также в России действует Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», ч. 1 ст. 5 которого к официальным документам относит «документы, принятые органами государственной власти Российской Федерации, другими государственными органами Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и опубликованные ими или от их имени». Однако данный Федеральный закон имеет ограниченную сферу действия, поскольку в его преамбуле указано, что он «определяет политику государства в области формирования обязательного экземпляра документов как ресурсной базы комплектования полного национального библиотечно-информационного фонда документов Российской Федерации и развития системы государственной библиографии, предусматривает обеспечение сохранности обязательного экземпляра документов, его общественное использование».

Вместе с тем, именно на этот Федеральный закон ссылается Конституционный Суд РФ при толковании понятия «официальный документ»[1], указывая: «…федеральный законодатель в статье 292 УК… предусмотрел ответственность… не определяя понятие официального документа. Вместе с тем оценка документа как предмета данного преступления не является произвольной, поскольку официальными документами в силу действующего законодательства (статья 5Федерального закона от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов») являются документы, принятые органами законодательной, исполнительной и судебной власти, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер». Но, несмотря на авторитет Конституционного Суда РФ, не все из указанных им официальных документов могут быть отнесены к предмету служебного подлога. Например, в правоприменительной практике таковым не признается документ информационного характера.

Так, отменяя приговор суда, которым С. была осуждена по ст. 292 УК РФ, а также определение судебной коллегии, которым данный приговор был оставлен без изменений, и прекращая уголовное дело за отсутствием в действиях С. состава преступления, Президиум Свердловского областного суда мотивировал свое решение следующим: «Работая в качестве следователя … С. … внесла в две статистические карточки заведомо ложные сведения… По смыслу ст. 292 УК РФ

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1236-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision9066.pdf (дата обращения: 23.10.2022).

предметом служебного подлога являются лишь официальные документы, т.е. такие, которые удостоверяют события или факты, имеющие юридическое значение и влекущие соответствующие юридические последствия, либо предоставляют права, возлагают обязанности или освобождают от них… статистические карточки являются формой первичного учета выявленных преступлений и лиц, их совершивших, и служат целям контроля за своевременностью поступления первичной учетной документации, подбора отдельных сведений о преступности, результатах расследования по делу и иным справочным сведениям. Таким образом, статистические карточки… носят информационный характер и как документы первичного учета преступлений применяются только для решения ведомственных задач… При таких обстоятельствах указанные статистические карточки как не устанавливающие каких-либо юридических фактов и не влекущие правовых последствий нельзя признать официальными документами»[1].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[2] в п. 35 разъяснил: «…предметом преступления, предусмотренного статьей 292 УК РФ, является официальный документ, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. К таким документам следует относить, в частности, листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля».

Тем не менее, и после данного Пленумом Верховного Суда РФ толкования понятия «официальный документ» в квалификационной практике возникают проблемы, связанные с отнесением документа к числу официальных и, соответственно, являющихся предметом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ. Например, суд пришел к выводу об отсутствии в деянии Сидоровой состава служебного подлога по следующим основаниям: «… анализ… положений законодательства в сфере регистрационного учёта граждан РФ позволяет суду сделать вывод о том, что заявление о регистрации по месту пребывания формы № 1 не отвечает признакам официального документа, поскольку не удостоверяет фактов, имеющих юридическое значение, не влечёт юридические последствия в виде предоставления прав, возложения обязанностей, а может быть отнесено к документу внутреннего использования в сфере регистрационного учёта, который является лишь основанием для проведения административной процедуры, по

[1] Подделка статистических карточек не образует состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 5 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:https:// www.vsrf.ru/files/10295/ (дата обращения: 23.10.2022).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 3 декабря 2013 г. № 33 и от 24 декабря 2019 г. № 59 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:https://www.vsrf.ru/documents/own/8355/ (дата обращения: 23.10.2022).

результатам которой уполномоченное должностное лицо производит регистрацию гражданина по месту пребывания, с выдачей соответствующего свидетельства, подтверждающего указанный факт»[1].

В уголовно-правовой литературе высказываются различные суждения о содержании понятия «официальный документ» в составе служебного подлога.

К примеру, А.Н. Харченко дается такое определение официального документа: «…представленная на материальном носителе в установленном нормами права или ином виде информация, … в которой содержатся сведения о фиксации событий или фактов, имеющих юридическое значение, либо о предоставлении прав, возложении обязанностей или освобождении от них», при этом он предлагает дополнить ст. 292 УК РФ примечанием, закрепляющим данное определение, распространяющимся на все статьи УК; наряду с этим А.Н. Харченко вводится понятие электронного документа: «…это информация, обладающая правовым статусом официального документа, зафиксированная в виде письменных и (или) иных знаков, надлежащим образом заверенная электронной цифровой подписью и представленная в электронно-цифровой форме с помощью средств компьютерной техники» [1, с. 8-9]. О том, что электронный документ может рассматриваться в качестве официального и, следовательно, быть предметом служебного подлога, пишут и другие авторы [см., например: 2; 3, с. 123].

О.В. Чесноковым в качестве основных критериев отнесения документа к числу официальных для признания их предметом служебного подлога выделяются два признака: «соответствие документа по форме и содержанию требованиям нормативных актов; взаимосвязанность документа со служебной деятельностью должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» [4, с. 8].

Н.И. Крюкова и Ф.З. Халиков полагают, что «…применительно к статье 292 УК РФ к официальным документам относятся не только документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, но и документы, удостоверяющие факты, имеющие юридическое значение, однако не представляющие права, не возлагающие обязанности и не освобождающие от обязанностей (протоколы допроса, протокол судебного заседания и т.п.)» [5, с. 69]. Но допустимость такого широкого подхода к определению содержания понятия «официальный документ» опровергается судебной практикой.

Так, принимая решение об оправдании Горяинова по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 292 УК РФ, суд апелляционной инстанции не согласился с доводами государственного обвинителя о том, что официальным следует признавать любой документ, составленный следователем в рамках расследуемого уголовного дела, и ссылаясь на разъяснение, данное в п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда от 9 июля 2013 г. № 24, мотивировал это следующим: «…не все документы, вышедшие «из-под пера» следователя, могут быть признаны официальными… наступление уголовной

[1] Приговор Ярковского районного суда Тюменской области от 19 ноября 2020 г. по делу № 1-77/2020 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/F0nJUHnT8W6G/ (дата обращения: 23.10.2022).

ответственности за подделку официальных документов закон связывает не с формой, а с содержанием соответствующего документа, то есть с установлением юридически значимых фактов, имеющих непосредственное отношение к обстоятельствам конкретного дела. Заявленные стороной обвинения как предмет служебного подлога процессуальные документы следователя: – три протокола… о наложении ареста на имущество ФИО5; – протокол… об ознакомлении обвиняемого и защитника с заключением товароведческой экспертизы; – четыре постановления… о привлечении ФИО5 в качестве гражданского ответчика – четыре протокола разъяснения ему прав гражданского ответчика…; постановление… о привлечении ФИО5 в качестве обвиняемого в совершении преступлений…; – протокол допроса обвиняемого, объявления ему и защитнику об окончании предварительного следствия…; протокол ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела… – лишь отражают «общение» следователя с участниками уголовного судопроизводства, позволяют контролировать соблюдение их прав, свобод и законных интересов, вследствие чего сами по себе не порождают факты, влекущие юридические последствия»[1].

Н.И. Крюкова и Ф.З. Халиков также считают, что официальный документ должен иметь формальные реквизиты, «…т.е. обладать соответствующей формой: бланк, штамп, печать, входящие и исходящие номера, дата, наименование должности и подпись надлежащего управомоченного лица... фирменный бланк может как таковой отсутствовать. Самое основное в официальном документе – это подпись надлежащего должностного лица и (или) служащего, а также печать или штамп» [5, с. 72]. Однако и это их суждение не вполне соответствует складывающейся правоприменительной практике, которая для целей квалификации содеянного как служебный подлог признает официальными документами и те, которые не имеют печати или штампа, например, табели учета рабочего времени[2].

Все вышеизложенное позволяет заключить, что отсутствие нормативной дефиниции понятия «официальный документ», во-первых, не компенсируется праворазъяснительной практикой Конституционного и Верховного судов РФ (тем более при несогласованности их позиций), во-вторых, порождает проблему его неоднозначного толкования, что, в свою очередь, влечет возникновение проблем при квалификации служебного подлога и не позволяет сформировать единообразную правоприменительную практику. Для решения выявленных

[1] Апелляционный приговор Белгородского областного суда от 11 ноября 2020 г. по делу № 22-1319/2020 Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 2 октября 2020 г. по делу № 22-4076/2020 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/RlVH6heSeyVv/ (дата обращения: 23.10.2022).

[2] См., например: Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 2 октября 2020 г. по делу № 22-4076/2020 ; Приговор Красноярского районного суда Самарской области от 29 июля 2020 г. по делу № 1-5/2020 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/KY1vHv0VhUV/ ; URL:https://sudact.ru/regular/doc/LL7K4BT8gfWj/ (дата обращения: 23.10.2022).

проблем мы предлагаем включить в Уголовный кодекс РФ законодательное определение понятия «официальный документ». Для этой цели можно воспользоваться опытом уголовного законодательства стран ближнего зарубежья (республик Армения, Казахстан, Узбекистан), наиболее перспективным видится использование опыта УК Кыргызской Республики[1], где имеется приложение 1 «Значение терминов, употребляемых в настоящем Кодексе», в котором дано определение, распространяющееся на все составы УК: «Официальный документ – документ, соответствующий следующим признакам: 1) содержит зафиксированную на любых материальных носителях информацию, подтверждающую или заверяющую определенные события, явления или факты; 2) способен предоставлять права, освобождать от обязанностей или создавать иные последствия правового характера; 3) составлен, выдан или заверен уполномоченными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также юридических лиц независимо от формы собственности; 4) составлен с соблюдением определенных законом форм и содержит предусмотренные законом реквизиты» (п. 21).

Библиографический список

1. Харченко А.Н. Служебный подлог и его специальные разновидности в системе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. 27 с.

2. Першин А.Н. Официальные документы и их криминалистическая классификация // Информационное право. 2016. № 2. С. 8-12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Чесноков О.В. Официальный документ как предмет служебного подлога // Общество и право. 2009. № 2. С. 121-125.

4. Чесноков О.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы со служебным подлогом : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 28 с.

5. Крюкова Н.И., Халиков Ф.З. Проблемы квалификации служебного подлога // Экономика. Право. Общество, 2016. № 1 (5). С. 68-74.

[1] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с посл. изм. и доп. от 9 августа 2022 г. № 89) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 23.10.2022).

УДК 343.2/.7

РЕАЛЬНОСТЬ ОПАСНОСТИ РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 238 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

Федоров Андрей Алексеевич
магистрант Института права Уфимского университета
науки и технологий,
г. Уфа, Россия
sir.fedorov-andrey99@yandex.ru
Научный руководитель:
Кострова Марина Борисовна
профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий, к.ю.н., доцент,
г. Уфа, Россия

На основе анализа уголовного законодательства, правоприменительной и праворазъяснительной практики, работ теоретиков уголовного права выявлена проблема неоднозначного толкования понятия «выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей», обозначающего действие как единственный обязательный признак объективной стороны основного состава преступления, предусмотренного статьей 238 Уголовного кодекса РФ. Обосновывается, что это, в свою очередь, влечет возникновение квалификационных проблем и не позволяет сформировать единообразную правоприменительную практику. Предлагаются авторские варианты решения выявленных проблем на законодательном уровне.

Ключевые слова: уголовная ответственность; состав преступления; выполнение работ; оказание услуг; требования безопасности; жизнь или здоровье потребителей; реальная опасность; квалификация преступлений.

Одним из общественно опасных действий, криминализированных в ст. 238 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), является выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. При этом совершение данных действий – единственный обязательный признак объективной стороны в основном составе преступления в ч. 1, а также в квалифицированных составах, предусмотренных п.п. »а», «б» ч. 2 (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой либо в отношении работ или услуг, предназначенных для детей в возрасте до 6 лет). Общественно опасные последствия не включены в конструкцию объективной стороны указанных составов преступлений, соответственно, они являются формальными. Это, в свою очередь, означает, что преступления, предусмотренные ч. 1, п.п. »а», «б»

ч. 2 ст. 238 УК РФ[1] признаются оконченными с момента выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, за что и наступает уголовная ответственность.

В связи с конструкцией состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, по типу формального возникает вопрос о критериях, на основании которых можно, во-первых, признать выполнение работ или оказание услуг не отвечающими требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, во-вторых, отграничить эти преступные действия от административных правонарушений, ответственность за которые установлена ст.ст. 14.4 и 14.43 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Но такие критерии в ст. 238 УК РФ не обозначены, в связи с чем складывается неоднозначная правоприменительная практика. В частности, в обоснование квалификации содеянного по ст. 238 УК РФ некоторые правоприменители просто ссылаются на нарушение каких-либо регулятивных норм, определяющих порядок выполнения работ или оказания услуг. Но, как показывает анализ судебной практики, подобный подход к квалификации деяний по данной статье УК РФ нередко признается ошибочным. Например:

1) постановляя оправдательный приговор в отношении Леонова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, суд мотивировал свое решение следующим: «Органом предварительного расследования Леонов М.А. обвиняется в том, что являясь водителем... в нарушение п. 22.8 ПДД РФ, п. 5 «Требования безопасности» ГОСТ Р 51825-2001… на автомобиле… оказал платную услугу, не отвечающую требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей… суд приходит к выводу о том, что органом следствия не приведено никаких сведений, что наличие в салоне маршрутного такси 27 пассажиров, в то время как техническими характеристиками транспортного средства пассажировместимость установлена в количества 22 человек, это как-то повлияло на управляемость автомашиной, ее технические характеристики, в том числе связанные с тормозной системой, и могло при имевших место обстоятельствах движения и в конкретных условиях оказания услуг повлечь реальное возникновение аварийных ситуаций или иных негативных последствий для потребителя. Исходя из условий оказания Леоновым М.А. услуги пассажирской перевозки… реальная и действительная опасность для жизни и здоровья потребителя, то есть пассажиров, фактически отсутствовала»[2];

2) оставляя без изменения оправдательный приговор районного суда, суд апелляционной инстанции указал: «…органом предварительного следствия Казмин В.А. обвинялся в том, что оказал услуги, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей... Осознавая, что количество граждан на борту судна будет превышать норму пассажировместимости, не имея лицензии на деятельность по перевозке пассажиров внутренним водным транспортом,

[1] Для сокращения объема текста далее нами будет указываться только ст. 238 УК РФ, имея в виду именно эти три состава преступления.

[2] Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска от 14 марта 2018 г. по делу № 1-11/2018 // Официальный сайт Свердловского суда г Иркутска [Электронный ресурс]. URL:http://sverdlovsky.irk.sudrf.ru/ (дата обращения: 23.10.2022).

не осуществив необходимого инструктажа пассажиров по правилам поведения на судне и не выдав спасательных жилетов, Казмин… осуществил перевозку пассажиров… оказав таким образом услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей… Суд апелляционной инстанции не может согласиться с доводами апелляционного представления о незаконности оправдательного приговора в отношении Казмина В.А. и достаточности доказательств виновности последнего в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 238 УК РФ, поскольку… услугами признается предоставление медицинских, санитарно-эпидемиологических, бытовых, транспортных и иных услуг, пользование которыми создает реальную опасность для жизни и здоровья потребителя. При этом сам по себе факт оказания таких услуг, не всегда создает реальную опасность для жизни и здоровья потребителей, в то время как наличие данного обстоятельства является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ»[1].

Отсутствие в ст. 238 УК РФ критериев, служащих основанием для признания работ или услуг не отвечающими требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, приводит также к тому, что при сходных фактических обстоятельствах, установленных по уголовному делу, один суд может признать человека виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, а другой суд – оправдать.

Так, признавая оператора-заправщика АГЗС Голубева виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, суд в обоснование данной квалификации указал: «Голубев… произвел заправку бытового газового баллона… пожаровзрывоопасной пропан-бутановой газовой смесью… При этом техническое состояние бытового газового баллона… не соответствовало требованиям правил устройства и безопасной эксплуатации сосудов, работающих под давлением… заправка баллона осуществлена без должного контроля степени заполнения, что могло привести к переполнению баллона и при объемном расширении газа вследствие изменения температуры, разрыву баллона с последующим вытеканием жидкого газа и неизбежным взрывом газовоздушной смеси с последующим горением, что создавало реальную угрозу безопасности жизни и здоровья потребителей»[2].

По другому уголовному делу при установленных схожих фактических обстоятельствах оператор АГЗС был оправдан, так как суд пришел к выводу, что в его деянии отсутствует состав преступления, мотивируя свое решение следующим: «Само по себе формальное нарушение XX требований руководящих нормативных актов в сфере работы со сжиженными газами, по мнению суда, не

---

[1] Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 19 марта 2019 г. по делу № 22-911/2019 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/fGMgEn4ke1Qt/ (дата обращения: 23.10.2022).

[2] Приговор Агрызского районного суда Республики Татарстан от 28 августа 2017 г. по делу № 1-83/2017 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/nFbL3eFLjD6J/ (дата обращения: 23.10.2022).

может образовывать состав инкриминируемого ему преступления при отсутствии его необходимого признака – общественной опасности… Таким образом, хотя заправка бытового газового баллона и была произведена с нарушением требований, установленных Федеральным горным и промышленным надзором России, ХХ не допущено заполнение газом некачественного, имеющего дефекты баллона, а равно и его переполнение, не соответствующее установленным изготовителем нормам, создающее условия для возможного разрушения баллона, разгерметизации. При таких обстоятельствах никакой угрозы жизни и здоровью ФИО5 или иных лиц действия ХХ не создавали, в силу малозначительности признаками высокой общественной опасности, которая позволила бы признать содеянное подсудимым преступлением, не обладали»[1].

В 2019 году Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 25 июня № 18[2], в п. 2 которого разъяснил: «… уголовная ответственность по части 1 или по пунктам «а», «б» части 2 статьи 238 УК РФ наступает при условии, что опасность… работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной… В тех случаях, когда для установления характера опасности… работ или услуг требуются специальные знания, суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов». В этом же пункте Пленум Верховного Суда РФ указал, что о реальной опасности выполняемых (выполненных) работ или оказываемых (оказанных) услуг может свидетельствовать такое их качество, при котором выполнение работ или оказание услуг в обычных условиях могло повлечь смерть или причинение тяжкого вреда здоровью человека. Давая в п. 3 разъяснение о критериях отграничения преступления от административных правонарушений, ответственность за которые установлена ст.ст. 14.4 и 14.43 КоАП РФ, Пленум Верховного Суда РФ также подчеркнул, что если лицо допустило нарушения, но работы или услуги «…не представляли реальную опасность причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека, то такое деяние не образует состава преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ».

Таким образом, как следует из приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в качестве обязательного условия ответственности по ст. 238 УК РФ выступает реальность опасности выполняемых работ и оказываемых услуг для жизни или здоровья потребителей, что выражается в их потенциальной способности (при осуществлении в обычных условиях) повлечь смерть человека или причинение тяжкого вреда его здоровью. Она же, то есть реальность опасности служит единственным критерием отграничения преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, от административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 14.4 и 14.43 КоАП РФ.

---

[1] Приговор Курганского городского суда от 3 сентября 2013 г. по делу № 1-963/2013 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/Qs4zpuFlQWmj/ (дата обращения: 23.10.2022).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:https://www.vsrf.ru/documents/own/28031/ (дата обращения: 23.10.2022).

Вместе с тем, как справедливо отмечают Э.Ю. Латыпова и Д.В. Кирпичников, несмотря на ценность и практическую значимость разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, «…по существу, они входят в состояние противоречия с законоположениями ч. 1 ст. 238 УК РФ, поскольку… в числе признаков вышеуказанного состава мы подобного не обнаруживаем. По конструкции состава Верховный Суд РФ предлагает относить ч. 1 ст. 238 УК РФ к деликтам создания опасности, однако… рекомендация Верховного Суда РФ находится в противоречии с законодательной конструкцией состава» [1, с. 83-84]. Критически оценивая существующую законодательную конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, Э.Ю. Латыпова и Д.В. Кирпичников указывают: «В действующей редакции является неоднозначной законодательная позиция относительно общественной опасности деяния, описанного в составе ч. 1 ст. 238 УК РФ, не предполагающая общественно опасные последствия в качестве обязательного признака объективной стороны. В результате чего складывается положение, при котором для вменения указанного состава достаточно подтверждения только факта нарушения регулятивных нормативных требований, определяющих правила… выполнения работ или оказания услуг». В связи с этим ими поддерживается предложение об изменении «…конструкции объективной стороны состава путем введения признака создания реальной опасности в результате несоблюдения регулятивных норм» [1, с. 77-78, 84-85].

О том, что в ст. 238 УК РФ предусмотрен состав создания опасности (поставления в опасность) еще до данных Пленумом Верховного Суда РФ в 2019 году разъяснений писали Л.М. Прозументов и А.В. Архипов: «…выполнение работ и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, следует отнести к составам поставления в опасность». По их мнению, это значит, что состав преступления, предусмотренный ст. 238 УК РФ, материальный: в качестве общественно опасного последствия выступает создание реальной угрозы причинения вреда этим объектам, а оконченным такое преступление будет только в случае возникновения ситуации, реально угрожающей жизни и здоровью потребителя, при этом реальность угрозы подлежит доказыванию [2]. При спорности приведенной позиции Л.М. Прозументова и А.В. Архипова в части признания состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, материальным (действующая редакция ч. 1 ст. 238 не дает для этого оснований), во всем остальном с их позицией можно согласиться. Тем более, что и в правоприменительной практике такой подход встречается: например, квалифицируя содеянное по ст. 238 УК РФ, суд указывает, что лицо действовало «…осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде создания угрозы жизни и здоровью потребителей при реализации сжиженного углеводородного газа в условиях, не отвечающих требованиям промышленной и пожарной безопасности, сознательно допуская возможное наступление этих последствий и относясь к ним безразлично», при этом по заключению технической судебной экспертизы использование «…оборудования вмонтированного кустарным способом, в обычных условиях, без испытаний сварных стыков газопроводов физическими методами контроля, механических испытаний сварных стыков газопроводов, испытаний технологической системы на

прочность и герметичность может повлечь разгерметизацию и утечку СУГ и последующую технологическую аварию (взрыв), тем самым представляет реальную опасность для жизни и (или) здоровья человека, и может повлечь смерть и (или) тяжкий вред здоровью человека либо привести к иным тяжким последствиям»[1].

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что существующая в настоящее время законодательная конструкция объективной стороны основного состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, требует корректировки. Это возможно сделать путем включения в диспозицию ч. 1 указания на создание реальной опасности: «выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, если это могло повлечь смерть человека или причинение тяжкого вреда его здоровью» (как вариант – «если они создали реальную угрозу жизни и здоровью человека»). Но наилучшим вариантом, на наш взгляд, является возврат к редакции ст. 238 УК РФ, существовавшей до ее изменения Федеральным законом от 9 июля 1999 г. № 157-ФЗ, когда в ч. 1 включалось общественно опасное последствие – «если эти деяния повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью человека», то есть предусмотренный ст. 238 УК РФ состав преступления был материальным.

Библиографический список

1. Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Уголовная ответственность за выполнение работ или оказание услуг в свете постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ» // Oeconomia et Jus. 2020. № 2. С. 76-88.

2. Прозументов Л.М., Архипов А.В. Ошибки толкования ст. 238 УК РФ в деятельности субъектов правоприменения // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 20-24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] Приговор Шалинского городского суда Чеченской Республики от 18 ноября 2021 г. по делу № 1-301/2021 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/PyoqJuvCTTHg/ (дата обращения: 23.10.2022).

УДК 343.2/.7

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИНЦЕСТ

Шарипов Арслан Денисович
магистрант Института права Уфимского университета
науки и технологий,
г. Уфа, Россия
arslan_sh2000@mail.ru
Научный руководитель:
Кострова Марина Борисовна
профессор кафедры уголовного права и процесса Института права
Уфимского университета науки и технологий, к.ю.н., доцент,
г. Уфа, Россия

Целью настоящей публикации является историко-правовой анализ установления уголовной ответственности за инцест в разных государствах мира в различные исторические эпохи. По результатам изучения памятников права и нормативных правовых актов автором сделан вывод о том, что криминальный запрет на инцест существовал на протяжении почти всей истории России и мира в целом, однако с 1922 года в России уже сто лет инцест не входит в сферу уголовно-правового регулирования. Критически оценивается отказ российского законодателя от установления уголовной ответственности за инцест, обосновывается целесообразность криминализации инцеста в Уголовном кодексе РФ с учетом исторического опыта и предложенных в доктрине подходов.

Ключевые слова: уголовный закон; преступление; криминализация; уголовная ответственность; половая неприкосновенность и половая свобода личности; инцест; историко-правовой метод.

Инцест как явление в целом имеет весьма глубокие исторические корни, восходящие к появлению на Земле человека и возникновению общества и семьи. В современной психологии под инцестом понимаются сексуальные связи кровосмесительного характера между ближайшими родственниками [1, с. 17]. Однако в разные времена в разных географических регионах круг людей, сексуальные отношения между которыми считаются кровосмесительными, часто отличается, выходя за пределы прямой и боковой линий кровного родства, и включая, например, двоюродных или троюродных родственников, либо даже за пределы непосредственной кровной связи (свойственники, усыновители и усыновленные, сводные родственники, крестные родители и т.п.). Но, так или иначе, с развитием социума появляется и запрет на половые контакты с близкими родственниками в форме табу – запретительной мононормы. Инцест становится явлением неприемлемым, ассоциирующимся с «отсталостью» и «варварством», чем-то давно пережитым и оставленным в том диком прошлом, но не забытым.

Первые письменно закрепленные мононормы о запрете инцеста появляются уже в древности. Так, статьи 154-158 Законов Хаммурапи, возможно, впервые закрепили в письменном виде ответственность за него: совокупление с дочерью в Вавилонии наказывалось изгнанием из общины; с невесткой, если «сын познал ее» – утоплением; если «сын ее не познал ее» – «должен отвесить ей 1/2 мины серебра и возместить все, что она принесла из дома своего отца, а затем ее может взять в жены муж, который ей по сердцу»; с матерью-вдовой – сожжением обоих; с мачехой-вдовой, родившей детей – изгнанием из дома отца [2].

Еще один древний источник права – Законы Ману также устанавливал ответственность за инцест. В 59 стихе XI главы говорится: «Плотскую связь с единоутробными сестрами, с девушками и низкорожденными женщинами (antyaja), с женами друга или сына объявили равной осквернению ложа гуру» [3, с. 435]. Инцест с единоутробными сестрами здесь приравнивается к сексуальной связи с женой учителя («осквернение ложа гуру») – великому греху, а в качестве наказания за подобное деяние предусматривается наложение «клейма, изображающего женский орган», а также смерть путем возлежания на раскаленном ложе или объятия раскаленного железного изображения женщины, либо смерть через самокастрацию, либо ритуальное покаяние в течение года [3, с. 379, 443]. За «сношение с дочерью сестры отца, [которая ему почти] сестра, с дочерью сестры матери и родного брата матери» полагался особый месячный пост («лунное покаяние»), а за сочетание с ними браком – «низвержение в ад» [3, с. 454]. Очевидно, что Законы Ману имеют бóльший религиозный характер, чем Законы Хаммурапи, и направлены, помимо регламентации норм поведения, на ритуализацию общественной жизни и объяснение картины мира. Объектом же преступления выступали скорее не личность или семейные ценности, а религиозные отношения.

В период средневековья криминализация инцеста в Европе в основном проходила в рамках канонического права, поскольку семейные отношения, так или иначе, находились под юрисдикцией христианской церкви. Тем не менее, уголовную ответственность за кровосмесительную половую связь можно найти и в светских законодательных актах того периода.

Салическая правда (глава XIII, прибавление 2-е), хотя и устанавливала ответственность за сочетание преступным браком с «дочерью сестры или брата или какой-либо дальнейшей родственницы, или с женою брата или дяди», в качестве наказания предусматривала лишь расторжение такого брака и непризнание потомства от такой связи законными наследниками [4].

Византийская Эклога предусматривала два вида наказания за кровосмешение в зависимости от степени родства между родственниками (титул XVII, статья 33): «Виновные в кровосмешении – родители с детьми, или дети с родителями, или братья с сестрами – подлежат казни мечом. Виновные в том же, если они являются другими родственниками, то есть отец, вступающий в связь с женой своего сына, или сын с женой своего отца, то есть с мачехой, или отчим с падчерицей, или брат с женой брата, или дядя с племянницей, или племянник с теткой, наказываются обрезанием носа. Равным образом и тот, кто заведомо вступает в связь с двумя сестрами (или двоюродными сестрами)» [5].

В статье CXVII Каролины 1532 г. устанавливалось «Наказание разврата между близкими родственниками и свойственниками», а именно: «Если кто-либо предается разврату со своей падчерицей, или с женою своего сына (снохой), или с мачехой, то при таких или более близких степенях родства должны быть применены наказания, установленные Нашими предшественниками и Нашим императорским писаным правом, о чем надлежит запросить указания законоведов» [6].

Таким образом, средневековому уголовному праву тоже известен преступный инцест. Однако нельзя не признать, что в средневековый период он все также остается преступлением религиозным и не отделимым от греха, учитывая влияние христианских морали и ценностей на законодателей того времени. Известный богослов того времени Иоанн Грациан в своем декрете относил кровосмешение к прелюбодеянию, причем считал его худшим проявлением оного, т.к. кровосмесители «грешат против природы» [7, с. 271].

Уголовно-правовой запрет на инцест в истории России также имеет давние корни. Уже в Уставе князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных устанавливается подсудность дел о недопустимых браках между родственниками и свойственниками церковному суду – «или о племени, или о сватовстве поимутся» [8, с. 157]. Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах уже более обширен в своей регламентации, т.к. предусматривал конкретные деяния и наказания за них. По данному Уставу запрещались половые связи между братьями и сестрами, «близкими родственниками», свойственниками, пасынком и мачехой и т.д. Что интересно, также устанавливается запрет на половые связи с «кумом и кумою», т.е. с крестными родственниками [9, с. 178-182]. В данном случае мы видим гораздо более широкое определение круга лиц, интимные отношения между которыми составляют инцест. Стоит сказать и об очевидном сильном влиянии церкви на древнерусское законодательство в части регламентации семейных отношений и связанных с ними преступлений. Наказания же за кровосмешение по Уставу состояли в уплате денежного штрафа епископу и епитимье.

В дальнейшем церковь будет сохранять свою монополию на регламентацию семейных отношений и криминализацию сексуальных «непотребств». Поэтому преступное кровосмешение не войдет в судебники 1497 и 1550 годов. Однако, начиная с постановления Церковного собора 1551 года (Стоглав), начинается процесс вмешательства государства в церковные дела. В самом Стоглаве лишь предписывается епископам и прозвитерам следить, чтобы в народе кровосмешение не совершалось. Соборное уложение 1649 года, хотя и глубоко вторглось в церковную юрисдикцию по семейным делам [см. об этом подробнее: 10, с. 93], не криминализовало инцест. Изданный в XVI веке Домострой также никак не затрагивал данные отношения.

Изданный 26 апреля 1715 года Артикул воинский стал новой вехой в развитии уголовного законодательства, в частности он содержал главу 20 «О содомском грехе, о насилии и блуде», то есть теперь церковное право не имело той монополии на уголовно-правовую регламентацию ответственности за половые преступления, что имело ранее. Защита половой свободы, половой

неприкосновенности и семейных отношений от преступных посягательств теперь лежала на государстве. Артикул устанавливал ответственность за половые связи между «ближними свойственниками в восходящей и нисходящей линии» (ст. 173) и «в побочной линии и между ближними свояками» (ст. 174), караемые, соответственно, смертной казнью и церковным покаянием [11]. А.В. Дмитриев приводит практику осуждения по статье 173 Артикула за совокупление отца с родной дочерью по делу, рассмотренному в 1760-1761 гг. [12, с. 14-16], в связи с чем можно утверждать, что термином «ближние свойственники» обозначались и близкие родственники. Как можно судить по более ранней практике, наказуемым в те времена были и сходные деяния, но выходящие за пределы непосредственной кровной связи, о чем свидетельствует Сенатский указ от 27 августа 1736 года (период правления императрицы Анны Иоанновны) «Об учинении смертной казни Адмиралтейского ведомства рѣщику Лебядинцову за насильное растление малолетних падчериц своих» [13].

Качественное развитие уголовного права в России заметно при анализе кодифицированного Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (с редакциями от 1864 и 1885 гг.). Глава 3 раздела XI «О преступлениях против союза родственного» целиком посвящена кровосмесительным преступлениям. К ним относятся кровосмешение с родственниками по прямой восходящей или нисходящей линии (ст. 1593), по боковой линии и близкими до 2 степени, свойственниками (ст. 1594), кровосмешение, сопряженное с изнасилованием (ст. 1596), «любодеяние в таких степенях и свойствах (в т.ч. свойственники 3-й и 4-й степени), в коих, по церковным правилам, не воспрещено вступать в брак» (ст. 1597) [14]. Как видно, законодательная регламентация ответственности за данную группу преступлений в Уложении 1845 года значительно превосходит проанализированные выше памятники права и законодательные акты, что, вероятно, связано с распространением инцеста в крестьянских семьях в те времена, особенно в форме так называемого «снохачества» – половой связи свекра (главы семьи) со снохой и другими младшими женщинами семьи, как правило, возникающая из-за отсутствия мужей последних в доме в связи с прохождением рекрутской службы.

И все же, не смотря на, казалось бы, светский характер Артикула воинского и Уложения 1845 года, все также прослеживается определенное религиозное влияние на состав кровосмесительных преступлений. Все так же за некоторые из вышеуказанных преступлений наказаниями являются покаяние и ссылка в монастырь.

Уголовное уложение 1903 года не стало отказываться от кровосмесительных преступлений, которые расположены здесь в главах 19 «О преступных деяниях против прав семейственных» и 27 «О непотребствах», т.е. законодатель, как и в Уложении 1885 года, относит инцест к преступлениям в том числе и против семьи. Статья 411 Уложения 1903 г. устанавливает ответственность за умышленное (заведомое) вступление в кровосмесительный брак – законодатель отошел от чисто сексуального понимания инцеста. Статьи 518 и 519 относятся уже к нравственно-половым преступлениям и предусматривают ответственность за кровосмешение как таковое в зависимости от степеней родства [15]. Что важно,

законодатель делает в этих статьях оговорку: «нисходящий, не достигший четырнадцать лет, освобождается от ответственности» [15] – весьма гуманно и прогрессивно по сравнению с ранее рассмотренными актами.

УК РСФСР 1922 года не криминализовал инцест, вероятно, из идеологических соображений, т.к. инцест большевиками воспринимался как пережиток первобытно-общинного строя, которого не может быть в прогрессивном социалистическом государстве. Следующие уголовные кодексы советского периода истории России – УК РСФСР 1926 года и УК РСФСР 1960 года – тоже не устанавливали уголовную ответственность за инцест.

В России в настоящее время инцест фактически и юридически легализован. Семейный кодекс РФ[1] в ст. 14, хотя и ограничивает возможность близких родственников (круг которых является строго определенным: родители и дети, дедушки, бабушки и внуки, полнородные и неполнородные братья и сестры) вступить в брак, никак не запрещает половые связи между родственниками. В Уголовном кодексе РФ[2] (далее – УК РФ) не предусмотрена ответственность за половые сношения с родственниками любых линий и степеней, кровосмесительный характер деяния никак не отражен в статьях Особенной части УК об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, не учтен он и в ст. 63 УК РФ в качестве самостоятельного обстоятельства, отягчающего наказание.

Таким образом, проведенное историко-правовое исследование, основанное на изучении памятников права и нормативных правовых актов, позволяет нам прийти к выводу о том, что криминальный запрет на инцест существовал на протяжении почти всей истории России и мира в целом. Однако с момента принятия УК РСФСР 1922 года в России уже сто лет инцест не входит в сферу уголовно-правового регулирования, что порождает вопрос об оправданности отказа от его криминализации. В уголовно-правовой литературе такой законодательный подход оценивается критически, что, на наш взгляд, справедливо. Например, А. Елинский указывает: «…федеральному законодателю следует исходить из традиционного, исторически сложившегося понимания инцеста как деяния, которое посягает на основополагающие нравственные устои семьи, обеспечивающие ее целостность, ведет к смешению социальных ролей членов семьи, деградации семейных ценностей, ставит под угрозу благополучие и нормальное развитие будущих поколений, и является несовместимым с самой сущностью и предназначением семьи как важнейшего конституционно значимого социального института» [16, с. 48]. А.А. Бимбинов считает: «Инцест обладает общественной опасностью, состоящей в возможности наследственной патологии и причинения вреда интересам семьи и общественной нравственности. Потенциальная опасность инцеста видится достаточной для установления уголовной

[1] Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 4 августа 2022 г. № 362-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.10.2022).

[2] Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.10.2022).

ответственности» [17, с. 39]. В связи с этим представляется, что проанализированный нами исторический опыт в определенной степени может стать ориентиром для установления уголовной ответственности за инцест в УК РФ, при этом необходимы его адаптация к современным реалиям и учет предложенных в доктрине подходов.

Библиографический список

1. Петрушин В.И. Психология здоровья : учебник для вузов / В.И. Петрушин, Н.В. Петрушина. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2022. 381 с.

2. Законы Хаммурапи // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL:https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm (дата обращения: 19.10.2022).

3. Законы Ману. Перевод С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.И. Ильиным. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 496 с.

4. Салическая правда // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL:https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm (дата обращения: 19.10.2022).

5. Эклога // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL:https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm (дата обращения: 19.10.2022).

6. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V. Пер., предисл. и примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1964 [Электронный ресурс] URL:http:// krotov.info/acts/16/1/1532karolina.htm (дата обращения: 19.10.2022).

7. Иоанн Грациан. Согласование несогласных канонов // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. Европа: V-XVII вв. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М. : Мысль, 1999. С. 240-273.

8. Устав князя Владимира Святославича. Синодальная редакция // Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. Т. 1 / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Издательство «Юридическая литература», 1984. С. 147-162.

9. Устав князя Ярослава. Краткая редакция // Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. Т. 1 / под общ. ред. О.И Чистякова. М. : Издательство «Юридическая литература», 1984. С. 167-188.

10. Чугунова М.В. История уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 19 (200). С. 91-94.

11. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL:https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения: 19.10.2022).

12. Дмитриев А.В. Преступления военнослужащих регулярной армии России XVIII в. в сфере семейной жизни : имперское законодательство и реальная практика наказаний // Вестник Омского Университета. Серия исторические науки. 2021. № 3 (31). С. 13-22.

13. Сенатский указ от 27 августа 1736 года «Об учинении смертной казни Адмиралтейского ведомства резчику Лебядинцову за насильное растление

малолетних падчериц своих» // Полное собрание законов Российской империи : Собрание (1649-1825). Статья 7040 // Российская национальная библиотека [Электронный ресурс]. URL:https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 19.10.2022).

14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года // Издано проф. Имп. Училища правоведения. Н.С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1886 [Электронный ресурс]. Президентская электронная библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL:https://www.prlib.ru/item/459770 (дата обращения: 20.10.2022).

15. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб. : Изд. В.П. Анисимова, 1903 // Федеральная государственная информационная система Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL:https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 20.10.2022).

16. Елинский А. Криминализация инцеста: конституционно-правовые основания // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 5 (78). С. 39-50.

17. Бимбинов А.А. Перспективы установления уголовной ответственности за инцест // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 4. С. 35-40.

СЕКЦИЯ 6. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Акбаров Ильнар Ирекович
Студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
lilnar.akbarov.2017@mail.ru
Научный руководитель:
Ежова Елена Владимировна
доцент кафедры уголовного права и процесса
Института права УУНиТ, к.ю.н., доцент
г. Уфа, Россия

В данной статье рассматриваются основные формы использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве. Изучая законодательство и судебную практику, автор приходит к выводу о том, что уголовно-процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании в части внедрения обязательного производства судебной экспертизы для оценки причиненного ущерба, имущественного вреда по делам об экономических преступлениях, так как производство судебной экспертизы является самой научной формой использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; расследование преступлений; экспертиза в уголовном судопроизводстве; специальные познания; специальные экономические знания.

Актуальность исследования вопросов использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве обусловлена ростом экономических преступлений и изменением специфики их совершения. Так, согласно статистическим данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, в 2019 году было зарегистрировано 104927 преступлений экономической направленности. В то же время за 2020 год зарегистрировано 105480 таких преступлений, а за 2021 год – уже 117707 экономических преступлений [6].

В связи с этим возникла необходимость совершенствования механизмов расследования таких преступлений, корректировки законодательства, в частности, в области применения специальных экономических познаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, совершенствования самих этих познаний и расширения форм их применения.

Несмотря на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] прямо не закрепляет принцип объективной истины, ранее предусмотренный советским законом, он вытекает из иных норм процессуального права и все же является неотъемлемой частью отправления правосудия по уголовным делам. А. Гуров, рассматривая принципы истины и состязательности в уголовном процессе, отметил, что истина – это высший закон правосудия [5].

Так, в целях установления объективной истины по уголовным делам об экономических преступленияхследственным и судебным органам необходимо произвести большое количество следственных и иных процессуальных действий. К таким действиям относятся,в основном, обыск, выемка документов и предметов, их осмотр, а также назначение судебной экспертизы.

Особенностью совершения экономических преступлений является то, что следы совершения преступления практически всегда остаются в бухгалтерских документах, которые отражают финансово-хозяйственную деятельность организации. Следовательно, такие документы лицо, производящее предварительное расследование по уголовному делу, обязано изучить первостепенно.

Однако зачастую следователи, производящие предварительное расследование по уголовным делам об экономических преступлениях, не имеют познаний в области бухгалтерии, экономики, в связи с чем возникает необходимость получения консультации или привлечения специалиста к проведению тех или иных следственных действий.

В этой связи главной целью привлечения специалиста является получение достоверной информации о следах совершенного преступления, механизме его совершения, а также иных обстоятельствах, имеющих значение для успешного раскрытия и расследования преступления.

Исходя из вышеизложенного, основными формами использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве являются:

– консультация специалиста;

– производство процессуальных действий с помощью или в присутствии специалиста;

– приглашение специалиста для постановки вопросов эксперту;

– назначение и производство судебно-экономических экспертиз.

Консультация специалиста носит рекомендательный или разъяснительный для следователя характер и, чаще всего, не закрепляется в процессуальных документах (за исключением случаев, когда консультация дается в рамках процессуального действия). Соответственно, не имеет доказательственного или иного процессуального значения.

Однако в одном случае все же консультации специалиста могут найти свое отражение в процессуальных документах. Так, специалист может давать рекомендации по постановке вопросов эксперту. В таком случае его рекомендации закрепляются в постановлении о назначении судебной экономической экспертизы в виде вопросов эксперту.

Что касается производства процессуальных действий с участием специалиста при расследовании экономических преступлений, то оно регламентируется статьями 58, 164.1, 168Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Так, следователь привлекает специалиста к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела.

В ситуации с обнаружением предметов и документов по уголовным делам об экономических преступлениях специалист помогает следователю обнаружить не только видимые следы преступления – распечатанные бухгалтерские документы и отчетности, но и невидимые – хранящиеся на жестких дисках компьютеров, портативных устройствах, облачных ресурсах, или же вовсе удаленные с технических устройств.

Закрепление изъятых предметов и документов подразумевает отображение их в процессуальных документах – протоколах обыска или выемки. В данном случае помощь специалиста заключается в том, что он сообщает следователю правильное наименование документа или предмета, который подлежит изъятию, или же способа, которым он изымается, если изъятие происходит с технического устройства или носителя.

Присутствие специалиста при изъятии предметов и документов в некоторых случаях также имеет большое значение. Это связано с тем, что следователь, в отличие от специалиста, не обладает познаниями о специфических свойствах предмета или документов, в связи с наличием которых таковые могут быть испорчены, повреждены или утрачены в результате неправильного изъятия, упаковки, транспортировки или хранения.

К примеру, на сегодняшний день разработано множество программных обеспечений для технических устройств, при неправильном отключении которых вся информация на них автоматически удаляется без возможности восстановления.

Назначение и производство судебной экспертизы по уголовным делам об экономических преступлениях в настоящее время является самой распространенной формой использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве.

Следователи назначают экспертизы по указанной категории уголовных дел в целях установления механизма совершения преступления, времени его совершения, а также иных обстоятельств.

Удивительно, что статьей 196 УПК РФ не предусматривается обязательное проведение судебной экспертизы по делам об экономических преступлениях в целях установления размера причиненного вреда.Даже несмотря на то, что размер причиненного имущественного вреда по некоторым видам составов можно установить иными способами (ревизия, инвентаризация, осмотры документов, допросы), полагаем, что экспертное мнение в данном вопросе позволит наиболее точно установить такой размер.

В то же время, из сложившейся на сегодняшний день судебной практики следует, что практически ни одно уголовное дело о преступлении в сфере экономической деятельности не направляется в суд без проведения такой экспертизы.

Так, Ленинский районный суд г. Курска, рассматривая уголовное дело по обвинению Борисовой С.А. в совершении нескольких эпизодов преступлений,

предусмотренных ч. 3 ст. 159 Уголовного кодекса РФ [2], обосновал свой вывод о виновности подсудимой многими доказательствами по делу, в частности, заключением финансово-аналитической судебной экспертизы [3].

Кроме того, Чухломский районный суд Костромской области вынес обвинительный приговор по обвинению Баскова С.Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса РФ. Так, суд мотивировал свое решение доказательствами, собранными в ходе предварительного расследования. В частности, заключением финансово-аналитической экспертизы, согласно которому платежеспособность организации под управлением подсудимого постепенно снижалась, а по истечении некоторого времени и вовсе была признана неплатежеспособной [4].

Полагаем, что законодателем необоснованно не включено проведение судебной экспертизы по оценке размера причиненного материального вреда в перечень обстоятельств, при которых судебная экспертиза должна быть назначена и проведена в обязательном порядке. По нашему мнению, в таком случае нарушаются права граждан, организаций и государства на возмещение вреда, причиненного преступлением.

А именно, считаем, что непроведение указанной экспертизы негативно сказывается на оценке иными способами причиненного имущественного вреда, так как потерпевшим сумма вреда может быть необоснованно завышена или же ошибочно занижена, что приведет к нарушению прав потерпевшего или обвиняемого.

В такой ситуации предлагаем законодателю внести изменения в статью 196 Уголовно-процессуального кодекса, а именно:дополнить статью пунктом 6 следующего содержания.

«6) размер причиненного ущерба, вреда в результате совершения преступлений, предусмотренных Разделом VIII Уголовного кодекса Российской Федерации».

На основании изложенного можно сделать вывод о том, чтоиспользование специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве может выражаться в различных формах. Однако, неизменно, что самой научной из них является производство экономической судебной экспертизы, так как она единственная основана на научных исследованиях и методических рекомендациях.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.11.2022).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.11.2022).

3. Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 28 ноября 2019 г. по делу № 1-509/30-2019 // База судебных актов, судебных решений и нормативных

документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/1s880CZbvSNn/ (дата обращения 20.11.2022).

4. Приговор Чухломского районного суда Костромской области от 30 августа 2019 г. по делу № 1-59/2019 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/nTzE20syzQNa(дата обращения 20.11.2022).

5. Гуров А. Истина и состязательность в уголовном процессе [Электронный ре-
сурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/02/20/istina_i_sostyazatelnost_v_ugolovnom_processe (дата обращения 20.11.2022).

6. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 20.11.2022).

УДК 343

ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА БЕСПРИЗОРНЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Буренина Юлия Сергеевна
студентка Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
julia.burenina.01@mail.ru
Научный руководитель:
Фагманова Элина Васигатовна
старший преподаватель кафедры криминалистики
Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия

Тактика производства допроса беспризорныхнесовершеннолетних является актуальнойпроблемой эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди несовершеннолетних. Целью работы является анализ личности беспризорногонесовершеннолетнего и выявление тактических приемов, используемых следователем при проведении допроса в отношении таких несовершеннолетних.

Исследование позволило выявить особенностиположения беспризорных детей и подростков, проблемы использования общих тактических приемов в отношении несовершеннолетних при производстве допроса беспризорных подозреваемых, обвиняемых.

Ключевые слова: психологический контакт; тактический прием проведения допроса; беспризорный несовершеннолетний; особенность личности беспризорных; обвиняемый; подозреваемый; следователь.

В современном мире несмотря на повышениеуровня жизни населения существует такие деяния, как преступления, совершенные беспризорными или

безнадзорными несовершеннолетними. Данные категории являются особыми категориями несовершеннолетних преступников. Лица, которые подпадают под категории беспризорных и безнадзорных, имеют личностные психологические особенности. Именно поэтому при производстве следственных действий следователь или дознаватель должны учитывать статус данных лиц и использовать особенные тактические приемы в ходе расследования преступлений.

Для того чтобы понять особенности личности беспризорных и безнадзорных и выявить тактические приемы проведения допроса в отношении данных категорий несовершеннолетних, необходимо определить их статус.

Безнадзорный – это несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц. Беспризорный – это безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания[1].

На основании вышеуказанного,можно выделить особенностиличности беспризорных и безнадзорных:

1) нет неизменного места жительства, жилья или дома для постоянного проживания;

2) отсутствие близких родственных отношений (или отношений с лицами, которые заменяют родителей). Также отсутствует контакт с педагогами, воспитателями, школьными психологами и т.п.;

3) не состоят в связях с общественными институтами, которые проводят социализациюмалолетних и подростков (с семей, учебно-воспитательными, медицинскими учреждениями) и другое.

В связи с вышеизложенными особенностями безнадзорных и беспризорных подозреваемых, обвиняемых, потерпевших или свидетелей есть необходимость применения специальных тактических приемов при производстве отдельных следственных действий.

Так как безнадзорные и беспризорные подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие и свидетели являются несовершеннолетними, то на них распространяются общие правила досудебного производства допроса с участием несовершеннолетнего, которые регламентированыст. 191 УПК РФ[2], а соответственно и общие тактические приемы.

И.А. Макаренко и А.А. Эксархопуло выделяют следующие тактические приемы проведения допроса несовершеннолетних:

1. Установление психологического контакта с несовершеннолетним;

2. Приемы, основанные на эмоциональном воздействии;

3. Предъявление доказательств;

---

[1]Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с посл.изм. и доп. от 29 июня 2015 г. № 179-ФЗ)// Официальный интернет-портал правовойинформации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 25.10.2022).

[2]Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл.изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовойинформации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 30.10.2022).

4. Приемы, основанные на внутренних противоречиях показаний несовершеннолетнего, на противоречиях между его показаниями и собранными доказательствами [1, с. 369].

Также к тактическим приемам проведения допроса несовершеннолетних можно отнести выбор места проведения такого допроса.Если по общему правилу местом допросанесовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля является знакомое ему место, которое вызовет у него приятные чувства или ощущения безопасности (дом, детский сад или школа), то рекомендуемымместом допроса несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого являются общественные и государственные учреждения.

В связи с тем, что у беспризорных нет жилья или дома для постоянного проживания, иони не посещают образовательные и воспитательные учреждения, возникает проблема с выбором места производства допроса беспризорных. Если допрос беспризорного подростка будет проводиться в кабинете следователя, то могут возникнуть трудности в установлении благоприятной психологической атмосферы между следователем и беспризорным несовершеннолетним.

В целом установление психологического контакта с беспризорным подозреваемым или обвиняемым усложняется тем, что данные лица зачастую негативно относятся к общественным и государственным институтам из-за отсутствия социализации и надлежащего воспитания таких подростков. Эти обстоятельства могут послужить причиной отказа беспризорного вступать со следователем в психологическое взаимодействие во время допроса, а также сотрудничать со следствием.

Важным положением является обязанность следователя обеспечить участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, которые не достигли возраста шестнадцати лет или достигли этого возраста, но страдают психическим расстройством или отстают в психическом развитии[1].

Педагог по законодательству России – это сотрудник, который обучает несовершеннолетнего в каком-либо образовательном учреждении.В связи с этим на допрос несовершеннолетнего вызывается педагог, который знает личность конкретного допрашиваемого подростка, особенности его характера и развития. Как уже было обозначено, особенностью личности беспризорного ребенка или подростка является отсутствие контакта с педагогами, воспитателями, школьными психологами и т.д. Э.В. Фагманова отмечает, что образ жизни несовершеннолетнего, склонного к бродяжничеству, не посещающего образовательное учреждение, исключает возможность участия «знакомого» педагога на следственных действиях. Данный факт не способствует пониманию особенностей личности беспризорного подозреваемого, обвиняемого, что сказывается на результатах проводимых следственных действий [2, с. 193].

---

[1]Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл.изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовойинформации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения:01.11.2022).

В случае допрашиваемого беспризорного следователь или дознаватель по установленному законом порядку должен обеспечить явку педагога, который не знает данного несовершеннолетнего, что плохо сказывается на эффективности проводимого допроса беспризорного подростка.

Правильный подход к выбору педагога и психолога как специалистов в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних будет способствовать созданию спокойной, психологически комфортной и доброжелательной обстановки, что является немаловажным фактором при производстве следственных действий, способствующим снятию состояния скованности и тревожности со стороны несовершеннолетнего фигуранта уголовного дела [3, с. 106]. Такой подход также можно отнести и к особенной категории несовершеннолетних, к беспризорным подросткам.

В законе также не урегулирован вопрос о случаях назначения психолога при проведении допроса несовершеннолетних. Психолог – это специалист, который занимается изучением внутреннего мира человека, его психикой, а также их взаимосвязью с окружающим. При производстве допроса несовершеннолетнего беспризорного следователю следует обеспечить присутствие психолога, который специализируется на особенностях возраста детей и подростках (детского, возрастного психолога). Это связано с тем, что беспризорный не всегда знает свой действительный возраст. В этом случае профессиональный узконаправленный специалист-психолог сможет определить психологический возраст беспризорного ребенка или подростка, а также характеристику, соответствующую данному периоду развития такого несовершеннолетнего.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что беспризорные подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие и свидетели имеют особенности личности и характера, поэтому для таких допрашиваемых требуются специальные тактические приемы при проведении допроса. Особая тактика производства допроса беспризорных несовершеннолетних позволит установить психологический возраст несовершеннолетнего, психологический контакт с допрашиваемым и поможет получить положительные результаты в ходе расследования преступления и установления обстоятельств расследуемого события.

Библиографический список

1. Макаренко И.А., Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебникдлябакалавриата. М.: Юрлитинформ, 2014. 520 с.

2. Фагманова Э.В. Особенности использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве с участием беспризорного подозреваемого, обвиняемого //Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Л.Л. Каневского. 2019. С. 192-195.

3. Булгаков В. Г. Особенности предъявления для опознания человека по его динамическим признакам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 3 (18). С. 104-111.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)

Вахитова Линара Дамировна
студентка Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
vakhitova-linara@mail.ru
Научный руководитель:
Фагманова Элина Васигатовна
старший преподаватель кафедры криминалистики
Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия

С течением времени все чаще возникает проблема преступности среди несовершеннолетних, представляющая угрозу всему общественному порядку. Данная статья посвящена особенностям проведения обыска в отношении несовершеннолетних, совершивших уголовно-наказуемые деяния. Целью моей работы является анализ тактических приемов и методов, применяемых в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Исследование позволило выделить, что возрастная специфика несовершеннолетних лиц, совершивших противоправные действия, накладывает некую особенность в производстве такого следственного действия, как обыск.

Ключевые слова: преступность; следственное действие; обыск; несовершеннолетнее лицо; тактика; жилище; законный представитель.

Преступность среди несовершеннолетних лиц образует проблему не только для всего общества, но и для государства в целом. Согласно данным статистики по Российской Федерации за январь-июнь 2022 года деяния с участием несовершеннолетних уменьшились на 5,7% по сравнению с предыдущим годом за этот же период [1]. Касаемо числа преступности несовершеннолетних лиц по Республике Башкортостан, то здесь также отмечается уменьшение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии [2].

Несовершеннолетние в силу своего возраста и психофизиологических качеств являются специфической фигурой в области расследования в отношении них совершенных преступлений. В отношении такого следственного действия, как обыск также имеются тактические особенности его проведения в отношении данных лиц.

В первую очередь необходимо уяснить, что обыск является одним из следственных действий, способствующий правильному разрешению уголовного дела. В учебной литературе дается следующее понятие обыска – это следственное действие, состоящее в принудительном обследовании участков местности, помещений, транспортных средств или граждан с целью обнаружения и изъятия орудий преступления, предметов и ценностей, добытых преступных путем, иных объектов, имеющих значение для дела, а также разыскиваемых лиц и трупов [3,

с. 305]. На данном этапе следственного действия могут совершаться такие действия, как: 1) анализ информации об условиях жизни и воспитания ребенка; 2) обследование и изъятие одежды и обуви, в которую был одет обыскиваемый во время совершения преступления; 3) изъятие цифровых носителей информации; 4) обнаружение и изъятие объектов похищенного имущества подозреваемым, обвиняемым несовершеннолетним.

Положительный результат обыска во многом зависит от «хитростей» следователя во время процесса поиска нужных предметов, орудий преступления и т.д.Особое внимание во время проведения данного следственного действия уделяется именно возрасту несовершеннолетнего, с которым связано его психическое и эмоциональное поведение, помогающее следователю путем наблюдения за его реакцией определить правильность совершаемых им действий.

В соответствии с ч. 5 ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] – (далее - УПК РФ) до началаобыскаследователь предлагает добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. При совершении обыска обязаны находиться законные представители несовершеннолетнего лица, в случае же их отсутствия – приглашаются представители от домоуправления, администрации и др. Законные представители играют немаловажную роль в подготовке проведения обыска путеманализа их моральных ценностей в семье и отношения к воспитанию своего ребенка. Полномочия ознакомления с протоколом обыска и составления замечания по нему также принадлежат законным представителям. Но лицу, проводящему обыск, следует учесть, что законный представитель, реализуя вышеуказанные полномочия, в большинстве случаев будет намерен помешать проведению следственного действия по очевидным причинам [4, с. 277].

Огромное значение в ходе обыска уделяется поведению самого несовершеннолетнего. В данной ситуации следователю необходимо наблюдать за реакциями обыскиваемого ввиду того, что обычно в данном возрасте проявляется эмоциональная нестабильность,приводящая к недостаточному контролю своих переживаний. Вышеуказанные действия, как наблюдение, являются тактической особенностью при проведении обыска. Во избежание негативного противодействия несовершеннолетнего лица следователю необходимо установить психологический контакт с ним: следователь имеет возможность, используя материалы изучения личности, находящиеся в деле, а также наблюдения при личном общении, выявить те или иные черты темперамента, другие свойства личности, характер, интересы, развитие и сделать ориентировочный вывод и соответственно действовать в дальнейшем [5, с. 168].

Одним из видов обыска является обыск в жилище подозреваемого, обвиняемого. Исследование комнаты несовершеннолетнего, предметов домашнего обихода, личных вещей может помочь следователю в сборе информации об условиях проживания и воспитания подростка. На мой взгляд, вышеуказанные

[1]Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл.изм. и доп. от 07октября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.11.2022).

действия, проводимые в жилище несовершеннолетнего и его семьи, имеют свое процессуальное закрепление. В частности, в ст. 421 УПК РФуказывается, что по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, условия жизни и воспитания несовершеннолетнегоявляются обязательными к установлению при производстве предварительного расследования[1].

Поисковые действия в отношении обыскиваемых несовершеннолетних желательно начинать с их комнаты, а в случае же ее отсутствия – с тех мест, где он проводит большинство своего свободного времени. В научной литературе указывается, чтопри поиске похищенного имущества в ходе проведения обыска следователь, дознаватель учитывают, что подростки, как правило, не организуют специальных тайников для хранения похищенного [6, с. 174]. Традиционно осмотр начинается со шкафов с одеждой, где необходимо не только тщательно проверять вещь и содержимое ее карманов, но и внимательно исследовать каждый содержащийся элемент в одежде (воротник, манжет, пояс и т.д.) на наличие замаскированных в них уплотнений, где могут скрываться объекты, имеющие значение для уголовного дела. При осмотре обуви делается акцент на носок, задник, каблук и внутренние стельки обуви. Помимо всего вышеуказанного, обыску подлежат иные шкафы, тумбы, письменные столы и стулья, принадлежащие не только самому ребенку, но и всем остальным проживающим с ним лицам.

В ходе обыска следователю в случае надобности могут пригодиться для обнаружения и изъятия вещи, в которых несовершеннолетнее лицо совершило преступное деяние. В такой ситуации необходимо для начала провести допрос свидетелей, очевидцев по вопросу формы внешнего вида подозреваемого, обвиняемого.

Особое значение придается осмотру книг, причем не только путем внешнего осмотра, но и тщательным пролистыванием каждой страницы. Нередки случаи, когда между страницами книг хранятся денежные средства, а более мелкие объекты могут быть расположены в полостях, образовавшихся в результате разреза страниц. В случае выявления каких-либо записей в книге,написанных от руки, следователь может попросить обыскиваемого прокомментировать их.

На мой взгляд, современным методом в проведении обыска несовершеннолетних лиц является изъятие электронных средств (смартфоны, планшеты, компьютеры и др.), т.к. цифровые носители информации считаются ценным источником криминалистическисущественной информации об обстоятельствах совершенного преступления [7, с. 175].

Стоит также учитывать, что несовершеннолетним нередко свойственно прятать похищенные вещи вне жилища: в чердаках, в подвалах, в близлежащих объектах недвижимости. Поэтому после проведения обыска в доме подростка следует также провести данное следственное действие в вышеуказанных местах.

---

[1]Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 07 октября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.11.2022).

Во время обыска все те вещи, вызывающие у следователя сомнение в их причастности к расследуемому уголовному делу, складываются в отдельное место. После их внимательного изучения решается вопрос об их изъятии либо же об оставлении на месте. В конце обыска следователь заново проводит повторный обыск с целью недопущения неисследованных им мест, после которого применяется решение о его окончании и выносится протокол обыска.

Таким образом, обыск в отношении несовершеннолетних граждан является одним из средств обнаружения и изъятия похищенного имущества, а также получения информации о самом подозреваемом, обвиняемом несовершеннолетнем лице, о его условиях жизни и воспитания. Благодаря установлению вышеуказанных фактов, такое следственное действие, как обыск, приведет к положительному результату.

Библиографический список

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL:https://мвд.рф/reports/item/31209853/ (дата обращения: 01.11.2022).

2. Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL:https://02.мвд.рф/деятельность/итоги-деятельности/ итоги-деятельности-мвд-по-рб-за-2022-г. (дата обращения: 01.11.2022).

3. Макаренко И.А., Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебник для бакалавриата. М.: Юрлитинформ, 2014. 520 с.

4. Шигапов А. З. Особенности проведения обыска жилища при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними// Молодой ученый. 2019. № 5 (243). С. 276-278.

5. Третьякова Е. И. Тактика производства обыска с участием несовершеннолетнего лица // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4 (2). С. 166-171.

6. Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И., Халиуллина А. Ф. Общетеоретические основы расследования преступлений несовершеннолетних: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 205 с.

7. Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И., Халиуллина А. Ф. Общетеоретические основы расследования преступлений несовершеннолетних: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 205 с.

УДК 343.985.7

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИЯХ И НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Дружинина Надежда Германовна
студентка Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия
Научный руководитель:
Галимханов Азат Булатович
доцент кафедры криминалистики Института права УУНиТ, к.ю.н., доцент
г. Уфа, Россия

Данная научная статья посвящена особенностям подготовительного этапа допроса потерпевших при расследовании уголовных дел об изнасилованиях и насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних. В статьерассматриваются особенности определения времени, места, а также участников допроса. Кроме того, рассмотрены основные криминалистические тактические приемы, необходимые для подготовки к допросу.

Ключевые слова: криминалистика; тактика; следственные действия; допрос; несовершеннолетние; изнасилование.

Допрос – это совокупность познавательных и удостоверительных операций, выполняемых следователем по находящемуся в производстве уголовному делу либо в связи с выполнением отдельного поручения с целью получить и зафиксировать показания об обстоятельствах, имеющих значение для расследуемого дела [1, с. 397].

Общие правила производства допроса закреплены в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ).

Вместе с тем, УПК РФ регламентирует особый порядок допроса несовершеннолетних потерпевших.

Так, согласно ст. 191 УПК РФ, при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя.

Указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без

перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет - более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности - более четырех часов в день [2].

Допрос несовершеннолетнего потерпевшего по делам об изнасиловании и о совершении насильственных действий сексуального характера имеет особенное значение, поскольку показания потерпевшего в этих случаях являются одним из важнейших доказательств совершенного преступления. Это связано с тем, что по данным категориям преступленийдругие свидетели преступления, как правило, отсутствуют.

Поэтому, при допросе следует максимально подробно выяснить все обстоятельства совершенного преступления, обращая особое внимание на детали, так как ним часто удается изобличить преступника, а также проверить правильность показаний потерпевшего.

Подготовительный этап допроса несовершеннолетнего потерпевшего является одним из важнейших этапов, так как благодаря правильной подготовки к проведению данного следственного действия можно достичь положительного результата и получить максимально полные и правдивые показания.

В ходе подготовки к допросу несовершеннолетнего следователь обязан выполнить комплекс мероприятий, направленных на обеспечение оптимальных условий производства допроса, а именно:

1. Определить место производства допроса.По общему правилу несовершеннолетние допрашиваются в месте производства предварительного следствия, а по усмотрению следователя – в месте нахождения несовершеннолетнего (детский дом, приют, больница и т.д.).

Определяя место допроса несовершеннолетнего потерпевшего, следует исходить из того, что подростки в возрасте от 14 до 16 лет могут быть допрошены в кабинете следователя, так как официальная, деловая обстановка в сочетании с разъяснением следователя о необходимости рассказать все, что подростку известно по делу, подчеркивает важность происходящего и настраивает на дачу полных и правдивых показаний [3, с. 24].

Говоря о допросе несовершеннолетнем потерпевшем в возрасте до 12 лет, следует иметь ввиду, что проведение данного следственного действия в кабинете следователяможет поставить потерпевшего в сложные психологические рамки, из-за чего ему будет сложно рассказать подробно об обстоятельствах дела.

В данном случае рекомендуетсяпроведение допроса потерпевшего в более привычной для него обстановке, в месте, к которому он особенно привязан (школа, дом, детский сад) [4, с. 66]. Однако, такой подход также имеет существенный недостаток, а именно с учетом выполнения требований УПК РФ в части обязательного участия определенного круга лиц, способов фиксации, технически сложно проводить допрос потерпевшего вне кабинета следователя.

В данном случае необходима возможность проведения допроса в специализированной»детской комнате», оборудованной под неформальную обстановку, оснащенную всеми необходимыми техническими средствами, в которой потерпевший может абстрагироваться от официальной обстановки и давать

более полные показания. Применительно к Республике Башкортостан следует отметить, что данное помещение имеется только в следственном отделе по Орджоникидзевскому району г. Уфа следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан.

Целесообразным было бы выделить такие помещения в каждом следственном отделе, что упростило бы проведение следственных действий с участием несовершеннолетних.

2. Определить день и время допроса.Допрос несовершеннолетнего потерпевшего по рассматриваемой категории уголовных дел должен быть произведен как можно скорее после совершения в отношении него преступления. Это объясняется тем, что восприятие несовершеннолетнего, (особенно в возрасте до 10 лет) поверхностно, поэтому образы, запечатленные в его памяти, связанные с событием преступления, быстро стираются из его памяти под влиянием новых событий.

Кроме того, важностьоперативного допроса состоит в том, что несовершеннолетние (особенно дети в возрасте до 12 лет) довольно легко поддаются внушению, в результате чего могут незаметно для себя подменить собственное восприятие высказываниями других лиц, с которыми они общались до допроса. Дата допроса несовершеннолетнего потерпевшего определяется с учетом сроков, установленных для производства допроса.

3. Определить круг участников допроса.

Круг участников допроса несовершеннолетнего определен УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 191 УПК РФ: «при проведении допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. При производстве указанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля».

Вместе с тем, в соответствии с ч. 4 ст. 191 УПК РФ, при проведении допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно.

Вместе с тем процессуальный статус психолога, его права и обязанности в уголовно-процессуальном законодательстве в настоящее время не урегулированы.

По мнению, С.В. Тетюева: «педагог (психолог) – это самостоятельный участник уголовного судопроизводства, который должен обладать определенным набором прав и обязанностей». На основе анализа законодательства и судебной практики зарубежных стран он выделяет следующие права, которыми должен обладать педагог (психолог): знать цель своего вызова, а также задачи, для разрешения которых он вызван; отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если

не обладает соответствующими специальными знаниями; до начала следственного действия знакомиться с материалами уголовного дела, характеризующими личность несовершеннолетнего; задавать вопросы несовершеннолетнему с разрешения следователя, дознавателя, суда; знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей; заявлять ходатайства и делать заявления, подлежащие занесению в протокол; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права; ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных ч.3 ст.11 УПК РФ; получать вознаграждение за выполненную им работу и возмещение расходов, понесенных при производстве по уголовному делу.

Педагог (психолог) обязан: являться по вызову дознавателя, следователя и суда; предоставлять дознавателю, следователю и суду документы, подтверждающие его специальную квалификацию в области педагогики и психологии и/или сообщать сведения об опыте работы с соответствующей возрастной группой несовершеннолетних; участвовать в производстве следственных действий и в судебном разбирательстве, используя свои специальные знания для содействия установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию; соблюдать порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания; делать в протоколе вывод о правильности проведения следственного действия с точки зрения педагогики и психологии.

Педагог (психолог) не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве педагога (психолога), если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ. За разглашение данных предварительного расследования педагог (психолог) несет ответственность в соответствии со статьей 310 УК РФ [3, с. 105-106].

При этом, необходимо иметь ввиду, что при приглашении для проведения допроса психолога, необходимо убедиться в том, что его помощь будет существенной, и не окажет отрицательного влияния на потерпевшего.

При приглашении психолога следователю не стоит ограничиваться на психологе из учебного учреждения, в котором обучается потерпевший, так как зачастую потерпевшие и родители не хотят, чтобы о случившемся событии знали посторонние, в том числе работники образовательного учреждения, в котором обучается потерпевший.

То есть при определении такой процессуальной фигуры как «психолог» следователю необходимо обсудить этот вопрос с потерпевшим и законным представителем. Вместе с тем, при приглашении психолога, необходимо учитывать специфику ситуации, то есть необходимо приглашать психолога, который специализируется на работе с детьми, подвергшихся насилию.

4. Беседа с участниками предстоящего допроса.

Беседа с участниками предстоящего допроса проводится с целью установления психологического контакта между всеми участниками допроса. На данной стадии необходимо:

1) познакомить всех предстоящих участников, в частности потерпевшего с психологом, законного представителя с психологом. Делается это с той целью, чтобы потерпевшему было более комфортно себя ощущать в таком кругу лиц. Иногда возможно, отставить потерпевшего наедине с психологом для того, чтобы они поговорили между собой, чтобы потерпевший рассказал о каких-то своих мыслях и переживаниях в данной ситуации;

2) разъяснить участникам допроса порядок производства этого следственного действия;

3) разъяснить участникам допроса их роль в допросе и предусмотренные законом права;

4) предупредить участников допроса о недопустимости постановки допрашиваемому наводящих вопросов и высказывания в адрес допрашиваемого нравоучений и критических замечаний по поводу его поведения и содержания показаний, пререканий между собой и других действий, которые могут осложнить обстановку на допросе[6, с. 80].

5. Составить план допроса несовершеннолетнего.

При составлении плана допроса необходимо тщательно продумать формулировки вопросов, которые предстоит задать допрашиваемому. Вопросы должны быть понятны и недвусмысленны. Недопустима постановка наводящих вопросов. Для того, чтобы интересующие следователя вопросы не оказали на допрашиваемого внушающего воздействия, их не следует выделять среди «нейтральных» вопросов изменением интонации, повышением или понижением тона, сопровождением вопроса жестами и т.п.

Вместе с тем, также представляется разумным заранее обговорить формулировку вопросов с психологом, который будет принимать участие в следственных действиях, для того, чтобы они были наиболее понятны для несовершеннолетнего.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что только при грамотной и тщательной подготовке к проведению допроса несовершеннолетнего потерпевшего можно установить доверительные отношения с участниками следственного действия, а также получить более полные и правдивые показания.

Библиографический список

1. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: Учебник. М.: ИНФРА-М «КОНТРАКТ», 2010. 780 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2021 № 174-ФЗ (ред. 11.06.2022) (с изм. и доп. вступ. в силу с 22.06.2022) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»(дата обращения: 21.06.2022).

3. Особенности расследования насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних (Методические рекомендации). СУ СК при прокуратуре РФ по Нижегородской области, 2009. 31 с.

4. Степанова А.А., Файрушина Р.Д. Тактика допроса несовершеннолетних и свидетелей // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 2. С. 66-72.

5. Тетюев С.В. Процессуальные права, обязанности и ответственность педагога (психолога) в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 100-106.

6. Методические рекомендации по расследованию уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: Сборник учебно-методических пособий и рекомендаций. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. 186 с.

УДК 343.1

ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Лузянин Станислав Радикович
Студент Института права, УУНиТ, г. Уфа, Россия
Luzyanin_stanislav@mail.ru
Научный руководитель:
Папышева Е.С.
Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Института права УУНиТ, к.ю.н,
г. Уфа, Россия

Процессуальная самостоятельность следователя – неотъемлемая часть и залог всестороннего, полного и всестороннего расследования уголовного дела. Это – крайне важный аспект в работе следователя, дающий возможность определять направление расследования самостоятельно, и быть ключевой фигурой досудебных стадий уголовного судопроизводства. Однако мы наблюдаем завышенную роль ведомственного контроля и прокурорского надзора, в ущерб процессуальной независимости следователя. Целью данной статьи является изучение уровня контроля и надзора, а также влияния вышеуказанных явлений на эффективность и качество работы следователя при производстве предварительного следствия.

Ключевые слова: Следователь; уголовное дело; законодатель; процессуальная самостоятельность; ведомственный контроль; прокурорский надзор; право.

Следователь – должностное лицо, которое уполномочено государством осуществлять предварительное следствие по уголовным делам, что предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством[1].

[1]Часть 1 статья 38 Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.10.2022).

Данный статус определенно накладывает на следователя как права, так и обязанности. Одним из важнейших прав является процессуальная самостоятельность, дающая возможность следователю самостоятельно направлять ход расследования, руководствуясь внутренним убеждением и опираясь на принцип законности. В целях обеспечения полного, объективногои всестороннего расследования преступления, а также предупреждения нарушений законов в деятельности следователя осуществляются прокурорский надзор и ведомственный контроль, которые в то же время накладывают определенные ограничения на его «процессуальную самостоятельность».

Итак, для начала нам необходимо дать определение данным понятиям.

Предмет и сущность прокурорского надзора раскрыты в разделах 1 и 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»[1]. Функции и полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства сформулированы в УПК РФ[2].

Ведомственный контроль представляет собой проверку деятельности следователя руководителем следственного органа на предварительном следствии, которая проводится на протяжении всего расследования. Все полномочия руководителя следственного органа и порядок их осуществления установлены УПК РФ[3].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вполне обоснованный вывод, что на деятельность следователя оказывается огромное влияние как со стороны прямого начальства, так и прокурора. Безусловно, прокурорский надзор и ведомственный контроль, представляющие собой установленные законом процессуальные механизмы обеспечения законности предварительного следствия, направлены на создание своего рода дополнительной гарантии качества и эффективности предварительного расследования, исключение возможности ущемления прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Тем не менее, нельзя забывать о том, что следователь должностное лицо, в полномочия которого входит направление хода расследования уголовного дела самостоятельно, за исключением тех случаев, когда в силу прямого указания уголовно-процессуального закона следователю требуется получить судебное решение или согласие руководителя следственного органа. С учетом этого, ожидалось, что такой подход приведет к определенной позиции следователя, в которой он будет занимать главную и важнейшую роль при осуществлении производства по уголовному делу [1, с.114].

---

[1]Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 20 октября 2022 г. № 399-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http//pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.10.2022).

[2]Статья 37Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.10.2022).

[3]Статья 39 Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.10.2022).

Но на практике мы видим совершенно иную картину, заставляющую поставить под сомнениеналичие у следователя такого полномочия, как процессуальная самостоятельность. Интересен тот факт, что статьи УПК дают нам слегка запутанное представление о самостоятельности следователя. Статьи 38 и 39 УПК, на наш взгляд, противоречат друг другу. С одной мы четко видим указание на самостоятельность следователя при принятии решений в ходе предварительного следствия, с другой - нормы четко определяют, что любые указания руководителя следственного органа, относящиеся к конкретному делу, должны быть выполнены следователем. Следует заметить, что ученые имеют разные взгляды по данному вопросу [2, с. 10]. Проанализировав данные о процессуальной независимости следователя мы можем рассматривать ее как самостоятельное определение направления расследования уголовного дела с принятием соответствующих процессуальных решений, совокупность полномочий по планированию предварительного следствия и определению приоритетных направлений своей деятельности, единство процессуальных функций следователя по установлению истины по делу, обвинению, защите и разрешению дела, совокупность прав следователя, уточняющая его процессуальный статус [3, с. 127].

Однако на деле мы зачастую видим, что качественного и эффективного механизма реализации процессуальной самостоятельности следователя, в принципе, нет. Основой самостоятельности должна быть регламентированная законом возможность следователя на реализацию своих прав, которые существенно ограничивают прокурорский надзор и ведомственный контроль. Законодатель в УПК РФ установил право следователя на обжалование решений прокурора, но только ограниченный перечень: решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

В связи с этим возникает вопрос о том, как поступать с другими решениями, обжалование которых не регулируется действующим законодательством, например,с постановлениями прокурора об отмене постановлений следователя о прекращении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. Проанализировав данный пробел в нормах уголовно-процессуального законодательства, можно прийти к мнению, что названные решения прокурора обязательны для исполнения следователем, а это прямо ограничивает процессуальную самостоятельность следователя, что является недопустимым [4, с. 804].

Что касается обжалования решений руководителя следственного органа, то здесь законом предусмотрено иное. В соответствии с УПК любое решение руководителя является обязательным для выполнения. Однако справедливости ради стоит упомянуть, что указания руководителя следственного органа могут быть обжалованы следователем руководителю вышестоящего следственного органа.

Тем не менее, несмотря на закрепленный законодательно способ следователя отстаивать свои права, на практике он фактически не используются. Связано это с непроцессуальными действиями руководителя, который, несмотря на установленный УПК порядок и форму дачи поручения, чаще использует устную

форму, сводя к минимуму возможность официального обжалования поручений, а вероятность негативного отношения руководителя за обжалование его действий вышестоящему органу достаточно велика.

В совокупности все сводится к тому, что следователь теряет большую часть своей процессуальной независимости, а вместе с тем важность и ключевую роль как лица, ведущего производство по конкретному уголовному делу. Следователь фактически лишен возможности принимать важнейшие решени, без получения разрешения прокурора либо руководителя следственного органа. Это препятствует полному, всестороннему и объективному исследованию всех обстоятельств дела.

Наряду с этим, нельзя сказать, что вся процессуальная деятельность следователя должна быть бесконтрольной. Пробелы в законодательстве, неопытность и просто человеческий фактор могут стать причинами неправомерного действия следователя, нарушения уголовно - процессуального законодательства, конституционных норм и превышения должностных обязанностей. Здесь требуется адекватное регулирование, при котором следователь не будет слепо выполнять указания руководителя, а прокурорский надзор будет использоваться только в действительно необходимом случае. Следователь должен надеяться только на себя, на свои внутренние убеждения, проверять все факты и полно устанавливать все обстоятельства по делу. Он должен сам направлять ход расследования, не полагая, что все бессмысленно и руководитель сделает иначе.

Подводя итог, можно сделать вполне справедливый и аргументированный вывод, что следователь процессуально зависим и несамостоятелен. Для улучшения положения следователя требуется значительно изменить уголовно-процессуальное законодательство, дать следователю возможность всецело заниматься производством предварительного следствия.Этому, на мой взгляд, послужит дополнение 38 статья УПК РФ частью 4, следующего содержания: «В случае несогласия с указаниямируководителя следственного органа, следователь вправе придерживаясь своих внутренних убеждений и принципа законности, не выполнять их, полагая что указания руководителя следственного органа могут негативно отразиться на ход расследования. В таком случае следователь обязан представить руководителю следственного органа свои письменные возражения».

Предлагается дополнить часть 2 статьи 38 УПК РФ подпунктом 5.1 следующего содержания: «В случае несогласия руководителя следственного органа со следователем об обжаловании решения прокурора, следователь вправе обжаловать решение прокурора без согласия руководителя следственного органа», а так дополнить часть 3 статьи 39 УПК абзацем следующего содержания: «В случае нарушения руководителем следственного органа порядка дачи указаний, следователь вправе не выполнять их».

Данные дополнения УПК, на мой взгляд, позволят повысить эффективность предварительного следствия по уголовным делам, увеличить процент раскрываемости преступлений, преумножить мотивационный аспект в деятельности следователя, снизить число неправомерных и ошибочных действий в досудебном производстве, значительно разгрузить как следователя, так и руководителя следственного органа и прокурора.

Библиографический список

1. Стольников П.М.Некоторые проблемы обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 3 (20). С. 114.

2. Венев Д. А. Независимость следователя: реальность или фикция? // Российский следователь. 2016. № 9. С. 10-12.

3. Мкртчян В.Г. Процессуальная самостоятельность следователя // Материалы III Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 20-23 июля 2016 г.). СПб., 2016. С. 127.

4. Галимов Э.Р., Жигалина Н.С., Шагаева А.А. Участие прокурора в уголовном процессе на стадии возбуждения дела // Аллея науки. 2017. Т. 5. № 16. С. 804.

5. Александров, А.И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования / А.И. Александров // Российский следователь. 2018. № 1. С. 39

6. Марфицин, П.Г. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя / П.Г. Марфицин, А.А. Пронин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5 (1). С. 242

7. Уланов, В.В. Содержание процессуальных функций следователя / В.В. Уланов // Российский следователь. 2018. № 17. С. 18-19.

8. Трубочкина, В.В. Процессуальное положение следователя / В.В. Трубочкина // Вестник МГУ. 2017. № 4. С. 90-93.

9. Буланова, Н.В. Принципы, предмет, объект и пределы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия / Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2018. № 6 (44).

10. Сергеев // История государства и права. М.; Юрист, 2019. № 5. С. 28-31

11. Вартанов, А. Р. Процессуальная самостоятельность следователя: сущность и значение//Право и политика. 2017. № 8. С. 1311-1319.

12. Сычев, Д. А. Уголовно-процессуальные функции прокурора, осуществляемые в ходе досудебного производства //Криминалисть. 2017. № 1.

УДК 342.4

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СТАТУСА ПРОКУРАТУРЫ В РАМКАХ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Миргаляутдинова Ильвина Ильгамовна
студент Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
mirgalyautdinova@list.ru
Научный руководитель:
Ахмадуллин Азат Саяфович
доцент кафедры уголовного права и процесса
Института права УУНиТ, к.ю.н,
г. Уфа, Россия

В данной статье рассматривается вопрос о важности координационной деятельности правоохранительных органов. Данной функцией наделяется прокуратура, которая наделяется особым статусомв системе государственных органов, из-за чего имеет, помимо ряда важнейших полномочий в этом направлении, особенные методы их реализации. Но этот объем полномочий недостаточен для более четкой и слаженной работы, поэтому в статье предлагаются возможные пути решения этой проблемы для придания статусу прокуратуры еще большего значения, что улучшило бы работу правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Ключевые слова: координация, правоохранительные органы, прокуратура, борьба с преступностью.

Одной из основных задач правоохранительных органов, в силу Конституции Российской Федерации является обеспечение прав и свобод граждан. Однако для того, чтобы деятельность органов была эффективной и в полной степени помогала осуществить конкретную задачу, нужно обеспечить координацию деятельности органов государственной власти для слаженной и четкой работы для выявления не только нарушений, но и возможных пробелов в практике.

Оперативность координации прокуратурой правоохранительных органов по борьбе с преступностью выступает значительным аппаратом противодействия преступности, являющейся угрозой национальной безопасности. Находясь на особом положении в системе государственных органов именно прокуратура выполняет ряд функций по координации деятельности остальных органов, ведь обладает важной информацией по борьбе с преступностью, если говорить конкретно, то такой как информация о выявленных преступлениях, расследовании, раскрываемости,

выявлении причин, которые легли в основу совершения преступления, а также поддержании прокурорами обвинения со стороны государства[1].

В координационной деятельности стоит отметить наиболее важные факторы, такие как её должное организационное обеспечение, при осуществлении необходимых действий выработать верную стратегию и тактику участниками координации, а также для предупреждения преступных действий использование эффективных методов и средств, которые используется органами правоохранительной системой. Именно единство задач в борьбе с преступностью, а также реализация и разработка необходимых мер, которые направлены на выявление и пресечение преступлений, и ликвидация тех оснований, которые и стали начальной точкой для их совершения, именно это все является важной составляющей в координационной деятельности правоохранительных органов.

Прокуратура находится на значительно более важном месте в системе государственной власти, в связи чем и наделяется полномочиями координирующего органа. Она обладает всей той информацией, которая нужна в борьбе с преступностью, а именно: результаты поддержания работниками прокуратуры государственного обвинения, информация о выявленных преступлениях, их расследовании, раскрываемости и выявлении причин, которые стали поводом для преступления.

Слаженная эффективная работа, которая направлена на профилактику преступлений, выявление и устранение факторов, ставших поводом для их совершения, а также раскрытие и пресечение некоторых видов преступных действий обеспечивается именно принятием совместных мер воздействия, активной, а главное последовательно выстроенной позицией деятельности правоохранительных органов.

Но также есть и критические аспекты в данном вопросе,несмотря на достаточно ответственный подход к решению этих самых задач, надлежащему исполнению решений, которые были приняты по ряду вопросов, до сих пор существует только поверхностный подход к выполнению некоторых из них. Нередко можно наблюдать выполнение решений, которые были приняты координационной коллегией,только частично. При проведении мероприятий в форме выездных проверок цель данной проверки не всегда обеспечивается в полной мере. Именно при проведении контроля за исполнением руководителями правоохранительных и других органов решений координационных коллегий можно выделить ряд трудностей, так как невозможно поставитьвопрос об их ответственности за такое неисполнение.

Для повышения результативности координационной деятельности по борьбе с преступностью, а главное повышения статуса прокурора именно в рамках данной деятельности, можно предположить о таких возможных путях, как совершенствование правовой базы. В данном новшестве предполагается издание специального закона, который бы утверждал положениео

[1]Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2012 №7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-16012012-n-7/

координациидеятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Сейчас этот вопрос регулируется указом Президента, который у нас является подзаконным актом[1]. Но именно издание специализирующей правовой базы придало бы большую значимость деятельности по координации. Органы прокуратуры стоило бы наделить большим объемом властных полномочий,в который входило бы выдвижение вопроса о привлечениируководителей правоохранительных и других органов к ответственности за невыполнение процесса координации и неисполнение принятых решений.Также в самом законе определялись бы компетенции участников координационной деятельности по борьбе с преступностью, их границы исполнения для избежания пересечений и дублирования в деятельности, чтобы улучшить качество и эффективность работы.

Таким образом, координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью является одним из центральных компонентов в механизме защиты интересов личности.

Библиографический список

1. Васильев, М. И. Правовые аспекты координационной деятельности органов прокуратуры по борьбе с преступностью / М. И. Васильев. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 31 (269). С. 93-95. [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/269/61854/ (дата обращения: 11.11.2022).

2. Кобзарева Ф.М. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2016.

3. Кобзарев Ф.М. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью. [Электронный ресурс]. URL: http:// lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4981 (дата обращения: 11.11.2022).

[2]Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (в редакции указов президента российской федерации от 25.11.2003 № 1389, от 26.06.2013 № 581, от 25.07.2014 № 529, от 07.12.2016 № 656, от 31.12.2019 № 640) [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040838 (дата обращения: 11.11.2022).

УДК 342.4

ЗАКРЕПЛЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО СТАНДАРТА ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ МВД РОССИИ

Полякова Анастасия Алексеевна
курсант Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России,
г. Калининград, Россия
polyakovan2601@mail.ru
Научный руководитель:
Бичан Наталья Витальевна
преподаватель кафедры тактико-специальной,
огневой и физической подготовки Калининградского филиала
Санкт-Петербургскогоуниверситета МВД России,
к. п. н., майор полиции
г. Калининград, Россия

В работе рассматриваются аспекты, связанные с противодействием коррупции, осуществляемого сотрудниками полиции МВД России и закреплением антикоррупционного стандарта поведения сотрудника полиции МВД России. Освещаются события исторических периодов жизни человечества, связанные с зарождением коррупции. Приводитсястатистиказарегистрированных преступлений, связанных с коррупцией, и нарушенийтребований антикоррупционного-стандартаповедения сотрудникамиполиции МВД России. Представляются нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность сотрудников полиции МВД России в области коррупционных преступлений, а также последствия нарушения антикоррупционных запретов, ограничений и требований.

Ключевые слова: коррупция; противодействиекоррупции; антикоррупционный стандарт поведения сотрудника полиции; сотрудник полиции МВД России; федеральный закон; коррупционное преступление.

В настоящее время в мире не существует такого государства, где не была бы распространена коррупция. Она охватила все сферы жизнедеятельности человека: экономическую, политическую, социальную и др.

Коррупция в России появилась еще в Древней Руси, еще в 9 веке появилась такая система, как «кормления», суть которой заключался в том, что должностные лица содержались за счет местного населения. Но,в итоге, система показала свою неэффективность.

Уже в 15 веке коррупция начала носить системный характер. Появляется такое явление как «мздоимство», которое заключалось в том, что чиновник выполнял за подношение какое-то действие, связанное с его прямыми обязанностями.

Безусловно, были предпринято множество мер по предотвращению коррупции: в судной грамоте Ивана Грозного было сказано, что будут

накладываться определенные санкции на чиновников за получение взятки; указ Петра Первого «О воспрещении взяток и посулов», который подразумевал смертную казнь за коррупцию.

Но в период правления Екатерины 2 смертная казнь была отменена и снова увеличился рост коррупции. Уже в 19 веке Александр III принимает «Уложение об уголовных и исправительных наказаниях», в котором были отражены первые нормы, предусматривающие ответственность за взяточничество в виде лишения свободы за данные противоправные деяния.

Пика коррупция смогла достичь в период правления Николая II, когда покупались и продавались должности в правительстве.

Коррупция также продолжала развиваться в период построения социалистического государства. В конце 20 века коррупция приобрела масштабное распространение, охватив все государственные и партийные органы.

Коррупция продолжает развиваться и на данный момент в российском обществе. Таким образом, можно сделать вывод, что данное явление берет свои истоки еще в древности и формируется на протяжении всего развития государства.

Что такое «коррупция»? В соответствии со статьи 1 ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица[1].

Для того, чтобы коррупция не приобретала широкомасштабный характер, необходимо оказывать определенное противодействие. Противодействие коррупции – это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Согласно статистике заянварь-июль 2022года сотрудники полиции зарегистрировали 18338 дел коррупционной направленности, в 2021 году за тот же

[1] Федеральный закон «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52.

период, данная цифра составила 19019. Из общего количества дел коррупционной направленности больше всего зарегистрировано преступлений, связанных со взяточничеством – 8289, в сравнении с 2021 годом это больше на 425 дел (7864 дела). Всего по преступлениям коррупционной направленности за указанный период было привлеченок ответственности 11574 человека, что свидетельствует о том, что активно осуществляется работа органов предварительного расследования. Таким образом, можно сделать вывод по приведенной статистике о том, что борьба с коррупционными преступлениями в нашем обществе по-прежнему находится на высоком уровне.

В статье 82.1 ФЗ от 30 ноября 2011 года №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» говорится, что сотрудник полиции может быть уволен их органов внутренних дел в связи с утратой доверия в случае:

1) непринятия сотрудником органов внутренних дел мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является;

2) непредставления сотрудником органов внутренних дел сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений;

3) участия сотрудника органов внутренних дел на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом;

4) осуществления сотрудником органов внутренних дел предпринимательской деятельности;

5) вхождения сотрудника органов внутренних дел в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;

6) нарушения сотрудником органов внутренних дел, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами», запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Противодействие коррупции в органах внутренних дел играет немаловажную роль в Государственной антикоррупционной политике. Противодействию

коррупции в ОВДуделяется особое внимание. Это сложный процесс, который требует принятия общесоциальных и специальных криминологических мер.

В данное время в МВД РФ особое место занимает правовой статус сотрудника полиции, что определяется потребностью в борьбе с коррупционной деятельностью в системе ОВД.

Выработка антикоррупционного стандарта поведения сотрудника органов внутренних дел позволит снизить вероятность совершения коррупционных преступлений, а также поспособствует сотруднику ОВД использовать определенный алгоритм действий при совершении коррупционных действий в отношении сотрудника полиции[1].

Правовой статус антикоррупционного стандарта поведения сотрудника полиции закреплен в различных нормативно-правовых актах, например, в ФЗ «О полиции», в ФЗ «О службе в ОВД», а также в Типовомкодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Рассмотрим несколько аспектов, содержащихся в данных нормативно-правовых актах и связанных непосредственно с антикоррупционным поведением сотрудника полиции. В ФЗ «О полиции» указана обязанность сотрудника полиции предоставлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (п.10 ч.1 ст.27 ФЗ «О полиции»); сотрудник полиции обязан уведомлять о противодействии коррупции, о каждом случае обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения (п.14 ч.1 ст.27 ФЗ «О полиции») и т.д.[2]

Вместе с тем в «Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих»сказано, что государственному (муниципальному) служащему запрещается получать в связи с исполнением им должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги материального характера, плату за развлечения, отдых, за пользование транспортом и иные вознаграждения). Подарки, полученные государственным (муниципальным) служащим в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются соответственно федеральной собственностью, собственностью субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления и передаются государственным (муниципальным) служащим по акту в государственный орган или орган местного самоуправления, в котором он замещает должность

[1] Зарубина Е. В. Антикоррупционный стандарт поведения в деятельности сотрудников образовательных учреждений МВД России // Правоохранительные органы: теория и практика. 2018. № 2.

[2]Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 г.№ 3-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.11.2022).

государственной или муниципальной службы, за исключением случаев, установленных законодательством Российской Федерации (пункт 18)[1].

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы подчеркнуть, что на сегодняшний день институт антикоррупционногостандарта поведения сотрудника полиции находится на начальном этапе своего развития.Согласно Обзору ДГСК МВД России состояния работы по применению мер юридической ответственностик сотрудникам органов внутренних дел, федеральным государственнымгражданским служащим, работникам системы МВД России за совершениекоррупционных правонарушений, в 2021 году рассмотрены материалы по соблюдениюантикоррупционных стандартов в отношении 45467 граждан,претендующих на замещение должностей в МВД России, и 331250 сотрудников. Количество сотрудников, в отношении которых установлены факты несоблюдение антикоррупционных стандартов на 2020 год составило 6545, а на 2021 год – 10820; количество сотрудников, привлеченных к ответственности за совершение коррупционных правонарушений на 2020 составило 3852, на 2021 – 5923. Исходя из представленной статистики следует отметить, что по сравнению с 2020 годом, в 2021 году возросло количество сотрудников, которые не соблюдают требований антикоррупционного стандарта сотрудника полиции[2].

Таким образом, говорить о стабильном состоянии противодействия в области коррупционной преступности на данный момент преждевременно.

Библиографический список

1. Зарубина Е.В. Антикоррупционный стандарт поведения в деятельности сотрудников образовательных учреждений МВД России // Правоохранительные органы: теория и практика. 2018. № 2. С. 120.

2. Состояние преступности в России за январь-июль 2021 года. [Электронныйресурс]. URL: file:///C:/Users/ASUS/Downloads/sb_2107.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

3. Состояние преступности в России за январь-июль 2022 года. [Электронныйресурс]. URL: file:///C:/Users/ASUS/Downloads/Sb_22_07.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

4. Обзор состояния работы по применению мер юридическойответственности к сотрудникам органов внутренних дел, федеральнымгосударственным гражданским служащим, работникам системы МВД Россииза совершение коррупционных правонарушений. [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site67/folder_page/011/847/596/Obzor22.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

[1]«Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21).

УДК 342.4

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА

Шаяхметова Азалия Дамировна
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
azaliya.sh.2001gmail.com
Научный руководитель:
Файзуллина Алина Анисовна
доцент кафедры криминалистики Института права УУНиТ, к.ю.н,
г. Уфа, Россия

В целях раскрытия преступлений следователи и суды довольно часто обращаются к экспертам для получения материалов, которые в последующем могут признаться надлежащими или же ненадлежащими доказательствами. Результаты психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа не получили однозначного решения относительно признания их надлежащими или ненадлежащими доказательствами в уголовном процессе. В правоприменительной практике суды по-разному относятся к такому виду экспертизы, что обуславливает актуальность настоящей работы в нынешней реальности.

Ключевые слова: психофизическая экспертиза; полиграф; доказательство; идеальные следы преступления; статистика; эксперт.

Преступления, какой бы направленности они не были, обязательно оставляют за собой информацию, которая в последующем может служить доказательством при расследовании уголовного дела.

Следы преступления, как правило классифицируются на материальные и идеальные. В данной научной работе особое внимание обращаем напоследний вид, который по мнению ученых, – есть криминалистически значимая (уголовно-релевантная) информация, воспринятая и запечатленная человеком в виде мысленных (памятных) образов, и которая может быть им воспроизведена в вербальной или иной форме либо извлечена из его памяти средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве [1, с. 29].

По мнению И.А. Макаренко преступление, правонарушение, либо иное юридически значимое событие как материальное явление действительности, практически реализуемое как особый вид деятельности человека (людей), проявляющийся в специфических формах поведения, в котором выражаются различные отношения субъекта(-ов) к социальным ценностям, особенности его (их) психики, индивидуально-психологические свойства, мотивационная сфера личности, психическое состояние и т.д., исходя из основополагающих положений классической теории познания, обладает свойством отражения своих характерных черт в окружающей его среде в виде различного рода следов-последствий [2, с. 85].

Исследованием данного вида следов преступления занимаются в частности эксперты полиграфисты. Они, как и все другие эксперты в иных областях, при построении версий оперируют материалами двоякого рода: конкретными фактическими данными, относящимися к делу, и знаниями определенных научных положений, с которыми эти факты сопоставляются. Исследование эксперта – диалектическое единство индукции и дедукции, анализа и синтеза [3, с. 150].

Использование психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа находит свое применение с начала XXI века. Так, имеется судебная практика, согласно которой данный вид экспертизы признавался судом допустимым.

Впервые полиграф был открыто применен в России в 1991 г. при расследовании дела об убийстве священника А.В. Меня. Вину за совершенное преступление взял на себя некий Г. Бобков. Бобкова проверили на полиграфе, и выяснилось, что тот просто оговорил себя под давлением следствия [4].

Имеется судебная практика, которая придавала такому виду экспертизы доказательственное значение. Так, 05 апреля 2002 года Московским окружным военным судом при постановлении обвинительного приговора по обвинению гр. А., Б., Б. и Х. в совершении ими преступлений, предусмотренных ст.ст. 105 ч. 2 п.п. «в», «ж», «з», «к», ст. 162 ч. 3 п.п. «а», «в» УК РФ среди других, имеющихся в деле доказательств, подтверждающих виновность подсудимых, приняты во внимание и исследованы результаты психофизиологической экспертизы[1].

Однако проведение психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа вызывает многочисленные споры как в теории криминалистических учений, так и в судебной практике.

Ясность данным дискуссиям придают мнения высших судов России. Так, Верховный Суд Российской Федерации и Конституционный Суд Российской Федерации достаточно однозначно выразили свое мнение. Так, согласно мнению Верховного Суда, изложенного в Кассационном определении от 11 сентября 2012 г. № 41-О12-57СП[2]: «Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и ее заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ… результаты психофизиологических исследований с использованием полиграфа не соответствуют требованиям, предъявляемым к заключениям экспертов, а представляют собой один из способов выработки и проверки следственных версий и не относятся к числу источников доказательств... Согласно положениям ст. 57, 74, 75, 80 УПК РФ, выводы подобного исследования нельзя признать достоверными ввиду того, что отсутствует специально разработанная достоверная методика, исключающая

[1] Приговор Московского окружного военного суда от 15 апреля 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2022).

[2]Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.09.2012 № 41-О12-57СП]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2022).

вероятностный характер высказанных суждений по определенному предмету, что влечет их недопустимость с точки зрения их полноценности в процессе собирания, закрепления и оценки доказательств по уголовному делу…».По мнению Конституционного Суда РФ[1] «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не регулирует использование полиграфа при проведении следственных и иных процессуальных действий, в том числе и экспертизы».

Несмотря на судебную практику, сложившуюся после вынесения постановлений высших судов России, не признающую в качестве надлежащего доказательства результаты проведения психофизиологической экспертизы с использованием устройства полиграф, обращение к экспертам данного профиля в рамках судебного производства не прекратилось.

Так, взяв за пример действующую экспертную организацию, можно сказать о наличии спроса к такому виду экспертизы, проводимого в судебных процессах. В ООО “БиКлин” в среднем за календарный год по г. Уфа участие эксперта полиграфиста в судопроизводстве осуществлялось не менее пяти раз. Более того, среди обращений имеются как по ходатайству одной из сторон в процессе, так и по инициативе суда, что говорит об актуальности данного вида экспертизы.

Кроме того, имеется свежая судебная практика, признающая заключение психофизиологической экспертизы надлежащим доказательством. Так, по Приговору Неклиновского районного суда Ростовской области от 28 октября 2020 г. по делу № 1-235/2020[2] суд установил, что в ходе специальной психофизиологической судебной экспертизы с применением полиграфа у подэкспертного Мищенко И.И. выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что он в октябре 2019 г. принес для хранения домой кусты дикорастущей конопли. Так же, что все представленные и исследованные доказательства суд признаёт допустимыми в соответствии с нормами УПК РФ, то есть, включая заключения психофизиологического исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что к ответу на вопрос о допустимости или недопустимости результатов психофизиологической экспертизы однозначно прийти на сегодняшний день не представляется возможным. С одной стороны, мнение Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, с другой – реальные судебные процессы и осуществление деятельности экспертными учреждениями. Однако, анализируя судебную практику, однозначно можно сказать, что при принятии того или иного судебного акта, суд всесторонне оценивает все доказательства по делу, при этом разделяя доказательства на главные и факультативные. То есть судья не оценивает экспертное заключение как единственное основное доказательство, а лишь в совокупности с другими основывает свое мнение по делу. Таким, образом, заключение эксперта полиграфиста по проведению

---

1 Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 63-О-О и от 16 июля 2015 года № 1616-О.Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2022).

[2]Приговору Неклиновского районного суда Ростовской области от 28 октября 2020 г. по делу № 1-235/2020.Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 11.11.2022).

психофизиологической экспертизы можно относить к надлежащему доказательству только лишь при наличии других надлежащих доказательств по делу.

Библиографический список

1. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике М.: Юрлитинформ, 2006. 200 с.

2. Макаренко И. А. Методологические аспекты судебной экспертизы с вопросами исследования идеальных следов преступления // Академия образования Великобритании. 209. № 3 (29). С. 84-92.

3. Файзуллина А. А. Выдвижение экспертных версий о причине пожара и их проверка посредством проведения экспертного исследования // Правовое государство: теория и практика. 2022. №1 (67). С. 145-155.

4. Свободный Ф.К. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.net/8_53253_glava-I-istoriko-teoreticheskie-voprosi-primeneniya-poligrafa-pri-rassledovanii-prestupleniy.html(дата обращения: 13.11.2022).

СЕКЦИЯ 7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, НАЛОГОВОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 332.1

КРИПТОВАЛЮТА КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Абрамова Ксения Игоревна
Студент Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия
ksenya.abramova.02@bk.ru
Научный руководитель:
Фаизова Кристина Александровна
асс. кафедры экологического и финансового права УУНиТ,
г.Уфа, Россия

На данный момент, в век информационных технологий, более весомыми изменениями, произошедшими в финансах и экономике, являются предпосылки для появления криптовалют. На сегодняшний день цифровая валюта получает правовую форму во многих государствах, в частности, в Российской Федерации. Они занимают место в системах финансов, чему есть объективные предпосылки. Метаморфозы в потреблении и производстве, финансово-политические изменения создают необходимость в посреднике для нового оборота.

Ключевые слова: цифровая валюта; криптовалюта; виртуальные деньги; биткоин; финансовое право; экономика страны.

На сегодняшний день весь мир с большим интересом наблюдает за достигаемым биткоином курсом, одной из самых распространенных криптовалют.

На мой взгляд, основным законодательным актом в данной сфере является ФЗ от 01 января 2021 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Именно он послужил основой для правовой регламентации криптовалют в Российской Федерации. Но, стоит отметить, что положения ФЗ № 259-ФЗ не полностью раскрывают разрешенные действия с криптовалютами без выхода из правовых рамок. Однако стоит заметить, что в данном законе уже присутствует объяснение термина «цифровая валюта», которой является и биткоин, и другие монеты блокчейна. Соответствуя данным НПА, цифровая валюта -это совокупность электронных данных, содержащейся в системе информации, у которых отсутствует лицо, имеющее обязанность перед каждым обладателем этих

электронных данных. Одновременно с этим, биткоин не был отнесен законодателем к цифровым финансовым активам [1, с. 16-22]. В связи с этим, граждане не должны соблюдать особые условия для покупки криптовалюты. Стоит отметить, что на уровне закона РФ криптовалюта не является платежным средством, вместе с этим не ограничивается право на владение ей. По статистическим данным, за последнее время можно проследить большой рост объемов денежных средств, вкладываемых россиянами в криптовалюты.

Научно-технический прогресс значительно поспособствовал изменениям социальной жизни. Многие процессы ускорились в десятки раз. Представление о финансовом хозяйстве и деньгах изменилось благодаря научно-техническому прогрессу в начале XX в. [2, с. 392]. В материалах аналитики подмечалось, что криптовалюты, а в частности и биткоин, не соответствует требованиям, которые применяют к деньгам, то есть не выполняют присущие деньгам функции [3, с. 66-78], в связи с этим, криптовалюты не являются платежным законным средством [4, с. 29-31]. Вероятно, стоит их рассматривать как деньги нового поколения, но данное название условно.

В свою очередь, Министерство Финансов против использования криптовалют как платежного средства в РФ, связывая цифровые валюты с инвестициями, предполагая проведение продажи или покупки с идентификацией клиента. Данная позиция просматривается в разработанном им законопроекте о криптовалюте, направленном в Правительство РФ 18 февраля этого года. Как основными взяты тезисы, которые содержатся в Концепциизаконодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют, как пример, в части обеспечения прослеживаемости денежных потоков и криптотранзакций, а также идентификации пользователей [5]. Подразумевается, что биржи и банки останутся единственным легальным входом на рынок, а также будут проведены все требования «антиотмывочного» законодательства.

Банк России считает, что распространение цифровых валют создаст значимые угрозы для благосостояния граждан, а также угрозы, которые связаны с использованием криптовалют в противоправных мерах. Подразумевается о высокой волатильности курса, о случаях мошенничества при торговле криптовалютами. Также феномен криптоизации ставит в рамки суверенитет денежно-кредитной политики, в связи с чем для недопуска инфляции необходима поддержка на постоянной основе высокий уровень ключевой ставки, что отразится на доступности кредитования для бизнеса и граждан. Вместе с этим, распространение криптовалют приведет к выводу денежных средств за российский финансовый сектор, что уменьшит его возможности по финансированию реального сектора и снизит экономический рост, следовательно, снизится и потенциальный рост доходов граждан.

Наконец, цифровые валюты используют для наркоторговли, отмывания доходов, что является противоправными действиями. На данный момент невозможно осуществить полную прозрачность использования криптовалют. В годовом отчете за прошлый год ЦБ отметил еще и экономические риски для страны от распространения криптовалют – начиная от риска подрыва денежного обращения и траты суверенитета национальной валюты и заканчивая снижением

финансовой устойчивости банков из-за перетока сбережений из традиционной финансовой системы в нерегулируемый сегмент криптовалют. В случае продолжительного рыночного роста и масштабного вовлечения банков в него вероятен риск того, что финансовые посредники вовлекут характерный для цифровых валют риск ликвидности, кредитный и рыночный риски, взаимосвязь крупных финансовых институтов может повлиять на распространение этих рисков на более широкие участки рынка, вместе с ним и на фактическую экономику [6].

На официальном сайте Минфина РФ размещен пресс-релиз, посвященный законопроекту. В нем выражена готовность к рассмотрению предложения Банка России о запрете на организацию выпуска и обращения криптовалют, а также о введении ответственности за аналогичные правонарушения.

Первостепенные направления развития законодательства в сфере оборота криптовалют обозначены в Концепции. Причем там идет речь не только о внесении поправок в уже действующий Закон № 259-ФЗ – не исключена разработка нового федерального закона.

Новый механизм регулирования предполагает определение их функционала, требований к деятельности и установление субъектного состава. Касательно пути клиента и совершения операций, предусматривается идентификация и открытие оператором обмена цифровых валют криптовалютного кошелька, который привязан к счету клиента в информационной системе организатора обменной системы. Вместе с этим планируется проведение организатором системы обмена криптовалют проверки планируемых операций, направленное на пресечение незаконной деятельности.

На мой взгляд, повысить эффективность и прозрачность использования цифровых валют в мире возможно с формированием и введением в действие разнообразных форм регулирования криптовалютных активов. Необходимы система налогообложения, гарантии государственной защиты и четкие формы отчетности. Без этих введений высока вероятность переноса добычи криптовалют в страны с четким налоговым и правовым регулированием. Существует полная необходимость более подробного нормативно-правового регулирования в РФ, так как положительные аспекты добычи и использования цифровых валют в нашей стране создадут улучшения экономической финансовой ситуации.

Библиографический список

1. Епифанова С.О. Правовое регулирование криптовалюты в различных странах мира // Цифровые технологии в экономической сфере: возможности и перспективы: Сборник научных статей. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Д. Державина, 2017.

2. Кучеров И.И. Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2016.

3. Кучеров И.И. Сущность, функции и правовые формы денежных средств // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 66—78. [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.12737/21222(дата обращения: 07.11.2022).

4. Кудряшова Е.В. Применение норм налогового кодекса о фактической способности к уплате налога // Финансы. 2003. № 10. С. 29—31. [Электронный ресурс] URL: https://www.lawmix.ru/bux/119638 (дата обращения: 07.11.2022).

5. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют, опубликованная на сайте Правительства РФ. [Электронный ресурс] URL: http:// www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_ 408789(дата обращения: 07.11.2022).

6. Доклад Банка России «Криптовалюты: тренды, риски, меры». [Электронный ресурс]URL:http://www.cbr.ru/content/document/file/ 132241/ consultation_paper_20012022.pdf(дата обращения: 07.11.2022).

УДК 340

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ МУСОРНОЙ РЕФОРМЫ, СВАЛКАМИ И УТИЛИЗАЦИЕЙ МУСОРА В Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Баканов Юрий Александрович
Никулин Сергей Дмитриевич
студенты факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
г. Санкт-Петербург
Научный руководитель:
Игбаева Гузель Римовна,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, к.ю.н., доцент

В статье рассмотрены отдельные вопросы утилизации, переработки мусора, организационной работы перерабатывающих комплексов и полигонов, проблемные аспекты проведения мусорной реформы в регионах Северо-западного федерального округа.

Ключевые слова: валка, мусорная реформа, перерабатывающий комплекс, полигон, утилизация мусора, переработка мусора.

Понятие «твердые коммунальные отходы» дано в Федеральном законе от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». Согласно данному федеральному закону твердые коммунальные отходы – отходы,

образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд[1.]. Основой загрязнения окружающей среды являются не только отходы, полученные в процессе производства различных товаров и добычи полезных ископаемых, но и твердые коммунальные отходы, образующиеся в больших количествах во время жизнедеятельности человека.

Вся продукция, производимая человеком для удовлетворения своих потребностей и обеспечения жизнедеятельности, в конечном итоге переходит в категорию отходов[2.]. Основой загрязнения окружающей среды являются не только отходы, полученные в процессе производства различных товаров и добычи полезных ископаемых, но и твердые коммунальные отходы, образующиеся в больших количествах. При этом часть продуктов, на производство которых затрачено значительное количество энергии и человеческого труда, попадает в категорию отходов уже после разового использования.

В г. Санкт-Петербурге введена в действие мусорная реформа с 1 января 2022 года и система обращения с твердыми коммунальными отходами (далее также – ТКО) в Санкт-Петербурге начала работу по новым правилам. Услуга по вывозу мусора из разряда жилищных перешла в разряд коммунальных. Ответственным за организацию вывоза и правильное обращение с ТКО на каждом последующем этапе (обработка, обезвреживание, утилизация и размещение на специальных объектах) стал Региональный оператор по обращению с ТКО – Акционерное общество «Невский экологический оператор» .

Одним из акционеров АО «Невский экологический оператор»является Правительство Санкт-Петербурга[3.] 2 сентября 2021 года Комитет по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности Санкт-Петербурга и АО «Невский экологический оператор заключили соглашение об организации деятельности по обращению с ТКО на всей территории Санкт-Петербурга.

До появления регионального оператора основная часть города была поделена между крупнейшими перевозчиками – «Автопарк № 1 «Спецтранс» и «Автопарк № 6 «Спецтранс». «Мусорная реформа» в Петербурге, стартовавшая 1 января, ознаменовалась скандалом. На смену нескольким компаниям, занимавшимся вывозом отходов, пришел «Невский экологический оператор» (НЭО).

1.Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об отходах производства и потребления» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.11.2022).

2.Татаренко Валерий Иванович, Петрова Наталья Владимировна, Лоницкая Дарья Николаевна Мусорная реформа: новые подходы к формированию и возникающие проблемы // Московский экономический журнал. 2020. №6. URL: https:// cyberleninka.ru/ article/n/musornaya-reforma-novye-podhody-k-formirovaniyu-i-voznikayuschie-problemy (дата обращения: 17.11.2022).

3. Администрация Санкт-Петербурга Официальный сайт // Официальный интернет ресурс [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ecology/reforma-v-sfere-obrasheniya-s-tverdymi-kommunalnymi-othodami-voprosy-i/ (дата обращения: 17.11.2022).

Новые правила игры привели к хаосу в первые недели года: некоторые перевозчики, бизнес которых находился в тени, просто перестали убирать город. Петербуржцы массово жаловались на переполненные контейнеры. Городским властям и НЭО пришлось оправдываться и извиняться перед жителями за причиненные неудобства.

Чиновники и эксперты называют разные причины мусорного коллапса в городе. Здесь и затягивание реформы до новогодних праздников, когда объем отходов увеличивается вдвое, и просчеты при оценке объемов работ, повлекшие за собой нехватку техники. И трудности с доступом к контейнерам из-за припаркованных машин, сугробов и других препятствий. Об этом рассказывали представители Смольного и НЭО.

Каковы цели и задачи реформы по обращению с твердыми коммунальными отходами?

1. контроль за перемещением твердых коммунальных отходов, прежде всего недопущение их поступления на несанкционированные свалки;
2. обеспечение прозрачности обращения с твердыми коммунальными отходами на всех этапах: складирование в местах накопления (контейнерные площадки), транспортирование, сбор, обработка, утилизация и размещение ТКО;
3. создание единых стандартов и повышение качества услуги по обращению ТКО;
4. создание условий для развития современной инфраструктуры по обращению с ТКО;
5. увеличение доли отходов, направляемых на утилизацию (переработку), т.е. возвращенных в экономику в качестве вторсырья.

Переходя к вопросу о том, кто отвечает за ликвидацию несанкционированных свалок, нужно обратиться к Постановлением Правительства РФ от 12.11.2016 № 1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации» от 25 августа 2008 г. предусмотрен порядок ликвидации несанкционированных свалок ТКО.[1.]

В случае обнаружения региональным оператором места складирования ТКО, объем которых превышает 1 куб. метр, на земельном участке, не предназначенном для этих целей и не указанном в соглашении, региональный оператор обязан в течение 5 рабочих дней:

1. уведомить любым способом, позволяющим получить подтверждение доставки такого уведомления, собственника земельного участка, орган местного самоуправления и орган, осуществляющий государственный экологический надзор, об обнаружении места несанкционированного размещения ТКО;

1.Постановление Правительства РФ от 12 ноября 2016 г.. № 11156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. N 641»// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/71540160/paragraph/1/doclist/1048/showentries/0/highlight/12.11.2016%20N%201156:0 (дата обращения: 17.11.2022).

2. уведомить любым способом, позволяющим получить подтверждение доставки такого уведомления, собственника земельного участка о необходимости ликвидации места несанкционированного размещения ТКО в течение 30 дней после получения уведомления и направить ему проект договора на оказание услуг по ликвидации выявленного места несанкционированного размещения ТКО.

3. Если собственник земельного участка в течение 30 дней со дня получения уведомления регионального оператора не обеспечил ликвидацию места несанкционированного размещения ТКО самостоятельно и не заключил договор с региональным оператором на оказание услуг по ликвидации выявленного места несанкционированного размещения ТКО, региональный оператор в течение 30 дней после отправления уведомления собственнику земельного участка ликвидирует место несанкционированного размещения ТКО.

В г. Санкт-Петербург активно развивается переработка ТКО, например, перерабатывающий комплекс «Волхонка». АО «Невский экологический оператор» получил право на приобретении МПБО-2. На данный момент на перерабатывающем комплексе работает одна станция по переработке, которая была создана в 70-80 годах XX века, которая после нововведений будет обрабатывать до 600 000 тон мусора в год.(два этапа введения 200 000 и 400 000 тон).

Так, КПО будет сортировать весь поступающий мусор, выделять и продавать вторичные ресурсы, пригодные для последующей переработки КПО «Волхонка» станет площадкой для тестирования получаемой продукции, и прежде всего – RDF–топлива, которое в дальнейшем планируется выпускать на всех пяти заводах. Еще одна трудность, с которой НЭО может столкнуться при тиражировании остальных заводов – это сложности с поставкой оборудования.

Первый комплекс станет пилотом для остальных четырех проектов, которые рассматриваются уже как новое строительство. Использовать комплекс планируется для переработки отходов, собранных в том числе в рамках запущенных региональным оператором пилотных проектов по раздельному сбору мусора.

Мусорная свалка в Горелово

Производственная зона «Горелово», которая находится на юго-западной окраины Санкт-Петербурга, создавалась как идеальная площадка для развития бизнеса. На 200 гектарах земли должен быть создан многофункциональный производственный кластер, в рамках которого бы могли развиваться логистические и производственные предприятия, объекты общественно-делового назначения и обслуживания.

Сюда съезжаются гружёные многотоннажные грузовики, которые занимают место в очереди, а затем один за другим ныряют с дороги на разгрузку. Отходы сгружают в отведённых местах. Площадь свалки более 12 гектаров, а высота достигает трёх-пяти метров. Свалка состоит из бытовых и строительных отходов, а струящиеся из неё ядовитые ручьи попадают в реку «Большая Койровка», на берегу которой она и находится.

Комитет государственного экологического надзора Ленобласти, природоохранная прокуратура, Росприроднадзор, 114-й отдел полиции ОМВД России по

Ломоносовскому району постоянно проводят проверки, накладывают штрафы, арестовывают строительную технику.

Сход мусора в Гатчине.

Около шести утра 20 октября на полигоне «Новый Свет-ЭКО»в Гатчина произошел сход мусора с грунтом.

Как официально сообщили в компании, произошла деформация северного откоса со сходом свалочных масс. Предварительной причиной обвала считается недостаточная досыпка грунта, по версии специалистов ГосЭконадзора оползень мог произойти из-за неправильного размещения на полигоне мусорных отходов.

Большая часть отходов идет на “Новый Свет” из Петербурга – примерно 600 тысяч кубометров в год. Менее 100 тысяч едет из Ленобласти. В планах его постепенная рекультивация, подготовка к ней уже начата. Но пока в Ленобласти не построят мусороперерабатывающие заводы, подмены у площадки по сути нет. Создана комиссия по расследованию причин и устранению последствий инцидента. Начаты работы по ликвидации схода свалочных масс. Залповых выбросов свалочного газа не зафиксировано. Распространение запаха в ближайших населенных пунктах нет. При сходе свалочных масс пострадавших нет, газосборная система не нарушена, дегазация осуществляется.

Так, поводя итоги, нужно отметить, что в Санкт-Петербурге можно выделить положительные тенденции в развитии утилизации и переработки, сортировки, обращения с ТКО. Развиваются комплексы по переработки ТКО, происходит борьба с незаконными свалками мусора как в самом городе, так и на его окраине. В процесс утилизации начинает включаться сортировка на этапе «утилизации собственником». Но также есть нерешенные проблемы как в правовых аспектах, так и в экологических.

Библиографический список

1. Татаренко Валерий Иванович, Петрова Наталья Владимировна, Лоницкая Дарья Николаевна Мусорная реформа: новые подходы к формированию и возникающие проблемы // Московский экономический журнал. 2020. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/musornaya-reforma-novye-podhody-k-formirovaniyu-i-voznikayuschie-problemy (дата обращения: 17.11.2022).

2. Администрация Санкт-Петербурга Официальный сайт // Официальный интернет ресурс [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ecology/reforma-v-sfere-obrasheniya-s-tverdymi-kommunalnymi-othodami-voprosy-i/ (дата обращения: 17.11.2022).

3. Ярмиева Аделина Борисовна Твердые коммунальные отходы: существующие проблемы и пути их решения // Вопросы российской юстиции. 2020. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tverdye-kommunalnye-othody-suschestvuyuschie-problemy-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 17.11.2022).

УДК 340

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД ИНОСТРАННЫМ ВЛИЯНИЕМ

Белоусов Артем Иванович
студент Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП», г. Казань, Россия
E-mail: bel0usovtema@yandex.ru
Научный руководитель:
Мифтахов Ренат Ленарович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП» к.ю.н, доцент, г. Казань, Россия

В статье рассматриваются законодательные новеллы в сфере административного контроля деятельности лиц, находящихся под иностранным влиянием и имеющих статус «иностранный агент» на территории России. Активность таких лиц на территории России в связи с политической обстановкой существенно выросла, поэтому есть необходимость обновить и ввести новые положения в законодательные акты об их деятельности с помощью принятия нормативных правовых актов, ограничивающих деятельность таких лиц на территории России.

Ключевые слова: иностранное влияние; иностранный агент; законодательные новеллы; административный контроль; политическая обстановка; новые положения.

В связи с геополитической обстановкой, сложившейся сегодня в мире, органами публичной власти Российской Федерации осуществляются мероприятия, которые направлены на защиту государственного суверенитета, обеспечение безопасности государства и защиту национальных интересов от угроз исходившие от лиц, находящихся под иностранным влиянием, так как действия таких лиц многократно возросли на территории России.

На данный момент в законодательстве России нет единства в понимании о субъектом составе иностранных агентов, также законодательство России не имеет отдельного нормативного правового акта, регулирующего деятельность лиц, находящихся под иностранным влиянием, но отдельные положения о деятельности данных лиц содержатся в разных законах и иных нормативных правовых актах. К примеру, деятельность иностранных агентов прежде всего регулируется в следующих видах законодательства:

- о средстве массовой информации;
- о выборах Президента России;
- о выборах депутатов в Государственную Думу;
- о некоммерческих организациях;
- о мерах воздействия на лиц, нарушающих основополагающие права и свободы человека и гражданина;
- об информационных технологиях и защиты информации;

- об административных правонарушениях;

- об уголовной ответственности.

Проанализировав законодательство о лицах, находящихся под иностранным влиянием следует сделать следующие выводы:

Для начала необходимо определить, кто же может быть иностранным агентом. Понятие иностранный агент заключается в следующем: это физическое лицо вне зависимости от наличия гражданства или физическое лицо без гражданства, выполняющие функции иностранного агента, а также юридическое лица вне зависимости от организационно-правовой формы, и страны пребывания, выполняющие функции иностранного агента [1, с. 63].

В связи с этим в нормативных правовых актах России закрепляется широкий перечень лиц, которые могут подпадать под категорию «иностранный агент», в свою очередь, законодательство, регулирующие отношения иностранных агентов, не выделяют исключения для лиц, на которых действие законов об иноагентах не распространяется [2, с. 42].

Нормативными режимами и законами не указывается перечень событий и действий, с помощью которых присваивается статус «иностранный агент». В различных нормативных правовых актах указываются определённые юридические свойства, дающие основания полагать, что лицо имеет признаки иностранного агента, к таким юридическим свойствам относят:

1. Лицо подвержено иностранному влиянию;

2. Принимает участие в политической жизни страны и общества (в конституционном и государственном строительстве, выборах, референдуме и т.д.) и вовлечении в данную деятельность других лиц;

3. Участие по сбору информации, носящая сведения о вооружённых силах России, способных нанести вред безопасности государства [2, с. 57];

Вышеперечисленные признаки позволяют сформировать юридический состав по определению лица иностранным агентом.

Вменение статуса «иностранный агент» в России определяется ограничениями прав и свобод. На данный момент в законодательстве указывает прямой запрет иностранных агентов поступать на должности государственной и муниципальной службах[1].

Существенные ограничения в избирательном праве, если же лицо, обладающее статусом иностранного агента, будет избираться на пост Президента России или Депутата Государственной Думы, то в средствах массовой информации и при ведении избирательной компании информация о данном статусе должна быть указана обязательно[2].

Принимая во внимание данные ограничения, следует выделить установленные законодательством обязанности для иностранных агентов, например: лица, находящиеся под иностранным влиянием обязаны представлять отчеты о

---

[1]Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ», 18.07.2022, № 29 (часть II), ст. 5222;

[2] Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 13.01.2003, № 2, ст. 171.

ведении политической деятельности в России, финансовую отчетность, также если иностранный агент покидал территорию России, то по возвращении он обязан уведомить органы публичной власти о намерении вести деятельность иностранного агента[1].

Проанализировав действующие нормативные правовые акты России об иностранных агентах, можно сделать следующие выводы:

1. Понятие и общие положения о статусе иностранных агентов пока не в полной мере урегулированы российским законодательством;

2. Круг лиц, подпадающих под данный статус является широким;

3. Юридические свойства, свидетельствующие о признаках иностранного агента, являются абстрактными;

В связи с этим необходимо указать, что в настоящее время Государственной Думой Российской Федерации принят закон, пока не вступивший в законную силу, «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 г. № 255[2], в котором полностью регламентируется деятельность иностранных агентов.

В свою очередь следует сказать, что формы административного контроля за деятельностью иностранных агентов не изменились, по-прежнему административный контроль заключается в введении электронных списков таких лиц (реестры) определенным органом публичной власти и указывается дата внесения [3, с. 108].

Здесь необходимо указать, что присваивание статуса иностранного агента накладывает уже само по себе на данное лицо определенные негативные политические и правовые последствия, к ним можно отнести, что данное лицо вытесняют из правовых отношениях, не заключают правовые сделки по закупкам для государственных и муниципальных нужд, может наносить вред деловой репутации, однако со стороны органов публичной власти не исходит прозрачная информация о причинах и конкретных основаниях о признании лица иностранным агентом.

На наш взгляд в законодательство об иностранных агентах, а именно в положения об административном контроле необходимо указать следующие положения:

1. В реестре об иноагентах должна содержаться информация о причинах присвоения данного статуса;

2. Предусмотреть открытый административный процессуальный порядок рассмотрения вопросов о признании лица иностранным агентом;

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7597;

[2]Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ», 18.07.2022, № 29 (часть II), ст. 5222;

3. Разработать новые положения правотолковательных актов о разъяснении порядка обжалования решений органов публичной власти о внесении лица в соответствующий реестр иностранных агентов;

4. Определить правовой статус не только иностранных агентов, но и аффилированных с ними лиц.

Считаем необходимым внести в положение об иностранных агентах запрет избираться иностранным агентам на должности Президента Российской Федерации, если данный иностранный агент занимался непосредственно сбором информации о военной безопасности страны, так как такое лицо можно нанести существенный вред при исполнении компетенций главы государства.

Библиографический список

1. Дегтярева А.А. Некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента, в системе некоммерческих организаций: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 62 - 66;

2. А.И. Стахов «Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора» // Сборник научных статей. М.: РГУП, 2018. 164 с.

3. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественный отношений. М.: РГУП, 2018.

УДК 349.2

ДИСКРИМИНАЦИЯ РАБОТНИКОВ В СФЕРЕ ТРУДА

Беляева Яна Александровна
Студент ДИТИ НИЯУ МИФИ, г. Димитровград, Россия
liuba.belyaeva2016@yandex.ru
Научный руководитель:
Косорукова Ольга Александровна
Старший преподаватель кафедры правовых дисциплин ДИТИ НИЯУ МИФИ
г. Димитровград, Россия

Одной из главных проблем трудового права на современном этапе является обеспечение равных прав работников и защита от дискриминации. Несмотря на то, что дискриминация в социально-трудовых отношениях запрещена как международным, так и российским законодательством, есть основания полагать, что россияне часто сталкиваются с этим явлением на практике. В связи с этим тема исследования представляется весьма актуальной. Целью работы является анализ действующего трудового законодательства и практики применения норм трудового права по запрещению дискриминации в сфере труда и разработка предложений по борьбе с данным явлением.

Ключевые слова: дискриминация, работодатель, работник, законодательство, труд, права работников.

Дискриминация имеет место в различных сферах человеческой жизни. Сфера труда, в которой работник подвергается дискриминации со стороны работодателя, не является исключением. Можно сказать, что дискриминация подрывает основы демократии и справедливости в сфере труда. Его устранение необходимо для того, чтобы люди могли свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать вид и объем работы, а также выбирать те профессии, которые соответствуют их внутренним потребностям [1, с. 15].

В современном мире дискриминация в сфере труда является одной из наиболее распространенных форм нарушения прав работников. Этот вопрос касается не только Российской Федерации. Эта проблема существует во всем мире, и каждое государство сталкивается с ней [2, с. 548].

Под дискриминацией в сфере труда стоит понимать ущемление прав работника по любым мотивам, не связанным с его деловыми качествами. В Большом юридическом словаре дискриминация определяется как общеправовой термин, обозначающий ущемление прав государства, юридических и физических лиц (по сравнению с другими государствами, юридическими и физическими лицами) [3, с. 351]. Юристы трактуют этот термин по-разному. Так, Анна Гвоздицких определила понятие дискриминации следующим образом: это «установление работодателем не обоснованных деловыми качествами работников каких-либо ограничений прав работников либо предоставление им преимуществ, если только эти ограничения или преимущества не обусловлены свойственными данному виду труда требованиями или особой заботой государства» [4, с. 4].

Правовая основа недопущения дискриминации закреплена в законодательстве Российской Федерации. Таким образом, в соответствии со статьей 19 Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, членства в общественных объединениях, а также как и другие обстоятельства. Любая форма ограничения прав граждан по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности запрещена.Так же в ст.37 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на вознаграждение за труд, без какой бы то ни было дискриминации. Данные положения закреплены и в Трудовом Кодексе Российской Федерации. В соответствии со ст.3 Трудового Кодекса Российской Федерации (Далее ТК РФ) каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав [1]. Так, согласно статье 64 Трудового кодекса Российской Федерации, любое прямое или косвенное ограничение прав или возникновение прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного,

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

семейного, социального и должностного положения, возраст, место жительства (в том числе наличие или отсутствие регистрации по месту жительства или прописки), отношение к религии, вероисповеданию, членство или не членство в общественных объединениях или каких-либо социальных группах, а также другие обстоятельства, не относящееся к деловым качествам сотрудников, не допускается.

Законодательство Российской Федерации запрещает дискриминацию в любых ее проявлениях, но на практике это происходит довольно часто. В трудовых отношениях дискриминация может выражаться в необоснованном отказе в приеме на работу, увольнении, наказании работника, оплате труда и т.д. [5, с.693]. Опрос Института общественного мнения показал, что наиболее распространенными признаками дискриминации являются: возраст (66%), пол (36,9%), образование (25,1%), проблемы со здоровьем и инвалидностью (21,7%), внешний вид (21,5%) и т.д.[1]Если рассматривать дискриминацию по признаку пола, то женщины чаще всего сталкиваются с предвзятым отношением работодателя. Согласно российскому законодательству, работникам с детьми и беременным сотрудницам предоставляются дополнительные льготы, что влечет за собой дополнительные трудности и финансовые затраты для работодателя.Особенно тяжело устроиться молодым девушкам, ведь работодатели стараются отказывать им, ссылаясь на то, что девушка в ближайшем будущем забеременеет и уйдет в отпуск по беременности родам, а работодателю придется искать человека для замены, выплачивать ей все льготы, которые полагаются. Поэтому работодатели избегают брать в свой штат молодых сотрудниц. Некоторые берут расписку о том, что девушка, к примеру, в течение 5 лет не забеременеет. Такая расписка является не законной по российскому законодательству, но многие девушки на это идут, чтобы получить хорошее место работы. Работодатели считают, что женщины менее сосредоточены на профессиональной деятельности, больше на семье и детях, и поэтому не способны выполнять высокопрофессиональную деятельность».Еще одной областью, вызывающей озабоченность в борьбе с дискриминацией, является оплата труда. Сегодня заработная плата женщин в России составляет в среднем 70% от заработной платы мужчин [6, с.562]. И это является огромной проблемой в современном обществе. Большинство работодателей отдают предпочтение мужчинам, чем женщинам.

Судебная практика по вопросам дискриминации женщин столь обширна, что в 2014 г. было принято Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1[2], где сказано, что дополнительные льготы, права и гарантии для таких лиц также могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями, локальными

[1]Дмитриев Р.К. Дискриминация на рынке труда в России [Электронный ресурс] URL: https://iom.anketolog.ru/2017/11/07/diskriminaciya-na-rynke-truda-v-rossii (дата обращения: 02.10.2022)

[2] О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 4.

нормативными актами с учетом принципа недопущения дискриминации в труде. То есть речь идет о возможности увеличения льгот и гарантий в дополнение к тем, которые предусмотрены федеральным законом. На практике такое увеличение приводит к потере конкурентоспособности женщин на рынке труда.

Люди с ограниченными возможностями также подвергаются дискриминации на работе. В соответствии со статьей 13 закона «О занятости населения в Российской Федерации», статьей 20 федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» запрещается отказывать в заключении трудового договора с инвалидом, направленным на трудоустройство в порядке квоты.Тем не менее, работодатели просто не знают, какую работу давать инвалидам, что они способны выполнять. Особой проблемой является не оборудованность рабочих мест для инвалидов, отсутствие необходимых условий, но работодатели даже не спешат создать место для инвалида, им проще заплатить штраф, который предусмотрен статей 5.42 КоАП РФ.

Но как защититься работникам, которые подвернулись дискриминации в сфере труда? Ответ на этот вопрос есть в законодательстве Российской Федерации. Согласно статье 3 Трудового кодекса Российской Федерации, лица, которые считают, что они подверглись дискриминации в сфере труда, имеют право обратиться в суд за восстановлением нарушенных прав, возмещением материального ущерба и компенсацией морального вреда. Кроме того, работник может защитить свои права, обратившись в прокуратуру, Федеральную инспекцию труда. В этом случае доказательствами могут служить письменные документы, свидетельские показания, вещественные доказательства, заключения экспертов.

В качестве примера приведем судебную практику по вопросам дискриминации работников. Так, Севостьянов И.В. утверждал, что предполагал, что был нанят ООО «ЮГРТРАНС» в качестве водителя автомобиля. Во время своей работы он не был привлечен к дисциплинарной ответственности, не допускал нарушений трудовой дисциплины, у подсудимого не было никаких претензий к исполнению им служебных обязанностей. 15.09.2018 он был уволен с должности, хотя по собственному желанию он не писал заявление об увольнении ответчику, также он не был знаком с приказом об увольнении. При этом в день увольнения ответчик не произвел с ним окончательного расчета, а именно не была выплачена заработная плата за период его работы.Согласно его жалобе ответчику, государственная инспекция труда ХМАО-Югры провела проверку, в ходе которой было выявлено несколько нарушений. В соответствии с частью 4 статьи 3 и частью 9 статьи 394 Трудового кодекса Российской Федерации суд вправе удовлетворить иск И.В. Севостьяновой, которая подверглась дискриминации в сфере труда, а также иск работника, уволенного без законных оснований или в нарушение установленного порядка увольнения или незаконного перевода на другую работу, на компенсацию морального вреда[1]. Поэтому работнику может быть очень сложно доказать дискриминацию в сфере труда, он должен предоставить суду множество доказательств, подтверждающих это явление. Для поддержки и защиты

[1]Решение Куйбышевского районного суда от 04.10. 2018 г. по делу № 2-942/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/p3JS7U7ZdSr1/ (дата обращения: 21.10.2022)

нарушенных прав иногда привлекается государственная инспекция труда. Именно этот орган помог в нашем примере восстановить права истца.

Таким образом, проблема дискриминации в трудовых отношениях носит острый характер. Данные действия запрещены законодательством Российской Федерации, но в настоящее время дискриминация встречается в обществе. Работников продолжают дискриминировать работников в сфере труда по различным признакам. Поэтому необходимо усовершенствовать законодательство по данному вопросу, а также ввести новые санкции для работодателей.

Библиографический список

1. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. / А.Б., Борисов. М.: Книжный мир, 2017. 847 с.

2. Видяпин В.И., Добрынин А.И., Журавлева Г.П. Экономическая теория: Учебник / В.И., Видяпин, А.И., Добрынин, Г.П., Журавлев. М.: Инфра-М, 2017. 714 с.

3. Гвоздицких А. Юристы за трудовые права: бюллетень. 2016. № 36. С. 15.

4. Гонцов Н.И. Развитие законодательства о трудовых спорах в РФ // Историк. 2014. № 5. С. 15-16.

5. Солошич Е. А. Ответственность за дискриминацию в сфере труда / Е. А. Солошич. // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). 692-694 с.

6. Прокопенко, А. В. Дискриминация женщин в сфере труда / А. В. Прокопенко. // Молодой ученый. 2016. № 20 (124). С. 559-563.

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ПЛАСТИКОВОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ

Гиндуллина Юлия Азатовна
студент Московского государственного юридического университета
имени О.Е Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия
julygind@gmail.com
Научный руководитель:
Блажеев Ярослав Александрович
старший преподаватель кафедры экологического и природоресурсного
права Московского государственного юридического университета
имени О.Е Кутафина (МГЮА), к.ю.н,
г. Москва, Россия

Активная промышленная и хозяйственная деятельность предопределила возникновение проблемы переработки и повторного использование пластика. Исследование проблемы пластикового загрязнения включало в себя анализ действующего законодательства, деятельности международных органов, изучение успешных практик государств. Автор пришел к выводу о глобальном масштабе проблемы, её непопулярности в Российской Федерации, невозможности её решения отдельными лицами или органами, о необходимости создания соответствующей нормативно-правовой базы на национальном уровне, а также выдвинул идею усиления позиции ЮНЕП.

Ключевые слова: пластик; пластиковые загрязнители; вред экологии; переработка отходов; циклическая экономика.

В современном мире экологические проблемы достигли небывалых размеров. Бесспорно: в том, что случилось с природой, виноват сам человек. Люди выступают главным врагом окружающей среды, но они также являются единственными, кто может постараться спасти её от наступления необратимых негативных последствий. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды от 1972 года[1] закрепила положение: “Человек несет особую ответственность за сохранение и разумное управление продуктами живой природы и ее среды, которые в настоящее время находятся под серьезной угрозой в связи с рядом неблагоприятных факторов”.

В настоящее время наблюдается процесс изменения климата из-за антропогенного стресса, испытываемого природой. Небрежное отношение человека к

[1]Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (принята Конференцией ООН по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 год)// Официальный веб-сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс].URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 01.11.2022).

ней проявляется, например, в неправильной утилизации пластика, что влечет за собой возникновение парникового эффекта. Повседневное использование пластика обусловлено его дешевизной, долговечностью, прочностью и универсальностью. Подобные качества предопределили рост его производства. С начала 50-ых годов XX века производство пластика росло более быстрыми темпами, чем производство любого другого материала. Спустя время появились новые проблемы, касающиеся его повторного использования и переработки. Чаще всего пластиковые отходы отправляются на свалки или утилизируются путем сжигания, что, безусловно, негативно влияет на экологию из-за образования углерода.

Для борьбы с пластиковыми отходами и причиной их образования, человечеству следует в полном объёме переосмыслить способы, которыми производится и используется первичный и переработанный пластик. Особенность состоит в том, что ни одна организация или частное лицо не могут сделать это самостоятельно – необходимо осуществить целостный сдвиг, который включает совместные действия представителей бизнеса, представителей государств и гражданского общества. Например, представляется возможным отказаться от использования пластиковой упаковки или создавать упаковки, которые могут быть переработаны.

Пластиковые отходы неизбежно наносят вред природе. Большая часть пластика опасна сама по себе, по своему химическому составу: она может либо быть токсичной в определенных условиях или сама поглощать вредные вещества. Кроме того, особую опасность представляетмикропластик, т.е. частицы пластика размером менее 5 миллиметров. Если крупные фрагменты пластика легче заметить и убрать, то микропластик возможно увидеть только под микроскопическим увеличением. Это повлекло за собой повсеместное распространение микропластика: в песке, воде, воздухе, продуктах и человеческом организме. Где бы учёные ни искали пластик, они его находят. Так, немецкими учёными микропластик был обнаружен на территории Арктики [1, p. 9].

Если обращаться к статистике, то научный журнал Американской ассоциации содействия развитию науки ScienceAdvancesпривёл следующие данные [2, p. 6]: по состоянию на 2015 год было образовано около 6300 тонн пластиковых отходов, около 9% из которых были переработаны, 12% сжигались, а 79% были накоплены на свалках или в природной среде.

Замечая это, международные организации стараются активно участвовать в решении проблемы загрязнения окружающей среды. Их достаточно много, однако главную роль играют ООН и ее специализированные организации. К специализированным учреждениям ООН, вовлеченным в международное экологическое сотрудничество, относят, например ВОЗ, ИМО, ФАО, ИКАО. Это объясняется тем, что экологическая проблематика проникла во все сферы жизнедеятельности человека, и международные организации вынуждены включать экологические вопросы в объект своего регулирования.

В 1972 году, после Стокгольмской конференции, утвердившей необходимость создания экологической организации, была учреждена Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Миссия ЮНЕП заключается в ее лидирующей роли и поощрении партнерских связей для защиты окружающей среды с помощью

вдохновляющих идей, информирования и предоставления странам и народам возможности улучшать качество своей жизни без ущерба для жизни будущих поколений[1].

Позиция ЮНЕП, как центрального органа ООН по экологическим вопросам, нуждается в усилении. Для более эффективного функционирования её следует преобразовать в самостоятельную международную организацию, основанную на соответствующем договоре и имеющую систему органов. Представляется необходимым наделить ЮНЕП правом принимать обязательные для государств решения прямого действия. Это позволит ей безоговорочно влиять на процесс защиты окружающей среды. На данный момент ЮНЕП осуществляет сотрудничество для решения экологических проблем через Ассамблею ООН по окружающей среде.

Помимо этого, Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году были разработаны 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР). Следует отметить, что сотрудничество в области повторного использования и переработки пластика, установление принципов работы, а также обмен практиками и опытом будет в значительной мере способствовать достижению Целей ООН в области устойчивого развития, а именно: ЦУР №12 (устойчивое потребление и производство), ЦУР №13 (борьба с изменением климата и его последствиями), ЦУР №14 (сохранение и устойчивое использование океанов, морей и морских ресурсов) и ЦУР №17 (усиление средств реализации и активизация международного партнерства в интересах устойчивого развития).

На различных уровнях существуют собственные подходы к регулированию производства пластика и к обращению с пластиковыми отходами. Однако все имеющиеся подходы сходятся в одном: они обладают ограниченной эффективностью. Частично это обусловлено тем, что большое количество обязательных международных соглашений и добровольных инициатив разрабатывались обособленно, не будучи согласованными друг с другом. Но еще одной причиной является то, что большинство ныне действующих соглашений сводит проблему пластика к одной лишь проблеме отходов. Это не дает возможности охватывать в полной мере все последствия использования пластмасс.

Успешные практики в области охраны климата были разработаны Европейским союзом. 16.09.2018 в Страсбурге была впервые в истории охраны окружающей среды принята общеевропейская Стратегия в области искусственных материалов как важного элемента перехода на производственный замкнутый цикл. В ней поставлены амбициозные, но реальные цели создания новых возможностей для инвестиций и рабочих мест [3, с. 26]. Согласно её положениям к 2030 г. все упаковки на рынке ЕС будут пригодны для переработки. В том же году Совет ЕС, Европарламент и Еврокомиссия приняли решение ввести запрет на некоторые одноразовые продукты из пластика, в том числе на коктейльные трубочки и столовые приборы. Помимо этого, были достигнуты договоренности по

[1] Программа ООН по окружающей среде// Официальный веб-сайт Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/ru/programma-oon-po-okruzhayuschey-srede (дата обращения: 07.10.2022).

ряду других мер, например, с 2025 года в состав пластиковых бутылок должно входить не менее 25% переработанного материала. Так, отказ от одноразовых пластиковых изделий имеет особое значение, поскольку Европейский союз является одним из наиболее крупных мировых производителей пластиковых отходов.

Принятая Европейская стратегия по обращению с пластиком в циклической экономике определила концепцию циклической экономики пластика в ЕС. Все государства, входящие в Европейскую экономическую зону и стремящиеся активно содействовать ускорению перехода к циклической экономике пластика в своей стране, могут участвовать в ней.

В России экологическая политика направлена на превенцию, минимизацию и ликвидацию негативных человеческих воздействий на окружающую среду. Экологическая доктрина 2002 года[1]разработана на основе, прежде всего, рекомендаций Конференций ООН по окружающей среде и развитию 1992 г., а также иных последующих международных форумов по вопросам окружающей среды и обеспечения устойчивого развития. Спустя 10 летбыли приняты Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года[2]. В них ставится задача международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, которая также подразумевает деятельное взаимодействие с другими государствами и международными организациями и внедрения международных экологических стандартов в национальное право.

Что касается непосредственно вопросов пластиковых загрязнителей, то показатели переработки пластика, безусловно, зависят от государства. Лидерами в этом рейтинге считаются Швеция, Норвегия и Япония. Россия существенно уступает другим государствам в этом вопросе.

В России произведенные человеком отходы попадают в соответствующие места сбора – на полигоны. Кроме того, нередко такие свалки являются несанкционированными. Ввиду непопулярности раздельного сбора отходов в один мусорный бак попадает всё: от испорченной пищи и средств личной гигиены до металла и неразлагаемого пластика. Захоронение отходов выступает бомбой замедленного действия, поскольку подобные вещества останутся в земле навечно и выделяют в атмосферу вредные летучие соединения.

Правительство РФ, следуя мировым тенденциям, задумывается о запрете неперерабатываемого пластика и о более эффективном использовании вторичного сырья. Кроме того, в последнее время появляются организации, занимающиеся переработкой пластика, что вселяет надежду на улучшение качества экологической обстановки в России.

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.10.2022).

[2]Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.10.2022).

Изучив проблемы пластиковых загрязнителей, считаем, что экологическая проблема для России не является такой значимой, как в других государствах. Однако опровергать её значение для международного сообщества бессмысленно.

Конечно, говорить о рациональном природопользовании, как о цели, нельзя, потому что оно представляет собой недостижимый идеал.Однако наша позиция базируется на том, что совместными усилиями человечество способно сохранить имеющееся природное разнообразие для будущих поколений. Одной из тенденций, наблюдаемых в современном обществе, является рост заинтересованности в вопросах защиты окружающей среды, что влечет повышение уровня экологической грамотности. Активное развитие международного сотрудничества поможет в достижении поставленных целей.

Учитывая проведенный анализ, очевидна необходимость принятия в России нормативно-правовых актов, регулирующих вопрос переработки и вторичного использования пластиковых отходов, которые станут эталоном законотворческой деятельности для иностранных государств.

Библиографический список

1. Science Advances // research article «Production, use, and fate of all plastics ever made», 2017, pp. 4–11.

2. Nature Communications // article «Arctic sea ice is an important temporal sink and means of transport for microplastic», 2018, pp. 9–21.

3. Дубовик О.Л. Новое законодательство Европейского Союза о предотвращении загрязнения окружающей среды отходами, содержащими макро- и микрочастицы пластика // Международное право и международные организации / InternationalLawandInternationalOrganizations. 2019. № 2. С. 16–27.

УДК 336.22

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МНОГОДЕТНЫХ СЕМЬЯХ В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ИХ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ

Данилин Сергей Сергеевич
Студент Московского городского Университета управления
Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова,
г. Москва, Россия
DanilinSSMGUUPM@yandex.ru
Научный руководитель:
Аминова Эльвира Маиловна
доцент кафедры финансового менеджмента и финансового права
Московского городского университета управления Правительства Москвы
им. Ю.М. Лужкова, к.ю.н, к.т.н,профессор,
г. Москва, Россия

Налоговое законодательство в Российской Федерации содержит большое количество налоговых льгот для широкого круга лиц, однако на практике множество граждан сталкивается с проблемами в получении налоговых льгот. Наиболее часто, указанные проблемы возникают у многодетных семей при получении налоговой льготы по транспортному налогу. В статье автором приводится анализ одной из наиболее частых проблем, возникающей у многодетных семей при получении налоговой льготы по транспортному налогу, а также предлагаютсяпути решения возникшей проблемы. В результате данного исследования было установлено расхождении в законодательстве субъектов, которое нарушает право многодетных семей на получение налоговых льгот.

Ключевые слова: налоговое право; налоговые льготы; транспортный налог; многодетные семьи; поддержка семей; унификация законодательства.

Начиная с 2019 года в Российской Федерации с успехом реализуется национальный проект «Демография», ставящий перед собой одной из задач увеличение численности населения на территории нашей страны. Указанный проект уделяет особое внимание многодетным семьям, оказывая им дополнительные меры социальной и экономической поддержки [1].

Не так давно президент Российской Федерации подчеркнул важность проводимой государством политики[1]. По мнению большинства учёных не маловажную роль в увеличении уровня благосостояния многодетных семей играет проводимая государством налоговая политика, а также уровень налоговой нагрузки на семейный бюджет. Фактически же, большое изобилие различных льгот и

[1] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 21 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пособий не будет оказывать должной социальной поддержки многодетным семьям при сочетании указанной поддержки с высоким уровнем налогообложения.

Федеральное и региональное законодательство содержит множество налоговых льгот для многодетных семей, но зачастую у граждан отсутствует возможность получить налоговую льготу и ослабить нагрузку на семейный бюджет.

Так большинство проблем возникает именно при уплате транспортного налога, а также при получении налоговой льготы на указанный налог, что делает данную тему актуальной.

В соответствии со ст. 356 Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ) транспортный налог устанавливается кодексом и законами субъектов РФ[1]. Транспортный налог, являясь налогом региональным находится в прямой взаимосвязи от законодательства субъекта РФ: субъект РФ самостоятельно устанавливает налоговую ставку, порядок оплаты налога, основания для применения налоговых льгот и другие условия.

Рассмотрим транспортный налог на примере Московской области. В Московской области правоотношения, связанные с реализацией транспортного налога, регулирует Закон МО от 16.11.2002 №129/2002-ОЗ «О транспортном налоге в Московской области»[2]. Указанный закон содержит в себе все вышеперечисленные элементы, за исключением порядка получения и групп граждан, имеющих право на получение налоговых льгот - этому посвящен отдельный закон.

Так, недостающие элементы содержаться в Законе МО от 24.11.2004 № 151/2004-ОЗ «О льготном налогообложении в Московской области»[3].

Льготам, предоставляемым многодетным семьям посвящена статья 26.8 вышеуказанного закона. В указанной статье, под многодетной семьей имеющей право на получение налоговой льготы понимается семья, в которой есть трое и более несовершеннолетних детей.

Казалось бы, когда всё так детально и подробно описано и в чём же у многодетных семей могут возникать сложности? Если посмотреть чуть глубже, то можно заметить роковое расхождение в законодательстве.

В указанном регионе помимо вышеперечисленных законов действует Закон МО от 12.01.2006 № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области»[4]. Обратимся к тексту закона. Статья 2 содержит в себе легальное определение многодетной семьи, под которой понимаются лица, состоящие в зарегистрированном браке и их трое или более детей в возрасте до

---

[1] «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Закон Московской области от 16.11.2002 № 129/2002-ОЗ «О транспортном налоге в Московской области» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Закон Московской области от 24.11.2004 № 151/2004-ОЗ «О льготном налогообложении в Московской области» [Электронный ресурс Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Закон Московской области от 12.01.2006 № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18 лет, а также достигшие совершеннолетия дети при условии, что указанные дети обучаются в образовательных организациях по очной форме обучения и не достигшие 23 лет.

Получается, что в Московской области есть два легальных определения многодетной семьи, каждое из которых предъявляет разные требования для получения статуса. Данную проблему можно было бы легко разрешить будь бы принят федеральный закон, дающий определение многодетной семьи.

Однако решить возникшую проблему таким способом не представляется возможным в силу федеративного устройства нашей страны и разного уровня экономического развития субъектов Российской Федерации. Президентом РФ был принят указ, предоставляющий субъектам РФ право самостоятельно определять критерии признания или непризнания семьи многодетной[1].

С одной стороны, передача полномочий по определению критериев является эффективным механизмом для реализации государственной политики.

Некоторые субъекты, как например Республика Дагестан, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Чечня не имеют демографических проблем, так как в силу исторических особенностей в данных регионах сложился обычай – иметь большую семью и много детей. Кроме этого, указанные регионы не имеют развитой экономической и финансовой базы и бюджеты субъектов не могут себе позволить реализовывать налоговую льготу на «обычных» основаниях.

Поэтому в данных республиках многодетной признается семья, в которой есть 3 и более детей, не достигших возраста 18 лет[2].

Многим покажется, что указанная проблема мнимая, и редко вызывает вопросов, но судебная практика говорит об обратном. Рассмотрим указанную проблему на реальном деле.

В 2019 году в суд по Сергиево-Посадскому городскому округу Московской области обратился Преображенский О.С., который в судебном порядке пытался оспорить отказ территориальной налоговой инспекции, ссылаясь на определение многодетной семьи содержащаяся в Законе МО от 12.01.2006 № 1/2006-ОЗ[3]. Однако суд счёл указанный довод несущественным и руководствовался определением многодетной семьи из Закона МО «О льготном налогообложении в

[1] Указ Президента Российской Федерации от 05.05.1992 № 431 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» [Электронный ресурс Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Закон Республики Северная Осетия-Алания от 2 декабря 1997 года № 15-З «О семейной политике в Республике Северная Осетия-Алания» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Закон Московской области от 12.01.2006 № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Московской области»[1]. В последствии гр. Преображенскому было отказано удовлетворении его требований, т.к. один из его трёх детей достиг совершеннолетия[2].

Казалось бы, заявитель предоставил документ подтверждающий статус многодетной семьи (удостоверение многодетной семьи), и сделал всё правильно, однако судебная практика на сегодняшний день сложилась не в пользу многодетных семей.

Каждый специалист в области налогового права знает о ст. 3 Налогового кодекса РФ[3], которая закрепляет принцип, в соответствии с которым все противоречия и неточности нормативных правовых актов о налогах и сборах должны трактоваться в пользу налогоплательщика, на практике же, как было описано выше всё происходит иначе.

Нельзя сказать, что указанная проблема имеет место быть только в Московской области, напротив похожие ситуации складываются и в других субъектах РФ[4].

Решить указанную проблему можно только при комплексном и всестороннем регулировании данной проблемы на федеральном уровне. Да, в силу действующего законодательства РФ недопустимо закрепление единого термина «Многодетная семья», но в тоже время на федеральном уровне необходимо определить единые для всех регионов критерии, которые субъекты РФ будут корректировать, учитывая свои особенности, т.е. предлагается на федеральном уровне разработать рамки, в которых субъект РФ будет «подстраивать» свое законодательство.

И в РФ есть примеры решения схожих проблем по данной схеме. Например, с установлением налоговой ставки по транспортному налогу. Так федеральный центр в НК РФ закрепляет базовую ставку, а субъекты РФ изменяют данную ставку учитывая свои экономические возможности, но не более, чем в 10 раз.

Хочется отметить, что при законодательном закреплении данных рамок в первую очередь должны ставиться цели материальной и социальной поддержки граждан. Более того в дальнейшем чтобы избежать подобных «расхождений» в терминах органам государственной власти и прокуратуры необходимо осуществлять более тщательный контроль за законодательством субъектов РФ.

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить, что без должного решения указанной проблемы реализация национального проекта «Демография», а также

---

[1] Закон Московской области от 24.11.2004 № 151/2004-ОЗ «О льготном налогообложении в Московской области» [Электронный ресурс Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 29.05.2020 по делу № 2а-847/20 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1LgxiC5OAx10/ (дата обращения: 15.02.2022)

[3] «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Решение Челябинского областного суда от 19.05.2011 по делу № 3-56/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

использование целого спектра налоговых льгот будет не эффективным и затруднительным. Решение возникшей проблемы во многом бы облегчило финансовую нагрузку на многодетные семьи, а также облегчило реализацию государственной социальной политики, что в конечном счете улучшило бы благосостояние граждан.

Библиографический список

1. Национальный проект «Демография» [Электронный ресурс]. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya (дата обращения: 15.02.2022).

УДК 336.221

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ В РОССИИ И США

Дингезбаева Азалия Ильшатовна
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
yakhinazaliya@mail.ru
Научный руководитель:
Чинаев Тимур Винерович
доцент кафедры финансового и экологического права
Института права УУНиТ, к.э.н.,
г. Уфа, Россия

В статье рассмотрены налоги, уплачиваемые юридическими лицами в России и США, а также ответственность, предусмотренная за нарушение законодательств о налогах и сборах.

Ключевые слова: налоги, доходы бюджета, налогообложение юридических лиц, налоговое правонарушение, элементы правонарушения, налоговая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, преступления, проступки.

Налоги представляют основной источник доходов бюджета любого государства, поэтому каждое государство заинтересовано в своевременном и полном поступлении налоговых доходов в бюджет, в том числе от юридических лиц. Для реализации этой цели огромное значение имеет изучение опыта зарубежных стран.

В таблице 1 представлен сравнительный анализ применяемых систем налогообложения юридическими лицами в России и США в настоящее время.

Таблица 1 – Сравнительный анализ налогообложения юридических лиц в России и США

Налог	Российская Федерация	США
Налог на прибыль	20 %, из которых: - 3% в Федеральный бюджет РФ, - 17% в бюджеты субъектов РФ	15-35% в зависимости от величины полученной прибыли
Налог на добавленную стоимость	0% уплачивают предприятия в стратегических сырьевых, энергетических отраслях, специализирующиеся на логистических операциях по импорту различной продукции и сырья; 10% распространяется на различные группы социально значимой продукции потребляемой населением; 20% применяется в отношении все товаров (работ, услуг)	-
Налог с продаж	-	2-15% в зависимости от штата, распространенности продукции, импортируемая ли продукция
Специальные налоги	-	0-11% (имеется не во всех штатах)
Страховые взносы, уплачиваемые работодателем	22% страховые взносы на обязательное пенсионное страхование; 5,1% страховые взносы на обязательное медицинское страхование; 2,9% страховые взносы на обязательное социальное обеспечение	6,2% социальный сбор (аналог пенсионного отчисления); 1,45% медицинский сбор; 2,7% сбора на безработицу
НДФЛ	13% с доходов, начисленных физическому лицу, уплачиваемые работодателем	10-37% в зависимости от налоговой базы, которая равна разнице доходов и всех вычетов (освобождении), которые есть у всех. В качестве освобождении учитывается величина средств, необходимая для существования (например, у одинокого гражданина 12 тыс. долл., у плательщиков ипотеки немного больше и т.п.)

Налог на имущество	не более 2,2% остаточной стоимости основных средств с учетом объектов налогообложения	не более 2% в зависимости от штата
Транспортный налог	в зависимости от мощности транспортного средств	отдельно не уплачивается, а включается в стоимость топлива
Земельный налог	0,3% от кадастровой стоимости земельного участка	не более 2% в зависимости от штата
Специальные налоговые режимы	УСН – 6% с объектом налогообложения «доходы», 15% с объектом налогообложения «доходы-расходы»; ЕСХН – 15%	Не предусмотрены

Можно отметить о значительной налоговой нагрузке юридических лиц в России, чем в США, но с учетом прогрессивной ставки и прочих условий, которые меняются от штата к штату в США, величина уплачиваемых налогов, в случае получения высоких доходов, получается выше. Несмотря на выполнение одних и тех же функции налоговые системы, рассматриваемых стран, реализуются по-разному: в России основная часть доходов бюджета восполняется посредством косвенного налогообложения, а в США за счет прямого налогообложения; местные налоги в России занимают низкий удельный вес в составе доходов муниципалитетов, а в США местные налоги играют самостоятельную роль и составляют около 30% общегосударственных бюджетных средств; характерной чертой налогообложения юридических лиц в США является прогрессивный характер, а для России – пропорциональный.

В качестве основания привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей.

В соответствии с Налоговым Кодексом РФ налоговым правонарушением является действие или бездействие налогоплательщика, совершенное умышленно или по неосторожности в нарушение налогового законодательства, за которое установлена ответственность [1].

В России налоговое правонарушение составляют следующие элементы:

– объект правонарушения, выражающий права и интересы государства, которым причиняется ущерб связи с нарушением законодательства о налогах и сборах;

– объективная сторона правонарушения, представляющая определенные действия/бездействие или обстоятельства, где отражено нарушение. Объективной стороной правонарушения определяются вид нарушения и мера ответственности;

– субъект правонарушения - это юридическое или физическое лицо, не выполнившее обязанности, предусмотренные Налоговым Кодексом РФ;

– субъективная сторона правонарушения представляет собой вину нарушителя, то есть совершил он нарушение умышленно или по неосторожности. При отсутствии в действиях налогоплательщика вины, его невозможно привлечь к ответственности [6].

При отсутствии хотя бы одного элемента состав налогового правонарушения отсутствует [1].

Дата нарушения определяется в зависимости от вида нарушения:

– если нарушением является это действие – дата нарушения является дата, когда совершено это действие;

– если нарушением является бездействие – дата нарушения является день, следующий за последним днем срока, когда нужно было выполнить обязанности [3].

В России нормы, которые предусматривают ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах, присутствуют в Кодексе РФ об административных правонарушениях, Уголовном Кодексе РФ и Налоговом Кодексе РФ, соответственно можно выделить административную, уголовную и налоговую ответственность. При этом за нарушение налогового законодательства в зависимости от общественной опасности противоправного деяния, которая определяет его вид и тяжесть, могут применяться только меры административной или уголовной ответственности.

Таким образом, нарушение законодательства о налогах и сборах в России может привести юридическое лицо к ответственности в виде штрафов в соответствии с Налоговым Кодексом РФ, а в ряде случаев к ответственности должностных лиц юридического лица в соответствии с нормами Кодекса об административных правонарушениях РФ или Уголовного Кодекса РФ.

Можно отметить, что при совершении налогового правонарушения юридическим лицом предусмотрена двойная ответственность: для организации и для должностных лиц организации. Например, статьей 119 Налогового Кодекса РФ предусмотрена ответственность организации за непредставление в установленный законодательством срок налоговой декларации в налоговый орган по месту учета. При этом привлечение организации к ответственности не исключает привлечение к ответственности её должностного лица по статье 15.5 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Статьей 10 Налогового Кодекса РФ предусмотрено, что производство по делам о налоговых нарушениях, которые содержат признаки административного правонарушения или преступления, осуществляется в порядке, предусмотренным законодательством России об административных правонарушениях и уголовно-процессуальным законодательством. Данные меры, как правило, сводятся к применению административного наказания – штрафа.

Санкции за преступления в сфере законодательства о налогах и сборах бывают в виде: штрафов, ареста и лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на определенный срок или без такового [5].

Таким образом, нарушения законодательства о налогах и сборах в Российской Федерации предусматривает налоговую, административную и уголовную

ответственность, за которые предусмотрены различные механизмы привлечения к ответственности, предусмотренные отраслевыми законодательными актами, связанные с процессуальными особенностями, основаниями и размерами воздействия.

В США разграничение ответственности за совершение налогового правонарушения осуществляется на основе процедуры привлечения:

– к уголовной ответственности привлекают за преступления;

– к гражданско-правовой за проступки в налоговой сфере.

При этом, привлечение к уголовной ответственности не исключает привлечения налогоплательщика к гражданско-правовой ответственности, и наоборот. Ответственность за налоговые правонарушения в США, как и в России, выражается в форме штрафов и лишения свободы.

Преступления и проступки на уровне штатов (относительно налогов, которые установлены самими штатами) и муниципалитетов (относительно налогов, которые установлены с согласия штатов муниципалитетами) во многом аналогичны федеральным.

Законодательством США в качестве основных составов налоговых преступлений выступают:

– уклонение от уплаты налогов;

– подача заведомо ложной налоговой декларации, пособничество в подготовке такой налоговой декларации);

– коррупционное вмешательство в деятельность налоговых органов;

– намеренное несоблюдение обязанности по ведению налоговой отчетности, подаче налоговой декларации, предоставлению связанной с налогообложением информации или обязанности по уплате налога;

– несоблюдение обязанности налогового агента;

– предоставление в налоговые органы документа, содержащего ложные сведения;

– несоблюдение требований по подаче декларации по сделкам, вознаграждение по которым равно или превышает 10 тыс. долл. [2].

В налоговом праве США каждому конкретному правонарушению присуще свои собственные элементы (умысел, активное действие, задолженность по налогам и т.д.), в отличие от налогового права России, где традиционно для всех правонарушении выделяют только четыре элемента.

Проступки (деликты) представляются гражданско-правовыми нарушениями. В настоящее время в США насчитывается больше 140 составов гражданско-правовых нарушений, к наиболее распространенным относятся:

– занижение налоговой базы вследствие мошенничества;

– намеренная неподача налоговой декларации;

– некорректное декларирование и исчисление налога;

– предоставление налоговой декларации информационного характера, которая содержит некорректные сведения;

– несвоевременная уплата верно задекларированного налога и другие [2].

В США налоговые правонарушения в форме преступления и проступков различаются друг от друга разной процедурой привлечения к ответственности, разными стандартами доказывания, сроками давности для привлечения к ответственности, санкциями, а также способами защиты, доступными для налогоплательщика.

Таким образом, проанализировав налогообложение юридических лиц в России и США и ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах, можно ответить, что, несмотря на схожесть налогообложения и видов взимаемых налогов, ответственность за налоговые правонарушения в США имеет более дифференцированный характер, а также установление детального порядка привлечения к ответственности по каждому виду нарушения в соответствии с особенностями и величиной причиненного ущерба.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31.07.1998 г. № 146–ФЗ (с посл. изм. и доп. от 23.11.2020 г. № 374-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 19.02.2022).

2. Кодекс внутренних доходов США (IRS) 1986 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 09.03.2022).

3. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.12.2016 г. № 11АП-15537/2016 по дел № А55-11761/2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/ (дата обращения: 25.02.2022).

4. Кузнецов, Л.Д. Правовая характеристика налоговой системы США / Л.Д. Кузнецов // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 9А. С. 222–231.

5. Тимофеев Е.В. Налоговое право России - практическое и увлекательное. Полутом I: От основ к источникам и основным принципам : учебник / Е.В. Тимофеев. М., 2017. 298 с.

6. Тютин Д.В. Налоговое право: Курс лекций / Тютин Д.В. - Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/ (дата обращения: 03.03.20221);

УДК 342.9

СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ КАК ОТЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Дмитриева Арина Алексеевна
студент НИУ РАНХиГС,
г. Нижний Новгород, Россия
arinadmi15@mail.ru
Научный руководитель:
Фесик Пётр Юрьевич
доцент кафедры конституционного и административного права
НИУ РАНХиГС, к.ю.н,
г. Нижний Новгород, Россия

Одним из проблемных вопросов административного права является наличие пробелов, связанных с признанием тех или иных обстоятельств отягчающими наказание. В частности, таким обстоятельством является состояние опьянения. Целью работы является анализ отечественного и зарубежного законодательств, статистической информации по данному вопросу. Исследование позволило прийти к выводу, что состояние опьянения действительно должно являться отягчающим обстоятельством. Подобное решение может препятствовать рецидиву административных правонарушений и даже уголовных преступлений.

Ключевые слова: российское законодательство; административное право; состояние опьянения; юридическая ответственность; административное правонарушение; зарубежное законодательство.

На сегодняшний день исследование вопросов реалиации юридической ответственности носит весьма актуальный характер и представляет значимый научный интерес. В частности проблемным вопросом является анализ состояния опьянения и его влияние на тяжесть совершённого правонарушения. В сентябре 2021 года Министерство Внутренних Дел Российской Федерации опубликовало доклад «Состояние преступности в России за январь-август 2021 года», где говорится о том, что почти каждое 4 правонарушение (28,3%) совершено в состоянии алкогольного опьянения [1]. Таким образом, можно говорить о масштабности обозначенной проблемы.

В медицинской науке есть мнение, что состояние опьянения влияет на способность субъекта осознавать характер своих действий или руководить ими, что в ряде случаев приводит к совершению правонарушений. Исходя из вышеизложенного возникает вопрос: состояние опьянения отягчает или смягчает вину правонарушителя?

Данная проблематика была исследована следующими учёными: Кругликов Л.Л. в статье «Влияние состояния алкогольного опьянения на назначение уголовного наказания»[2] Спасенников Б.А. в монографии «Состояние опьянения и его уголовного-правовое значение» [3], но однозначного мнения по вопросу не

было выявлено. Более того, отечественная история так же говорит о постоянной смене отношения к подобному состоянию. Например, Соборное Уложение, принятое Земским Собором в 1649 году, относило опьянение к разряду смягчающего обстоятельства, что кардинально поменялось при Петре I: «Согласно 43 артикулу (Воинские Артикулы), лицо, совершившее преступление в пьяном виде, подлежит наказанию с особенной жестокостью» [4, с. 50]. Практика в Советском Союзе уже более схожа с нынешними реалиями, так как решение оставалось за судьёй.

Отягчающие обстоятельства в любой отрасли права представляют собой юридические факты, наличие которых создаёт обязательство суда назначить виновному более строгое наказание. Кодекс об административных правонарушениях[1] содержит данные обстоятельства в статье 4.3, одно из них имеет следующее содержание «Совершение административного правонарушения в состоянии опьянения либо отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения». При этом стоит отметить, что законодатель в настоящей статье предоставляет судье, органу или должностному лицу, назначающим административное наказание, право не признавать вышеупомянутое обстоятельство отягчающим (в зависимости от характера административного правонарушения).

Кодекс об административных правонарушениях содержит и другие положения, включающие в себя термин «опьянение», а также меру наказания за них, а именно: статьи 11.9, 11.13, 12.8, 12.26, 12.32, 20.21, 20.22 КоАП РФ. В данном случае опьянение не является отягчающим обстоятельством, так как это понятие уже содержится в диспозиции нормы права.

Для полноты исследования необходимо рассмотреть нормы зарубежного законодательства. Кодекс Республики Молдова «О правонарушениях» в статье 43 Главы 5 содержит подобное отягчающее обстоятельство: «Совершение правонарушения лицом, находящимся в состоянии опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами. Судебная инстанция вправе в зависимости от характера правонарушения не признать это обстоятельство, отягчающим ответственность»[2]. Законодательство Германии также не оставляет без внимания административные правонарушения, совершённые в состоянии алкогольного опьянения: «... законодатель устанавливает, что если правонарушитель приводит себя в полное опьянение и совершает деяние, угрожающее административным штрафом, то он может быть наказан административным штрафом за полное опьянение в размере не большем, чем административный штраф за деяние, им совершенное» [5, с. 52]. Таким образом, законодатели не только стран СНГ, но и континентальной Европы подходят к решению данного вопроса одинаково.

---

[1]Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020*) //* Собрание законодательства РФ. 07.01.2002.

[2] Кодекс Республики Молдова от 24 октября 2008 года № 218-XVI «О правонарушениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.07.2022 г.) // Парламент Республики Молдова.

Как было сказано ранее, законодательство разрешает судье, органу или должностному лицу самим решать, является в тех или иных случаях опьянение отягчающим обстоятельством или нет. При принятии такого решения они полагаются на такие критерии, характерные отягчающему обстоятельству, как, например, нехарактерность для большинства правонарушений или обязательность влияния [4, с. 51].

Нехарактерность для большинства преступных деяний является достаточно неоднозначным критерием. В ранее упомянутом докладе МВД РФ численность правонарушений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, составляет 199526 (для сравнения, в состоянии наркотического опьянения – 5729, а группой лиц по предварительному сговору – 46157). Таким образом, можно утверждать, что состояние алкогольного опьянения носит достаточно масштабный характер, а значит, ему не соответствует такой критерий, как нехарактерность для большинства преступлений.

Рассмотрим следующую ситуацию: гражданин А. в состоянии алкогольного опьянения вступил в конфликт с гражданином Д. В порыве агрессии гражданин А. повредил телефон своего знакомого Д., что влечёт наказание в соответствии с КоАП РФ, а именно статья 7.17 «Уничтожение или повреждение чужого имущества». В диспозиции данной нормы права не содержится информации о состоянии опьянения, значит, оно может являться либо отягчающим, либо смягчающим обстоятельством. Но в данном случае не было проявления ни обязательности влияния, ни строго определённой направленности влияния, что позволяет, например, должностному лицу не отягощать наказание гражданину А. С другой стороны, гражданин А. добровольно ввёл себя в состояние алкогольного опьянения без последующей возможности контролировать свои действия, что могло привести к более серьёзным последствиям, которые регулируются уже Уголовным Кодексом Российской Федерации. Штраф за административное правонарушение, указанное в статье 7.17 КоАП РФ, составляет от трёхсот до пятисот рублей. В современных реалиях подобное наказание вряд ли способствует предотвращению возможных повторных правонарушений. Другими словами, у субъекта правонарушения может появиться ощущение ненаказуемости и вседозволенности, что в последствии может привести к совершению уже уголовного преступления.

Одной из главных причин, по которой не относят алкогольное опьянение к отягчающим обстоятельствам, является критерий «обязательность влияния». «Обязательность влияния означает, что обстоятельство сказывается на уровне общественной опасности и на наказании во всех тех случаях, когда оно есть в наличии, независимо от конкретных особенностей содеянного и личности виновного» [4, с. 51]. Но если учитывать возможность рецидива, так как наказание за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения объективно не несёт ни особой материальной, ни моральной нагрузки на правонарушителя, то впоследствии состояние опьянения может вполне привести к общественной опасности.

Таким образом, в российском законодательстве в сфере административного права есть пробелы, связанные с наказанием за совершение

правонарушений в состоянии алкогольного опьянения. На наш взгляд, целесообразным является убрать из КоАП РФ норму, предполагающую наличие у судьи, органа и должностного лица права не считать состояние опьянениям отягчающим обстоятельством, так как данную формулировку можно отнести к коррупциогенным факторам

Библиографический список

1. Краткая характеристики состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2021 год // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации. 2021 [Электронный ресурс] URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/25443630/?ysclid=l9fu1uyvk4970499220 (дата обращения: 19.10.2022).

2. Кругликов Л.Л. Влияние состояния опьянения на назначение уголовного наказания // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе: сборник научных статей (г. Ярославль 2014 г.) / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль ЯрГУ, 2014. Вып. 3. 164 с.

3. Спасенников Б.А. Состояние опьянения и его уголовно-правовое значение : монография. Москва :Юрлитинформ, 2011;

4. Леонова А.Д.Состояние опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №4-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-opyaneniya-kak-obstoyatelstvo-otyagchayuschee-nakazanie (дата обращения: 19.10.2022);

5. Татарян В.Г., Магомедов Б.М. Опыт решения проблем административной ответственности в современном законодательстве ФРГ // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2012. №2 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-resheniya-problem-administrativnoy-otvetstvennosti-v-sovremennom-zakonodatelstve-frg (дата обращения: 18.10.2022).

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БОЛЕЛЬЩИКОВ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Задёра Василий Владимирович
студент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»
Межрегионального юридического института
г. Саратов, Россия
e-mail: vasya.22814@yandex.ru
Научный руководитель:
Синельникова Наталья Александровна
доцент кафедры административного и
муниципального права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», к.ю.н., г. Саратов, Россия

В данной работе автором рассматривается актуальный вопрос, существующий в настоящее время – проблема регламентации административной ответственности болельщиков за нарушение правил поведения на спортивных мероприятиях. Подробно рассматривается статистика правонарушений в данной сфере, а также анализируется статья 20.31, в которую вносят изменения и дополнения. Закономерным итогом работы становятся выводы автора по данной проблеме.

Ключевые слова: административная ответственность; болельщики; нарушение; фанатское движение; спортивные мероприятия; карта болельщика.

В п. 6 ст. 3 ФЗ от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 02.08.2019) (далее – ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ») закрепляется важнейшей принцип обеспечения безопасности жизни и здоровья лиц, занимающихся физической культурой и спортом. Кроме этого, закреплён принцип для участников и зрителей физкультурных и спортивно-массовых мероприятий, направленный на соблюдение законности и недопущение массовых беспорядков при проведении различного рода спортивных мероприятий.

В настоящее время, можно с уверенностью сказать, что практически ни одно спортивное мероприятие не обходится без нарушения общественного порядка и общественной безопасности граждан [1, с. 201]. Данная проблема регламентирована Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации[1] (далее – КоАП РФ), а именно статьей 20.31, которая предусматривает

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 20.10.2022) //СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

ответственность за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований.

Один из самых громких и курьёзных случаев «фанатского беспредела», в котором были нарушены все грани административного и уголовного закона в мае 2014 года в г. Санкт-Петербурге. В конце футбольного матча чемпионата России между «Зенитом» и «Динамо» на стадионе несколько сотен болельщиков хозяев, покинули свой сектор и устремились на беговые дорожки, затем болельщики прорвались на поле. Один из болельщиков, 45-летний Х – набросился на защитника «Динамо» А, ударив спортсмена по лицу. В результате у А была диагностирована черепно-мозговая травма. ФК «Зенит» за происшедшее извинился, однако Контрольно-дисциплинарный комитет РФС (КДК) наказал ФК «Зенит» за срыв матча проведением двух домашних игр без зрителей, трех – с закрытыми фанатскими секторами, а также административным штрафом в размере 1 млн. руб. Обе стороны подали друг на друга иски, которые позже были отклонены [2].

По нашему мнению, вышеизложенная проблема является актуальной и требует введение изменений в законодательство, в частности, ужесточение санкций за неправомерные действия при проведении спортивных мероприятий. Несмотря на то, что в июле 2013 г. были внесены изменения в КоАП РФ, вследствие которых был введен новый вид административного наказания – административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. Таким образом, проанализировав официальную статистику, противоправной деятельности футбольных фанатов на основании данных ГУОООП МВД России за 2012 год, до введения статьи 20.31 КоАП РФ, в 2012 году было проведено 31545 спортивных мероприятий, которые посетило 24, 56 миллиона зрителей, из них 6040 человек было задержано за совершение административных правонарушений при проведении спортивных мероприятий [3]. Также были внесены и важные изменения ФЗ от 17.04.2017 № 78-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования отдельных вопросов обеспечения правопорядка при проведении официальных спортивных соревнований» в КоАП РФ. В ст. 20.31 был введён новый состав административного правонарушения – грубое нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований. За совершение данного административного правонарушения предусматривается административная ответственность в виде административного штрафа либо административного ареста с наложением запрета на посещение мест официальных спортивных соревнований. Так уже в 2021 году 20,0 миллиона человек посетило 22000 спортивных мероприятий, из них 4417 человек были задержаны. После ужесточения наказания за данные правонарушения привели к уменьшению числа административных правонарушений в этой области. Практика за 2018 год по применению данной статьи показывает существенное снижение числа лиц, совершающих правонарушения в данной области [4]. Так, например, количество лиц, подвергнутых наказанию, в 2018 году составило 1656 человек, а в 2012 году – 6040 болельщиков. Представленная статистика позволяет сделать вывод о необходимости и значимости изменений, внесенных в

период с 2013 по 2017 год, что положительно сказалось на практике применения данной статьи.

Проблема обеспечения правопорядка и общественной безопасности на физкультурно-спортивных мероприятиях и сооружениях всегда была актуальной. Поэтому, по нашему мнению, необходимо предложить пути, которые помогут улучшить ситуацию в данном вопросе [5, с. 74]. Необходимо наладить организацию работы с болельщиками и их объединениями т.к. она тесно взаимосвязана с улучшением общественной безопасности на объектах спорта. Хотя ответственность за безопасность всех зрителей и гостей в любых случаях лежит на собственнике стадиона (или стадионном операторе), для поддержания общественного порядка и предупреждения преступлений на всех матчах является необходимым присутствие работников Полиции, которая совместно с силами частной охраны и стюардами играет ключевую роль в обеспечении общественной безопасности и правопорядка во время проведения спортивного мероприятия [6, с. 36]. В организации работы с болельщиками и объединениями, необходимо, в первую очередь, налаживать: 1) сотрудничество с объединениями болельщиков, подготовка мероприятий, неукоснительное соблюдение правил техники безопасности при проведении физкультурно-спортивных мероприятий; 2) создание единого центра по подготовке контролеров-распорядителей с возможностью открытия филиалов в федеральных округах (регионах) с единой программой подготовки; 3) разработка и принятие положения о клубе спортивных болельщиков и создание российской ассоциации клубов болельщиков по видам спорта, проведение всероссийского конкурса на лучший клуб спортивных болельщиков и освещение деятельности клубов болельщиков в средствах массовой информации; 4) актуализация рекомендаций Главного Управления МВД России по обеспечению безопасности при проведении массовых спортивных мероприятий, в том числе в части работы с болельщиками.

По нашему мнению, только ужесточением санкции статьи 20.31 КоАП РФ положительной динамики в рассматриваемом вопросе добиться нельзя. Необходимо кардинальным образом пересмотреть отношение государства к проблеме спортивного хулиганства (также культуры «околофутбола»). Требуется вырабатывать новые методы и стратегии решения подобных вопросов, позволяющие повысить уровень безопасности спортивных соревнований.

Библиографический список

1. Алексеев С. В. Международное спортивное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям 030500 «Юриспруденция» и 032101 «Физическая культура и спорт» / под ред. П. В. Крашенинникова. М. Закон и право. 2008. 201 с.

2. Вражда и агрессия: нашумевшие случаи беспорядков на российских футбольных стадионах [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/sport/3710762 (дата обращения: 01.11.2022).

3. Мониторинг правоприменения [Электронный ресурс] // URL: https: // xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/results/review (дата обращения: 02.11.2022 г.)

4. Статистика административных правонарушений [Электронный ресурс] // URL: http: //stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1(дата обращения: 01.11.2022).

5. Копенкина Л. А. Практическая реализация нормативно-правовых актов по обеспечению безопасности в спорте / Л. А. Копенкина, А. А. Смирнов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2015. 74 с.

6. Песков А.Н. Спорт и противоправное поведение: Уч. / Ред. и вступ. слово: С.В. Алексеев. М.: Проспект, 2016. 384 с.

УДК 349.3

ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РФ

Кашапов Вадим Ринатович
студент Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
vadim.kashapov.2020@mail.ru
Научный руководитель:
Сайфутдинова Венера Максутовна
Старший преподаватель кафедры финансового и экологического
права Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия

В данной статье рассматриваются основные концепции и теории по поводу защиты социальных прав, проводится системный анализ распространенных в научной полемике мнений по поводу социальных прав граждан в различных аспектах. Целью работы является выявление и дальнейшее развитие такого института как социальные права в правовом государстве, в целях дальнейшего единообразного понимания, как основных, главенствующих положений и норм. Задачи в данном исследовании являются прежде всего выявление различных научных теорий и их подробный анализ в соответствии со сложившейся научной полемикой. Это исследование позволило выявить многогранный характер развития социальных устоев данного института, подтолкнуло к более подробному и детальному изучению с точки зрения определения места, перспектив развития в национальной системе права Российской Федерации

Ключевые слова: Правовое государств; защита прав; социальное обеспечение; цифровизация; социальные права.

В современном правовом государстве защита прав является важнейшим регулятором в обеспечении стабильности определенного общественного устройства. На сегодняшний день актуальным является социальная сфера общественной жизни в государстве. Права граждан в данной сфере также формируют базис для реализации социальных институтов и способствуют доведению социального обеспечения до получателя в полном объеме и своевременно, выступая в

качестве гаранта правовой защиты. Также способствуют снижению социальной напряженности и повышению на определенный период экономической составляющей, путем своей реализации в обществе. Как и любое явление, права граждан в области социального обеспечения имеют множество теоретических и практических проблем и особенностей регулирования, которые и определяют ее теоретическую, практическую и другого рода проблематику, делают актуальным в области дальнейшего изучения и развития во всех аспектах.

Далее более подробно раскроем основные моменты, связанные с реализацией данных возможностей индивида их исполнением, развитием в современных реалиях и проблемных сторонах правового регулирования и регламентации.В научной литературе права граждан являются предметом исследования многих ученных и правоведов. Можно утверждать, что в правовой доктрине и в новеллах теории еще не сложилось единого окончательного осмысления данного института.Так, в статье 39 конституции РФ отражается основа прав граждан в области социальной поддержки общества и отмечается, что «каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом»[1]. То есть данные основы реализуют возможности граждан и обеспечивают их исполнение на уровне конституционного регулирования.

Как отметила,Т. И.Волостнова, в защиту прав на социальное обеспечение «включаются меры не только правового, но и экономического, политического, организационного и иного характера, направленные на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав» [2, с. 68-71]. Уточним, чтоэкономические в свою очередь, также закреплены в нормах законодательства и выражают позицию государства, но уже в финансовом аспекте, путем денежного возмещения при наступлении определенной жизненной ситуации.

Защита указанных прав на социальное возмещение реализуется через множество механизмов правового регулирования и воздействия. Прежде всего, можно отметить позициюП.К. Гончарова, который говорит, что «процесс построения социального государства ещё не завершён» [3, с. 58-66]. И, следовательно, формируются и совершенствуются механизмы защиты социального обеспечения граждан. Так в 2020 году государство, реализуя свою социальную миссию по обеспечению граждан, сформировало определенный перечень поправок в Конституцию РФ, которые закрепили устоявшиеся основы конституционного строя по предоставлению гражданам социальных благ. Отсюда следует, что субъектом защиты выступает само государство в лице законодателя и органов публичной власти. Государственные структуры в реализации своих полномочий обращают внимание на социальное обеспечение граждан и его соблюдение достаточно часто, тем самым формируют основу системы способов защиты данных видов прав граждан.

Среди способов защиты можно отметить административный порядок и судебный, отдельно некоторые ученые выделяют самостоятельный вид защиты как прокурорский надзор и деятельность уполномоченного по правам человека. На сегодняшний день можно заметить достаточно эффективный характер работы данных структур, учитываяполитико-правовую направленность деятельности

государства. Как отметил, В.Д. Зоркин, что «одно из наиболее болезненных проявлений кризиса права и демократии эпохи постмодернизма – обострение проблемы социальной справедливости. Наилучшем образом это проявляется в росте социального расслоения как внутри многих государств, так и в глобальном масштабе - между разными регионами мира» [4]. Государство в наше время реализует свою волю и предотвращает проблему указанную выше, не только разработкой норм права, но защитой прав граждан, которые имеют возможность на социальное обеспечение.

Например, при введениицифровизации в социальном обеспечении многие граждане столкнулись с нарушениями и недочетами ввиду учета их стажа в области пенсионного обеспечения, но государство, как лицо на которое возложена обязанность по сохранности прав граждан, реализовало механизмы доказывания относительно срока их трудовой деятельности. Реализуется этот институт путем предоставления сведений из системы индивидуальногоперсонифицированного учета, трудовых книжек, трудовых договоров, справок, выдаваемых работодателями или органами власти, выписок из приказов, лицевых счетов и ведомостей на выдачу заработной платы, справок из службы занятости, архивных справок, военного билета, а также случае отсутствия свидетельскими показаниями работников, которые работали вместе с лицом, чье право нарушено и могут подтвердить своей статус работника через определенные документы указанные выше. Данная возможность, по нашему мнению, показывает, что государство реализует свою обязанность по сохранности и принимает сторону субъекта доказывающего и отстающего свои социальные права и, в целом цифровизацияи информатизация это достаточно серьезный положительный шаг в сфере социального обеспечения [5, с. 57-66].

Интересным представляется позиция Конституционного суда РФ, который также является один из органов контроля за соблюдением и защитой прав социального предоставления. Его позиция исходит из того, что «при осуществлении правового регулирования в какой бы то ни было сфере необходимо учитывать интересы и потребности инвалидов лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите, что предполагает создание специальных правовых механизмов, имеющих целью предоставление инвалидам дополнительных преимуществ по сравнению с лицами, сохранившими здоровье, с тем чтобы гарантировать их право на равные с другими гражданами возможности при реализации конституционных прав» [6]. В данной позиции также прослеживается конституционный характер защиты особых слоев населения и отражается особая приоритетность в защите граждан.

Затрагивая институт защиты социальных прав, стоит отметить некоторые моменты, связанные с содержанием прав. Так, размер прожиточного минимума в современной реальности носит частичный характер покрытия базовых расходов граждан, что в дальнейшим создает потребность в ведении новых прав на выплат до поднятия уровня жизни граждан до приемлемого. Также стоит отметить, что реализация прав в области размера носит догоняющий характер за темпами и уровнем инфляционных издержек экономической составляющей такого публичного образования [7, с.61-65], что в дальнейшем также провоцирует на

отстаивание и дальнейшую защиту возможностей граждан в области социального обеспечения.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в защите прав граждан в области социального обеспечения наблюдаются некоторые нечетко выраженные моменты, которые требуют уточнения и дальнейшего развития в сторону развития, учитывая современные реалии для наиболее эффективного развития данного института в дальнейшем. Основным путем при этом является проработка и создание законодательства, которое бы соответствовало нормам и стандартам общих теоретических подходов, выражающих вышеперечисленные подходы. А также выработка новых положений, которые включали в себя идеи исправления выделенных моментов в сторону учета современной общественно-правовой действительности, а также создание процессуальных механизмов регулирования и регламентации защиты прав граждан, с учетом специфики регулируемых социальных правоотношений и их разносторонности. Так, по нашему мнению, исходя из института самозащиты своих прав следует создать в нормах права социального обеспечения индивидуальный самостоятельный учет срока трудовой деятельности, который работник, будет самостоятельно вести исходят из выработанных федеральных стандартов и при необходимости сверят с иными источниками трудовой деятельности, в целях исключения неточностей. Таким образом, в современной системе защиты прав граждан в сфере социального обеспечения ключевой мыслью является идея эффективности, необходимости и важности защиты данных прав.

Библиографический список

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.10.2022).

2. Волостнова Т.И.Формы защиты прав граждан в области социального обеспечения// Апробация. 2013. № 11. С 68-71.

3. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность и принципы/ П.К. Гончаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Политология». 2011. № 2. С. 58-66.

4. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы. Лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (СПб.,16 мая 2019 года) // Российская газета. 2019.

5. Сайфутдинова В. М. Информатизация в праве социального обеспечения / В. М. Сайфутдинова // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-2(62). С. 57-66.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.07.2014 № 20-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений

особого риска» в связи с жалобой гражданина В.Ф. Лякина» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс].URL:http:// doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision328749.pdf (дата обращения: 21.10.2022).

7. Цельникер Г.Ф., Завалищина В.П., Нигматулина Е. С.Актуальные проблемы защиты социальных прав граждан в РФ// Оригинальные исследования. 2020. № 4. С. 61-65.

УДК 349.245

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Киракосов Владимир Борисович
студент юридического факультета ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону, Россия
kirakosov.v@bk.ru

Действующее российское законодательство в сфере регулирования правового статуса дистанционных работников является несовершенным: наиболее важной проблемой является фактическое отсутствие контроля и оценки условий труда дистанционных работников. Указанные положения содержаться в законодательстве зарубежных государств, что обуславливает цель исследования – проведение сравнительно-правового анализа, на основании которого сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в трудовое законодательство. В частности, предложено расширить полномочия контролирующих органов по проверке соблюдения норм об охране труда, а также предложено ввести особый порядок проведения специальной оценки условий труда в отношении рабочих мест, занимаемых дистанционными работниками.

Ключевые слова: трудовое право; дистанционная работа; удаленная работа; специальная оценка условий труда; охрана труда; сравнительный анализ.

Дистанционный труд является достаточно востребованной формой занятости в настоящее время. Е. В. Кисилева справедливо отмечает, что потребность в дистанционном труде возникает в условиях кризиса, роста безработицы [1, с. 162]. Это объясняет рост популярности такого вида занятости в России, что обусловлено распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Еще большей популяризации дистанционного труда поспособствовало начало специальной военной операции в феврале 2022 года, что стало причиной для начала миграции трудоспособного населения.

Не останавливаясь на дискуссиях относительно законодательного закрепления института дистанционного труда в России, выделим основные сущностные характеристики действующего правового регулирования:

1. Работник осуществляет трудовую функцию вне места нахождения работодателя, территории или объекта, который прямо или косвенно находиться под контролем работодателя.

2. Взаимодействие работодателя и работника по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, осуществляется посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе «Интернет» и сетей связи общего пользования.

3. Обмен документами между работником и работодателем осуществляется в электронной форме с использованием различных видов электронной подписи, а также в иных формах, которые позволяют обеспечить фиксацию факта получения документа каждой из сторон. Передача работ, отчетности, осуществление обмена любой информацией также осуществляется посредством использования информационно-телекоммуникационных каналов связи.

4. Наличие особого основания увольнения дистанционного работника в случаях, когда он без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя, а также в случае изменения работником местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях.

Рассмотрим основы правового регулирования труда дистанционных работниках в зарубежных правопорядках.

Например, в Греции, обязанности работодателя при использовании дистанционной формы занятости урегулированы более подробно. В частности, работодатель обязан:

- своими силами и за свой счет предоставить дистанционным работникам необходимые инструменты и оборудование для выполнения трудовой функции;

- информировать дистанционных работников о правилах охраны здоровья и безопасности, включая правила для удаленных рабочих мест, использования мониторов и т. д.;

- возмещать работникам расходы, связанные с дистанционной работой – тринадцать евро в месяц за использование домашнего пространства в рабочих целях, десять евро в месяц на расходы по использованию информационно-телекоммуникационных каналов связи в связи с выполнением трудовой функции и пять евро в месяц за обслуживание рабочего оборудования;

- проводить мониторинг эффективности дистанционных работников с учетом требований законодательства о защите персональных данных[1].

Обязанность по обеспечению дистанционного работника необходимыми ресурсами и оборудованием, а также право работника на возмещениерасходов находит свое отражение в законодательстве Филиппин[2], согласно которому

[1]GreekLawno. 4808/2021 // [Электронный ресурс] URL: https://gr.andersenlegal.com/3d-flip-book/new-employment-law-4808-2021/ (дата обращения: 03.11.2022).

[2]Department Order No. 237-22 Revised Implementing Rules and Regulations of RA No. 11165, Otherwise Known as The Telecommuting Act // [Электронныйресурс] URL:

такие расходы считаются обычными и необходимыми для работодателя. Аналогичные правила предусмотрены и в Испании[1], согласно законодательству которого работодатель обеспечивает соответствующими ресурсами, инструментами и оборудованием для выполнения трудовой функции, а также оплачивает любое техническое обслуживание таких инструментов. В Российской Федерации аналогичное положение является новеллой, введенной в 2021 году. Статья 312.6 Трудового кодекса РФ[2] предусматривает обязанность работодателя обеспечить работников необходимым оборудованием, программно-техническими средствами и средствами защиты информации.На практике возникает ситуация, при которой работник использует соответствующую технику не только в рабочих, но и в личных целях, в связи с чем может возникнуть вопрос об обоснованности компенсации расходов. Помимо этого, перечень расходов, который подлежит возмещению строго не определен, работодатель вправе предусмотреть такой перечень в локальном нормативном акте, а некоторые расходы могут в этот перечень и не войти.

Нельзя обойти стороной вопрос об условиях и охране труда дистанционных работников. В соответствии с ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 28.12.2013 N 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда»[3] специальная оценка условий труда не проводится в отношении условий труда надомников, дистанционных работников. Иначе говоря, в части условий труда дистанционных работников обязанность работодателя сводиться исключительно к уведомлению и разъяснению правил охраны труда и безопасности на рабочем месте. Контроль и мониторинг в данном случае со стороны работодателя отсутствует. Как отмечает С. В. Осипова: «дистанционные работники фактически лишены гарантий по охране труда» [2, с. 36]. Верховный Суд Республики Башкортостан в 2016 году отметил, что на работодателя не возлагается обязанность по обучению дистанционного работника безопасным условиям и охране труда[4], что также считается упущением, по мнению многих авторов [3].Обязанности работодателя в России при использовании дистанционной формы занятости предусматривают лишь ознакомительный характер: работодатель обязан ознакомить дистанционных работников с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и рекомендованными или предоставленными работодателем средствами – об этом говорит статья 312.7 Трудового кодекса РФ. Статья 214.2 Трудового кодекса РФ предусматривает право работодателя использовать в целях контроля за безопасностью

---

https://www.dole.gov.ph/news/department-order-no-237-22-revised-implementing-rules-and-regulations-of-ra-no-11165-otherwise-known-as-the-telecommuting-act/ (дата обращения: 03.11.2022).

[1]Ley 10/2021, de 9 de julio, de trabajo a distancia // [Электронныйресурс] URL: https://www.boe.es/eli/es/l/2021/07/09/10/con (датаобращения: 03.11.2022).

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // СПС Консультант-Плюс. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 03.11.2022).

[3] Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 N 426-ФЗ // СПС Консультант-Плюс. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/ (дата обращения: 03.11.2022).

[4] Решение Верховного суда Республики Башкортостан от 16.03.2016 г. № 21-317/2016 // Документ опубликован не был, размещен в СПС «Гарант».

производства работ приборы, устройства, оборудование и (или) комплексы (системы) приборов, устройств, оборудования, обеспечивающих дистанционную видео-, аудио- или иную фиксацию процессов производства работ, обеспечивать хранение полученной информации. Однако, указанное право не коррелируется с особенностями правового регулирования дистанционного труда и наличии лишь уведомительной обязанности работодателя.

В некоторых зарубежных правопорядках вопросу охраны труды уделено большее внимание.

Например, в Колумбии работодатель обязан проводить медицинские осмотры дистанционного работника при приеме на работу, а также согласовать периодичность таких осмотров с дистанционном работником для мониторинга состояния его здоровья[1].

Законодательством Люксембурга со 2 февраля 2021 года прямо предусмотрено, что дистанционные работники имеют аналогичные с иными работниками права, льготы, социальные гарантии в сфере охраны труда, за исключением компенсации в натуральной форме в виде тренажерного зала и парковочного места[2].

Достаточно интересный инструмент для соблюдения правил об охране труда регламентирован в Маврикий – с разрешения дистанционного работника и предварительного уведомления работодателя,последний может иметь доступ к удаленным рабочим помещениям для установки и обслуживания любых рабочих инструментов и оборудования, доставки или сбора рабочих материалов, проведения соответствующей оценки риска для выявления риска любого характера для жизни и здоровья дистанционного работника [4, p. 180].

В Норвегии вовсе существует положения, в соответствии с которыми работодатели должны убедиться, что условия труда дистанционного работника соответствуют юридическим требованиям в отношении психосоциальной и физической рабочей среды иных работников. Норвежская инспекция труда также наделена полномочиями контролировать соблюдение данного положения путем проверки подтверждающей документации, предоставляемой как дистанционным работником, так и работодателем[3].

На основании проведенного сравнительно-правового исследования нам представляется необходимым внести изменения в действующее правовое регулирование труда дистанционных работников. Логично также ввести для рабочих мест, занимаемых дистанционными работниками,иной режим специальной оценки условий труда, который будет предусматривать ее проведение с разрешения дистанционного работника и предварительного уведомления работодателя,

---

[1] Castellanos A. M. Colombia: New Remote Work Law Issued // [Электронныйресурс] URL: https://www.mondaq.com/contract-of-employment/1119502/new-remote-work-law-issued (дата обращения: 03.11.2022).

[2] LOCKTON GLOBAL COMPLIANCE. New remote working legislation around the world // [Электронныйресурс] URL: https://globalnews.lockton.com/new-remote-working-legislation-around-the-world/ (датаобращения: 03.11.2022).

[3]Act relating to working environment, working hours and employment protection, etc. (WorkingEnvironmentAct) // [Электронный ресурс] URL: https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-06-17-62 (дата обращения: 03.11.2022).

как это предусмотрено законодательством Маврикий. В этом смысле удачным представляетсятакже опыт Норвегии по расширению полномочий инспекции труда по проверке подтверждающей документации о соблюдении норм об охране труда, предоставляемой как дистанционным работником, так и работодателем. В случаях, когда дистанционный работник выполняет трудовую функцию за пределами Российской Федерации, т. е. проведение специальной оценки условий труда невозможно по объективным причинам, представляется необходимым ввести соответствующую обязанность работодателя по уведомлению Государственной инспекции труда о наличии таких работников.

Библиографический список

1. Киселева Е. В. Развитие дистанционного труда в России: преимущества и недостатки // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 162–164.

2. Осипова С. В. Работа по трудовому договору на дому как форма экономической деятельности граждан // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 35–39.

3. Серегина Л. В. Обеспечение прав граждан на охрану труда в условиях инновационного развития экономики // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 76–91.

4. AmbareenBeebeejaun, R P Gunputh, A Critical Analysis of the Mauritius Workers' Rights (Working from Home) Regulations 2020 in the Wake of COVID-19, Industrial Law Journal, Volume 51, Issue 1, March 2022, Pages 174–193, https://doi.org/10.1093/indlaw/dwab036.

УДК 342.4

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНЫХ ЧАТОВ

Кропотов Роман Дмитриевич
Нестерова Татьяна Сергеевна
студенты факультета подготовки следователей
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
Санкт-Петербург, Россия
rom.kropotov@gmail.com, Nesterova010203@yandex.ru
Научный руководитель:
Игбаева Гузель Римовна
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
Российской Федерации, к.ю.н., г. Санкт-Петербург, Россия

Научная новизна статьи заключается в авторском анализе проблем, которые возникли в процессе активного использования чатов в качестве инструментов корпоративной коммуникации. Авторами были приведены примеры регулирования чатов в зарубежных странах и корпорациях, описаны возможные злоупотребления работодателей и предложены пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: корпоративные чаты, время труда, время отдыха, режим мессенджеров, локальное регулирование, правила внутреннего трудового распорядка, режим труда.

В эпоху цифровизации одной из злободневных проблем является отсутствие нормативного регулирования корпоративных чатов, в частности отсутствие регулирования количества времени, которое тратит работник для просмотра и анализа имеющейся там информации. Безусловно, корпоративные чаты – это эффективнейшее средство трудовой коммуникации и постановки задач, обсуждения вопросов и контроля за деятельностью работников.

В настоящее время, можно выделить несколько видов корпоративных чатов, которые имеют место в трудовых коллективах. Во-первых, это «неофициальные» чаты сотрудников того или иного подразделения, партнёров, которые предназначены для оперативного решения, возникающих в процессе трудовой деятельности проблем и быстрого решения вопросов. Во-вторых, это «официальные» чаты, создаваемые для информирования сотрудников, документооборота, постановки задач. На практике, «неофициальные» чаты создаются в стандартных мессенджерах типа «WhatsApp», «Telegram» и др. Корпоративные чаты второго типа создаются на основе собственного IT-потенциала организации.

Во время первой «дистанционки», которая была введена Указом Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» и последующими Указами Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О

мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», от 28.04.2020 № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» многие столкнулись с проблемой постоянного времяпрепровождения в чате, причем работникам приходилось отвечать своему начальству в любое время дня и ночи, а в понятие «ненормированного рабочего дня» такая деятельность ни тогда и не сейчас не входила, она вообще находится вне рамок правового регулирования. Многие работодатели требовали сиюминутного ответа на их сообщение, что сильно давило на работников ввиду того, что психическое состояние граждан вовремя локдауна и без того было не стабильным.

На наш взгляд, неурегулированность данного вопроса порождает ряд проблем, в том числе трудовых споров между работодателями и работниками, нарушает принцип обеспечения права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска и др.

Интересными представляются положения трудового законодательства Италии и Франции, в данных странах работникам в нерабочее время разрешается отключать корпоративную почту и не отвечать на запросы работодателя [1, с. 33]. Примером может служить опция «Почта по выходным», автоматически удаляющая из ящика письма в системе почты корпорации «Daimler», если они были отправлены в нерабочее время [2].

Российский законодатель предпринимал попытку узаконить права дистанционных работников на отключение почты в нерабочее время при подготовке законопроекта № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях». В данном законопроекте предполагалось, что работодатель может возложить обязанность на дистанционного работника отвечать на звонки, электронные письма и запросы работодателя в иной форме, а также срок, в течение которого работник должен на них реагировать. При этом, работник не обязан отвечать на запросы работодателя вне времени, установленного порядком взаимодействия. С.В. Шуралева отметила, что «законопроект провозглашал право работника на неприкосновенность времени отдыха, а время взаимодействия работника с работодателем в период времени отдыха работника должно было включаться в рабочее время» [1, с. 32]. Однако эти положения так и не были внесены в данный законопроект, что, на наш взгляд, кажется упущением законодателя.

Развитие коммуникации и мессенджеров благоприятно влияет на передачу информации и формулировании, передачи задач для персонала. На фоне этого средства общения электронная почта постепенно уходит на второй план в силу

отсутствия мобильности. Мессенджеры, как правило, установлены на телефоне и в любой момент корпоративный чат оповещает работника о необходимости выполнить поставленные задачи. Мы считаем, что отсутствие законодательного закрепления «режима мессенджеров» на федеральном уровне в контексте рабочего времени не только нарушает права работников, но и негативно сказывается на рабочем процессе. Рассмотрим некоторые проблемы:

1. Сиюминутный ответ начальнику (в процессе выполнения трудовых обязанностей работник погружен в процесс и не может постоянно контролировать оповещения мессенджера).

2. Мессенджеры должны использоваться во благо и способствовать коммуникации сторон, а не загружать излишней информацией. Так, в Правилах внутреннего трудового распорядка (далее – ПВТР) должно быть указанно количество необходимых чатов, установление конкретного периода общения без отвлечения от иных важных обязанностей. В этом плане также стоит регламентировать момент с указанием конкретной платформы (мобильного приложения), используемое в работе организации. Некоторые работодатели нерационально распределяют информационный поток с многочисленными корпоративными чатами и использованием нескольких мессенджеров, что создает трудность восприятия информации работниками. При возникновении проблемы или стрессовой ситуации человек может не сконцентрироваться с местом отправки необходимых сведений. В том числе это затруднит понимание и новых работников, только устроившихся на место работы, не видящих системности в виртуальном общении организации. Поэтому мы считаем, что на федеральном уровне необходимо закрепить примерно, что могут предусматривать нормы ПВТР для нормального функционирования режима мессенджеров, так как это направит работодателей оптимизировать эту систему внутри организации.

3. Доступность работника в чате определяется ненормированностью рабочего времени и сверхурочной работой. В соответствии со ст. 106 Трудового кодекса Российской Федерации (далее - ТК РФ) во время отдыха работник свободен от выполнения обязанностей и может использовать его по своему усмотрению. Возникает вопрос, связанный с общением в чатах во время отдыха на тему выполнению рабочих обязанностей и «горящих дедлайнов», что вызывает возрастание эмоционального напряжения ввиду постоянной загруженности трудовой жизнью. Последнее влечет ярко выраженное нежелание работника вновь приступить к трудовой деятельности из-за отсутствия «инфодетокса» во время отдыха.

4. Мобильность мессенджеров может вызывать эмоционально окрашенную и слабо контролируемую психическую реакцию, проявляющуюся в выражении негативных эмоций на требования работодателя. Судебная практика содержит достаточно много примеров о привлечении к дисциплинарной ответственности работодателями работников за оскорбление или нелицеприятные выражения в мессенджере.

5. Многозадачность использования мессенджеров при выполнении трудовых обязанностей в реальном времени отражается на эффективности и концентрации внимания сотрудника. Просмотр одного сообщения и размышления о

поставленной задаче превышает истинную стоимость и важность использования мессенджера. Так, в одном исследовании Глория Марк обнаружила, что работники в среднем тратят только 3 минуты на любую заданную задачу, затем отвлекаются примерно на 2 минуты на какой-то цифровой девайс [3]. Отсутствие долгого непрерывного периода работы также сказывается на отвлечении внимания, чем больше работник отвлекается на мессенджер, тем меньше его эффективность на рабочем месте.

Мессенджеры должны использоваться во благо. При этом если это ведет к ухудшению эффективности на рабочем месте, то оно не должно негативно сказываться на правах работника или времени отдыха. Поэтому мы считаем важным, закрепления «режима мессенджера» на федеральном уровне в целях реализации и защиты прав и свобод работников.

Также необходимо отметить гарантию обеспечения сотрудников необходимыми средствами для использования мессенджеров при выполнении трудовых обязанностей. Эта обязанность работодателя закреплена в ч. 2 ст. 22 ТК РФ. При этом, если работодатель обязывает работника использовать определенное программное обеспечение или приложение-мессенджер, а последний отказывается устанавливать его на личный телефон, то работодатель должен предоставить средство для реализации поставленной задачи (например, выдать корпоративную сим-карту, мобильный телефон с установленным приложением). Следовательно, если использование мессенджера необходимо при выполнении трудовых обязанностей, то в первую очередь требуется добровольное согласие на использование личного телефона в этих целях, либо же гарантии предоставления рабочего телефона организацией с установленным приложением. Аналогично применяется вышеуказанная норма при отсутствии у работника телефона, приспособленного к использованию приложений (например, кнопочные телефоны).

Определенный вопрос возникает при использовании некоторых функциональных новшеств приложений-мессенджеров. Например, это использование GIF, аудиосообщений, режима исчезающих сообщений и т.д. Насколько важно регламентировать уместность их применение в корпоративном чате. Мы видим в этом определенную проблему. Так как аудиосообщения с одной стороны позволяют передать смысловую нагрузку и более подробно объяснить особенности выполнения поставленной задачи, при этом негативно сказываются при общей занятости работника, длительности сообщения. На наш взгляд, уместнее было бы звонить работнику и по существу объяснить поставленную ему задачу. Ранее мы упомянули о мессенджерах во благо, в этом контексте и функциональные опции должны соответствовать критерию целесообразности в корпоративном чате, не умаляя прав работников и не причиняя ущерб рабочему времени.

Ещё одной проблемой является использование чатов государственными организациями и не только. Так как мессенджеры, в которых общаются работники, как правило, установлены на личный смартфон, то возникает вопрос – кто будет отвечать за утечку служебной информации в случае утраты телефона? Ответить на данный вопрос довольно сложно, ведь вопросы использования чатов никак не урегулированы. У работодателя не будет правовых оснований привлечь потерявшего телефон сотрудника к ответственности, так как нормативного акта,

обязывающего сотрудника отвечать за сохранность информации, которую ему прислал начальник в «WhatsApp». На наш взгляд, негосударственным юридическим лицам, которые боятся утери корпоративной тайны необходимо детально регламентировать эти вопросы в ПВТР, ознакомившись с которыми сотрудник ставит подпись, обязываюсь их соблюдать. Государственным организациям необходимо не допускать распространение служебной информации в обычные интернет-девайсах, лучше всего пользоваться защищённой электронной почтой или же создавать свои защищённые девайсы.

Мы считаем, что можно вообще разработать отдельный локальный нормативный акт, например, «Положение об информационном взаимодействии в корпоративных чатах» и др. В данном локальном акте необходимо отразить вопросы этик общения, дабы организацию от дальнейших исков за оскорбления сотрудников чате, а такие примеры уже есть, определение «корпоративного чата» как делового инструмента, с помощью которого сотрудники будут получать конкретные задания, отчитываться в установленной форме об их выполнении, знакомится с актуальной информацией. Необходимо также прописать эти нюансы в трудовом договоре, дабы сотрудник знал, что во время рабочего времени должен пользоваться корпоративным чатом для информационного взаимодействия. Однако вспоминая ранее обозначенную нами проблему времяпрепровождения в чате, стоит четко оговаривать тот факт, что сотрудник должен активно взаимодействовать в чате только в период рабочего времени, который установлен ПВТР, в свободное от работы время он не обязан анализировать рабочую информацию и отвечать на сообщения коллег, в противном случае, это нарушает важнейшее конституционное право гражданина - право на отдых.

Конечно, стоит учитывать специфику выполняемой работы и установленный в трудовом договоре режим рабочего времени. Если у работника установлен ненормированный рабочий день, то соответственно при привлечении его к выполнения трудовых обязанностей вне продолжительности установленного рабочего времени, вопросы общения в чате будут регулироваться иначе и при выполнении им трудовых функций можно будет общаться с ним и требовать от него активного взаимодействия, безусловно, без отвлечения от выполнения первоочередной производственной деятельности. Тоже самое касается сверхурочной работы. В любом случае, во время отдыха, требовать от сотрудника отвечать на любой диджитал-зов работодателя и быть онлайн постоянно – незаконно и необоснованно.

Резюмируя приведенные нами аргументы, требуется ещё раз подтвердить важность и роль нормативного регулирования режима «мессенджеров». С развитием общества, коммуникации и появления новых тенденций от законодательства требуется решительных изменений в урегулировании различных вопросов с точки зрения права. Использование средств связи, сети «Интернет» и мессенджеров должно благоприятно сказываться на развитии трудовых отношений и работе организаций, не нарушая и ограничивая права и свободы человека.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что проблема корпоративных чатов является одной из актуальнейших вопросов трудового права, требующих детального внимания научного сообщества и законодателя. Мы считаем,

что законодателю нужно вновь попытаться урегулировать вопросы общения в чате, усовершенствовав положения законопроекта № 973264-7, учитывая современные реалии и те особенности, которые внесла в нашу жизнь пандемия.

Библиографический список

1. Шуралева С.В. Право дистанционного работника на неприкосновенность частной жизни // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 32 - 34.
2. Кремер У. Daimler будет удалять рабочую почту, пришедшую в отпуске.[Электронный ресурс] .URL: https://www.bbc.com/russian/society/2014/08/140814_daimler_email_ban_initiative (дата обращения: 10.05.2022).
3. Цена секунды: ученые измерили, сколько времени реально отнимают почта и мессенджеры // Идеономика[Электронный ресурс]. URL: https://ideanomics.ru/articles/19080 (дата обращения 18.04.2022).
4. Законопроект N 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7 (дата обращения: 10.05.2022).

УДК 342.9

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК ИСТОЧНИКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА РОССИИ

Кудинов Даниил Сергеевич
студент института права ВолГУ, г. Волгоград, Россия
daniil-kudinov03@yandex.ru
Научный руководитель:
Гаврилова Юлия Александровна
доцент кафедры философии и теории права Института права ВолГУ, к.ю.н,
г. Волгоград, Россия

Актуальной задачей отечественного права в новейшее время является формирование абсолютно новых и соответствующих периоду взглядов концепций идоктрин. Целью работы является научно-правовой анализ проблемы признания и реализации общепризнанных принципов и норм международного права в административном праве Российской Федерации. При анализе использовались

системно-правовой и функционально-правовой методы. С помощью этих методов был выявлен двойственный характер конституционных положений, относящихся к нормам и принципам международного права. Однако углубленное изучение позволяет сделать вывод о непосредственном наличии и реальном применении общепризнанных норм и принципов международного права.

Ключевые слова: общепризнанные принципы, нормы международного права, административное право, источники права, принципы права.

Вопрос об источниках административного права является актуальным как для ученых, так и для практикующих юристов. Это обусловлено безусловной связью источника непосредственно с нормой права.Историческое развитие права показывает, что нормам свойственно трансформироваться в зависимости от различных обстоятельств, оказывающих значительное влияние на правовую систему в тот или иной период.

Говоря о понятийном аппарате, стоит определить что такое источники и принципы права. Так, источник права – это способ выражения закрепленных правовых норм в системе права, а принципы права- это выражение содержания права в положениях общего характера, устанавливаемых в системе способов толкования норм.

Однако понятие «общепризнанные принципы права» в отечественной науке не определено. Е. Петров считает: «...термин общепризнанные применительно к принципам и нормам международного права и международным договорам РФ означает признание их обязательности для России не другими государствами (пусть даже большинством), а нашим обществом в лице представительных законодательных (и в отдельных случаях – исполнительных)органов государства» [1, с. 13]. Подобная формулировка вызывает дискуссию, связанную с доктринальным и нормативно-правовым подходами к пониманию данного понятия в системе законодательства Российской Федерации.

Так, в ст. 15 Конституции Российской Федерации в редакции от 01.07.2020 содержится положении о том, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории России. Законы и иные правовые акты не должны противоречить Основному закону страны. Вместе с тем, учитывая особый характер главы1 - как основу конституционного Российской Федерации, в которую включена указанная конституционная норма, следует толковать ст. 15 во взаимосвязи с другими поправками, а именно: ст. 79 и 125 Конституции Российской Федерации.

В отмеченных нормах Конституции Российской Федерации говорится, что передача международным органам и организациям отдельных государственных полномочий в целях обеспечения участия России в этих организациях не означает, что Российская Федерация слепо подчиняется их решениям. Если принимаются решения межгосударственных органов,затрагивающие основы публичного порядка (основы конституционного строя и систему основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина), которые противоречат отечественному праву, то они не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Названные нормы ставят вопрос о допустимых пределах использования общепризнанных норм и принципов международного права в системе законодательства российского административного права.

В то же время, нормы международного права и положения международных договоров Российской Федерации с другими странами активно используются и применяются органами публичной власти.

Так, в частности, органы МВД России обеспечивают выполнение международных обязательств Российской Федерации в пределах своей компетенции: осуществляют розыск лиц, подвергающихся уголовному преследованию на основании запросов об оказании правовой помощи; задержание, конвоирование, арест таких лиц; обеспечивают исполнение судебных актов и поручений иностранных судов в рамках двусторонних запросов и т.д.

Нормы международного права действуют непосредственно в рамках российской правовой системы, не изменяют своего происхождения в рамках международного права, а отсылка к ним повышает авторитет решений органов исполнительной власти [2, с. 64].

Вместе с тем, с учетом конституционных поправок 2020 года об ограничении применения общепризнанных норм и принципов международного права в их неконституционном истолковании предлагается более подробно урегулировать в законодательстве процедуру, при которой у органов исполнительной власти возникает обязанность обратиться, например, к суду или к Минюсту России с запросом о толковании норм, вызывающих определенные затруднения в их правоприменении.

Данные положенияимеют определённую двойственность, поскольку, с одной стороны, нормы и принципы международного права являются источником права и обязательны для исполнения на территории Российской Федерации, с другой стороны, обращаясь к ст. 79 Конституции Российской Федерации, нормы и принципы, противоречащие Конституции, не подлежат применению.

Переходя к вопросу о реальном применении норм и принципов международного права, подчеркну, что Российская Федерация является активным участником международных отношений, что накладывает определенные обязательства по ратификации и исполнению международных договоров.

Так, являясь членом Евразийского экономического союза, Россия ратифицировала «Договор о Евразийском экономическом союзе», который, в частности, регулирует и административную составляющую. Ст. 68 декларирует что административное сотрудничество осуществляется между государствами-членами как в целом по секторам услуг, так и в отношении конкретных участников рынка. В процессе административного сотрудничества создается механизм предупреждения нарушения поставщиками услуг прав и законных интересов потребителей, добросовестных субъектов рынка, а также общественных (государственных) интересов.

Более того, анализируя национальное законодательство, можно обнаружить вКодеке об административных правонарушениях прямо закрепленныйобщепризнанный принцип международного права в ст. 1.6 – принцип законности, который имеет основополагающее значение при разрешении дела, связанного с

привлечением лица к административной ответственности, поскольку именно законность юридических действий говорит о приверженности установленным принципам права.

Помимо приведённого примера, общепризнанные принципы и международные нормы находят своё отражение и в региональном законодательстве. Например, в Кодексе об административной ответственности мы находим принцип гуманизма, который является неотъемлемой частью системы международного права и закреплен во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года.

Отмеченное заставляет полагать о признании принципов и норм международного права, но подобное признание в правовой системе появляется только после тщательного анализа «новой» нормы на соответствие Конституции Российской Федерации, которая, вопреки ч. 4 ст. 15 занимает наивысшую позицию в иерархической лестнице отечественного законодательства.

Подводя итог, подчеркну особую роль Конституционного Суда Российской Федерации, как органа, осуществлявшего конституционный контроль, и призванного разрешать вопросы о соответствие тех или иных нормативно-правовых актов Конституции Российской Федерации. В действительности, именно Конституционный Суд определяет, будет ли та или иная норма международного права, тот или иной общепризнанный принцип включен в российскую правовую систему посредством не только ратификации договора Государственной Думой, как это предписывает Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», но и глубокого доктринального и нормативно-правового анализа «будущей» нормы права.

Таким образом, безусловно, общепризнанные принципы и нормы международного права являются источником административного права, это подтверждается как федеральным законодательством, так и региональным.К тому же,сам по себе факт применение подобных норм оценивается как открытость и цивилизованность правовой системы добропорядочного члена международных отношений.

Библиографический список

1. Петров Д. Е. Отрасль права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

2. Ордина, О. Н. Международные акты, содержащие общепризнанные принципы и нормы международного права, как источники административного права / О. Н. Ордина // Административное право и процесс. 2015. № 3. С. 63-65.

УДК 336.226.11

ПРОДАЖА ИМУЩЕСТВА В ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРЕДЕЛЫ КОРРЕКТИРОВКИ ЦЕНЫ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НДФЛ

Майшева Ксения Вадимовна
Аспирантка СПбГУ,
г. Санкт-Петербург, Россия
st010881@student.spbu.ru
Научный руководитель:
Кустова Маргарита Валерьевна
доцент кафедры административного и финансового права СПбГУ, к.ю.н,
г. Санкт-Петербург, Россия

Принимается для целей налогообложения свободно определённая сторонами цена доли в праве собственности на продаваемый объект? Обновлённое регулирование обязывает исходить при определении доходов для целей налогообложения из цены сделки, в том числе при установлении разных цен при продаже равных по размеру долей. И только при непредставлении декларации в срок налоговый орган в отсутствие информации о цене сделки определяет доход пропорционально проданной доле в праве, учитывая недопустимость снижения цены в налоговых целях более чем на 30% от кадастровой стоимости. При этом ст. 214.10 НК РФ не даёт оснований самостоятельному применению налоговым органом вычета при определении налоговой базы в отсутствие волеизъявления налогоплательщика.

Ключевые слова: НДФЛ;продажа недвижимости; долевая собственность; 214.10 НК РФ; налоговая декларация; свобода договора; имущественный налоговый вычет; камеральная налоговая проверка.

Вступая в экономические отношения, лица реализуют свои экономические интересы, проявляющиеся в гражданских правоотношениях ивлекущиесоответствующие налоговые последствия.

В силу свободы договора (п. 4 ст. 421 ГК РФ[1]) стороны сделки вправе самостоятельно определять условия её совершения, например, настаивая на справедливой, по их мнению, цене доли в праве собственности на общее имущество независимо [1] от размера их долей в праве собственности. Налогоплательщики влияют на определение налоговой базы по налогу на доходы физических лиц, устанавливая конкретную цену продаваемой доли в праве собственности. Причём налогоплательщики формируют цену этой доли в праве, в том числеучитывая налоговые последствия продажи, включая возможностьполученияв

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994. (ред. от 25.02.2022) [Электронный ресурс]. Доступ изсправ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дальнейшем соответствующего имущественного налогового вычета (пп. 1 п. 1 ст. 220 НК РФ[1]) в определённом размере.

Формальные предпосылки для признания в налоговых целях за участниками гражданского оборота свободы в определении цены продажи имущества создаёт отсутствие специальных налоговых правил, связанных с определением размера налогового вычета в случае установления разных цен на равные доли в праве при продаже объекта, находящегося в общей долевой собственности.

В этом отношении заслуживают внимания положения статьи 214.10 НК РФ,пунктом 4 которой предусмотрены особые правила: сумма полученного дохода от продажи недвижимости в долевой собственности определяется налоговым органом для целей налогообложения пропорционально доле каждого налогоплательщика в праве собственности на это имущество.Возникаетвопрос о том, распространяется ли это правило на все случаи получения дохода от продажи имущества в долевой собственности и должны ли налогоплательщики определять налогооблагаемый доход пропорционально доле в правенезависимо от установления договором различных цен на разные по размеру доли?

Несмотря наопределение в абз. 3 п. 6 ст. 214.10 НК РФ налоговых последствий применительно к доле в праве собственности в случае дарения[2], применительно к продаже имущества ст. 214.10 НК РФ законодатель прямо не регламентирует ситуацию самостоятельной (отдельно от сособственников) продажи доли в праве собственности на объект, ограничиваясь определениемналоговых последствий продажи объекта долевой собственности целиком. В то же время ст. 214.10 НК РФ не содержит и указаний по определению налоговым органом в отсутствие налоговой декларации дохода от самостоятельнойпродажи доли в праве. При этом полученный (хотя бы и не продекларированный) доходи в этом случае, очевидно, должен облагаться налогом в силу ст. 209 НК РФ.

Из формального сопоставления абз. 1 п. 3 ст. 214.10 НК РФ с п. 4 ст. 214.10 НК РФ следует, что налоговый орган определяет доход от продажи объекта долевой собственности пропорционально размеру долей в праве каждого сособственника исключительно в тех случаях, когда доход не продекларирован налогоплательщиком в установленные сроки.При этом в отсутствие информации о цене сделки налоговый орган (в силу абз. 6 п. 3 ст. 214.10 НК РФ) определяет параметры налогообложения, исходя из кадастровой стоимости объекта с учётом понижающего коэффициента 0,7. Это в полной мере согласуется с положением п. 2 ст. 214.10 НК РФ, ранее содержавшемся в п. 5 ст. 217.1 НК РФ (в редакции, действовавшей с 01.01.2016 по 01.01.2020), о том, что доходы физического лица от продажи объекта недвижимости признаются равными не менее 70% кадастровой стоимости продаваемого объекта.

---

[1]Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Парламентская газета. № 151-152. 10.08.2000. (ред. от 14.07.2022, с изм. от 11.10.2022) [Электронный ресурс]. Доступ изсправ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]В контексте соответствующего положенияс учётом определения дохода от получения в порядке дарения «доли в объекте недвижимого имущества»как «доли кадастровой стоимости этого объекта» представляется, что речь идёт не о доле в имуществе, а о доле в праве собственности.

Следовательно, цена доли в праве собственности для целей исчисления налоговой базы по НДФЛ в отсутствие налоговой декларации должна приниматься налоговым органом равной соответствующей доле кадастровой стоимости объекта. [1]

В правоприменительной практике кадастровая стоимость отчуждаемой доли в праве собственности исчисляется пропорционально доле в праве с последующим умножением на понижающий коэффициент 0,7.[2] Для получения большего размера налогового вычета налогоплательщики используют право на пересмотр кадастровой стоимости объекта.[3]

Не вызывает сомнений и то, что положения ст. 214.10 НК РФ могут восприниматься в качестве инструмента противодействия уклонению от уплаты налога в том смысле, что эти положения позволяют налоговым органам в случае непредставления декларации налогоплательщиком обеспечить самостоятельное исчисление суммы налога для изъятия в бюджетную систему РФ. В то же время не усматривается оснований для интерпретации положений п. 4 ст. 214.10 НК РФ в качестве направленных на противодействие злоупотреблениям, связанным с манипуляциями размером соответствующегоналогового вычета. И в условиях действующего налогового регулирования для целей налогообложения

---

[1]Иное предположение, например, о том, что отсутствие в ст. 214.10 НК РФ указания на определение налоговым органом при непредставлении налогоплательщиком налоговой декларации дохода, полученного от самостоятельной продажи доли в праве, – это квалифицированное умолчание (не пробел), противоречило бы отстаиваемой Конституционным Судом РФ правовой позиции, в силу которой налогоплательщик при продаже доли в праве на недвижимость может претендовать на соответствующий имущественный налоговый вычет (Постановление Конституционного Суда РФ от 13.03.2008 № 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[2]Решение Ливенского районного суда от 02.11.2018 по делу № 2А-1-1093/2018. // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/E8UVsU6qyoWY/ (дата обращения: 14.12.2020); Решение Ливенского районного суда от 02.11.2018 по делу № 2А-1-1095/2018 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс].URL:http://sudact.ru/regular/doc/ 2X7MtthwGjWC / (дата обращения: 14.12.2020); Решение Почепского районного суда от 25.06.2019 по делу № 2-255/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс].URL:http://sudact.ru/regular/doc/BIgarRBM5ONh/ (дата обращения: 14.12.2020); Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 27.05.2019 по делу № 2А-1773/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/nm4pFgz3uxom/ (дата обращения: 14.12.2020).

[3]Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // Российская газета. № 150. 10.07.2015[Электронный ресурс]. Доступ изсправ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;Решение Саратовского областного суда от 26.11.2018 по делу № 3А-531/2018 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/CbNC6m6ErZdd/ (дата обращения: 14.12.2020); Решение Саратовского областного суда от 26.11.2018 по делу № 3А-532/2018 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс].URL:http://sudact.ru/regular/doc/ fUQK9xntEumX / (дата обращения: 14.12.2020).

необходимо признать, что налогоплательщик формально свободен в определении цены продаваемого имущества, и именно эта цена составит сумму его налогооблагаемого дохода при двух условиях: налогоплательщик представит налоговую декларацию в срок (1), и установленная им цена будет не менее 70% кадастровой стоимости (2).

Среди прочего положения абз. 3 п. 3 ст. 214.10 НК РФ раскрывают механизм исчислениясоответствующей налоговой базы, однако не содержат явных указаний на то, должны линалоговым органом самостоятельно применяться вычеты, если налогоплательщиком не представлена налоговая декларация [2].

В этом отношении не усматривается оснований для применения налоговым органом имущественного налогового вычета самостоятельно, т.к. такое применение в условиях действующего регулирования является правом налогоплательщика (п. 1 ст. 220 НК РФ) и носит заявительный характер (соответствующий вычет заявляется на основании налоговой декларации по НДФЛ либо указанного в п. 2 ст. 221.1 НК РФ заявления).

Тем не менее абз. 1 п. 3 ст. 214.10 НК РФ предусматривает в отсутствие декларации налогоплательщика проведение камеральной налоговой проверки в соответствии с абз. 1 п. 1.2 ст. 88 НК РФ. При этом в абз. 2 и 3 п. 1.2 ст. 88 НК РФ определены её особенности: сроки начала, а также обязанность налогового органа (в силу публичного характера его полномочий) требовать у налогоплательщика пояснений. Последнее свидетельствует о возможности налогоплательщика, пусть и не представившего налоговую декларацию в срок, узнать о проведении в отношении него камеральной налоговой проверки и реализовать свои права, включая право на налоговый вычет.Кроме того, законодатель не причисляет непредставившего в срок налоговую декларацию налогоплательщика к недобросовестным и не отказывает ему в гарантиях защиты прав: абз. 4 п. 1.2 ст. 88 НК РФ регламентирует налоговые последствия в случае представления налогоплательщиком налоговой декларации до окончания специальной камеральной налоговой проверки (начинается новая камеральная проверка). При этом налогоплательщик может быть привлечен к ответственности за непредставление в срок налоговой декларации.

Таким образом, с учётом абз. 3 и 4 п. 1.2 ст. 88 НК РФ налоговый орган должен потребовать от налогоплательщика пояснений в рамках начатой в отсутствие налоговой декларации камеральной налоговой проверки, и налогоплательщик вправе(независимо от наличия требования налогового органа о пояснениях) представить налоговую декларацию после истечения срока. Представляется, что налогоплательщик на этом этапе сохраняет право на применение имущественного налогового вычета.

Таким образом, по общему правилу, налоговый закон ориентирован на свободно определяемую сторонами цену сделки по продаже имущества. Вто же время налогоплательщик (как и налоговый орган) должен определять налогооблагаемый доход от продажи имущества, учитывая, что минимальный размер этого дохода должен соответствовать 70% кадастровой стоимости при продаже объекта целиком и пропорциональной доле от 70% кадастровой стоимости объекта при продаже доли в праве на такой объект.

Кроме того, налогоплательщики вольныустановить разные цены при продаже равных долей в праве, причём дисбаланс в этой части может сохраняться и в отношении налоговых последствий при представлении налоговых деклараций в срок(если в цене учтён размер минимального налогооблагаемого дохода). Если налогоплательщик определяет цену своей доли в праве больше, чем цену другой равной по размеру доли в праведругого налогоплательщика, то налогооблагаемый доход от продажи этих долей в праве будет соразмерен установленным ценам, когда они представили декларации в срок, и при этом цены обеих долей в праве больше соответствующей пропорциональной доли от 70% кадастровой стоимости объекта. В случае же непредставления деклараций в срок налогооблагаемые доходы этих налогоплательщиков будут равными, т. к. будут определяться налоговым органом на основании абз. 1 п. 3 ст. 214.10 НК РФ и п. 4 ст. 214.10 НК РФ.

Библиографический список

1. Филина Ф.Н., Толмачёв И.А. НДФЛ и взносы на обязательное страхование: ответы на спорные вопросы / под ред. Т. Гороховой. 4-е изд., перераб. и доп. Гросс-Медиа: Росбух, 2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. Роменко В.А. Правовые проблемы контроля за уплатой физическими лицами налога на доходы от продажи недвижимого имущества // Финансовое право. 2022. № 7. С. 40-44 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.73

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НДС ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА В БАНКРОТСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ОЧЕРЕДНОСТИ УПЛАТЫ

Мавлетхузин Тимур Илкамович
студент Юридического факультета К(П)ФУ, г. Казань, Россия
mavlethuzin@gmail.com
Минабутдинова Аделина Ильдаровна
студентка Юридического факультета К(П)ФУ, г. Казань, Россия
adelinaminabutdinova@yandex.ru
Научный руководитель:
Файзрахманова Лейсан Миннуровна
доцент Юридического факультета К(П)ФУ, к.ю.н., г. Казань, Россия

В данной статье раскрываются складывающиеся в судебной практике тенденции по вопросу определения очередности погашения требований налоговых органов, возникших вследствие восстановления налога на добавленную

стоимость. В последнее время налоговые органы все чаще стали обращаться в арбитражные суды с целью получения выплат по восстановленному НДС, однако при разрешении спора возникает ряд вопросов, в частности, о природе восстановленного налога на добавленную стоимость – это является «реестровым», текущим требованием или это расходы на обеспечение сохранности предмета залога?

Ключевые слова: восстановление НДС, банкротство, реализация имущества, очередность уплаты, налоговые органы, разрешение разногласий, судебная практика, кредиторы.

На сегодняшний день многие вопросы налогообложения в процедуре банкротства по-прежнему остаются открытыми ввиду постоянно возникающих споров между различными участниками банкротства, права которых в этом случае затрагиваются – кредиторами, конкурсными управляющими должников и непосредственно налоговыми органами. Однако благодаря разрешениям подобных разногласий в судебной практике разрабатываются новые правовые позиции по отдельным аспектам налогообложения, в частности, по вопросу порядка уплаты восстановленного налога на добавленную стоимость (далее – НДС) при реализации имущества должника

В силу пп. 2 п. 3 ст. 170 Налогового кодекса Российской Федерации[1] (далее – НК РФ) сумма НДС, принятая к вычету налогоплательщиком, подлежит восстановлению в случае осуществления операций, указанных, в частности, в пп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ[2] – по реализации товаров (работ, услуг) и (или) имущественных прав должников, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации несостоятельными (банкротами).

В связи с возникшими спорными вопросами, Федеральным законом от 15.10.2020 N 320-ФЗ[3] в пп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ были внесены важные изменения – перечень операций, не признающихся объектами налогообложения, был конкретизирован, тем самым, в их состав вошли операции по реализации товаров (работ, услуг), изготовленных и (или) приобретенных (выполненных, оказанных) в процессе осуществления хозяйственной деятельности после признания должников в соответствии с законодательством Российской Федерации несостоятельными (банкротами).

Как указывалось ранее, постоянно возникающие разногласия между налоговыми органами, конкурсными управляющими должников и их кредиторами привели к формированию новых подходов в судебной практике по вопросу очередности уплаты восстановленного НДС.

---

[1]Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) / Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собраниезаконодательства РФ. 1998 Ст. 3824.

[2]Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) / Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998 Ст. 3824.

[3]Федеральный закон от 15.10.2020 № 320-ФЗ «О внесении изменений в статью 146 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020 Ст. 6507

Во-первых, в случае выбора между признанием требования по восстановленному НДС текущим или «зареестровым», суды все чаще придерживаются первого варианта, в первую очередь, Верховный суд Российской Федерации[1].

В рамках дела о банкротстве ООО «Севстройинвест» рассматривалось заявление одного из кредиторов о разрешении разногласий между ним и конкурсным управляющим по вопросу порядка и очередности уплаты НДС с продажи на торгах имущества должника.

Арбитражный суд города Москвы[2] определил, что требования налогового органа об уплате НДС от реализации имущества должника должно быть удовлетворено за счет денежных средств, оставшихся после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника, то есть фактически признал за ним режим «зареестрового». В обоснование своего решения суд указал, что такая очередность обеспечит баланс интересов всех кредиторов, иначе восстановление НДС будет иметь приоритетное отношение и затруднит погашение имеющегося реестра требований кредиторов, что противоречит общим началам законодательства о банкротстве.

Однако, суд апелляционной инстанции[3] не согласился с такими выводами, указав на неверное применение судом первой инстанции норм материального права, выразившихся в субординации текущих требований по уплате налоговых платежей, что, в свою очередь, не предусмотрено ни Законом о банкротстве, ни разъяснениями Верховного суда РФ[4], и определил удовлетворение таких требований в режиме пятой очереди текущих платежей.

Девятый арбитражный апелляционный суд разъяснил, что для субординации требований кредитора необходимо установить его аффилированность по отношении к должнику, а также доказать, что само требование является

---

[1]Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2019 № 306-ЭС18-18388 по делу № А55-5737/2016, Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2022 N 307-ЭС17-5078(12) по делу № А05-3604/2014, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.09.2022 N Ф08-8602/2022 по делу № А53-20723/2019 // Доступ из инф.-справ. системы СПС «Консультант-Плюс»

[2]Определение Арбитражного суда города Москвы от 19.02.2021 по делу № А40-157934/16-103-185 «Б» // «Картотека арбитражный дел» [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5cd4592d-d2bd-43f4-a703 bcd8cbf7cc17/ee704406-c23d-4a70-a089-cd67f4fd5837/A40-157934 2016_20210219_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (датаобращения 03.11.2022).

[3]Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-17393/2021 от 26.04.2021 по делу № А40-157934/16 // «Решения арбитражных судов» [Электронный ресурс]. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/5cd4592d-d2bd-43f4-a703-bcd8cbf7cc17/ b7060b1c-2445-4890-a1c5-5d9566db5f0d/A40-157934-2016__20210426.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 03.11.2022).

[4] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020 //Официальный сайтВерховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/ documents/thematics/28682/ (дата обращения 02.11.2022).

компенсационным. Данные обстоятельства не были установлены, в связи с чем, очевидно, основания для применения «зареестрового» режима отсутствуют. Кроме того, как указал суд, ранее принятые к вычету суммы НДС подлежат восстановлению банкротом в том налоговом периоде, в котором товары начали использоваться для операций по их реализации, то есть в период после принятия заявления о признании несостоятельным (банкротом) – следовательно, восстановленный НДС относится к текущим платежам. С такими выводами суда апелляционной инстанции согласился как Арбитражный суд Московского округа[1], так и Верховный суд РФ[2].

Таким образом, судебная практика сформировалась в пользу признания восстановленного НДС текущим платежом, однако в последнее время возникла еще одна тенденция – погашение налоговых обязательств, связанных с предметом залога (земельный налог, налог на имущество, восстановленный НДС), в порядке п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, то есть в первоочередном порядке как расходы на обеспечение сохранности предмета залога[3].

Иная позиция была изложена Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда РФ в Определении от 08.04.2021 №305-ЭС20-20287[4]. Суд указал, что решение вопроса о судьбе предмета залога в существенном объеме находится во власти залогового кредитора, который может эффективно влиять на скорость реализации залогового имущества, что, в свою очередь, может способствовать избежанию накопления текущих обязательств перед налоговыми органами. Исходя из этого, при применении к данным требованиям режима, предусмотренного п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, а именно расходов на обеспечение сохранности предмета залога, значительных изменений в обеспечительной функции залога не происходит. Противоположный подход, сформированный судебной практикой, приводит к нарушению имущественных прав

---

[1]Постановления Арбитражного суда Московского округа от 27.09.2021 по делу № А40-157934/2016 // «Решения арбитражных судов» [Электронный ресурс]. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/5cd4592d-d2bd-43f4-a703-bcd8cbf7cc17/4851b98c-6203-463d-ba04-d053ce2ed280/A40-157934 2016__20210927.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 03.11.2022).

[2]Определение Верховного суда Российской Федерации № 305-ЭС20-21870 (5, 6) от 06.12.2021 // «Картотека арбитражный дел» [Электронный ресурс].URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5cd4592d-d2bd-43f4-a703-bcd8cbf7cc17/5f0385d4-de11-4afd-ba44-3719d689cbb9/A40-157934-2016_20211206_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 03.11.2022).

[3] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 № 305-ЭС20-20287 по делу № А40-48943/2015, Определение Верховного Суда РФ от 25.07.2022 № 306-ЭС22-11564 по делу № А12-38833/2018, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.09.2022 № Ф08-8602/2022 по делу № А53-20723/2019 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.04.2021 № 305-ЭС20-20287 по делу № А40-48943/2015 //»Картотека арбитражный дел» [Электронный ресурс].URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/bc0af0f2-17fe-4fdd-b968-060b124fcb2d/2e3116cf-7f19-4ad1-afbf-bfbf831af175/A40-48943-2015_20210409_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 03.11.2022).

незалоговых кредиторов, поскольку в случае признания подобных требований в качестве текущих погашение будет происходить за счет иного имущества должника, из стоимости которого такие кредиторы могли получить удовлетворение своих обязательств, в то время как залоговый кредитор получит возмещение из стоимости предмета залога и не понесет расходов, связанных с уплатой налоговых платежей по данному имуществу. Эта позиция вошла в Обзор судебной практики Верховного суда № 3 (2021)[1].

Вышеуказанные разъяснения Верховного суда РФ, защищая интересы незалоговых кредиторов, с другой стороны, несомненно привели к ухудшению положения кредиторов залоговых, поскольку теперь возможность полного погашения их требований в результате реализации предмета залога еще более уменьшается, а налоговые органы, в свою очередь, могут воспользоваться таким подходом и требовать восстановления НДС в массовом порядке, тем самым злоупотребляя правом. Норма из п. 6 ст. 138 Закона о банкротства становится «резиновой» ввиду расширенного ее толкования судом, который выходит за рамки буквального ее понимания, и отсутствия конкретизации законодателем понятия «расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах» и, соответственно, предельного размера денежных средств, направляемых на возмещение указанных расходов.

Таким образом, если ранее восстановленная сумма НДС при реализации имущества должника погашалась в порядке пятой очереди текущих платежей, то теперь налоговый орган, в случае реализации предмета залога, может требовать ее уплаты в первоочередном порядке в рамках п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, тем самым усугубляя положение залогового кредитора. Однако стоит отметить, что в таком случае, как справедливо отмечает Верховный суд РФ, обеспечивается баланс интересов, поскольку соблюдаются права незалоговых кредиторов, которые не будут нести бремя налоговых расходов, связанных с реализуемым имуществом.

[1]Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №3 (2021), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2021 // Официальный сайтВерховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/documents/practice/30502/ (дата обращения 03.11.2022).

СЕКЦИЯ 8. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО, ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

УДК 347

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Агеева Юлия Владимировна
Студентка Институт права УУНиТ
Россия, г. Уфа
E-mail: yulka.myr@yandex.ru
Научный руководитель:
Демидова Татьяна Константиновна.
доцент кафедры международного права и
международных отношений Института права УУНиТ, к.п.н.
Россия, г. Уфа

В век современных технологий и появления механических средств, возникают коллизионные пробелы в системе международного права, требующие стремительного принятия мер привлечения к международно-правовой ответственности тех или иных субъектов международного права. Целью работы является анализ международного законодательства на предмет содержания неисполняемых аспектов не имеющего в своём составе подходящего под наш период времени правового наполнения, выделяя существенные признаки и субъективные правомочия государств. Исследование позволило выявить, что хоть данные концепции предполагают категоричные меры достижения результата, однако на практике путем дополнения и модернизации законодательных актов можно минимизировать разногласия между субъектами международного права.

Ключевые слова: международное права, государство, конвенции, мировое сообщество, Организация Объеденных Наций.

Актуальной проблемой законодателей на современном этапе развития правовой системы является выработка нового взгляда на постоянно развивающееся и дополняющееся новыми нормами международное право. Поскольку, во-первых, данная отрасль права преобладает равным соотношением мер вольности и мер ограничения, присуще международным отношениям. Во-вторых, обладая своеобразной нормативно-правовой базой, международное право взаимодействует с внешней политикой, которая определяет приоритетные ценности для международного сообщества, однако в правовой системе международное право является самостоятельной отраслью права, что разграничивает законодательное регулирование данных правовых отношений [1].

На сегодняшний день, самой актуальной проблемой международного права является неэффективные методы привлечения к международно-правовой

ответственности тех или иных субъектов международного права. Поскольку развивающиеся информационные технологии с каждым новым механизмом действия осложняют взаимоотношения государств, что способствует выработке эффективных нормативных правовых документов, регулирующих данный вопрос в части регламентирования отличительной системы принципов и норм, являющиеся общепризнанными и запрещающими угрозу силой или её применения [2].

Так на смену закрепленных приоритетных методов защиты суверенитета государства, пришли методы защиты конституционных прав граждан, осуществляемых государственными органами, общественными организациями и отдельными лицами, преследующих цель охраны прав и свобод человека. Поскольку вместо присущих преобладающих свойств суверенитета, которые служили базовым механизмом достижения цели, с помощью эксплуатации народов, то есть колониального режима с индивидуальными формами зависимости, происходит возвышение противоположных принципов, реализующие равноправие и самоопределение народов. Ввиду этого, международное право исключает применение норм, способствующих ограничить права и свободы граждан, дискриминировать и унижать достоинство человека [3]. Колониальный режим больше не входящий в рамки международного права, становится отголоском прошлого, на замену такой сильной системы приходят не менее сильные принципы, отвечающие закономерностям развития международных отношений нашей эпохи.

Данные теоретические основы обладают базисом, построенным из действительности того времени. Безусловно, регулирование данных норм основывается на механизме воздействия, проявляющихся в нескольких конвенциях:

1) «Обязанность защищать» (R2P).Данный принцип регламентирует правило, дающее полномочия суверенитету не только право контролирования своих внутренних дел, но также налагает ответственность по защите его носителей. Так, США уже ссылались на концепцию R2P при вторжении в Ливию в 2011 году и в Венесуэлу, поскольку применения иных мер ограничения противоправных деяние не было выявлено.В Венесуэле и в Ливии у должностных лиц были доходы от работорговли, которые регулировались на государственном уровне, что отчуждали финансовую базу от национальной экономики. В данном случае, положительным аспектом является то, что, если суверенное государство не может в полной мере исполнить свое правомочие, то ответственность переходит на уровень международного сообщества, даже если решением данной проблемы станет нарушение суверенитета.

2) «Справедливая война», регламентирующая исключительное право вмешательства во внутренние дела государства. Война была средством достижения результата, путем установления справедливости и конкретного миропорядка, что противоречит принципам международного права. Данная концепция нарушает принцип территориальной целостности, а также право на самоопределение народов, что предполагает непоследовательное отношение ООН к ее содержанию, в первую очередь отсутствием всеобъемлющих нормативных документов, регулирующих это право. Право на внешнее самоопределение, которое выражается в разделении территории и создании нового государства. Внешнее право на

самоопределение может быть принято только в исключительных случаях из-за недостатка прецедентов, связанных с самоопределением.

Рассматривая данный вопрос с исторической стороны, стоит отметить, что предыдущая организация – Лига наций в полной мере не справлялась со своими полномочиями в сфере недопущения мировой войны. Тем самым прошлый опыт был учтен при создании более квалифицированной профессиональной организации ООН, однако в век современных технологий, возникают коллизионные ситуации, с чем новый орган так же не в силах справится. Поскольку несогласованность действий государств, входящих в Организацию, а также их несостоятельность в нахождении общего языка в рамках решения важных вопросов, предполагает безуспешный результат в решении индивидуальной мировой проблемы [4].

Однако некоторые государства смогли обойти данную систему, путем собственных мер, направленных на достижения поставленных задач мирового уровня. Так, США, сформировавшие исключительное право вмешательства во внутренние дела государств, расширило полномочия демократического пространства, тем самым защитив основные права и свободы граждан. То есть США официально приняли право, позволяющее им заведомо определять ход развития международных отношений, не согласовывая это с Организацией.

Безусловно, ООН является важным составляющим в механизме регулирования международных отношений, однако ввиду того, что внутри действующей системы сложилось два, противоборствующих блока: США, Британия и Франция против России и Китая, следует сказать, что работа Организации парализована, что предполагает невыполнения ряда задач в урегулирования данного вопроса. Так, любая попытка одного блока принять выгодную для него резолюцию, непременно пресекается другим блоком посредством права вето, что предполагает с таким установленным принципом не способность дальнейшее функционирование Организации Объединённых Наций с полномочиями, установленными в начале создания. Так как в случае возникновения столкновения противостоящих двух систем, невозможно будет обеспечения международной безопасности.

3) «Международный порядок, основанный на правилах». Данная концепция регламентирует как традиционные нормы международного права, а также юридически необязывающие политические договоренности, закрепляющие принудительные меры для государства соблюдать международно-правовые нормы, с которыми субъект международного права не связан соответствующими обязательствами. Однако ввиду отсутствия нормативного регулирования в международном праве, возникают аспекты коллизионной направленности, способствующие отсутствию определённости в понимании того, кто будет устанавливать эти правила [5].

Данные концепции предполагают категоричные меры достижения результата, путем нарушения как международных актов, принятых всеми государствами, входящих в участники данных актов, так и национального права, признанного субъектом правоотношения как основополагающий, регулирующий все сферы жизнедеятельности страны [6]. Безусловно, мировое сообщество стремится к достижению общих целей, однако на практике доктрины содержат

неисполняемые аспекты не имеющего в своём составе подходящего под наш период времени правового наполнения. Виду техногенного процесса, учитывая тенденции развития международного права, в том числе изменение роли ООН как системообразующего субъекта прежде всего системы международной безопасности, данные концепции получат своё развития, решающую проблему механизмов привлечения к международно-правовой ответственности.

Библиографический список

1. Егоров С.А. Международное право: Учебник. М.: Статут, 2016. 848 с.
2. Матвеева, Т. Д. Международное право: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2021. 438 с.
3. Ануфриева Л. П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и jus cogens // Lex Russica. 2018. № 12 (145). С. 37.
4. Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945). Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter
5. Бобров Р. Л. Основные проблемы теории международного права. М.: Междунар. отношения, 1968. 272 с.
6. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М.: Наука, 1974. 264 с.

УДК 342.7

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Борисова Оксана Геннадьевна,
аспирантка Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
bog76@bk.ru
Научный руководитель:
Нигматуллин Ришат Вахидович
Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия

В представленной статье приведен краткий обзор и анализ обеспечения и работы механизма защиты прав человека при различных ситуациях во время крупных эпидемий и пандемий. Целью представленного исследования ставилось рассмотрение действий на государственном уровне во время чрезвычайных ситуаций пандемического характера по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина. Необходимость обеспечения прав человека в ситуациях

подобного характера представляет особую важность, так как в ходе пандемии COVID-19 были отмечены многочисленные факты нарушения указанных прав. Исследование позволило выявить типичные нарушения прав человека в периоды крупных эпидемий и пандемий, а также основные способы пресечения и борьбы с такими нарушениями.

Ключевые слова: права человека; пандемия; защита прав; законодательство; нарушения; чрезвычайные ситуации.

Начавшаяся в 2019 году пандемия COVID-19, стала своеобразной проверкой на прочность и на жизнедеятельность не только устоявшейся социальной сферы общественной жизни и ее экономической составляющей, но и сферы реализации и защиты такой важной категории, как права человека.

Несмотря на тот факт, что государством были предприняты все возможные меры для предотвращения распространения пандемии и ликвидации ее последствий для заболевших граждан в частности и общества в целом, тем не менее, многие из принятых инициатив на государственном уровне могут быть рассмотрены как сомнительные, имеющие открытый дискуссионный характер по отношению к правам человека [1, с. 50].

Основной правовой базой для введения ограничений в период пандемии стал Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Здесь необходимо отметить, что во многих зарубежных странах в результате массовых заболеваний был введен режим чрезвычайной ситуации природного характера. Однако, введение столь радикальной меры, хоть теоретически отвечало возникшей угрозе для здоровья и безопасности населения, при этом в определенной степени ограничивая права человека, но все же на практике могло привести к сильному спаду экономических показателей во многих сферах. Было решено отказаться от такой меры в пользу более благоприятного для экономики и прав человека режима повышенной готовности, указанного в вышеприведенном законе[1]. Большинство регионов Российской Федерации в свою очередь, на уровне глав субъектов, квалифицировали возникшую пандемическую ситуацию как обстоятельство непреодолимой силы.

Таким образом, именно на региональном уровне стало возможным вводить определенные ограничения для населения в период действия самоизоляции. Однако, это стало причиной недовольства правозащитников, так, как только федеральными нормами права могут быть введены соответствующие ограничения, касающихся конституционных прав граждан. Помимо этого, вопросы возникли и к непосредственным исполнителям этих норм на практике – органам правопорядка и в целом региональным органам власти. Указанные государственные структуры чрезмерно расширенно истолковывали введенные на уровне

[1] Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (с посл. изм. и доп. от 4 ноября 2022 г. № 423-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2022).

субъектов ограничения и запреты. Все это периодически приводило к конфликтным ситуациям между гражданами и правоохранительными органами, а также понижало доверие населения к органам власти.

Другой важной проблемой для защиты прав человека стало активное использование государством в борьбе с коронавирусной инфекцией современных информационных технологий. Одной из таких мер стало использование заболевшими гражданами специальных приложений для мобильных телефонов с целью контроля за их изоляцией.

Правозащитники отмечали несколько существенных проблем в этой области, ставящих под угрозу конституционные права граждан [2, с. 35]. В первую очередь, дискриминируемой социальной группой стали лица пожилого возраста, не обладающие достаточными навыками работы с интернет-приложениями или не пользующиеся мобильными телефонами. Другим недостатком стало отсутствие необходимого уровня защиты конфиденциальной информации медицинского характера, которая содержалась в качестве персональных данных из таких приложений. И, хотя случаев кражи таких данных практически не было зарегистрировано, тем не менее сама угроза сохранялась на протяжении всего режима самоизоляции в период пандемии. Грамотный подход к обеспечению электронной безопасности мог бы поспособствовать решению указанных проблем.

Но, вместе с тем, была выявлена и проблема иного характера: нестабильное функционирование интернет-приложений для контроля за изоляцией. Отсутствие серьезного тестирования указанных приложений и слабо действующие изменения в обновлениях для приложений приводили к ситуациям, когда за отсутствие правонарушения со стороны гражданина ему начислялся ложный штраф [3, с. 43].

Серьезную обеспокоенность вызвала проблема всплеска бытового насилия в период самоизоляции. На этом отрезке времени, государственные социальные организаций временно прекращали предоставление специальных убежищ лицам, которые пострадали от семейного и бытового насилия. Отсутствие возможности таким лицам временно покинуть место жительства, где по отношению к ним применялось такое насилие, приводило к увеличению числа случаев указанных нарушений. При этом, низкое число зарегистрированных обращений жертв в полицию может быть объяснено возросшей материальной зависимости такой жертвы от лица, применяющего бытовое насилие.

Помимо перечисленных категорий населения, в заведомо уязвленном состоянии в период пандемии оказались права граждан, у которых были диагностированы онкологические заболевания. Исходя из того, что во время наиболее активной фазы распространения коронавирусной инфекции, преимуществом к госпитализации обладали граждане, заболевшие коронавирусом. В то же время, помещение больных онкологическими заболеваниями в стационарные медицинские учреждения было временно прекращено. Более того, в связи с трудностями при пересечении товаров через государственную границу, появился дефицит медикаментов и оборудования для онкологических пациентов. Решением указанной проблемы на сегодняшний день представляется путь активного совершенствования новых форм лечения онкологических заболеваний, в частности

телемедицинских технологий, а также обеспечение возможности обслуживания таких пациентов на дому. Реализация указанных мер на практике поспособствует качественному улучшению правового состояния больных онкологическими заболеваниями и поспособствует повышению уровня российской медицины до передового уровня.

Общественно резонансной проблемой стало использование в период пандемии ранее не использовавшегося вида избирательного процесса, такого как дистанционное голосование. Отсутствие детальной, прописанной в правовых актах процедуры голосования и использование нечетких формулировок в существующих нормах, могут привести к серьезным нарушениям избирательных прав граждан и демократической сущности выборов [4, с. 147].

Для пресечения такого рода нарушений в сфере избирательного процесса, представляется действенным внести определенные изменения. В частности, предлагается уточнить законодательство об участии в выборах; детально регламентировать процедуру голосования вне избирательных участков; ввести нормы, предоставляющие право проведения заочных форм съездов или иных способом выдвижения кандидатов; конкретизировать нормы, регулирующие досрочную форму голосования.

В качестве наглядного примера для сравнения можно также взять другую идущую ныне пандемию – ВИЧ-инфекцию. Эта пандемия продолжается вот уже более сорока лет, она позволяет сделать определенные типовые выводы о соблюдении прав человека в период пандемии как таковой. В некоторых отдельных случаях, в СМИ указывалась национальность гражданина, заразившегося ВИЧ-инфекцией, что способствовало появлению предрассудков и негативных комментариев в адрес представителей данной национальности, что никак в реальности не может быть связано с фактом заражения. Подобное происходит время от времени и сейчас, когда в разгар пандемии коронавируса, появлялись подобные негативные эпизоды. Это наносит серьезный вред межнациональному миру и стабильности, в значительной мере нарушает основополагающие права человека.

Еще одной важной проблемой, проявившейся в обеих этих пандемиях, стала проблема дезинформации и так называемых фейковых новостей. Отсутствие грамотного противодействия со стороны государства, включающей в себя издание комментариев медицинского и научного характера, привели к возникновению панических настроений и проявлений отрицания указанных заболеваний, что в свою очередь, приводит к повышению смертности из-за отказов проходить соответствующее лечение со стороны граждан.

В целом, каждая мера, ограничивающая права человека, должна иметь определенную законом необходимую цель, а также жестко регламентирована по срокам своего действия. Это позволит обеспечить в равной степени права человека и даст возможность избежать дискриминации каких-либо групп населения в стране [5, с. 117].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что наибольшей эффективности в борьбе с массовыми эпидемиями и пандемиями можно добиться только тогда, когда обеспечивается со стороны государства грамотный

подход к реализации мер противодействия распространяющейся инфекции. Принимать меры государственного воздействия для борьбы с пандемиями необходимо в тесном контакте с самим населением, в первую очередь, учитывая его интересы. Имеет смысл обеспечить доступ населения для постоянного участия в создании, воплощении в жизнь и последующем контроле с их стороны по отношению к мерам борьбы с эпидемиями и пандемиями. Это позволит не только реализовать демократические принципы участия народа в управлении государством, но и повысит доверие населения к центральным и региональным властям, поспособствует формированию тесного контакта между властью и населением для решения актуальных и серьезных вопросов, касающихся здоровья и безопасности общества в целом и отдельных его представителей. Главной опорой борьбы с чрезвычайными ситуациями медицинского характера должны стать не недоверие и распространение страха, а обеспечение сотрудничества и взаимной поддержки в обществе и государстве.

Библиографический список

1. Астафичев П.А. Проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. №1 (89). С. 42–53.

2. Рулан Н. Пандемия COVID-19 и фундаментальные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. №1. С. 29–36.

3. Пожарова Л.А., Косолапова Н.А. Государство и права человека: проблемы ограничений в условиях пандемии // Legal Concept. 2020. №3. С. 41–46.

4. Попов М.Ю., Самыгин П.С., Самыгин С.И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №4. С. 143–147.

5. Чебыкина Н.Р., Лямина К.А. Реализация прав человека в условиях COVID-19 // Правоприменение. 2021. №3. С. 112–125.

УДК 341.33

К ВОПРОСУ О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

Вахитова Линара Дамировна
студентка Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
vakhitova-linara@mail.ru
Научный руководитель:
Демидова Татьяна Константиновна
Доцент кафедры международного права и международных отношений Института права УУНиТ, к.п.н.
г. Уфа, Россия

Действие и реализация норм международного гуманитарного права подведомственно множественным международным организациям, в число которых входит и Международный Комитет Красного Креста. Данная статья посвящена роли Международного движения Красного Креста в становлении и развитии международного гуманитарного права. Целью моей работы является анализ и специфика деятельности Красного Креста в период вооруженных конфликтов. Исследование позволило выделить, что международная организация Красного Креста имеет огромную роль в реализации норм международного гуманитарного права посредством защиты жертв вооруженных конфликтов

Ключевые слова: Международный Комитет Красного Креста; гуманитарное право; жертва; вооруженный конфликт; Женевская конвенция; принципы; гуманизм.

Всякие правовые нормы подлежат контролю над их исполнением и международные гуманитарные нормы в том числе. Одной из международных организаций, контролирующих выполнение норм международного гуманитарного права является международная организация – Международный Комитет Красного Креста.

Несмотря на то, что данная организация была создана еще в далеком 1863 году по инициативе Анри Дюнана в Швейцарии, она несомненно, не теряет своей популярности и на сегодняшний день. Международный Комитет Красного Креста прежде всего оказывает гуманитарную помощь людям в зонах вооруженных конфликтов, ставших жертвами войны. Свою миссию гуманитарного характера данный комитет оказывает на международном уровне, в связи с чем он имеет множество подразделений по всему миру, в том числе и в Российской Федерации.

При выполнении своего долга по оказанию помощи Международный Комитет Красного Креста основывается на следующих нормативных положениях: Женевских конвенциях 1949 года, Дополнительных протоколах к ним, на своем Уставе, на Уставе Международного движения Красного Креста и Красного

Полумесяца, а также на резолюциях Международных конференций Красного Креста и Красного Полумесяца.

Деятельность Международного Комитета Красного Креста осуществляется по двум направлениям: 1) оказание помощи жертвам вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия; 2) развитие международного гуманитарного права и гуманитарных принципов, распространение знаний и информации о них [1, с. 122]. Международный Комитет Красного Креста при осуществлении действий гуманитарного характера руководствуется семью основными принципами.

Гуманность – движение Красного Креста, обязуется помогать абсолютно всем жертвам вооруженных конфликтом без исключения, а такжена международном и национальном законодательстве предупреждать и облегчать мучения человека. Прежде всего его деятельность направлена на защиту от посягательства таких объектов, как жизнь и здоровье людей.

Беспристрастность. Движение не проводит никакой дискриминации по признаку расы, религии, класса или политических убеждений. Оно лишь стремится облегчать страдания людей, и в первую очередь тех, кто больше всего в этом нуждается [2, с. 22].

Принципы нейтральности и независимости тесно связаны между собой. Принцип нейтральности выражается в том, что Красный Крест в вооруженных конфликтах между государствами сохраняет нейтралитет, т.е. он не поддерживает определенную сторону вооруженного конфликта и не встает на защиту только определенных граждан, а наоборот – осуществляет помощь всем гражданским лицам и раненым независимо от политического, расового, религиозного характера.Независимость – национальные подразделения Комитета Красного Креста оказывая помощь своим государствам и тем самым подчиняясь национальным законам государства, должны соблюдать автономию воли реализации своих действий в соответствии с основными международными принципами данного движения. Независимость и нейтральность Красного Креста подчеркивает его особый статус в решении гуманитарных задач. Специфика такой деятельности заключается в большой вероятности оказания давления со стороны, направленного на подрыв авторитета организации и получения результата заинтересованной недобросовестной стороны [3, с. 8].

Добровольность. В своей деятельности по оказанию помощи пострадавшим от вооруженных конфликтов члены Красного Креста прежде всего руководствуются исключительно добровольностью и не стремится извлечь выгоду от этого.

Принцип единства заключается в том, что в стране должно существовать только одно движение Красного Креста, оно для всех должно быть доступным на территории всей страны.

Завершающим принципом, на котором основывается данная международная организация является универсальность – заключающееся во всемирности движения и равенстве прав и обязанностей национальных движений.

Перейдем непосредственно к значению Международного Комитета Красного Креста в международном гуманитарном праве. Прежде всего деятельность,

предпринимаемая данным движением, касается в эффективном применении норм международного гуманитарного права. В научной литературе утверждаются, что деятельность по реализации норм осуществляется не в полном объеме и для повышения эффективности применяется толкование Комитетом Красного Креста.

Как было сказано выше, применение норм МГП выражается и в их неофициальном толковании, которое имеет немаловажное значение т.к. данная организация толкует нормы с позиции эксперта в данной деятельности, имеющий богатый опыт в этом. В процессе толкования норм гуманитарного права Международный Комитет Красного Креста выявляет принципы применения норм международного гуманитарного права, которые не могут не соблюдаться при выполнении государствами своих обязательств в гуманитарной сфере.

Общественное движение Красного Креста способствует развитию международного гуманитарного права, в соответствии с которым оно сотрудничает с разными межправительственными и неправительственными организациями и тем самым выявляет нарушения в области гуманитарного права, исследует их причины для определения надобности принятия новых норм международного характера.

В настоящее время одной из проблем в области международного гуманитарного права является тот факт, что вооруженные конфликты переходят в те местности, где живет большое количество мирных гражданских жителей с целью нападения на них и тем самым увеличения числа жертв войны. Анализируя данную проблему Международный Комитет Красного Креста старается придавать большее значение проблеме защиты мирного населения в условиях нового характера военных действий. Данная проблема разрешаемая Красным Крестом опять-таки подтверждает тот факт, что для достаточной обеспеченности защиты жертв военных действий он инициирует принятие в области международного гуманитарного права новых международно-правовых норм.

Макашин Е.П. также выделяет роль Международного Комитета Красного Креста в международном гуманитарном праве в условиях современности: на сегодняшний день, во времена пандемии, роль Международного Комитета Красного Креста также очень важна, т.к. организация всячески пытается помочь государствам и их гражданам в минимизации жертв от коронавирусной инфекции [4, с. 528].

Несмотря на то, что международная организация Красного Креста является всемирной организацией по разрешению вопросов международного значения, она все-таки не в силах помочь в решении каждого вопроса. Именно поэтому наравне с ним существуют другие организации гуманитарного характера, одним из которых является Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, Международный Комитет Красного Креста играет огромную роль в развитии международного гуманитарного права. Прежде всего она заключается в применении и реализации норм международного гуманитарного права. Международный Комитет Красного Креста действует при чрезвычайных ситуациях, одновременно пропагандируя уважение

к международному гуманитарному праву и способствуя его внедрениюв национальные законодательства.

Библиографический список

1. Бийгишиева Д. Ш., Мамаева Э. Т. Роль международного Комитета Красного Креста в решении проблем международного гуманитарного права// Закон и право. 2019. № 1. С. 122-124.

2. Ильина М. В. Международное гуманитарное право и сми :учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 95 с.

3. Семенова Е. С. Роль Международного Комитета Красного Креста в развитии и реализации норм международного гуманитарного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 26 с.

4. Макашин Е. П. Роль Международного Комитета Красного Креста в развитии и реализации норм международного гуманитарного права // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы VI межвузовской студенческой научной конференции (г. Москва 03 декабря 2021 г.) / под общ. ред. С. В. Ширяевой. Москва: МПГУ, 2022. С. 525-530.

УДК 327

ВЗГЛЯД НА РОССИЮ ГЛАЗАМИ ЯПОНИИ, ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исаев Андрей Анатольевич
студент Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
mokorono@rambler.ru
Научный руководитель:
Нигматуллин Ришат Вахидович
Заведующий кафедрой международного права и
международных отношений Института права УУНиТ,
профессор, доктор юридических наук,
г. Уфа, Россия

Актуальность вопроса возрастает с поведением Японии в рамках нынешней международной обстановке. Согласно теории конструктивизма восприятие явлений влияет на внешнюю политику страны. Поэтому мы задались целью выявить факторы, влияющие на восприятие России Японией. Для этого мы провели исследование восприятия России Японией в рамках истории. Были затронуты важные события, которые влияли на восприятие России, проведён анализ влияния восприятия на важные события в русско-японских отношениях. Исследование позволило выявить такие факторы, как, например, дипломатическое

поведение России, возможность силового воздействия, политическая элита в Японии, обстановка на Корейском полуострове и другие.

Ключевые слова: Россия, Япония, восприятие России, двусторонние отношения, Русско-японские отношения, история.

Отношения между Россией и Японией имеют важное значение для обоих государств как для соседей, особенно в условиях современной международной обстановки. Восприятие государства влияет на поведение в отношении его в рамках внешней политики и, поэтому, мы считаем важным исследовать факторы, благодаря которым формируется восприятие. Мы проанализируем русско-японские отношения с 18 по 20 век и выявим факторы, которые влияют а восприятие России Японией.

В Японии образ своего северного соседа начал формироваться ещё до непосредственных контактов. Под влиянием закона «сакоку» японское правительство не доверяло никаким иностранцам. Кроме того, чем больше России осваивала Курильские острова, тем больше укреплялся страх в отношении России. На этой почве голландцы активно распространяли слух о русской угрозе [1, с. 59]. Тем не менее, попытки установить дипломатические отношения между двумя государствами начинаются в конце 18 – начале 19 века по инициативе России. Среди первых посольств можно выделить посольство Адама Лаксмана и Николая Резанова.

Посольство Лаксмана запомнилось тем, что сёугн Мацудайра Саданобу: во-первых, послал правительственных чиновников (а не местных); во-вторых, повелел чиновникам обойтись с делегацией по закону и ритуалу; в-третьих, допустил торговлю с Россией и выдал разрешение на заход в порт в Нагасаки. Ритуал в данном контексте означает, что японские чиновники обошлись с делегацией со свей вежливостью, подстраиваясь под их традиции, а закон – выдача им «официального предостережения», которое разъясняло их позицию по поводу изоляции и иностранцев. Такие почести были оказаны, вероятно, из-за страха перед неизвестным северным соседом.

Посольство Резанова прошло менее гладко, его вовсе не приняли. С одной стороны, о его поведении говорят как о бестактном и недостойным, с другой стороны, бывший премьер-министр Японии С. Окума оценивает его положительно, как человека с хорошей выдержкой [2, с. 85]. Не забудем, что простые японцы [3, с. 235] и чиновники [4, с. 88] отнеслись к русским доброжелательно, а голландцы оставили свой след в неудаче экспедиции [5, с. 19].

Тем не менее, агрессивные действия в отношение Японии, называемые «инцидент Хвостова (и Давыдова)» (в японской традиции – «Российское вторжение годов Бунка») не могли не остаться без внимания и в итоге привели к захвату научной экспедиции во главе с Головниным. Инцидент удалось разрешить с помощью Петра Ивановича Рикорда и японского купца Такадая Кахэя. Они вместе разработали план по спасению, пока сам Головнин и его команда успешно сблизились с японцами, что не могло не повлиять на дальнейшее отношение к русским. Даже реакционеры-ксенофобы вроде Мамия Риндзо с речами об изгнании иностранцев встречались недопониманием со стороны соотечественников.

Миссия Евфимия Путятина считается самой успешной как по результатам, так и по методу переговоров – он не стал идти на уступки в мелочах и действовал решительно, что вызвало уважение с японской стороны. Успех выражался в двух договорах – Симодском и Эдосском трактате об установлении дипломатических отношений, торговле и создании ЯПЦ. Учитывая, что Россия была одной из держав, заключившей с Японией «неравноправный договор», можно сказать, что в глаза Японии Россия выглядела как грозная держава, играющая на Востоке по своим правилам.

Мнение о России кардинально перевернулось во время реставрации Мейдзи и первым шагом к этому стала организация миссии Ивакуры, по значимости и задачам сопоставимая с великим посольством Петра 1. Один из челнов мисси Кидо Такаёси вёл дневник, в котором писал и о России, а именно об изготовлении монет, военной и флотской промышленности, Министерстве иностранных дел, искусстве и культуре [6, с. 304-314]. Такаёси поразила как беднота русских деревень по дороге в Петербург, так и существование Воспитательного дома для незаконнорождённых детей, сирот и бедняков.

Увиденное в России сместило её в глазах Японии с «угрозы номер один» на место страны с большими необжитыми и богатыми территориями на востоке, которые осваиваются каторжниками и управляются взяточниками. Отказ от Аляски воспринимался как неспособность эффективно управлять территориями, далёкими от столицы, однако армия воспринималась как сильная [7, с. 238-255].

Радикалы в лице премьер-министра Ямагата Аритомо выпустили меморандум 1981 года, в котором Россия вновь обличалась одной из главных угроз Японии [8, с. 157], а после удачной первой японо-китайской войны японское правительство обрело уверенность в отношениях с Россией. Так, Кумэ Кунитакэ высказался, что следующим военным противником Японии станет Россия, аргументируя успех конфликта тем, что «Япония просто привыкла считать Россию великой страной».

Межгосударственные отношения накалялись, потому что Россия была главным инициатором сдерживания Японии в регионе. На ухудшение отношений повлияли «тройственная интервенция» со стороны России, а также заключение с Китаем сначала Айгунскиого договор о союзе против Японии[1], а затем Русско-Китайской конвенции 1898 года о передаче Порт-Артура[2], который Япония хотела получить ещё по итогам заключения Симоносекского договора[3]. Сильное влияние России было и в Корее, которая считалась «мечом, направленной в

[1] Союзный договор между Россией и Китаем. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 292-294.

[2] Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 309-312.

[3] Договоръ о мирѣ, заключенный Японіею и Китаемъ въ Симоносеки (Баканъ) 17 (5) Апрѣля 1895 года. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока, СПб.: Тип. А.М. Менделевича, 1906. С. 1-13.

сторону Японии». Эти факторы переместили Россию на место «естественного врага» в глаза Японии.

Что касается начала 20 века, то отношение к России было неоднозначным. Из негативных можно выделить, во-первых, Русско-Японскую войну, где с одной стороны русских изображали как трусливых и неумелых военных на плакатах, а с другой стороны солдаты восхищались героизмом таких же русских солдат. Во-вторых, негативным фактором является вновь изменённый взгляд на Россию после Портсмутского мира – как на страну, которая пытается сохранить хоть какие-то позиции в регионе.

Поэтому японцы в долгосрочной политике начали вести себя как хозяева положения. Так, во время первой мировой войны Япония заключила союз с Россией и начала поставку вооружения, которого поставляла недостаточно [2, с. 338], в обмен на серьёзные экономические уступки. Более того, Япония планировала превратить Россию в рынок сбыта после ухода оттуда Германии, а ресурсы японцами грабительски выкачивались. После февральской революции Япония вторглась в Россию не без цели о создании подконтрольной зоны и вывела войска самая последняя.

Были и положительные моменты. Так, во время осады посольского квартала в Пекине в 1900 году единственными фактическими союзниками России во время этих событий были только японцы [9, с. 428-431]. Японский барон Одзима Кэнъити весьма положительно отозвался о работе российской комиссии по демаркации границы на Сахалине после русско-японской войны [10], а после работы пригласил членов комиссии в Токио, на аудиенцию к Мейдзи [11, с. 33-34].

В области искусства японская интеллигенция стала проникаться произведениями русских писателей, университет Васэда (один из лучших в Японии) открыл отделение русского языка и литературы, а среди некоторых интеллектуалов возникло движение толстовства [2, сс. 324-325]. Оно было достаточно обширным: издавались такие журналы как「トルストイ研究」 (Торусутой Кэнкю:) и「白樺」(Сиракаба), посвящённые Толстому и его идеям.

Промежуток в 10 лет с 1922 (окончание интервенции) по 1932 (окончание Мукденского инцидента) года можно назвать затишьем в русско-японских отношениях. В течение этих лет крупных военных провокаций или каких-либо угроз со стороны Японии не наблюдалось. Тем не менее, Япония использовала «мягкую силу» чтобы влиять на советских граждан. Так, например, бежавшими белогвардейцами велось вещание из Харбина и Чанчуна – с территории Манчжурии и с технической поддержкой Японии [12, с. 23-24].

В конце 20х годов из премьер-министров выделялся Танака Гиити, который проводил «позитивную и активную» внешнюю политику. Она заключалась в агрессии в отношении Китая, Манчжурии и Монголии. Апогеем преобладания подобных идей стало проведение Восточной Конференции, где подтвердились эти планы. Сам Танака стремился не воевать с СССР, а налаживать отношения, т.к. «активная» политика была направлена преимущественно в отношении Китая, а для этого нужно было быть в хороших отношениях с СССР [13, с. 76-77].

Последний «партийный» премьер-министр был застрелен правыми радикалами, которые смотрели на весь мир, в том числе и на СССР, с точки зрения военной экспансии. Когда власть перешла к военным в кабинете уже не было споров о том нападать или нет, а лишь о том, куда нападать сначала. От нападения СССР спасло лишь то, что он победил японские войска при Халхин-голе и о. Хасан. Из-за неудач сторонники войны с СССР отошли на второй план, однако Япония смотрела на СССР как на своего противника. Был разработан план «спелой хурмы», по которому СССР, словно спелая хурма, сам упадёт в руки Японии после поражения на западном фронте. Но битва под Сталинградом спасла СССР от вторжения с востока.

После окончания второй мировой войны, Япония уже не могла претендовать на крупные территориальные приобретения в Восточной Азии и Сибири, следовательно не могла рассматривать СССР в качестве цели для экспансии. Однако, весь период холодной войны, перестройки и современности посвящён искусственному вопросу о принадлежности Южной Курильской гряды и Южного Сахалина.

Правящие круги Японии поделились на два лагеря в своём восприятии СССР. Первый лагерь – это те, кто воспринимали СССР как страну с военным и промышленным потенциалом сталинских лет, а второй лагерь воспринимал СССР как страну, по крайней мере вторую в мире по своей мощи, лидера социалистического блока, члена Совбеза ООН и одного из обладателей атомного оружия [14, с. 375].

Роль обычных японцев в установлении и налаживании советско-японских отношений также была немалой. Так, например, владельцы компаний по ловли рыбы напрямую пытались урегулировать отношения с СССР в своей области, включались в компании по налаживанию отношений, а всеяпонский съезд рыбаков (~1 млн. человек) потребовал от правительства заключения рыболовной конвенции с СССР [14, с. 376].

С уходом старых политиков и нарастание экономической потребности в заключении договоров с СССР, отношение Японии к СССР эволюционирует от этапа противостояния двух описанных выше лагерей к этапу сотрудничества и понимания СССР как одного из ключевых факторов японской безопасности. Более гибкая политика в отношении СССР начинает проявляться именно в годы нарастания противоречий между США и Японией и нежеланием последней отказываться от собственных национальных интересов. Как следствие, консервативная и проамериканская часть политической элиты была вынуждена отступить в пользу большинства, выступающего за развитие отношений с СССР [15, с.214].

Мы рассмотрели всю историю восприятия Японией России с 18 века по конец 20 века. Учитывая всё сказанной можно выделить несколько групп факторов, которые влияют на восприятие Японией России: Японские, Российские и внешние. К японским факторам относится прежде всего правящая элита и состояние экономики. К российским факторам можно отнести действия России в зоне интересов Японии, дипломатическое поведение, возможность оказать силовое воздействие, мощность экономики и культуры. К внешним факторам относятся,

прежде всего, влияние США и проамериканских государств в АТР, обстановка на Корейском полуострове, в Китае и Монголии.

Библиографический список

1. Синтаро Накамура. Японцы и русские: из истории контактов : монография. М.: Прогресс, 1983.
2. Кутаков Л.Н. Россия и Япония : монография. М.: Наука, 1988.
3. Военский К.А. Русское посольство в Японию в начале XIX века // Русская старина. 1895. №10. С. 201-235.
4. Э.Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. : монография. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
5. Хисамутдинов А.А. Русская Япония : монография. М.: Вече, 2010.
6. The Diary of Kido Takayoshi. Vol. 2: 1871–1874. Tokyo: University of Tokyo Press, 1985.
7. Ковальчук М. К. Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя // Япония. 2003. 2002-2003. С. 238-255.
8. Hackett R.F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838-1922. Harvard University Press, 1971.
9. Янчевецкий Д. Г. У стен недвижного Китая : монография. СПб.-Порт-Артур: издание П. А. Артемьева, 1903.
10. К.Одзима. Установление границы на Карафуто // Сахалинский исторический журнал. 1908. №1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakhalin.ru/Region/HistoricalJornal/abroad.htm (Дата обращения: 08.11.2022).
11. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству российско-японские отношения в 1905-1914 гг. : монография. М.-Хабаровск: Изд-во института востоковедения РАН, 2008.
12. Исаев А.А. Радиоинтервенция Японии как средство политико-информационного воздействия на население приграничных районов Дальнего Востока в 1930-е гг. // Манускрипт. 2018. № 8. С. 22-26.
13. Досовицкая В.В. Радикализация политики Японии периода Сёва накануне Манчжурского Инцидента 1931 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. №4. С. 75-81.
14. Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий : монография. М.: Вече, 2010.
15. Петров Д.В. Япония в мировой политике : монография. М.: Международные. отношения, 1973.

УДК 342.5

«ПЛАН МАРШАЛЛА» КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЫХ АСПЕКТОВ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕГО XX И XXI ВЕКА

Искужин Ильназ Ильфатович
студент Института права УУНиТ
Зарипов Тимур Расимович
студент Института права УУНиТ
Зарипов Ратмир Расимович
студент Института права УУНиТ
Научный руководитель: Латыпова Наталия Сергеевна
доцент кафедры теории государства и
праваИнститута права УУНиТ

Аннотация: Актуальной проблемой и по сей день остается влияние Соединенных штатов на мировую геополитику, которая заключается в подчинение США тех или иных стран путем экономического, политического давления. Выдача огромных денежных средств под предлогом безвозмездности, но при этом в дальнейшем требуя за это выполнение определенных действий непосредственно в пользу Соединенных штатов Америки.

Ключевые слова: «план Маршалла», США, Украина, «Ленд-лиз», НАТО, СССР.

Анализируя внешнюю политику США периода XX века, у простого обывателя возникают сразу же несколько ассоциаций, первой такой является милитаризм вооруженных сил США и его экспансивная политика, направленная на навязывание своих геополитических интересов во всем мире; вторым может быть экономическое давление США на те или иные страны путем эмбарго, и введение экономических санкций; третьим же может выступать попытка «обелить» политику Соединенных Штатов приводя в пример программу «Ленд-лиза», и «план Маршалла», аргументируя это тем, что данная политика носила, в первом случае некий безвозмездный характер, такое мнение сложилось на основе общих принципах о программе «Ленд-лиз», которые были разработаны правительством США в тот период времени [1, с. 49]; во втором же случае существует миф о неком бескорыстном вкладе в возрождение экономики Европы, включая бывших противников.

Но давайте все-таки разберемся, что на самом деле представлял собой «план Маршалла». После окончания самой разрушительной войны в мире, Соединенным Штатам удалось избежать серьезных потерь, в том числе на собственной территории, в отличие от ряда других стран участниц Второй мировой войны. Именно в этот момент перед США открылась возможность достижения мирового господства. Единственным кто мог этому препятствовать являлся СССР, который благодаря победе над Нацистской Германией смог заработать

себе репутацию страны-освободителя от нацистской агрессии. Именно это и стало причинной разработки и реализации «плана Маршалла», целью которого, являлся передел Европы в соответствии с планами США, включавшими:

1) Распространение капиталистических идеалов для противодействие сильному росту послевоенных стремлений к социализму, увеличение политического влияния США на стран-участниц плана [4, с. 354].

2) Открытие рынков для создания спроса на продукцию американских компаний, что прямым образом выражало интересы правящего круга США.

3) Продвижение идеи создания общего рынка, в свою очередь, это и стало предтечей создания Евросоюза, а также НАТО как неотъемлемых элементов западноевропейских блока для противодействия мнимой советской угрозе.

4) Подавление левых движений во всей Западной Европе, исключение и недопущение в правительства стран участниц плана левых кандидатов на выборы [2, с.22]; [3, с. 42-43].

5) Продвижение и победа на выборах правых партий и кандидатов, независимо от их прошлого [3, с. 42].

Примером такой страны над правительством которой США удалось создать собственную марионетку является Франция. В 1946 году СССР предложил гуманитарную помощь в размере 200 тыс. тонн пшеницы не выдвигая никаких политических требований французскому правительству, в отличие от «плана Маршалла». Соединенные Штаты отреагировали на данное обстоятельство моментально и увеличили поставки гуманитарной помощи, которая в свою очередь поставлялась еще до принятия и включения в «план Маршалла» Франции. Как итог, к 1947 году были удалены или покинули французское правительство все министры так или иначе сочувствующие СССР [6, с. 48].

Также стоит отметить то, что «план Маршалла» вводил определенные ограничения в виде налоговых и прочих экономических требований, что в какой-то степени позволило США практически вернуть страны Западной Европы к модели американского капитализма. По своей сути у Соединенных Штатов было не только право контролировать распределение средств самого плана восстановления по отраслям, но и утверждать расходование данных сумм, как в местной, так и в иностранной валюте. При этом подобное выделение средств по инициативе Президента явно нарушало основополагающие начала американской конституции [10].

Как не трудно догадаться Соединенным Штаты получили от этого выгоду, и довольно большую, так значительная часть средств «плана Маршалла» вернулась обратно США или же вовсе они не покинули страну, ввиду того, что в самом плане участвовали немалое количество американских компаний, которым в свою очередь непосредственно выдавались деньги на закупка своих же товаров, сырья и технологий [2, с. 23]. Подтверждением этому может служить заявление агентства США по международному развитию 1999 года: «Основными бенефициарами программ зарубежной помощи Америки всегда были Соединенные Штаты» [7]. Собственно говоря, это и показывает основную суть «плана Маршалла», которая представляет экономическую операцию между правительствами и частными компаниями США, но никак не американскую

«безвозмездную помощь». Подобные примеры в американской истории преобладания экономического империализма в международной политике не раз отмечались отечественными историками [11].

Схожие меры находили свое развитие и в других странах, таких как, к примеру, Южная Корея в 1940-годах, где без согласования с американской стороной юг полуострова контролировался левым правительством и левыми организациями, претендовавшими на свою исключительную легитимность в качестве национальной администрации. Данные обстоятельства никак не могли быть выгодны США, именно поэтому они пошли на поддержку и финансирование консервативного блока во главе с Ли Сын Маном, которому в итоге удалось одержать победу [5, с. 86]. В дальнейшем президентом Республики Корея будет подписан и передан на утверждение в парламент Закон о государственной безопасности, ставший важной ступенью в подготовке целого ряда нормативно-правовых актов, которые лягут в основу «антикоммунистического законодательства» которые в полной мере существует и по сей день, платой за все это является поддержка США Республике Корея в Корейской войне 1950-1953, и послевоенное восстановление и становление «южнокорейского экономического чуда» за счет США [5, с. 90-91].

В XXI веке американская экспансивная политика проявляет себя в расширении НАТО на Восток, финансировании и поддержании различных политических режимов недружественных Российской Федерации.

На данный момент мы видим, как США поддерживают неонацистский режим, оказывая как финансовую поддержку, так и выделяя деньги на безопасность, предоставляя помощь в виде огромных сумм денег на закупку вооружения, они тем самым проворачивают ту же схему, что была свойственна «плану Маршалла». Основные закупки вооружения происходят в Соединенных Штатах, что способствует наращиванию спроса на продукцию американского военно-промышленного комплекса, что прямым образом выражает интересы правящего круга США, а точнее оружейного лобби, так согласно базе данных Кильского института экономики общий объем американской помощи составил более 50 млрд. евро [8].

На сегодняшний день в западной прессе и с украинской стороны стали слышны призывы о начале нового «плана Маршалла» для Украины. Стоит отметить то, что с момента распада СССР, Украине было выделено более 45 млрд. долларов, но при этом по ряду показателей ей не удалось достигнуть высоких показателей. В целом, даже если данный план будет реализован, для сегодняшних спонсоров в лице США, стран НАТО и ЕС будет непросто увидеть те же преобразующие эффекты, которые были достигнуты после Второй мировой войны, по-сути не будет того же подъема промышленного производства, который был свойственен странам участницам «плана Маршалла» тех лет [9]. Объем средств, который должен быть выделен по-новому «плану Маршалла» будет превышать старый в несколько раз. Однако это всего лишь американский контингент помощи, который присоединится к меньшей помощи ЕС, направляемой Киевской неонацистскому режиму. Стоит сразу отметить, что эта помощь на восстановление инфраструктуры только на данный момент, сможет ли США и ее

союзники вынести большую выгоду от нового «плана Маршалла» остается под вопросом.

Таким образом, на данный момент мы видим, что даже при смене правящей верхушки США на протяжении долгого периода, основная суть внешней политики не меняется.

Библиографический список

1. Бутенина Н. В. Ленд-лиз: сделка века. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 312 с.

2. Блум У. Смертоносный экспорт Америки – демократия. Правда о внешней политике США и многом другом/ Пер. с англ. под ред. Е. Логинова. М.: Кучково поле, 2014. 272 с.

3.Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны / Пер. с англ. под рук. А. Чернова и Е. Логинова; редактор перевода В. Крашенинникова. М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2013. 704 с.

4. Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. Издательство: Наука, 2009. 500 с.

5. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Республике Корея в период VI Республики. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2003. 447 с. [Электронный ресурс]. URL: https://litgu.ru/knigi/ history/423599-razvitie-demokraticheskogo-processa-v-juzhnoj-koree-v-period-vi-respubliki.html(дата обращения: 25.11.2022).

6. Демин Д.В. План Маршалла в контексте «мягкой силы» // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10. С. 47-48. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/plan-marshalla-v-kontekste-myagkoy-sily?ysclid=la7txl7hcc49737238(дата обращения: 25.11.2022).

7. US Agensy for International Development, Direct Economic Benefitis of U.S. Assistance Programs, 1999.URL:https://www.usaid.gov/who-we-are/usaid-history(дата обращения: 25.11.2022).

8. TrebeschC., WarlimontG. Ukraine Support Tracker: US significantly expands support, Europe lags behind // News of Kiel Institute, 11.10.2022 [Электронныйресурс]. URL: https://www.ifw-kiel.de/publications/media-information/2022/ukraine-support-tracker-us-significantly-expands-support-europe-lags-behind/ (дата обращения: 25.11.2022).

9. Deighton A. A Maeshall plan for Ukraine? // University of Oxford, June 23, 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://blog.politics.ox.ac.uk/a-marshall-plan-for-ukraine/(дата обращения: 25.11.2022).

10. Латыпова Н.С. Естественные права человека в контексте XIII, XIV, XV поправок к конституции США. В сборнике: Наука молодых - будущее России сборник научных статей 3-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 6 томах. 2018. С. 221-224.

11. Право и экономика: национальные интересы и глобальные тренды / Г. М. Азнагулова, Н. С. Латыпова, К. Б. Толкачев [и др.]. Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2021. 232 с.

УДК 341.161

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕАЭС В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ

Мартынова Вера Владимировна
студентка ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Беларусь
vera.martynova.01@list.ru
Научный руководитель:
Габец Наталья Сергеевна
Старший преподаватель кафедры международного права
ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Беларусь

Регулирование энергетики представляет собой область хозяйственно-экономической деятельности человека, охватывающую торговую и таможенную сферу. Целью статьи является анализ международного сотрудничества таможенных органов стран-участниц Евразийского экономического союза в области энергетики и выработка рекомендаций по усовершенствованию такого взаимодействия.Актуальность выбранной темы заключается в необходимости развития деятельности таможенных органов стран-участниц ЕАЭС в данной сфере. Исследование позволило выявить основные направления и перспективы международного сотрудничества, а также проблемы такого взаимодействия и меры по их устранению.

Ключевые слова: международное сотрудничество; таможенные органы; энергетический сектор; энергетические ресурсы; Евразийский экономический союз; Европейский союз.

Энергетика является одним из ключевых направлений интеграции для стран-участниц Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Рентабельность управления энергетическим сектором на международном уровне напрямую зависит от реализации национальной энергетической политики.

Современная энергетическая структура расставляет ряд приоритетов в юридическом и таможенном регулировании, важнейшими из которых для стран-участниц ЕАЭС выступают снижение энергоёмкости экономического сектора; обеспечение энергетической безопасности; эффективная транспортировка энергетических ресурсов в соответствии с нормами таможенного права; минимизация экологического вреда при перемещении энергоносителей; развитие новаторских технологий и увеличение производства возобновляемых видов энергии.

Основными направлениями сотрудничества государств–участниц ЕАЭС в сфере энергетики являются:

- развитие долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики;
- проведение скоординированной энергетической политики;
- осуществление поэтапного формирования общих рынков энергетических ресурсов с учётом обеспечения энергетической безопасности [1, с. 152].

Одной из проблем, осложняющей процесс осуществления единогорегулирования энергетической системой ЕАЭС, является неравномерный запас энергоресурсов в странах-участницах Союза, а также непохожая нормативно-правовая база, регламентирующая сферу энергетики и ресурсораспределения на национальном уровне.

С точки зрения ресурсной достаточности ЕАЭС обладает примерно 8% мировых запасов нефти, 1/5 общемировых запасов природного газа, более 17% мировых запасов угля, а производство электроэнергии составляет почти 5% от мировых показателей. Большая часть топливно-энергетических ресурсов сосредоточена на территории Российской Федерации. Значительными запасами нефти, газа, угля также обладает Казахстан. Небольшими запасами углеводородных ресурсов также располагают Республика Беларусь и Киргизия. В Республике Армении почти полностью отсутствуют разведанные запасы топливно-энергетических ресурсов [2, с. 100].

Исходя из отличий в энергетических показателях стран-участниц ЕАЭС, для удовлетворения общественных и национальных потребностей широко используется импорт энергоресурсов с территорий смежных государств. В зависимости от вида поставляемой энергии, выделяют два основных способа перемещения: по линиям электропередачи и трубопроводным транспортом.

Транспортировка электроэнергии осуществляется посредством электрических сетей – магистральных, электрических и распределительных. Они связаны между собой соответствующими подстанциями, которые, в свою очередь, понижают уровень напряжения.

Тепловая энергия транспортируется с помощью трубопроводного транспорта. Тепловая сеть является соединением участков трубопроводов, благодаря которой энергия перемещается от источников к потребителям. Для осуществления успешной транспортировки особое внимание уделяется качеству стального трубопровода, его монтажной конструкции, а также системе изоляции по защите трубопроводного транспорта от коррозии и утраты тепла.

В результате естественного отбора инноваций в области трубопроводного транспорта выделяется ряд характерных базовых технологий-долгожителей, которые являются «визитной карточкой» отрасли: ручная дуговая сварка, перекачка жидкости и газа под давлением, применение центробежных насосов и нагнетателей [3, с. 91].

Особенности порядка и условия перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров, перемещаемых трубопроводным транспортом или по линиям электропередачи, регулируются 41 главой Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [4].

Ввоз товаров, перемещаемых трубопроводным транспортом, допускается после их помещения под таможенные процедуры, либо после их таможенного декларирования. Вывоз допускается после их помещения под таможенные процедуры, предусмотренные Таможенным кодексом Евразийского экономического союза. При подаче таможенной декларации предъявление товаров, перемещаемых трубопроводным транспортом, таможенному органу не требуется. Количество и качество таких товаров определяются на основании показаний приборов учета товаров. Аналогичные особенности ввоза (вывоза) на таможенную территорию ЕАЭС и их декларирования предусмотрены в отношении товаров, перемещаемых по линиям электропередачи.

При этом особое внимание таможенных органов стран-участниц Союза уделяется проведению санитарного, эпидемиологического и радиационного контроля. Такие меры позволяют уменьшить негативное влияние на окружающую среду при перемещении энергетических ресурсов. В первую очередь такая практика важна при обороте ядерных материалов и радиоактивных веществ.

Большинство таможенных органов ЕАЭС применяют систему таможенного контроля делящихся и радиоактивных материалов, которая включает в себя нормативно-правовое сопровождение и материально-техническое обеспечение. За сравнительно короткий срок российская технология таможенного контроля ДРМ получила признание как одной из самых передовых в мире [5, с. 85].

Посредством использования специальной таможенной системы радиационный контроль эффективно осуществляется с помощью стационарной автоматизированной аппаратуры всех транспортных средств, товаров и пассажиров (багажа) при их перемещении через таможенную границу с превышением естественного гамма-нейтронного фона; локализуется источник ионизирующего излучения с помощью переносных приборов до уровня транспортного средства (его отсека), упаковки (места) багажа, товара; определяется степень опасности обнаруженного источника ионизирующего излучения; идентифицируется источник ионизирующего излучения путем замера его спектральных характеристик.

Одним из перспективных направлений развития энергетики ЕАЭС, наряду с расширением взаимных отношений стран в данной области, является постоянное увеличение перечня областей их взаимодействия в сфере энергетики, которое охватывает вопросы энергосбережения, энергоэффективности, использования возобновляемых источников энергии, выработку знаний, инноваций и технологий с целью возможности создания условий повышения экологических, экономических и социальных показателей. Практически во всех государствах ЕАЭС накоплен опыт по разработке и внедрению новейших технологий «зеленой энергетики», осваивается производство соответствующего оборудования, действуют национальные программы и др.

Подобные вопросы затрагиваются в рамках программы ООН по окружающей среде (UNEP – UnitedNationsEnvironmentProgramme) «Зеленая таможня». Данная программа представляет собой международную инициативу всех стран мира, влияющую на деятельность таможенного института, путем эволюционирования их деятельности, направленной на содействие росту благосостояния и защищенности населения, устойчивой экономической системы и развитие

альтернативной энергетики. Такая инициатива реализуется в ходе деятельности инспекторов и сотрудников правоохранительного блока таможенных органов. Именно они регулируют и выявляют легальную и нелегальную международную торговлю, борются с трансграничным мошенничеством и проверяют участников внешнеэкономической деятельности на соблюдение запретов и ограничений, а также иной деятельностью [6, с. 71].

Таким образом, энергетика является одним из ключевых векторов развития Евразийского экономического союза. При этом страны-участницы Союза не только работают над поддержанием высокого уровня энергетической политики, но также применяют меры по устранению проблем в данной области. Например:

1. Основываясь на существующей законодательной базе ЕАЭС в области энергетики прослеживается проблема общих унифицированных документов. Исходя из этого возникает необходимость в гармонизации и унификации законодательства стран-участниц ЕАЭС.

2. Не все таможенные органы стран-участниц Союза обладают достаточным оснащением технических средств радиационного контроля. В связи с этим требуется усовершенствование материально-технической базы таможен для реализации эффективного контроля энергетических ресурсов, в частности ядерных материалов и радиоактивных веществ.

3. Анализ деятельности таможенных органов стран-участниц ЕАЭС резюмирует, что при всем профессионализме сотрудников таможни, достижение полной энергетической и экологической безопасности Союза не всегда приводит к желаемому результату, так как данная проблема является в большинстве своем проблемой глобального уровня. Для её решения необходимо популяризировать и применять на практике активное участие таможен ЕАЭС в различных соглашениях, программах, семинарах и конвенциях под эгидой ООН.

Из этого следует, что таможенные органы стран-участниц Евразийского экономического союза играют значимую роль в области энергетики. Несмотря на постоянно усложняющиеся реалии сегодняшнего дня, таможенное регулирование является квинтэссенцией в поддержании устойчивого уровня ядерной безопасности в ЕАЭС. Именно должностные лица таможенных органов стран-участниц Союза регулируют перемещение товаров, выявляют легальную и нелегальную международную торговлю, борются с трансграничным мошенничеством, проверяют участников внешнеэкономической деятельности на соблюдение запретов и ограничений, а также осуществляют таможенный контроль в пределах своей компетенции. Кроме того, в значительной мере осуществляется деятельность по устранению недостатков в регулировании энергетической системы ЕАЭС.

Библиографический список

1. Шенец Л. Энергоэффективность – фактор повышения энергетической безопасности // Геоэкономика энергетики. Экономика и бизнес. 2018. № 2. С. 152-156.

2. Авдалян Г.М. Перспективы сотрудничества ЕАЭС и Ирана в энергетической сфере // Инновации и инвестиции. Экономика и бизнес. 2020. №3. С. 99-104.

3.Земенков Ю.Д. Закономерности инновационно-циклического развития трубопроводного транспорта углеводородов России // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2013. № 3. С. 85-98.

4.Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 14.10.2022).

5. Борисенко А.В. Радиационный контроль на границе: спустя год после самиита по ядерной безопасности // Теория и практика таможенного дела. 2010. с. 83-101.

6. Булгакова Л.С. Международное сотрудничество таможенных органов в области обеспечения экологической безопасности государства // Гуманитарные, социально-экономическиеи общественные науки. Право. 2018. С. 70.

УДК 327

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Некрасов Антон Игоревич
Студент 4 курса
Института права Уфимского университета науки и технологий
г. Уфа, Россия
xdmemes@mail.ru
Научный руководитель:
Новикова О.И.,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия

В современных международных отношениях Шанхайская организация сотрудничества является одной из ключевых межрегиональных организаций. На площадке рассматриваются вопросы не только поддержания международного мира и безопасности, но и экономического, культурного и научного

сотрудничества. Учитывая трансформацию международного порядка, который движется к многополярному миру, отдельное внимание стоит уделить перспективам ШОС. В статье рассматриваются преимущества расширения организации в рамках безопасности, укрепление геополитического веса государств-членов и более глубокое взаимодействие стран.

Ключевые слова: Россия; ШОС;Китай; дипломатия; сотрудничество; экономика; безопасность.

На сегодняшний день Российская Федерация (РФ) противостоит множеству вызовов на международной арене. Противостоять этим проблемам призвана российская дипломатия, которая неустанно ищет пути для качественного улучшения сотрудничества с другими государствами и международными организациями. Одной из основных региональных международных организаций, в рамках которой Россия осуществляет свою деятельность, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Основанная 15 июня 2001 года в целях поддержания мира и безопасности и охраны границ, эта относительно молодая международная организация на нынешнем этапе является полноценным объединением, на площадках которого решаются вопросы самого разного характера.

На данный момент в ШОС входят 8 государств: Китай, Казахстан, Киргизия, Индия, Пакистан, Узбекистан, Таджикистан и Российская Федерация. Государства-члены взаимодействуют между собой по вопросам безопасности, энергетического партнерства, научного, экономического,культурного сотрудничества и прогресса. Важно отметить беспрецедентное число заявок на членство в ШОС: 10 государств изъявили свое желание присоединиться к организации, среди которых выделяются Сирия, Египет, Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Мьянма, Камбоджа, Непал, Азербайджан и Армения. Несомненно,ШОС вызывает все большую заинтересованность международного сообщества.»Из желающих присоединиться к ШОС выстроилась очередь», – так прокомментировал эту ситуацию министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров.[1]Также не стоит забывать о получении Ираном статуса государства-члена в нынешнем году.

Говоря о достижениях российской дипломатии в области безопасности в рамках ШОС, нельзя не упомянуть об учреждении, созданном в соответствии с Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года [2], Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в 2002 году – одного из важнейших органов Шанхайской организации сотрудничества[3]. Создание РАТС – это успех отечественной дипломатии и один из шагов к укреплению безопасности в Евроазиатском регионе. На современном этапе хотелось бы отметить инициативу России на последней сессии Совета глав государств-членов ШОС, которая состоялась 17 сентября 2021 года, – создание Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств-членов ШОС. Эта идея получила поддержку со стороны государств-членов и была оформлена в качестве инициативы в Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС [4].

Говоря же о расширении Шанхайской организации сотрудничества, то следует выделить три группы государств по их географической принадлежности: государства Ближнего Востока, государства Центральной Азии, государства постсоветского пространства.

Отдельно стоит выделить заявку на членство в организацию со стороны Мьянмы. Новое правительство, пришедшее к власти в 2021 году, все еще не признано большей частью мира. С учетом визита С.В. Лаврова в Мьянму 3 августа 2022 года в рамках «африканского турне», шансы на принятие Мьянмы в состав ШОС достаточно велики. Таким образом, вероятное вступление в международную организацию станет одним из способов получения легитимности нового правительства в обход институтов Организации Объединенных Наций (ООН) и длительной бюрократической процедуры, особенно с учетом того, что Мьянма в ООН на данный момент представлена Чжо Мо Туном – представителем свергнутого правительства. При этом, несмотря на пандемию, уровень экономической интеграции и сотрудничества продолжает расти: в 2021 году товарооборот России и Мьянмы вырос на 20%, а за первую половину 2022 года еще на 50% [5]. Помимо этогоделегация Мьянмы была представлена на Восточном экономическом форуме, где обсуждались экономические вопросы и переход к многополярному миру [6]. Значимость этого события объясняется участием правительства Мьянмы в форуме, на котором присутствуют главы дипломатических корпусов и другие высокопоставленные лица государств. Мьянма получила возможность не только для взаимодействия с другими государствами, но и попытку найти инвесторов в национальную экономику.

В случае вступления в организацию Катара, Сирии, ОАЭ, Египта и Саудовской Аравии ШОС становится организацией безопасности Ближнего Востока. Эти подходы к безопасности, несомненно, будут базироваться на имеющихся документах Шанхайской организации сотрудничества, то есть учитывать интересы России и Китая. Также важным фактором является углубление экономического сотрудничества: Катар, ОАЭ и Саудовская Аравия являются членами Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и богаты природными ресурсами, однако несколько отстают в технологической сфере. Взаимодействие с Китаем особенно важно для их экономического роста: Пекин всегда будет нуждаться в сырье и энергоносителях, предлагая взамен доступ к части своих технологий.

Государства Центральной Азии, на наш взгляд, присоединяются к организации вполне закономерно: Камбоджа, Непал и Мьянма являются странами с высоким влиянием Китая на их территории. Таким образом, вступление этих государств является своего рода еще одним гарантом безопасности границ Китая и усилением влияния организации в Центральной Азии. Для России это ознаменует возможное углубление сотрудничества и приобретение новых «коллег» по безопасности.

Интересным является присоединение к организации Армении и Азербайджана. Азербайджан, в отличие от Армении, не входит в состав Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), и его включение в состав ШОС является, на наш взгляд, основным приоритетом для укрепления безопасности

Российской Федерации. Еще одним преимуществом для безопасности России станет возможность использования ШОС как площадки-регулятора конфликта в Карабахе, что отвечает интересам России и транзитным интересам КНР. Также это будет выгодно для повышения присутствия РФ в РАТС ШОС, в том числе и через лояльные государства, которыми являются Армения и Азербайджан.

Таким образом, в результате изучения перспектив расширения организации и оценки присоединения к организации государств отдельных регионов мы можем сделать следующие выводы:

1. Россия и Китайисторически являютсяосновой ШОС, дипломатия государств активно и успешно работает в направлении расширения военно-политического влияния Шанхайской организации в регионах Евразии, Африки и Ближнего Востока.

2. Решение сразу 10 государств повысить свой статус в ШОС или стать партнерами по диалогу являет собой смену их направлений сотрудничества с Западного мира на «большую двойку» Россия – Китай и отказ от доминирования атлантического центра и его подходов к решению вопросов безопасности, особенно с учетом достаточно провокационной новой концепции Организации Североатлантического договора (НАТО).

3. С вступлением Ирана в состав организации в сентябре этого года организация перестает быть исключительно региональной, а перерастает в общеевразийскую структуру.

4. ШОС берет на себя ответственность повопросам безопасности в рамках китайского проекта «Один пояс – один путь».

Подводя итоги, мы можем отметить, что количественное расширение Шанхайской организации сотрудничества в результате приведет к качественному улучшению организации, увеличению ее роли на современной геополитической арене и станет толчком для углубления международных отношений на евразийском пространстве. Для Российской Федерации это улучшение будет означать еще большее укрепление международных связей, новые решения в рамках безопасности и появление новых партнеров по диалогу на площадке ШОС. Мы полагаем, что в будущем ШОС можно будет противопоставить НАТО как еще одну организацию коллективной межрегиональной безопасности.

Библиографический список

1. Шире друг: к ШОС хотят присоединиться еще 10 стран // Официальный информационный портал «Известия» [Электронный ресурс].URL: https://iz.ru/1374369/elnar-bainazarov-nataliia-portiakova/shire-drug-k-shos-khotiat-prisoedinitsia-eshche-desiat-stran (дата обращения: 08.09.2022).

2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Принята в г. Шанхай 15 июня 2001 г. // Официальный интернет-портал Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405 (дата обращения: 08.09.2022).

3.Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. Принято в

г. Санкт-Петербург 6 июня 2002 г. // Официальный интернет-портал Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3864(дата обращения: 08.09.2022).

4. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС. Принята в г. Душанбе 17 сентября 2021 г. // Официальный интернет-портал Администрации Президента России [Электронный ресурс]. URL:http://www.kremlin.ru/supplement/5699(дата обращения: 08.09.2022).

5. Всем «Мир»: о чем Лавров договорился в Мьянме// Официальный информационный портал «Известия» [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1374136/mariia-vasileva/vsem-mir-o-chem-lavrov-dogovorilsia-v-mianme (дата обращения: 08.09.2022).

6. Делегация Республики Союз Мьянма примет участие в Восточном экономическом форуме// Официальный интернет-портал Восточного экономического форума [Электронный ресурс]. URL: https://forumvostok.ru/news/ delegatsija-respubliki-sojuz-mjanma-primet-uchastie-v-vostochnom-ekonomicheskom-forume-2022/(дата обращения: 08.09.2022).

УДК 341

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Пирогова Елена Сергеевна
студентка Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
pirogova_es@mail.ru
Научный руководитель:
Нигматуллин Ришат Вахидович
заведующий кафедрой международного права и
международных отношений Института права УУНиТ, д.ю.н, профессор
г. Уфа, Россия

На сегодняшний день актуальным остается вопрос формы и методы борьбы с терроризмом. Принимая во внимание тот факт, что в связи с глобализацией эта угроза стала мировой, направления ликвидации террористических атак также должны меняться и совершенствоваться. В своей работе мы рассмотрели основные формы сотрудничества стран, их законодательное закрепление и уровни реализации. С такой угрозой невозможно справиться одноразовыми методами и решениями, поэтому необходима долгосрочная, скоординированная стратегия всего мирового сообщества. В настоящее время сформировалась идея создания широкого международного сотрудничества по контролю и борьбе с терроризмом.

Ключевые слова: международное сотрудничество в борьбе с терроризмом; Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных

Наций; универсальные организации; региональное сотрудничество; механизмыя защиты от терроризма; формы взаимодействия государств для противостояния терроризму.

Международное сотрудничество – это совместная деятельность субъектов в сфере взаимных интересов. В данном случаемы считаем, что одной из важнейших задач, которая стоит перед мировым сообществом в сфере борьбы с терроризмом, является создание эффективной правовой базы, содержащей единые нормы, регулирующие предотвращение, пресечение и ликвидацию всех форм международного терроризма, взаимодействие и сотрудничество государств в борьбе с ним.

Как справедливо утверждает Нигматуллин Р.В., терроризма – это комплексное явление, включающее в себя множество видов противоправных деяний [1, с. 27]. В связи с этим, универсальные конвенции принимались как реакция государств-членов ООН на то или иное преступление террористического характера. Международно-правовыми нормами по борьбе с терроризмом являются многосторонние конвенции о борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера, а также за период с 1963 года международное сообщество разработало 19 международных соглашений [2], направленных на предотвращение террористических нападений, договоры, регулирующие деятельность соответствующих международных организаций [3, с. 95].

В зависимости от содержания и круга вопросов международного сотрудничества в борьбе с преступностью Цепелев В.Ф. выделяет его направления:

– «договорно-правовую координацию усилий государств в борьбе с преступлениями, затрагивающими интересы всего мирового сообщества, многих или нескольких государств;

– правоприменительную и организационную деятельность компетентных международных организаций и соответствующих внутригосударственных органов в борьбе с такими преступлениями;

– научно-информационное обеспечение этой деятельности;

– материально-техническую помощь нуждающимся государствам для обеспечения эффективной борьбы с преступностью» [4, с. 69]. В последние десятилетия терроризм приобрел небывалый размах. Аль-Каида, ИГИЛ и другие террористические организации стали создавать реальную угрозу суверенным государствам. Серьезной проблемой для международного сообщества является прогрессирующее распространение терроризма по странам и регионам [5, с. 18].

Подчеркнем, что реализация сотрудничества государства в борьбе с терроризмом осуществляется как на универсальном уровне (посредством работы Организации Объединенных Наций), так и на региональном уровне (в рамках международных региональных организаций). Региональные инструменты могут быть полезны при судебном сотрудничестве в борьбе с терроризмом. Однако нужно учитывать то, что данные инструменты борьбы часто имеют ограниченную географическую группу государств-участников, поэтому они могут использоваться в качестве правовой основы для сотрудничества между государствами только в тех случаях, когда соответствующие государства принадлежат к одному

региональному сообществу.Однако после широкого признания того, что ни одно государство или даже группа государств не может противостоять терроризму в одиночку, усилия государств часто дополнялись хорошо налаженным двусторонним и региональным сотрудничеством. В то же время, учитывая зачастую межрегиональный характер террористической угрозы, необходимы механизмы эффективного сотрудничества на глобальном уровне. С этой целью Организация Объединенных Наций в силу своей универсальности и легитимности призвана выполнять важную дополняющую роль. Тем не менее, несмотря на то, что терроризм давно фигурирует в повестке дня ООН, коллективный ответ зачастую задерживается из-за разногласий между государствами-членами ООН относительно природы терроризма и соответствующих ответных мер со стороны многосторонних организаций. Более того, усилиям ООН препятствуют громоздкие институциональные механизмы, непоследовательная политическая поддержка и недостаточное понимание общественностью роли и преимуществ ООН в борьбе с терроризмом.

На сегодняшний день базой правовых мер по борьбе с пресечением международного терроризма является ООН. Отметим, что в резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН были отражены методы борьбы с данной международной угрозой. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций (A/RES/60/288) является основополагающим инструментом в борьбе с терроризмом. Страны определили общий и стратегический подход в противостоянии данному мировому злу, что нашло выражение в данной Стратегии, в частности: «…постановляем принять следующие меры, направленные на устранение условий, способствующих распространению терроризма, включая, однако не ограничиваясь, затянувшиеся неурегулированные конфликты, дегуманизацию жертв терроризма во всех его формах и проявлениях, отсутствие правопорядка и нарушение прав человека, этническую, национальную и религиозную дискриминацию, политическую изоляцию, социально-экономическую маргинализацию и отсутствие благого правления…» [6].

С годами международное сотрудничество и соответствующие согласованные подходы между государствами постепенно привели к международным документам и договорам, касающимся противодействию и распространению наркотических средств, транснациональной организованной преступности, терроризма, которые придерживаются почти повсеместно. Они предлагают сторонам правовую основу для сотрудничества судебных и правоохранительных органов в вопросах выдачи, взаимной правовой помощи, возвращения активов и совместных расследований. Однако слабые институты верховенства закона и социально-экономическая уязвимость создают возможности для преступной деятельности.

Важно понимать, что отдельные страны добились больших успехов в противодействии терроризму, но успех измеряется относительными величинами. В то время как одни страны могут потратить миллиарды долларов на борьбу с терроризмом, другие с трудом могут принять даже базовые меры, необходимые для защиты своих границ и привлечения террористов к ответственности. Когда значительная часть населения страны живет в бедности, неудивительно, что они

вкладывают ограниченные ресурсы в развитие, а не на борьбу с терроризмом. Именно поэтому так важно поддерживать международное сотрудничество и постоянную связь с государствами.

Также добавим, что существует также мнение о том, что решение вопроса противодействия терроризма возможно только при условии глобального международного сотрудничества. При этом С.В. Будеева и Н.В. Дегтярева полагают: «…сотрудничество в области противодействия терроризму не должно ограничиваться лишь уровнем ООН» [7, с. 66]. Существует множество форм взаимодействия государств в рамках региональных блоков.Это конференции, совместные учения специальных антитеррористических подразделений, проведение скоординированных антитеррористическихмероприятий, совещания, что позволяет государствамиспользовать передовые практики, наработанные в последние годы. Примером такого подхода является деятельность АТЦ СНГ, который в марте 2022 года провел XV Совещание руководителей (начальников штабов) национальных антитеррористических центров государств – участников СНГ на тему: «Контртеррористическое сотрудничество государств Содружества в условиях меняющейся международной обстановки» [8, с. 181].

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что современный мир характеризуется многообразием форм и направлений международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, что позволяет сделать вывод о сложившейся многоуровневой системе противодействия глобальной террористической угрозе. Добавим, что противодействие постоянно меняющемуся характеру террористических угроз требует укрепления международного, регионального, субрегионального и двустороннего сотрудничества. Ни одно государство-член не может бороться с терроризмом в одиночку. Препятствия на пути международного сотрудничества продолжают существовать, хотя оно имеет решающее значение для борьбы со всеми формами транснациональной преступности, включая терроризм и новые и возникающие формы преступности. Практические проблемы включают различия в законодательстве или стандартах уголовного правосудия, недостаточное знание применимых договоров и преобладающую практику в отношении национальной и международной выдачи и взаимной правовой помощи. Отсутствие координации внутри государств и между ними, а также отсутствие доверия также играют определенную роль. Именно поэтому все представленные формы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом важны и должны иметь дальнейшее развитие.

Библиографический список

1. Нигматуллин, Р. В. Преступления международного характера / Р.В. Нигматуллин // Международное публичное и частное право. 2009. № 2. С. 27-31.

2. Международная правовая база Организации Объединенных Наций //Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ counterterrorism/ru/international-legal-instruments/ (дата обращения: 15.04.2021).

3. Егорова Д.В. Механизмы, направления и формы сотрудничества государств в борьбе с транснациональными преступлениями // Евразийская адвокатура. 2017. №4 (29). С. 92-97.

4. Цепелев В.Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью: автореф. дис. … д. юрид. наук. М.:, 2001. С. 65-71.

5. ООН и вызовы современного мира в XXI веке: коллективная монография / А. Х. Абашидзе, М. А. Симонова, Р. В. Нигматуллин [и др.]. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. 152 с.

6. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН(A/RES/60/288) от 8 сентября 2006 г. // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. https://undocs.org/ru/A/RES/60/288// (дата обращения: 15.04.2022).

7. Будеева С.В., Дегтярева Н.В. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 5. С. 61-77.

8. Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р., Насырова Е.В.Современные тренды в борьбе ООН с международным терроризмом // Государство и право. 2022. № 10. С. 176-183.

УДК 339.56

СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Халитов Ильдус Винерович
Аспирант Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
halitov.i@bashkortostan.ru
Научный руководитель:
Нигматуллин Ришат Вахидович
заведующий кафедрой международного права и
международных отношений
Институт права УУНиТ, д.ю.н., профессор
г. Уфа, Россия

В период становления рыночных отношений в Российской Федерации началась активная работа по развитию не только сырьевого, но и несырьевого экспорта. Основы правового регулирования этой деятельности заложены в Конституции Российской Федерации и в федеральных законах. Устойчивое положение государства на внешних рынках, поступательное развитие внешнеэкономической деятельности требует целенаправленной работы по совершенствованию нормативно-правовой базы, регулирующей внешнеэкономические связи.

Ключевые слова: экспорт, федеральный закон, внешнеэкономические связи, несырьевой экспорт, национальные проекты, международные договоры,

Российская Федерация является признанным лидером экспорта углеводородов в мире. Эта деятельность служит не только укреплению экономической мощи нашей страны. Сырьевой экспорт в купе с помощью в создании нефтяной и газовой промышленности, например, стран Ближнего Востока, способствует их процветанию и укреплению государственного суверенитета [1]. Правовое регулирование сырьевого экспорта находится на достаточно высоком уровне.Переход к рыночному типу экономики современной России снял монополию государства на осуществление внешнеэкономической деятельности и сделал возможным привлечение к ней негосударственных акторов. В этой связи важным вопросом является наличие качественной и гибкой нормативно-правовой базы в сфере внешнеэкономических связей и деятельности, которая способствовала бы налаживанию долгосрочных торгово-экономических связей с зарубежными партнерами.

Право на осуществление внешнеэкономических связей и внешнеэкономической деятельности закреплено в главном документе страны – Конституции Российской Федерации. Одним из базовых документов, в котором закреплены основные принципы внешнеторговой деятельности России является Федеральный закон Российской Федерации от 8 декабря 2003 года №164-ФЗ «Обосновах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

Так, статьей 3 указанного закона государственное регулирование внешнеторговой деятельности основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется в соответствии с указанным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного праваи международными договорами Российской Федерации.

В целях координации осуществления политики государственного регулирования внешнеторговой деятельности указанным федеральным законом предусматривается четкое разграничение полномочий между федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Учитывая стратегическую важность направления внешнеторговой деятельности основные полномочия закреплены за федеральными ведомствами. 14 направлений закреплены за федеральными органами власти. На наш взгляд важно отметить такие направления, как формирование концепции и стратегии развития внешнеторговых связей и основных принципов торговой политики России, таможенно-тарифное и нетарифное регулирования, заключение международных договоров государства в области внешнеэкономических связей, участие в деятельности международных экономических организаций и реализации решений, принятых этими организациями и другие.

К компетенции регионов России определены 6 направлений. Важно отметить полномочия субъектов России на проведение переговоров и заключение соглашений об осуществлении внешнеэкономических связей с субъектами

иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, открытие и содержание собственных представительств в иностранных государствах и осуществление формирования и реализации региональных программ внешнеторговой деятельности.

Отдельно можно выделить право субъекта России на осуществление международных и внешнеэкономических связей. Основным нормативно-правовым актом, закрепляющими и регулирующим внешнеэкономическую деятельность субъектов Российской Федерации, является Федеральный закон Российской Федерации № 4-ФЗ от 4 января 1999 года «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Документ описывает детальный алгоритм действий регионов страны по осуществлению своих полномочий и регламентирует порядок согласования документов на кооперацию в части внешнеэкономическихсвязей.

Важно отметить практику использования субъектов России своего права на продвижение торгово-экономических интересов своего региона путем создания представительств. Законодательство России о внешнеторговой деятельности позволяет создание представительств в двух формах. Путем открытия представительства в иностранных государствах в целях реализации соглашений об осуществлении внешнеэкономических связей. Либо содержание своих представителей при Торговых представительствах Российской Федерации в иностранных государствах. Существует успешная практика таких субъектов России, как Республика Башкортостан, Республика Татарстан и другие регионы, имеющие представительства зарубежом.

В меньшей степени предусмотрены полномочия органов местного самоуправления. На практике полномочия сводятся к информационномуобеспечению внешнеторговой деятельности на территории субъекта России.

В настоящее время активно используется система проектного управления и важность развития внешнеторговых связей страны обусловлена необходимостью достижения национальных целей России и закреплена в документах на самом высоком уровне. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года № 204 была поставлена задача по утверждению национальных проектов по 12 направлениям. Одно из направлений – международная кооперация и экспорт. Кроме этого, поставлена задача обеспечить достижение ключевых показателей эффективности, в том числе, двукратный рост несырьевого неэнергетического экспорта к 2024 году, а также рост экспорта услуг и отдельных отраслей экономики.

Вместе с тем, в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в целях осуществления прорывного развития Российской Федерации определены национальные цели. В рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» к 2030 году необходимо обеспечить реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 процентов по сравнению с показателем 2020 года.

Таким образом, в настоящее время развитие внешнеторговой деятельности России является одним из приоритетных направлений, которые нашли свое отражение в ключевых и директивных документах страны.

Во исполнение Указа Президента РФот 7 мая 2018 года №204 Министерством промышленности и торговли Российской Федерации разработан паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт» и 24 декабря 2018 года документ утвержден Президиумом Совета Российской Федерации при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 года №16).

Ключевые цели нацпроекта – увеличение экспорта несырьевых неэнергетических товаров, увеличение доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственной продукции и услуг в валовом внутреннем продукте страны, формирование эффективной системы разделения труда и производственной кооперации в рамках Евразийского экономического союза в целях увеличения объема торговли между государствами-членами Союза и обеспечения роста объема накопленных взаимных инвестиций.

Паспорт национального проекта включает в себя пять федеральных проектов: «Промышленный экспорт», «Экспорт продукции АПК», «Логистика международной торговли», «Экспорт услуг» и «Системные меры развития международной кооперации и экспорта». Стоит отметить, что реализация указанного национального проекта разделена на этапы.

В качестве актуального примера по совершенствованию нормативно-правовых актов в целях реализации мероприятий нацпроекта можно отметить, что-Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 218-ФЗ внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, существенно снижающие административную ответственность за нарушение требований валютного законодательства, а также другие изменения.

Необходимо отметить, что в настоящее время и в ближайшей перспективе драйвером по совершенствованию нормативно-правовой базы России в сфере внешнеэкономических связей и деятельности будут являться стратегические цели достижения показателей национальных проектов, в которых зафиксирован оцифрованный ожидаемый результат, указаны сроки исполнения, ответственные исполнители и обозначено ресурсное обеспечение. Тенденция изменения нормативно-правовой базы в сфере внешнеэкономической деятельности направлена на устранение барьеров осуществления внешнеторговой деятельности и оптимизацию процессов путем консолидации в режиме «одного окна» и цифровизации процессов.

Библиографический список

1. Нигматуллин, Р. В. Ближневосточный вектор нефтегазовой стратегии Российской Федерации / Р. В. Нигматуллин // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 18-21.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 8 декабря 2003 года №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»

// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.10.2022).

3. Федеральный закон Российской Федерации№ 4-ФЗ от 4 января 1999 года «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.10.2022).

4. Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.10.2022).

5. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.10.2022).

6. Официальный портал Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/info/35564/ (дата обращения 14.10.2022).

7. Официальный портал АО «Российский экспортный центр» [Электронный ресурс] URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/ news/ snizhena-administrativ-naya-otvetstvennost-za-narusheniya-valyutnogo-zakonodatelstva/?navNum=&page= (дата обращения: 14.10.2022).

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Шигапова Диана Ирековна
Студентка 4 курса Института права УУНиТ
Россия, г. Уфа
Научный руководитель:
Демидова Татьяна Константиновна.
к.п.н. доцент кафедры международного права и
международных отношений Института права УУНиТ
Россия, г. Уфа

В данной статье рассматриваются проблемы определения правового статуса участников вооруженного конфликта. Обращается внимание на ошибки, допущенные доктринойпри определении правого статуса участников вооруженных конфликтов и предлагаются пути разрешения данной проблемы.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, комбатанты, некомбатанты, Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г[1]., гражданские лица.

Изучив научную и философскую теорию, можно сказать, что участников вооруженных конфликтов можно разделить на две большие группы: относящиеся к вооруженным силам и не относящиеся к вооруженным силам. В свою очередь, лица, принадлежащие к вооруженным силам могут быть разделены на сражающихся и несражающихся. Этим двум группам даны свои определения: сражающиеся – комбатанты, а несражающиеся – некомбатанты [9].

Комбатант – это лицо, которое непосредственно ведет боевое действие в составе вооруженной группы против врага, наделенное личным оружием. Классификация комбатантов встречаются во многих отечественных книгах и учебных курсах по международному праву, и мнения многих авторов по этому поводу сильно расходятся. Так, Кремнев П., говорит, что «такое единодушие взглядов не совпадает только в одном аспекте – в определении правового статуса членов экипажей судов торгового флота и гражданской авиации» [6]. А. Талалаев относит лиц к числу комбатантов при условии, что «они переоборудованы в военные» [12]. И. Котляров ссылается на положение Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. и говорит о членах экипажей торговых судов. В том случае, когда комбатант оказывается в руках врага, то оно приобретает статус военнопленного [8].

[1]Женевская конвенция от 12 августа 1949 гола о защите гражданского населения во время войны. Принята 12 августа Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавший в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года.

Ученые Арцибасов И.Н и Лукашук И.И. в своей работе «Курсы международного права» к комбатантам распределили личный состав вооруженных сил, ополченцев, добровольческие отряды, личный состав организованных движений сопротивления, партизанские отряды, членов экипажей торговых судов и гражданских судов, население, которое при приближении врага носит оружие, но, если соблюдаются условия: а) открытое ношение оружие; б) соблюдаются законы и обычаи войны [2].

Некомбатант – лицо, которое состоит в вооруженной группе и выступает против врага, но не являются участниками боевых действий. В подгруппу некомбатантов входят такие лица как медицинский персонал, духовные служащие, журналисты. Эти категории лиц могут иметь при себе оружие для личной защиты, но не могут использовать его во время боевых действий в иных целых. Если же, некомбатант предпринял попытку использовать оружие в целых боевых действий, то он из категории некомбатантов переходит в группу комбатантов [1].

Такие различные мнения авторов имеют место быть по той причине, что в статье 4 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года[1] закреплен статус военнопленных: «за членами экипажей судов торгового флота, включая капитанов, лоцманов и юнг, и экипажей гражданской авиации сторон, находящихся в конфликте, которые не пользуются более льготным режимом в силу каких-либо других положений международного права» [7].

Данная формулировка,стало быть, означает, что участники Дипломатической конференции в Женеве исходили из того, что понятие «члены экипажей» охватывает только тех членов экипажей, которые в момент захвата находятся в служебное время на судне. В любое иное время (то есть, при нахождении на судне в роли пассажира) они членами экипажей не являются, и, следуя из этого, нормы Женевской конвенции от 12 августа 1949 г.[2] на них распространяться не могут [10].

Ряд ученых выделяют группу некомбатантов по признаку их вхождения в состав вооруженных сил конфликтующих государств, но при условии, что данная категория лиц не вмешивается в участие боевых действий [11].

Необходимо обратить внимание на то, что на определение «лиц, следующих за вооруженными силами» многие авторы не учли нормы ст.4 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года. Данное мнение выдвинули западные ученые, к примеру, И. Пэнсон таковыми считает лиц, «которым разрешено следовать за вооруженными силами, но которые не входят непосредственно в их состав», а именно «носильщиков (профессиональных и добровольных), поставщиков, служащих войсковых магазинов, военных корреспондентов, гражданских государственных служащих... и

[1]Женевская конвенция от 12 августа 1949 гола о защите гражданского населения во время войны. Принята 12 августа Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавший в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года.

[2]Там же.

иногда иностранных военных атташе, прикомандированных к главнокомандующему» [10].

При попадании же в плен к противнику, они тоже считаются военнопленными. Иным образом обстоит дело с медицинским и духовным персоналом [3]. В Женевской конвенции 1949 для данных категорий некомбатантов установлены иные положения, касающиеся нахождения в плену: медико-санитарный и духовный персонал даже при попадании в плен к врагу не считаются военнопленными. И здесь стоит отметить, что выделение в международном праве медико-санитарный и духовный персонал в число некомбатантов не совсем нам кажется правильным решением, правильнее было бы отнести данную категорию к числу лиц, согласно Женевской конвенции 1949 года[1], наделенных особым статусом.

Дело в том, что в нормах ст. 4 вышеупомянутой Конвенции определены достаточно понятные требования: они должны следовать за вооруженными силами и если они получили на это разрешение от вооруженных сил, которых же они и сопровождают, а те, в свою очередь, должны выдать им документы, подтверждающие право следования соответствующего образца. Исходя из положения в данной норме, можно отметить, что не всякое лицо вправе оказывать какую-либо помощь вооруженным силам, для этого необходимо иметь соответствующие документы. В противном случае (при отсутствии документов на разрешение) и содействия вооруженным силам, такие лица могут быть привлечены к ответственности со стороны государства за враждебную деятельность, или же, соответственно, за незаконное ношение оружия [5].

Обратим внимание еще на один немаловажный момент, упомянутый в п.3 ст. 43 Дополнительного протокола.[2] В ней говорится, что конфликтующие стороны могут включать в себя формирования, которые бы обеспечивали охрану порядка вооруженных сил, и при этом другая конфликтующая сторона должна быть предупреждена о наличии таких формирований. Данная норма подразумевает, что лица из правоохранительных органов могут быть участниками в лице охраны порядка в немирное время. В пример того Э. Давид высказал свое мнение, что в Бельгии, ранее, до 1991 г., жандармы входили в состав вооруженных сил государства. С 18 июля 1991 года это положение утратило силу, и полицейский состав перестал входить в вооруженные силы [4]. Однако данные изменения мало повлияли на судьбу ведомственной структуры, так как правительство было уполномочено включать их в число вооруженных сил, когда это было необходимо (во время боевых действий), с соблюдением требований п. 3 ст. 43

[1]Женевская конвенция от 12 августа 1949 гола о защите гражданского населения во время войны. Принята 12 августа Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавший в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года.

[2]Дополнительный протокол №1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года.

Дополнительного протокола[1]. При отказе подчиняться требованиям протокола, данная структура переходила в гражданский состав [11].

После принятия Дополнительного протокола №1 1997 года определения «некомбатанты» и «комбатанты» утратили свое существование, признав, что эти слова применяли неправильно [8].

Если отойти от литературы и обратиться к правовому объяснению происхождения термина «некомбатант», то необходимо обратиться к п.1 ст. 37 и п.3 ст. 44 Протокола. По смыслу закона к некомбатантамотносятся следующие категории лиц: партизаны, повстанцы, иные участники сопротивления. Смысл данной нормы в том, чтобы отличать обычное гражданское население от комбатантов. Здесь же отметим, что согласно положениям п. 1 ст. 50 вышеупомянутого Протокола гражданские лица – это любое лицо, которое не относится к категориям, которые указаны в ст. 4 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года. Следовательно, члены экипажей торговых или гражданских судов, лица, следующие за вооруженными силами, являются гражданскими лицами [12].

Для гражданского персонала необходимо применять понятие лица, обладающие особым статусом.

Лица, имеющие особый статус не могут быть непосредственными участниками боевых действий, одновременно не могут быть и объектом нападения. При попадании в плен статус гражданского персонала также отличается от статуса сражающегося. В плену медицинский и духовный персонал приобретает статус задержанного согласно ч. 1 ст. 33 Конвенции 22 и, соответстанно, на них не распространяется режим военного плена. При попадании в плен лиц из состава вооруженных сил, приобретается статус военнопленных согласно ч. 2 ст. 67 Протокола[2].

И таким образом, в соответствии с содержанием Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года и Дополнительного протокола, к воюющим относятся следующие категории лиц:

1) личный состав вооруженных сил;

2) добровольческие отряды, ополчения в составе вооруженных структур;

3) партизанские и добровольческие отряды при наличии своего командира, знака отличия и соблюдения военных законов и обычаев;

4) гражданское население, которое пользуется оружием против врага в случае, если не было времени сформировать организацию, движение, отряд.

К лицам с особым статусом относятся:

1) медико-санитарный персонал;

2) духовный персонал;

3) лица из числа вооруженных сил, назначенных для гражданской обороны [11].

---

[1]Дополнительный протокол №1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года.

[2]Дополнительный протокол №1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года.

Завершая данную работу, необходимо сделать выводы. Разветвление состава вооруженных сил на некомбатантов и на комбатантов в международной литературе является ошибочным и не соответствует нормам международного права. Таким образом, все население противостоящих государств можно разделить на две большие группы: это комбатанты и гражданское население. Здесь стоит обратить внимание на то, что ошибочное включение гражданских лиц и комбатантов в одну категорию может привести к необратимым последствиям, именно поэтому необходимо четко и ясно разграничить правовой статус данных лиц. Необходимо придерживаться позиции с точки зрения международно-правовых норм, а не научной доктрины в целях четкого и ясного понимания статуса участников вооруженных конфликтов.

Библиографический список

1. Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженные конфликты: право, политика, дипломатия. М., 2021. С.233.
2. Арцибасов И.Н., Лукашук И.И. Право вооруженных конфликтов // Курс международного права: в 7 т. Т.6. М., 2020.
3. Батырь В.М. Международное гуманитарное право: Учебник. М., 2022.
4. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М. 2020.
5. Калугин В.Ю. Курс международного гуманитарного права. Минск, 2018.
6. Кремнев П.П. Правовой статус участников вооруженных конфликтов // РЕМП. Специальный выпуск. СПб., 2022.
7. Короткий Т.Р. Генезис понятия и статуса участников вооруженных конфликтов // РЕМП. 2009. Специальный выпуск. СПб., 2010.
8. Котляров И.И. Международное право и вооруженные конфликты. М., 2019.
9. Лисовский В.И. Международное право. М. 2020.
10. Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874-1878 г. Спб., 2018.
11. Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов // Международное публичное право: Учебник / Под ред. К.А. Бекяшева. М., 2021.
12. ТалалаевА.Н. Международное право в период вооруженных конфликтов // Международное право: Учебник / Отв. ред. Г.И. Тункин. М., 2019.

УДК 340

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РФ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Якупова Элеонора Робертовна
Институт права УУНиТ
super.eleonora97@gmail.com
г. Уфа, Россия
Научный руководитель:
Аминов Ильдар Ринатович
Доцент кафедры государственного права
Института права УУНиТ, к.ю.н., доцент
г. Уфа, Россия

В статье рассматривается состояние российского миграционного законодательства. На основе анализа исследуются цели миграционной политики Российской Федерации, что позволило сформулировать предложения, направленные на совершенствование законодательства, регулирующего сферу миграционных отношений.

Ключевые слова: миграция, мигрант, миграционная политика, миграционное законодательство, правовое регулирование миграции

В настоящее время в Российской Федерации, несмотря на принимаемые государством меры поддержки рождаемости в стране, стремительно снижается количество населения. Сокращение численности объясняется прежде всего переселениемграждан России в зарубежные страны. Однако важнее то, что убывающее население замещают мигранты, количество которых с каждым годом растет. Так, по данным МВД России, ежегодно увеличивается число иностранных граждан, вставших на миграционный учет в Российской Федерации и получивших вид на жительство[1].

С одной стороны, увеличивающееся количество прибывающих в Российскую Федерацию иностранных граждан с целью иммиграции компенсирует естественную убыль населения, которая, несмотря на принятие законопроектов о «материнском капитале» и иных средств поддержки молодых семей для повышения рождаемости, неуклонно увеличивается. По данным ВЦОМ РФ, количество родившихся в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом показывает отрицательный прирост, убыль населения возросла на 354 тыс.[2].

[1] Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.10.2021).

[2]Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. URL:https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm (дата обращения: 11.11.2022).

С другой стороны, увеличивающееся количество мигрантов с каждым годом меняет условия на рынке труда, где более востребованными становятся сотрудники, стоимость труда которых значительно ниже по сравнению с отечественными специалистами.

Таким образом, вопросы целесообразности приемаиностранных граждан, прибывающих в Россиюс целью иммиграции, посредством упрощения и демократизации процессов переселения являются наиболее неоднозначными, при этом разрешить их возможно в процессе выработки эффективной миграционной политики страны, затрагивающей все сферы деятельности общества.

Миграционная политика в Российской Федерации представляет собой совокупность целей и направлений развития системы миграционных правил въезда и выезда из страны переселяющихся граждан, а также государственных мер, направленных на регулирование миграционных потоков, включающих мониторинг прибывших на территорию страны иностранных граждан и осуществление контрольных мероприятий в отношении переселенцев. Романов И.А. полагает, что в условиях резкой неравномерности расселения, оттока жителей из стратегически важных регионов именно миграционная политика становится важной мерой эффективности всей социальной политики [1].

Правовое регулирование миграционных отношений является одним из необходимых элементов реализации успешной миграционной политики на территории страны. В Российской Федерации основные направления миграционной политики определяет Президент России. Согласно Концепции государственной миграционной политики совершенствование правовой базы противодействия незаконной миграции, а также регулирование ответственности за нарушение норм миграционного законодательства является одним из первоочередных направлений предупреждения, профилактики, пресечения и выявления миграционного законодательства.

Несомненно, указанное обуславливает актуальность исследований в области миграционных процессов, в том числе разработку нормативно-правовой основы осуществления мер миграционной политики.

Основными механизмами осуществления миграционной политики является плановый характер деятельности, представление Правительством РФ ежегодного доклада Президенту РФ, подготовка квалифицированных специалистов, работающих в сфере миграции, а также объективное информирование по вопросам миграции.

Осуществление мер по реализации миграционной политики должно носить плановый характер в связи с тем, что направления развития, а также формируемый на его основе план мероприятий реализации Концепции определяются Президентом на продолжительный период. Соответственно, все меры должны иметь быть заранее спланированы и иметь комплексный характер.

При этом, в связи с нестабильной геополитической обстановкой в Российскую Федерацию увеличился поток мигрантов. Резкое изменение доступности ресурсов, рост террористической угрозы, снижение уровня жизни населения, а также энергетический кризис в некоторых приближенных к России государствах

спровоцировал поток большого количества людей, прибывающих в Российскую Федерацию с целью переселения.

В этой связи, в 2022 г. в Концепцию миграционной политики планируется внести изменения, касающиеся прежде всего:

- возвращения вынужденных беженцев к местам постоянного проживания по мере создания безопасных условий для жизнедеятельности граждан;

- защиты соотечественников, находящихся за рубежом и попавших в затруднительное положение в связи с осуществлением недружественными странами русофобской политики;

- выявление в миграционном потоке лиц, осуществляющих террористические акты посредством миграционных каналов;

- усиление миграционного контроля лиц, поступающих на территорию Российской Федерации с целью изменения места жительства, а также ужесточение ответственности за нарушения в сфере миграционного законодательства, в частности за нарушение правил пребывания в стране;

- культурная и социальная адаптация иностранных граждан, включая обучение их детей по образовательным программам, одобренным на территории Российской Федерации.

Практика решения миграционных вопросов в России основывается, в первую очередь, на соотношении принципов гуманизма и обеспечения национальной безопасности страны. Каждая страна, заинтересована в обеспечении национальной безопасности, удовлетворении и соблюдении своих национальных интересов, а неконтролируемые миграционные потоки могут привести к значительным переменам в социально-экономической жизни страны и смене привычного образа жизни коренного населения [2].

В настоящее время нормативный правовой акт, регламентирующий ужесточение контроля за мигрантами на территории Российской Федерации, а также внесение изменений в меры ответственности за миграционные нарушения, еще не принят. При этом, стоит отметить, что изменения в государственные направления миграционной политики Российской Федерации необходимо вносить поэтапно в связи со сложным многоступенчатым характером нормативно-правовых актов.

Таким образом, мы полагаем, что ужесточение мер миграционной политики в настоящее время оправданно в целях поддержания стабильности в геополитически неспокойном мире, а также соблюдения правопорядка в стране, спокойной жизнедеятельности соотечественников за рубежом и эффективной социальной и культурной адаптации иностранных граждан.

Библиографический список

1. Романов И.А. Особенности государственного регулирования миграции на Дальнем Востоке // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 52-56.

2. Резник Г.А., Амирова Д.Р. Миграция как угроза национальной безопасности страны: международные и национальные аспекты // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2020. № 6. Т. 8. С. 59-63.

СЕКЦИЯ 9. СЕКЦИЯ ДОКЛАДОВ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

УДК 347.77

MODERNIZATION OF INDIVIDUAL COMPONENTS OF THE NATIONAL LEGAL SYSTEM IN THE DIGITAL AGE

Abkhalimov Ildar Fanuzovich
student of the Institute of Law
Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
e-mail: ildar210700@yandex.ru
Scientific adviser: Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of international Law
And international Relations if the Institute of Law of
Ufa university of science and technology
Ufa, Russia

At the moment we are in the process of transition to a digital economy and society, and every day the pace of change is accelerating, due to the deployment of digital infrastructure, the spread of the Internet, smartphones, personal computers, which create conditions for the all-encompassing digitalization of society as a whole.

In order to take full advantage of and respond to the challenges of the digital age, it is necessary to bridge the gap between the achievements of technological development and the framework in which policy is made and the modern social order exists. Many of the norms governing the life of society are inherited from the pre-digital era, so there is a delay and misunderstanding in the further development of the modern social order.

Purpose: analysis of the problems of modernization of individual components of the national legal system in the digital age.

Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic.

Private scientific methods were used: legal-dogmatic and the method of interpretation of legal norms.

Results: on the basis of the study, we came to the conclusion that, indeed, thanks to the development of information technologies, the interaction of citizens with state bodies has improved, channels of communication and awareness have been established. These circumstances contribute to the maintenance of the democratic foundations of the state, which is the main task of the concept of the information society.

Keywords: legal system; law in general, digitalization, state.

The development of information technologies today has deeply penetrated into all spheres of society's life and is firmly rooted in them, which initiated the process of forming a digital society. In one of the fundamental documents in the field of regulating the process of introducing digital technologies into the life of society and the state, the concept of «digital society» is defined as follows: it is «a society in which information and the level of its application and accessibility fundamentally affect the economic and socio-cultural living conditions of citizens.» Currently, law is becoming not only a means of regulating public relations, but also one of the elements undergoing transformation under the influence of the virtual environment. In this regard, the legal system is undergoing fundamental changes, expanding the boundaries of its operation. It should be noted that the emergence of new spheres of society arising in connection with the relocation of legal processes to the virtual field requires the regulation of the regulatory framework. This fact entails the emergence of new objects, subjects of rights, the formation of new branches of law and the modernization of those industries affected by digitalization. Within the framework of the issue under study, it is necessary to define the concept of legal education. In the scientific literature, «legal education» is understood in a broad and narrow sense. In a narrow sense, «legal education is all forms and means of the emergence, development and change of law, including law

At the moment, two directions of legal education can be noticed in the context of the virial space. On the one hand, the law corrects conservative branches of law, updating them with provisions taking into account the development of virtual space. On the other hand, law forms fundamentally new provisions and concepts for the legal system, with the aim of regulating relations that are completely new to the Russian legal system. If we consider the method of legal education, it can be noted that digital rulemaking develops on the basis of two approaches: «from the model» (the formation of normative legal acts based on digital models) and «from paper» (the transformation of classical paper legislation into rules suitable for both human and machine use at the same time) [2, c. 15].

Constitutional principles and norms should become the fundamental reference point in the newly formed relations. Regardless of how developed digital reality is today, it should fall under the Constitution of the Russian Federation as a normative act having the highest legal force in the legal system of Russia [3, p. 22]. In connection with the growing trends in the virtualization of the state, a legislative framework is being formed for the regulatory legal regulation of this phenomenon. The issues of regulatory legal regulation of the digital environment in the public sphere are formulated in the Decree of the Government of the Russian Federation dated March 2, 2019 No. 234 «On the management system for the implementation of the National program «Digital Economy of the Russian Federation», Decree of the Government of the Russian Federation dated September 8, 2010 No. 697 «On the Unified System of Interdepartmental electronic interaction», Decree of the President of the Russian Federation dated May 9 2017 No. 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030», Fed

Currently, the Russian Federation is also forming legislative initiatives aimed at ensuring the integrity, continuity, stability, stability and security of the functioning of the Russian national segment of information and telecommunications networks and

ensuring their security. Meanwhile, as A.A. Efremov correctly noted, «when adopting federal laws, situationality is revealed associated with the desire to «repel threats» and «protect sovereignty» without a clear conceptual basis for the essence and content of information sovereignty as a political and legal property (feature) of the state in the modern «digital» era» [5, c. 10].

In connection with the formation of a large layer of normative legal acts in Russian law, a new branch of law began to emerge - information law.. In this regard, the priority continues to be the formation of theoretical and methodological foundations of information law as a complex branch of the system of Russian law, and legal science, the branch of legislation and academic discipline [6, p. 67].

It should be noted that the mechanism of legal education adapted to the virtual space has significantly influenced the mechanism of the implementation of law. These technologies have become a kind of catalyst for the formation of an effective civil society. A new platform for people's relationships, virtual space, has provided new opportunities for the realization of their natural human rights - freedom of speech, freedom of personal opinion, etc. It is often easier and easier to realize rights and freedoms through the Internet, but at the same time it is necessary to take into account the downside, the risks that exist here. Human rights and freedoms are realized differently in the real world and in the virtual space, but they must be guaranteed and protected equally.

The state is obliged not only to proclaim morals in the virtual world, but also to determine guarantees for their implementation, and, if necessary, ways to protect them. In addition, as the author points out, the mechanisms for the implementation and protection of human and civil rights and freedoms, as well as guarantees and restrictions of such rights in the virtual space and in «ordinary» life differ. In these conditions, there is a need for detailed legal regulation of the virtual environment.

In addition, it should be noted that the new field of realization of citizens' rights has become an arena in which violations of the most vulnerable rights of citizens have escalated. The Supreme Court of the Russian Federation has repeatedly addressed the issue of the realization of human rights and freedoms on the Internet. In particular, he considered issues of protection of honor and dignity, business reputation in connection with the dissemination of information on the Internet (see, for example, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of February 24, 2005 «On judicial practice in cases of protection of honor and dignity of citizens, as well as business reputation of citizens and legal entities») and issues of application to Internet sites of the rules for the distribution of advertising in the media (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2010 No. 16 «On the practice of application by courts of the Law of the Russian Federation «On Mass Media»).In addition to judicial protection proper, citizens have the right to rely on other forms of protection of their rights and freedoms applied in this state, in particular administrative (extrajudicial) appeals against actions and decisions of executive authorities, appeals to prosecutor's offices, human rights commissioners, etc. In these cases, the State should understand that the scope of violations of human rights and freedoms is quite specific, therefore, proper processing, consideration of appeals and restoration of violated rights should be provided by appropriate specialists and mechanisms [7, p. 91].

Thus, with the emergence and use of virtual space, the mechanisms of law formation and the implementation of law have changed significantly. These changes can be regarded as positive, as they contributed to the optimization and acceleration of government processes.

At the moment, a large number of regulatory legal acts regulating the spheres of virtual space have been issued. Nevertheless, Russia, like other countries, is at the initial stage of the development of this block of the regulatory framework. For further consideration of the issue of legal policy in the field of virtual space, we consider it necessary to define the concept of the term «legal policy». Legal policy is a means of legal legitimization, consolidation and implementation of the country's political course, the will of its official leaders and power structures.

The main priority in the legal policy of the Russian society is the realization of the fundamental rights and freedoms of citizens in the information sphere. The basis of the international block of normative acts in this area is the Universal Declaration of Human Rights, according to which everyone has the right to freedom of thought, the right to freedom of opinion and expression. This right includes freedom to freely adhere to one's beliefs and freedom to seek, receive and disseminate information and ideas by any means and regardless of State borders [8, p. 13].

The Information Security Doctrine of the Russian Federation, which is the main strategic document defining state policy in this area, establishes an approach to defining the information security of the state as a state of protection of the individual, society and the state from internal and external information threats, and among the means of ensuring information security there are legal ones aimed at improving the mechanisms of regulation of public relations, arising in the information sphere.

- The Information Security Doctrine also defines the following as strategic directions for ensuring information security:
- • ensuring and protecting the constitutional rights and freedoms of man and citizen in terms of obtaining and using information, privacy when using information technologies, providing information support for democratic institutions, mechanisms of interaction between the state and civil society, as well as the use of information technologies in the interests of preserving cultural, historical and spiritual and moral values of the multinational people of the Russian Federation Federations;
- • information support of the state policy of the Russian Federation, related to bringing to the Russian and international public reliable information about the state policy of the Russian Federation, its official position on socially significant events of Russian and international life, ensuring citizens' access to open state information resources;
- • development of modern information technologies, the domestic information industry, including the industry of informatization, telecommunications and communications, ensuring the needs of the domestic market with its products and the release of these products to the world market, as well as ensuring the accumulation, preservation and effective use of domestic information resources;

protection of information resources from unauthorized access, ensuring the security of information and telecommunication systems, both already deployed and being created on the territory of Russia.

The rapid development of information technology has an impact on another category of current reality, as digital sovereignty. The Information Security Doctrine of the Russian Federation pays attention to the protection of the sovereignty of the Russian Federation in the information space. In order to ensure digital sovereignty, the above-mentioned Doctrine enshrines the following provisions: countering the use of information technologies to promote extremist ideology, spread xenophobia, ideas of national exclusivity in order to undermine sovereignty, political and social stability, forcible change of the constitutional system, violation of the territorial integrity of the Russian Federation; protection of the sovereignty of the Russian Federation in the information space through the implementation of an independent and independent policy aimed at the realization of national interests in the information sphere.

The legal policy of the Russian state is aimed at fully ensuring the realization of human and civil rights and freedoms. At the same time, the guarantee of these rights and their security must be respected both in real and virtual space. It seems that at this stage it is possible to distinguish two main priority directions in the legal policy of the state: firstly, ensuring, guaranteeing, protecting the rights and freedoms of citizens in a virtual environment; secondly, ensuring the independence of the legal regulation of the virtual space, which pushes for the formation of the term in the legislation.

Legal awareness as one of the key components of the legal system has also undergone changes under the influence of the development and widespread introduction of information and communication technologies. It is necessary to understand that all the works aimed at ensuring awareness, awareness of citizens about state activities are carried out in order to ensure the interests of citizens themselves and increase their legal awareness.

In our country, the concept of «electronic government» has been reflected in two federal target programs: one of them was approved in 2002 - «Electronic Russia» (2002-2010), and a system project of electronic government of the Russian Federation with a planning horizon up to 2020 - 2025 is under development on behalf of the President of the Russian Federation from 25 March 2013, No. Pr- 646. The strategic goal of the implementation of the concept of «electronic government» at the present time, taking into account the already available results, is: assessment of the state of the electronic government of the Russian Federation at the present stage of development; development of the main provisions, principles and goals of the electronic government of the Russian Federation; justification of the choice of the scenario for the development of the electronic government of the Russian Federation until 2020; definition of principles and approaches to the formation of the system key performance indicators of e-government; formulation of the main properties and basic characteristics of the architecture of the electronic government of the Russian Federation; development of an indicative plan and determination of the conditions for the implementation of the selected scenario for the development of the electronic government of the Russian Federation.

The informatization of society has a positive effect on the development of legal awareness. The availability of new tools for the implementation, protection of their rights and obtaining all kinds of information increases the level of citizens' trust in the state, demonstrates transparency and openness of procedures, accelerates interaction processes, providing a flexible approach devoid of formal requirements.

Nevertheless, there are also negative aspects to unhindered access to extensive information. The spread of false, conflict-provoking, manipulating citizens' consciousness information distorts the actual state of things, which distorts the legal consciousness of citizens. That is why the state policy should be aimed at the formation of a competent legal awareness of citizens, the development of the education system, legal education and blocking negative stereotypes in the legal consciousness.

At the stage of post-industrial modernization during the transition to a new type of social organization of society - an open information society - the dominant concept of public administration is the concept of the state as a consumer-oriented service organization providing services to the population. As part of such reforms, public authorities and local self-government are charged with providing the population with the full range of information services, which ensures information openness and transparency for society of their activities [9, p. 20].

Thus, legal awareness, as one of the elements of the legal system, as well as other components have undergone changes. These changes can be called positive. Thanks to the development of information technologies, citizens' interaction with government agencies has improved, communication and awareness channels have been established. These circumstances contribute to the maintenance of the democratic foundations of the state, which is the main task of the information society concept.

References:

1. Kornev A. V., Bogmatsera E. V. K voprosu o ponyatii pravoobrazovaniya // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitelnaya praktika. 2008. №2 (5). [Elektronnyy resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-pravoobrazovaniya (data of access: 03.10.2022).

2. Averyanov M.A., Baranova O.V., Kochetova E.Yu., Sivakov R.L. Tsifrovaya transformatsiya protsessov normativnogo regulirovaniya: tendentsii, podkhody i resheniya // International Journal of Open Information Technologies. 2018. № 11. [Elektronnyy resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-protsessov-normativnogo-regulirovaniya-tendentsii-podhody-i-resheniya (data of access: 03.10.2022).

3. Chernysheva Yu.A. Prava cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva // Psikhologiya i pravo. 2019. № 4. P. 90–102.

4. Gvozdetskiy D.S. Tsifrovizatsiya vedomstvennogo normotvorchestva: teoreticheskiy aspekt // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. №4 (58). [Elektronnyy resurs]. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vedomstvennogo-normotvorchestva-teoreticheskiy-aspekt (data of access: 03.10.2022).

5. Efremov A.A. Formirovanie kontseptsii informatsionnogo suvereniteta gosudarstva // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2017. №1. [Elektronnyy resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kontseptsii-informatsionnogo-suvereniteta-gosudarstva (data of access: 03.10.2022).

6. Polyakova T.A. Aktualnye problemy razvitiya sistemy pravovogo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti v tsifrovuyu epokhu i yuridicheskoe obrazovanie // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2019. №12 (64). [Elektronnyy resurs].

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-sistemy-pravovogo-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-v-tsifrovuyu-epohu-i-yuridicheskoe (data of access: 03.10.2022).

7. Salikov M.S., Nesmeyanova S.E. K postanovke problemy ob osobennostyakh realizatsii i zashchity prav i svobod cheloveka v seti Internet // Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2019. №1 (109). [Elektronnyy resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-postanovke-problemy-ob-osobennostyah-realizatsii-i-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-v-seti-internet (data of access: 03.10.2022).

8. Vinogradova N. V. Teoretiko-pravovaya kontseptsiya sistemy zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v informatsionnoy sfere // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2009. №12. [Elektronnyy resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovaya-kontseptsiya-sistemy-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-informatsionnoy-sfere (data of access: 03.10.2022).

9. Nisnevich Yu. A. Programma spetskursa «Gosudarstvennaya informatsionnaya politika» // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2003. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/programma-spetskursa-gosudarstvennaya-informatsionnaya-politika (data of access: 03.10.2022).

УДК 32.019.51

THE USE OF MANIPULATIVE TECHNIQUES IN FOREIGN MASS MEDIA TOWARDS RUSSIA

Alekseeva Diana Andreevna
Student of the Law Institute of UUST,
Ufa, Russia
dian.00@mail.ru
Scientific adviser
Yusupova RozaliyaRimovna
Associate Professor of the Department of International Law and International Relations of the Institute of UUST, PhD,
Ufa, Russia

The article is devoted to a topical issue - the problem of information wars, which is conducted through the methods of manipulation used by foreign media in relation to Russia. It outlines what exactly constitutes manipulation, its methods and functions. In the article the practical part is also disclosed - concrete examples of manipulations used in foreign news sources and their negative consequences are given.

Keywords: manipulation, media, information warfare, Russia, politics.

Nowadays the increased role and significance of mass media in the modern political process is undoubtful. This is, in particular, due to the development of the mass media system as a combination of the latest technologies, thanks to which they have

become a key tool for transmitting information and influencing large masses of people. Internet resources are increasingly being used to transmit political information, and as a result, a huge number of users of the world wide web become participants in political processes, without always being able to recognize themselves as such [1].

Manipulation techniques using traditional methods of communication, such as campaigning, propaganda, political advertising, methods of covert influence on the consciousness and behaviour of target groups during political campaigns are also often used to explicitly influence the target groups.

The German sociologist Herbert Franke was the first who wrote about the manipulation of public consciousness. He defined "manipulation" as "a hidden effect that harms those to whoit is directed". G. Schiller also drew attention to the phenomenon of "manipulation" in his work. He notes that «in order to succeed, manipulation must go unnoticed. The success of manipulation is guaranteed when the manipulated believes that everything that happens is natural and inevitable, and the very fact of manipulation is not reflected in the memory of the subject. Shortly, manipulation requires a false reality, the existence of which is impossible to feel» [2]. Taking into account the given definitionwe will define political manipulation generally as "the covert influencing and controlling of people's political consciousness and behaviour in order to encourage certain actions in the interest of the subject of political manipulation".

The essence of political manipulation is the implementation of manipulative techniques in the political sphere in order to achieve political goals. Within the framework of political discourse, manipulation acquires an additional shade - the influence on public consciousness in order to program certain opinions and desires of society. The ultimate goal of such manipulations is to gain power over society, the ability to control and subdue it [3].

The problem of manipulation technologies has been studied by many scientists and each of them paid more attention to different techniques. For example, E. Dotsenko suggests such techniques as falsification of facts or displacement by the semantic field of the concept; while S. Kara-Murza focuses on the manipulation of the subject. Kara-Murzaoutlines fact-fabrication, manipulative semantics, simplification and stereotyping. L. V. Gushchina as a researcher on manipulation of public opinion in political discourse in the media, singles out the following manipulative tactics used in political discourse: distortion or falsification of information, imaginary politeness, withholding information, disproportionate information, special organisation of themes and headlines and negative evaluation.

In modern society, mass media not only perform an informational function, but also actively shape public opinion, political views, and patriotic sentiments. At the same time, it is most effective to use the image of an «enemy» - external or internal, which helps to consolidate people, unite them around an idea.

Particular attention should be paid to the manipulative technology that uses the strategy of purposefully creating a positive or negative assessment, which is very common in the practice of interstate relations. This technology is often used to construct a certain image, evaluated on the basis of good / bad or us/ them.

On 11.10.22 Al Jazeera showed a documentary «Ukraine condemns Russia as 'terrorist state' in UN meeting» [4]. In the news coverage Russia ispotrayed as a terrorist

state: “Russia has proven once again that this is a terrorist state that must be deterred in the strongest possible ways, said SergiyKyslytsya, Ukraine's ambassador to the UN. This proposal contains negative and obviously false words in relation to Russia. Some information about Al Jazeera. Itis the first independent television channel in the Arab world to cover international events in Arabic. The TV channel is distinguished by the fact that it practices a free policy of coverage of events, from the position of various conflicting parties, without the influence of the ruling Arab regimes. The famous pan-Arab TV channel from Qatar, Al Jazeera, has a total audience of 350 million people.

The next example is the news publication of the same Al Jazeera channel with the title «West condemns Russia's 'illegal' annexation of Ukraine provinces». The article contains the following: “Group of Seven (G7) foreign ministers said they would “never recognize” Russia's annexation move, “nor the sham 'referenda' conducted at gunpoint” [5]. I would like to highlight this part of the proposal: «fictitious «referendums» held at gunpoint.» The expressions are very harsh, condemnatory and do not correspond to the real facts. The council said that Russia had “engineered” the outcome of the vote held in the occupied provinces and had used its doctored results “as a pretext for this further violation of Ukraine's independence, sovereignty and territorial integrity”.After analyzing the rest of the articles, we can say that almost every news article about Russia exposes it in a negative way.

As another example, letus look at the 2016 BBC documentary World War Three: Inside the War Room. This is a film about a staff game involving ten high-ranking British diplomats, military officers and politicians, the scenario of which involves a conflict between NATO and Russia. In the video Russia is exposed as an aggressor and a «demonic» state. Particular attention should be paid to the fact that real politicians and diplomats of representatives of countries took part in the film, which indicates the seriousness of this picture, and this is not just a video for fun. After viewing, it is natural that a certain pattern will be imposed on this country and perceived in real life in exactly this way - as an aggressive, cold and cruel state.

These statements and portrayal of Russia as an «enemy» only help to reinforce unfair stereotypes about everything Russian and lead to negative consequences for Russia in the information war.

Thus, the creation of virtual reality through the media and the manipulation of public opinion to achieve various, including political goals in the modern information society is actively used in many developed democracies. In other words, the media create a separate reality that benefits the forces that control access to the media. And control of the media is a key political task to ensure the conquest and retention of power on the widest scale.

References:

1. Volodenkov S.V. Mediatization and virtualization of the modern space of public policy / S.V. Volodenkov // Communicology. 2016. No. 4. 126 p.

2. Schiller G. Manipulators of consciousness. M., 1980.

3. Khazagerov G. G., Lobas P. P. Cultural utilization of manipulative technologies // News of the Southern Federal University. Philological sciences. 2014. No. 1. P. 44-52.

4. Official site of the international news channel Aljazeera [Electronic resource]. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/10/11/ukraine-condemns-russia-as-terrorist-state-in-un-meeting (data of access: 03.10.2022).

5. Official site of the international news channel Aljazeera [Electronic resource]. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/9/30/west-condemns-russia-illegal-annexation-of-ukrainian-provinces (data of access: 03.10.2022).

6. Official website of the United Nations [Electronic resource]. URL: https://news.un.org/en/story/2022/03/1420532 (data of access: 03.10.2022).

7. Comparative analysis of western and Russian news framing of the Ukraine and Iraq war (English) // University of Stavanger[en]. 2022. 18 May. https://uis.brage.unit.no/uis-xmlui/handle/11250/3007289 (data of access: 03.10.2022).

УДК 347.77

FEATURES OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF LEGAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Akhmetov Radmil Rustamovich
student of the Institute of Law
Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
e-mail: radmil.ahmetov@mail.ru
Scientific adviser:
Khazieva Rushana Raufovna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department
International Law and international Relations of the Institute of Law
Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia

The article reveals the features of scientific and technological development of legal activity in the Russian Federation.

Keywords: legal activity, science, technology, scientific and technological development, progress, improvement of technologies in the field, evolution of science and technology.

The topic of this scientific article is very relevant today. This is due to the fact that the scientific and technological development of legal activity in the Russian Federation continues at the present time. The positive thing is that the improvement has been going on for many years and this issue does not lose its relevance.

The purpose of this scientific article is to study the features of scientific and technological development of legal activity in the Russian Federation. According to this goal , the following tasks can be distinguished:

- To study the scientific and technological development of legal activity as a continuous process;
- To investigate specific trends in the scientific and technical development of legal activity in the Russian Federation.

Every day science reaches more and more new discoveries previously unknown to the world. These innovations are being studied and researched by scientists. The purpose of these discoveries is an attempt to introduce new useful properties of this innovation into the world. With the development of science, new technologies are also developing rapidly. Legal activity does not stand still either. New discoveries are constantly occurring in the universe of legal activity, which nevertheless facilitate and improve the activities of lawyers and civil servants.

It is interesting that innovations in the legal system are not introduced immediately. Naturally, a thorough study of these discoveries is initially necessary. It is also required to determine whether this innovation is necessary for legal activity, whether it will help in any way, whether it will facilitate and improve the activities of lawyers and civil servants. If yes, then the process of implementing these discoveries into life is being carried out at an accelerated pace. As practice shows, all innovations only improved the sphere of legal activity. For example, one of the most famous and influential scientific and technological discoveries in legal activity is the invention of video conferencing. This innovation became widely known during the period of the spread of corona virus infection. The purpose of video conferencing is to ensure the safe and remote conduct of legal events. This innovation is mainly used by the courts. But the spread of coronavirus infection is not the only reason for the use of this discovery. For example, if the plaintiff or the defendant lives in another region, then this person has the right to exercise the right to consider the case by using video conferencing, which is a very convenient method. However, video conferencing is not the only result of scientific and technological development of legal activity. Such innovations include the improvement of computer technology. Today, every civil servant has his own personal work computer. This is a great merit of science and the state. Science researches and develops computers, and the state provides computer technology units. Also, the improvement of postal and telegraphic correspondence can be attributed to scientific and technological development, which in turn greatly accelerates and facilitates the activities of state departments.

According to paragraph 1 of Article 44 of the Constitution of the Russian Federation:

Everyone is guaranteed freedom of literary, artistic, scientific, technical and other types of creativity, teaching. Intellectual property is protected by law [1].

In our country, no one is restricted in the right to scientific and technical creativity. However, as practice shows, new inventions are usually created by qualified scientists and professors. There are also cases when ordinary citizens come to scientific organizations with different ideas. These ideas are further used in development.

According to paragraph 1 of Article 155.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation:

If there is a technical possibility of videoconferencing in the courts, the persons participating in the case, their representatives, as well as witnesses, experts, specialists, translators may participate in the court session by using videoconferencing systems, provided they file a motion to do so or at the initiative of the court. The court issues a ruling on the participation of these persons in the court session through the use of videoconferencing systems.

If the court, with the assistance of which these persons can participate in the court session by using videoconferencing systems, is an arbitration court, the court of general jurisdiction considering the case shall issue a ruling on holding such a court session in accordance with articles 224 and 225 of this Code. A copy of the ruling of the court of general jurisdiction is sent to the arbitration court, which ensures the holding of the court session by using videoconferencing systems in accordance with Article 153.1 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation [2].

It would seem that it used to be something fantastic to conduct trials remotely. However, today this is the norm. Courts are increasingly using video conferencing to resolve various cases, which facilitates legal proceedings. Only the improvement of science and technology has led to such an achievement. So we can say that with the development of some spheres, scientific and technological, another sphere, legal activity, is developing.

According to paragraph 2 of Article 15 of Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection»:

Regulation of the use of information and telecommunication networks, access to which is not limited to a certain circle of persons, is carried out in the Russian Federation taking into account the generally accepted international practice of self-regulatory organizations in this area. The procedure for using other information and telecommunication networks is determined by the owners of such networks, taking into account the requirements established by this Federal Law [3].

Special attention was paid to the improvement of information and telecommunication networks. To date, it is possible to regulate their use. It is interesting that access to information and telecommunication networks is not limited to a certain circle of people. In this case, it is confirmed that everyone has the right to use the results of scientific and technological progress.

According to Article 7 of Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 «On Personal Data»:

Operators and other persons who have gained access to personal data are obliged not to disclose to third parties and not to distribute personal data without the consent of the subject of personal data, unless otherwise provided by federal law [4].

Science and technology have reached such a high level of development that today all personal data about a person is in a computer. Lawyers and civil servants in the process of work get access to the personal information of other persons when legal assistance is provided to citizens. It would seem that accessing the personal data of others in a matter of seconds is a fantastic phenomenon. Yes. This was the case in the last century, when scientific and technological progress took place at a not so

accelerated pace today. However, today, the normal functioning of state bodies is impossible without computer technologies that provide access to personal data. It is important to be aware of the confidentiality of information. Only the person to whom this information belongs and the lawyer (civil servant) have the right to know this personal information.

According to paragraph 2 of Article 7 of Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 «On Science and State Scientific and Technical Policy»:

The state authorities of the Russian Federation, the state authorities of the subjects of the Russian Federation, the public authorities of the federal territory «Sirius», the state academies of sciences, within their powers, determine the appropriate priority areas for the development of science, technology and technology, ensure the formation of a system of scientific organizations, the implementation of intersectoral coordination of scientific and (or) scientific and technical activities, the development of and the implementation of scientific and scientific-technical programs and projects, the development of forms of integration of science and production, implementation of achievements of science and technology [5].

Science and technology are successfully developing thanks to the help of the state. It is the help of the state that is the driving force of scientific and technological progress. This is done with the aim of developing the state itself, to improve the activities of state bodies. The development of science and technology is carried out by financing scientific organizations, paying various social benefits to scientists and professors. We can say that the state only stimulates scientific activity. Naturally, without government support, science and technology would not have achieved the success that they have today. And without science and technology, the state would not be a developed organization. We can say that the state and science and technology are interconnected and function as a single system.

Thus, significant features of scientific and technological development of legal activity are:

1) Continuity of scientific and technological progress of legal activity;

2) The emergence of new useful inventions in the field of legal activity;

3) The relationship between the state and science and technology as a single system.

In the course of the scientific work, the scientific and technological development of legal activity as a continuous process was studied and specific trends in the scientific and technical development of legal activity in the Russian Federation were investigated. I think the purpose of the scientific work has been completed, and the tasks have been completed.

Of course, the scientific and technological development of legal activity only has a positive impact on the further development of the state.

Bibliography

1. «Constitution of the Russian Federation» dated 12.12.1993 // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru (data of access: 03.10.2022).

2. «Civil Procedure Code of the Russian Federation» dated 14.11.2002 № 138-FZ // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru (data of access: 03.10.2022).

3. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 «On Information, information technologies and information protection» // Official Internet portal of Legal Information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru (data of access: 03.10.2022).

4. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 «On personal data» // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru (data of access: 03.10.2022).

5. Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 «On Science and State scientific and technical policy» // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru (data of access: 03.10.2022).

УДК 347.6

PREVENTION OF CYBERCRIME IN THE INTERNATIONAL COMMUNITY

Aupov Ramil Fanisovich
Student of the Institute of Law, Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
ramil.ayupov.2000@mail.ru
Scientific adviser
Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of International Law and
International Relations of the Institute of Law, Ufa university of science
and technology, PhD,
Ufa, Russia

Article discusses illegal acts in the field of innovative technologies that harm the interests of states, organizations and citizens. One of the main problems of combating cybercrime is that in most countries laws in the field of information crimes are poorly developed, as well as modern information technologies.

Keywords: cybercrime, cybercrimes, innovative technologies.

«Cyber» is the word that has become an important part of modern society.Why has this prefix recently started to pop up so often in discussions not only among ordinary people, but is also actively used internationally?

The fact is that the so-called process of informatization of society is taking place, which is a global social process of creating the best conditions for meeting information needs based on the use of information resources.

Unfortunately, in addition to the advantages in the form of simplifying people's lives, there were also disadvantages. New types of crimes have appeared, the essence

of which is to penetrate into the virtual space to achieve their personal goals by illegally hacking and collecting various information.

The most alarming sign of cybercrime is its transnationality [1, c. 31]. It lies in the fact that, in essence, a person who acts in his criminal interests may well receive the desired information even without being in the same city with the «injured» person, but even from another country.

With regard to the victims, it is also worth noting that there has been a trend in which cybercrimes are committed not only against individuals, but also against entire information systems of countries. Consequently, here the question arises about a subspecies of cybercrime – cyberterrorism in which various extremist organizations or officials of unfriendly states may be interested. Characteristic features of cyberterrorism: scale, intensity

Assistance in the fight against this «disease» can be found in cooperation between the States – Powers. Since international cooperation is a key element in countering the growing threats of cybercrime.

In the summer of 2000, one of the first attempts in the 21st century to document the significance of the development of global international systems - the signing of the Okinawa Charter of the Global Information Society[1] – was carried out between Great Britain, Germany, Italy, Canada, Russia, the USA, France, and Japan at the 26th summit of the Group of 8.

The main provision of this Convention was that it was necessary to eliminate inequality in the information field in countries, besides, to make great efforts to create «healthy» competition in terms of information technology development. In articles 8,9 on the creation of a free, secure cyberspace through the cooperation of the international community.

In addition to this charter, we also want to mention the Convention «On Crime in the Field of Computer Information»[2] adopted a year later. This document is considered one of the first international acts not only at the regional, but also at the global level, as it was subsequently signed by countries such as the USA, Canada, etc. In its provisions, the Convention contains various measures to counter cybercrime and certain standards have been developed for European legislation in this industry. Also, from the advantages of this Convention, we note that it was from it that the process of interaction of specialized institutions of the countries that signed this document began. Unfortunately, Russia's participation in this one came to an end after only 7 years. The reason lies in the fact that some provisions can be implemented without notifying the party against whom it is planned to perform this or that action, which in turn contradicts the Constitution of the Russian Federation.

Speaking about countering cybercrime, it should be noted that it is opposed not only by individual states, but also by entire blocs, for example, NATO noted in its strategic concept that in the fight against cross-border crimes, which, as we found out, include

[1] Okinawan Charter of the Global Information Society 21.07.2000 // [Electronic resource] URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3170 (date of access: 30.09.2022).

[2] Convention on Crime in the field of computer information ETS No. 185 // «Garant» [Electronic resource] URL:https://base.garant.ru/4089723 / (date of access: 30.09.2022).

cybercrimes, only with good cooperation of law enforcement agencies of states will there really be a real opportunity to significantly reduce the number of cybercrimes [2, p. 13].

Unfortunately, the forecasts of our colleagues abroad made in 2017 are disappointing [3, p. 33]. Here's what they write: «Although the security performance of many organizations has improved over the past few years, the reality is that «violators» are getting better, faster than companies react, and will probably cause more damage in the future than ever.

In 2015, organizations around the world spent 84 billion on their cybersecurity. $US. It is expected that by 2020 this amount will grow to 125 billion. $US. It would seem a lot of money, but not compared to the damage from cyber attacks, which, according to some researchers, can reach 90 trillion. US$ by 2030.

As we have already noted, cybercrime has such a characteristic as transnationality. This leads to the following problem, which directly has a causal relationship with this. It's about latency. According to some data, the latency in Russia for this type of crime in 2015 was 90%. In other countries, things are a little better. For example, in the USA – 80%, Germany – 75%, Great Britain – 85% [4, p. 369]. The numbers are just huge. That is why, when developing ways to counter cybercrime, it is worth remembering about this very latency. Of course, closer to 2021, the disclosure rate increased by more than 2 times, but the problem still hasn't gone away.

We will demonstrate foreign experience in combating cybercrime using the example of the USA and Australia. The United States has created special units in its system that control cyberspace, for example, the United States Cyber Command. The dominant body is the National Security Council with a special committee whose sphere directly includes the fight against cybercrime.

In Australia, an ESCG has been established to maintain and improve the electronic operational space for the private and public sectors.

On the one hand, countering cybercrime does not seem so difficult. Harmonious interaction of countries is simply necessary. However, the main difficulty lies in this.

It is rather difficult to create international acts that would meet all the standards of the legal system of each incoming State.

It is worth noting that states are trying to apply «global» international treaties to counter cybercrime. It is clear that organized groups can commit crimes in this area, therefore, it is possible to try to apply the «UN Convention against Transnational Organized Crime»[1].

In addition, we add that the international community at various levels has created a certain list of acts that are used in the fight against cybercrime. Regional acts occupy a special place, because, as we noted above, it is difficult to create one global document.

The next important act is the UN Convention «On Ensuring International Information Security»[2] of 2011. It highlights a separate chapter «conflict prevention in the

[1] UN Convention against Transnational Organized Crime // [Electronic resource] URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (accessed 30.09.2022

[2] UN Convention «On Ensuring International Information Security» // [Electronic resource] URL: http://www.scrf.gov.ru/security/information/document112 / (accessed 30.09.2022)

information space». 14 points are singled out as the main measures to prevent conflicts in the information space. Let 's highlight some of them:

Item 2 «creation by States of mechanisms to prevent destructive information impact (computer attacks) from their territory or using the information infrastructure under their jurisdiction, as well as for interaction in order to determine the source of computer attacks carried out from their territory, counter these attacks and eliminate their consequences»

Item 3 «refraining from the development and adoption of doctrinal documents and plans that can provoke an increase in threats and conflicts in the information space, as well as cause tension in relations between States.

Paragraph 4 «refraining from any actions that threaten the security of the information space of another state.»

In summer of 2021, Russia made a statement that it had prepared an updated Convention that would help ensure international information security at the global level, let's see what happens.

Based on the above, it can be concluded that it is necessary to develop a joint effort of scientists, specialists in the field of computer information, aimed at combating cyber crimes.

There is currently no single global act that would establish the procedure for countering cybercrime, but the international community, within the framework of regional cooperation, is taking measures to legislatively regulate the actions of entities in cyberspace, to combat cybercrime.

Bibliography

1. Bulai Yu.G., Bulai R.I. Prevention and counteraction of cybercrime, as well as international cyber threats // Academic thought. 2017. № 1. P. 31.

2.Gradov A.In the activities of the North Atlantic Alliance in the field of cybersecurity // Foreign Military Review. 2014. No. 7. pp. 13-16.

3.Yakimova E.M. International cooperation in the fight against cybercrime // Criminological Journal of the Baikal University of Economics and Law. 2016. No. 2. pp. 369-378.

4.Kelly Bissell, Ryan LaSalle and Kevin Richards The Accenture Security Index // Redefining security performance and how to achieve it [Electronic resource] URL: https://www.accenture.com/t00010101T000000Z__w__/au-en/_acnmedia/ PDF-48/Accenture-The-Acn-Security-Index-new.pdf. 2017. (date of access: 30.09.2022).

УДК 327

LE «SOFT POWER» COMME INSTRUMENT DE DIPLOMATIE CULTURELLE À L'EXEMPLE DES ÉTATS-UNIS ET DE LA CORÉE DU SUD

Batyrova Alsou Finalovna
Étudiante de l'Institut de Droit, Université de la Science et des Technologies d'Ufa
alsu.b1556@gmail.com
Mukhametgareeva Nataly Mikhailovna
Candidat en Lettres,
Chaire du Droit International et des Relations Internationales,
Université de la Science et des Technologies d'Ufa
nmch77@mail.ru

Cet article présente une analyse de l'utilisation de la «puissance douce» (soft power) et de la diplomatie culturelle dans la conduite de la politique étrangère de la Corée du Sud et des États-Unis d'Amérique. La culture de la République de Corée se développe de jour en jour et occupe une place particulière dans la sphère économique et politique du pays. Par exemple, l'industrie de la musique, le cinéma sud-coréen est connu dans le monde entier, ont une grande influence sur l'économie du pays et forment l'image de l'Etat. La culture des États-Unis d'Amérique est aussi connue dans le monde entier grâce à la musique et le cinéma. La diplomatie culturelle est orientée vers la coopération et l'échange d'idées culturelles entre les pays et les citoyens étrangers du pays. Les auteurs de l'article analysent l'utilisation de «soft power» dans la politique intérieure des pays et de la diplomatie culturelle dans la politique étrangère de la Corée du Sud et des États-Unis, qui ont obtenu un certain succès dans ces domaines.

Mots - clés: soft power, relations diplomatiques, diplomatie culturelle, République de Corée, États-Unis, activités non politiques, culture pop.

La diplomatie culturelle, qui est l'une des orientations du concept de «soft power», est l'un des moyens les plus prometteurs d'accroître l'autorité de l'Etat et de renforcer la coopération entre les pays. Ce type de diplomatie a été renforcé par la prolifération des médias, la nessence d'Internet et des réseaux sociaux grâce auxquels les gens apprennent et s'intéressent à la culture d'un autre pays. La diplomatie culturelle forme des idées positives sur le pays et ses valeurs, fournit une compréhension des idées et des points de vue étrangers, attire les gens dans le pays pour le Tourisme et l'étude, crée une image favorable pour les investisseurs étrangers. En ce moment, le monde est plus interdépendant que jamais, et la diffusion des technologies de communication de masse permet aux gens d'avoir plus d'accès les uns aux autres que jamais. La diplomatie culturelle est essentielle à la consolidation de la paix et de la stabilité dans le monde entier, car elle a une influence unique sur l'opinion publique et l'idéologie des individus et des groupes de personnes.

L'institut de diplomatie culturelle distingue les principes suivants de la diplomatie culturelle [1]:

1) respect et reconnaissance de la diversité et du patrimoine culturels;
2) dialogue interculturel;
3) justice, égalité;
4) protection des droits internationaux de l'homme;
5) paix et stabilité mondiales.

Ces principes sont mis en œuvre dans le cadre de l'initiative de diplomatie culturelle par par l'échange culturel entre les pays dans différents domaines, mais les plus profitables sont les arts (principalement le cinéma, la musique, les expositions internationales) et l'éducation (programmes d'études inclusifs, programmes d'échange d'étudiants, programmes linguistiques à l'étranger) [2].

Les programmes d'échanges culturels et universitaires, l'industrie de la musique et le cinéma, dont le but est de populariser les valeurs et les idées américaines dans le monde, sont un outil important de la diplomatie culturelle américaine. Aux États-Unis, il y a des centres mondiaux de l'industrie du divertissement, dont les représentants ont une renommée mondiale et ont la capacité d'influencer l'opinion publique sans aucun effort. Aujourd'hui, le canal le plus efficace de la diplomatie culturelle américaine est la culture pop, qui attire les jeunes du monde entier. C'est la culture pop, qui est l'une des façons d'utiliser le «soft power», qui a créé une image attrayante de l'Amérique dans le monde, favorisant la mise en œuvre des priorités étrangères de l'Etat et des intérêts commerciaux des entreprises américaines.

L'essence du terme «soft power» a été approuvée par le politologue américain Joseph Nye dans ses travaux, et le plus détaillé, il a développé ce sujet dans son travail «Soft power: means to success in the world». Selon Nye, le soft power est l'un des éléments clés de la politique étrangère moderne des pays [3]. En général, l'impact du «soft power» et de la diplomatie culturelle va à la jeune génération, car elle est le moteur du progrès. L'attractivité d'un pays pour les jeunes par l'utilisation du «soft power» est une pratique utile pour attirer les investissements étrangers dans le pays. Intéressés par la culture d'un autre pays, les jeunes commencent à penser à étudier dans ce pays, à obtenir une résidence permanente, à ouvrir une entreprise, au tourisme, ce qui a un impact positif sur le développement économique du pays et sur l'amélioration des relations entre les pays. La valeur de «soft power» est qu'elle peut créer des relations de confiance, est orientée vers le dialogue à long terme en tenant compte de l'opinion opposée et ne permet pas d'imposer dans la prise de décision [4].

Aujourd'hui, la pop culture américaine et sud-coréenne est particulièrement populaire, les sujets coopérant activement entre eux, en créant le terrain pour améliorer les relations diplomatiques et les liens culturels entre les États-Unis et la Corée du Sud.

Pour comprendre l'influence de la culture américaine sur l'opinion publique, il est nécessaire de savoir qui est le leader des opinions. Parmi les leaders d'opinion, on peut citer des musiciens, des chanteurs, des acteurs, des cinéastes, des influenceurs sur des réseaux sociaux comme Instagram et TikTok, dont les platesformes varient du degré d'importance de leur parole: des réseaux sociaux à l'ONU.

Aux États-Unis, la plupart des célébrités sont libérales, car selon certains chercheurs, le libéralisme et la créativité vont de pair [5] L'utilisation de la culture de masse est vitale pour les politiciens américains qui veulent «atteindre» certains groupes d'électeurs. C'est particulièrement important pour les jeunes et les minorités. Par

exemple, à la veille de l'élection présidentielle américaine de 2020, la majorité de l'élite créative américaine s'est rangée du côté de Joe Biden. Parmi ceux qui ont soutenu Joe Biden sur les réseaux sociaux, il convient de noter Leonardo DiCaprio, Tom Hanks, Chris Evans, Ariana grande, Selena Gomez, etc.

L'argument le plus commun pour leur choix était que le Président J. Biden a promis une période de prospérité pour le pays, et que les droits des femmes, des personnes LGBT, et des personnes de couleur accorderont une plus grande attention [6].

Les Stars d'Hollywood sont les leaders d'opinion, ils créent une image de l'Amérique comme un pays bienveillant et avec de grandes opportunités et perspectives. Il faut noter que diverses organisations et programmes invitent des célébrités à attirer leurs fans. Par exemple, l'UNICEF utilise son programme d'Ambassadeur de célébrités pour obtenir la reconnaissance du public. Les vedettes du cinéma, de la musique, de la télévision, du sport et des médias sociaux collaborent pour sensibiliser le public à toute question. La culture populaire, qui n'est pas une méthode officielle de la politique étrangère des États-Unis, affecte d'une manière ou d'une autre l'image du pays et crée un sentiment pro-américain dans d'autres pays, qui est utilisé dans la diplomatie culturelle américaine avec d'autres pays, par exemple, avec la Corée du Sud.

La Corée du Sud est l'un de ces pays qui utilise activement ses acquis culturels pour établir des relations plus durables et amicales avec d'autres pays. Une attention particulière devrait être accordée à un domaine culturel tel que la musique, car c'est l'indsutrie musicale sud-coréenne (ci - après-K-pop) qui est devenue le «corridor» pour le développement des relations culturelles et diplomatiques entre les pays. Dans l'industrie K-pop, l'orientation principale est le cours aux États-Unis, car c'est là que se concentre le centre de l'industrie du divertissement. Et K-pop, étant l'un des domaines les plus rentables de l'économie de la Corée du Sud, affecte d'une certaine manière la politique étrangère des États-Unis.

Par exemple, le groupe de K-pop Sud-coréen BTS est très populaire dans le monde entier, y compris aux États-Unis. Le laboratoire de production qui les produit se concentre précisément sur l'auditeur américain afin d'accroître la popularité du groupe en Amérique. Le groupe a connu un grand succès en publiant des chansons telles que «Butter», «Dynamite» et «Permission to Dance» en anglais, spécialement pour le public américain. Ces chansons leur ont valu des nominations dans des prix musicaux tels que «Grammy», ce qui a été une percée pour le C-pop aux États-Unis, car c'était la première fois qu'il était nominé pour un prix américain de musiciens asiatiques. La culture K-pop est devenue l'un des principaux types de cultures et a commencé à influencer la politique. Par exemple, les fans de K-pop, ainsi que le soutien des utilisateurs de TikTok, ont acheté des billets pour le rassemblement de Donald Trump à Tulsa, mais ne les ont pas utilisés dans le cadre d'un effort coordonné qui a permis de laisser des centaines de places vides dans la salle d'une capacité de 19 000 personnes [7]. C'est un phénomène assez intéressant, étant donné que les artistes K-pop eux-mêmes ne participent pas à la vie politique du pays, car ils sont interdits d'activité publique amateur pour préserver l'image. La base de fans de K-pop est l'une des plus importantes au monde et est capable de soulever des problèmes sociaux et politiques à l'ordre du jour. Par exemple, lors des manifestations «Black Lives Matter», les fans de BTS ont recueilli 1 million de dollars. Après que les participants eux-

mêmes ont donné le même montant pour aider les victimes [8]. Et de tels cas sont nombreux: les fans ont planté des forêts ensemble, aidé des enfants handicapés, combattu les incendies en Australie, etc. L'activité des fans K-pop augmente l'intérêt pour les artistes K-pop eux-mêmes, car la cause de l'initiative et de l'action des fans est indirectement ou directement les artistes eux-mêmes. Cela signifie que leur voix est significative aux yeux du public et que cela peut être utilisé comme un instrument de «soft power».

En outre, K-pop lutte contre l'intolérance à l'égard de la race asiatique et crée une image de l'Asie comme un environnement propice à la réalisation de soi. L'image des artistes K-pop est pour beaucoup un «idéal» qui a des conséquences positives et négatives. BTS, par exemple, a prononcé un discours à la Maison Blanche et a soulevé une question aussi importante que l'intolérance envers les asiatiques [10].

De telles questions sont soulevées assez souvent parmi les artistes, ce qui augmente la sensibilisation à de telles questions non seulement parmi la jeune génération, mais aussi parmi les plus âgés. Il convient de dire que grâce à la popularité de K-pop, lea touristes en Corée du Sudarrivent, les échanges de programmes d'étudiants ont augmenté, le nombre d'investisseurs étrangers a augmenté, etc. et compte tenu du fait que de nombreux groupes Sud-coréens sont engagés dans des activités créatives aux États-Unis, cela crée un précédent pour une coopération plus étroite entre les pays. Ainsi, la diplomatie culturelle entre les États-Unis et la Corée du Sud est une méthode assez prometteuse pour mener une politique.

La diplomatie culturelle entre les États-Unis et la Corée du Sud est une méthode assez prometteuse pour mener des politiques, étant donné la popularité croissante de la K-pop en Amérique. Les pays encouragent les échanges culturels dans l'éducation, des arts et du sport. En ce qui concerne la culture américaine, elle était répandue bien avant que le monde ne se familiarise avec la culture sud-coréenne.

Au cours de la dernière décennie, la Culture de la République de Corée a changé la situation dans le pays, d'abord en Asie, puis dans le monde entier. La culture pop coréenne est une partie fondamentale du «soft power» de la Corée du Sud et un facteur tout aussi important pour l'économie du pays. Cette pratique s'applique à des pays tels que la Russie, la Chine, les pays de l'Union Européenne, mais l'accent est mis sur les États-Unis.

Liste de Références:

1. What is Cultural Diplomacy? (2018, June 2) [Ressource électronique] URL: http://www.culturaldiplomacy.org/index.php?en_culturaldiplomacy (date de la requête: 11.11.2022).

2. Табаринцева-Романова Ксения Михайловна «Новые» виды дипломатии XXI В. : культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Дискурс-Пи. 2019. №3 (36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-vidy-

diplomatii-xxi-v-kulturnaya-diplomatiya-v-sovremennom-mezhdunarodnom-diskurse (дата обращения: 01.11.2022).

3. Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

4. Лебедева М.М. «Мягкая сила:и подходы» [Ressource électronique] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody/viewer (date de la requête: 11.11.2022).

5. Why is Hollywood so liberal? [Ressource électronique] URL: https://psmag.com/news/why-is-hollywood-so-liberal (date de la requête: 11.11.2022).

6. The Thought Leaders Issue: Taylor Swift [Ressource électronique] URL: https://vmagazine.com/article/the-thought-leaders-issue-taylor-swift/ (date de la requête: 11.11.2022).

7. Trump played by K-pop fans and TikTok users who disrupted Tulsa rally [Ressource électronique] URL: https://www.theguardian.com/us-news/2020/jun/21/trump-tulsa-rally-scheme-k-popfans-tiktok-users (date de la requête: 11.11.2022).

8. BTS ARMY Matched The Group's $1 Million Black Lives Matter Donation, Proving The Positive Power Of Fandoms [Ressource électronique] URL:https://www.forbes.com/sites/bryanrolli/2020/06/08/bts-army-black-lives-mat-ter-1 milliondonation/?sh=2a247dc06465 (date de la requête: 11.11.2022).

УДК 347.77

ON ISSUES OF STATE REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY

Vasiliev Artem Evgenievich
Student of the Institute of Law,Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
22artemjurist22@gmail.com
Scientific adviser
Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law,Ufa university of science
and technology, PhD,
Ufa, Russia

The development of information technology and the creation of new intellectual property through digital devices is the key to determine a country's place in the global economy. Most countries advanced in this course enjoy a type of economy built on continuous technological advancement, produce and export high-tech products with very high added value. The legal protection of new knowledge is very important. State regulation of intellectual property is intended to ensure comprehensive protection of

the rights of creators of the results of creative activity and to promote the mass effective use of intellectual property. An analysis of the current legislation will help us to find out whether such measures are actually being implemented. Whether new approaches to the creation and timely protection of intellectual property are being stimulated.

Keywords: Intellectual property, state regulation, information, method of protection, judicial bodies, Federal Custom Service.

The issue of intellectual property protection is currently a critical one for both individual creators and businesses. Much of the economy now passes through the Internet, and for decades a specific government policy has been created and implemented in this area [1, p. 46]. We make deals and sign papers with electronic signatures, hold court hearings through various video conferencing software, buy products or other everyday items remotely.

The very notion of intellectual property can be interpreted in different ways. The Convention establishing WIPO in 1967 defines intellectual property as follows: «Intellectual property (IP) is the product of human creativity, which can take many forms, be it an artwork, an invention, a computer programme, a trademark or other commercial designation. The Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code) in Part 4 of December 18, 2006 No. 230-FL in Article 1225 also lists the results of intellectual activity and similar means of individualization of legal entities, goods, works, services and enterprises which enjoy legal protection. In the science of civil law, only different approaches and disputes arise as to the definition and meaning of the terms used by the legislator in the Constitution and the Civil Code [2, p. 79]. This is considered to be a minor flaw.

It would seem that these provisions are not problematic as the legislator directly lists and designates IP objects. But Article 1229 of the Civil Code of the Russian Federation raises a legal question. According to the text of this provision, only proprietary rights are included in the exclusive rights to intellectual property. This brings two issues to the forefront:

1) Why did the legislator not include the more important non-property rights of the author among the exclusive rights?

2) Does ownership have the same exclusivity?

The current statutory enshrinement of such status is not fully understood and has led to controversy in the doctrinal writings of legal scholars [3, p. 32].

It is argued that intellectual property is now taking on the characteristics of a commodity [4, p. 44]. Thus, an important role in the enforcement of rights for intellectual property.

The situation in Russia regarding state regulation is ambiguous. There are now too many different state bodies offering services to protect intellectual property. I.D. Shirokov notes that even major owners of intellectual property have problems in protecting them [5, p. 52]. Many simply do not pay the necessary attention and funds, although the innovation economy is primarily built on this.

Accordingly, if even the titans of the legal field cannot come to a common conclusion on the regulation of this activity, it will be difficult for an author who is only aware of the existence of such a category of law to understand.

The problem is low awareness of the system, which limits businesses access to the IP system and their ability to effectively use all the elements offered by the IP system, including not only patents, but also utility models, trademarks, industrial designs, trade secrets, patent databases, copyright and other intellectual property rights[6, p. 68].

Creating a common knowledge base of IP object protection would be a good solution. Collecting information from different sources entails confusion. There needs to be a clear and simple chain of action. Rospatent already has something similar, but it would be better to create a unified system. Thus, for example, an individual entrepreneur can send an application for a patent through myAlpari or via TCS, through the website of the Federal Tax Service and not Rospatent. Such a step would improve competence in the field of intellectual property and coordinate the activities of various agencies in the implementation of state policy in this area [7, p. 24-27].

On the other hand, there is also a lack of judicial bodies. The most important one at the moment is the Intellectual Rights Court, which deals with disputes relating to the protection of intellectual property rights, which falls under arbitration. The non-specialised arbitration courts could be relieved by the creation of a patent rights court.

Such initiative has already been proposed in the State Duma by K.V. Beschetnov. Draft Federal Constitutional Law «On Patent Courts of the Russian Federation» was submitted for consideration back in 2010s, but then it was considered that the load was too small and it was not relevant. The statistics now show that the situation has changed since then. Other countries, for example, have decided to create one as it would have a positive impact on the management of cases [8, p. 1025][1].

Critics of such a trend are of the opinion that such a narrow specialisation and concentration of the activities of one court to hear and resolve disputes related to the granting, limitation and termination of legal protection of inventions, utility models and industrial designs, selection achievements, trademarks and service marks may prove inefficient and unprofitable. We would like to note that the efficiency of justice is the main argument in favour of such a court. The generalisation and harmonisation of jurisprudence and improvement of court technology is also a positive outcome. The establishment of such a body, either as a separate instance or on the basis of the JJC, would help to increase the number of specialists in this field.

Thus, the expansion of the judiciary may have a positive impact on state regulation of intellectual property.

The Federal Customs Service (hereinafter referred to as the FCS) is also key in protecting intellectual property objects. This agency implements measures to prevent and detect infringements of intellectual property rights in the cross-border movement of goods and to prosecute persons guilty of such infringements. The FCS has created a special register, TROIS, which is needed to prevent the importation of counterfeit goods into the territory of the Russian Federation. When checked, the system triggers a protective algorithm that helps the rights holder to stop the illegal activities of competitors. Nevertheless, when creating a trademark on the territory of the Russian

[1]Kirillova K.V. Federal Patent Court of Germany as an Institution for the Protection of Patent Rights // Vestnik (Herald) of PFUR. Series: Law. 2020. №4. С. 1024-1038.

Federation, a rare rightsholder is aware of the fact that there is a special international registration [9, p. 60].

We believe the key development in this activity is the creation of a register that will remember the suppliers of counterfeit goods in order to improve the quality of control and oversight. In this way, the right holder will be able to independently track the necessary information about the supplier, and perhaps the restrictions imposed as part of such a system will «cleanse» the market of counterfeit goods [10, p. 150].

In conclusion, there is a good basis for transition to an innovational economy in Russia. The bodies already in place are fulfilling their duties diligently, but the improvements we have written about above will help simplify their operations and are also of great importance to the right holder as part of protecting or defending his or her right.

Bibliography

1.Zharkova E.A. Information economy: formation of state legal regulation // Bulletin of Siberian State University of Railway Transport: Humanitarian studies. Novosibirsk. 2021. № 1 (9). P. 45-49.

2. Grigorieva A.G. Problems of legal regulation of the concept of 'Intellectual Property' // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2017. №4. P. 79-81.

3. Belinov I.S. Evolution of the legal regulation of intellectual property: a retrospective and the origin of the problem of overlapping rights // Juridicheskaya Nauka. 2022. № 6. P. 30-34.

4.Kopteva A.S. Protection of Intellectual Property Objects in Modern Russia // International Scientific Journal «Symbol of Science». 2022. № 4-1. P. 43- 44

5. Shirokov I.D. The importance of intellectual property protection for enterprises // International Scientific Journal «Innovation Science». M., 2022. № 6- 1. P.51 – 53.

6. Zubov Y.S., Neretin O.P. Rospatent in Management of Regional Development in the Paradigm of Intellectual Property Development // Science Management and Naukometrics. 2022. № 1. P. 67-81.

7. Ivliev G.P. Transformation of intellectual property sphere in modern conditions. - Moscow: Gorodets Publishing House. 2020. P. 22-39.

8. Kirillova K.V. Federal Patent Court of Germany as an Institution for the Protection of Patent Rights // Vestnik (Herald) of PFUR. Series: Law. 2020. № 4. P.1024-1038.

9. Kochubey T.A. Protection of intellectual property rights by customs authorities // National Association of Scientists. 2020. № 56. P. 59-61.

10. Kozhukhanov N.M. Improvement of customs authorities' activities to ensure protection of intellectual property rights in respect of goods sent in international postal clearance // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2021. № 4. P. 44-56.

УДК 340.155.8

UNIFICATION AND HARMONIZATION OF LAW

Galiullina Azalia Venerovna
student of the Institute of Law of UUST,
Ufa, Russia
azaliyagal@mail.ru
Scientific adviser
Yusupova Rozaliya Rimovna
Associate Professor of the Department of International Law and International Relations of the Institute of Law of UUST, PhD, Ufa, Russia

This article is devoted to the unification and harmonization of law in general. Most international treaties and acts of international organizations stipulate the obligations of States to edit their national law in accordance with international norms. The purpose of the work is to analyze the concepts of unification and harmonization, their main difference from each other, as well as some problems in their application. This article also contains International legal acts that allowed these concepts to reveal their content. In this article, we found out that these concepts are interrelated, but harmonization is a broader concept, due to some aspects.

Key words: unification of law, harmonization of law, legal systems, Eurasian Economic Union.

Unification of law is the process of creating uniform rules of law of various States using the norms of international law. Many international treaties and acts of international organizations enshrine the obligations of States to bring their national law in accordance with international norms. Thus, according to article 2 of the 2014 Treaty on the Eurasian Economic Union[1], unification is «the approximation of the legislation of the member states aimed at establishing identical mechanisms of legal regulation in certain areas defined by this Treaty».

Unification is carried out in 2 legal systems – international law (through the adoption of international legal norms) and in national law (when implementing these norms at the national level, their implementation). At the same time, unified international norms have priority over national ones, and conflict-of-laws norms serve as an additional regulator of specific legal relations.

In general, unification is a kind of international law-making process, which takes place mainly within the framework of international organizations.

In particular, article 2 of the 2014 Treaty on the Eurasian Economic Union states a «unified policy» within the Union. This is «a policy implemented by the Member States in certain areas provided for by this Treaty, involving the application by the Member States of unified legal regulation, including on the basis of decisions of the

[1]An international organization of regional economic integration with international legal personality and established by the Treaty on the Eurasian Economic Union

Union bodies within their powers». Its goal is the harmonization of law – «convergence of the legislation of the member states of the Eurasian Economic Union, aimed at establishing similar regulatory legal regulation in certain areas. « and although unification affects almost all branches and institutions of law, the results of unification are most noticeable in the area studied by private international law: these relations most often affect the interests of subjects of rights from 2 or more states. The Convention for the Unification of Certain Rules of International Carriage by Air of May 28, 1999 establishes general rules for the States Parties. The Russian Federation joined the Convention in 2017 and brought its legislation in line with the provisions of International Law.

A lot of work on the unification and harmonization of national legislation regulating various aspects of interstate cooperation is carried out by international organizations. Thus, by decision № 35 of the Board of the Eurasian Economic Commission, the Provisions on the Unification of Test Methods for the purpose of assessing compliance with the Unified Sanitary – Epidemiological and Hygienic Requirements for Goods subject to sanitary-epidemiological Supervision and Control[1] were approved.

Non-governmental organizations make a great contribution to unification in the field of Private International Law. For example, the International Chamber of Commerce has approved «ICC Uniform Rules for Demand Guarantees», «Unified Rules and Customs for Documentary Letters of Credit», «anti-corruption clause» and others.

States take into account the difficulties of applying national law to regulate domestic relations and at the same time the need to preserve the conflict-of-laws method of regulation. That is why most of the international unifying conventions have a complex character: they unify both substantive and conflict-of-laws rules. There are a large number of international treaties and documents of international organizations of a unifying nature in the world.

When developing national law in any area, direct borrowing is most often used. For example, Part 6 of the Civil Code of the Russian Federation is unified with the provisions of international treaties in the field of intellectual property.

The harmonization of law is a process of convergence of the legal systems of different States. Its purpose is to reduce the differences between the national law of the countries participating in the harmonization process. For example, according to article 2 of the 2014 Treaty on the Eurasian Economic Union, «coordinated policy» is «a policy implemented by Member States in various fields, involving the harmonization of legal regulation, including on the basis of decisions of the Union bodies, to the extent necessary to achieve the goal of this Union». The objectives of the Union stipulated in the 2014 agreement.

The main difference between harmonization and unification is that international legal obligations are not necessarily present in the process of harmonization. Model or recommendation norms are often used for this purpose.

[1]Approved by Decision of the Customs Union Commission No. 299 dated 28 May, 2010 Uniform sanitary and epidemiological and hygienic requirements for products subject to sanitary and epidemiological supervision (control).

In 2016, the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States adopted the «model law on electronic government». The Law served as the basis for regulatory regulation of the creation and operation of e-government in these countries.

The absence of obligation determines the specifics of the process of harmonization of law as a whole, which can be either accidental or specifically aimed at some specific area of relations.

In the process of interaction of the legal systems of states, similar norms may appear at about the same time due to historical circumstances.

Harmonization can also take place purposefully. Thus, the parties perceived the rights of the metropolises, the US antitrust law became a model for European competition law, the provisions of the German Civil Code were transformed into the Civil Code of the Russian Federation and others.

In many areas of legal regulation, the process of purposeful harmonization is intensively underway. Thus, the banking legislation of the countries of the world is harmonized consciously due to economic reasons.

Despite the large-scale processes of unification and harmonization of law, the active activity of international organizations in this area, the state is not willing to undertake radical reforms of its legislation, not all EU states and want to have common law in «complex areas», such as criminal law.

Thus, the harmonization and unification of law are interrelated phenomena, but harmonization is a broader concept, since the convergence of national legal systems can also be carried out in non-unification procedures.

УДК 347.77

DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW CHANGE AND UPDATING OF LAW IN CONNECTION WITH THE DIGITALIZATION OF MODERN SOCIETY

Gimazov Damir Fairuzovich
Student of the Institue of Law,Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
gimazov123321123@mail.ru
Scientific adviser
Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law,Ufa university
of science and technology, PhD,
Ufa, Russia

This article reflects the main aspects of the digital transformation of law and its actualization in modern legislation. The range of problems arising in the system of legislation of the Russian Federation in connection with the active use of modern technologies in civil law relations and other legal areas related to the life of society is considered.

Key words: Digitalization of law, objects of civil law, principles of law, intellectual property rights, protection of intellectual property rights, digital technologies of law.

In connection with the rapid development of IT-technologies and their direct interaction with the daily life of a person, the need to improve the system of legislation in this direction gradually began to arise. Many corporations, small and medium-sized businesses engaged in tourism or trade activities, companies that distribute media content (music, films, video games), as well as banking, insurance organizations and many others are actively using the modern benefits of scientific and technological development to provide their goods and services. services to the consumer. In turn, the legislation can not always properly ensure control over new forms of civil law relations, which can sometimes lead to conflicts in law, and in some cases there may be no proper regulation of the legal relations that have arisen. To avoid this, the law should not stand still. It is necessary to regularly update existing norms, create new ones, and expand the use of modern digital technologies in the legal sphere itself, which implies the digital transformation of law.

The term digital transformation of law is usually understood in two main senses. In one case, this refers to the digitalization of law, i.e. the use of modern technologies directly in the legal sphere for the corresponding improvement of work efficiency. «Today, the law does not so much influence the development of relations in the field of the use of digital technologies, as the latter force the right to transform and interact with other regulators, use digital technologies for their own self-development purposes

at various levels of life» [1, p. 171]. Thus, the Prosecutor General of the Russian Federation issued order N 627 «On approval of the Concept for the digital transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office until 2025» (together with the «Concept for the digital transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office of the Russian Federation until 2025»). This document contains provisions on state and departmental information systems, on a unified system of interdepartmental electronic interaction, as well as a number of provisions on high-tech supervision and digital infrastructure[1]. With these provisions, a system of internal electronic communication appears in the system of prosecution bodies. All this will help in the work of the relevant structures and make it more efficient.

In the second case, the term digital transformation of law is understood as a change, actualization of law as a result of the digitalization of society and its legal relations. Alexander Amiranovich Kartskhia speaks about the concept of digitalization of legal relations, understanding it as - the expanding use of modern digital technologies in various fields of human activity [2, p. 25]. All this leads to changes in the legislation. So in the Labor Code, from the year 2013, a chapter was introduced devoted to the peculiarities of regulating the work of remote workers. It contains general provisions that consolidate the concepts of remote work, remote worker and other definitions, as well as regulating the relationship between a remote worker and an employer.

Thus, we can talk about the importance of the digital transformation of law, its updating and digitalization, which is a necessary factor in maintaining the objectivity and fairness of legislation, as well as a guarantee of the preservation of stable economic development and social and legal institutions.

Legal regulation of digital technologies is an important part of legal regulation in general. In the modern world, due to the rapid development of scientific progress, this aspect of control is becoming more and more relevant. So, along with the new opportunities provided by the digitalization of legal relations, their transition to “cyber reality”, there are also new ways of fraud, deception and other types of illegal activities carried out with the help of digital technologies.

Phishing is one of the types of fraud that has recently become actively spread on the Internet. «Phishing is a separate type of Internet fraud, expressed in mass mailings within various services, the purpose of which is to obtain confidential data illegally» [3, p. 187]. Such mailings may differ from each other in their form and content, however, they are carried out directly on the Internet. The purpose of such fraud in the end is not so much the user's personal data as the benefits that can be obtained using the information received. This may be cash, securities or valuable information that is important to the victim.

It is also necessary to note the conflict existing in the science of criminal law on the introduction of independent responsibility for crimes related to phishing. A number

[1] Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated September 14, 2017 № 627 (as amended on December 1, 2021) «On approval of the Concept for the digital transformation of the bodies and organizations of the prosecutor's office until 2025» (together with the «Concept for the digital transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office of the Russian Federation until 2025») // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov/ (accessed: 03.10.2022).

of scientists believe that such a measure is necessary to prevent crime. Others refer to the application of the norms of already existing articles of the Criminal Code, and do not see the need to introduce new norms. A similar issue was discussed at meetings of the State Duma of the Russian Federation. The draft law was sent to the Ministry of Internal Affairs, however, in the response that came, it was said that there was no need to introduce phishing as a separate type of crime and independent responsibility for its commission, since in its essence it is theft of funds and should be qualified in accordance with the already existing norms of the Criminal Code. Thus, this bill was never adopted, despite all the specifics associated with the commission of phishing crimes.

Another of the current problems was the outflow of digital technologies from the Russian Federation. The departure of many corporations from the domestic market and the ban on the supply of digital equipment gradually leads to the impossibility of using the usual Internet services. So, many Internet providers who use foreign equipment for their activities have faced some problems in providing access to the network. Bans were also imposed on the financial sector. Thus, the international payment systems Visa and Mastercard have disabled the possibility of contactless payment from mobile devices, and the issuance of new cards of these companies has been suspended [4, p. 111]. Many foreign Internet services also limited the ability to pay from the Russian region. In the future, restrictions may even affect the operating systems of modern telephones and personal computers, which in turn will only lead to negative consequences in many areas of society and the state.At the moment, the state authorities are faced with the task of resolving the most important problems. Thus, the Central Bank of the Russian Federation developed the Strategy for the Development of the National Payment System for 2021-2023, aimed primarily at creating favorable conditions for consumers to use the national payment system [4, p. 112]. This strategy has been updated and should ensure the availability of use, as well as the comfort and security of payments made.

Thus, we can conclude that a sufficient number of problems and unresolved tasks have recently appeared related to the legal regulation of digital technologies.

Bibliography

1. Morozov, A. V. Problems of legal regulation of digital technologies in Russia and abroad / A. V. Morozov // Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA). 2019. No. 12(64). P. 170-172.

2. Kartskhiya, A. A. Digital transformation of law / A. A. Kartskhiya // Law enforcement monitoring. 2019. No. 1 (30). P. 25-29.

3. Bulavinova, A. M. Fishing as an independent type of fraud in the field of information technology: problems of legal regulation / A. M. Bulavinova, L. V. Timoshina // Results of modern scientific research and development: collection of articles of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, May 27, 2021. Penza: Limited Liability Company «Science and Education», 2021. P. 186-188.

4. Shaimuratova, A. I. Application of modern digital technologies in the national payment system of the Russian Federation / A. I. Shaimuratova, N. A. Sattarova // Actual problems of financial law in the era of digitalization: materials of the

International Scientific and Practical Conference, Ufa, 20 April 2022. Ufa: Research Institute for the Problems of the Legal State, 2022. P. 111-113.

УДК 340

L'IMPACT DE LA PANDÉMIE COVID-19 SUR LA LÉGISLATION DE LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

Danilko Alexeï Nikolaïevitch
Étudiant à l'Institut de droit de UUST, Russie
aleksey45153@gmail.com
Directeur scientifique:
Yusupova Zilya Anasovna,
Candidat de sciences en philologie, maître de conférences à la chaire de droit international et des relations internationales de l'institut de droit de UUST,
Oufa, Russie

La pandémie COVID-19, qui représente toujours un danger, a touché presque tous les états du monde. Les pays de l'Union européenne ont également subi d'énormes dommages. Toute la vie de la communauté a changé, ce qui ne pouvait que influencer la législation nationale des grands pays. Le but de ce travail était d'analyser les modifications et les ajouts apportés à la législation nationale française à la suite de l'apparition de la pandémie et de son développement ultérieur. Il s'agissait d'évaluer l'impact d'un événement historique aussi important qu'une pandémie de virus dangereux sur la législation nationale du troisième plus grand pays d'Europe.

Mots clés: législation nationale; COVID-19; pandémie; France; État d'Urgence; restrictions.

La pandémie COVID-19 a eu un impact énorme sur tous les pays du monde, devenant l'un des événements majeurs de la dernière décennie. La France est sans aucun doute parmi les plus touchées par cette pandémie, dont nous pouvons voir et entendre les échos, même quelques années après son lancement. Néanmoins, de nombreux pays ont rapidement pris des mesures décisives, y compris dans le domaine juridique, qui ont été conçues pour aider à résoudre la crise. Ces actions de la part du gouvernement de la République Française seront évoquées plus loin.

La France est l'un des pays les plus grands et les plus peuplés d'Europe. La cinquième République a pleinement accepté le choc de la pandémie de coronavirus. Ainsi, déjà le 24 mars, après la publication de la loi dans le «Journal Officiel»[1], le régime

[1]JORF n° 0072 du 24 mars 2020 // Site officiel de l'information juridique de la République Française [Ressource electronique]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/jo/2020/03/24/0072. (date de la requête: 26.10.2022).

d'urgence sanitaire a été introduit, la décision s'appuyait sur la loi de 1955[1], qui est le cadre législatif pour l'introduction de l'urgence dans le pays. Cependant, les nouvelles restrictions concernaient l'infection à coronavirus et concernaient principalement les mesures nécessaires pour la combattre. Ainsi, le gouvernement a considérablement élargi ses pouvoirs pour imposer des restrictions aux réunions et aux activités des entreprises.

Cependant, des mesures de quarantaine ont commencé à être appliquées plus tôt, avant l'introduction de l'urgence sur le territoire du pays. Ainsi, le 12 mars a d'abord annoncé la fermeture des écoles et des universités, puis la fermeture des lieux de loisirs, et le 16 mars, le président a annoncé le début des mises en quarantaine [1]. Cependant, c'est l'introduction de la PE qui est devenue la base juridique de l'action décisive du gouvernement.

Le pays a également adhéré à l'initiative de fermeture des frontières, qui a été développée le 8 avril 2020, et en plus des solutions similaires introduites par les pays de l'UE, il prévoyait la fermeture des frontières pour tous, sauf les citoyens français [2].

En cas de violation de l'auto-isolement, de graves amendes ont été imposées, des violations systématiques de la quarantaine peuvent entraîner une peine d'emprisonnement.

Outre de graves restrictions, des mesures de soutien à la population ont été prises dans le cadre de l'urgence et du Lockdown général. Il ressort de l'examen par Pays Du Département de la coopération internationale et régionale de la SP de la Fédération de Russie que le 17 mars 2020, le Gouvernement français a pris des mesures pour fournir une aide matérielle aux travailleurs handicapés. Le 18 mars 2020, le Gouvernement français a décidé de verser une allocation de chômage temporaire à tous ceux qui étaient partiellement ou totalement au chômage en raison de la pandémie. Le 19 mars 2020, le Gouvernement français a pris des mesures pour fournir des logements aux couches économiquement défavorisées de la population. Le 23 avril 2020, le Parlement français a adopté un deuxième ensemble de mesures de soutien économique visant à atténuer les effets des restrictions liées à la pandémie COVID-19. Sur la base des informations fournies dans cette étude, on peut également conclure que le gouvernement français a pris un vaste ensemble de mesures pour soutenir les entreprises, pour lesquelles, selon l'étude, environ 700 milliards d'euros ont été dépensés [3].

Bien que la situation ait commencé à se stabiliser à l'été 2020, un nouveau cycle de pandémie en octobre 2020 a entraîné l'adoption d'un nouvel ensemble de mesures restrictives. Le prochain «Lockdown» a été annoncé le 30 octobre [4].

L'avènement des vaccins contre l'infection a marqué un nouveau tournant dans l'introduction de restrictions qui ont commencé en 2021. Et bien qu'ils aient provoqué une résonance assez sérieuse dans la société et le gouvernement, ils ont néanmoins été acceptés. Ces actes ont été conçus pour accélérer le rythme de la vaccination, en encourageant les gens et en les impliquant dans le processus.

---

[1]Loi n° 55-385 du 3 avril 1955 relative à l'état d'urgence // Site officiel de l'information juridique de la République Française [Ressource electronique]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000695350 (date de la requête: 26.10.2022).

Cependant, de telles mesures ont été considérées par beaucoup comme extrêmement controversées. Par exemple, le portail russe «Tsargrad» a qualifié ces lois de «Route directement en enfer», critiquant l'adoption de telles mesures [5].

Ainsi , par exemple, un projet de loi sur les «laissez-passer santé»[1] a été adopté, qui a prolongé la validité des Certificats de vaccination et leur nécessité d'accéder aux lieux publics. En outre, à partir du 30 septembre, la vérification des Certificats a également été introduite chez les mineurs [6].

Néanmoins, de telles restrictions, qui ont été introduites dans de nombreux pays, y compris dans la Fédération de Russie, ont provoqué une vive résonance dans la société française.

Des rassemblements contre la vaccination obligatoire ont eu lieu dans tout le pays, rassemblant des centaines de milliers de citoyens mécontents qui s'opposaient à l'introduction de telles mesures [7]. Cependant, cela n'a pas diminué la détermination du gouvernement à modifier davantage la législation et à introduire de nouvelles mesures pour lutter contre l'infection.

Les faits décrits ci-dessus nous permettent d'affirmer qu'au cours de la pandémie, la législation nationale de la Cinquième République a subi des modifications. De nombreux précédents, tels que l'introduction d'une urgence sanitaire, les mesures de soutien aux entreprises et les restrictions imposées et levées, créent un cadre juridique permettant de répondre rapidement aux défis futurs et à d'autres épidémies potentielles.

Bibliographie

1. Emmanuel Macron annonce l'interdiction des déplacements non essentiels dès mardi midi // Site officiel du journal Marianne [Ressource electronique]. URL: https://www.marianne.net/politique/emmanuel-macron-annonce-l-interdiction-des-deplacements-non-essentiels-des-mardi-midi. (date de la requête: 26.10.2022).

2. Statement by Jean-Yves Le Drian, Minister for Europe and Foreign Affairs, Christophe Castaner, Minister of the Interior, and Jean-Baptiste Djebbari, Minister of State for Transport, attached to the Minister for the Ecological and Inclusive Transition (18 March 2020) // Official site of legal information in French Republic. [Electronic resource] URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/en/coming-to-france/coming-to-france-your-covid-19-questions-answered/coronavirus-statements/article/statement-by-jean-yves-le-drian-minister-for-europe-and-foreign-affairs. (date de la requête: 26.10.2022).

3. Страновой обзор: Опыт Франции в борьбе с COVID-19. Материал подготовлен Департаментом международного и регионального сотрудничества СП РФ 07.07.2020 // Официальный сайт Счетной Палаты РФ. [Электронный ресурс] URL: https://ach.gov.ru/. (дата обращения: 26.10.2022).

[1]Loi n° 2021-1040 du 5 août 2021 LOI n° 2021-1040 du 5 août 2021 relative à la gestion de la crise sanitaire // Site officiel de l'Assemblée nationale française [Ressource electronique]. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/dossiers/gestion_crise_sanitaire. (date de la requête: 26.10.2022)

4. Франция вслед за Германией объявила о новых ограничениях из-за COVID // Новостной портал РБК. [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/society/28/10/2020/5f99c3b99a794704e940ccf3. (дата обращения: 26.10.2022).

5. Европа переходит на вакцинно-паспортный режим // Новостной портал РБК. [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2021/07/28/60feac699a79473e6ef2a9dc. (дата обращения: 26.10.2022).

6. Дорога в ад: новые законы о борьбе с коронавирусом отменяют все права и свободы // новостной портал «Царьград». [Электронный ресурс] URL: https://tsargrad.tv/articles/doroga-v-ad-novye-zakony-po-borbe-s-koronavirusom-otmenjajut-vse-prava-i-svobody_387264. (дата обращения: 26.10.2022).

7. Полиция Франции назвала число протестующих против обязательной вакцинации // Новостной портал РБК. [Электронный ресурс] URL:https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60f366c89a794706cabc0da8. (дата обращения: 26.10.2022).

УДК 342.72

LEGALREGULATION OF THE USE OF BIOMETRIC DATA

Ismagilov Ilmir Ildusovich
student of institute of law of UUST
The City of Ufa, the Russian Federation
ismagilov 0604@gmail.com
The Academic advisor:
Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law, Ufa university
of science and technology, PhD,
Ufa, Russia

In modern society the state sets itself the task of developing digital technologies. To this end, the President of the Russian Federation issued a decree according to which public administration should be directed to the introduction of modern technologies. Biometric data is actively used to solve this problem. Such a process should be legislated. The purpose of this work is to study the procedure for using biometric personal data. We have analyzed the existing legislation that regulates relations in the field of the use of biometric data and the problems of its application. As a result of this study, ways to solve the problems of legal regulation of the use of biometric personal data were proposed. We believe that these solutions will contribute to the development of digital technologies in the state.

Keywords: biometric data, biological information, legal regulation, personal data, law, information, digital technology, protect.

This topic is relevant, as digital technologies are developing in modern society. With the help of them, it is possible to process a person's biometric data. To date, there is a legal regulation of such relations. However, it has drawbacks. The legislation does not provide for areas of human activity in which biometric data can be used. It lacks the requirements that work with biological data must meet. There are no measures of legal responsibility for illegal actions with biometric data in regulatory legal acts. They give rise to certain problems. These problems need to be solved at the legislative level.

The object of the study is public relations in the field of the use of human biometric data.

The subject of this research is the normative legal acts of the Russian Federation and foreign countries and the works of Russian and foreign scientists.The purpose of the study is to improve the legislation on biometric data.

To achieve the results of the study, the following tasks are set:

1. To define the concept of biometric data.

2. To study their legal regulation.

3. Compare the legislation and practice of its application in Russia and in foreign countries.

4. Identify and solve problems related to the legal regulation of biometric data.

Before proceeding to the consideration of the issues of legal regulation of biometrics and the problems that are associated with it, it is necessary to consider the definition of the concept of biometric data.

This term is included in the category of science biology [1, p. 165]. However, it is also being investigated in legal science. There is no consensus among scientists on approaches to understanding biometric data. Some scientists believe that biometric data are the physiological traits of a person. Others believe that biometric data are unique human traits that characterize a person's physical and behavioral characteristics.

In our opinion, the second approach cannot be acceptable, since biological data do not identify human behavior. It is related to the characteristics of an individual as a member of society, but it is not interrelated with the biological characteristics of a person.

Therefore, the first approach is the most correct, since it corresponds to the essence of biometric data.

Foreign scientists give their own definition of the concept of biometric data. They believe that such data are unique features of people who characterize physical and physiological traits [2, p. 91]. This approach to the understanding of biometric data, presented by foreign authors, is similar to the opinion of domestic scientists. Having studied various points of view, it can be concluded that biometric data is information about organs and human tissues that are inextricably linked with a person, which identify him, express personal characteristics and are relatively stable.

When studying this concept, it is possible to identify certain biological characteristics of a person. These include fingerprints, retina and iris, facial features, voice, etc.

Human biometric data are relatively changeable, i.e. after a certain period of time; these features lose their former properties.

They are unique, i.e. they are individually developed for each person. Biometric data of all people have no identity.

Therefore, any person can be identified unmistakably by biological data. Thus, it is possible to determine the following features of biometric data: uniqueness, relative stability, the presence of physiological features.

Due to the presence of specific features of biometric information, the State should create an order for the use and processing of such information and means of their protection by adopting appropriate regulatory legal acts.

In the Russian Federation, there are laws and by-laws regulating social relations in the field of the use and processing of personal data. The Federal Law «On Personal Data» provides for the possibility of using biometric data [3, p. 441].

According to Article 11 of this law, biometric data are the physiological and biological characteristics of a person, according to which the identity of a citizen is established. They are processed by information system operators only with the consent of persons, except in cases expressly provided for by laws and other regulatory legal acts.

The procedure for processing personal data is regulated in detail in the order of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation «On the procedure for processing biometric personal data». This document focuses on the issue of security of biometric data processing. It provides that biometric information is protected by an enhanced electronic signature. Authorized state bodies annually carry out control measures, the subject of which is compliance with security requirements in the field of personal data processing.

Also, the use of biometric data is regulated by the law on Information, Information Technologies and Information protection, on banks and banking activities, etc.

Biometric data can be used not only in the above areas, but also in criminology. For example, it is possible to identify suspects using a person's fingerprints. According to the faces, it is possible to identify a specific person by the signs of appearance.

Not only in Russia, but also in foreign countries, the legislation on biometric data and the practice of its application are developing rapidly. Let's look at the example of specific States.

The People's Republic of China has adopted a law on the protection of personal data. It provides for the possibility to use personal data only with the consent of citizens.

However, practice shows that such data is collected without the consent of their owners. This is due to the purpose of ensuring public safety. In particular, a facial recognition technique has been developed. This technique involves the use of video surveillance cameras to fix faces. According to this method, the search for suspects in the commission of crimes is carried out. It is also possible to identify pedestrians crossing roads in places that are not designated for this purpose. On the one hand, this method of identifying a person helps to reduce the number of offenses committed by citizens. On the other hand, the use of this system does not guarantee the correct identification of persons involved in the commission of offenses. For example, a citizen of the PRC was brought to legal responsibility for violating traffic rules. However, the decision to bring to administrative responsibility is erroneous, since the surveillance camera does not record the citizen himself, but only his image is shown, and he himself

was not at the place of the offense. As a result of the case review, the decision to bring to administrative responsibility was canceled.

Thus, in the People's Republic of China, the facial recognition technique has certain errors that lead to problems concerning the objective consideration of cases of offenses. These errors need to be corrected.

In California (USA), the law «On Consumer Privacy» was adopted, according to which biometric data refers to personal data. They are confidential, i.e. they cannot be disclosed without the consent of the consumer. The adoption of this law has a specific reason. The facial recognition technique does not provide control over compliance with security requirements when using biometric data. After the adoption of the above-mentioned law, biological data is not used for identification.

In the Republic of Gabon, biometric data is used for identification purposes in the compulsory social insurance system and when receiving social benefits.

When studying the legislation of Russia, as well as foreign countries and the practice of its application, it is possible to sum up certain results.

The Federal Law «On Personal Data» contains a non-exhaustive list of features of biometric data. The laws of the PRC and the USA provide for a closed list of biometric data. The Federal Law «On Personal Data» does not provide for the confidentiality of biometric data. California state law prescribes a ban on the disclosure of biometric data. This law provides for the confidentiality of biometric data.

In Russia, the law on personal data provides for the possibility, without the consent of a citizen, to use his biometric data within the limits and in cases expressly provided for by laws. The Law of the People's Republic of China on Protection personal data does not provide for the possibility to use a person's biometric data without his consent.

However, the legislation of this state does not provide for a ban on the use of biometric data in order to ensure public safety.

It follows from this that the legislation of the state of California provides for a clearer definition of the concept of biometric data in comparison with the legislation of Russia. Therefore, there is no uncertainty in the interpretation of the concept of biometric data in this state. The law of the State of California «On Consumer Privacy» provides for a guarantee of the security of biometric data, since they constitute a secret protected by it. The legislation of the Russian Federation does not provide for a guarantee of the security of biological information about a person, since they do not belong to a secret protected by the rule of law.

In Russia and China, in legal relations in the sphere of the use of biometric data, the interests of society may prevail over the interests of the individual, since the restriction of the right to consent to the dissemination of biometric data may be limited in order to protect the foundations of the constitutional system of the state, protect the rights and freedoms of others and the security of society.

Thus, the legislation of states regulating the attitude in the field of the use of biometric data contributes to the progress of society, the most effective implementation of state control. The use of biometric information facilitates the activities of law enforcement agencies to investigate and solve crimes. However, this does not mean that

biometrics is absolutely developed. There are many problems in this area that require certain decisions. Let's consider some problematic issues.

The first problem is the uncertainty of the interpretation of biometric data. The Federal Law «On Personal Data» provides that biometric information includes any biological information. In by-laws, the list of information related to biometric data is narrowed. On issues related to the definition of the concept of biometric data, contradictory positions arise in judicial practice, since the definitions do not correspond to each other in the above-mentioned legal norms. For example, when considering the case, the court found it possible to recognize the recordings from CCTV cameras, in which a citizen is depicted, to biometric personal data. He justifies his decision by the fact that the CCTV footage, which contains the image of a citizen, may include biometric information. This information allows you to identify the subject of personal data. Therefore, the court regarded the actions of the administrative defendant as a violation of the law on personal data. In another case, the court did not attribute a video recording containing an image of a citizen to biometric data. He motivated his decision by the fact that there was no fact of identification of a person. In this connection, obtaining an image of a person when he is in the territory that falls within the surveillance sector of a specific camera installed in order to monitor his environment does not confirm the possibility of his identification [4, p. 82]. In this regard, the image of a person is not recognized as biometric information. We believe that the existence of the above contradictory positions arose because mistakes are made in Russian legislation. Firstly, the law on personal data uses the phrase «any biometric personal data». No other wording, any, etc. should be used in any rule of law. The presence of such an error creates difficulties in interpreting the rules of law in practice. Secondly, some regulatory legal acts contain judgments that contradict in meaning to others. This error also entails uncertainty in the understanding of the rules of law. We believe that the solution to this problem will be the elimination of these errors. It is necessary to exclude the wording «any biometric data» and bring by-laws in accordance with the federal law «On Personal Data». This decision will be aimed at eliminating difficulties in the interpretation of legal norms and at forming a uniform approach in the application of legal norms in practice.

The second problem is that there are no guarantees of the security of biometric personal data. The fact is that government agencies, organizations and institutions store biometric data of clients in systems that do not provide a high level of confidentiality of such data. In such situations, it is possible to leak biometric data, their disclosure to other persons, which violates the rights and legitimate interests of citizens. However, the federal law «On State Secrets» provides for the confidentiality of information constituting a state secret.

Similar provisions should be provided for in the law «On Personal Data». It needs to be amended. It is necessary to provide that biometric personal data must be confidential. It is necessary to oblige information system operators not to disclose biometric information, not to transfer it to third parties. These amendments will contribute to ensuring the security of biometric information, preventing the possibility of transferring biometric information to other persons, strengthening the trust of citizens to persons processing biological personal data of a person.

To date, there is another problem, which is the lack of elaboration of mechanisms of responsibility for illegal actions with biometric data. In practice, there are cases involving the use of biometric data without the consent of citizens and the commission of theft of such data. The reason for this problem lies in the absence of special norms in the legislation regulating liability for illegal actions with biometric information. For example, the Criminal Code of the Russian Federation does not specify biometric data as the subject of theft, fraud and other economic crimes. This Code provides that the subject of a crime includes things that are affected by persons when committing crimes. Biometric data does not relate to things, therefore they cannot be objects of socially dangerous acts. The Administrative Code of the Russian Federation is also responsible for committing offenses related to the use of biometric information. We believe that it is necessary to amend the Criminal Code of the Russian Federation and the Administrative Code of the Russian Federation. It is necessary to introduce into these legislative acts special compositions of offenses related to the unlawful possession and use of biometric data. Delineate the elements of offenses depending on the consequences. To provide for criminal liability in case of significant harm to the rights and legitimate interests of citizens and organizations. With the introduction of criminal and administrative responsibility for illegal actions with biological data, it will be possible to protect violated human rights.

Having investigated the issues of legal regulation of biometric data, we have achieved certain results.

This study defines the concept of «biometric data». We came to the conclusion that not every characteristic can be recognized as biometric data. Such data can only include information about human traits that reflect the biological essence. We have identified signs of biometric information. The legal regulation of biometric information and the practice of applying legislation on such information were studied. We also had the laws of the Russian Federation and foreign countries are compared. We assessed the prospects for using biometric information.

After analyzing the advantages of using biometric information, it was concluded that this sphere of public life can contribute to strengthening state policy. We have considered problematic issues. When studying current problems, we came to certain conclusions.

Firstly, legislation should provide for a specific definition of the concept of biometric data. Only if there is a clear definition of the concept of biometric data, it is possible to effectively apply the rules of law that regulate relations on their use.

Secondly, there should be no contradictions in various regulatory legal acts. Their presence cannot lead to positive consequences in the implementation of practical activities.

Thirdly, the legislation should provide for requirements concerning the protection of biometric information. Only if they are available, it is possible to guarantee the security of biological information.

Fourthly, the norms of law providing for measures of responsibility for offenses should be improved taking into account the existing real situation in public life. The existing problems related to the legal regulation and uses of biometric information are

important for any person, since biological information is of the same value as the constitutional rights and freedoms of man and citizen.

Bibliography

1. Zhukov M.N. The validity of the use of biometric data in forensic science: problems of legal protection of personal data // International Scientific Research Journal. 2021. № 12. P. 164-167.

2. Kolosov A.V. Legal regulation of the turnover of biometric data of citizens of the European Union // Siberian Legal Bulletin. 2021. № 3 P. 89-96.

3. Koren E.N. Biometric data: problems and prospects of legal regulation in the Russian Federation // Modern problems of state and law. Collection of materials of the international scientific and practical conference dedicated to the sixty-fifth anniversary of the Siberian Institute of Consumer Cooperation, edited by R.A. Proschalygin, Novosibirsk. 2020. P. 439-442.

4. Krivogin M.S. features of legal regulation of biometric personal data // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2017. №. 2 P. 80-89.

5. Krivogin M.S. The legal regime of biometric personal data // Problems of modern science and education. 2015. №.10. P. 126-129.

6. Rassolov I.M. Chubukova S. G. Biometrics in the context of personal data and genetic information // Lex russica. 2019. №. 1. P. 108-118.

7. Sidorova A.V. Problems of using biometric data in banking sector: problems of theory and practice // science of the XII century: current directions of development. 2022. №. 1 P. 347-350.

УДК 327

PROBLÈMES DE RÉGLEMENTATION JURIDIQUE DE L'ESPACE ARCTIQUE

Madyarova Alsou Ilsurovna
Étudiante de l'Institut de Droit, Université de la Science
et des Technologies d'Ufa
alsu.madyarova.02@bk.ru
Conseiller scientifique:
Mukhametgareeva Nataly Mikhailovna
Candidat en Lettres,
Chaire du Droit International et des Relations Internationales,
Université de la Science et des Technologies d'Ufa
nmch77@mail.ru

Cet article présente une brève analyse de la réglementation juridique existante de la région Arctique. L'Arctique est un nouveau conflit d'intérêts sur la carte politique du monde. Les représentants principaux des relations internationales surveillent de la richesse de cette région, dont l'exploitation devient de plus en plus réelle en raison du changement climatique. L'article propose un examen des documents existants régissant le statut de la région, ainsi que des prévisions et des des solutions possibles sur la situation dans la région.

Mots - clés: Arctique, région Arctique, Conseil de l'Arctique, réglementation juridique, recherche, ONU.

En ce moment, la région Arctique est le seul endroit sur notre planète avec un tel ensemble unique de caractéristiques: il se cachent ici d'énormes gisements de minéraux, de ressources minérales, et c'est cette région qui n'a pas de mécanismes juridiques spécifiques pour réglementer le territoire.

Actuellement, le destin de cette région est principalement décidé par les pays du soi-disant «Conseil de l'Arctique» [1]: le Danemark, l'Islande, le Canada, la Norvège, la Russie, les États-Unis, la Finlande et la Suède [2]. Mais ce n'est pas si simple. La région de l'Arctique est l'un des endroits les plus riches du monde: en

ce qui concerne le gaz, on estime qu'il y a 1 669 000 milliards de pieds cubes de gaz dans l'Arctique, ce qui représente 24,3% des réserves mondiales connues, ainsi que de nombreux minéraux, métaux des terres rares, etc. [3]. Par conséquent, il y a un grand besoin de réglementation juridique de l'exploitation minière sur ce territoire. Cependant, il n'existe pas actuellement de traité international définissant le statut juridique de l'Arctique. Le statut de la région est principalement régi par la Convention des Nations Unies sur le droit de la mer [4] et la législation nationale des États voisins.

L'article 76 de la Convention établit automatiquement les limites du plateau continental à 200 milles marins, mais donne à l'État le droit de revendiquer le plateau au-delà de cette frontière. Pour exercer ce droit, le pays doit présenter une demande auprès d'un organe international spécial − la Commission des limites du plateau

continental de l'ONU [5]. Avant de présenter une demande d'extension du plateau, un Etat doit régler les différends avec les autres pays intéressés [6]. Les territoires situés au-delà de 200 milles marins deviennent automatiquement internationaux. Par conséquent, de nombreux États sont maintenant intéressés à la poursuivre le développement de l'Arctique et prévoient de revendiquer une partie des réserves naturelles. Une attention particulière devrait être accordée au facteur de réchauffement climatique, dans lequel la glace arctique se rétrécit rapidement, offrant de plus en plus de possibilités de recherche et d'exploitation minière dans la region [7].

De plus, en train de la fonte des glaciers, la région devient également de plus en plus accessible à la navigation. En ce moment, les pays asiatiques examinent avec beaucoup d'intérêt la possibilité d'utiliser cet espace pour réduire la route entre l'Asie et l'Europe. La Chine, qui est l'un des principaux producteurs de la région asiatique, est plus préoccupée de cette question pour l'instant. Il existe deux routes à travers la zone arctique : la Route Maritime du Nord (RMN) [8] et le passage du Nord-Ouest (PNO) [9]. Tous deux sont relativement courts (comparés à la route de la mer du Sud de la Chine via le canal de Suez) [10].

En ce moment, la navigation à part entière dans l'Arctique semble incomplète, mais dans le cas du développement accéléré de la région associé à la fonte des glaciers, ce type d'activité nécessiterait également une réglementation juridique en raison du statut juridique particulier de la région.

Dans la situation actuelle, une seule option est possible: le règlement progressif du statut de droite de l'Arctique par les pays du Conseil de l'Arctique. Il est probable que l'aide d'intermédiaires sous la forme d'autres pays ou de l'ONU peut être nécessaire, mais la possibilité d'une prise de décision indépendante par les États de l'Arctique n'est pas exclue, compte tenu de la situation internationale instable et de la diminution progressive de l'autorité des organisations internationales.

Il faut appeler une attention particulière au fait que la coopération entre ces pays a été fructueuse depuis longtemps. Depuis 1993, des délégations de la Russie, du Canada, des États-Unis, du Danemark, de la Finlande, de l'Islande, de la Norvège et de la Suède, ainsi que des représentants de l'UE, participent à des conférences de parlementaires de la région Arctique; depuis 2005, une Conférence annuelle sur les problèmes de navigation dans l'Arctique (la Russie, la Finlande, la Suède, la Norvège, l'Allemagne, le Canada, les États-Unis) a eu lieu; en 2008 et 2010, des réunions des «cinq arctiques» ont eu lieu (les chefs du ministère des affaires étrangères de la Fédération de Russie, du Canada, des États-Unis, du Danemark et de la Norvège). En avril 2012, la base aérienne canadienne Goose Bay a accueilli la première réunion des ministres de la défense et des chefs d'état-major, à laquelle ont participé des représentants du Canada, des États-Unis, de la Russie, de la Norvège, du Danemark, de la Suède, de la Finlande et de l'Islande [11].

Néanmoins, des différends conflits territoriaux locaux entre des États persistent. Il s'agit, par exemple, la question du statut juridique de la ride de Lomonossov, à laquelle trois États revendiquent leurs droits: la Russie, le Danemark et le Canada. Pendant ce temps, la possession de ce territoire donne le droit d'utiliser les eaux voisines en vertu de la même Convention des Nations Unies sur le droit de la mer. En 1920, lors de la signature du Traité de Svalbard [12], un précédent sur la résolution de ce type de

différend a eu lieu. En vertu du Traité, les pays ont reconnu la pleine souveraineté de la Norvège sur ce territoire, mais des règles souples ont été établies pour l'utilisation des territoires maritimes voisins. Le traité entre l'URSS et la Norvège de 1978 [13]. La différence, cependant, est que les États ne sont pas prêts à renoncer à leurs revendications à la ride de Lomonosov en ce moment, de sorte que le précédent ci-dessus reste seulement un exemple possible, mais pas pour l'avenir immédiat.

Il ne faut pas oublier la valeur globale de la région arctique. Il est logique de penser que la réglementation juridique de la région, accomplie par une simple décision des États du Conseil de l'Arctique, sera critiquée par la communauté internationale. C'est pourquoi nous supposons que les accords multilatéraux pour cette région incluront des pays d'autres régions, au moins pour obtenir «l'approbation éthique» de la communauté mondiale entière. Toutefois, il est également possible que de nombreuses questions soient résolues par des accords bilatéraux ou trilatéraux, ce qui exclut la possibilité du scénario ci-dessus.

Etant prealablement exposé qu'il est clair que la région Arctique a besoin d'une analyse sérieuse du point de vue du droit international. Il est possible de créer un nouvel organe chargé de réglementer le statut juridique du territoire. En même temps, il ne faut pas oublier le forum du Conseil de l'Arctique, qui pourrait devenir cet organe. Cependant, toutes les prévisions pour le moment peuvent être à la fois erronées et aussi précises que possible en raison de l'instabilité de la situation internationale et des changements dans le climat Arctique et les intérêts des pays voisins.

Bibliographie:

1. Declaration on the Establishment of The Arctic Council of September 19, 1996// [Ressource Électronique]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901880137 ?ysclid=l901v33dss325496287 (date de la requête: 26.10.2022).

2. Site Officiel du Conseil de l'Arctique // [ressource Électronique]. URL: https://www.arctic-council.org/ru/about/states/ (date de la requête: 26.10.2022).

3. Kondratiev V.B. Mineral Resources and the Future of the Arctic. Mining industry // [ressource Électronique]. URL: https://mining-media.ru/images/ 2020/01_2020/87-96.pdf (date de la requête: 26.10.2022).

4. Convention des Nations Unies sur le Droit de la Mer // [Ressource Électronique]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/ unclos/unclos_r.pdf (date de la requête: 26.10.2022).

5. Organes Créés en Vertu de la Convention des Nations Unies sur le Droit de la Mer // [Ressource Électronique]. URL: https://www.un.org/ru/law/lawsea/ bodies.shtml (date de la requête: 26.10.2022).

6. Statut Juridique International de l'Arctique. Dossier // [Ressource Électronique]. – URL: https://tass.ru/info/895685?utm_source=yandex.ru&utm_medium= organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (date de la requête: 26.10.2022).

7. Réchauffement dans l'Arctique: Quels Défis Pose-t-il aux Scientifiques? // [Ressource électronique]. URL: https://zanauku.mipt.ru/2020/08/04/poteplenie-v-arktike-kakie-zadachi-ono-stavit-pered-uchenymi/ (date de la requête: 26.10.2022).

8. Site officiel de la route maritime du Nord // [Ressource électronique]. URL : http://www.nsra.ru/ (date de la requête: 26.10.2022).

9. M. Byers Legal status of the Northwest Passage and Canadian Arctic sovereignty : past, present and desired future // [Ressource électronique]. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/261/BYERS_2_2011.pdf (date de la requête: 26.10.2022).

10. Arapova E.A. Maritime Silk Road of the XXI Century vs. the Northern Sea Route : threats and opportunities // [Ressource électronique]. URL :https://cyberleninka.ru/article/n/morskoy-shelkovyy-put-xxi-veka-protiv-severnogo-morskogo-puti-ugrozy-i-vozmozhnosti/viewer (date de la requête: 26.10.2022).

11. Statut Juridique International de l'Arctique. Dossier // [Ressource Électronique]. URL: https://tass.ru/info/895685?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

12. Traité de Svalbard du 9 Février 1920 // [Ressource Électronique]. URL: https://docs.cntd.ru/document/902038168 (date de la requête: 26.10.2022).

13. Accord entre le Gouvernement de l'Union des Républiques Socialistes Soviétiques et le Gouvernement du Royaume de Norvège sur la Navigation // [Ressource Électronique]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901021 (date de la requête: 26.10.2022).

УДК 342.4

THE RIGHT TO A DECENT LIFE: CONCEPT AND CRITERIA

Makarova Yulia Sergeevna
Student of UUST, Institute of Law, Ufa, Russia
makarova4703@mail.ru
Supervisor:
Yusupova Rozaliya Rimovna
Cand. of Science, Associate Professor, Department
of International Law and International Relations of the Institute of Law, UUST
Ufa, Russia

The article deals with some issues concerning the problem of defining the concept of «decent life» and its criteria. The Constitution of the Russian Federation, as well as international legislative acts, including the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the Universal Declaration of Human Rights and others, have been studied. Based on the analysis, we have tried to give the definition of “decent life”, to develop its criteria and to determine its legal status in the Russian legislation.

Keywords: the right to a decent life, criteria for a decent life, social policy, welfare state, Constitution, quality of life, human rights, human responsibilities.

Article 7 of the Constitution of the Russian Federation establishes that the Russian Federation is a social state. Its policy is aimed at creating conditions that ensure a decent life and free human development.[1] According to Article 25 of the Universal Declaration of Human Rights, everyone has the right to a standard of living, including food, clothing, housing, medical care and necessary social services, which is necessary to maintain the health and well-being of himself and his family, and the right to security in the event of unemployment, illness, disability, widowhood, old age or another case of loss of livelihood due to circumstances beyond his control[2]. The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, in article 11, proclaims the right of everyone to an adequate standard of living for him and his family, including adequate food, clothing and housing, and to the continuous improvement of living conditions[3].

The right to a decent life is one of the most important elements of modern legal understanding and is one of the most important human rights, the declaration and implementation of which is directly linked to the function of the welfare state. The implementation of a social policy that ensures a «decent life» is literally the fundamental task of almost all existing states today. The proclamation of the main directions of social policy imposes on the State the obligation to create «conditions that ensure a decent life and free human development.» In view of this, the entire scientific world is literally agitated by discussions about the problems of ensuring those very «conditions for a decent life of citizens» in a particular country. However, in addition to the implementation of the established norms, it is primarily necessary to clarify the content of the concept of «decent standard of living» used by everyone, as well as the definition of its criteria and standards.

A person's life is a state of complex realization of his biological, social and spiritual needs, since it includes biological and social components. As for the definition of «decent life», in most international legal sources, the concept under study differs significantly in its scope and content, that is, no normative act directly establishes what should be the qualitative and quantitative characteristics of social security on the part of the state [1, pp. 41-44]. However, we can first analyze the already formulated and well-known definition of «criteria for a decent life». Based on the most common ratings and indices of the quality and standard of living of the population, used both abroad and in Russia, among which, for example, the Human Development Index (HDI), analyzing the volume of consumption of material goods, as well as the opportunities and conditions for human development provided by health and education systems, it can be concluded that that the system of criteria for a decent life should include two

[1] The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993 [Electronic resource] // Information and legal portal URL: http://constitution.garant.ru / (date of appeal: 03.10.2022).

[2] Universal Declaration of Human Rights, adopted on 10.12.1948 [Electronic resource] // Information and Legal portal URL: https://base.garant.ru / (date of appeal 03.10.2022).

[3] The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, adopted on 12.16.1966 [Electronic resource] // Information and Legal portal URL: https://base.garant.ru / (date of appeal: 03.10.2022).

elements: the duty of the state to ensure a decent life for its citizens and the duty of citizens to live with dignity [2, pp. 131-136].

The criteria characterizing the sufficiency of the state's obligations to ensure a decent life for its citizens are divided into two subgroups. The first subgroup includes an indicator characterizing the quantity and quality of goods and services that are supplied to a person and consumed by him, a measure of satisfaction of basic vital needs. The second subgroup includes criteria characterizing the quality of life, which should be understood as the satisfaction of each individual with his civil liberties, rights, security of existence, the level of his protection, the realization of his inner potential, etc. The most relevant question within the framework of this criterion is whether the state should provide everyone with a decent standard and quality of life or only create conditions for a person to achieve his own well-being. In modern conditions, there are several approaches to understanding the role of the state in ensuring a decent human life: an exogenous concept focused on total state paternalism, in other words, on guardianship and control on its part; an endogenous concept aimed at the manifestation of human creative activity; a structural-genetic concept combines the provisions of the first two theories. According to many scientists, the most relevant and adequately reflecting the realities of modern life is precisely the mixed concept. The welfare state, of course, should proceed from the postulate of the individual's personal activity, while there are always those in society who need care, which, by the way, should not be at the minimum level, but sufficient, otherwise life will be flawed. Thus, a certain balance is formed between the gratuitous assistance of the state and the creation of conditions for a person's own activity.

Criteria for the level of fulfillment by a person of the obligation to live with dignity, that is, to lead a decent lifestyle. This group of criteria is subjective in nature, their implementation already depends mainly on the person. This group of criteria is focused on a decent way of life of a person, which means a way of life when a person not only has knowledge about the content of generally accepted social norms (moral, religious, legal, etc.), but also consciously fulfills them. Basically, this duty is of a moral and ethical nature, but it also has a legal component.

Currently, the reality is that in Russia the right to a decent life is very indirect and exists only in the context of Article 7 of the Constitution of the Russian Federation, however, in the perspective of the development of our state as a social one, one can talk about the possible consolidation at the legislative level of the right to a decent life as a separate norm, as well as all its criteria.

The status of the social state of Russia today is not a statement of fact, it is a norm - a goal, a guideline for the effective formation of statehood. The inclusion of such norms in the text of the Constitution is important for the formation of a legal framework that promotes the development of the state. No normative legal act, including international, contains a single and universal formulation of the concept of «decent life», since everyone independently forms a personal idea of a decent level and quality of their life [3, p. 169]. Ideally, a decent life is understood as «material security at the level of standards of a modern developed society, access to cultural values, the guarantee of personal security rights» [4, p.62].

Based on the results of the study, it seems possible to formulate the following conclusions: the right to a decent life is based on the universally recognized principles of the highest value of human dignity and inviolability of life, but in addition to the right to a decent life, a person is also endowed with the obligation to lead a decent lifestyle, this is an indispensable condition for his decent life.

The high level of realization of the right to a decent life is a real proof of the well-being of the state, its stability and power. That is why the issue of ensuring a decent life is at the peak of relevance. Of course, decisive steps on the part of the State are necessary in the direction of fulfilling its main goal. At the same time, it should be understood that it is wrong to rely solely on the activation of state activities. Everyone should work on his own to make his life worthy.

Bibliography

1. Volostnova T.I. Decent standard of living as a human right // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2014. № 7–2 (45). P. 41–44.

2. Barsukova Veronika Nikolaevna The concept and criteria of a decent life // Bulletin of the SSSA. 2016. № 4 (111). P. 131-136.

3. Historical and legal commentary on the Constitution of the Republic of Bashkortostan / (G.R. Abbazova et al.); edited by Z.I.Enikeev; (ed. by T.S.Kasimov). Ufa: Kitap. 2018. 169 p.

4. The concept of the social state of the Russian Federation // Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation «The Social State of the Russian Federation: state and legal development». Series: The main problems of social development of Russia - 78. 2004. № 15 (235). P. 62.

УДК 340.5

GENERAL PRINCIPLES OF LAW IN THE ROMANO-GERMANIC LEGAL SYSTEM

Markelov Denis Andreevich
Student of the UUST Institute of Law,
Ufa, Russia
markelovdeenis1@gmail.com
Scientific adviser
Yusupova RozaliyaRimovna
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law of UUST, PhD,
Ufa, Russia

The article deals with the concept of general principles of law. Each country has its own approaches applied to the general principles of law. This is due to the fact that these approaches may, depending on the situation, be rejected by the legislator or the executive branch. Also, the article concerns different positions on whether the general principles of law are external to positive law or whether these principles are just a part of them.

Keywords: general principle of law, criteria of general principles of law, positive law.

Every country had its lawyers who devoted their lives to collecting and analyzing legal practices. So, in Italy at the beginning of the 20th century, L. de Mauri compiled a collection of 2000 principles of law. His book was a success and is still being republished. in 1940, in England, a similar work was carried out by Broome. In France, Boulanger and Daginet dealt with this problem.

In general, Western scholars use the category *'general principle of law'* in different contexts: as an element of discipline, as a value, as a tool, as an abstract rule applicable in specific cases.

In each country, the general principles of law have their own approaches.

In France, for example, general principles of law are rules of general application that officially meet 3 criteria:

1 they apply even in the absence of text;

2 they are eliminated by case law;

3 they are not created from scratch by a judge, but compiled by a judge from the state of law and society at the moment. Judges do not have the right to create norms (in accordance with the principle of prohibition on termination of regulation inscribed in article 5 of the Civil Code[1]). they only have the opportunity to highlight and interpret existing norms. The general principle of law underlies the rule of law and it will simply be revealed by the judge.

While all authors agree on the supreme value of the principles - and the legal value in relation to the law -, their place in the hierarchy of the legal system has become the subject of doctrinal disputes. - not all unwritten principles and rules have the same legal value.

As the Commissioner of the Furan[2] Government pointed out in 1959, there are 2 categories of unwritten principles.

the first of them is exclusively interpretive or auxiliary in nature. They are rules that «apply only in the absence of written provisions to the contrary... Depending on the subject to which they relate, they will bow to the law or government regulations. These are, for example, the general rules of procedure applicable even without text in all administrative jurisdictions». These rules may, depending on the situation, be rejected by the legislator or the executive branch.

---

[1]The Civil Code of Russian Federation / https://rospatent.gov.ru/en/documents/1-civil-code-of-the-russian-federation-part-one/download

[2]French politician, was born on August 14, 1866 in Manuel and died on May 27, 1941 in Manuel.

The latter constitute a material rule that is not just interpreted or complementary to each other: they are interpreted by principles that themselves are divided into «principles of competence» and «basic principles». The former have almost lost their since the entry into force of the French Constitution in 1958, delimited the relevant powers legally and regulations.

In Spanish doctrine, general principles of law are normative statements expressing an ethical judgment about behavior that must be observed in a certain situation or other norms of the legal system (F. Carpintero)[1]. Each of these principles is a criterion that expresses a duty of conduct for individuals, a principle or standard for the rest of the rules.

As for the general principles of law, disagreements have arisen over whether they are external to positive law or part of them.

According to the position of the school of natural rationalistic law, general principles are understood as the rule of law, separated from the positive law.

According to the positivist doctrine, principles are part of positive law. However, they can never impose obligations that have not been sanctioned by the same positive order. Therefore, there are no universal legal principles, but each positive order has its own general principles.

The rationalistic position is divided into 2 separate legal systems: natural and positive.

The first is based on reason: principles are norms that come from nature and have an axiological character, and the second is the product of the will of the political system.

Thus, if we summarize the opinion in the most general form, then such principles of law are provisions of objective law that may or may not be embodied in legislation.

It should be noted that the general principles of law are considered as an independent source in the Romano German legal family: there is no need to refer to another source of law to apply their requirements. That is why the general principles of law are often defined as «unwritten law». This event takes place in the 2nd half of the 20th century and becomes one of the important aspects of the evolution of modern Romano-Germanic law. Each principle has its own scope of action and its effectiveness.

The judiciary played an important role in the approval of this concept. The concept according to which legal norms can be distinguished not only from normative legal acts, but also from general principles of law, enables courts to apply rights even in the absence of appropriate legal regulations, removes the accusation of abuse of authority and distortion of legislation from courts.

In the Continental tradition, the general principles of the right to perform 3 functions:

1 - creative. Before publishing and promulgating a legal norm, the legislator must know the principles from which he proceeds and be able to positivize them;

2 - interpretations. It is understood that when interpreting the law, their author must be inspired by the principles in order to guarantee the correct interpretation;

[1]"Soft law, legal norms and sources of law" 18th December 2013 Sources of law in the Spanish legal system.

3 integrating. Here, anyone who is going to fill the legal vacuum should be inspired by the principles so that the law becomes an integral system.

Naturally, the general principles of law in the Romano – Germanic legal family are given great importance. They can even be given the status of primary sources of law and reflect the critical scale to which both persons applying the law and scientists and others are responsible.

Thus, the main parameters are:

1) Consolidation of principles both in legislation and outside it. In the first case, they are derived from the norms of positive law, in the second – from the existing law and order in the country. Consequently, they are not necessarily fixed in the norms of positive law. This gives reason to distinguish the principles enshrined in the legislation and the principles not provided for by law:

a) the principles enshrined in the legislation. So in France, in the Declaration of Human and Civil Rights of 1789 and in subsequent acts, such principles as the principle of national sovereignty, the principle of recognizing only those acts that are harmful to society as prohibited, are enshrined;

b) general principles not provided for by law. Thus, the Federal Supreme Court and the Federal Constitutional Court of Germany note in their decisions that constitutional law is unlimited by the text of the Basic Law, also includes some general principles that the legislator did not specify a positive norm;

2) formulation of principles and recognition of their judicial authority. As J.-L. Bergel notes, «although the judge has always tried to get rid of the role of the author of the general principles, we cannot but see him, the judge, as a normative authority in them. « The main source of general principles is judicial practice;

3) the dominance of general principles over positive law. Ordinary legal norms are only special cases - their application or exceptions. It is at the level of principles that various spheres of law and order and various legal systems reveal their unity. General principles of law is a concentrated expression of the most important essences of the features and values inherent in this system of law.

4) general character. The operation of the principles, unlike other rules created by the judiciary, usually extends beyond certain branches of law.

Summarizing the above, the general principles should be considered in relation to a specific country and a specific situation.

Also, we must not forget that the category ‘general principles of law’ is actively used by international law and has its own content

Bibliography

1. The Civil Code of Russian Federation / https://rospatent.gov.ru/en/ documents/1-civil-code-of-the-russian-federation-part-one/download (date of access: 30.09.2022).

2. Furane History, Family Crest & Coats of Arms/ French politician, was born on August 14, 1866 in Manuel and died on May 27, 1941 in Manuel. (date of access: 30.09.2022).

3. “Soft law, legal norms and sources of law” 18th December 2013 Sources of law in the Spanish legal System (date of access: 30.09.2022).

4. in the Declaration of Human and Civil Rights of 1789/https:// constitution-net.org/sites/default/files/declaration_of_the_rights_of_man_1789.pdf (date of access: 30.09.2022).

УДК 342.4

CHALLENGES AND WAYS TO ENHANCE THE STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE COORDINATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIGHT AGAINST CRIME

Mirgalyautdinova Ilvina Ilgamovna
Student of Institute of Law UUST,
Ufa, Russia
mirgalyautdinova@list.ru
Scientific adviser
Yusupova RozaliyaRimovna
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law of UUST, PhD,
Ufa, Russia

This article concerns the issue of the importance of law enforcement agencies coordination. This function is assigned to the prosecutor's office.Prosecutor’s office is a special body in the system of state bodies, it is authorized by essential powers and special methods in their implementation. But this volume of powers is not enough for more accurate and coordinated work, the article offers possible ways of solving this problem in order to give even more importance to the status of prosecutor's office, which would improve law enforcement bodies in fighting against crime.

Keywords: coordination, law enforcement agencies, prosecutor's office, crime control, law, control.

It is necessary to highlight that one of the main tasks of law enforcement agencies, by virtue of the Constitution, federal law and other normative legal acts of Russian Federation, is to ensure the rights and freedoms of citizens. However, in order for the activities of these bodies to be effective and fully support the achievement of this aim, it is necessary to ensure coordination among them in order to work in a coordinated and rigorous manner and to identify not only violations but also possible gaps in practice.

The speedy coordination of law enforcement agencies by the Public Prosecutor's Office in combating crime is a significant apparatus in countering crime that threatens national security. In a special position in the system of public authorities, it is the Public

Prosecutor's Office that performs a number of functions of coordination of other bodies, because it has important information on the fight against crime, specifically, such as information on detected crimes, investigations, solved crimes, the identification of causes that led to the commission of crime, as well as the prosecution of the state prosecutors support[1].

In coordination activities it is worth mentioning the most important factors such as its proper organizational support, in the implementation of the necessary actions to develop the right strategy and tactics, as well as the use of effective methods and means used by law enforcement agencies to prevent criminal acts. It is the unity of tasks in the fight against crime as well as implementation and development of necessary measures which aim at detection and suppression of crime, and elimination of those grounds which became the starting point for its commission, all this is an important component in coordination activity of law enforcement bodies.

The Public Prosecutor's Office has an important position within the state authority system and is therefore given the authority of a coordinating body. It has all the information needed in the fight against crime, namely the results of the prosecutors' public prosecution, information on the crimes detected, their investigation, detection and the identification of the causes which gave rise to the crime.

By analysing the fight against crime on the part of law enforcement coordination it is possible to observe a direct correlation between the achievement of results in the areas covered by coordination meetings, and the decisions of the heads of these meetings on implementation which improve the effectiveness of the activities in question.

The coherent and effective work aimed at preventing crimes, identifying and eliminating the factors that led to their commission, as well as detecting and suppressing certain types of criminal actions, is ensured by taking joint impact measures, active and consistent position of law enforcement agencies.

However, there are also critical aspects to this issue, despite the fairly responsible approach to solving these very problems, proper implementation of the decisions that have been made on a number of issues, there is still only a superficial approach to the implementation of some of them. It is not uncommon to see decisions that have been taken by the coordination board only partially implemented. In the case of on-site inspections, the aim of the inspection is not always fully attained. It is when the heads of law enforcement and other bodies duly monitor the implementation of decisions made by the coordination collegia that a number of difficulties can be highlighted, as it is impossible to raise the issue of their responsibility for such non-implementation.

In order to improve the effectiveness of coordination activities in the fight against crime, and most importantly to raise the status of the prosecutor specifically within the framework of these activities, possible ways such as improving the legal framework can be envisaged. In this novelty it is envisaged to issue a special law which would approve the provisions of law enforcement coordination activities in the fight against crime. At present this issue is regulated by a presidential decree, which is a by-

[1]Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 16.01.2012 № 7 «On the organization of the prosecution of the Russian Federation to combat crime». [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-16012012-n-7/ (date of access: 30.09.2022).

law.[21]But it is the promulgation of a specialised legal framework that would give greater weight to coordination activities. It would be worthwhile for the procuracy to be given more power, which would include holding the heads of law enforcement and other bodies accountable for failure to coordinate and implement decisions taken. Also, the law itself would have defined the competences of the participants of coordination activities in the fight against crime, their boundaries of execution to avoid overlapping and duplication of activities in order to improve the quality and efficiency of work.

Thus, coordination of law enforcement agencies by the prosecutor's office in the fight against crime is one of the central components in the mechanism of protection of interests of individuals, society and the state, and it is the adoption of the law mentioned above that would give power to the prosecutor's office in supervising the implementation of its requirements, and the executive power, having large resources in various areas such as human, financial and others, would also be involved in the sphere of activities to combat crime.

Bibliography

1. Vasilyev, M. I. Legal aspects of coordination activity of prosecutor's office to combat crime / M. I. Vasilyev. // Young scientist. 2019. № 31 (269). P. 93-95.

2. F.M. Kobzareva. Coordination by the prosecutor's office of law enforcement agencies to combat crime: monograph. Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2016.

3. Kobzarev F. M. Evaluation of the effectiveness of coordination activities of the prosecutor's office to combat crime. [Electronic resource]. URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4981 (date of access: 30.09.2022).

[1] Regulation on the coordination of law enforcement agencies in the fight against crime (as amended by Presidential Decrees No. 1389 of 25.11.2003, No. 581 of 26.06.2013, No. 529 of 25.07.2014, No. 656 of 07.12.2016, No. 640 of 31.12.2019) [Electronic resource]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040838 (date of access: 30.09.2022).

УДК 341

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MEDIATION IN RUSSIA

Mustafin Chingiz Salavatovich
Student of the Institute of Law, Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
c.mustafin@inbox.ru
Scientific adviser
Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law, Ufa university
of science and technology, PhD,
Ufa, Russia

Every day mediation is gaining more and more momentum in the settlement of disputes between the parties, as the popularity of mediation lies in its universality. Mediation is the most economical and sometimes faster dispute resolution than in court. Initially, mediation aroused only scientific interest, which interested not only lawyers, but also political scientists, psychologists, sociologists and many other representatives of the branches of science. But gaining popularity, the mediation procedure gradually began to be used in practice, which led to new discoveries in science and legislation. This topic is very interesting because it has been gaining momentum in Russia since 2010. And the essence of this article will be what mediation is in general, how it can help citizens. In addition, points will be raised that relate to who will apply this procedure and under what circumstances and in what places it will be applicable.

Keywords: mediation, method, mediator, school mediation, mediation procedure.

The peculiarity of dispute settlement using the mediation procedure should be recognized that according to its results, all participants defend their own interests and, unlike court proceedings, there are no winning and losing sides in mediation [1, p. 159].

In the best case, the parties who have applied the mediation procedure to the dispute or to the disputes conclude a mediation agreement. In the worst case, the mediation procedure is terminated if the parties do not come to a common decision.

It is important to know that the mediation agreement is concluded in writing and must contain information about the parties, the subject of the dispute, the mediation procedure conducted, the mediator, as well as the obligations agreed by the parties, the conditions and deadlines for their implementation [2].

Mediation is possible at any stage of the trial, in connection with which the Law provides for the following forms of mediation – extrajudicial, pre-trial and judicial [3, p. 64].

In Russia, the mediation procedure is used not only in economic relations, but also in labor, family, interpersonal and many other relationships. That is, the breadth

of conflicts is increasing every day, and in accordance with this, the mediator, as an independent individual, needs to improve his knowledge for the successful conclusion of a mediation agreement.

Thus, the mediation procedure is being implemented in large organizations that have a large number of staff and many clients. The mediation procedure among the staff is used to resolve conflict and tension within the organization, and with clients it serves for pre-trial resolution of conflicts that arise with clients during the production process. All this reduces the amount of time spent in court.

School mediation is progressing at the moment. In my opinion, mediation is necessary at school because conflicts that often arise between students are eliminated by traditional methods, which does not lead to success, since the resolution of the conflict does not achieve the result that would lead to the realization of the act by the students themselves. The student, not understanding the consequences that he has committed, will repeatedly violate the order in the school, which in the end will negatively affect others. It is in such situations that school mediation will be indispensable.

It has been noticed that teenagers who often became victims of aggression at school later become violators themselves. Thus, aggression is cyclical [4, p. 88].

The main feature is that school mediation finds gaps that have arisen between school students. To resolve this dispute, the activity of all parties to the conflict is necessary, then achieving the result will be the most effective. Mediation contributes not only to the reconciliation of the parties, but also gives experience and insight to the parties about what a dispute is and how to come to a common solution.

The method of school mediation helps to solve a lot of problems that stand in working with children, thereby laying in them the basic human qualities that are based on universal values, success and gradual development of personality, and puts positive social interaction in the first place.

In modern society, it is necessary that citizens can objectively perceive their actions. To do this, we need to improve public intelligence, the mentality of cooperation, and social partnership.

In the future, the development of mediation and mediation practices will have an increasingly positive impact on the trends of reducing the level of tension in various spheres of public life in Russia [5, p. 29].

Summing up all of the above, I want to say that today the effectiveness and practical significance of mediation is confirmed by studies of the results of its implementation in various fields of activity, both in Russia and in other countries of the world. I believe that the potential of mediation is not fully disclosed in Russia at the moment, but thanks to the universality of its application, mediation is being popularized. The Institute of Mediation is not yet in high demand in the Russian market due to the fact that there is simply not enough knowledge, and there is also a lack of the necessary number of mediators to conduct the procedure. There is an urgent need for both quantitative and qualitative indicators. At the moment, mediators have poor training in terms of quality, since they have no practice. Over time, overcoming the obstacles that currently stand in the way of its formation in Russia, mediation will be finally approved, thanks to this, it will be able to fully implement the functions inherent in it. In the

future, the mediation procedure will be a more effective practice in development, which will be adapted to modern Russian conditions.

Bibliography

1.Pushkina T.N. the concept and meaning of mediation // Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law» 2017. Vol. 27, issue. 3. 159 p.

2. Federal Law No. 193-FZ of 27.07.2010 «On alternative dispute settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)» // SPS ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038 (date of application: 10.11.2022).

3. Sorokina N.P. Application of mediation procedure in Russia // Domestic jurisprudence. 2019. №3 (35). P. 64.

4.Rachkovskaya N. A. Efimenko V.N. School mediation: problems and prospects // Humanities. 2018, P. 88.

5. Isakova Yu.I. Prospects for the development of mediation in Russia // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018 No. 9. P. 29.

УДК 347.6

LEGAL NATURE OF A DOMAIN NAME: THE POSSIBILITY OF INHERITANCE

Petukhova Aleksandra Sergeevna,
Student of the Institute of Law, Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
alkspet@gmail.com
Scientific adviser:
Khazieva Rushana Raufovna,
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law,Ufa university
of science and technology, PhD,
Ufa, Russia

the article discusses the concept of a domain name, analyzes the main approaches to understanding its legal nature. It is concluded that since the right to a domain name is acquired on the basis of a service agreement, its transfer by inheritance is impossible. At the same time, in the absence of proper legal regulation and in response to existing demand, registrars independently create procedures for «inheritance» of domain names. To resolve this problem, the author proposes to recognize the right to a domain name as property at the legislative level.

Key words: concept of a domain name, legal nature of a domain name, inheritance of a domain name.

Today, the Internet is an integral part of the life of almost every person, the number of its users is constantly growing. As a result, domain names used as means of addressing on the Internet have acquired significant commercial value and have become intangible assets for businesses.

This situation led to the desire of domain name owners to transfer administration rights to their heirs after death, and for the heirs of such owners to acquire domain name rightsat their own disposal. At the same time, the uncertainty of the legal nature of a domain name makes the possibility of its inheritance unclear.

The legal concept of a domain name appeared only in 2012 in the Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ «On Information, Information Technologies and Information Protection», in accordance with paragraph 15 of section 2 of which a domain name is a designation with symbols intended for addressing sites on the Internet in order to provide access to information posted on the Internet. Obviously, this definition reflects only the technical side of a domain name as a means of addressing, while ignoring its inherent function of individualization. So, a domain name, being a symbolic designation, can be easily remembered and reproduced by a person, causing him to associate. At the same time, the positions of lawyers about what exactly a domain name individualizes differ.

Most people think that a domain name individualizes an information resource. A.P. Poptsov in his dissertation research concludes that «A domain name is a means of individualization, presented in the form of a unique symbolic designation, which serves to address and individualize an information resource on the Internet» [1, p. 14]. R.S. Nagorny states: «A domain name is a means of individualization that individualizes an information resource hosted under a given domain name [2, p. 128]. M.Z. Abesalashvili, A.G. Ertel and Ovsyannikova T.A. think that domain names «individualize site – special form of organization of information objects, information resource» [3, p. 12].

An attempt to regulate domain names as a means of individualizing information systems was made intheproject No. 323423-4 of the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation[4]. A domain name was recognized as a protected result of intellectual activity and means of individualization equated to them.A separate paragraph was devoted to legal regime of a domain name, but it was excluded already in the second reading of the State Duma.

Some lawyers are of the opinion that domain names can individualize goods, works and services. E.I. Gladkaya proposes the definition of a domain name: «A domain name is a symbolic designation intended for addressing on the Internet, which can be used to individualize legal entities, as well as goods, works and services of legal entities or individual entrepreneurs» [5, p. 150].

In addition, back in 2001, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation determined that: «Domain names have actually been transformed into a means that performs the function of a trademark, which makes it possible to distinguish, respectively, goods and services of some legal entities or individuals from similar goods and services of other legal entities or individuals. persons» [6].

However, as rightly noted by M.A. Rozhkova, «for any site, a domain name is a mean of addressing, for persons and goods it can become a mean of identification»[7].

Indeed, a domain name used for non-commercial purposes, for example, to designate an Internet site with a personal blog or educational information, cannot individualize goods and services. Thus, not all domain names can be a means of individualization - many of them are only a method of addressing.

As for the classification of domain names as objects of civil rights,section 128 of the Civil Code of the Russian Federation does not containsuch a provision. In civil legislation, domain names are mentioned only in sections 1484 and 1519 of the Civil Code of the Russian Federation as a wayfor implementation the exclusive right to a trademark and geographical indication.

In paragraph 33 of the resolutionof the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.23.2019 № 10 «On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation» [8] it is concluded that the list of intellectual property objects contained in paragraph 1 of section 1225 of the Civil Code of the Russian Federation is exhaustive, which means that domain names cannot be considered as such. Nevertheless, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation recognizes that the domain nameright is subject of the protection on the basis of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation. Therefore, since the rights to domain names are subject for protection, they are likely to be absolute, which means they can be considered as an independent object of civil rights - a property right.

It should be noted that the object of civil rights is the property right to the domain name, because the domain has an intangible nature. The right to a domain name is acquired by the administrator on the basis of a contract for the provision of registration services, therefore it can be assigned (alienated), provided for use by other persons, etc.

According to D.V. Kozhemyakin, the right to a domain name is «an absolute property right, which consists in the ability to manage a certain area of the Internet address space, to extract and appropriate the benefits associated with the use of this space» [9, p. 85]. As practice shows, a domain name has a significant commercial value. In many countries, including Russia, there are domain name exchanges, and some domain names cost millions of dollars. For example, the most expensive domain name in history lasvegas.comis considered to be sold in 2005 for 90 million dollars.

In the resolutionof the Ninth Arbitration Court of Appeal in case № A40-7572 / 2015 stated: «information technology has a certain value and can be the subject of a transaction, a domain name, the right to administer it, should be qualified as a property right, which consists in the ability of a person who has registered a domain name, place on the Internet an information resource, access to which is carried out by an Internet user by typing certain characters that make up the domain name. A domain name is a means of individualization that individualizes an information resource hosted under a given domain name [10].

At the same time, the practice in cases related to the inheritance of domain names cannot boast of a variety of positions. So, Sladkova S.-D.S. applied to the Khoroshevsky District Court of Moscow with a claim for recognition of the right to a domain name. Father of Sladkova S.-D.S. was the administrator of the domain name jbl. ru, which she believes was inherited by her in 2014 after his death. Domain name renewal fees were paid annually until the registrar canceled the registration in 2018. On the

same day, the domain name was registered by another person, and the plaintiff lost control of her property. Denying the claims, the court of first instance indicated that between the domain name administrator and the registrar»contracts for the provision of services were concluded, the subject of which are precisely the services ... the rights to the domain name could not be property or property rights that are part of the inheritance" , since this is contrary to the norms of the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ «On Information, Informatization and Information Protection», as well as the provisions of Chapter 39 of the Civil Code of the Russian Federation [11]. The court collegium for civil cases of the Moscow City Court agreed with the decision of the court of first instance, and left the appeal unsatisfied.

There is a maximally formal approach of the court of general jurisdiction to determining the nature of a domain name, according to which the inheritance of a domain really becomes impossible. Based on paragraph 2.1Rules for registration of domain names in .RU and .РФ domains (hereinafter referred to as the Rules), approved by the decision of the Coordinating Center for the national Internet domain [12], a service agreement is concluded between the domain name administrator and the registrar. The execution of this agreement is intended personally for the administrator, which means thatrights and obligations inextricably linked with his personality and by virtue of paragraph 2 of section 1112 of the Civil Code of the Russian Federation are not included in the inheritance.

It should be noted that the Rules are not a normative legal act, just as the Coordinating Center of the national domain of the Internet is not a state body. At the same time, in 2019, the legislator decided to somehow legalize the activities of the Coordination Center by introducing in the Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ «On Information, Information Technologies and Information Protection» section 14.2, according to paragraph 4 of which: «Coordination of activities for the formation of domain names included in the groups of domain names that make up the Russian national domain zone is carried out by a non-profit organization, one of the founders of which is the Russian Federation and which is the registered owner of the databases of this zone in international network address and domain name distribution organizations".

Thus, the replacement of proper legal regulation of a domain name with non-legal regulation has led to the fact that it is impossible to inherit a domain name in the usual sense of this process.

As a result, domain name registrars developed their own domain inheritance procedures. For example, LLC Domain Name Registrar REG.RU offers the domain owner to conclude an agreement under whichafter the death of the owner the company will cancel the registration of the domain name and register it again to the person specified by the owner in the agreement. After the death of the domain owner this person will need to apply to the company with a statement and a notarized copy of the death certificate of the domain owner. In the absence of a concluded agreement, REG.RU advises the heir to contact a notary and inform that the testator had the right to administer the domain. The notary, in turn, must contact the company for confirmation of this fact, and then include the domain name in the certificate of inheritance, which the heir will present to the company for re-registration of the domain [13].

JSCRegional Network Information Center provides to heirs the opportunity, after 6 months from the date of opening of the inheritance to conclude an agreement with the company on the transfer of rights to administer the domain, to provide notarized copies of the death certificate of the owner of the domain name and certificate of inheritance (if any). JSC Regional Network Information Center also notes that if the deceased owner of the domain name has more than one heir, the applicant must provide their written consent to register the domain for him [14].

It is difficult not to agree with S.S. Bessarab that «in fact, today only a strong-willed decision of the domain name registrar, who was forced to replace the legislator, determines the order of inheritance of the domain name» [15, p. 29].

Summing up, we would like to note that there is no legal regulation of a domain name that would contain all the features of this object.It leads to contradictions in judicial practice, limiting the rights of domain name owners. In our opinion, the recognition at the legislative level of the rights to a domain name as property can solve many problems associated with these objects, including the problem of their inheritance.

Bibliography

1. Poptsov A.V. Legal regulation of a domain name in the Russian Federation. Abstract of candidate of legal sciences: 12.00.03. M., 2009. 36 p.

2. Nagorny R.S. Domain name as an object of civil law / Journal of Russian law. 2008. No. 2 (134). pp. 122-132.

3. Abesalashvili M.Z. , Ertel A.G., Ovsyannikova T.A. / The role of intellectual services in the modern innovation process // Ural Scientific Bulletin. 2018. Vol. 3. No. 1. pp. 11-14.

4. Project N 323423-4 of the Civil Code of the Russian Federation (part four) (ed., introduced in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 18.07.2006) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=42757#0eTOn6TshoPBDxGA1 (access date: 02.10.2022).

5. GladkaiaE.I. Legal regime of a domain name in Russia and the USA.Dissertation of candidate of legal sciences: 12.00.03. M., 2014. 214 p.

6. Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 16, 2001 No. 1192/00 [Electronic resource]. – Access mode: https://base.garant.ru/12122191// (access date: 02.10.2022).

7. Rozhkova M.A. Is a domain name an object of civil rights? // Zakon.ru. 2021. March 1. [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2022/3/1/ domennoe_imya__eto_obekt_grazhdanskih_prav__is_a_domain_name_an_object_of_civil_rights (access date: 03.10.2022).

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 N 10 «On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation» [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_323470/ (access date: 03.10.2022).

9. Kozhemyakin D.V. Domain name in the system of objects of civil rights: monograph. M.: Prospect, 2019. p. 152.

10. Resolution of the 9th Arbitration Court of Appeal dated October 28, 2015 in case N A40-7572 / 2015 // Card file of arbitration cases [Electronic resource]. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/82b59249-6427-46fc-a5ac-5047fbec7001 (access date: 04.10.2022).

11. Decision of the Khoroshevsky District Court of Moscow dated November 8, 2019 in case No. 02-3882/2019 // Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow [Electronic resource]. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/%20horoshev-skij/services/cases/civil/details/670f92e7-959f-41ef-b7db7b1378e1c047?%20partici-pants=%D0%A1%D0%BB%D0 %B0%D0 (access date: 04.10.2022).

12. Rules for registering domain names in the .RU and .РФ domain zones (as amended on July 16, 2021), approved by the decision of the Coordinating Center for Top Level National Domains .RU and .РФ. No. 2011-18/81 dated October 5, 2011 // Official website of the Coordination Center for Top Level National Domains .RU and .РФ. [Electronic resource]. URL: https://cctld.ru/files/pdf/docs/rules_ru-rf.pdf (access date: 04.10.2022).

13. Domain inheritance // Internet site of the domain name registrar LLC Do-main name registrar REG.RU [Electronic resource]. URL: https://help.reg. ru/hc/ru/ar-ticles/4408054496657-%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0% B5%D0%B4%D0%BE %D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0% B4%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B (accessed: 04.10.2022).

14. Can a domain be inherited? // Internet site of domain name registrar JSC Regional Network Information Center [Electronic resource]. URL: https://www.nic.ru/help/mozhno-li-peredat6-domen-po-nasledstvu_3742.html (access date: 04.10.2022).

15. Bessarab N.S. Inheritance of domain names // MNIZH. 2020. No. 9-2 (99). P. 28-30.

УДК 342.4

ANALYSE PSYCHOLINGUISTIQUE DU DISCOURS D'UN HOMME POLITIQUE MONDIAL (EXEMPLE DE LA DISCUSSION POLITIQUE DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE FRANÇAISE EMMANUEL MACRON)

Rodionova Arina Sergueevna
Étudiante de l'Institut de Droit, Université de la Science
et des Technologies d'Ufa
arina-rodionova-0220@mail.ru
Conseiller scientifique:
Mukhametgareeva Nataly Mikhailovna
Candidat en Lettres,
Chaire du Droit International et des Relations Internationales,
Université de la Science et des Technologies d'Ufa
nmch77@mail.ru

L'article examine les instruments psychologiques et linguistiques caractéristiques des discours d'Emmanuel Macron, président de la République Française, qui sont utilisés pour influencer efficacement le grand public. Une attention particulière est accordée aux méthodes et techniques de construction du discours politique.

Mots-clés: discours politique; instruments psycholinguistiques; influence sur les destinataires; techniques d'influence de l'auditoire; Emmanuel Macron.

Au stade actuel de développement des sciences linguistiques et politiques, les questions liées à l'étude du discours politique en tant que type particulier de discours visant à gagner et à retenir l'attention de l'auditoire, à convaincre les auditeurs de la bonne orientation de leurs propres opinions pour atteindre l'objectif ultime de conserver le pouvoir politique restent particulièrement pertinentes.

Comme indiqué dans la littérature scientifique, le discours politique comprend les discours publics des politiciens, les textes publicistes et officiels, ainsi que les articles de science politique [3, p. 362]. D'après un commentaire juste de Nikita Ravochkin, dans ses actions discursives, un politicien se réalise comme une personnalité linguistique, devenant simultanément une personnalité discursive, ce qui peut être considéré en termes de techniques de discours utilisées par lui, ainsi que dans le contexte des préférences sémiotiques et motivationnelles formées dans le processus de communication politique [4]. Tout cela affecte le discours et les textes des politiciens, donnant aux caractéristiques des politiciens des traits uniques et reconnaissables.

Comme les chercheurs l'ont noté, le discours politique est généralement considéréd'un point de vue de la philologie, de la psycholinguistique ou de l'herméneutique. L'approche psycholinguistique est la plus informative d'entre elles, permettant, d'une part, d'identifier les caractéristiques sémantiques et phonétiques du discours dans sa relation avec la personnalité de l'auteur, et d'autre part, de révéler les propriétés

motivationnelles, caractérologiques, intellectuelles et autres propriétés psychologiques d'un personnage politique à travers l'analyse de son discours et de ses textes [1].

Il est important de souligner que la personnalité d'un homme politique joue un rôle important dans la vie non seulement de son public cible, mais aussi de tous les citoyens d'un pays si l'homme politique exerce ses activités dans les plus hautes sphères du pouvoir, ainsi que des résidents d'autres pays si l'homme politique est le dirigeant d'un État qui est un acteur majeur des relations internationales. Pour ces raisons, une bonne compréhension des caractéristiques psycholinguistiques de la personnalité d'un politicien peut permettre à son public cible et à l'ensemble de la communauté mondiale de prédire la nature, la direction et les résultats potentiels de ses actions à l'avenir.

Dans cet article, en se basant sur les méthodes d'analyse discursive et structuro-sémantique, ainsi que sur la méthode logico-syntaxique, l'étude des discours du président de la République Française E. Macron a été menée afin d'identifier les caractéristiques de son utilisation des outils psycholinguistiques dans son discours.

Tout d'abord, il convient de mentionner que dans la situation géopolitique difficile que connaît actuellement le continent européen, le leader de la République Française se positionne comme l'une des principales personnalités politiques capables d'influencer l'évolution et la résolution de la situation conflictuelle entre l'Ukraine et la Russie. Afin de démontrer le sérieux de ses intentions aux Français et à ses alliés de l'OTAN, Macron refuse même d'utiliser son langage habituel. En particulier, les chercheurs ont souligné à plusieurs reprises la propension du président français à l'ambivalence, qui se manifeste par l'utilisation fréquente de l'expression «en mêmetemps» dans les phrases narratives [5]. Cette ambivalence, exprimée par l'utilisation de cette phrase, était également évidente dans la position de Macron sur la crise Russe-Ukrainienne, mais elle s'est poursuivie jusqu'à ce que la question de la dissuasion nucléaire vienne à l'ordre du jour. Dans sa déclaration concernant la position de la France sur un éventuel conflit nucléaire en Europe, Macron n'a pas utilisé l'expression afin d'éviter toute ambiguïté sur la question [7].

Ainsi, la suppression d'une seule tournure de phrase habituelle du discours politique habituel a radicalement changé le ton des déclarations du président français, et Macron a utilisé ce ton sérieux pour renforcer sa position de figure politique de premier plan participant au règlement de la situation conflictuelle en Europe. Dans ce contexte, il est également nécessaire de mentionner le fait que 2022 était l'année de la réélection de Macron pour un nouveau mandat présidentiel, et donc le signe de sérieux dans la question du conflit russo-ukrainien est devenu un outil important pour lui afin de convaincre les citoyens français qui l'avaient élu qu'ils ne s'étaient pas trompés dans leur choix.

L'une des caractéristiques les plus frappantes du discours politique de Macron est son utilisation active d'un vocabulaire riche et varié, notamment emprunté à diverses sciences. On notera en particulier l'utilisation de la notion «d'ipséité», qui remonte à la tradition philosophique. Le président français utilise ce terme pour soutenir la nation française, cherchant à se décrire comme un ardent patriote («Ce qui constitue l'esprit français, c'est une aspiration constante à l'universelle, [...] cette ipséité stricte») [4, c. 367].

Néanmoins, compte tenu de la confusion anectodique du discours du président français («J'ai toujours assumé la dimension de verticalité, de transcendance, mais en même temps, elle doit s'ancrer dans de l'immanence complète, de la matérialité»), on ne peut exclure un élément de narcissisme dans le comportement d'E. Macron. Macron, qui prend plaisir à ce genre de «jonglage» avec les mots, qui donne à son discours politique un caractère mémorable et unique. Bien que la présence de l'expression «en même temps» dans la déclaration en question indique probablement que le dirigeant français n'est pas tout à fait sûr de la justesse de son choix de mots pour compliquer ses constructions de discours. Cependant, il ne faut pas oublier que Macron est entré dans le grand jeu politique en tant que politicien plutôt jeune, et donc le pathos et même la pompe de son discours peuvent être liés à son désir de se donner plus de poids politique.

Enfin, il faut prêter attention à la fusion de la rhétorique politique et de la terminologie des affaires dans les déclarations de Macron : il a notamment comparé dans ses déclarations la mise en œuvre de l'activité politique à «faire pivoter le business model» («j'ai pivoté le business model»), a appelé les préfets à être des managers de l'État («des entrepreneurs de l'État») et a voulu faire de la France un pays de start-up [3, p. 23]. Tout ceci indique que la politique est un projet ambitieux pour Macron, dans la mise en œuvre duquel il cherche à réussir, et donc le président français considère la mise en œuvre de ses activités dans le contexte de la gestion des affaires. Cette façon d'envisager l'activité politique montre que Macron a une fibre et un état d'esprit entrepreneuriaux, qui se révèlent pleinement dans son discours politique, même sans l'utilisation de la terminologie commerciale.

Le matériel présenté nous permet de conclure que le discours politique de Macron se caractérise par une utilisation audacieuse d'une variété de vocabulaire, ce qui nous permet de caractériser le président français comme une personne ambitieuse à la pensée non conventionnelle, non dépourvue de traits narcissiques. Ces caractéristiques créent une image plutôt mémorable d'un dirigeant national qui joue un rôle de premier plan sur la scène politique internationale.

Bibliographie:

1. Анисимова Т. В. Психолингвистические основания диагностирования личности политика / Т. В. Анисимова, И. А. Самуйлова, Н. О. Свешникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика, 2008. № 4. С. 426-431.

2. Белкина О., Балыш Ю., Огородов М. Анализ средств вербальной актуализации дискурса Эммануэля Макрона на разных этапах его политической карьеры // Филология и культура, 2020. № 1 (59). С. 19– 26.

3. Логинова П.Г. Анализ лингвокогнитивных особенностей политического дискурса Эммануэля Макрона // Преподаватель XXI век, 2019. № 2. С. 360–372.

4. Равочкин Н.Н. Автор в политическом дискурсе с позиции психолингвистики. StudiaHumanitatis [Электронный ресурс]. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/ravochkin.pdf. (дата обращения: 23.10.2022).

5. Macron’s ‘en Même Temps’ on Putin Leaves France’s Reputation Hanginginthe Mix. France 24 [Электронный ресурс]. URL: https://www.

france24.com/en/france/20221019-macron-s-en-même-temps-on-putin-leaves-france-s-reputation-hanging-in-the-mix (дата обращения: 23.10.2022).

6. Schuck N. Parlez-vous le Macron? // leParisien [Электронныйресурс]. URL: https://www.leparisien.fr/politique/do-you-speak-macron-02-02-2018-7538088.php. (дата обращения: 23.10.2022).

7. Vincent E. Macron comment Raises Doubts on French Position in Case of Russian Nuclear Strike in Ukraine // LeMonde [Электронныйресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/10/15/macron-comment-raises-doubts-on-french-position-in-case-of-russian-nuclear-strike-in-ukraine_6000434_4.html (дата обращения: 23.10.2022).

УДК 342.4

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION ORGANIZATIONS FOR SEPARATE COLLECTION AND PROCESSING SOLID MUNICIPAL WASTE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Savin Alexander Mikhailovich
Student of the Institute of Law, Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
sahalo136@gmail.com
Scientific adviser
Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of International Law and International Relations of the Institute of Law, Ufa university of science and technology, PhD,
Ufa, Russia

In the present article the legislation of the Russian Federation concerning the collection and recycling of solid municipal waste is studied. The statistics of the Federal State Statistics Service was analyzed concerning the created wastes and the percentage of their recycling, the polls of the Levada-center concerning the attitude of citizens to garbage recycling. The problems of state regulation in this area are revealed and the ways of their solution are offered.

Keywords: Solid municipal waste, environment, legal regulation, collection and recycling of solid municipal waste.

In the second half of the twentieth century, the whole world faced a new global danger, namely, a high level of environmental pollution. The consequences of this problem are: environmental degradation, human health problems, global warming,

depletion of the ozone layer, the spread of infertile land. Western countries have been working to solve this threat since the nineties of the last century.

In the twenty-first century, this problem has also become urgent for the Russian Federation, which is why the Government of the Russian Federation has set as one of the priority tasks to solve environmental problems. For these purposes, the national project «Ecology» was approved on December 24, 2018. One of the objectives of this project was the effective management of production and consumption waste, including the elimination of all unauthorized dumpsites identified as of January 1, 2018 within the boundaries of cities. To achieve this goal in the large cities of the Russian Federation began to organize separate collection and accumulation of solid municipal waste.

To fully understand the problems of regulation, we must first understand what the legislator means by solid municipal waste. The legal definition is given in Article 1 of the Federal Law of 24.06.1998 № 89-FL «On Production and Consumption Waste». Solid municipal waste is waste generated in residential areas in the process of consumption by individuals, as well as goods that have lost their consumer properties in the process of their use by individuals in residential areas to meet personal and household needs. Solid municipal wastes also include wastes generated by legal entities, individual entrepreneurs and similar in composition to wastes generated in residential premises in the process of consumption by individuals[1]. Analyzing these provisions we can conclude that the legislator interprets this concept widely enough. A number of researchers believe that this is the right approach, because it includes not only household garbage accumulated in residential premises, but also garbage created during the operation of various organizations [1].

Today, the legal framework regulating the activities of companies engaged in the organization of collection and recycling of solid municipal waste, as well as the activities of natural and legal persons involved in the process of waste disposal, consists of federal laws, by-laws, departmental documents, norms and rules.

The main acts directly regulating the problem and the process of disposal of solid municipal waste include:

1. The Federal Law «About production and consumption wastes».

This Federal Law establishes the necessity of licensing the activities of economic entities in handling hazardous wastes, establishes the concept of «production and consumption wastes», the basic principles of state policy in the direction of waste disposal and in the field of handling all (except for radioactive) wastes, the procedure for determining property rights to them, as well as the basic provisions of environmental control, general requirements for construction, design, liquidation, conservation of buildings and structures; requirements to use This regulatory legal act establishes a ban on the import of waste for neutralization and burial on the territory of the Russian Federation, and also determines that the organization of activities for the collection and disposal of municipal waste is the responsibility of local governments. This principle of

[1]Federal Law of 24.06.1998 № 89-FZ «On wastes of production and consumption» (as amended and supplemented of 14.07.2022) // Official Internet-portal of legal information [Electronic resource]. URL: http://pravo.gov.ru/ (access date: 01.10.2022).

activity is confirmed by the Federal Law №131 «On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation».

1. Federal Law «On Licensing of Certain Types of Activities»[1].

2. Federal Law «On the Management of Radioactive Waste and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.

Consequently, other issues such as the procedure of collection of MSW, places of their sorting and disposal, sanitary norms and rules of improvement are determined by local authorities in accordance with the above norms of legislation such a system existed before 2016.

The removal of solid municipal waste in the municipality (in specific residential buildings) was carried out by commercial organizations. According to the Housing Code of the Russian Federation, as well as Resolution No. 307 of the Government, solid waste removal was not a communal service, until 2016 it was included in the fee for the maintenance and repair of residential premises. The amount of payment for the maintenance and repair of premises in a residential building, where there is no HOA or HCC, is determined by the general meeting of owners. Consequently, the formation of payment for the maintenance and repair of the building was carried out by the MC together with the tenants. Later such system of MSW handling was replaced by introduction of the position of a «regional operator» and transfer to it of the most part of powers in the issue of waste handling[2].

Despite such detailed legal regulation of the organization of separate collection and recycling of solid municipal waste, a number of researchers believe that the problem is still relevant [2]. It is difficult not to agree with them, because their conclusions are confirmed by statistics. So, according to Rosstat[3] for the year in the Russian Federation is formed about 70 million tons of household waste. According to the same data on the processing sent about 3 million tons, that is, about 5%. The fate of the remaining 95% is quite simple or he was stored in landfills, slowly decomposing and poisoning the environment, or buried in the ground. Of course this situation is disastrous, but what is the reason? The main reason, according to Alexander Kogan - the Minister of Environment of the Moscow region from 2015 to 2018, is not enough funding [3]. For example, in Western Europe the fee for the removal of solid waste is about 250 euros per year per ton, in Russia it is 18 euros. This situation does not allow you to build a functioning and modern industry for waste management. I agree with this opinion and believe that one of the reasons for ineffective collection and disposal of solid municipal waste is the lack of funds.

In my opinion, another significant difficulty that has arisen in the process of organizing collection and recycling is organizational and logistical problems. The

---

[1]Federal Law of June 24, 1998 № 89-FZ «On wastes of production and consumption» // Official Internet-portal of legal information [Electronic resource]. URL: http://pravo.gov.ru/ (date of reference: 01.10.2022).

[2]Federal law of 31.12.2017 № 503-FZ «On amendments to the Federal Law «On Production Waste» // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: http://pravo.gov.ru/ (date of reference: 01.10.2022).

[3]Federal State Statistics Service : official website. - Moscow, 2022. - URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11194 (access date: 02.10.2022).

legislation we reviewed above provides for the need to conclude an agreement between the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation and regional operators. For example, as of January 1, 2019, in Zabaykalsky Krai, there was only one landfill that met all the requirements and standards. In fact, seven such facilities are needed, but the regional operator pointed out that there are no locations for appropriate landfills [4]. This situation is characteristic of most of the constituent territories of the Russian Federation.

Separately, we would like to consider the perception of Russian citizens of the problems associated with waste sorting. Some researchers note that the citizens have no desire to sort garbage and they have an alienated attitude to this problem. After analyzing the Levada Center survey [5], I came to the conclusion that this is far from being the case. For example, 73 percent of respondents would be ready to sort garbage if there were trash cans in their yards. Also, 34 percent of those surveyed regularly sort their trash. As we see all the initiatives of citizens face systemic problems, listed above, which should be addressed at the federal and regional level.

Having studied the statistics and the reasons for the current situation in the sphere of separate collection and recycling of solid municipal waste, we can suggest what measures can help to solve the existing problems. In my opinion, first of all it is necessary to solve the system problems. As already mentioned above, it is necessary to increase financing of environmental programs and tighten control over how these funds are used. Secondly, we can offer incentives for regional operators, such as tax breaks and tax vacations. Of course, an effective measure would be to build more waste recycling plants in order to significantly increase the percentage of recycling waste and reduce the negative impact on the environment.

I hope that work on solving environmental problems in our country will continue. Undoubtedly these are very difficult tasks and it is impossible to solve them in the near future, but we must not leave them unattended, because our future also depends on the ecological situation in our homeland.

Bibliography

1. Mayorova E.I.; OlimpievA.Yu. Legal requirements for solving the problem of waste in the Russian Federation // Vestnikekonomicheskogobezopasnosti 2020 [Bulletin of Economic Security 2020]. №3. C. 44-58 [Electronic resource]. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-trebovaniya-k-resheniyu-problemy-othodov-v-rossiyskoy-federatsii/viewer (date of accessed: 01.10.2022).

2. Shemeteva E.V. Some Problems of Solid Municipal Waste Management // National Association of Scientists. 2021. No.73 P.48-50 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-problematiki-obrascheniya-s-tverdymi-kommunalnymi-othodami (date of reference: 01.10.2022).

3. Yarmieva A.B. Solid municipal wastes: existing problems and ways of solving them // Voprosyrossiyskoyjuditsii. 2022. No. 5 P.593-608 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tverdye-kommunalnye-othody-suschestvuyuschie-problemy-i-puti-ih-resheniya/viewer (date of reference: 02.10.2022).

4. Kiel J.E.; Sinitsina V.A. «Garbage reform» in the Russian Federation: legal regulation and problems of implementation // VoprosyRossiyskoyJustitsii. 2019. No. 4 P.544-566 [Electronic resource]. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ musornaya-reforma-v-rossiyskoy-federatsii-pravovoe-regulirovanie-i-problemy-realizatsii/viewer (date of reference: 02.10.2022)

5. Dubina N.S. Legal and practical problems of handling solid municipal waste // Legal Bulletin. 2019. No.3 P.57-62 [Electronic resource]. // URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-prakticheskie-problemy-obrascheniya-s-tverdymi-kommunalnymi-othodami/viewer (date of reference: 02.10.2022)

УДК 342.84

REGARDING THE DIFFERENCES IN THE MECHANISM FOR ELECTING THE PRESIDENT BETWEEN THE FRG AND THE USA

Sajfutdinov Ruslan Ramilovich
Student of the Institute of Law, Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
Sajfutdinov_2014@mail.ru
Scientific adviser:
Khazieva Rushana Raufovna,
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law,
Ufa university of science and technology, PhD,
Ufa, Russia

In this article mechanisms of election of presidents of the United States of America and Federal Republic of Germany are considered. Having made analysis of electoral systems of two countries, the comparison with the Russian Federation was established. The purpose of research was to find distinctions between different from each other electoral systems of the USA and FRG. Firstly, the importance of the post of the president is traced, and secondly, who exactly and how elects to this position.

Key words: Russian state, USA, Germany, electoral system, institution of presidency, constitutional law.

The electoral system is an important factor in the political life of any country. The electoral system can have wide-ranging consequences, from a party split to the collapse of a country. There are many such cases in history. In 1970, for example, a bloody dictatorship was established in Chile precisely because of flaws in the electoral system [1, c. 467].

The study of electoral systems differs from many other aspects of political science in that it allows for quantitative modeling because the data (votes, seats) come in the form of numbers. The topic is therefore of great theoretical interest.

In this paper I want to describe what the electoral systems of three states are like. First, there is the United States, a country where democracy has flourished for many years and whose constitution has not been changed for several centuries. The second is Germany, a country which has made an extraordinary leap in its economic and political development since the Second World War. I would like to identify the shortcomings and strengths of each country's electoral system and find the similarities and differences between them.

The right to vote and the system of organization of elections (electoral system) is a necessary element of the exercise of the power of the people as a basic principle of statehood. It is due to the right to elect and the system of electing the persons who make the main decisions in the country that we have democracy as a mechanism of people's power. In a negative case, another regime of governing the country may lead to more negative consequences than democracy.

According to the normative legal acts of the Russian Federation the President is elected by direct, secret, universal suffrage. But at the same time it is interesting to look at the electoral processes for presidential elections in other countries such as the US and Germany.

So, the system of presidential elections in the states dates back to the late 18th century and still exists today. It is the so-called «electoral college», planned by the founding fathers of the US.

The idea of direct voting was abandoned on the grounds that citizens would vote from their home state because of a lack of information about other candidates. There was also the problem of property, educational qualifications, permanent resettlement (the problem of sedentarisation), voting rights for certain groups of citizens and access to polling stations.

Who are the electors? The Electoral College, established on September 6, 1787, is reflected in the 12th Amendment to the Constitution of the United States 1 and was conceived by the Founding Fathers as a compromise between elections through Congress or the people of the United States.

These are people who have a certain amount of experience, authority and who are trusted by the people of the state to represent their interests and to decide important issues. In particular, the question of the election of the president. And when we find out the outcome of the vote, what we are really learning is the opinion of the electors regarding the future winner.

The total number of electors is 538. They are determined by the states. The quota from each state is the number of seats in the House of Representatives and the Senate, which is added together. Each state has a different number of these seats. The number of electors from each state is calculated in accordance with this number of seats in the US Congress.

The electoral college meets on the first Monday after the second Wednesday in December after the presidential election. There is no general Electoral College meeting

[1] The Constitution of the United States of America (Translated from English by O. A. Zhidkov) / Edited by and with an introduction by O. A. Zhidkov // Progress, Universse, 1993.

of this number of 538. They meet in groups in each state and formally vote for one candidate or another [2, p. 128].

Then a protocol (or certificate) is drawn up, and this official paper is sent to Washington to the American Congress. Then a special committee sums it all up, and an official decision is made as to how the electors voted. In order to win the presidential election, 270 electoral votes must be obtained.

To sum up, I would like to say that the election system for President of the United States has its own characteristics, which ensure transparency and fairness of the election process.

Turning to the election of the Federal President, it is worth noting that it is regulated in Article 54 of the Basic Law1 (GG) and the details are laid down in the Law on the Election of the Federal President by the Federal Assembly2 (BPräsWahlG).

It is worth noting that the President of the Federal Republic of Germany is elected by the Federal Assembly. It consists of all members of the German Bundestag and an equal number of members elected by the parliaments of the federal states. The number of representatives that the individual states can send to the Federal Assembly is calculated in accordance with Section 2 of the Presidential Elections Act on the basis of their population and determined by the federal government by cabinet decision.

The Federal Assembly meets no later than thirty days before the end of the term of office of the Federal President, or no later than thirty days after this date in the event of early termination (section 54 (4) of the Basic Law).Once the place and time of the Federal Assembly and the number of delegates have been announced, the state parliaments elect state representatives. The seats in the Federal Assembly are distributed in proportion to the votes cast by the parliamentary groups in the state parliaments. Anyone who is eligible for election to the Bundestag can become a member of the Federal Assembly. The election of the Federal President is the sole task of the Federal Assembly.

The election process is as follows. The President of the German Bundestag convenes a session of the Federal Assembly. He is responsible for the preparation, conduct and follow-up of the assembly. If the Federal Assembly does not issue its own rules of procedure, the rules of procedure of the German Bundestag apply accordingly.

Any member of the Federal Assembly may propose candidates for the position of Federal President. The Federal President is elected by the Federal Assembly by secret ballot for a period of five years. Any German who is eligible to vote in the German Bundestag and has reached the age of forty at the time of election can be elected. In the election, a candidate must obtain an absolute majority in the first or second ballot of the Bundestag. If no candidate succeeds in doing so in two rounds, a relative majority in the third round is sufficient. The person elected must state within two days whether he or she agrees with the election. After acceptance, the President of the German Bundestag declares the Federal Assembly terminated.

---

[1] Basic Law of the Federal Republic of Germany, 23 May 1949 // Document archiv. 2011. P. 124.

[2] Gesetz über die Wahl des Bundespräsidenten durch die Bundesversammlung // documentarchiv 2016 P. 766.

To conclude, the above examples of presidential elections show the diversity of the electoral process in different countries. This makes it possible to make the system better and more convenient for the realities of a particular state.

Bibliography

1. Arbuzkin A. M. Constitutional law of foreign countries // Moscow: INFRA-M, 2021. 560 p.

2. Chirkin V. E. Constitutional law of foreign countries // Moscow: INFRA-M, 2021. 528 p.

УДК 340

PROBLEMS OF LEGAL DETERMINATION AND TRAFFIC OF NFT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sultanbekov Damir Rustemovich
Student of the Institute of Law, Ufa university of science and technology,
Ufa, Russia
Scientific adviser
Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of International Law and International Relations of the Institute of Law, Ufa university of science and technology, PhD,
Ufa, Russia
Gimadrislamova Olesya Ramilyevna,
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Institute of Law, Ufa university of science and technology, PhD,
Ufa, Russia

One of the urgent problems of modern civil law is the problem of integrating the normative regulation of new technological solutions, including digital ones. These include the NFT technology (non-fungible tokens). The purpose of this work is to analyze the problem of NFT regulation in the civil law of the Russian Federation. This study made it possible to identify the problem of determining the legal nature of non-fungible tokens, as well as the problem of their belonging to specific types of objects of civil law. Also in this study, a method for the regulatory consolidation of NFT is proposed.

Keywords: NFT; non-fungible tokens; objects of civil law; Web 3.0; blockchain; securities.

We live during the development of Web 3.0, that is, during the development of a new generation of the Internet, where the main emphasis is on artificial intelligence and blockchain. In recent decades, blockchain technology has become widespread around the world. Blockchain is a continuous chain of sections that store certain information. This technology is the basis of the first cryptocurrency «Bitcoin». Blockchain

is actively used in electronic voting. And now this technology has given rise to such a phenomenon as NFT, the so-called non-fungible tokens.

Some researchers criticize it, and some call it a breakthrough. This technology has given rise to many legal disputes (among which are questions of the appropriateness of using this technology), in particular in the field of civil law (for example, issues of inheritance, turnover and accounting).

Due to the special attention to this phenomenon, it is necessary to conduct a scientific and legal study of the issue of using NFT in the field of civil law.

Before coming to a legal analysis, it is necessary to understand the concept of non-fungible tokens. Hong Kong Polytechnic University professor Yanto Chandra defines NFT as a digital asset that has the form of a «smart contract», that is, a string of codes recorded in a decentralized ledger on a blockchain, and has the ability to be implemented through cryptographic currencies, such as Tezos, Ether, Solana [1].

Dominic Chalmers, Christian Fisch, Russell Matthews, William Quinn, and Jan Racker, in their joint work, presented a different definition of the concept of "NFT", as blockchain-based cryptographic assets that represent proof of ownership of digital objects [2].

In economics, the concepts of "interchangeability" and "non-interchangeability" are extremely similar to the concepts from civil law "a thing defined by generic characteristics" and "an individually defined thing", respectively. An individually defined thing is a concrete thing that has features that allow it to be distinguished from others, and things defined by generic features, on the contrary, do not allow this. That is, interchangeable units can be replaced by other similar units, but non-interchangeable units do not provide for this, since they have special features that make them unique.

The creators of non-fungible token technology are considered programmer Anil Dash and artist Kevin McCoy, and initially, in 2014, it was referred to as "monetized graphics". Initially, their technology involves protecting the copyright of the person who created the digital work of art [3]. Due to technological development, many artists do not draw on paper or canvas, but on a graphic tablet or other technical means. Because of this, it becomes difficult to distinguish between the original and the copy, since they are identical. Therefore, the author will not be able to sell the original of his work because of its digital nature, and not material. In this case, NFT technology, in theory, should help, that is, it allows you to enter data about the author (authors) or copyright holder (right holders), as well as data confirming the authenticity of the work, in the blockchain.

However, the main problem with non-fungible tokens is that, from a technical point of view, it is extremely difficult to put the object itself, on which the rights are verified, into the blockchain. Anil Dash pointed out that the prototype created by him and Kevin McCoy did not allow the image to be stored due to its volume and the limited information that can be recorded. As a result, the image itself was stored on the site, and a link to the image was indicated in the blockchain. As a result, there were cases of fraud on the part of one-day projects.

Despite the problem, the significance and potential of NFTs goes much deeper. Technology is not limited to the visual arts, or art in general. Potentially, it can secure a number of other rights, even those not related to intellectual property.

The boundaries of its application are very blurred, as a result of which there are problems with the legal regulation of this technology.

Due to its novelty and insufficient knowledge, the technology of non-fungible tokens has not received legislative consolidation. However, it is actively and widely used. Based on the concept of NFT as a mechanism for certifying intellectual property rights, questions arise regarding the determination of their place in the system of objects of civil law, and as a result, the related issues of accounting and turnover.

In accordance with Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CCRF), the category of objects of civil law includes:

- things (including cash and documentary securities) other property, including property rights (including non-cash funds, book-entry securities, digital rights);
- results of work and provision of services;
- protected results of intellectual activity and equivalent means of individualization (intellectual property);
- intangible benefits[1].

In general, based on this classification, non-fungible tokens can be attributed to both the first category (property rights) and the third (intellectual property). Based on this, there are two points of view on this issue.

In Russian legislation, there was an attempt to properly legalize and subsequently specify the concept of a non-fungible token, by amending Art. 1225 of the CCRF. This article establishes an exhaustive list of the results of intellectual activity and means of individualization equated to them, which are granted protection in accordance with the law. On May 19, 2022, draft law No. 126586-8 was submitted to the State Duma of the Russian Federation, which proposed supplementing the list of protected intellectual property by adding paragraph 17 with the concept of «a non-fungible token of a unique digital asset (image, video, or other digital content or asset) in the form non-fungible data stored in a distributed registry system (blockchain system)» [4].

The Government of the Russian Federation, in its official response dated August 30, 2022, to this bill indicated that it does not support it for a number of reasons. The Russian legislation does not contain the concepts of “token”, “blockchain system” and “digital asset” used in this draft law. The revocation also stated that the proposed interpretation of NFT is contrary to the creative nature of intellectual activity. The Government also referred to the fact that the proposed definition was not without ambiguity, which would make further enforcement difficult.

In this case, one cannot but agree with the Government's assertions. In general, the position on equating NFTs with intellectual property, in our opinion, is fundamentally wrong. A non-fungible token is not an image itself, a phonogram, a work of literature or another object of intellectual property, but a mechanism that allows certifying a person's right to a result.

The opinion of Emelyanov D.S. and Emelyanov I.S.is also interesting. In their study, they offer two ways to legalize NFTs. The first way is related to the recognition

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп. от 26.10.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации [Electronicresource]. URL: http://pravo.gov.ru/ (dateofrequest 01.10.2022).

of NFT as an independent asset with value, and its inclusion in the category of digital rights. The second way, which is preferred by the authors themselves, is associated with the creation of a new category of objects in civil law - a "digital thing", as well as the subsequent registration of all digital things in a special registry created on the blockchain [5, p. 75].

In our opinion, it is worth considering another option for legislative consolidation of the NFT as a non-documentary security.

Based on the purpose and application of NFT, as close as possible to them, from the objects of civil law, there will be property rights (uncertificated securities and digital rights), since they certify the right of a person to a certain object. The CCRF establishes the concept of a security in Article 142. Undocumented securities are obligations and other rights that are enshrined in the decision to issue or other act of the person who issued the securities in accordance with the requirements of the law, and the exercise and transfer of which is possible only in compliance with the rules for accounting for these rights.

If a non-fungible token is assigned the nature of a non-documentary security, then it (the security) will be non-issue, since it will not imply a serial issue, unlike issue ones. On the contrary, a security will be issued when it becomes necessary to transfer to someone an individual right to the result of intellectual activity or another digital object.

Next, we turn to Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, which provides a rather abstract definition of digital rights. The legislator defines a digital right as a right named as such in the law, the content and condition of the implementation of which must be carried out in accordance with the rules of the information system that meets the criteria established by law. This article refers to Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (hereinafter Federal Law No. 259). Part 2 of Article 1 of Federal Law No. 259 defines digital financial assets as digital rights, including, among other things, the possibility of exercising rights on issuance securities.[1] Our concept involves expanding the list of digital rights that are digital financial assets, with the wording "providing the possibility of exercising rights on issuable and non-issuable securities". Such a change will also solve the problem of accounting, since Part 2 of Article 1 also provides that accounting, issuance and circulation of such digital rights is possible only by making entries in an information system based on a distributed registry, as well as in other information systems. Thus, NFT will acquire a boundary value between a security and a digital right. If we draw an analogy with real estate, then the existence of such a mechanism for registering rights to real estate as the USRN greatly simplifies the circulation of the relevant real estate, as a result, the circulation of NFTs will become simpler and more systematized.

Thus, based on the essence of the work done, we can conclude that in Russian legislation here and now there is a problem of the lack of legal consolidation of the concept

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Electronicresource]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.01.2022).

of a non-fungible token (NFT), which significantly complicates their circulation due to the concomitant problem of NFT belonging to specific types of objects of civil law.

Based on the above, we can derive our definition of a non-fungible token:

A non-fungible token is a non-issue non-documentary registered security that has the features of a digital right, certifying that its owner owns certain rights (to digital intellectual property or other digital object).

It was also proposed to amend Federal Law No. 259, which together will simplify the circulation of non-fungible tokens, as well as allow keeping records of the relevant rights to an object certified by NFT.

It is also worth noting that the boundaries of the potential application of NFT technology are currently very blurred, and this, in turn, makes it difficult to determine the rights certified by non-fungible tokens.

Bibliography

1. Yanto Chandra, Non-fungible token-enabled entrepreneurship: A conceptual framework // Journal of Business Venturing Insights. Volume 18, 2022, e00323, ISSN 2352-6734 // ScienceDirect [Electronic resource]. URL: https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2022.e00323 (date of access: 01.10.2022).

2. Dominic Chalmers, Christian Fisch, Russell Matthews, William Quinn, Jan Recker, Beyond the bubble: Will NFTs and digital proof of ownership empower creative industry entrepreneurs? // Journal of Business Venturing Insights, Volume 17, 2022, e00309, ISSN 2352-6734 // ScienceDirect [Electronic resource]. URL: https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2022.e00309 (date of access: 01.10.2022).

3. Anil Dash, NFTs Weren't Supposed to End Like This // The Atlantic [Electronic resource]. URL: https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/04/nfts-werent-supposed-end-like/618488/. (date of access: 01.10.2022).

4. Система обеспечения законодательной деятельности // [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8 (дата обращения: 01.10.2022).

5. Емельянов Д.С., Емельянов И.С., Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в РФ. 2021. №10 (241). Р.71-76.

УДК 342.33

TO THE ISSUE OF SEPARATION OF POWERS AS BEING CENTRAL LEGAL STRUCTURE

Utyasheva Valeria Vadimovna
Student of the Institute of Law UUST,
Ufa, Russia
Utyasheva_03@mail.ru
Scientific adviser
Yusupova RozaliyaRimovna
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law of UUST, PhD,
Ufa, Russia

The article deals with the issues concerning one of the oldest principles of separation of powers. Its observance is the basis of any democratic state. Ensuring the international principle is necessary in order to save the comprehensive principle of Ancient Romewhich was the first interpretations of its later modernizations. The most important issue is the independence of all branches of state powers and their mutual coordination.

Keywords: separation of powers, judicial power, independence, interconnection, coordination.

The study of foreign countries experience in building their own statehood repeatedly comes to the conclusion about different models of the same phenomenaa.

The place and role of the doctrine of power division cannot be overestimated in the life of society, they are predetermined by its special ability to serve as a means of streamlining social, economic, and political relations harmonizing the work of bodies and structures of the state apparatus, coordinating interaction not only of all higher state authorities but also regional bodies in unitary states and bodies of subjects of the federation in federal states.

At the same time, the separation of powers also serves as a civilized way to resolve conflicts that are inevitable due to human nature and the different needs of classes and groupsand also is an example of a reasonable unification and differentiation of powers, competencies, rights and obligations of the state, especially relevant in large (geographically) and complex (federal, union) states. The scope of this work does not allow us to fully disclose all the approaches, advantages and disadvantages of such an extensive category as the separation of powers that is why it is worth identifying and revealing the main, basic and essential components of the concept, such as the history of origin, the theoretical aspect and the practical component of the Russian and foreign state experience in the application of separation of powers.

«The model of the organization of political power that was proposed by Montesquieu», writes A. N. Medushevsky, «has withstood the test of time and remains the

core of every democratic political system. Regardless of the form of government (presidential or parliamentary republic), the principle of separation of powers is a guarantee of political freedom of society [1, p. 57]».

Roman lawyers argued: «It is fitting for a judge to create a court, not to create a right» («Iudicisestiusdicere, non dare»).At first glance this concept is a prototype of the separation of powers. Each State body has its own powers regulated by law which must be carried out in accordance with the direct functions of this institution. According to ancient Greek lawyers, it is impossible to allow the unification of judicial and legislative functions in one person. The court should deal with justice, and the competent authorities should be responsible for lawmaking.

The tendency to the separation of powers was still possessed by the philosophers of antiquity, in particular Aristotle in the work «Politics». He noted: «In every state structure there are three of these main parts; a sensible legislator must reckon with them, extracting benefits from them for each of the types of state structure. These are the three parts: the first is the legislative body considering the affairs of the state, the second is the posts, and the third is the judicial bodies». It was believed that the state of the state also depends on a clear delineation of the powers of these parts. However, the genesis of the theory of separation of powers falls on the XVII century. Firstly John Locke, and then Charles Louis de Montesquieu proposed full-fledged concepts worthy analogues of which still do not exist. This concept has become familiar to the state system in many countries. Note that Montesquieu focused on the necessary isolation of the court from the legislative process: «There will be no freedom even if the judicial power is not separated from the legislative and executive power. If it is connected with the legislative power, then the life and freedom of citizens will be at the mercy of arbitrariness, because the judge will be the legislator». Consequently, the seizure of power of two or more branches can lead to the restriction of the rights and freedoms of an individual which are the highest value in a State governed by the rule of law and cannot be subjected to oppression [2, p. 54].

Despite the fact that this principle has become widespread, in some states, according to scientistsit is not observed. In particular, in the countries of the Anglo-Saxon legal familythe courts are engaged in rulemaking. In States of this type judicial precedents are of great importance which are court decisions on specific cases that become binding on judicial authorities of the same instance and lower in cases with similar legal circumstances. Thus, the precedents become binding and are applied in further proceedings. They actually become norms of law. A striking example is the precedent known as the «Miranda rule». in 1963[1], the US Supreme Court issued a decision, according to which, as a result, it obliged law enforcement agencies to inform about their procedural rights when detaining a person: the right to a defender, the right to silence, the right not to testify against themselves. This rule of law has become not only mandatory in the United States, but has also been borrowed by other countries. In particular, these provisions have become part of the Russian criminal procedure system, and have also been consolidated at the level of the Constitution.

[1] Miranda v. State of Arizona; Westover v. United States; Vignera v. State of New York; State of California v. Stewar.

However, there has never been a period in the history of the United States when precedent occupied a dominant position in the hierarchy of sources of law. As in the countries of Romano-Germanic law, the «top» of the legal system has always been the Constitution. Moreover, the US Constitutional Court has long recognized a special provision of the Constitution, which has a dominant position both in general and in statutory law. The Constitution is not only the basic law of the country but also a direct reflection of the «social contract» of the state and citizens. Thus, in the Anglo-Saxon legal system, the precedent is «lower» in relation to federal laws. Undoubtedly, the judicial body must administer justice, resolve issues of delimitation of jurisdiction and, if necessary, apply measures of State coercion to persons who have violated the rule of law established by the laws of the State. The court cannot be related to the law-making process, it should not relate to the legislative branch of government since in this case the usurpation of power in one hand may occur and lead to decisions against the interests of citizens. It is unacceptable to merge the functions of a legislator and a judge but it is also impossible to build «iron walls» between state bodies preventing the slightest penetration into each other's power space. To ensure proper functioning, it is necessary to specifically regulate the relationship between the branches of government: on the one hand, to ensure their independence and independence, excluding the slightest possibility of subordination of one subject to another, and on the other hand, to maintain an open «dialogue» to identify legal problems and solve them.

M.N. Marchenko speaking about the role of precedent in the Romano-Germanic systemnoted the following: «It is necessary to pay attention first of all to the historically developed in the countries of Romano-Germanic law, very contradictory traditions and customs that allowed in some countries a fairly wide use of precedent as a source of law along with other sources of law, and in others – on the contrary, they prohibited their use» [3, p. 343].

In the Russian Federation, precedent is not officially recognized as a source of law. However, the role of the supreme courts in the Russian Federation in terms of lawmaking is not fully limited. The Supreme Court and the Constitutional Court have the right of legislative initiative on issues of their introduction (Part 1 of Article 104 of the Constitution of the Russian Federation)[1], the Supreme Court develops proposals for improving legislation on issues of its jurisdiction[2].

However, it is worth noting that bills introduced on the initiative of the courts are rarely adopted. For example, for the second time the Supreme Court is trying to achieve changes in the Criminal Code by introducing a new institution of criminal offenses, according to which, in order to humanize a person who has committed a minor crime for the first time, whose sanction does not provide for punishment in the form of imprisonment, it is proposed to introduce a category of offenses. The prototype of this

[1]The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of Legal Information [Electronic resource]. URL:http://pravo.gov.ru/ (date of access: 07.10.2022).

[2] Federal Constitutional Law No. 3-ARP dated 05.02.2014 (as amended on 02.08.2019) «On the Supreme Court of the Russian Federation» Collection of Legislation of the Russian Federation dated February 10, 2014 No. 6// Official Internet portal of Legal Information [Electronic resource]. URL:http://pravo.gov.ru/ (date of access: 07.10.2022).

bill was rejected back in 2017, but in 2020 the bill was introduced again, the results of consideration are still unknown[1].

Thus, we see that the court indirectly has the opportunity to «create a right», but this is preceded by a long legislative process, since only in the case of subsequent approval as a representative body, this law can adopt the status of a legally formalized regulatory legal act and change the legislation.

Another important manifestation of the active participation of the courts is the innovation of 2020. In the Russian Federationthe judicial authorities did not directly participate in the legislative process before the adoption of amendments to the constitution. Now, according to clause «a» of Part 5.1 of Article 125 of the Constitution of the Russian Federation the right of the President to redirect the federal law to the Constitutional Court with a request to verify the constitutionality of its provisions is enshrined. Here appears the power of the Constitutional Court to influence the outcome of the adoption or non-adoption of laws. Earlier the Constitutional Court had the right to check for compliance with the Constitution only the entered normative legal acts.

Thus, we see how the powers of the court are expanding. The decisions of the plenum and judicial practice, which explain the application of legal norms and help to consider the effectiveness of law enforcement in practiceare of integral importance. It is they who ensure the uniform application of legislation in various subjects. S.V. Narutto correctly noted this role: «Judicial practice helps to overcome legal uncertainty, correct defects in legislation in order to respect human rights and freedoms, but this does not contribute to the authority of the legislator and the law [4]». But it is worth noting that it has only an introductory and advisory nature. And the question of the legal force of the resolution of the plenum is still debatable in the legal field.

Thus, the role of the courts should be limited to the administration of justice in a broad sense, but it is absolutely impossible to put strict restrictions and prevent the courts from reaching the legislature. Courts are daily confronted with the application of the norms of law in society so they are able to make a huge contribution to the legal system so it is worth paying special attention to judicial practice and its development.

Bibliography

1. Medushevsky A.N. The idea of separation of powers: history and modernity / A. N. Medushevsky // Sociological Journal. 1994. No. 1. pp. 53-69.

2. Sh. Montesquieu's Treatise «On the Spirit of laws» p. 54 [Электронныйресурс].URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf (date of application)

[1] Draft Law No. 612292-7 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation Of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection withthe introduction of the concept of criminal misconduct». // [Electronic resource] https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7?ysclid=l9vqne58np822101518 (date of access: 07.10.2022).

3. Marchenko M. N. Comparative Jurisprudence. The general part. Moscow: Publishing House «Mirror», 2001. 560 p.
4. The certainty of legislation as a guarantee of human and civil rights and freedoms in the Constitutional and judicial doctrine (S.V.Narutto) // Lex russica, 2018, № 10.

УДК 342.4

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN RUSSIA

Yuldasheva Alina Ildarovna
student of the UUNiT Institute of Law, Ufa, Russia
Scientific supervisor
Yusupova Rosalia Rimovna
Professor of the Department of International Law
of the UUNIT Institute of Law,
Ufa , Russia

This article examines the development and creation of the Russian Prosecutor's Office in stages. The study of the historical aspects of this body helps to increase its efficiency of functioning. It also helps to understand its purpose and place in the system of state bodies. Also, any features of the change in the functions of the prosecutor's office, which largely depended on the change in the form of government, are considered and analyzed.

Keywords: prosecutor's supervision, state, Prosecutor's Office of the Russian Federation, development and formation of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The Russian prosecutor's office was created during the reign of Tsar Peter I. He established this body back in 1722. Yaguzhinsky P.I. became the first Prosecutor General of the Senate. problems not regulated by the norms were thus endowed with the function of lawmaking. It should be added that they controlled the interests of the treasury, and the places of detention of prisoners. The prosecutor could challenge the illegal decisions of state bodies and make proposals for their elimination.

At the first moments of the appearance of this body, the main function was to control the activities of the institutions where they were then. The Attorney General exercised, as it were, supervision over the Senate, which amounted to a reminder of the legal performance of functions and duties within the limits of his authority. It is also quite important that the prosecutors performed their role directly in the interests of the state authorities, while the rest, for example, the fiscal authorities, performed activities in the interests of the governors.

During the reign of Anna Ioannovna, prosecutorial activity ceased to function and was restored in a new way only thanks to Elizaveta Petrovna, since she herself initially sought to continue her father's political activities. So, the prosecutor's office was resumed under the decree of Peter the Great. Additional powers are transferred to this activity in the process of supervising the adoption or amendment of laws or decrees, thereby increasing the efficiency of the prosecutor's office as a whole.Further, during the time of Catherine I , prosecutorial supervision was finally formed precisely as a supervisory authority. The Empress publishes the «Institution on the provinces», which defines the powers and tasks of the procurators of the provinces. It is important to touch on what exactly were the tasks:

-Supervision of legality in the activities of local authorities

-Support for the integrity of state power,

-Control of fees from the people,

- Elimination of bribes,

-Checking the legality of court decisions.

In the courts, prosecutors retained the interests of more than the helpless: the homeless, the deaf, and minors [1].

During the reign of Paul I, the activities of the prosecutorial body were significantly weakened. Seats are shrinking in states and in places and centers. Nevertheless, the prosecutor's office remains an active body.

In 1802, ministries of justice arose, where the powers of the prosecutor were transferred to the minister, although before that it was independent. Thus, the Attorney General exhausted his status as the main person after the emperor. Prosecutors and solicitors were appointed for «close supervision of the proceedings» in the Senate, in the courts, in provincial and district places. The prosecutor could require for his consideration of genuine cases of government offices and enter at any time the government offices of the provinces, but he could not be present during the adoption of decisions.

The State Council adopted the “Regulations on the Prosecutor's Office” in 1862, which fixed the appointment of this body, its definition, namely, monitoring the uniform implementation of laws in the country.

In the first half of the XIX century. The areas of activity of the prosecutor's office in the empire differed: the judicial nature passed to the chief prosecutor's supervision, and the local one had local significance and owned many administrative elements, which caused the bureaucratization of the prosecutor's office and its merger with the administrative bodies of the Russian Empire.

With the accession to the throne of Alexander II, his fundamental reforms did not bypass the prosecutor's office. In 1864, a judicial charter was adopted, in which the prosecutor's office from a supervisory body becomes a body of criminal prosecution. It is important to note that the prosecutor was entrusted with the duty of a police inquiry, that is, he had to conduct a check on the legal conduct of the preliminary investigation. Therefore, according to the statute of criminal proceedings, prosecutors could stay during investigative actions, give instructions to the investigator, and ask for additional investigations. After such investigations, the prosecutor issued an indictment.

No body had the right to control the prosecutor's office, not even the courts. On the contrary, the prosecutor controlled the observance of the rules by the courts, took

part in the consideration of cases of judicial workers and protested illegal decisions on them, and he sent references to judges to the Minister of Justice. Prosecutors were full participants in trials. If illegal or unreasonable decisions of the courts appeared, they could bring cassation and appeal orders review of the case, also controlled the execution of sentences. And when considering civil cases, the prosecutor's office performed only a law-protective function [2].

In the second half of the XIX century. the status of the prosecutor's office is changing, criminal prosecution is becoming an important area of activity, the supervision of public administration, namely its implementation of laws, is almost excluded from the activities of the prosecutor's office. In this form and with such functions, the activities of the prosecutor's office lasted until 1917 and passed to the time of the Great October Socialist Revolution.

May 28, 1922 – A new Russian prosecutor's office is being built. III session of the All-Russian Central Executive Committee approves the «Regulations on Prosecutorial Supervision». In this provision, the prosecutor's office was entrusted with the following functions: supervision over the legality of the actions of all authorities and society as a whole, protesting illegal decisions, maintaining state charges in court, as well as monitoring the correctness of the detention of prisoners, and so on. At the head of the prosecutor's office was the prosecutor of the Republic on the basis of the Regulations, he was also the People's Commissar of Justice, he carried out the appointment and dismissal of the prosecutor.

This provision contributed to the establishment of the military prosecutor's office, which has already been entrusted with the exercise of prosecutorial powers in relation to military institutions and officials in this area. It is important to note that not all issues of the organization and activities of the prosecutor's office were regulated by the regulation on prosecutorial supervision of 1922.There were no norms in it that would have been able to determine the features of the organization of the military prosecutor's office, its activities, functions and tasks. But these issues are fixed in special regulations.

An important feature of the development of legislation on prosecutorial supervision was that for quite a long time the functions of the prosecutor's office were regulated by legislation on the judiciary. Thus, the prosecutor's office becomes a centralized organization.

During the Great Patriotic War, all the activities of the prosecutor's office were redirected to the fight against the German invaders. The prosecutor's office ensures the implementation of important tasks that appeared during martial law. In order to increase the prestige and authority of the prosecutor's office in solving the problems of state and economic construction, the Supreme Soviet of the USSR in 1946 assigns the name Prosecutor General of the USSR to the prosecutor of the USSR.

In the post-war period, it is important to note the contribution of the prosecutor's office to the process of rehabilitating citizens who were illegally and unreasonably repressed during the period of the personality cult. This task required the expansion of the powers of the judiciary and the strengthening of the activities of prosecutors. Also, after the end of the war, new problems arise in the restoration of the national economy of the country, efforts are directed to the resumption of the economy. To ensure the rule of law in this area, the activities of the prosecutor's office had to be restructured.

Thus, thanks to the Decree of the Presidium of the Supreme Council of 1955, the provisions on prosecutorial supervision in the USSR quite expanded the powers of the prosecutor's office. Legislation has fixed the main provisions on the tasks and methods of its implementation.

In our country in the 1980s. 20 in the concept of the rule of law appears, thanks to the judicial and legal reform. There are branches of power, one of them is the judiciary, which led to a review of the interaction between the court and the prosecutor's office in the field of criminal justice. The prosecutor lost the competence to supervise the implementation of laws during the consideration of criminal cases by the court. This innovation provoked controversy. Supporters of maintaining prosecutorial supervision over the court have constantly argued that the prosecutor is a representative of the highest supervisory body, so he should not be placed «above» the court, it is within his competence to defend a wider range of interests.

In 1991, the Concept of Judicial Reform decided to propose a redistribution of supervisory powers in favor of the judge. Thus, judicial control over the activities of the prosecutor's office was created.

December 12, 1993 The Constitution of the Russian Federation is adopted, which establishes the provision that the Prosecutor's Office of the Russian Federation is a single centralized system. Subordinate prosecutors must be subordinate to their superiors and the Prosecutor General of the Russian Federation. The procedure for appointment and dismissal of the General and other prosecutors has been fixed. The law defined important elements of activity and powers of prosecutors .

The Law was constantly amended, but the status of the prosecutor's office as a single centralized system was not in doubt. Thus, a new «mixed» form was formed, which supervised the implementation of laws and criminal prosecution. According to this Constitution, the prosecutor's office does not belong to the bodies of legislative, executive or judicial power, but is endowed with a separate status in the system of separation and interaction of powers.

In 2001, the first edition of the Code of Criminal Procedure appears, which provides the prosecutor's office with fairly extensive powers in the implementation of criminal prosecution, for example, the prosecutor became the body of criminal prosecution, now he had the right to consent to the initiation of a criminal case, could participate in the judicial resolution of issues of choosing preventive measures and so on. Further, changes in this legislation changed the nature of supervision in this area: prosecutorial supervision began to be limited only to procedural activities and carried out only by procedural means, which are provided for in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Thus, in fact, there was a merger of the supervisory activities of the prosecutor at the pre-trial stages of criminal proceedings with criminal prosecution.

On February 5, 2014, the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 2-FKZ «On the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Russian Federation» was adopted, and Chapter 7 of the Constitution of the Russian Federation received a new name - «Judicial Power and Prosecutor's Office». The wording of this chapter, one might say, does not make it possible to equate the judiciary and the prosecutor's office. According to No. 2-FKZ dated 05.02.2014 “On the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor’s Office

of the Russian Federation", the powers of the President of the Russian Federation to appoint the heads of prosecutorial bodies were rather expanded. After the adoption of this FKZ, the Federation Council played an important role in the appointment and dismissal of the Prosecutor General. Prosecutors of the subjects of the Russian Federation were appointed by the President of the Russian Federation on the proposal of the Prosecutor General of the Russian Federation, agreed with the subjects of the Russian Federation. Prosecutors of cities and districts were appointed and dismissed by the Prosecutor General of the Russian Federation.

Based on the foregoing, we can say that the Russian prosecutor's office functioned in all historical forms of organizing prosecutorial activities that are known to us. Different types of organization changed one after another - fiscal-supervisory, judicial-magistracy, purely supervisory and mixed. Thus, the legislation that is currently in force establishes a multifunctional model of modern prosecutorial activity [3].

Bibliography

1. Abdulin R. S. Prosecutor's supervision in the Russian Federation: textbook / R. S. Abdulin. – 4th ed., reprint. and additional. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2021. 266 p.

2. Vinokurov Yu.E. et al., M.: Higher education, Textbook Prosecutor's supervision, 2005. 460 p.

3. Kolykhalov D. V. History of the Russian Prosecutor's Office. 2018. 650 p .

УДК 341

JUDICIAL PRECEDENT AS A SOURCE OF LAW

YAKUPOV Danil Denisovich,
a 2nd year student of Institute of law of
Ufa University of Science and Technology
Scientific adviser
Khazieva Rushana Raufovna
Associate Professor of the Department of International Law
and International Relations of the Institute of Law,
Ufa university of science and technology, PhD,
Ufa, Russia

In the science of the theory of state and law, the problem of judicial precedent occupies one of the central places and is the object of study of many scientists. The relevance of her research is due to the radically changing attitude to the judicial precedent in the domestic legal doctrine in the direction of recognizing it as a source of Russian law.

Key words: precedent, law, historty, source of law, justice

In the science of the theory of state and law, the problem of judicial precedent occupies one of the central places and is the object of study of many scientists. The relevance of her research is due to the radically changing attitude to the judicial precedent in the domestic legal doctrine in the direction of recognizing it as a source of Russian law.

Officially, judicial precedent is not a source of law in Russia, since it is believed that the judiciary should perform law enforcement functions, and not create law, however, nowadays courts are advised to observe the uniformity of judicial practice when resolving cases, that is, focus on decisions in similar cases.

Thus, Article 391.9 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation states that court decisions are subject to cancellation or change if, when considering a case by way of supervision, the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation establishes that the relevant appealed judicial decision violates uniformity in the interpretation and application of the norms of law by the courts.

Thus, the judicial precedent began (as it was intended) to eliminate the contradictions between the current legislation and the development of social relations.

Judicial precedent is the oldest source of law. Having historically taken a central place in the Anglo-Saxon legal family, case law has developed in England, in connection with which case law is traditionally defined as the law that consists of rules and principles created and adopted by English judges in the process of enforcing judicial decisions.

In certain areas of Great Britain, in Wales and England, common law was created by judicial decisions. During its formation, there was no unified system of law in the country, but there were only local customs, acts that regulated certain aspects of social life.

What circumstances led to the fact that the courts themselves began to form the common law in England? An analysis of the initial stage of the genesis of common law opens up the possibility for us to determine this.

During the consideration of disputes, royal judges turned to countless local customs that existed in England at that time. These customs, having undergone certain changes, were transformed into a new system of common law.

Doctor of Law Bogdanovskaya Irina Yuryevna writes: «Initially, common law was formed as the right of lawyers due to the fact that the main, very important role in the creation and formation of judicial precedent was played by the Royal Courts, in which justice was administered by professional lawyers – doctors of law.»

By the end of the twelfth century, the royal courts had exclusive jurisdiction over serious crimes.

At the end of the twelfth century, several types of courts directly operated in England, in which various laws were applied: customary law was applied in the local court, disputes were resolved on the basis of canon law in the church court, merchant law was applied in the city court. There were also a baron's court and a royal court.

The number of courts in which the common law was applied grew, and they gradually began to crowd out the local courts, and later the latter actually completely ceased to function.

Absolutely all common law courts have jurisdiction from the king himself, since the king has always been the source of justice. In the Middle Ages, the functions of the executive, legislative and judicial powers were carried out directly by the king in his Council. The royal courts strove for independence in adjudicating disputes and, in the end, they managed to acquire jurisdiction independent of the king.

The Court of General Claims consisted of permanent judges - professional lawyers who were appointed from lawyers of the highest rank (doctors of law) and who had the exclusive right to speak in this court. Such persons occupied a leading place among the representatives of their profession.

Up to the fourteenth century, custom prevailed over all other sources of law in England. In the court of general litigation, the accused could declare that the common law could not be applied to him, since the case under consideration was based on the custom of a particular village, city or settlement. Judicial precedent began to supplant legal customs only in the second half of the 14th century.

The English jurist, Emeritus Professor at the University of London, Edward Jencks, in his scientific work on English law, writes: «It is impossible to determine exactly how the common law came about. It came about in a way that cannot be precisely determined; the king's judges, meeting between their tours in London to hear cases in the centralized royal courts and Westminster, came to an agreement on the need to merge the various local customs into a common or single law that could be applied throughout the country».

In the process of considering litigation, judges have always sought to follow their previous decisions. This is what distinguished the English judges from the Roman ones: the first turned to previous court decisions.

In order to analyze and study the prevailing judicial practice in 1282, to help judges, yearbooks began to be issued, which later became the prototype, the prototype of court reports.

Substantive common law and process were very much bound together by numerous formalities and restrictions in those days. The shortcomings that existed were that the common law doctrines were rather rigid, and also that the remedies that were applied in the common law courts were clearly incomplete. The main and main drawback in the courts of common law was that substantive law depended directly on the process.

In contrast to common law, the law of equity developed.

In this regard, the professional lawyer of Great Britain Ronald Walker notes: «Lawmaking - the main modern engine of reform – was not used in the Middle Ages, therefore, another means was required to amend the common law. This led to the development of the second main source of English law – the law of equity.»

Walker notes that from the very beginning of its existence, the common law has been unable to provide itself with effective remedies against its own inherent limitations. This inevitably led to numerous injustices in the judicial process. Dissatisfied parties often turned to the king for help, who for some time himself allowed the petitions of litigants in the Council. However, in the future, the king transferred this responsibility to his chief minister – the chancellor in view of the ever-increasing number of petitions from dissatisfied parties. In 1474, the very first written order was written

on behalf of the chancellor himself, at the same time the Chancellor's Court was created, which, like the courts of common law, did not depend on either the Council or the king.

The chancellor's court was the chief court of justice. The jurisdiction of this court was to hear the petitions of litigants who were denied relief or who were given an unfair common law order.

Obviously, the development of the law of justice was inextricably linked with the office of chancellor and his court. It was they who had a real opportunity to create new rights and remedies, if justice really required it.

In the Middle Ages, the jurisprudence that had been established by the courts of common law began to experience fierce competition from the law of equity, canon law. Despite this, she still continued to develop and make a significant contribution to the formation and development of English law.

In the 19th century, the principle of precedent was fully recognized. Aparova Tamara Vadimovna, candidate of legal sciences, the author of the dissertation on the topic «Precedent in English law (historical and legal research)» notes: «The history of the English precedent in the middle of the 19th century logically ended with the period of its highest authority, the principle of binding judicial precedents reaches the level of absolute binding of judges by decisions (sentences) of their predecessors for the authenticity of the application of the law».

The judicial reform of 1873-1875 and all subsequent reforms of the judicial system, thanks to which «the differences between the common law and the law of justice were actually smoothed out», contributed to the further establishment and consolidation of the principle of precedent in English law. As a result of these reforms, a developed system of courts was created, higher courts were identified, which created judicial precedents with their decisions. «The deep development of case law went hand in hand with the development of the judiciary as a whole» [1].

In general, the judicial system of England was a structure of lower and higher courts, which includes: magistrates' courts, county courts, and the Supreme Court. The latter directly forms the system of higher courts. It includes the Court of the Crown, the High Court, the Court of Appeal, the Judicial Committee of the Privy Council. The apex of the judicial system is the House of Lords.

Such a strictly centralized system of courts in England contributed to the creation and strengthening of conditions for the operation and development of the principle of precedent, strengthening the obligation of lower courts to follow the decisions of higher ones.

The strengthening of judicial precedent in England naturally led to an urgent need to more clearly establish regular publication of judicial reports. In order to realize this, in the year 1865, the Incorporated Court Records Board was created in England. This body was responsible for publishing the most authoritative collections of judicial precedents.

Thus, we can accurately conclude that a number of necessary conditions contributed to the formation and development of judicial precedent, «which were inherent only in this source of law», namely: firstly, the separation of the judiciary from the legislative and executive; secondly, gaining independence; thirdly, the presence of a

high level of qualification of judges; fourthly, the creation of centralized judicial bodies; fifthly, establishing the publication of court reports.

Biblyography:

1. Апарова Т.В. Прецедент в английском праве: (историко-юридическое исследование): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Млсква, 1968. 27 с.

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
XIX Международной научно-практической конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых
(г. Уфа, 30 ноября–2 декабря 2022 г.)

Используемое программное обеспечение:
Adobe Acrobat Reader DC

Подписано к использованию 30.11.2022 г.
Объем издания 5,0 Мб
Тираж 200 CD-R. Рег. № 6

Научно-исследовательский институт
проблем правового государства